

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ им. С. И. ВАВИЛОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**ДЕЯТЕЛИ
РУССКОЙ НАУКИ
XIX–XX веков**

Выпуск четвертый

Нестор-История
Санкт-Петербург
2008

УДК 001(47+57)(09)
ББК 72.3(2)

Деятели русской науки XIX–XX веков. Выпуск четвертый.
СПб. : Нестор-История, 2008. — 784 с., ил.

ISBN 978-59818-7263-1

Сборник «Деятели русской науки XIX–XX веков» представлен в жанре исторических очерков, посвященных научной, научно-организационной и общественной деятельности отечественных ученых двух прошлых столетий. Статьи подготовлены на основе печатных и архивных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Открывают сборник статьи и воспоминания, посвященные жизни и деятельности известного петербургского архивиста, историка, филолога, доктора исторических наук Михаила Шмильевича Файнштейна. Далее следуют уже традиционные рубрики издания: «История науки и техники», «История исторической науки», «Публикации» и «Люди и судьбы». Такое деление на разделы сборника уже апробировано в предыдущих выпусках (Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 1–2. СПб., 2000; Русская наука в биографических очерках (серия «Деятели русской науки»). Вып. 3. СПб., 2003). Четвертый выпуск по составу авторов выходит на новый — международный — уровень. В сборнике представлены работы исследователей из Германии, Бельгии и Польши. Отечественные авторы статей являются представителями широкого круга научных и учебных заведений Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургского государственного университета, Музея антропологии и этнографии РАН, Пушкинского Дома, Санкт-Петербургского государственного политехнического университета и др.), а также научных учреждений Москвы, Саратова, Петрозаводска и других городов.

Ответственные редакторы: *Э. И. Колчинский, В. Н. Плешков*

Редакционная коллегия: *Р. Ш. Ганелин, М. Б. Конашев,
И. П. Медведев, А. Н. Цамутали, Т. И. Юсупова*

Редакторы-составители: *Т. В. Андреева, М. Ф. Хартанович*

В подготовке издания принимала участие *Н. Л. Корсакова*

- © Т. В. Андреева, составление, 2008
- © М. Ф. Хартанович, составление, 2008
- © Санкт-Петербургский Институт истории РАН, 2008
- © Санкт-Петербургский филиал ИИЕТ РАН, 2008
- © Издательство «Нестор-История», 2008

**ПАМЯТИ
МИХАИЛА ШМИЛЬЕВИЧА
ФАЙНШТЕЙНА**

М. Ф. Хартанович

Памяти ученого

Михаил Шмильевич Файнштейн (03.05.1948, Ленинград — 20.09.2003, Санкт-Петербург) — историк науки, культуры и литературы России и Латинской Америки, доктор исторических наук (2002), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук.

До службы в армии Михаил Шмильевич не успел поступить в Ленинградский государственный университет, а когда вернулся из армии, приемные экзамены на дневное отделение уже закончились. Документы принимали только на вечернее отделение. Михаил мечтал поступить на отделение португальского языка, так как со школьной скамьи увлекался Латинской Америкой, историей испанской Конкисты, судьбой индейцев майя, инков, ацтеков и т. д. Португальский язык можно было изучать только на дневном отделении. Михаилу ничего не оставалось, как подать заявление на отделение русского языка и литературы. На испанском языке Михаил уже хорошо говорил, потому что изучал его в Клубе интернациональной дружбы Дворца пионеров. Таким образом, сложились многоплановые научные интересы ученого. Он увлеченно работал как в области истории Латинской Америки, так и в области истории отечественной науки и культуры.

Деятельность Российской Академии представляет собой замечательную страницу в истории отечественной культуры

и науки. В Российской Академии были подготовлены словари русского языка, оказавшие огромное влияние на развитие языка и грамматики, издавались труды российских ученых и переводы работ зарубежных авторов, повлиявших на развитие российского литературоведения, истории, языкознания. М. Ш. Файнштейн всю свою жизнь посвятил истории русской литературы, исследованию истории Российской Академии — одного из главных научных центров России конца XVIII — первой трети XIX в. Большое внимание ученый уделял изучению жизни и деятельности и ученых-филологов данного периода, и организаторов науки: Е. Р. Дашковой, А. А. Нартова, А. С. Шишкова и др.

Итогом этого исследования стали защиты М. Ф. Файнштейном в 1982 г. в Институте русского языка и литературы АН СССР (Пушкинском Доме) кандидатской диссертации по теме: «Проблемы словопроизводного словаря русского языка в трудах Российской Академии (1810–40-е гг.)» и в 2002 г. — докторской диссертации «Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII — первой половине XIX в.» в Институте истории РАН. На базе диссертации вышла книга «И славу Франции в России превзойти... Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук» (М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2002).

Также многие работы М. Ш. Файнштейна посвящены проблемам изучения Латинской Америки русскими учеными. М. Файнштейн ввел в научный оборот ряд документов о жизни и деятельности Симона Боливара, малоизученных или вообще неизвестных (Новые материалы Г. Г. Манизера по экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг. // Проблемы исследования Америки в XIX–XX вв. Л.: АН СССР; ГО СССР, 1974. С. 73–74; Конкистадоры в Петербурге // В мире книг. 1975. № 2. С. 80; К 50-летию первой советской экспедиции в Латинскую Америку (1925–1928) // Латинская Америка / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1975. № 5. С. 134–142; Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа // Известия ВГО. 1975. Т. 107. Вып. 6. С. 552–553 и др.).

В 2002 году вышел каталог «Нидерландика» («Neerlandica») — каталог документов, хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН¹. В 2003 году здоровье Михаила Шмилье-

вича становилось все хуже и хуже, пришлось сделать операцию, и автор библиографии «*Neerlandica*» Эммануэль Вагеманс решил оставить вечный памятник уважения к М. Ш. Файнштейну — как ученому, как коллеге и как человеку, посвятив русско-нидерландскую библиографию именно ему².

В том же 2002 г. профессор Э. Вагеманс обращался к коллегам — в России, в Бельгии и Голландии — с призывом написать статью о судьбе голландцев в России; М. Файнштейн откликнулся и подготовил статью о первой женщине Голландии, которая занималась славистикой. Анна Круазе ван дер Коп еще до Первой мировой войны часто бывала в России, знала многих передовых российских ученых и много писала о русской и славянской литературе. Интересная и богатая судьба редкой ученой женщины того времени, когда во многих странах доступ в университет был закрыт для женщин. Михаил Шмильевич написал интересный и живой очерк о жизни и научной деятельности этой замечательной голландской славистки, целиком основанный на документах из его же архива. Статья сначала вышла в голландском сборнике, который Э. Вагеманс с профессором Ван Конингсбрюгге опубликовали по поводу 300-летия Санкт-Петербурга, а затем и в русском издании в том же году³. Это была последняя работа М. Ш. Файнштейна.

Михаил Шмильевич ушел рано из жизни, слишком рано. Остались планы, мечты о новых интересных работах, остались родные и друзья, которые помнят о нем как о человеке необыкновенных благородных душевных качеств, столь редких сегодня.

---

¹ Of Science and Scientists. *Neerlandica* in the Archive of the Academy of Sciences St. Petersburg. SPb.; Groningen, 2002.

² *Waagemans E., Willemsen C.* Bibliografie van Russische literatuur in Nederlandse vertaling / Библиография русской литературы в нидерландском переводе 1789–1985. Leuven: Universitaire Pers Leuven, 1991.

³ *Michail Fajnsjtejn.* Anna Croiset van der Kop: een Nederlandse aan de oevers van de Neva // Noord- en Zuid-Nederlanders in Rusland 1703–2003. Groningen, INOS, 2004. P. 393–409; *Файнштейн М. Ш.* Анна Круазе ван дер Коп (Croiset van der Kop): голландка на берегах Невы // Голландцы и бельгийцы в России XVIII–XX вв. СПб.: Алетейя, 2004. С. 407–422.

В. Биркенмайер

Воспоминания о М. Ш. Файнштейне

Впервые я встретился с Михаилом Шмильевичем весной 1992 г. В Петербургском историческом архиве на Сенатской площади меня направили в Архив Академии наук на Университетской набережной. После того, как я с некоторым трудом нашел во дворе Архив и несколько раз позвонил в звонок, я поднялся по шаткой лестнице на второй этаж. Там меня встретили директор Архива В. С. Соболев и его заместитель. Это и был Михаил Шмильевич. Уже из первого разговора очень скоро стало ясно, что Соболев выполняет лишь административную функцию, а настоящим «королем» Архива является Михаил Шмильевич. Под словом «король» следует понимать то, что Файнштейн имел полное представление обо всех имеющихся в Архиве фондах. Из разговоров с ним создалось впечатление, что он знает каждый хранящийся в Архиве документ и имеет о нем свою собственную точку зрения. С гордостью он рассказывал, что в «его» Архиве хранятся даже письма философа Лейбница. Когда он услышал, что я приехал из Гейдельберга, он тотчас показал мне оригиналы писем химика Бунзена, которые тот писал своим бывшим русским студентам. Кроме того, Михаил Шмильевич сказал мне, что Гейдельберг из далекого Ленинграда всегда казался ему очаровательным городом где-то вдали, о котором он мечтал, но не мог себе представить, что однажды его увидит.

В последующие годы установилось тесное сотрудничество между Отделением русского языка Института переводчиков Гейдельбергского университета и Ленинградским, с 1994 г. снова Петербургским, филиалом Архива Академии наук. Много раз сразу же после моего прибытия в Петербург Михаил Шмилевич встречал меня в Архиве. Как особую привилегию я расценивал то, что эти встречи в стенах Архива состоялись даже тогда, когда Архив был закрыт для доступа читателей ввиду неисправности системы безопасности. К приему всегда подавался чай и разные «закуски». Затем начинались доверительные разговоры о «Боге и мире» и размышления о совместных проектах. Первым успешным результатом такого сотрудничества было восстановление юбилейного сборника, который должен был выйти в Гейдельберге в 1912 г. к 50-летию основания библиотеки им. Пирогова. Из-за того, что разразилась Первая мировая война, этот юбилейный сборник не вышел.

М. Ш. Файнштейн нашел в фондах «своего» Архива на следие Сергея Сватикова, который в 1904 году учился у юриста и правоведа Георга Йеллинека и, как бывший русский гейдельбержец, с 1910 г. собирал воспоминания других русских гейдельбержцев для издания сборника. Все материалы Сватикова с его собственноручными выписками из книг о зачислении студентов в Гейдельбергский университет во второй половине XIX века М. Ш. Файнштейн предоставил для проекта «Русский Гейдельберг». В выпусках 25 (1994) и 25а (1995) сборника «*Russica Palatina*» (журнал русского отделения Института переводчиков) эти материалы были опубликованы. Том 25 содержит текст на русском языке, в томе 25а тексты из тома 25 переведены и прокомментированы. Кроме того, в томе 25 находится написанный М. Ш. Файнштейном обширный биографический очерк о Сергее Сватикове, который до сих пор воздает заслуженную честь русскому гейдельбержцу. Эти тома можно рассматривать как предварительную работу к изданной автором этих воспоминаний монографии «Русский Гейдельберг» (1995). Без неопределимой помощи Файнштейна эта монография никогда бы не появилась.

Во время многих посещений М. Ш. Файнштейном Гейдельберга, которые состоялись в рамках договоров на основании приглашений Гейдельбергского университета, мы вместе разбирали

трудно читаемые рукописные материалы к сборнику 1912 г. Также и после выхода этой монографии М. Ш. Файнштейн предоставлял Институту переводчиков документы, относящиеся к русскому Гейдельбергу, например, письма И. И. Янжула из Гейдельберга по поводу своего свадебного путешествия в 1873 г. Благодаря этому стал возможен выпуск целого ряда других номеров «*Russica Palatina*»: «*Heidelberg am Schnittpunkt russischer Lebensläufe*» (1999. № 33), «*Heidelberger Professoren in russischer Sicht*» (2000. № 34).

В связи с 200-летием перехода Суворова через Альпы я собирал свидетельства современников о прохождении русских войск по югу Германии, которые были опубликованы в моей книге «Как русские переходили через Альпы» (2001). Михаил Шмильевич оказал мне неоценимую помощь в розыске материалов для этой книги. На основании своих энциклопедических знаний он тотчас смог дать мне ценные указания по библиографии, например, указал на произведение Г. П. Драгунова «По следам Суворова в Швейцарии» (1995), в котором марш Суворова по Швейцарии представлен с точки зрения последних исторических исследований. Знакомство с этой книгой подтвердило мое предположение, что был исследован обратный путь Суворова через Швейцарию, а путь через юг Германии, который выбрали русские войска, еще неизвестен. На основе ксерокопий «Санкт-Петербургских ведомостей» 1800 года, которые мне предоставил М. Ш. Файнштейн, я смог восстановить квартиры русской армии в Верхней Швабии. Пространные контакты М. Ш. Файнштейна с музеями и библиотеками Петербурга позволили мне посетить музей им. А. В. Суворова и переговорить с сотрудниками даже тогда, когда музей был закрыт на ремонт.

Также и по моей актуальной теме о жизни Исаака Штейнберга (1888–1957), члена социалистической партии и политического деятеля еврейской диаспоры, М. Ш. Файнштейн смог дать мне ссылки на архивные материалы. До сих пор на моей книжной полке на почетном месте стоит книга «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (Москва, 1996), которую мне подарил М. Ш. Файнштейн и которой я благодарен за основополагающие знания о сегодня почти забытом Исааке Штейнберге. Поэтому М. Ш. Файнштейн является соиз-

дателем вышедших в серии «Russica Palatina» выпусков по этой теме: «Исаак Штейнберг и мир в Брест-Литовске» (2000. № 39), «Исаак Штейнберг: публицистика 1916–1923 гг.» (2003. № 42).

Во время посещения М. Ш. Файнштейном Гейдельберга у меня была возможность вести с ним долгие разговоры. Мы осматривали Шпейер, русскую церковь в Дармштадте и много раз проезжали мимо виноградников в горах Пфальц. При этом я узнавал некоторые особенности его биографии. Он сообщил мне, что сначала работал в Архиве Академии наук простым рабочим. К этой работе, которая состояла в том, чтобы перемещать материалы с одного места на другое, и восходят его феноменальные знания этих материалов, так как он ни в коем случае не ограничивался просто перемещением, а при случае и заглядывал в них. И еще долгое время, даже когда он стал научным сотрудником, он занимал в Архиве самую невысокую должность. По его собственным словам, Архив часто посещали иностранцы, которые хотели поговорить с ним о его научных публикациях. Тогдашнее руководство Архива пыталось всеми средствами препятствовать его контактам с ними, утверждая, что его, якобы, нет.

Часто в последние годы в Гейдельберге он произносил выражение «авитаминоз души». Русские повседневные реалии казались ему пронизанными этим недостатком жизнеутверждающих сил, и он все сильнее чувствовал это сам на своем слабеющем теле. По-настоящему счастливым он почувствовал себя в атмосфере внешнего и внутреннего покоя монастыря Нойбург на р. Неккар в Гейдельберге, где он несколько раз проживал в монастырской гостинице. Монахи знали его и радовались, что он разделяет с ними завтрак.

О своей собственной болезни (диабете) он говорил, что в «наших условиях» ее очень трудно лечить, имея в виду, что в России трудно достать соответствующие диетические продукты. Во время последней поездки в ноябре 2002 г. он уже ходил, опираясь на палку. Примерно за месяц до его смерти я говорил с ним по телефону последний раз. Его голос очень изменился. На мое замечание, что после моего переезда в Тюбинген в нашей совместной работе еще «многого впереди», он ответил, что «хочется верить». Это меня насторожило, потому что он не сказал, как обычно, «безусловно». Оглядываясь назад, я все еще радуюсь

тому, что он в этот непредусмотренный последний раз назвал меня «дорогой». Когда я прохожу мимо «его» Архива, у меня сжимается сердце оттого, что я его там больше не увижу. Радует то, что в будущем я смогу навещать семью Михаила Шмильевича, его жену Нину Александровну, детей Митю и Лиду и маму Нины Александровны Марию Спиридоновну, в кругу которых вместе с ним я провел много радостных часов. Там не было авитаминоза души.

Э. Вагеманс

Мой «португальский» друг Миша Файнштейн

Nu weet ik waaraan ik zal sterven:
Aan de oevers van de Taag.
Я знаю, к Тежу берегам
Смерть принесет меня.

*Jan Jacob Slauerhoff*¹

В 1994 году состоялось мое первое знакомство с Португалией. Летом мы с семьей съездили в эту страну в отпуск. Португалия среди бельгийцев пользовалась тогда гораздо меньшей популярностью. Ездили больше в Италию и Испанию. Португалия — во многих отношениях похожа на мою Бельгию: она маленькая, население всего около десяти миллионов, спокойный, покорный народ, много натерпевшийся от могучих соседей — испанцев, которые с насмешкой отзываются об их «смешном» языке. Португалия привлекла меня с первого дня. Приятный климат, красивый пейзаж, тихие, скромные люди, экзотический язык. Португальский язык отличается назальностью (которая сохранилась во французском, но которой нет ни в итальянском ни в испанском) и изобилием шипящих. Одним словом, славяно-романский язык, сочетание типично романских и типично славянских элементов. Я был влюблен. Во время нашей поездки по стране нас удивляло,

что португальцы не говорят на иностранных языках. Остановишь прохожего португальца, спросишь, как куда-то доехать, он тебе объяснит на португальском, не спеша, не волнуясь, хотя ты не понимаешь. Если ты не понял его, что чаще всего и случается из-за сложного выговора языка, то он не паникует, объясняет еще раз, третий раз, после чего бросает свои старания и желает тебе счастливого пути. Какая ведь разница — если ты не сегодня доберешься, то доедешь завтра, завтра — другой день. Вечная средиземноморская неспешность. Не волнуйся, все, мол, наладится.

В 1995 году мы решили вновь провести отпуск в этой симпатичной стране. На этот раз я не хотел ехать туда, не зная языка, и за месяц до поездки взялся за изучение тамошней грамматики. За три недели усвоил португальскую азбуку, купил карманный нидерландско-португальский словарь и поехал. В Португалии я говорил только на португальском. После поездки любовь к этой стране осталась, я продолжал изучать язык, немного занимался историей страны, приобрел справочник по португальским глаголам², таким же сложным и капризным, как русские глаголы, которые также имеют свою энциклопедию³. Во время своих занятий Португалией на досуге я столкнулся с одним очень интересным эпизодом из истории страны: землетрясением в Лиссабоне 1 ноября 1755 года. Мне стало интересно: знали ли в России об этом событии, очень сильно потрясшем западный мир? Начал искать⁴.

В 1996 году в Петербурге была организована международная конференция, посвященная 200-летию смерти императрицы Екатерины II. Этот уникальный шанс я не хотел пропустить и записался в докладчики. Эта конференция была первой попыткой в России наконец-то уделять внимание великому наследию умной женщины; в советское время ее представляли очень несправедливо, ее деятельность трактовали грубо, предвзято, без нюансов. К организаторам я обращался с вопросом, нет ли в Петербурге человека, который знает португальский и занимается португальско-русскими отношениями? Ответ был дан немедленно: это Михаил Файнштейн. Так в коридорах Пушкинского дома мы познакомились с Михаилом Файнштейном⁵. Первый разговор шел на португальском. Оказалось, что д-р Файнштейн владел не только этим романским языком, но всеми романскими языками, включая румынский. Мне повезло.

Но в лице Михаила Шмильевича я познакомился не только с полиглотом и лужитанистом, но и с *восемнадцативечником*⁶. Двух зайцев одним ударом⁷! Через Михаила я также познакомился с немецким славистом Франком Гёпфертом, на екатерининской конференции он прочитал доклад о переводах произведений Екатерины II на немецкий язык. Оказалось, что д-р Гёпферт вместе с Михаилом готовят библиографию всех переводов произведений русской императрицы на иностранные языки⁸. Я обещал помочь с нидерландским языком. В 1991 году я выпустил библиографию русской литературы на нидерландском языке⁹, поэтому я знал, что первое произведение русской литературы на нашем языке появилось в год Французской революции, и это была пьеса Екатерины¹⁰.

Вот как мое любительское пристрастие к Португалии привело меня к Михаилу Шмильевичу Файнштейну.

После конференции, материалы которой так и не опубликовали, о чем можно только сожалеть¹¹, мы с Михаилом стали переписываться. Тогда еще не существовало электронной почты, поэтому в начале нашей корреспонденции мы посылали наши письма «почтовым голубем» (было такое время!), а через несколько лет перешли на факс. Когда ко мне приходил факс от Петербургского филиала Архива РАН, я всегда говорил моей жене: «Это письмо от моего португальского друга», а директор Мишиного архива, Владимир Соболев, говаривал, получая мои факсы на фирменной бумаге моего университета (Католический университет Левена)¹²: «Миша, это твой католический друг пишет». Вот с какой кличкой человек входит в историю.

Будучи знатоком португальского языка, он, конечно же, знал выражение на этом языке, не очень-то лестное для русского уха: «о pegócio esta ruso», т.е. это неразбериха, белиберда. С Михаилом ничего такого никогда не было. Он был аккуратный человек, всегда держал свое слово, не подводил коллег, он был на все двести процентов надежный человек, с которым приятно работать вместе.

Я скоро убедился в том, что Миша великолепный историк литературы и культуры, знает всё, и — что очень важно — умеет найти всё. Поэтому я несколько раз обращался к нему с просьбами поискать для меня материалы, которые мне были недоступны. Конкретным результатом его поисков стала наша совмест-

ная статья об образе царя-плотника в нидерландской культуре. Статья была опубликована в престижном нидерландоязычном журнале, который изучает и пропагандирует нашу культуру¹³. Позднее эта статья вошла также в мою книгу о Петре Великом в Бельгии (в 1717 году) в русском переводе¹⁴. Моя книга о пребывании великого преобразователя в нашей стране полностью основана на архивных материалах — российских и бельгийских. Миша был одним из российских коллег, который любезно предоставил мне недоступные западным исследователям материалы. Я ему по сей день за это благодарен, так как этой книгой я особо горжусь. Дело в том, что много написано о Великом посольстве Петра в Голландию и Англию в 1697–1698 гг., но никто никогда не уделял должного внимания интересному эпизоду в жизни русского царя — его пребыванию в нашей стране по дороге из Нидерландов во Францию. В книге со всеми живыми подробностями мы рассказываем об этом коротком, но весьма богатом эпизоде из жизни победителя Карла XII.

С директором Петербургского филиала Архива РАН (того времени) Владимиром Семеновичем Соболевым мне посчастливилось лично познакомиться чуть позже. В 2000 году голландский историк Ханс ван Конингсбрюгге создал Нидерландско-Российский архивный центр на северо-востоке Голландии, в Гронингене. Цель НРАЦ заключается в систематическом изучении российских архивов и выявлении там всего, что связано с Нидерландами. Эта большая и очень ответственная работа доступна только работникам архивов, хорошо знакомым с имеющимися материалами. Заключив рамочный договор между нидерландским Государственным архивом и Росархивом, а затем с отдельными архивами, мы с коллегой ван Конингсбрюгге хотели, чтобы и Миша впредь работал именно в этом направлении. Судьба, увы, решила иначе. Мишина болезнь препятствовала исполнению наших надежд. Но кое-чего за несколько лет мы достигли.

В 2002 году вышел каталог «*Нидерландика*» (Neerlandica) — каталог документов, хранящихся в Петербургском филиале Архива РАН¹⁵. В 2003 году здоровье Миши становилось все хуже и хуже, пришлось сделать операцию, и я решил оставить вечный памятник нашего уважения к Мише — как ученому, как коллеге и как человеку, посвятив нашу русско-нидерландскую библио-

графию именно этому благородному человеку¹⁶. Человеку, который никогда не отказывал.

В том же 2002 я обращался к коллегам — в России, в Бельгии и Голландии — с призывом написать статью о судьбе голландцев в России. Миша откликнулся и обещал статью о первой женщине Голландии, которая занималась славистикой. Анна Круазе ван дер Коп еще до Первой мировой войны часто бывала в России, знала многих передовых российских ученых и много писала о русской и славянской литературе. Интересная и богатая судьба редкой ученой женщины того времени, когда во многих странах доступ в университет был закрыт для женщин. Миша написал интересный и живой очерк о жизни и научной деятельности этой замечательной голландской славистки, целиком основанный на документах из его же архива. Статья сначала вышла в голландском сборнике, который мы с проф. ван Конингсбрюгге опубликовали по поводу 300-летия Санкт-Петербурга, а затем и в русском издании в том же году¹⁷.

Насколько мне известно, статья эта — последняя в жизни и научной деятельности Михаила Шмильевича Файнштейна. Находясь в Петербурге в сентябре 2003 года в связи с пресс-конференцией о деятельности НРАЦ, я еще не успел навестить его, как телефонный звонок оповестил меня о смерти Миши. Повесив трубку, я стоял как пригвожденный к земле. Знал, что Мише плохо и больно, что желания дальше жить не хватало, но вот эта новость потрясла меня до глубины души.

Больно думать, сколько мы могли бы еще сделать вместе.

Миша, ты ушел из моей жизни рано, слишком рано. Но вечно будешь жить в моем сердце. Прощай, мой португальский друг. Жаль, что нам не суждено умереть на берегах Тахо.

---

¹ Ян Якоб Слауерхофф — голландский поэт (1898–1936), сильно полюбивший Португалию.

² *Silva E., Tavares A. Dicionário dos verbos portugueses. Porto, 1994.*

³ *Daum E., Schenk W. Die russischen Verben. Leipzig, 1971. 7-е изд. Самый трудный аспект русского языка для иностранца — его глаголы, которые так же капризны и непредсказуемы, как женщины, о чем поется в известной опере («la donna è mobile...»).*

- ⁴ Результатом поисков является моя статья «Литературно-философская интерпретация Лиссабонского землетрясения: португало-франко-русская теодицея», появившаяся в 22-м выпуске сборника «XVIII век» (2002).
- ⁵ Уже одна фамилия могла внушить уважение к ее носителю; только со временем я начал понимать глубину шекспировой мудрости: what's in a name? Ведь Файнштейн — говорящая фамилия: «тонкий, отшлифованный камень».
- ⁶ Очень жаль, что в русском языке нет слова, обозначающего чело-века, который изучает XVIII век, как французское dixhuitièmiste. Поэтому я предлагаю этот неологизм.
- ⁷ На моем родном (нидерландском) языке говорят «одним ударом двух мух».
- ⁸ В 1996 году вышел их совместный труд: *Fajnsštejn M., Göpfert F. Katharina II. Eine russische Schriftstellerin.* Wilhelmshorst, 1996, где Миша опубликовал статью «Екатерина II и развитие языкознания в России» (С. 27–38).
- ⁹ *Waegemans E., Willemsen C. Bibliografie van Russische literatuur in Nederlandse vertaling / Библиография русской литературы в нидерландском переводе 1789–1985.* Leuven: Universitaire Pers Leuven, 1991.
- ¹⁰ *Catharina de Tweede. De familietwist, blijspel in vijf bedrijven.* Amsterdam 1789, перевод пьесы «Расстроенная семья осторожками и подозрениями». Пьеса переведена с немецкого.
- ¹¹ По поговорке «scripta manent, verba volent».
- ¹² КУЛ (Katholieke Universiteit Leuven — Universitas Catholica Lovaniensis) — один из старейших университетов Европы, был создан в 1425 году.
- ¹³ *Fainstein M., Waegemans E. Peter de Grote in Zaandam // Ons Erfdeel.* 1997. № 5. С. 720–733.
- ¹⁴ Peter de Grote in de Oostenrijkse Nederlanden / Петр Великий на землях Бельгии. Antwerpen, 1998.
- ¹⁵ Of Science and Scientists. *Neerlandica* in the Archive of the Academy of Sciences St. Petersburg. SPb.; Groningen, 2002.
- ¹⁶ Russische bibliografie over Nederland en Russisch-Nederlandse betrekkingen / Русская библиография о Голландии в русско-голландских отношениях 1700–2000. Под ред. Э. Вагеманса, Х. ван Конингсбрюрге. СПб., Алетейя, 2003. Посвящается Михаилу Файнштейну.
- ¹⁷ *Fajnsštejn M. Anna Croiset van der Kop: een Nederlandse aan de oevers van de Neva // Noord- en Zuid-Nederlanders in Rusland 1703–2003.* Groningen: INOS, 2004. P. 393–409; *Файнштейн М. Анна Круазе ван дер Кор (Croiset van der Kop): голландка на берегах Невы // Голландцы и бельгийцы в России XVIII–XX вв.* СПб.: Алетейя, 2004. С. 407–422.

В. В. Коломинов

Дорога к «Храму муз словесных»

В 1975 г. я закончил учебу на историческом факультете ЛГУ. Заведующий кафедрой истории России В. В. Мавродин предложил мне в развитие темы дипломной работы, написать кандидатскую диссертацию. Она получила название «История Российской Академии» (основание, структура, направления деятельности). Основной блок материалов для исследования хранится в Ленинградском отделении Архива Академии наук. Здесь я и познакомился с Михаилом Шмильевичем Файнштейном. Тогда он был еще техническим сотрудником Архива. Этот молодой интеллигентный человек, необычайно вежливый и предупредительный, был одет в ватник, на ногах кирзовые сапоги, в руках два огнетушителя. Из нашего разговора я узнал, что Миша закончил вечернее отделение филологического факультета ЛГУ. Наше знакомство продолжалось даже несмотря на то, что вскоре зал для работы исследователей в Архиве по распоряжению СЭС был на долгое время закрыт.

Отсутствие доступа к фондам значительно усложнило мою работу над диссертацией. И здесь на помощь пришел Миша. Прекрасно зная архивы города, он посоветовал мне обратиться в ЦГИА СССР (ныне — РГИА). Там, по его словам, хранится фонд Департамента народного просвещения. Ему была подчинена Российская Академия. Следовательно, по мнению Миши,

она ежегодно отчитывалась о своей финансово-хозяйственной деятельности.

Действительно, РГИА обладает пятью фондами, в разной степени отражающими деятельность Российской Академии. Это было спасение...

В 1976 г. я случайно обнаружил в «Вестнике Ленинградского университета» небольшую статью М. Файнштейна «Из истории создания “Словаря Академии Российской” (1789–1794)». В ней автор приходит к следующему выводу: «Работа по составлению первого нормативного словаря русского литературного языка вышла за рамки Российской Академии и привлекла внимание и участие представителей различных слоев русского общества конца XVIII века». Эта статья меня приятно удивила, так как я знал, что Миша предметом своих исследований избрал российско-латиноамериканские связи. В конце 70-х годов Файнштейн имел уже более 30 публикаций по этому направлению своей научной деятельности. Особенно к нему благоволил главный редактор журнала «Латинская Америка» С. А. Микоян. Большинство статей М. Файнштейна увидели свет именно в этом издании.

Вспоминается случай, свидетельствовавший о том, как не просто складывалась судьба Миши как ученого. Это было в 1983 г. Проходя по Университетской набережной, я решил зайти в Архив Академии и повидать М. Файнштейна. Встретил его при входе в здание. Он был в рабочей спецовке с какими-то емкостями в руках. Потом я узнал, что Миша подрабатывал в Архиве, проводя дезинфекцию фондов с использованием формалина. Лицо Миши излучало радость. Он сказал: «Хочешь, удивлю тебя? Лезь в карман». Из нагрудного кармана я достал письмо, адресованное «профессору М. Ш. Файнштейну», где он приглашался ЮНЕСКО выступить с докладом на международном симпозиуме, посвященном 200-летию со дня рождения Симона Боливара. Увы, в то время Миша был «невъездным». Нашу страну на симпозиуме представлял другой человек. А жаль. М. Файнштейн ввел в научный оборот ряд документов о жизни и деятельности Симона Боливара, малоизученных или вообще неизвестных. Возьмем, к примеру, произведение Ж-Б. Шампаньяка «Пустынник Чимборасский». Оно впервые увидело свет

благодаря распоряжению неперменного секретаря Российской Академии Д. И. Языкова. В 1838 г. книга впервые была напечатана в количестве 600 экземпляров в типографии этого научного учреждения.

Летом 1981 г. на историческом факультете ЛГУ я защитил диссертацию по избранной теме. Во время защиты больше всех за меня «болел» Миша. Это было вызвано рядом причин. Тема крайне редко привлекала к себе внимание исследователей. Она проходила в ряде небольших статей, написанных тенденциозно. Это и понятно: последние три десятилетия Российскую Академию возглавлял адмирал А. С. Шишков — личность неординарная, вызывавшая как в дореволюционной, так и в советской научной литературе явно отрицательное отношение. В целом, даже в научных кругах, направление деятельности Российской Академии представляли смутно. Часто Российскую Академию отождествляли с Российской Академией наук. А ведь первая занималась, прежде всего, изучением проблем русского языка и до 1841 г. являлась самостоятельным научным учреждением со своим уставом, бюджетом и пр.

Через год М. Ш. Файнштейн в Институте русского языка и литературы АН СССР (Пушкинском доме) защитил диссертацию по теме: «Проблемы словопроизводного словаря русского языка в трудах Российской Академии (1810–40-е гг.)». Разумеется, я присутствовал на защите. Миша аргументировано изложил свой взгляд как на личность адмирала, так и на лингвистические работы, которые осуществлялись в Академии под его руководством. Необходимо отдать должное смелости соискателя. Его выводы о научной деятельности А. С. Шихова шли вразрез со всем тем, что было сказано и написано ранее. На защите развернулась бурная полемика. Особенно усердствовал один из членов Ученого совета. После каждого выступления в поддержку соискателя он брал слово. Обращаясь к присутствующим, он говорил: «Молодой человек опубликовал множество статей по русско-латиноамериканским связям, а диссертацию защищает по словарным работам Российской Академии. Это непонятно». В последнем своем выступлении он процитировал известную эпиграмму шестнадцатилетнего активного «арзамасца» А. Пушкина:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш — Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Смотрю, Миша как-то сник. Я решил поддержать его. Я долго «тянул руку», просил разрешения выступить, но меня почему-то не замечали. В поддержку соискателя выступила целая «команда» женщин из Института русского языка. Одна из дам даже сказала, что во время переезда Института в новое здание Файнштейн помогал носить шкафы со знаменитой картотекой. Я опять «тяну руку». Наконец Домашнев, обращаясь ко мне, произнес: «Представьте, пожалуйста». Я сказал, что работаю в Ленинградском инженерно-экономическом институте. В зале недоумение... Но когда я сообщил, что год назад защитил диссертацию по теме «История Российской Академии» и разделяю научные взгляды соискателя, все встало на свои места. В выступлении я процитировал написанные уже двадцатипятилетним Пушкиным строки из «Второго послания к цензору», в котором, отдавая должное адмиралу, поэт писал:

Обдумав, наконец, намеренья благие,
Министра честного наш добрый царь избрал,
Шишков наук уже правленью воспринял.
Сей старец дорог нам: друг чести, друг народа.
Он славен славою двенадцатого года;
Один в толпе вельмож он русских муз любил,
Их, незамеченных, созвал, соединил.

Миша успешно защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук.

1983 год был значительным в истории русской и славянской филологии — исполнилось 200 лет со дня основания Российской Академии. Мы с Мишей написали статью к этому юбилею. Показали Д. С. Лихачеву. Он одобрил работу, и, как член редколлегии, рекомендовал опубликовать ее в «Вестнике Академии наук СССР». Окрыленные лестным отзывом академика, мы отправили статью в Москву. Увы, юбилей Академии был отмечен

в «Вестнике» статьей двух московских авторов, которые представили деятельность этого научного учреждения традиционно, без анализа и современной оценки его работы.

В конце 1987 года мне позвонил профессор Александр Сергеевич Мыльников — широко известный учёный-славист. На моей защите диссертации он выступал как оппонент. Сделав ряд существенных замечаний, Александр Сергеевич, однако, с похвалой отозвался о работе, более того, он рекомендовал опубликовать ее в виде книги. «Благи пожелания всеу» — подумал я. И вот через три года подарок — Александр Сергеевич зарезервировал для меня в ЛО издательства «Наука» 10 печатных листов. Первым, с кем я поделился неожиданной новостью, был, конечно, Миша. Более того, я предложил ему стать соавтором. И, как показало наше творческое сотрудничество, я не ошибся. Миша принял на себя написание глав, посвященных вопросам филологических исследований и международным связям Российской Академии. Я же осветил структуру научного учреждения, провел исследование его уставов, изложил свое представление о деятельности в Академии ее члена А. С. Пушкина.

Так как мой взгляд на отношение поэта к работам научно-го учреждения значительно расходился со сложившимся стереотипом, мне нужен был союзник. Им стал Миша. Он очень помог мне. В частности, соавтор обратил внимание на то, что Пушкина как историка и филолога интересовали проблемы, которые находились в русле исследовательских программ Академии. М. Ш. Файнштейн обращает внимание на то, что Пушкин в последние годы жизни серьезное внимание уделял проблемам языкознания. В одном из набросков по лексикографии, по мнению Михаила, поэт со ссылкой на Шишкова предлагал умеренно и осторожно использовать в родном языке заимствования.

В подтверждение своих выводов Миша проводит параллель. В 1834 году Пушкин опубликовал «Песни западных славян», и в то же время в Российской Академии наблюдается расцвет славянских исследований. Устанавливаются тесные связи с учеными из Чехии, Сербии, Хорватии. А. С. Шишков поощряет занятия славянскими древностями А. Х. Востокова, Ю. И. Венелина, В. Караджича, П. Шафарика.

Мы долго искали название книги, в этих поисках появилась эпитафия к ней. Миша в качестве его предложил строки из «Стансов на основание Российской Академии в 1783 году». Они были написаны М. В. Сушковой — известной переводчицей и поэтессой.

Среди веселия Российского Парнаса,
Когда любимцам муз созижден новый храм,
Отколе тщеньем их и силою их гласа
Польется точный смысл реченьям и словам,
И где со временем язык обогащенный
Отринет слов чужих несвойственную смесь...

Именно в «Стансах» мы нашли для названия книги ключевое слово «ХРАМ». Дальше было проще. Галантный восемнадцатый век представил на российском Парнасе новую музу — Российскую Академию. Она призвана была дать «точный смысл реченьям и словам». Так появилось название «Храм муз словесных».

Работа над книгой длилась вплоть до начала 1986 года. В феврале мы уже держали в руках ее сигнальный экземпляр. Радость была несказанная: первая книга, да в таком серьезном научном издательстве, как «Наука». Тираж был распродан в течение полугода. Выход книги в свет мы отмечали дома у научного редактора, незабвенного Александра Сергеевича Мыльникова. Он открыл нам с Мишей путь в академическую науку.

Книга получила положительные отзывы ученых. В журнале «Советское славяноведение» М. Ю. Досталь и М. В. Никулина писали: «Работа представляет опыт комплексного исследования <...> содержит много новых фактов и заслуживает серьезного внимания специалистов по истории славяноведения и шире — по истории культуры России конца XVIII — первой половины XIX века». В. Н. Сергеев в журнале «Русская речь», № 2 за 1988 год отметил: «Авторы книги “Храм муз словесных” убедительно показали, что возникновение Российской Академии было обусловлено лучшими просветительскими традициями русской культуры, а также и требованиями отечественной науки».

«Одно из первейших достоинств книги, — писал А. Ходоров в журнале «Звезда», № 12 за 1986 год, — авторы с не часто со-

блюдаемыми в таких случаях объективностью и чувством исторической меры избегают соблазна идеализировать своих героев, умолчать о том, что и сегодня не украсит в глазах читателя». В письме к авторам известный специалист по славянофильству, профессор Московского университета С. С. Дмитриев писал: «Книга, несомненно, удалась. Содержание богатое, объем не большой, изложение простое».

Интересный эпизод возник в памяти. В 1994 году в конференц-зале СПб. Научного центра РАН проходила Международная научная конференция, посвященная 250-летию со дня рождения Е. Р. Дашковой. В качестве гостя на этом научном собрании присутствовал один из потомков рода Воронцовых, Александр Илларионович Воронцов-Дашков, приехавший из США. Мы с Мишей решили подарить ему нашу книгу. И, когда мы собрались вручить ему наше «детище», услышали: «Спасибо, господа, эта книга занимает достойное место в моей библиотеке, я ее приобрел по международному книжному обмену еще в 1986 году». Нам было приятно...

В последующие годы после выхода в свет книги мы с Мишей продолжали сотрудничать. В частности, на Международной научной конференции «Екатерина Великая: эпоха российской истории» по предложению члена организационного комитета М. Ш. Файнштейна я выступил с докладом «Основание Российской Академии».

Став выездным и побывав в Латинской Америке, Европе, Миша значительно расширил круг своих научных интересов. Он стал заниматься исследованиями в области русско-немецких культурных связей. Однако Миша не забывал и свою «первую любовь» — Латинскую Америку. Его также увлекала история женского движения в России. Он сумел и меня заинтересовать этим направлением научных исследований. Мы выступали с докладами на нескольких конференциях, посвященных роли женщин в истории культуры России.

Мне думается, что вершиной творческой деятельности Михаила Шмильевича Файнштейна стала успешная защита докторской диссертации «Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII – первой половине XIX в.» в Петербургском филиале Института российской истории.

Основой для своей работы автор принял деятельность Российской Академии. Я присутствовал на защите, выступал в поддержку соискателя.

Последний раз я повидался с Мишей в больнице РАН в августе 2003 года. Перенес сложнейшую операцию, он был полон творческих планов. Очень радовался тому, что Архив, которому он отдал три десятка лет, заботливо относился к нему. Я напомнил, что много лет тому назад он с таким же теплом относился к Елене Сергеевне Кулябко, обихаживал ее, что доброжелательность среди сотрудников, взаимная забота — это традиция, переходящая от поколения к поколению архивистов Петербургского филиала Архива РАН. Миша настаивал на своем: он должен отблагодарить своих друзей-архивистов, поддержавших его в непростой ситуации.

Увы, не успел...

Н. А. Веселова

Воспоминания

Моя первая встреча с моим будущим мужем Михаилом Файнштейном произошла в здании Ленинградского отделения Архива Академии наук СССР, куда меня пригласили работать на должность научно-технического сотрудника. Первым человеком, которого я встретила там, и был Михаил. Это произошло в феврале 1972 г. Михаил вышел из читального зала с ведром и тряпкой в руках (он был тогда рабочим), в рабочем халате черного цвета, посмотрел на меня с некоторым любопытством и спросил: «Вы к кому?». Я ответила: «Позовите, пожалуйста, Нину Сергеевну». Интерес ко мне погас в его глазах, и он удалился за дверь.

В Архиве я исполняла обязанности секретаря, вела дело-производство, занималась кадрами и снабжением. Михаил находился в моем подчинении. По долгу службы мы много времени проводили вместе. Кроме того, вечером мы вместе учились на филологическом факультете Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова. Миша учился на отделении русского языка и литературы, я на отделении немецкого языка и литературы. В университете мы встречались на общих лекциях в актовом зале, в библиотеке, в буфете и т. д. Иногда Михаил навещал нашу группу во время перерыва между лекциями. Потом позднее выяснилось, что моя подруга Галя, с которой я училась

в одной группе, также знает Михаила, поскольку они вместе посещали подготовительные курсы для поступления в университет. Галя и ее муж Валерий стали нашими близкими друзьями на всю жизнь и впоследствии очень помогли мне перенести потерю мужа.

До службы в армии Михаил не успел поступить в Ленинградский государственный университет, а когда вернулся из армии, приемные экзамены на дневное отделение уже закончились. Документы принимали только на вечернее отделение. Михаил мечтал поступить на отделение португальского языка, так как со школьной скамьи увлекался Латинской Америкой, историей испанской Конкисты, судьбой индейцев майя, инков, ацтеков и т. д. Португальский язык можно было изучать только на дневном отделении. Михаилу ничего не оставалось, как подать заявление на отделение русского языка и литературы. На испанском языке Михаил уже хорошо говорил, потому что изучал его в Клубе интернациональной дружбы Дворца пионеров. Также у Михаила был друг из Венесуэлы Мигель Монсерат, который учился в СССР и являлся прямым носителем испанского языка. Мигель был членом Коммунистической партии Венесуэлы, а его отец — членом какой-то оппозиционной партии. Как-то раз у нас в гостях они чуть было не подрались на почве политических разногласий. Михаил совершенствовал свой испанский язык в беседах с Мигелем. Дружба с Мигелем продолжалась до его отъезда на родину. Мигель научил Михаила готовить яичницу с помидорами и мясо по-венесуэльски с большим количеством специй, перца и добавлением уксуса. Мигель был также свидетелем на нашей свадьбе, которая состоялась 25 декабря 1975 г. После возвращения Мигеля в Венесуэлу связь с ним была потеряна. Мы предполагали, что его посадили в тюрьму, так как в то время к власти в Венесуэле пришла та самая оппозиционная партия, в которой состоял его отец.

Михаил никогда не останавливался на достигнутом. Он совершенствовал не только свой испанский язык, но и изучал самостоятельно португальский и итальянский. Португальский ему был нужен для углубления знаний по Латинской и Центральной Америке, а итальянский — для общения со своими итальянскими друзьями, переписка с которыми завязалась еще

в Клубе интернациональной дружбы, и также со своей первой любовью, итальянской девушкой по имени Амбра. Отношения с Амброй так и не смогли развиваться, так как в то время связь с иностранцами не поощрялась, а брак — тем более. Амбра вышла замуж за своего соотечественника, родила ребенка, а Михаил еще долго не женился.

В группе, где учился Михаил, были одни девушки, красивые и веселые, и он чувствовал себя среди них очень хорошо. Он поддерживал с ними связь в течение всей своей жизни. Звонил им, поздравлял с праздниками, спрашивал о делах. Михаил был хорошо воспитан, обладал феноменальной памятью и знал день и час любого нашего житейского события. Он мог, например, сказать, в платье какого цвета я была 10 лет тому назад, и куда мы ходили, какой фильм смотрели, и в какое время был сеанс. Хорошая память помогала ему учиться, хотя, если он что-то не знал, он терялся и иногда не сдавал зачет или экзамен. Он не мог, как другие студенты, списать, подсмотреть или сделать еще что-нибудь нехорошее, лишь бы все-таки сдать экзамен. Сейчас также ведет себя наша дочь Лидия. Если она не знает предмет достаточно хорошо, она просто уходит с экзамена. «Я не могу позориться», — говорит она. Лида пошла по стопам отца. Она изучает русский язык и литературу в РГПУ им. А. И. Герцена.

Наша дочь Лидия родилась 5 ноября 1981 г. и была в семье долгожданным ребенком. Детей у нас не было в течение 6 лет. Когда должна была родиться дочь, Михаил уже заканчивал аспирантуру и должен был вскоре защищать диссертацию на присвоение ученой степени кандидата филологических наук. Чтобы собрать материал для диссертации, он рано вставал, приезжал в Архив до начала работы и писал, писал. Дома условия были не всегда благоприятные. Квартира у нас небольшая, двухкомнатная, а жили мы вместе с моей мамой Марией Спиридоновной, а какое-то время и с моим братом Сергеем, его женой Ларисой и маленькой племянницей Алей. Следует подчеркнуть еще одно прекрасное качество Михаила. Он прожил с тещей более 25 лет и никогда ничем ее не обидел, как, впрочем, и она его. Они понимали друг друга даже лучше, чем я Михаила и маму. Мама называла его сыном и старательно готовила для него диетическую еду, когда врачи обнаружили у него сахарный диабет.

Миша очень любил дочь, называл ее «Тютюней», потому что она, когда была маленькая, любила играть в прятки и откликаться на «тю-тю». В деревне Покров Калининской (ныне Тверской) области, где мы летом отдыхали, он в дождь закутывал Лиду в одеяло, садился вместе с ней на крылечко. Они оба любили слушать дождь и смотреть на трясогузку, которая ходила по соседней крыше, или на ласточек, вылетающих с нашего чердака. Каждую весну мы ждали их прилета с юга, и, когда они прилетали, сразу же становилось веселее. Нам было радостно оттого, что ласточки прилетают именно в наш дом, что им у нас хорошо, и они считают его своим. А осенью, когда мы копали картошку, ласточки собирались в стаю уже вместе со своими выросшими детьми, их было уже не двое, как весной, а целое семейство. Небольшая стайка рассаживалась на электрических проводах, протянутых около дома. Нам почему-то казалось, что ласточки-родители дают своим детям последние наставления перед отлетом в теплые края.

Михаил, не привыкший к деревенской жизни и к деревенской работе, старался и огород копать, и строить, и крышу крыть, и забор чинить. Первый раз мы крыли крышу дранкой или лучинкой, как ее раньше называли в деревнях. Миша никогда этого не делал. Он внимательно изучил процесс наложения дранки и потом без всяких проблем покрыл всю крышу. Физическая работа была для него отдыхом от умственного труда. Но интерес к науке всегда был у него на первом плане. Он и в отпуск взял с собой папку с материалами для какой-нибудь новой статьи. Свои бумаги он раскладывал в палисаднике на столике, прибитом к высокому пню спиленной яблони, погибшей от мороза, и писал, как Ленин в шалаше в Разливе. Михаил очень любил деревенскую природу, речку Волчину и лес, сосновый бор, куда он ходил собирать грибы-моховики. У него было свое любимое место в бору, у муравейника, где он всегда находил хотя бы один гриб. Он был настоящий грибник: найдет один гриб и ходит, ходит вокруг, так и наберет целую корзинку. А еще он любил баню, нашу вросшую от старости в землю баню, которая топилась по-черному, но пар в ней был просто великолепный, сухой, с дымком и запахом трав, заваренных в котле. Михаил мог сидеть там целую вечность, я даже иногда начинала беспокоиться.

Но он любил просто посидеть в тишине, подышать паром, даже не париться.

Несмотря на свой, казалось бы, мрачный вид и замкнутость, он умел находить общий язык почти со всеми деревенскими жителями, с которыми встречался. Они очень уважали Михаила за его вежливое и доброе к ним отношение. Особенно он подружился с местной интеллигенцией: главным механиком совхоза Василием Николаевичем и его женой, заведующей детским садом Евдокией Петровной. Он любил ходить к ним в гости, беседовать на разные темы, спорить о политике. Деревня после перестройки была настроена прокоммунистически, Михаил доказывал преимущества демократического строя. После смерти Михаила все сочувствовали мне и очень его жалели.

В августе 1985 г. у нас родился сын Дмитрий. Он родился в клинике Отто на Менделеевской линии почти рядом с Архивом. Миша прибегал к нам в обеденный перерыв, стоял под окнами, и мы разговаривали, крича друг другу, иначе ничего не было слышно. В тот день, 28 августа, когда на свет появился Митя, родилось еще много мальчиков и девочек именно в этой клинике, так как она была в этот день дежурной больницей. 28 августа — это религиозный праздник: Успение Пресвятой Богородицы. Видимо, Богу было угодно, чтобы в этот день родилось много детей. Когда у меня начались схватки, Михаил был на работе. Я сама вызвала себе «Скорую помощь» и позвонила ему, он примчался одновременно со «Скорой». Машина летела по Невскому проспекту с сиреной, так как выяснилось, что медлить было уже нельзя.

Если с Лидой мне помогала мама, то Дмитрием после выписки из роддома мы занимались сами. Михаил помогал мне его купать, покупал все необходимое, гулял с ним. Но, гуляя с ребенком и везя перед собой коляску, Михаил не отрывался от науки ни на одну минуту. Одной рукой он вез коляску, а в другой у него была какая-нибудь научная книга, которую он читал на ходу. Теперь мне кажется, что он первый стал так делать, а затем многие папы стали ему подражать и читать так же, одной рукой поддерживая коляску и двигая ее вперед, а другой держа раскрытую книгу. Когда Дмитрий подрос, нужно было определить его в школу. Миша пошел с ним в школу на собеседование,

чтобы записать его в престижный класс. Им обоим не захотелось долго ждать в очереди, и он записал его в самый последний класс «Д», как мы потом называли, «класс дураков», где Митя проучился 3 года. Затем наш папа все-таки исправил ошибку, сходил к директору школы и перевел мальчика в другой класс, где изучали два языка, английский и немецкий, и компьютер. Наш сын Митя — очень своеобразный мальчик. В детстве он мог исчезнуть на целый день, не сказав никому ни слова. Я всегда волновалась, вдвоем с Мишей мы летом в деревне бегали из одного конца в другой, разыскивая его. Я очень нервничала, а Михаил всегда скрывал свое волнение и всегда первым его находил. Однажды он нашел его вместе с другими детьми на крыше сарая, куда они забрались, а слезть не смогли, сидели и ревели. Михаил снял их осторожно и даже не наказал сына. Но зато, когда папа тяжело заболел и почти не мог двигаться, Митя ухаживал за ним, пока я была на работе, так как он приходил домой из лицея первым. Он ухаживал за отцом трогательно и нежно, подавал ему еду, убирал, помогал вставать и садиться.

Немецкий язык и литература — это моя специальность. По диплому я филолог-германист, учитель немецкого языка. Видимо, потому, что в жизни все взаимосвязано, расписано и разложено по полочкам, Германия стала для Михаила очень близкой и любимой страной. Фамилия Файнштейн также имеет немецкие корни. Впервые Михаил поехал в Германию на Международную конференцию, посвященную русским женщинам-писательницам, его пригласил туда профессор Института славистики университета Потсдама Франк Гёпферт. Профессор Ф. Гёпферт разыскал Михаила в ЛО Архива АН СССР, что было для Миши полной неожиданностью. А поводом для приглашения послужила Мишина книга «Писательницы пушкинской поры». На этой конференции Михаил познакомился со славистами из Англии, Италии, Польши, США, Финляндии и других стран. Знакомство переросло в крепкую дружбу и деловое партнерство. А профессор Ф. Гёпферт и его жена Рената стали для нас родными людьми. Оба они родом из бывшей ГДР, учились у нас в России, оба знают русский язык и хорошо на нем говорят. Когда Михаилу было трудно, тяжело на душе или даже просто отчего-то грустно, он брал трубку, набирал номер

Франка, говорил с ним и оживал. Безмерно добрый, отзывчивый, всегда приходящий на помощь профессор Ф. Гёпферт всегда был для Михаила целебным живительным источником, больше, чем просто другом, соратником. Он был для Михаила той светлой личностью, которая давала ему импульсы вдохновения, радости и уверенности в правильности того или иного решения.

Еще два профессора стали для Михаила близкими добрыми друзьями. Это профессор Гейдельбергского университета Вилли Биркенмайер и профессор из Бельгии Эммануэль Вагеманс. Добрые и отзывчивые, они не оставляли друга в беде, помогали и словом, и делом, когда ему было трудно и морально, и материально, когда болезнь схватила его за горло...

Конечно, работа была у Михаила на первом месте, много времени он проводил в библиотеках и архивах, но при этом не забывал и о домашних делах: ходил в магазин, покупал продукты. Детей он баловал и часто приносил им что-нибудь вкусненькое: торт, конфетки, пирожные. Из Москвы привозил пастилу, у нас в Петербурге ее почему-то не было. Мог два часа стоять в очереди за бананами или каким-нибудь другим дефицитным продуктом. В начале перестройки стало совсем плохо. Зарплату задерживали. Михаил подрабатывал, где только мог. Он мыл окна, читал лекции, писал небольшие заметки в газеты и журналы. Вообще-то он трудился всю жизнь с 16 лет, но, как он сам выражался, так и не дорос до средней зарплаты, даже когда стал доктором исторических наук. Он учился в вечерней школе и работал в часовой мастерской, чинил будильники, затем учился в университете также на вечернем отделении и одновременно работал рабочим в Архиве.

Архив Российской Академии наук стал для Михаила вторым родным домом. Если по радио объявляли штормовое предупреждение или угрозу наводнения, Михаил, независимо от того, было ли это поздним вечером или ночью, уезжал в Архив и дежурил там до окончания тревоги. Он очень любил Архив, прекрасно понимая всю ценность хранимых там материалов. Сколько их прошло через его руки, ведь, будучи рабочим, он постоянно занимался обеспыливанием документов. Папку или коробку нужно было снять с полки, развернуть, вытереть изнутри и снаружи, завязать и снова поставить на полку. Главный хранитель

Архива давала ему большие нормы, но он все-таки успевал их выполнить, да еще и почитать документы, там хранящиеся. Материалы были настолько интересные, что он иногда увлекался и забывал о работе, за это получал выговор. Зато материалы Архива никто лучше его не знал. Он мог сразу же, немного подумав, ответить на вопрос, есть в Архиве такие данные или нет. Блестящее знание архивных материалов очень пригодилось ему, когда он стал руководить информационной группой и консультировать многочисленных русских и зарубежных читателей. Читатели были ему чрезмерно благодарны за оказанную помощь. Он помог многим исследователям выбрать тему научной статьи, а некоторым студентам и аспирантам подсказал и сформулировал тему дипломной работы и диссертации.

Миша проработал в Архиве более 30 лет, пройдя нелегкий путь от мальчика-рабочего до зрелого серьезного исследователя, доктора исторических наук. Сотрудники Архива отметили 30-летний юбилей его трудовой деятельности, с любовью и теплотой поздравили Мишу. Миша тогда был уже серьезно болен, но старался принести пользу Архиву, не оставляя своей исследовательской деятельности. На Мишин юбилей на меня снизошло вдохновение, и я написала ему стихотворение, которое ему очень понравилось.

Михаил был чрезвычайно ответственным человеком. Если он что-то обещал, то обязательно выполнял. Лида в школе изучала французский язык. У нас не было большого русско-французского словаря. Михаил обещал ей купить и купил, как потом выяснилось, даже два словаря. А сколько книг он покупал по просьбе друзей и знакомых! И всем отсылал либо по почте, либо с оказией. И мне он покупал немецко-русские и русско-немецкие словари. Однажды в магазине «Старая книга» купил даже антикварный технический словарь в двух томах, в красивом старинном переплете. Я работала в научно-исследовательском институте в отделе научно-технической информации, мне поручили подготовить справку по алюминиевой промышленности Венесуэлы и Бразилии. Михаил собрал для меня тогда огромное количество материалов, начиная чуть ли не со дня основания этих стран. Конечно же, я тоже помогала ему: переводила статьи, письма, делала компьютерный набор текстов его статей и

книг. Общее филологическое образование помогало нам лучше понимать друг друга.

Сахарный диабет — скверная вещь. Он разрушил его организм таким же образом, как ржа разъедает металл. Главная атака была на сердце, потому что сердце Михаила было добрым и отзывчивым на любую просьбу. Все знают, что он старался выполнить просьбу, чего бы ему это ни стоило. Диабет у Михаила обнаружили в 1983 г. Его направили в больницу на ул. Вавиловых. Там он пролежал около месяца, на примерах других больных увидел много отрицательных сторон диабета, его побочных явлений и стал строго соблюдать предписанную ему диету. Нужно особо подчеркнуть, что он обладал огромной силой воли. В течение нескольких лет он придерживался диеты довольно строго, четко и аккуратно принимал таблетки. Наша семья вместе с ним привыкла к овощам и овощным блюдам. Когда в праздники мы пекли пироги, он приходил на кухню, нюхал свежеспеченные изделия, но никогда не соблазнялся и не пробовал пирог, хотя мы его и уговаривали это сделать. Трудно сказать, что заставило болезнь начать прогрессировать. Возможно, что обширный инфаркт и переход на инсулин ускорили процесс. Михаил старался не сдаваться, работал даже в больнице, писал каждую свободную минуту. А сколько идей было у него в голове! Сколько новых планов! Архив — это кладезь непознанного, неоткрытого. Михаил умел найти в Архиве чрезвычайно интересные материалы и сделать их доступными другим исследователям. Он всегда радовался, когда обнаруживал совершенно не тронутые никем документы, и говорил, что обязательно о них напишет, чтобы люди могли узнать о том или ином важном событии в истории Академии наук или в жизни и творчестве отдельного ученого.

Как жаль, что он ушел в расцвете своей творческой деятельности. А дети и я потеряли близкого человека, который в трудную минуту всегда мог помочь нам советом и делом. Светлая ему память!

Михаил Шмилевич Файнштейн
(3 мая 1948 г. – 20 сентября 2003 г.)

историк науки, культуры и литературы России и Латинской Америки, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук

Библиографический указатель

1963

1. Родина или смерть! Мы победим! // Ленинские искры. 1963. 1 мая.

1974

2. Новые материалы Г. Г. Манизера по экспедиции в Южную Америку в 1914–1915 гг. // Проблемы исследования Америки в XIX–XX вв. Тезисы докладов конференции, посвященной 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа. Ленинград, 22–24 окт. 1974 г. / Отв. ред. С. В. Калесник. Л.: АН СССР, ГО СССР, 1974. С. 73–74.

1975

3. Конкистадоры в Петербурге // В мире книг. 1975. № 2. С. 80.

4. К 50-летию первой советской экспедиции в Латинскую Америку (1925–1928) // Латинская Америка / Академия наук

СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1975. № 5. С. 134–142.

5. Конференция, посвященная 200-летию со дня рождения академика Г. И. Лангсдорфа // Известия ВГО. 1975. Т. 107. Вып. 6. С. 552–553.

6. История создания Словаря Академии Российской (1789–1794) (по материалам ЛО Архива АН СССР) // Вторая Южно-Уральская археографическая конференция. Археография и источниковедение истории литературы и языка. Тезисы докладов и сообщений / Южно-Уральское отделение Археографической комиссии АН СССР. Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР. Оренбургское областное отделение ВООПИК. Уфа, 1975. С. 80.

1976

7. Из истории создания «Словаря Академии Российской» (1789–1794) // Вестник ЛГУ. История. Язык. Литература. Л., 1976. Вып. 2. № 8. С. 146–148.

1977

8. Письма и рисунки Г. Г. Манизера в Архиве АН СССР // Латинская Америка / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1977. № 3. С. 166–174.

1978

9. Из истории русских и советских исследований в Венесуэле // Известия ВГО. 1978. Т. 110. Вып. 1. С. 68–71.

10. Конференция читателей в Ленинграде // Латинская Америка. 1978. № 3. С. 222–224. Совместно с В. А. Афанасьевым.

11. Ленинградский автограф Симона Боливара // Латинская Америка. 1978. № 2. С. 144–149.

12. Autógrafo desconocido de Simón Bolívar // América Latina / Academia de Ciencias de la URSS. Instituto de America Latina. Moscú: Editorial Progreso, 1978. № 2 (18). P. 183–188.

1979

13. Лексикография и международные связи Российской Академии (1783–1841) // Лексикографические исследования.

1979. Вопросы межкуровневого анализа языков различных типов. М., 1979. С. 240–246.

1980

14. Мария Тереса Карреньо и Россия // Латинская Америка. 1980. № 1. С. 124–128.

15. Bolivar en la prensa rusa y soviética // América Latina. 1980. № 9. P. 44–52.

16. Боливар в русской и советской печати // Латинская Америка. 1980. № 10. С. 43–51.

17. Бразилия в русских изданиях XVIII в. // Россия, СССР — Бразилия: 150 лет отношений / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1980. С. 138–145.

18. А. С. Шишков и Словарь Академии Российской (1789–1794) // Словари и словарное дело в России XVIII в. / Академия наук СССР. Институт русского языка. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1980. С. 157–163.

1981

19. Maria Teresa Carreño y Rusia // América Latina. 1981. № 1–2. P. 270–275.

20. Словопроизводные словари Российской Академии. 30–40-е годы XIX в. // Русская речь. М., 1981. № 4. С. 74–77

21. Перуанская тема в русских изданиях XVIII в. // Латинская Америка. 1981. № 9. С. 128–135.

22. Синхронистический указатель к выпускам 1–3 «Архивы Академий наук социалистических стран» // Архивы Академий наук социалистических стран: Указатель литературы. Л., 1981. Вып. 3. С. 185–195.

1982

23. Проблемы словопроизводного словаря русского языка в трудах Российской Академии (1810–40-е гг.). Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Л., 1982. 16 с.

1983

24. Боливар, русская общественная мысль и второй Венесуэльский кризис // Латинская Америка: Боливар и со-

временность. Международная научная конференция. Москва, 14–15 июня 1983 г. Тезисы докладов и выступлений советских участников. М., 1983. С. 35–37.

25. Simon Bolivar, opinion publica de Rusia y segunda crisis venezolana // *América Latina: Bolívar y la Actualidad. Conferencia teórico-científica internacional*. Moscú, 14–15 de junio de 1983. Tesis de informes y ponencias de los participantes soviéticos / Academia de Ciencias de la URSS, Instituto de América Latina, Asociación Soviética de Amistad y Relaciones Culturales con los países de América Latina. Moscú, 1983. P. 36–38.

26. Dos biografías del Libertador // *América Latina*. 1983. № 6. P. 84–89.

27. О двух биографиях Симона Боливара // *Латинская Америка*. 1983. № 7. С. 114–119.

28. Каравеллы плывут на запад // *Мексика — СССР*. Мехико: АПН, 1983. № 8.

29. По страницам американских произведений Ломоносова и Сумарокова // *Мексика — СССР*. Мехико: АПН, 1983. № 10.

30. Инки в России // *Enfoques desde Rusia*. Buenos Aires, 1983. № 10.

31. Гуссен Лувертюр и Карамзин // *Enfoques desde Rusia*. Bogota, 1983. № 12.

1984

32. Деятели русской культуры. Александр Семенович Шишков (1754–1841) // *Русская речь*. М., 1984. № 4. С. 117–123. Совместно с Л. Л. Кутиной.

33. Оставит имя свое в летописях нашего времени // *Латинская Америка*. 1984. № 9. С. 117–132.

34. Дневник Франсиско Миранды как источник по географии России последней трети XVIII в. // *География России XV–XVIII вв. (по сведениям иностранцев)*. Сб. науч. трудов / АН СССР. ГО СССР / Отв. ред. И. П. Шаскольский. Л., 1984. С. 99–102.

35. Из истории русско-латиноамериканских научных связей // *Известия из Советского Союза*. Буэнос-Айрес, 1984. № 3.

1985

36. Боливар, Россия и Венесуэльский кризис 1902–1903 гг. // *Симон Боливар: История и современность*. М., 1985. С. 242–252.

37. Книги А. В. Зражевской в пушкинской библиотеке // Временник Пушкинской комиссии. 1981. Сб. науч. трудов / АН СССР. Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1985. С. 152–154.

38. Из истории русско-аргентинских научных связей // Россия, СССР – Аргентина: 100 лет отношений / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки / Отв. редактор А. И. Сизоненко. М., 1985. С. 19–27.

39. Калужские издания П. С. Батурина // Книга и ее распространение в России в XVI–XVIII вв. / Сб. науч. трудов. Л.: Библиотека АН СССР, 1985. С. 132–139.

40. Иван Гейм и его роль в развитии книжного дела в России // Книга в России до середины XIX века. 3-я Всесоюзная научная конференция. Ленинград, 2–4 октября 1985. Тезисы докладов / Академия наук СССР. Научный совет по комплексной программе «История мировой культуры». Библиотека АН СССР / Отв. редактор К. В. Лютова. Л., 1985. С. 124–125.

41. Первый зарубежный отзыв на «Словарь Академии Российской» (1789–1794) // Вопросы языкознания. 1985. № 6. С. 104–110. Совместно с В. И. Осиповым.

42. ...dejará su nombre en los anales de nuestro tiempo («Черный Спартак» в России) // América Latina. 1985. № 9. P. 75–86.

43. Они были первыми // Известия из Советского Союза. Буэнос-Айрес, 1985. № 10.

1986

44. Храм муз словесных (Из истории Российской Академии) // Серия «Страницы истории нашей Родины» / АН СССР / Отв. ред. А. С. Мыльников. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 152 с. Совместно с В. В. Коломиновым.

45. Книжные интересы М. В. Ломоносова и Америка // Ломоносов и книга. Сб. науч. трудов. Л.: Библиотека АН СССР, 1986. С. 139–144.

46. Бородина Мелитина Александровна (фонд 947) // Обозрение архивных материалов. Труды Архива Академии наук СССР. Л.: Наука, 1986. Т. VIII. Вып. 28. С. 109–110.

47. Гурвич Александр Гаврилович (фонд 1076) // Там же. С. 66.

48. Манизер Генрих Генрихович (фонд 985) // Там же. С. 128.
49. Фишер фон Вальдгейм Александр Александрович (фонд 1037) // Там же. С. 87–88.

1987

50. Центральная Америка: обращаясь к прошлому // Латинская Америка. 1987. № 7. С. 107–114.
51. Из истории издательской деятельности Российской Академии (Бальзак в России) // Книга в России XVI – середина XIX в. Книгораспространение, библиотека, читатель. Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 154–162.
52. Список печатных трудов Е. С. Кулябко // Археографический ежегодник за 1985. М.: Наука, 1987. С. 300–301.

1988

53. Петербургский адрес Франсиско Миранды // Латинская Америка. 1988. № 2. С. 121–123.
54. Документальное наследие И. И. Срезневского в ЛО Архива АН СССР // Ломоносов и книга. Сб. науч. трудов / Библиотека АН СССР. Л., 1988. С. 114–118.
55. Роман Ж. Лаваля «Негр, или Черной, каких мало бывает белых» и его судьба в России (Le roman de Joseph La Vallée «Le negre comme il a peu de blancs» et sa distine en Russie) // Книга в России в эпоху Просвещения. Л.: Библиотека АН СССР, 1988. С. 74–78.
56. Цветы памяти // Ленинградская правда. 1988. 9 декабря. № 283 (22425). С. 3.
57. Вокруг одной статьи Пушкина // Временник Пушкинской комиссии / Сб. науч. статей. Л., 1988. Вып. 22. С. 158–161.
58. Литературные связи Латинской Америки и России // История литератур Латинской Америки. От войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации (1810–1870-е годы). М., 1988. Т. 2. С. 583–637. Совместно с В. Н. Кутейщиковой.
59. Evocando el pasado de América Central // América Latina. 1988. No. 2. P. 77–81.

1989

60. Писательницы пушкинской поры: Историко-литературные очерки // Литературоведение и языкознание. Серия «Научно-

популярная литература» / Отв. ред. С. А. Фомичев. М.: Наука, 1989. 173 с.

61. И. А. Гейм — ученый, издатель и педагог // Книга в России XVII — начала XIX в. Проблемы создания и распространения. Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 56–60.

1990

62. Siguiendo las huellas de Colón. Relatos de escritores, científicos y viajeros rusos y soviéticos sobre América Latina (Уже Колумбу вслед... Русские и советские писатели, ученые и путешественники о Латинской Америке) // Сост., коммент. М. Ш. Файнштейна. Moscú: Editorial Progreso, 1990. 311 с.

63. Из истории русско-мексиканских научных связей // Россия — Мексика: 100 лет дипломатических отношений 1890–1990 / Академия наук СССР. Институт Латинской Америки АН СССР / Отв. ред. А. Д. Бекарович, А. И. Сизоненко. М., 1990. С. 26–35.

64. Издательское дело Российской Академии в 1830-е гг. // Книга в России. XVI — середина XIX в. Тезисы докладов 4-й Всесоюзной научной конференции «Книга в России: Век Просвещения». Ленинград, 11–13 декабря 1990 / Академия наук СССР. Научный совет по комплексной программе «История мировой культуры». Библиотека Академии наук СССР. Л., 1990. С. 177–183.

65. Просветительские традиции Российской Академии // Там же. С. 25–26.

66. История одной коллекции // Латинская Америка. 1990. № 12. С. 127–131.

67. По следам одного литературного сюжета // Латинская Америка. 1990. № 7. С. 111–118.

1991

68. Колумб и Россия // La Casana. Genova: Banca Carige SpA, 1991. № 4. P. 50–51.

69. А. Г. Ротчев: Воспоминания русского путешественника / Сост., предисл. и коммент. М. Ш. Файнштейна. М.: Наука, 1991.

70. По следам одного литературного сюжета: В. Гюго в России // Латинская Америка. 1991. № 6. С. 127–137.

1992

71. Легенды старого Петербурга // Сост., примеч. М. Ш. Файнштейна. М.: Панорама, 1992. 144 с.

72. Вознесены на пьедестал. Серия «Мгновения истории». Популярная библиотека «Коробейник». М.: Панорама, 1992. 46 с.

73. Из истории Российской Колумбиады // Латинская Америка / Российская Академия наук. Отделение проблем мировой экономики и международных отношений. Институт Латинской Америки. М.: Наука, 1992. № 2–3. С. 106–114; № 5–6. С. 58–64.

74. Colombo alla corte dello zar. I quadri colombiani del pittore russo Aivasovski // COLUMBUS-92. Rivista ufficiale delle celebrazioni colombiane. Genova: Edizioni Colombo S.R.L., 1992. № 1–2 (58). P. 5–7.

75. Юбилей открытия Америки и Русское Географическое общество: страницы истории // Известия РГО. 1992. № 5. С. 393–396.

76. Цена истины // Природа. 1992. № 8. С. 126–128.

77. Российская Академия // Санкт-Петербург – Петроград – Ленинград: энциклопедический справочник. М., 1992. С. 17.

78. Дашкова Е. Р // Там же. С. 173.

79. Судьба Словаря русских ботаников // Природа. 1992. № 8. С. 126–128.

80. Dos Humanidades. El tema colombino en Rusia y las relaciones con America Latina. Páginas de la historia. Enfoques desde Rusia // America Latina. 1992. № 2. P. 73–89.

81. В. Ю. Дрентельн // Русские писатели: 1800–1917. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия» ФИА-НИТ, 1992. Т. 2. С. 182.

82. А. С. Ионин // Там же. С. 421–422.

83. Русские писательницы 1820–1840-х годов // Russland aus der Feder seiner Frauen zum femininen Diskurs in der russischen Literatur. Materialien des am 21/22 Mai im Fachbereich Slavistik der Universität Potsdam durchgeführten Kolloquiums // Slavistische Beiträge. München: 1992. Bd 297. S. 29–33.

1993

84. Из истории собрания А. Ф. Онегина в Пушкинском доме // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990. СПб.: ИРЛИ, 1993. С. 307–316.

85. Balzac et la censure russe // Balzac dans l'Empire Russe. De la Russie à l'Ukraine. Paris: Paris-Musées Editions des Cendres, 1993. P. 89–98.

86. О фонде И. И. Срезневского в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Славянские языки, письменность и культура. Сб. науч. трудов. Киев, 1993. С. 249–257.

87. Первые сведения о русских писательницах XVIII в. в Европе // Тезисы докладов конференции «Российские женщины и европейская культура» / Отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 1993. С. 12–13.

1994

88. Усовершенствовать и возвеличить слово наше... Словарное дело Российской Академии (1783–1841) / СПб. фил.-ал Архива РАН. СПб., 1994. 294 с.

89. Gotóvtseva Anna Ivánovna // Dictionary of Russian Women Writers / Ed. by Marina Ledkovsky, Charlotte Rosenthal, Mary Zirin. London: Greenwood Press; Westport, Connecticut, 1994. P. 227.

90. Ishíмова Aleksándra Ósipovna // Ibid. P. 262–263.

91. Krichévskaja Liubóv Iákovlevna // Ibid. P. 340–341.

92. Lisíthyna Mariia Aleksándrovna // Ibid. P. 377–378.

93. Miklashévich Varvára Semënovna // Ibid. P. 424.

94. Shálikova Natál'ia Petróvna // Ibid. P. 576–577.

95. Zakrévskaja Sof'ia Arsén'evna // Ibid. P. 737–738.

96. Zrazhévskaja Aleksándra Vasil'evna // Ibid. P. 757–759.

97. Северная Коринна // *Aroutunova B.* Lives in Letters: Princess Zinaida Volkonskaya and her Correspondence. Columbus. Genova, 1994. P. 383–385.

1995

98. Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX в. // Сб. науч. статей / Сост. М. Ш. Файнштейн / *FrauenLiteraturGeschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur.* Wilhelmshorst: Verlag F. K. Göpfert, 1995. Bd 2. 228 S.

99. О восточных повестях Е. А. Ган // Русские писательницы и литературный процесс в конце XVIII – первой трети XX в. Сб. науч. ст. / Сост. М. Ш. Файнштейн / *FrauenLiteraturGeschichte.*

Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. Bd 2. S. 199–203.

100. Der russische Heidelberger Sergei Svatikov. Biographische Skizze // Heidelberger Almanach aus dem Jahre 1912. Übersetzte und erweiterte Ausgabe. Russica Palatina. Skripten der russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg / Hrg. Prof. W. Birkenmaier, Prof. M. Feinstein, E. Wischhöfer. Heidelberg, 1995. Bd 25a. S. 12–26.

101. Загадка Марка Басанина // Феминизм и российская культура. СПб.: Междунар. ин-т «Женщина и управление», 1995. С. 117–127.

102. Из Гарварда в Ленинград: Письма Р. О. Якобсона к В. М. Жирмунскому // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Вып. 4. С. 125–134.

103. Русская душа. Сборник поэзии и прозы современных писательниц русской провинции / Ред.-сост. Г. Г. Скворцова-Акбулатова. Научно-исследовательская группа: Ф. К. Гёпферт (Университет Потсдама), М. Ш. Файнштейн (СПб. филиал Архива РАН). Frauen literatur geschichte. 1995. 237 с. Совместно с ассоциацией писательниц «Мария» (Петрозаводск, Россия).

1996

104. Екатерина II и развитие языкознания в России // Katharina II. Eine russische Schriftstellerin // Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. 1996. Bd 5. S. 27–38.

105. Из воспоминаний А. С. Шишкова о Екатерине II // Там же. S. 49–54.

106. О материалах по русско-польским научным связям в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН // Архивы России и Польши: Актуальные проблемы развития и сотрудничества / Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 21–22.

107. Biographisches Lexikon des Russischen Heidelberg // Russica Palatina / Skripten der russischen Abteilung des Instituts für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg. Institut für Übersetzen und Dolmetschen der Universität Heidelberg, Russische Abteilung. Санкт-Петербургский ф-л Архива РАН. М. Ш. Файнштейн. Heidelberg, 1996. № 27. 169 S.

108. Из истории русско-норвежских связей: по материалам СПб. филиала Архива РАН // Российско-норвежские контакты. СПб.: Европейский дом, 1996. С. 9–51.

109. Проблемы женской эмансипации в произведениях писательниц России и Германии (конец XIX – начало XX вв.) // Женщины Серебряного века: жизнь и творчество. Тезисы докладов III науч. конф. «Российские женщины и европейская культура». С.-Петербург, 23–25 сентября 1996 г. СПб., 1996. С. 66–68.

110. Из истории издания литературного наследия К. К. Павловой // Ежеквартальник русской филологии и культуры. Russian Studies. 1996. Т. II. № 3. С. 309–319. Совместно с Ф. Гёпфертом.

1997

111. Анфилада: Сборник стихотворений / Сост. Марина Палей, Ольга Хвостова. Literaturwissenschaftliche Projektgruppe F. Göpfert (Universität Potsdam), M. Š. Fajņštejn (St. Petersburger Filiale des Archivs der Akademie der Wissenschaften Russlands) // Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. 1997. Bd 7. 215 S.

112. Лицом к лицу: «женская тема» в произведениях писательниц России и Германии на рубеже XIX–XX вв. // О благородстве и преимуществе женского пола: Из истории женского вопроса в России. Сб. науч. трудов / Науч. ред и сост. Р. Ш. Ганелин / СПб. Гос. Академия культуры. Невский ин-т языка и лит-ры. Женская гуманитарная коллегия им. А. П. Философовой. СПб., 1997. С. 110–116.

1998

113. М. П. Благовещенская: Из истории русско-финских литературных связей // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. Историко-культурный контекст и личность / С.-Петерб. Научный центр РАН. С.-Петерб. фонд им. М. В. Ломоносова. Институт Финляндии в Санкт-Петербурге. СПб.: Европейский дом, 1998, изд. 2-е. С. 95–100.

114. К. И. Яниш – первый директор Демидовского высших наук училища // Немцы и развитие образования в России / СПб. научный центр РАН. Семинар «Немцы в России и русско-

немецкие научные и культурные связи. СПб., 1998. С. 188–191. Совместно с А. А. Стриженко.

115. Предстательницы муз. Русские поэтессы XVIII в. / Сост. Ф. Гёпферт, М. Ш. Файнштейн // *Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauen literatur*. 1998. Bd. 9. 284 с.

116. Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII – перв. пол. XIX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 1998. 51 с.

117. Александр Семенович Шишков // *Отечественные лексикографы XVIII–XIX вв.: Материалы для хрестоматии* / Под ред. Г. А. Богатовой. М., 1998. Ч. 2. С. 735–750.

118. Рукописи Х. Вольфа в Архиве Российской Академии наук // *Философский век: Христиан Вольф и русское вольфианство*. СПб., 1998. С. 384–393.

119. Российская Академия (1783–1841) в николаевскую эпоху // *Философский век. Россия в николаевское время: наука, политика, просвещение* / Альманах. СПб., 1998. Вып. 6. С. 65–73.

120. Peter de Grote in Zaandam // *Ons Erfdeel*. 1998. № 1. P. 720–733. Совместно с Э. Вагемансом.

1999

121. Объединение двух Академий // *ВИЕТ/Рос. Акад. наук / Ин-т истории естествознания и техники* / Гл. ред. В. М. Орел. М.: Наука, 1999. № 2. С. 40–55.

122. Ivan Ivanovič Janžul: Bausteine einer vergessenen Biographie // *Russica Palatina*. 1999. № 33. P. 19–25.

123. Heidelberg am Schnittpunkt russischer Lebensläufe // *Ibid.* 172 S.

124. Профессора Гейдельбергского университета — члены Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге // *Петербургская Академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук. Материалы Международной конференции*. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 2. С. 168–170.

125. Из истории отечественной византистики: забытый проект Российской Академии // *Рукописное наследие рус-*

ских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб.: Дм. Буланин, 1999. С. 521–536.

126. Russische Mediziner in Heidelberg // Russian-german Links in Biology and Medicine: 300 year Experience of interactions. International Conference, September 14–16, 1999 ABSTRACTS / Ed. by L. J. Borkin, E. I. Kolchinsky. St. Petersburg, 1999. P. 20.

127. Забытый юбилей: первая русская романистка Варвара Семеновна Миклашевич // Пером и прелестью: Женщины в пантеоне русской литературы / Сб. статей. / Под ред. Ванды Лящак и Дарьи Амброзьяк / Опольский университет. Ополе, 1999. С. 64–68.

128. О первых типографиях Петербурга // Печатное дело. 1999. Май. № 1. С. 7.

129. Петербургские типографии в царствование Екатерины II // Там же. № 2–3. С. 7.

130. Мы благодарны любезной сочинительнице. Проза и переводы русских писательниц конца XVIII века / Сост. Ф. Гёнферт, М. Файнштейн // Frauen literatur geschichte. Texte und Materialien zur russischen Frauenliteratur. Fichtenwalde: F. K. Göpfert Verlag, 1999. Bd 11. 213 S.

131. Словарные работы Российской Академии. 1810–1840-е годы // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб., 1999. С. 139–145.

132. Ausländer als Expeditionsteilnehmer in Russland im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // Alexander von Humboldt – Netzwerke des Wissens. Berlin; Bonn, 1999. S. 178–180.

2000

133. Российская Академия и русские писательницы // ABSTRACTS. VI Icces World Congress 29 July –3 August 2000. Tampere, Finland. Tampere, 2000. P. 111–112.

134. П. Корсаков: из истории русско-голландских литературных связей // Россия – Голландия. Книжные связи XV–XX вв. / Сост. и науч. ред. Н. П. Копанева / С.-Петербургский филиал Архива РАН. СПб.: Европейский дом, 2000. С. 306–312.

135. Карл Бреверн // Во главе первенствующего ученого сообщества России: Очерки жизни и деятельности президентов Имп. С.-Петерб. Акад. наук. 1725–1917. СПб.: Наука, 2000. С. 52–56.

136. Heidelberger Professoren in russischer Sicht. Dokumente aus der Zeit um 1900 // *Russica Palatina*. 2000. № 34. 162 с.

137. Русский ботаник в стране Восходящего солнца (1861–1864). Максимович и Макино. Растения, которые вернулись к Тоса из России // Каталог выставки / Ботанич. ин-т им. Комарова РАН. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ботанич. Сад им. Т. Макино. Кочи, 2000. С. 16–18.

138. О материалах С. Б. Линде в архивохранилищах С.-Петербурга // *The sciences Archives in the European Integration. Materials of the International Conference*. Warshaw, Poland, 2–3 Desember 1999. Warshaw, 2000. P. 23–24.

139. Русские научные исследования в Америке (1820–1930-е гг.) // Наука и техника: Вопр. истории и теории. Тез. XXI годичной конф. СПб. отд-ния Рос. Нац. к-та по истории и философии науки и техники. Санкт-Петербург, 20–24 ноября 2000 г. / Научно-техн. совет при губернаторе С.-Петербурга, секция «Культура и образование». Российская Академия наук. СПб. Научный центр. СПб. университет. СПб. отд-ние Рос. нац. комитета по истории и философии науки и техники / Отв.ред. Э. И. Колчинский. СПб., 2000. Вып. XVI. С. 40.

2001

140. Die Russische Akademie (1783–1841) — ein Kind der russischen Aufklärung // *Russische Aufklärungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825) / Aufklärung und Europa*. Schriftenreihe des Forschungszentrums Europäische Aufklärung e.V. Hrsg. Gabriela Lehmann-Carli, Michael Schippan, Birgit Scholz, Silke Brohm. Berlin: Verlag Arno Spitz GmbH, 2001. S. 643–652.

141. Music and Painting in Karolina Pavlova's life // *Essays on Karolina Pavlova* / Ed. S. Fusso and Lehrman. Evanston: Illinois, NWUP, 2001. P. 230–240.

142. Über E.W. Bretschneiders Materialien in den Sammlungen des St.-Petersburger Filiale des Archivs der Russischen Akademie der Wissenschaften // *Russian-german Links in Biology and Medicine* // ABSTRACTS. International Conference. Sept. 17–19, 2001. SPb., 2001. P. 8–9.

143. Из истории русско-скандинавских литературных связей: М. П. Благовещенская // *Российские женщины и европей-*

ская культура: Мат-лы V конф, посв. теории и истории женского движения / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб: С.-Петерб. филос. об-во, 2001. С. 260.

144. Dmitrij Dolgorukov (1797–1869). Dmitrij Dolgorukov i suoi ricordi dell' Italia // Passi, passaggi, passioni, scrittori, poeti, artisti russi in Liguria nel corso di un secolo (1825–1925). A cura di Augusta Dokukina Böbel, Caterina Maria Feannacca. Genova: De Ferrari editore. 2001. P. 11–14.

145. Vladimir Jakovlev (1817–1884). Genova alla metà del XIX secolo visto da un viaggiatore russo // Там же. 2001. P. 17–32.

2002

146. И славу Франции в России превзойти...Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук / Московский гуманитарный ин-т им. Е. Р. Дашковой. Архив Российской Академии наук, СПб. ф-л / Науч. ред. В. С. Соболев. Отв. ред. Л. В. Тычинина. М.; СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 192 с.

147. Меня Вы назвали поэтом... Жизнь и литературное творчество К. К. Павловой в ретроспективе времени // FrauenLiteraturGeschichte. 2002. Bd 15. 179 S.

148. Российская Академия (1783–1841) и русская культура в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2002.

149. Новые сведения о биографии А. В. Ганзен // Женщина в гражданском обществе: история, философия, социология. Материалы VI конференции «Российские женщины и европейская культура», посвященной теории и истории женского вопроса и общественного движения / СПб. ГУ. Фонд Конрада Аденауэра. Философский факультет. Учебно-научный гендерный центр. Факультет социологии. Невский ин-т языка и культуры / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2002. С. 118–124.

150. Э. В. Бретшнейдер и его материалы в архиве РАН (Санкт-Петербург) // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. Между наукой и идеологией / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Борей Арт, 2002. Вып. III. С. 60–64.

151. Academie der Wissenschaften // Lexikon der russischen Kultur. Darmstadt: Primus Verlag, 2002. S. 16–18.

152. Die deutschen Botaniker im Sergei Lipschitz's biographischen Lexikon «Die russischen Botaniker» (1947–1952) // Russian-German Links in Biology and Medicine: History and Significance of the evolutionary Synthesis: International Conference. September 16–18, Abstracts. Section II. Scientific contacts of German and Russian Biologists. History and Variety / Ed. by E. I. Kolchinsky. St. Petersburg, 2002. P. 26–28.

153. Biographisches Lexikon des russischen Heidelberg II (1914–1945) // Russica Palatina. 2002. № 38. 115 S.

154. История одной дружбы: Виктор Гольдшмидт и Александр Ферсман // Biographisches Lexikon des russischen Heidelberg II (1914–1945) // Russica Palatina. Bd 38. S. 95–101.

2003

155. Указатель конкурсов Императорской Академии наук и художеств 1751–1796. СПб.: ООО Политехника, 2003. 95 с.

156. С. Б. Линде и лексикография Российской Академии в 1810–1840-е годы // Dialog w literaturach i językach słowiańskich / Uniwersytet Opolski / Studia i szkice slawistyczne / Pod redakcją Stanisława Kochmana i Czesława Lachura. Opole, 2003. T. 2. Językoznawstwo. P. 81–84.

157. Е. Р. Дашкова и «Словарь Академии Российской» (1783–1794) // Е. Р. Дашкова: личность и эпоха / Отв. ред. Л. В. Тычина. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2003. С. 58–72.

158. Из писем участника экспедиции Резинотреста в Латинскую Америку (1925–1928) // Русская наука в биографических очерках / Вступ. статья, публ. и коммент. М. Ш. Файнштейна / Российская Академия наук. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Санкт-Петербургский филиал. Санкт-Петербургский институт истории / Отв. ред. Э. И. Колчинский, И. П. Медведев. СПб., 2003. С. 366–372.

2004

159. Норвежская литература в России в конце XIX – начале XX века // Россия – Норвегия: Сквозь века и границы / Под ред. Д. Бюхтен, Т. Джаксон, Й. П. Нильсен. М.: Художник и книга, 2004. С. 148–151.

160. Fajnsjtejn M. Anna Croiset van der Kop: een Nederlandse aan de oevers van de Neva // Noord-en Zuid-Nederladers in Rusland 1703–2003. Groningen: INOS, 2004. P. 393–409; Файнштейн М. Анна Краузе ван дер Коп: голландка на берегах Невы // Голландцы и бельгийцы в России XVIII–XX вв. СПб., Алетейя, 2004. С. 407–422.

**ИСТОРИЯ
НАУКИ И ТЕХНИКИ**

М. Ф. Хартанович

К истории организации фондов поддержки науки в России в XIX в.: президент Императорской Академии наук граф С. С. Уваров и Уваровские награды

Деятельность Академии наук 20–50-х гг. XIX в. проходила в условиях значительных преобразований. Из учреждения с постоянным денежным и кадровым дефицитом она благодаря усилиям ее руководства во главе с С. С. Уваровым превратилась в научный центр с плеядой известных ученых, с первоклассными научными учреждениями и музеями. Организационная система, заложенная в Академии наук второй четверти XIX века (принятие штатного расписания 1830 г., нового академического Устава 1836 г., постройка научного центра мирового значения — Главной астрономической обсерватории в Пулковско, образование в Академии наук трех отделений и т. д.), слажено работала вплоть до 20-х годов XX в.

Сергей Семёнович Уваров родился в 1786 г. Получив домашнее образование, он в 1801 г. в звании юнкера поступает на службу в Коллегию иностранных дел. Затем, в 1806 г., он служит при посольстве в Вене, а в 1809 г. — секретарем посольства в Париже, где он в 1810 г. напечатал свой первый труд «Essai d'une Academie Asiatique». За эту работу Гёттингенское общество наук

избрало его в число своих членов. Уже в 1812 г. Уваров публикует следующее свое произведение «Об «Элевзинских таинствах», посвященное этому научному обществу. В конце 1810 г. он возвращается в Россию. 31 декабря 1810 г. двадцатичетырехлетний С. С. Уваров становится попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Десятилетнее его управление округом ознаменовалось началом реформы учебных программ гимназий на основе преобладания в них древних языков, присвоением II разряда Главному Педагогическому институту и преобразованием его в 1819 г. в Санкт-Петербургский университет. Годы попечительства (1811–1821) были отмечены не только энергичной служебной деятельностью, но и научно-литературными занятиями, принесшие Уварову европейскую известность. Титул графа, всегда казалось мне, наследственный, С. С. Уваров получил только за заслуги высочайшим указом от 1 июля 1846 г.¹

В начале 20-х гг. в деятельности С. С. Уварова в сфере народного просвещения наступил перерыв. В 1821 г., в конце правления Александра I, ознаменованного давлением реакционных кругов, он уходит в отставку с должности попечителя учебного округа. Только в 1826 г., с вступлением на престол Николая I, он получил приглашение войти в состав Комитета устройства учебных заведений. С. С. Уваров возглавляет ведомство образования, а в 1832 г. получает назначение сначала товарищем министра, а затем, в 1833 г., и министром народного просвещения.

В процессе работы в сфере науки и просвещения у С. С. Уварова складывается свой круг научных интересов. Наставником его в совершенствовании историко-филологических знаний стал академик Х.-Ф. Грефе. Уваров на протяжении пятнадцати лет занимался под руководством академика изучением грамматики и чтением древних авторов. Польза от таких занятий была обоюдной. При поддержке всесильного Уварова Грефе быстро продвигался по карьерной лестнице. Сначала он стал профессором Санкт-Петербургского педагогического института, затем университета, а потом членом-корреспондентом и академиком Императорской Академии наук².

На научные интересы С. С. Уварова определенное влияние оказали литературные кружки — «Беседы любителей русского слова» и «Арзамас», в которых он вращался со времен юношес-

тва. Здесь он познакомился с лидерами неоклассического движения в России — с общественным деятелем А. П. Олениным, поэтом К. П. Батюшковым и с П. И. Гнедичем — переводчиком гомеровской «Илиады».

С Академией наук Уварова связала судьба в 1818 г. 12 января высочайшим указом С. С. Уваров назначается президентом Императорской Академии наук и сохраняет этот пост за собой до конца жизни, т. е. до 1855 г.

«28 января 1818 г., — вспоминает академик П. А. Плетнев, — в собрание ученых, столь известных свету сочинениями, прибыл молодой человек лет тридцати, прекрасной наружности, с явными привычками к высшему светскому обществу»³. В своей речи в этот день С. С. Уваров просил академиков верить его готовности содействовать их научным исследованиям и выразил надежду, что «Академия удержит во всей полноте права свои на уважение ученого света и на признательность отечества. Для достижения сей высокой цели мы должны соединиться в одну волю и вместе победить все препятствия твердостью, единодушием и взаимною доверенностью»⁴.

Академия наук после принятия Устава 1803 г. обретала некоторую самостоятельность по сравнению с Регламентом 1747 г. Однако последовавшие вскоре экономические обстоятельства оказали пагубное влияние на развитие как ведущего научного учреждения, так и на отечественную науку в целом. Стремительная инфляция 1810-х годов поставила всех служащих в России, а в данном случае в Академии наук, в стеснительное положение: «единственным средством для безбедного существования сделалось занятие нескольких мест в одно и то же время. Те, которым это удалось, не могли исполнять своих различных и часто разнородных обязанностей иначе как во вред своей ученой деятельности»⁵. Хозяйственные дела Академии находились в значительном упадке. В 1817 г. касса ее была пуста из-за проведения строительных работ для улучшения помещения для академиков.

В 1818 г., вступив в должность президента Академии, С. С. Уваров составил записку о положении этого учреждения. Молодой администратор столкнулся с немалыми трудностями: «Неуважение к общему мнению, частые ненависти и приязни,

издавна совершаемый недостаток единодушия и прекратили всю деятельность Академии. Надо признаться, что первый зародыш сего беспорядка лежит в самом Уставе Академии: ибо неразделение Академии на классы производит большое неудобство ученых собраний, в коих химик должен слушать чтения о народонаселении, ориенталист — новый эксперимент о теплотворе. Какого тут ожидать единодушия или участия?»⁶

С. С. Уваров прежде всего уделял большое внимание сохранению в Академии естественных наук и коллекций музеев. Получив от правительства единовременное пособие в 25 000 руб., он распорядился перестроить старое здание, где хранились академические коллекции, располагались библиотека и музей естественной истории. Идея Уварова об организации востоковедческого центра («Проект учреждения Азиатской академии») была отчасти реализована в открытии Азиатского музея.

21 марта 1833 г. следует указ о назначении С. С. Уварова министром народного просвещения с оставлением в должности президента Академии наук⁷. В основу деятельности министерства он положил широкую программу, основанную на исторических принципах русской государственности и культуры: «приноровить общее всемирное просвещение к нашему народному быту, к нашему народному духу, утвердить его на исторических началах православия, самодержавия и народности»⁸.

Еще 4 декабря 1832 г. в стенах Московского университета впервые звучит уваровская «триединая формула» — православие, самодержавие и народность. Эти принципы должны были привести Россию через то, что именуется, по его словам, «модернизацией», «консервативным обновлением», к созреванию без потрясений и без угрозы чувству национальной гордости. Сохранение национальных особенностей во взаимодействии с европейским образованием не мыслилось, по мнению Уварова, без опоры на такие фундаментальные устои, как православие, самодержавие и народность. При любом движении по пути прогресса, считал С. С. Уваров, обязательно следовало учитывать ее уклад. Программа полностью отвечала духу времени: на пепелище восстания декабристов и польских выступлений, закончившихся разгромом польской конституции, необходимо было укрепить трон Николая I, отместить либеральные настроения, от-

влечь от событий на окраинах державы и тем самым выполнить волю императора.

В 40-е годы в просвещенных кругах России сложилась славянофильская доктрина, поддерживающая концепцию С. С. Уварова о важности исторических начал русского государственного строя. Однако идеи первых славянофилов не были поняты правительством и признаны в некоторых отношениях даже опасными. Мечты славянофилов о культурном и политическом единении славянских племен считались бесполезными и даже вредными. «Я обращаю слово, — писал Уваров еще в 1833 г., — преимущественно к тем преподавателям, которым досталось обрабатывать на ученом поприще участок славный, но трудный: русский язык и русскую словесность с прочими соплеменными наречиями как вспомогательными средствами для родного языка, русскую историю и историю русского законодательства; им предпочтительно перед другими принадлежит возбуждение духа отечественного, не из славянства игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических»⁹.

Императорская Академия наук получила 8 января 1836 г. новый устав и штат, по которому сумма на ее содержание удваивалась. Другим важным событием в жизни Академии второй четверти XIX в. стало присоединение к ней Российской Академии. 11 апреля 1841 г. на докладной записке С. С. Уварова о смерти президента Российской Академии адмирала А. С. Шишкова Николай I начертал: «Представить проект соединения Российской Академии с Академией наук». Желая сохранить Академию наук как учреждение, «завещанное России Петром Великим» и призванное разрабатывать преимущественно точные науки, С. С. Уваров составил план такого ученого учреждения, которое под общим названием «Императорские Соединенные академии» распалось бы на три самостоятельных отделения: Академию наук, занимающуюся точными науками; Академию русской словесности и Академию истории и филологии. Каждая академия имела бы своего особого президента, вице-президента, Конференцию и непременно секретаря. Общее руководство осуществляли бы канцлер и Общее собрание¹⁰. Но этот тяжело-весный проект не был принят Николаем I. По рескрипту на имя

министра от 19 октября 1841 г. Российская Академия присоединилась к Академии наук в виде особого ее отделения. По новой своей структуре Академия состояла уже из трех отделений. Тогда же было издано и особое положение об Отделении русского языка и словесности¹¹.

За время своего министерского правления С. С. Уваров успел претворить основные принципы своей программы в ряд важных преобразований, затронувших многие стороны учебной системы и выразившихся в новой организации управления учебными округами на бюрократических началах, ограничении университетской автономии и академической свободы университетов по принятому в 1835 г. новому университетскому уставу. «Положение об учебных округах» 25 июня 1835 г. заключалось в передаче всех обязанностей и прав университетов по управлению учебными заведениями из округов в руки попечителей. «Положение» явилось как бы введением к университетской реформе. 26 июля 1835 г. был высочайше утвержден «Общий устав Императорских российских университетов», который преследовал две основные цели: 1) возвысить университетское образование и поставить его на «степень, доступную лишь труду долговременному и постоянному, воздвигнуть благоразумную преграду преждевременному вступлению в службу молодежи незрелой; 2) привлечь в университет детей высшего класса и положить конец превратному домашнему воспитанию их иностранцами, уменьшить господство страсти к иноземному образованию и водворить стремление к образованию народному, самостоятельному»¹².

По отношению к научным учреждениям, находящимся в ведении Министерства народного просвещения, С. С. Уваров руководствовался той же целью: «сохраняя все выгоды европейского просвещения, продвинув умственную жизнь России вровень с прочими нациями, — писал он, — дать ей самостоятельность народную, основать ее на началах собственных и привести в соответствие с потребностями народа и государства»¹³. Однако высокие слова и благородные цели зиждились на зыбкой почве. Незнание реальной жизни народа, отдаленность от насущных потребностей приводили государственных деятелей той эпохи, в том числе и С. С. Уварова, к неутешительным результатам. Жела-

ние решить проблемы, вставшие на пути развития науки, просвещения и в целом отечественной культуры, обернулось усилением контроля и давлением внутренней цензуры.

Самой ответственной, да и тяжелой обязанностью Министерства народного просвещения во главе с С. С. Уваровым была цензура. Основным цензурным законом долгое время являлся либеральный цензурный устав 1828 г., но его смысл был подорван позднейшими постановлениями и распоряжениями, а с 1848 г. министерство перестало быть главным цензурным центром над учебными и научными учреждениями, так как само попало под контроль особого верховного «Комитета 2-го апреля». С. С. Уваров, один из цензурных идеологов николаевской эпохи, стал автором наказа цензорам, которые были обязаны «умножать, где только можно, число умственных плотин против разрушительных европейских идей». Еще в 1836 г. было объявлено временное запрещение на открытие новых периодических изданий; не допускалось одному и тому же лицу быть ответственным редактором двух и более периодических изданий; усилился контроль за издательским предпринимательством и книжной торговлей; приостановлены дешевые издания для простого народа. В 1847 г. было даже обращено внимание цензуры на «стремление некоторых авторов к возбуждению в читательской публике необузданных порывов патриотизма, становившихся иногда если не опасными, то, по крайней мере, неблагоприятными по тем последствиям, какие они могут иметь»¹⁴.

Первые же известия о революционных событиях в Европе в 1848 г. послужили предлогом к новым крайним мерам в области цензуры. Высочайшим повелением от 2 апреля был образован Особый комитет под председательством князя А. С. Меншикова для высшего надзора над книгопечатанием. «Комитет этот, род нароста в нашей администрации, — вспоминал М. А. Корф, председатель этого Комитета. — Учреждением его образовалась у нас двоякая цензура: предупредительная и взыскательная или карательная»¹⁵. Одна из причин организации «Комитета 2 апреля», по мнению М. А. Корфа, была в том, что Уваров утратил доверие императора и приходилось контролировать и саму работу министра. Однако при преемниках Уварова деятельность «Комитета 2 апреля» «сделалась совершенной аномалией и только

парализовала действия и власть самого министерства, вредя косвенно всякому полезному развитию и успехам отечественной письменности»¹⁶.

В 1849 г. за незначительное несоответствие своей должности С. С. Уваров покинул пост министра народного просвещения. Паралич приковал его надолго к постели, однако он оставался до своей смерти президентом Академии наук.

Общая ситуация обострилась к середине века, когда абсолютистский режим стал принимать меры против возможных революционных потрясений внутри страны. Стремясь удержать контроль над умами, правительство предприняло наступление на проникновение опасных веяний с Запада — распространявшихся в русском обществе материалистических и демократических идей. С. С. Уваров был уверен в правильности государственной системы, основанной на самодержавии, и считал, что всякая попытка европеизации России обрекает ее на социальную катастрофу. «Мы, то есть люди девятнадцатого века, в затруднительном положении — мы живем среди бурь и волнений политических. Народы имеют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. <...>. Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню свой долг и умру спокойно»¹⁷.

10 мая 1856 г. Общее собрание Императорской Академии наук на своем заседании обсудило письмо графа Алексея Сергеевича Уварова, сына бывшего президента Академии, на имя президента Академии наук Д. Н. Блудова с предложением проекта организации конкурса «лучших сочинений по части русской истории и словесности»¹⁸. В письме говорится: «Назначенный еще в молодости Президентом Академии наук, отец мой провел большую часть своей жизни в кругу ея членов, выказывая постоянную свою любовь к отечественной истории и к исследованиям филологическим. Желая по кончине его, связать неразрывно память о нем с существованием самой Академии, имею честь представить составленный мною проект о наградах, раздаваемых ежегодно и покорнейше просить, если оный проект будет одобрен Академией наук, исходатайствовать Высочайшее

разрешение на учреждение предлагаемых мною премий»¹⁹. Общее собрание постановило «изъявить Его Сиятельству графу Уварову искреннюю благодарность за внушенное ему любовью к отечественной истории и литературе покровительство, которое может стать полезным для отечественного просвещения» и организовать особую комиссию из двух членов по каждому отделению для рассмотрения представленного А. С. Уваровым проекта конкурса. В комиссию вошли от Физико-математического отделения В. Я. Буняковский и Ю. Фрицше, от Отделения русского языка и словесности — А. В. Никитенко и И. И. Срезневский, от Историко-филологического отделения — П. И. Кеппен и А. А. Куник²⁰.

17 января 1857 г. Александром II было утверждено «Положение о наградах графа Уварова», по которому на основе ежегодного взноса камер-юнкера графа А. С. Уварова в размере 3000 рублей серебром учреждались при Императорской Академии наук Уваровские награды²¹. Все заботы о делах по присуждению Уваровских наград возлагались на членов Отделения русского языка и словесности, так как в прерогативу отделения входили исследования по отечественному языку и литературе.

17 января 1857 г. было высочайше утверждено «Положение о наградах графа Уварова». В протоколах Общего собрания Академии наук можно найти следующие строки: «Читано отношение г. Министра народного просвещения от 23 января 1857 г. на имя президента о том, что Государь Император по положению Главного правления училищ в 17-й день января высочайше соизволил на принятие предлагаемого камер-юнкером графом Уваровым ежегодного взноса по 3 тысячи рублей серебром для учреждения при Императорской Академии наук наград под именем “Наград графа Уварова” на основании одобренного Академией проекта. Вместе с тем министр дает знать президенту, чтобы высочайшее одобренное положение о наградах графа Уварова препровождено к г. Министру юстиции для предоставления Правительствующему Сенату»²². Ежегодно А. С. Уваров вносил в фонд конкурса 3000 рублей серебром. 2500 рублей были предназначены на выдачу наград (одной большой в 1500 рублей и двух меньших по 500 рублей) за сочинения, а 500 рублей — поощрительная награда за решение задач, предлагаемых еже-

годно Академией наук²³. Из «Положения» явствует, что целью конкурса становится «поощрение русских писателей к занятиям русской и славянской историей в обширном значении слова и драматической словесностью» (§ 2). Однако руководство Академии подчеркивало право на изменения и дополнения к «Положению о наградах графа Уварова», «которые со временем окажутся нужными и <...> предоставить Академии наук присвоенное ею право изменять и дополнять» правила присуждения премий²⁴.

Круг тематики представляемых работ по истории был довольно широк. Предполагалось, что на суд Отделения русского языка и словесности, а также Историко-филологического отделения будут представлены работы по политической истории России и других славянских стран, по истории церкви, законодательства, по исследованию древних языков, литературы, искусства, а также драматические произведения, написанные на русском языке и одобренные цензурой. Конкурсная комиссия не принимала произведения переводные, хотя и касающиеся русской истории или истории славянских народов, публикации исторических документов, книги, изданные по распоряжению правительства, грамматики, словари, учебные пособия, работы, уже удостоенные наград и сочинения действительных членов Императорской Академии наук. (§ 5)

Важно отметить, что Уваровские награды вручались и за драматические произведения. Пьесы всех жанров (трагедии, драмы и комедии) должны были быть в полной мере оригинальными произведениями, а не переводами или изложениями иностранных пьес. Содержание пьес было ограничено сюжетами из отечественной истории или поднимающими проблемы современной жизни России. На драматический конкурс подавали свои произведения такие известные отечественные драматурги, как Л. А. Мей, А. Ф. Писемский и др. Особенно много своих произведений присылал на Уваровский конкурс А. Н. Островский. На суд конкурсной комиссии, состоявшей из академиков и известных литераторов, Островский представлял такие бессмертные свои произведения, как «Гроза», «Горячее сердце», «Волки и овцы», «Лес», «Снегурочка» и др. Однако Академия наук присудила премию за драматическое произведение лишь однажды.

В 1874 г. получила премию комедия Д. Д. Минаева «Разоренное гнездо»²⁵. Сегодня трудно представить, что творчество классика отечественной драматургии А. Н. Островского, упорно представлявшего свои лучшие произведения, не вызывало отклика в сердцах строгих арбитров — академиков гуманитарных отделений. В октябре 1876 г. Общее собрание зачитало письмо основателя наград А. С. Уварова, которое гласило: «Положением о наградах графа Уварова, между прочим установлены премии за лучшие русские оригинальные драматические сочинения. Устанавливая премии за этот род произведений русской литературы, я имел в виду недостаточность поощрений, которыми они пользовались во время составления мной Положения, и скудность вознаграждения авторов драматических произведений. В настоящее время положение наших драматических писателей значительно изменилось к лучшему. И этот род произведений нашей литературы поставлен в несравненно лучшее условие, чем было 20 лет назад. Не говоря уже о том, что самая плата автора значительно возвысилась, они пользуются поощрением и в других видах, так, например, вознаграждением за право представления их произведений на сценах, как Императорских, так и частных театров; сверх того в учрежденных в последние годы обществах литературного фонда и русских драматических писателей они находят в необходимых случаях поддержку и покровительство. Премии за драматические произведения могут быть переданы на поощрение других отраслей знания и литературы. Полагаю исключить в будущие годы драматические произведения»²⁶.

В области исторических работ, представляемых на Уваровский конкурс, были труды, не потерявшие свое значение и сегодня. Так, на IX конкурс в 1866 г. были присланы: «Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, извлеченное из рукописей архива Московской Оружейной Палаты с объяснительным указанием Павла Савваитова» (СПб., 1865), «Обзор истории славянских литератур» (СПб., 1865) А. Пыпина и Спасовича, в 1865 г. представлен «Алфавитный указатель старинных слов, извлеченных из “Актов, относящихся к истории Западной России”, изданных в 1853 г.» И. Носовича и др.²⁷

Вследствие исключения из Уваровского конкурса драматических произведений следовало изменить и само Положение об

Уваровских наградах. К. С. Веселовским был представлен новый проект Положения, исключаяющий данный вид конкурса.

Контроль за проведением Уваровского конкурса взяло на себя Общее собрание Императорской Академии наук, на заседаниях которого решались многие организационные вопросы по работе конкурсной комиссии, доработки «Положения о наградах графа Уварова», по рецензированию подаваемых на конкурс работ.

29 декабря 1884 г. скончался основатель конкурса А. С. Уваров. Вдова ученого графиня П. С. Уварова сообщает в октябре 1885 г. Общему собранию Академии наук, что наследники «намереваются продолжать действие учрежденным им наградам, причем предполагают, согласно его воле, внести некоторые изменения в Положение об Уваровских наградах»²⁸.

В октябре 1886 г. графиня П. С. Уварова прислала в Академию наук письмо, в котором доводилось до сведения, что наследники А. С. Уварова будут продолжать финансирование конкурса, изменения в Положении об Уваровских наградах разрабатываются на основании указаний, оставленных в бумагах графа А. С. Уварова и что до изменения Положения об наградах наследники будут производить денежные награды «на ныне существующих основаниях»²⁹.

Московское императорское археологическое общество в 1888 г. учредило свой конкурс — «Юбилейную премию имени графа А. С. Уварова»³⁰.

Последний Уваровский конкурс состоялся в 1914 г. Было представлено десять сочинений. В комиссию по присуждению премий входили С. Ф. Ольденбург, князь Б. В. Голицын, А. А. Шахматов, Н. П. Кондаков, А. С. Лаппо-Данилевский, А. И. Соболевский, М. А. Дьяконов и В. Ф. Миллер. Большую награду в 1500 р. получил И. М. Покровский за работу «Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторической статистики и географические исследования». Малые премии получили Н. П. Волынский за «Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра, с самым подробным описанием участия ее в Великой Северной войне» и М. М. Бородкин за «Историю Финляндии»³¹.

Система конкурсов в Академии наук, таких, как Демидовский, Уваровский, Ломоносовский и др., позволили осуществ-

влять поддержку творческой интеллигенции страны, стимулировали инициативу ученых и литераторов, заложили базу для развития подобной системы финансовой поддержки современных отечественных исследователей.

-
- ¹ Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1847. ЛIII. Отд. III. С. 43.
  - ² *Фролов Э. Д.* Граф Сергей Семёнович Уваров и академический классицизм // Петербургская Академия наук в истории академий мира. СПб., 1999. Т. II. С. 266.
  - ³ *Плетнев П. А.* Памяти графа Сергея Семёновича Уварова, президента Императорской Академии наук // Ученые записки второго отделения Императорской Академии наук. Кн. II. Вып. 1. СПб., 1856. С. LIII.
  - ⁴ Там же. С. LIV.
  - ⁵ Прибавления к ЖМНП на 1843 г. СПб., 1843. С. 14.
  - ⁶ *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999. С. 16.
  - ⁷ История Академии наук СССР. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 22.
  - ⁸ Всеподданнейший доклад 19 ноября 1833 г. // *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб., 1902. С. 222.
  - ⁹ Там же. С. 228.
  - ¹⁰ *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. С. 331.
  - ¹¹ Там же. С. 336.
  - ¹² Там же. С. 241.
  - ¹³ Там же. С. 331.
  - ¹⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. Стлб. 1046.
  - ¹⁵ *Корф М. А.* Записки. М., 2003. С. 430.
  - ¹⁶ Там же.
  - ¹⁷ *Шевченко М. М.* Сергей Семенович Уваров // Русские консерваторы. М., 1997. С. 132.
  - ¹⁸ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 94. Л. 136. Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук.
  - ¹⁹ Там же. Л. 131.
  - ²⁰ Там же. Л. 131 об.
  - ²¹ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3. Стлб. 109.

- ²² ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 96. Л. 163.
- ²³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. Стлб. 110.
- ²⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 96. Л. 217 об.
- ²⁵ Там же. Д. 122. Л. 4 об.
- ²⁶ Там же. Д. 124. Л. 33–33 об.
- ²⁷ Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. 8. Кн. 1. С. 1–6.
- ²⁸ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 133. Л. 52.
- ²⁹ Там же. Д. 134. Л. 58 об.
- ³⁰ Там же. Д. 136. Л. 33 об.
- ³¹ Отчет о пятьдесят шестом присуждении наград графа Уварова. Пг., 1918.

А. П. Гагарин

А. Г. Гагарин — русский ученый-механик

Андрей Григорьевич Гагарин родился в Петербурге 22 декабря 1855 г. Он был младшим сыном русского художника, вице-президента Академии художеств князя Григория Григорьевича Гагарина (1810–1893) (двое детей младше его умерли в младенчестве) и, по словам его матери Софьи Андреевны, урожд. Дашковой, он был очень чистосердечный, ласковый и на редкость живой ребенок, «точно ртуть», как она выражалась, и при этом шалун¹.

В возрасте 14 лет, в 1869 г., Андрей поступил в IV класс Ларинской гимназии в Петербурге, которую и закончил в 1874 г. Его аттестат зрелости был далеко не блестящим: закон божий, русский язык и словесность, латинский язык, греческий язык, физика и математическая география, математика и география оценены на «три», и только история и французский язык — на «четыре». При этом во вводной части аттестата сообщалась общая характеристика аттестуемого: «поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ достаточная, прилежание удовлетворительное, и любознательность по всем вообще предметам одобрительная»².

По окончании курса Ларинской гимназии Андрей Гагарин поступил на математический разряд физико-математического

факультета Петербургского университета, куда был зачислен 28 августа 1874 г.

В то время на физико-математическом факультете Петербургского университета был блестящий состав преподавателей. Достаточно сказать, что химию там вел Дмитрий Иванович Менделеев, органическую химию — Александр Михайлович Бутлеров, математику — Пафнутий Львович Чебышев, физику — Орест Данилович Хвольсон. Деканом факультета был в 1875 г. Андрей Николаевич Бекетов, а к 1877 г. он стал ректором.

После окончания первого курса Андрей Гагарин подает прошение предоставить ему отпуск до 1 сентября 1875 г. для поездки в Московскую губернию, Клинский уезд, в имение его отца Карачарово, стоящее на Волге. На прошении резолюция: «Препятствий к отпуску со стороны инспекции нет». Он возвращается с некоторым запозданием — 5 сентября, и приступает к занятиям.

По окончании второго курса он снова подает прошение об отпуске, на этот раз — для поездки в Соединенные Штаты Америки. Много поездив там, он, в частности, знакомился с металлургией на рудниках Скалистых гор. В письмах к матери он очень подробно описывает все стороны своей поездки — и путевые впечатления, и знакомых, и общее мнение об американцах, которые ему очень понравились, и пейзажи, причем письма с описанием пейзажей он иногда снабжал рисунками. Рисунками же он снабжал описания понравившихся ему технических устройств (разводного пролета моста, подъемной машины в шахте и др.), желая, вероятно, чтобы мать поняла его описания. Вместе с тем, его отношение к занятиям, вероятно, теперь уже не то, что было в гимназии: в письме от 3 (15) июня 1876 г. он просит мать: «Узнай, пожалуйста, нужно ли мне будет передерживать экзамен аналитической геометрии с другими экзаменами 2-го курса или нет. Этот экзамен можно считать как переходный из 2-го в третий и из первого во второй курс, так как был предоставлен этот выбор. В первом случае надо его передерживать, во втором — нет»³.

Американцы ему очень понравились: «у них гораздо больше логики и веры друг в друга, чем у нас, — пишет он между прочим, — а лености и формалистики меньше». Затем в другом письме (14 [26] июля 1876 г.): «Несмотря на патриотизм, я смот-

рю, что здесь народ не хуже нашего, и что об американцах только из зависти клеветают»⁴.

Наконец, он с большим интересом описывает природу тогдашней Америки (27 августа 1876 г.): «Завтра утром едем в Денвер. Проснувшись сегодня утром, я видел волков со светлыми хвостами, антилоп! Телеграфные столбы отполированы боками бизонов. Забавны огромные города луговых собак, это мелкая порода рыжеватых сурков. Очень милы. Сидят на задних лапках попарно у норы».

На бывшей тогда в Филадельфии Всемирной выставке Андрей Григорьевич особенно увлекался разделом, на котором была представлена продукция машиностроения, так как тогда уже начал специализироваться по механике. Из Америки он привез себе токарный станок и устроил в петербургской квартире маленькую мастерскую, где в свободное от университетских занятий время работал над паровой машиной собственной конструкции.

Университетский курс Андрей Григорьевич Гагарин закончил в 1878 году и 8 февраля 1879 г. за свою диссертацию «Удобнейший способ предварительного вычисления солнечных затмений и подобных явлений с предвычислением полного затмения 1887 года» получил большую серебряную медаль⁵.

По окончании университета Андрей Григорьевич отбывал воинскую повинность вольноопределяющимся в гвардейской конной артиллерии. Но он не чувствовал влечения к военной службе, а потому, сдав офицерский экзамен, не захотел оставаться в строю дольше, чем это было необходимо. В течение этого обязательного года службы в офицерском чине прапорщика он, главным образом, занимался учебной командой и очень увлекался преподаванием. В письме к матери от 22 сентября 1880 г. он пишет по этому поводу: «Я совсем счастлив. Были сегодня первые уроки по артиллерии. Один со старшим классом, другой с младшим. Я наэлектризовал, оживлял, интересовал, а говорил просто, понятно и связно. Прошлогодние уроки в этом пользу принесли. А что будет, когда (если) я буду профессором практической механики. Да я всеми слушателями вон как завладею. Боюсь несколько за арифметику, знаешь как усталым туго дается». В апреле 1880 г. в приказе по гвардии конно-артиллерийской бригаде ему была выражена благодарность «за вполне отличное

состояние и успехи, выказанные на испытании учениками бригадной учебной команды»⁶.

В 1880 г. Андрей Григорьевич поступил слушателем в Михайловскую артиллерийскую академию, где особенно много занимался механикой. В ноябре 1881 г. во французском журнале «Отчеты заседаний Парижской Академии наук» (*Comptes Rendus, Paris*) вышла статья Андрея Григорьевича, а затем порусски на ту же тему вышли две брошюры «О некоторых сочленениях» и «Круговая линейка». Окончил Андрей Григорьевич «по первому разряду» в 1884 г., и диссертация его «Наивыгоднейшая нарезка» была напечатана в артиллерийском журнале того времени.

При выпуске из Академии весной 1884 г. с Андреем Григорьевичем произошел инцидент столь для него характерный, что его стоит упомянуть. Два брата, сокурсники Андрея Григорьевича, были обвинены начальством Академии в хранении запрещенной литературы, лишены права кончать Академию и высланы из Петербурга. Андрей Григорьевич посчитал это неправильным и попытался, через родителей, исправить положение. Потерпев неудачу, он, в день выпуска из Академии, прямо из строя обратился к выступавшему генералу с аргументами в защиту братьев. Как ни странно, это прошло безнаказанно для Андрея Григорьевича, дело же братьев было пересмотрено, и они были признаны невиновными⁷.

Летом после окончания курса Академии Андрей Григорьевич по поручению артиллерийского генерала Горлова объездил все главные металлургические и машиностроительные заводы Англии, Франции и Штирии (Австрия). Главной целью этой командировки было знакомство с производством в этих странах. Владельцы и администрация заводов не всегда хотели делиться опытом с неизвестным русским, и Андрею Григорьевичу приходилось прикладывать всю свою находчивость, чтобы узнать то, что его интересовало.

По возвращении из командировки осенью 1884 г. он поступил в Санкт-Петербургский арсенал помощником начальника «деревянной» (вероятно, модельной) мастерской. Работая под начальством ген. В. Е. Альтфатера, он много занимался конструированием станков для оборудования этой мастерской. В част-

ности, он спроектировал и построил ленточную пилу, висячую поперечную пилу и «дровопильный» станок⁸.

Вскоре после этого ему было поручено устроить в Арсенале механическую лабораторию и заведовать ею. Эта работа была ему еще более по душе, и он отдавал много времени для усовершенствования машин для испытаний материалов. В частности, он сконструировал и сам на своем токарном станке изготовил устройство для автоматического уравнивания усилий в машине для испытания материалов на разрыв. Это устройство нашло применение на всех русских арсеналах, на оружейных заводах Тулы, Сестрорецка и Ижевска и на Санкт-Петербургском патронном заводе. Потом он использовал эту идею в конструкции универсального пресса для испытаний материалов (т. н. пресса Гагарина)⁹.

Летом 1885 г. Андрей Григорьевич женился на княжне Марии Дмитриевне Оболенской (1864–1946). Осенью ему пришлось взять 11-месячный отпуск по домашним обстоятельствам и с февраля 1886 г. переехать в Москву. Обстоятельства эти состояли в том, что принадлежавший его отцу доходный дом на Кузнецком мосту пришел в ветхость, и с ним надо было что-то делать — ремонтировать или продать. Его родители и старший брат Григорий стояли за продажу дома и обширной территории вокруг него, а Андрей Григорьевич предлагал взять ссуду и собирался сам заняться ремонтом дома. В семье к этому проекту относились прохладно, так как Андрей Григорьевич имел в семейном кругу репутацию идеалиста, ученого, немного рассеянного и отчасти «не от мира сего». Однако подходящего покупателя не нашлось, и пришлось решиться на перестройку. Вот тогда он и взял 11-месячный отпуск и переехал с молодой женой в Москву, на Спиридоновку, в маленький деревянный флигелек при доме Раевских, приходившихся родственниками Гагариным (старшая сестра Андрея Григорьевича, Мария (1851–1941), была замужем за Михаилом Николаевичем Раевским, внуком героя войны 1812 года). Андрею Григорьевичу удалось наладить работы, причем он сам проводил на стройке все время, вникая в каждую деталь, и в результате на месте низкого особняка за один год вырос 4-этажный доходный дом. Там же родился их первый сын Андрей в мае 1886 г.¹⁰

По окончании отпуска в январе 1887 г. Андрей Григорьевич вернулся в Арсенал на свое прежнее место. Летом 1887 г. он ездил на ст. Завидово, недалеко от имения Гагариных Карачарово, наблюдать и фотографировать полное солнечное затмение, «предвычисленное» им в своей университетской диссертации. Его снимок солнечной короны был одним из самых удачных и был воспроизведен в русских и иностранных журналах того времени¹¹.

Его работа в Арсенале шла в это время очень хорошо. Он продолжал конструировать новое оборудование для механической лаборатории, а помимо этого, используя свой опыт, приобретенный при постройке московского дома, он взял на себя заведование ремонтом здания Арсенала, и своей добросовестностью и рвением в этой области вызывал даже неудовольствие подрядчика, которого заставлял лазать за собой по всем карнизам и крышам здания, проверяя сделанную работу¹².

Андрей Григорьевич с Марией Дмитриевной жили тогда на Невском, 72, в доме тетушки Протасовой (графиня Наталья Дмитриевна (1803–1880), урожденная светлейшая княжна Голицына, жена графа Николая Александровича Протасова (1798–1855), обер-прокурора Святейшего Синода). Мария Дмитриевна пишет об этом периоде жизни: «Муж мой служил тогда в Арсенале на Выборгской стороне, и ему приходилось каждое утро ездить туда с Невского, что было очень далеко и утомительно, и мы решили для будущего года найти квартиру поближе к месту его службы. После долгих поисков мы попали на прелестный особняк с большим садом на самом берегу Невы и совсем рядом с Арсеналом на Арсенальной улице. Домик этот был когда-то выстроен в качестве дачи богачом англоманом Алексеевым со всеми современными удобствами, ванной, водопроводом и умывальником в спальней, подъемной машиной для кушанья и прелестной внутренней лестницей из красного дерева. Внешняя архитектура его напоминала маленький замок с башней, и в саду был премиленький павильон. Все это с конюшнями и каретным сараем сдавалось за 1500 р. в год, и мы, конечно, поспешили его нанять.

Прожили мы в нем без малого четыре года. Тут родились у нас два сына: Сережа в сентябре 1887-го и Лева в ноябре 1888-го года.

Муж мой был поглощен все эти годы своей службой в Арсенале, директором которого был тогда всеми уважаемый и любимый генерал Василий Егорович Альтфатер. Он сразу оценил механические способности Андрея и направил его деятельность по этой дороге, давая ему задания проектировать и строить различные станки, оборудовать механическую лабораторию в Арсенале и т. п. Эта интенсивная работа моего мужа, отдаленность от города, рождение и кормление детей — все это лишало нас возможности часто бывать в обществе, однако без музыки муж мой жить не мог, и как только были в первый раз объявлены абонементы в оперу, мы абонировались и получили ложу № 12 в бельэтаже против сцены и еженедельно по четвергам бывали в Мариинском театре. Помню дебют Фигнера в Гугенотах; тогда он не имел большого успеха, затем он уехал в Италию, и когда вернулся с женой Лидией Фигнер, то чета эта завоевала симпатии публики, и действительно в некоторых операх они были великолепны.

Помню генеральную репетицию и первое представление Пиковой Дамы Чайковского, как хорош был там Фигнер, который и создал роль Германа! Графиню играла Славина и была в этой роли бесподобна»¹³.

В 1891 г. Андрей Григорьевич закончил проектировать свой пресс, получивший название «пресс Гагарина», для испытания материалов. Это был один из первых приборов, позволяющий, с помощью специальных переходных устройств, испытывать образцы («крешеры») на сжатие, на разрыв, на кручение и на изгиб, и при этом позволял записывать диаграмму зависимости деформации от напряжения в большом масштабе, что для ряда задач оказывалось очень удобным. Конструкция прессы оказалась настолько удачной, что им пользуются в лабораториях многих технических учебных заведений до сих пор.

После сдачи чертежей прессы в инструментальный отдел Петербургского патронного завода, Андрей Григорьевич был командирован в Тулу на ружейный завод для ознакомления с производством винтовок, ввиду предстоящей командировки во Францию для приемки заказанных там для русской армии ружей.

Эта командировка была связана со следующим. На вооружении русской армии стояли тогда магазинные винтовки французского образца. Император Александр III, будучи большим

патриотом, решил, что русской армии необходимо иметь собственную винтовку, и разработка ее конструкции была поручена капитану (впоследствии — генерал-майору) Сергею Ивановичу Мосину (1849–1902). За образец была взята стоявшая тогда на вооружении французская винтовка, и в нее были внесены изменения, повышавшие ее надежность и скорострельность. Конструкция новой магазинной трехлинейной («линия» — десятая доля дюйма, «трехлинейная» обозначает калибр — 0,3 дюйма или 7,62 мм) винтовки была готова к 1890 г., и первая партия таких винтовок в количестве 500 000 штук была заказана на французском оружейном заводе¹⁴.

Андрей Григорьевич с женой и тремя детьми поселились в небольшом городке Шательро на четыре года. Приемочная комиссия состояла из председателя полковника Сокерина и трех офицеров, причем Андрей Григорьевич заведовал приемкой материала. Его жена вспоминает: «Вообще А. Г. старался держать перед французами как можно выше знамя русской культуры, науки и искусства. Раз в неделю у нас бывали музыкальные вечера, на которых выступал и А. Г., играя на корнете и ознакомляя присутствующих с русской музыкой, которая для большинства была *terra incognita*». Помимо этого, Андрей Григорьевич составил для нужд производства иллюстрированный словарь частей выпускавшейся в Шательро нашей винтовки, а также издал очень быстро раскупленную таблицу перевода русских линейных мер во французские и обратно¹⁵.

Пребывание русской миссии в Шательро оставило долгую и добрую память у жителей этого городка. Когда в 1995 г. исполнилось 100 лет этого события, администрация и жители городка устроили грандиозный праздник с приглашением русских, в частности, потомков Андрея Григорьевича, была устроена большая выставка экспонатов, имеющих отношение к работе русской миссии, бережно сохраненных жителями Шательро, а гвоздем программы было 800-килограммовое разрисованное шоколадное яйцо (дело было весной, вблизи Пасхи), которое жители Шательро торжественно провезли через весь город, а потом передали детям-сиротам Петербурга.

Для России активность миссии тоже не прошла незаметно. Эти винтовки, созданные благодаря деятельности многих,

в частности, и работе миссии, получившие название «мосинская винтовка образца 1891/1930 г.» (в 1930 г. она была еще несколько модернизирована), хорошо послужили русской армии. Их модификации (карабины) выпускались до 1944 г., в военных училищах студентов младших курсов вооружали ими до середины 50-х годов, а сотни оставшихся образцов служат и сейчас.

По возвращении из Франции в 1895 г. Андрей Григорьевич был назначен помощником начальника оружейного завода в Петербурге. Он имел тогда чин капитана гвардейской артиллерии. Семья поселилась на углу Фурштатской и Литейного (Фурштатская, д. 1), т. к. Андрей Григорьевич считал, что жить нужно как можно ближе к месту службы, чтобы не терять времени на переезд. Службой он был занят с 9 часов утра до 5 часов дня, затем дома он работал над конструированием машин или же обработкой отдельных деталей на своем токарном станке, иногда даже над починкой домашней утвари. Отдыхал он только после обеда, проводя часа два с детьми. Тут Андрей Григорьевич превращался в их сверстника. Подымалась возня, бегогтя, игра в жмурки, причем отец увлекался игрой и веселился не меньше своих детей.

В том же 1895 г. на Патронном заводе был достроен спроектированный Андреем Григорьевичем перед командировкой очередной вариант крешерного пресса, за который он получил золотую медаль на Нижегородской выставке¹⁶.

Точно так же Гагарин продолжал совершенствовать свою круговую линейку, и в 1900 г. представил на Всемирной выставке в Париже круговую линейку с переменным радиусом, за которую был награжден золотой медалью.

Несмотря на кажущуюся мягкость характера, Андрей Григорьевич отличался в своей деятельности большим упорством, вкладывал в нее много энергии и, по мере сил, старался доводить начатые дела до конца. Если в процессе работы выяснялось, что возникают новые задачи в той же области, требующие для пользы дела своего решения, он, не задумываясь, принимался за них. Это создавало ему в среде чиновников репутацию беспокойного человека. Поскольку Андрей Григорьевич был помощником начальника Оружейного завода, ему часто приходилось заменять начальника. В тех случаях, когда при этом он имел дело с Главным артиллерийским управлением, ему приходилось со-

прикасаться с вопросами перевооружения армии, которые стояли тогда на очереди. В частности, ему казалась неправильной тенденция артиллерийского ведомства пользоваться для своих заказов частными заводами, например Путиловским, или даже заказывать некоторые детали за границей, так как изготовление тех же пушек на государственных заводах стоило бы намного дешевле. Трудность была в том, что многие члены Главного артиллерийского управления, люди высоких чинов, были лично заинтересованы в таком размещении заказов, и простому капитану было очень трудно тягаться с ними. Однако он очень интенсивно, своими рапортами и служебными записками, убеждал начальство сделать так, чтобы казенный Орудийный завод мог бы сам справляться с большей частью заказов Артиллерийского управления, а для этого надо было расширить его до производительности 2000 пушек в год. Это позволило бы заводу стать регулятором цен на пушки. Пока производительность казенного завода была мала, правительство не могло удержать цены, взвинчиваемые частными заводами.

В результате такое расширение Орудийного завода было осуществлено, и его производительность была увеличена в 7 раз.

Как пишет Мария Дмитриевна, «одна из таких записок, распостраненных во множестве экземпляров, попала на глаза тогдашнего Министра финансов Витте, который обратил внимание на ее автора и предложил А. Г. занять пост председателя строительной комиссии и быть первым директором вновь строящегося Политехнического института в Лесном. Это было в самом конце 1899 года»¹⁷.

В то время, в самом конце девяностых годов позапрошлого столетия, был решен вопрос об организации в России нового типа высших технических учебных заведений — политехнических институтов¹⁸. Перед министром финансов С. Ю. Витте, в ведении которого должны были находиться эти институты, возник трудный вопрос о выборе для них директоров.

Первые два института открывались в Варшаве и в Киеве. В первый директором был назначен профессор Лагорио, известный своими ультраправыми убеждениями, а во второй был переведен бывший директор Харьковского технологического института, профессор Виктор Львович Кирпичев, который до этого

был помощником директора Петербургского технологического института и еще пользовался в то время доверием властей.

Большие трудности представлял выбор директора для Петербургского политехнического института. Организация нового высшего учебного заведения в Петербурге встречала большие возражения как со стороны министра внутренних дел Плеве, так и Министерства народного просвещения. Первый утверждал, что организация нового института одновременно является основанием нового антиправительственного центра, что особенно опасно в Петербурге — резиденции царя. Министерство народного просвещения просто не желало разрешать такому независимому по тогдашним временам и сильному министерству, каким при Витте было Министерство финансов, организацию школы, которая устраивалась на основаниях, значительно отличающихся от тех, которые лежали в основе высших технических школ Министерства народного просвещения. Можно было предвидеть, что новый институт станет объектом нападков и полнейших, и учебных властей.

Из воспоминаний Михаила Андреевича Шателена:

«Поэтому было необходимо выбрать для нового института такого директора, который пользовался бы внеслужебным влиянием, что давало бы возможность парировать эти нападки. В то же время директор должен был обладать и достаточным научным и техническим авторитетом, для того, чтобы не оказаться в ложном положении среди профессоров и студентов института. Такие директора, как Кирпичев и Лагорио, могли удовлетворять второму требованию, но в отношении первого оказались бы несостоятельными.

После долгих поисков выбор С. Ю. Витте пал на Андрея Григорьевича Гагарина, который, казалось бы, удовлетворял обоим требованиям. Он окончил сначала Университет по физико-математическому факультету со степенью кандидата, затем Артиллерийскую академию. В Университете за работу на конкурсную тему он получил медаль, что тогда случалось не часто. Затем работал на заводах в России и за границей. Был автором нескольких научных работ и изобретателем машины для испытания материалов, хорошо известной тогда в техническом мире под названием “пресса Гагарина”.

С другой стороны, он был гвардейским офицером, принадлежал к старинному роду, всегда близко стоявшему к императорскому двору. Отец Андрея Григорьевича, личный друг Александра II, был вице-президентом Академии Художеств, президентом которой была одна из дочерей Николая I. Жена Андрея Григорьевича, Мария Дмитриевна, была из рода князей Оболенских, стоявших еще ближе к трону: один ее брат был начальником кабинета царя, другой — членом Государственного совета; третий брат был товарищем министра финансов — Витте. Таким образом, по своим родственным связям и по происхождению Андрей Григорьевич удовлетворял как будто и первому требованию, Витте и остановил на нем свой выбор»¹⁹.

Получив новое назначение, которое он воспринял с удовольствием, Андрей Григорьевич был, тем не менее, вынужден коренным образом изменить сферу своей деятельности. Он уходит с военной службы и всецело отдается строительно-административной, педагогической и общественной работе, которую требуют его новые обязанности. Его новое положение, кроме всего прочего, было гораздо выше старого: из капитана гвардейской артиллерии он стал статским советником, директором крупнейшего технического института. Однако Андрей Григорьевич не изменил в связи с этим свою обычную манеру поведения. Так же, как и при постройке своего московского дома, он вникал во все детали строительства, сам следил за приемкой материала, всеми силами охраняя казенные интересы. Как пишет в своих воспоминаниях М. А. Шателен, относительно этого периода деятельности Гагарина слагались целые легенды, особенно относительно его методов борьбы со всякими злоупотреблениями, касавшимися как финансовой части, так и качества строительных работ. Он боролся за каждую копейку казенных денег, и надо признать, что в значительной степени благодаря стараниям Гагарина Политехнический институт был построен хорошо и скоро, и что если злоупотребления разного рода и были, то в самых ничтожных размерах²⁰.

Когда здание Института было уже подведено под крышу, Андрей Григорьевич по собственной инициативе, вместе с архитектором-строителем Э. Ф. Виррихом объехал 36 европейских высших технических учебных заведений и составил

об этой поездке подробный отчет, затем многое из виденного за границей было применено к Петербургскому политехническому институту²¹.

2 октября 1902 г. в институте начались регулярные занятия. Перед их началом директор и деканы обратились к студентам с напутственными словами. В краткой речи Андрей Григорьевич пожелал: «Постоянно держите себя с достоинством, постарайтесь внушить к себе уважение и доверие. Главное, работайте не покладая рук». Сам он всегда отличался именно этими качествами²².

В бурное время начала девятисотых годов, конечно, нельзя было ждать, чтобы жизнь в институте могла идти спокойно. Общее революционное настроение не могло обойти институт стороной. Общественные и политические условия того времени глубоко волновали и студенчество, и профессуру. Не избежал этого и Андрей Григорьевич. Главная его забота о студентах сказалась при политических арестах, когда он пускал в ход свои родственные связи с директором Департамента полиции и лично брал арестованных студентов крайне левых партий «на поруки». В конце 1906 г. он докладывал министру финансов С. Ю. Витте, что «в настоящее время в институте нет достаточной почвы для революционной пропаганды»²³.

Не удовлетворяясь частыми небольшими полицейскими наскоками на институтские общежития, во время которых студенты или отключали свет (на институтской электростанции дежурили свои студенты-электромеханики), что препятствовало поиску компрометирующих вещественных доказательств, или угрожали облить городских крепкими кислотами (на химическом факультете их было достаточно), в феврале 1907 г. власти организовали грандиозную провокацию. К институту были стянуты войска: пехота, кавалерия и даже артиллерия. Всю территорию окружили казаки. Более тысячи вооруженных городских с факелами и щитами приступили к повальному обыску, во время которого была спровоцирована «находка» предмета, похожего на оболочку бомбы, о чем был составлен акт. Через три дня, во время заседания Совета института 28 февраля 1907 г., курьером был доставлен документ, в соответствии с которым, по Высочайшему повелению, Андрей Григорьевич был отстранен от должности директора и вместе с Правлением отдан под суд с обвинением

«за бездействие власти». Через несколько дней к нему явилась депутация от студентов института и поднесла Андрею Григорьевичу прекрасный адрес, в котором как нельзя лучше была охарактеризована его деятельность в институте²⁴.

Следствие по делу Политехнического института велось следователем по особо важным делам почти в течение двух лет, и только 6 апреля 1909 г. состоялось слушание в двух заседаниях Сената, в который было передано рассмотрение дела.

На следующий день был вынесен приговор (предрешенный высочайшим повелением об увольнении еще до суда), и всем подсудимым было вынесено обвинение в бездействии власти с применением, однако, самого слабого по данной статье наказания — лишения права в течение 3-х лет поступать на государственную и общественную службу.

Вскоре после суда к Андрею Григорьевичу домой снова явилась депутация от студентов института и поднесла ему новый адрес, под которым подписались решительно все новые и старые студенты (всего около 2000 подписей). Группа близко знавших его студентов, помимо этого, поднесла от себя отдельное приветствие²⁵.

Освобождение от должности директора позволило Гагарину отдаться целиком научной работе. В 1911 г. он стал одним из организаторов Русского общества испытания материалов. Кроме того, он решил завершить свою диссертацию на тему: «Приборы, дающие зависимость между усилиями и деформацией во время удара». В августе 1910 г. он присутствовал на международном конгрессе по испытанию материалов в Копенгагене, а в 1912 г. на таком же конгрессе в Нью-Йорке, где с большим успехом сделал доклад на тему своей только что законченной диссертации. Кроме того, в 1912 г. он начал строительство усадьбы Холмки (архитектор И. А. Фомин) в Порховском уезде Псковской губернии.

В мае 1913 г. Андрей Григорьевич в торжественной обстановке в Политехническом институте с большим успехом защитил свою диссертацию и получил звание адъюнкта прикладной механики — звание, аналогичное степени доктора технических наук, так как оно давало право занятия профессорской кафедры.

В 1915 г. Андрей Григорьевич был назначен постоянным членом Технического артиллерийского комитета и заведующим

в нем отделом оптики. Он интенсивно занялся изучением этой новой для него области и стал фактически родоначальником оптической промышленности России. В связи с войной ввоз оптического стекла и оптических приборов, закупавшихся до войны в Германии, стал невозможен, а нужды армии все увеличивались. Для решения этой задачи Андрею Григорьевичу удалось оборудовать «для казны» небольшой оптический завод, находившийся на Выборгской стороне (нынешнее ЛОМО), преобразовать для этой специальной цели Императорский хрустальный завод под Петербургом (ЛенЗОС, потом филиал ГОИ, ныне — Институт оптического стекла) и основать специальный завод оптических стекол в городе Изюме Харьковской губернии. На этом последнем заводе память о деятельности Андрея Григорьевича тщательно сохраняется, и в заводском музее хранятся экспонаты, посвященные основанию завода.

В 1916 г. Андрея Григорьевича назначают правительственным инспектором деятельности Путиловского завода. Здесь, в знакомой ему области, он напрягал все свои усилия, чтобы поднять до максимума производительность завода. Его работа помогла значительно увеличить объем военной продукции. Как пишет в своих воспоминаниях Б. Г. Сизов, «общий вклад его инженерного труда в создание военной техники России трудно переоценить»²⁶.

Надвигающаяся революция застала его за этой работой. Андрей Григорьевич оставался на своем посту, пока не увидел, что борьба с внутренней разрухой оказывается непосильной, и 1 мая 1917 г. он покинул Путиловский завод, все еще оставаясь постоянным членом Артиллерийского комитета. В это время в Москве создавался научно-экспериментальный институт при Комиссариате путей сообщения. Андрей Григорьевич был привлечен туда на работу и назначен на должность старшего конструктора, которую и занимал до самой своей кончины. Он занимался там в основном проектированием машин для испытаний материалов.

После Октябрьской революции на Андрея Григорьевича посыпались несчастья. Один из его пятерых сыновей, приехавший в Холомки, был арестован ЧК и приговорен к расстрелу за социальное происхождение. К счастью, ему удалось бежать²⁷. Петроградская квартира Гагариных (пр. Красных Зорь, 26/28,

кв. 31) распоряжением начальника жилищной коллегии Скороходова была разграблена, при этом из дома было вынесено буквально все, так что Андрею Григорьевичу приходилось использовать полотенце вместо шарфа — теплых вещей в квартире не осталось. Мария Дмитриевна с дочерью и младшим сыном жили в это время в построенном к тому времени их имении Холомки в Порховском уезде Псковской губернии²⁸. В октябре 1918 г. А. Г. Гагарина арестовали, а через несколько дней арестовали и Марию Дмитриевну. 20 января 1919 г. было заседание Юридическо-следственного отдела ВЧК, на котором было вынесено постановление:

«Освобождать из-под стражи Гагарину не представляется возможным. Семья Гагариных после Октябрьского переворота осталась для дальнейшего жития в бывшем имении Холомки, где и свили контрреволюционное гнездо. Из дневника усматривается, что Гагарина вредный элемент, дневник дышит контрреволюционностью.

На основании всего изложенного предлагаю: арестовать кн. Гагарина и вместе с Гагариной отправить в концентрационный лагерь, сроком до окончания гражд. войны. Семейство же предписать Порховской адм. выселить из имения»²⁹.

В марте 1919 г., благодаря вмешательству М. Горького, Марию Дмитриевну освободили. За месяц до этого был освобожден и Андрей Григорьевич. Бывая в Москве по делам, он поставил в известность Совет народных комиссаров о своем тяжелом положении. В ответ была получена бумага за собственноручной подписью В. Ульянова (Ленина) следующего содержания:

«Предъявителю сего инженеру Андрею Григорьевичу Гагарину разрешаю проживать в Псковской губернии, Порховском уезде, Шевницкой волости в Народном доме моего имени, в Холомках. Прошу местные власти Гагарина не беспокоить, в заложенники не брать, вещей не реквизиловать и давать ему керосину необходимое количество для его занятий, которые я считаю для Республики полезными»³⁰.

Однако перенесенные тяготы не прошли для Андрея Григорьевича бесследно, и он скончался от сердечной недостаточности через неделю после операции по поводу грыжи, в самый день своего 65-летия, 22 декабря 1920 г. (ст. ст.). Похоронили его в простом

сосновом гробу, как он всегда этого желал, на погосте Бельское Устье под развесистым дубом — его любимым деревом³¹.

В некрологе «Светлой памяти князя А. Г. Гагарина» А. Стахович, выражая мнение всех лично знавших А. Г. Гагарина, написал: «...умер человек исключительный, едва ли не единственный, среди мне известных людей».

Не думаю, чтобы пришлось еще когда-либо встретить человека на него похожего; человека, в котором Божья искра добра чувствовалась бы так сильно, в котором она была бы заложена не как у всех нас глубоко, почти неосязаемо и недосыгаемо глубоко; нет, в нем она была совсем, совсем близко, у него она светила в глазах, слышалась в голосе, проявлялась в каждом жесте и действии. Человек с редким сердцем; человек удивительной доступности и чарующей простоты; умеющий заставить других, далеких ему по натуре, людей задуматься, понять значение этих качеств, зачаровывающий ими не только своих собеседников, воздействующий ими на человеческие массы.

Горько, невыразимо горько, что не стало этого хорошего, чистого, столь нужного будущей России человека. Его доброе сердце не выдержало ужаса общего страдания, унижения родины и торжества зла и невежества...»³².

На его надгробном памятнике, пропавшем в годы войны, после имени было высечено: «Блаженны чистые сердцем, ибо они бога узрят».

---

¹ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина. Составлен его вдовой М. Д. Гагариной. Посвящается молодым русским ученым и инженерам, бывшим питомцам 1-го Политехнического института. 1927 // Научно-технические ведомости СПбГТУ. 2006. № 1 (43). С. 20–47.

² *Гагарин А. П.* Один из основателей и первый директор Санкт-Петербургского Политехнического Института князь А. Г. Гагарин // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2003. Т. 2. С. 65–90.

³ Там же.

⁴ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... С. 20–47.

- ⁵ Сизов Б. Г. Андрей Григорьевич Гагарин. Архив Историко-технического музея Санкт-Петербургского Государственного Политехнического университета. Ф. А. Г. Гагарина. Л. 5–7.
- ⁶ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... С. 20–47.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Шателен М. А. Андрей Григорьевич Гагарин // Труды ЛПИ. 1949. № 1. С. 59–70; Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2006. № 1 (43). С. 20–47; Сизов Б. Г. Андрей Григорьевич Гагарин. Л. 7–8; Гербылева Н. П. 1) Гагарин Андрей Григорьевич, директор Политехнического института // Научно-технические ведомости СПб ГПУ. 1999. № 1. С. 22–41; 2) Князь А. Г. Гагарин, первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института. СПб., 2002.
- ¹⁰ Воспоминания [княгини М. Д. Гагариной, урожденной княжны Оболенской. 1864–1899 гг.] 1928 г. Ленинград. Рукопись. Личный архив П. Гагарина. Л. 93–97.
- ¹¹ Гагарин А. П. Один из основателей и первый директор Санкт-Петербургского Политехнического Института князь А. Г. Гагарин. С. 65–90.
- ¹² Воспоминания княгини М. Д. Гагариной, урожденной княжны Оболенской. Л. 100–104.
- ¹³ Там же. Л. 106–111.
- ¹⁴ Гербылева Н. П. 1) Гагарин Андрей Григорьевич, директор Политехнического института. С. 22–41; 2) Князь А. Г. Гагарин, первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института. С. 31; Гагарин А. П. Один из основателей и первый директор Санкт-Петербургского Политехнического Института князь А. Г. Гагарин. С. 65–90; Lombard C. La Manufacture Nationale d'Armes de Chatellerault (1819–1968). Poitiers, 1987. P. 158–163.
- ¹⁵ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... С. 20–47; Воспоминания княгини М. Д. Гагариной, урожденной княжны Оболенской. Л. 124–155; Lombard C. La Manufacture Nationale d'Armes de Chatellerault (1819–1968). P. 164–172.
- ¹⁶ Шателен М. А. Андрей Григорьевич Гагарин // Труды ЛПИ. 1949. № 1. С. 59–70.
- ¹⁷ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2006. № 1 (43). С. 20–47.
- ¹⁸ Шателен М. А. Андрей Григорьевич Гагарин. С. 59–70; Сизов Б. Г. Андрей Григорьевич Гагарин. Л. 4.
- ¹⁹ Шателен М. А. Андрей Григорьевич Гагарин. С. 59–70.

- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Сизов Б. Г.* Андрей Григорьевич Гагарин. Л. 7.
- ²² *Гагарин А. П.* Один из основателей и первый директор Санкт-Петербургского Политехнического Института князь А. Г. Гагарин. С. 65–90.
- ²³ *Сизов Б. Г.* Андрей Григорьевич Гагарин. Л. 8–9; Санкт-Петербургский Политехнический институт императора Петра Великого. Юбилейный сборник / Под ред. А. А. Стаховича и Е. А. Вечорина. Париж, 1952. С. 26–37.
- ²⁴ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... С. 20–47; Санкт-Петербургский Политехнический институт императора Петра Великого. Юбилейный сборник. С. 28–29.
- ²⁵ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... С. 20–47; *Гербылева Н. П.* 1) Гагарин Андрей Григорьевич, директор Политехнического института. С. 22–41; 2) Князь А. Г. Гагарин, первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института; Санкт-Петербургский Политехнический институт императора Петра Великого. Юбилейный сборник. С. 26–37.
- ²⁶ *Сизов Б. Г.* Андрей Григорьевич Гагарин. Л. 8–11.
- ²⁷ *Гагарин Г. А.* Воспоминания / Пер. с англ. А. П. Гагарина // Звезда. 1994. № 2. С. 158–170.
- ²⁸ *Глинка М. С.* Портреты и судьбы // Прадеды на часах. СПб., 2003. С. 319–396; *Милашевский В. А.* 1) Письма А. П. Гагарину. 1970-е годы. Рукопись. Архив А. П. Гагарина. Л. 1–18; 2) Вчера, позавчера... воспоминания художника. М.: 1989. С. 224–236; *Гагарин А. П.* Холмки глазами Милашевского // Краеведческие чтения «Порхов-Холмки». Материалы юбилейных конференций. Псков, 2001. С. 51–60; *Замятин Е. И.* Дубы, наброски к роману // Новый журнал. СПб., 1993. № 2. С. 13–50; *Гагарин А. П.* О героях неосуществленного романа Е. И. Замятина «Дубы» // Краеведческие чтения «Порхов-Холмки». Материалы научной конференции 21–23 сентября 2001 г. Псков, 2002. С. 5–9; *Чуковский К. И.* Дневник 1901–1929 гг. М., 1991.
- ²⁹ Дело о выселении бывшей помещицы Гагариной М. Д. // Государственный Архив Псковской области. Ф. Р. 203: Земельное управление Псковского губисполкома. Оп. 3. Д. 87. Л. 10, 11, 22, 24, 26.
- ³⁰ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... С. 20–47; *Гагарин А. П.* Один из основателей и первый директор Санкт-Петербургского Политехнического Института князь А. Г. Гагарин. С. 65–90.
- ³¹ Очерк жизни и деятельности Андрея Григорьевича Гагарина... С. 20–47; *Глинка М. С.* Портреты и судьбы. С. 319–396; *Милашев-*

ский В. А. 1) Письма А. П. Гагарину. 1970-е годы. Л. 1–9; 2) Вчера, позавчера... воспоминания художника. М., 1989. С. 224–236; *Гагарин А. П.* Холмки глазами Милашевского. С. 51–60; *Замятин Е. И.* Дубы. С. 5–9, наброски к роману. С. 13–50; *Гагарин А. П.* О героях неосуществленного романа Е. И. Замятина «Дубы»; *Чуковский К. И.* Дневник 1901–1929 гг. 1991. С. 121–124.

- ³² *Гербылева Н. П.* 1) Гагарин Андрей Григорьевич, директор Политехнического института. С. 22–41; 2) Князь А. Г. Гагарин, первый директор Санкт-Петербургского Политехнического института; Санкт-Петербургский Политехнический институт императора Петра Великого. С. 47–57.

В. А. Соломонов

Врачебно-санитарная и научно-организаторская деятельность В. И. Разумовского на Кавказе

Василий Иванович Разумовский (27.III.1857–7.VII.1935), организатор и ректор трёх университетов (в Саратове, Тифлисе и Баку) прожил яркую и интересную жизнь. Это был человек, который, со слов его дочери Ю. В. Разумовской, «создавал вокруг себя атмосферу научных интересов, высокого строя мысли, душевности, человечности, мягкости. Широта его интересов и запросов была поразительна. Его глубоко интересовали великие творения человеческого духа во всех областях. Он любил жизнь во всех её проявлениях — природу, людей, искусство»¹.

В. И. Разумовский родился, рос и воспитывался в семье бедного сельского священника. Из-за многодетности и малообеспеченности семьи его отдали сначала в Самарское духовное училище, а затем в духовную семинарию. Но вскоре он покинул семинарию и перешел в 8-й класс Самарской гимназии, которую окончил через год с золотой медалью, а затем продолжил образование на медицинском факультете Казанского университета.

Научная деятельность В. И. Разумовского началась в период бурного развития хирургии в России. Он был свидетелем рождения первого периодического хирургического журнала «Хи-

рургический вестник» (1885), работы первого съезда русских врачей в память Н. И. Пирогова (1885) и Первого Российского съезда хирургов (1900). Что же касается его профессионального восхождения, то оно совершалось стремительно. Еще студентом Василий Иванович был выдвинут своими сокурсниками (случай для того времени весьма необычный) кандидатом в ординатуру хирургической клиники, в 27 лет — ученая степень доктора медицины, в 29 лет — звание приват-доцента, а через год — избрание на должность экстраординарного профессора по кафедре оперативной хирургии Казанского университета с одновременным заведованием хирургическим отделением.

С первых же дней работы в Казанском университете В. И. Разумовский завоевал заслуженный авторитет у коллег-профессоров и студентов. А спустя год, находясь проездом в Петербурге, он получил от министра народного просвещения А. Н. Шварца предложение возглавить организацию и строительство нового университета, учреждаемого на юго-востоке России.

Это дело, по признанию самого ученого, оказалось для него едва ли не самым трудным в жизни. Не просто дался ректору и процесс формирования первого коллектива университетской профессуры. При выборе кандидатов на профессорские должности он, прежде всего, обращал внимание на их личностные и деловые качества. Желая видеть в своих первых помощниках людей талантливых, инициативных, энергичных и честных, он всячески старался избежать какой-либо случайности. В результате, среди первых семи (включая ректора) профессоров, получивших назначение в Саратовский университет, оказались люди, всецело преданные науке и высшей школе, все они с честью оправдали возложенную на них высокую и почетную миссию — «сеять разумное, доброе, вечное».

С приходом к управлению Министерством народного просвещения Л. А. Кассо в жизни высших учебных заведений, в том числе и Саратовского университета, наступили особенно мрачные времена. В университетах вводился полицейский режим, началась травля инакомыслящих студентов, за нежелание безмолвно подчиняться беззаконию преследовалась профессура.

С 17 декабря 1912 г., передав ректорские полномочия декану медицинского факультета профессору Н. Г. Стадницкому,

Разумовский стал рядовым членом профессорской корпорации Саратовского университета. В то же время внутренний протест против унижения и обескровливания отечественной науки заставил его уже в 1913 г. открыто выступить в роли лидера либеральной профессуры, отстаивавшей соблюдение основных принципов университетской автономии.

С 1912 по 1916 г. В. И. Разумовский читал курс по оперативной хирургии и одновременно — с началом военной кампании — для студентов-выпускников курс военно-полевой хирургии, признанный министерством обязательным. Наряду с непосредственной врачебно-хирургической деятельностью, он являлся консультантом Общества Красного Креста, главным врачом всех девяти хирургических госпиталей Земского союза, участвовал по выбору от саратовского земства в работе съездов городских и земских представителей в Москве, на которых обсуждались различные организационные вопросы по оказанию помощи раненым и увечным воинам.

После Февральской революции ученый был назначен главным хирургом Кавказского фронта. В район его деятельности входили Северный Кавказ и все Закавказье с Восточной Персией и Малой Азией, включая Эрзерум. В. И. Разумовский совершил несколько поездок на фронт с целью проверки постановки хирургической помощи на фронте.

Результаты своих поездок он опубликовал в статье «О хирургической помощи на Кавказском фронте»². Он объехал и осмотрел не только крупные объекты — прифронтовые стационарные операционные пункты, но и передовые, так называемые «летучки», т. е. мелкие перевязочные пункты, многие из которых были расположены в горах, на большой высоте, куда даже трудно было добраться.

Впечатление от этих поездок было страшное: недостаток хирургической помощи, транспортных средств (двуколки на полном бездорожье), антисанитарные условия, недостаток питания.

Весной 1917 г. Василий Иванович приехал в Тифлис. Вскоре по его инициативе была создана комиссия по разработке проекта создания Травматологического института в Тифлисе. «Работая быстрым темпом, мы в течение лета разработали проект и смету института и, благодаря содействию Военно-санитарного

совета <...>, получили средства на его открытие: часть — из военного Ведомства (имущество и некоторая сумма денег, переведенная из Петербурга, кажется 40 т[ысяч] руб[лей]), часть из “Красного Креста”...»³, — вспоминал Василий Иванович. Институт был открыт осенью 1917 г., еще при русском правительстве. После того, как Грузия отделилась от России, институт перешел в ведомство грузинского правительства. Позже институт был ликвидирован, а его имущество распределено по больницам.

Вторым большим общественным делом Разумовского в Тифлисе (еще при русском правительстве) была организация Закавказского русского университета (на базе Высших женских курсов) с тремя факультетами — филологическим, естественным и медицинским. Еще в 1914 г. Василия Ивановича приглашали на эти курсы в качестве профессора. В октябре 1917 г. Разумовского попросили помочь в развитии медицинского факультета. Этот факультет развивался по предложению так называемой «Университетской комиссии», созданной еще летом 1917 г. по распоряжению министра народного просвещения России. Ее целью было создание русского закавказского университета. Зимой 1917–1918 гг. работа комиссии была завершена, но к тому времени политическая ситуация резко изменилась. Сначала образовалась Закавказская республика, потом она раскололась на Грузию, Армению и Азербайджан.

Грузинское правительство опекало свой Грузинский университет (Разумовский был приглашен членом его организационной комиссии), и было не очень заинтересовано в существовании Русского университета, который все же был создан весной 1918 г. Василий Иванович был избран ректором Закавказского университета 6 октября 1918 г.⁴ И сразу же он занялся вопросом изыскания средств на его содержание. Если первоначально у коллектива университета еще теплилась надежда, что средства удастся найти в Тифлисе, то скоро стало очевидно, что существование в одном городе, причем в военное время, двух университетов — дело бесперспективное. Поэтому Василий Иванович сразу же начал прорабатывать вопрос о переводе университета в какой-либо другой город. «Нужно было искать выхода, — писал Разумовский. — Начались переговоры с Екатеринодаром (Россия), Эриванью (Армения) и Баку (Азербайджан)»⁵. Предло-

жение из Азербайджана было особенно привлекательным, так как правительство предлагало хорошие условия: помещения, заработную плату, снабжение оборудованием и проч. Настроивало на переезд Разумовского и то обстоятельство, что все общественные круги в Баку, казалось, были настроены в пользу университета. В университете шли острые дискуссии по вопросу о переезде, но, в конце концов, все же было решено переехать в Баку. Когда вопрос о переезде был решен, грузинские власти забеспокоились, так как своих преподавателей в Грузинском университете было мало, и русские профессора практически работали в двух университетах. «Нас вызывал даже Мин[истр] Нар[одного] Просв[ещения] Грузии (Рамишвили) и убеждал остаться в Тифлисе, — вспоминал Василий Иванович, — но при этом заявил, что мы нужны только временно, пока грузины не найдут своих деятелей»⁶. Такое отношение к русским профессорам еще более убеждало Разумовского в правильности решения о переезде университета. В апреле 1919 г. Василий Иванович дал официальное согласие на организацию университета в Баку.

В. И. Разумовский прожил в Тифлисе два года. Это было очень тяжелое время. Шла война, процветал бандитизм, остро не хватало самого необходимого, свирепствовали инфекционные болезни. Постоянно имея дело с больными, Василий Иванович тоже болел два раза, правда, к счастью, его заболевания протекали в относительно легкой форме. Нужно отметить, что в то время смертность среди врачей, как заметил сам Разумовский, была выше, чем у военных и гражданского населения. Это еще раз говорит об опасности врачебной профессии.

Но, несмотря на все эти житейские трудности, Василий Иванович, помимо работы в университете, выполнял еще множество различных работ. Он читал лекции на фельдшерских курсах, на курсах для армян-фельдшеров, на курсах для земских и городских деятелей, организованных грузинским правительством. При этом нужно подчеркнуть, что эти лекции читались бесплатно, поскольку профессора считали это своей «культурной обязанностью».

Помимо этого, он участвовал в работе комиссии по разработке проекта народной медицины для Грузии, в заседаниях Тифлисского медицинского общества. Наконец, он был почетным

председателем на двух съездах — врачей (в августе 1917 г.) и фельдшеров (несколько позже).

Можно удивляться неистощимой энергии, работоспособности, внутренней организации, которую проявил в эти годы жизни в Тифлисе В. И. Разумовский, несмотря на то, что он тяжело переживал разлуку с Россией, с любимой семьей.

Большой моральной поддержкой для него было присутствие в Тифлисе доктора Тезякова и его жены Александры Ивановны, исключительное уважение со стороны местных ученых — русских и грузин и, конечно, студенческой молодежи, для которой всегда было открыто его сердце. Очень скрашивала его жизнь и семья Мелик-Пашаевых, в доме которых он жил. Их семейный уют, дети напоминали ему о «дорогом прошлом»⁷. В начале мая 1919 г. Разумовский с группой профессоров приезжает в Баку и тотчас же приступает к работе. «Работать пришлось спешно и, я бы сказал, с необычайным напряжением»⁸, — вспоминал позднее Василий Иванович. Предстояло уже осенью начать занятия на одном курсе историко-филологического факультета и на двух курсах медицинского факультета. Разумовского очень волновал вопрос о судьбе студентов, учившихся в Тифлисе. Чтобы они могли продолжать образование, нужно было, во-первых, обеспечить их жильем, и, во-вторых, открыть не один, а несколько курсов медфака. Было принято решение о выделении общежития. И, конечно, самое сложное состояло в обеспечении всем необходимым учебного процесса. Главными помощниками Разумовского стали профессор истории Н. А. Дубровский — декан истфака, медик — профессор А. М. Левин и юрист — секретарь Правления И. А. Бабушкин, ранее работавший в Казанском университете. Была создана комиссия, в которую по просьбе Разумовского вошли также представители парламента, министерства и города. Заседания комиссии происходили ежедневно. Особенно важно было как можно скорее разработать смету и устав университета для утверждения их в парламенте. Без этого нельзя было рассчитывать на выделение средств для университета.

Устав университета, подготовленный Разумовским, отличался особой демократичностью. Василий Иванович писал по этому поводу: «Работая в разных комиссиях по разработке Университетского Устава (Казань, Саратов, Петроград) и имея

продолжительный академический опыт (в качестве профессора, декана и ректора) я пришел к убеждению, что для русских Университетов наиболее подходящим является Устав с более или менее полной автономией Университета. Контроль Правительства, связанного с Университетом через ректора (который утверждается министром), сводится глав[ным] обр[азом] к контролю финансовой части (в смысле не столько распределения, сколько правильности расходов). По немецким образцам полная свобода преподавания (*Sehr- und Lerntreiheit*)»⁹. Вся полнота власти по этому уставу принадлежала Совету университета. Предполагалось ввести студентов с совещательным, а позже и с решающим голосом в Правление, Совет и другие органы управления. При этом важно подчеркнуть, что Разумовский стремился сделать демократию разумной, т. е. последовательно проводил принцип компетентности, прежде всего в выборах. «Принцип компетентности, — отмечал он, — положен был в Уставе в основу всех выборов: так, напр[имер], профессоров выбирают только профессора и только некоторые младшие преподаватели (уже имеющие научный стаж)»¹⁰.

Подготовленные документы были направлены в парламент. Но пришлось приложить еще немало усилий, чтобы ускорить их прохождение через парламентские комиссии. И тут выяснилось, что определенные круги в азербайджанском обществе и парламенте выступают против самой идеи создания университета в Баку, считая, что для получения образования надо направлять молодых людей в Западную Европу. «Это был самый тяжелый период для нас — членов Комиссии, работавших для У[ниверсите]та и плохо разбиравшихся в политических конъюнктурах и личных отношениях влиятельных лиц»¹¹, — вспоминал Разумовский. Но все же, при помощи опять же «влиятельных лиц» среди азербайджанской интеллигенции и членов парламента, ситуацию удалось переломить к лучшему.

«Наконец, дело поступило в общее собрание Парламента. Мы присутствовали в ложе (на хорах). Большой парламентский день <...>. Необычайное стечение публики; масса бакинской интеллигенции»¹², — так Василий Иванович описывал заседание, на котором должен был решиться вопрос о создании Университета и утверждена его смета. Некоторые члены парламента предлага-

ли вернуть смету на доработку в комиссии, что, по убеждению Разумовского, было равносильно провалу самой идеи создания Университета в Баку. Василию Ивановичу пришлось выступить на этом заседании и доказать, что финансовые вопросы проработаны очень основательно. «Попутно я сказал несколько слов о значении Университета, как очага просвещения. По-видимому, мое объяснение удовлетворило Парламент; при голосовании смета прошла»¹³, — вспоминал об этом Разумовский.

Наконец, 1 сентября 1919 г. был окончательно решен вопрос о создании азербайджанского университета. «Мы считали себя счастливыми, как участники этого великого исторического события. Немало было взаимных поздравлений, у всех какое-то праздничное настроение. Такие дни не забываются всю жизнь!..»¹⁴

В течение лета 1919 г. проводилась усиленная работа по подготовке помещений, закупке оборудования, созданию библиотеки университета. Эта работа шла очень сложно: не хватало средств, с трудом удалось освободить выделенные помещения и приспособить их для занятий. Негде было закупить оборудование для лабораторий и книги для библиотеки. Пришлось командировать доктора Б. К. Финкельштейна в Европу для закупки всего необходимого.

Но была еще одна насущная проблема, без решения которой невозможно было обеспечить полноценный учебный процесс — это острая нехватка профессоров. Чтобы пригласить на работу в Бакинский университет преподавателей В. И. Разумовский и Н. А. Дубровский в первых числах сентября 1919 г. отправились в российские университетские города. Путешествие оказалось крайне сложным и утомительным для Василия Ивановича. С большим трудом добрались они до Ростова. Там Василий Иванович пробыл около двух недель, проводя переговоры с некоторыми профессорами и преподавателями. Но эти переговоры были не очень удачны: мало кто соглашался на переезд. Поэтому Василий Иванович отправился дальше, в Екатеринослав. Причем удалось это ему только после того, как он согласился уладить проблемы между Екатеринославским университетом и Красным Крестом и получил мандат от управления Красного Креста в Ростове. «Благодаря этому поручению я получил билет

и место в поезде, но поездка оказалась сопряженной с большими препятствиями. Поезд дошел только до Харцисска, дальше не мог идти, так как путь был отрезан бандами Махно. Окольным путем и не без затруднений, я кое-как добрался до Екатеринослава»¹⁵, — вспоминал Василий Иванович об этом путешествии. Однако и в Екатеринославе найти преподавателей для Бакинского университета не удалось, и Василий Иванович, опять же с большими сложностями, вернулся в октябре 1919 г. в Баку. Интересно отметить, что, несмотря на пожилой возраст, сложности путешествия, проблемы с продовольствием Разумовский был полон энергии. И в Ростове, и в Екатеринославе он посещал университеты, интересовался устройством лабораторий, участвовал в заседаниях Красного Креста и т. д.

Вернувшись в Баку (где о нем не было известий, и даже ходили слухи о его бегстве с Кавказа), В. И. Разумовский сразу же занялся вопросом об открытии Университета. «Мы все решили прочитать вступительные лекции, — писал Василий Иванович в своих воспоминаниях. — Первый прочитал интересную лекцию Н. А. Дубровский по всеобщей истории. Новая огромная аудитория переполнена публикой; кроме студентов, масса сторонней интеллигенции, члены Парламента, лица из правительственного Совета и т. д. Эта лекция, равно как и последующие, также собиравшие многочисленную публику, слушались всегда с напряженным вниманием и сразу же показали бакинскому о[бщест]ву, какую высокую культурную ценность оно приобретает в У[ниверсите]те»¹⁶.

Одновременно с занятиями продолжалось оборудование университета. К весне 1920 г. были оборудованы и открыты две клиники: хирургическая и терапевтическая (с хорошими приспособлениями, палатами, операционными и т. д.).

Началась научная и общественная жизнь университета. К весне 1920 г. был подготовлен 1-й выпуск «Известий Бакинского университета» под редакцией профессора Л. Г. Лопатинского; заработали различные студенческие научные кружки — медицинский, философский, поэтический.

Василий Иванович отмечал, что университет оставался в целом в стороне от политических бурь и страстей, бушевавших вокруг. Думается, немалая заслуга в этом прежде всего самого

ректора. Так, при выборах профессоров интересовались не их политическими убеждениями, а их научной компетентностью. «Попытки отдельных лиц со слабым научным цензом получить звание профессора не увенчались успехом (а были настойчивые попытки!), — и они зачислены были только преподавателями. <...> Я считал эту тактику и эту позицию вполне автономного Бакинского Университета весьма важной»¹⁷, — писал позже Василий Иванович.

Однако весной 1920 г. в Баку установилась большевистская власть и относительно спокойная жизнь университета была нарушена. Здания университета стали занимать войска. «Помещение войск в них равносильно было порче всего специально оборудованного помещения, к слову сказать, лучшего во всем Азербайджане»¹⁸, — отмечал Василий Иванович. Но ректор сумел добиться, чтобы власти освободили помещения от постоя войск. «На второй или на третий день после переворота, — вспоминал далее Разумовский, — я получил от новой власти официальное уведомление, что она оставляет в Университете старый порядок, просит всех служащих оставаться на своих местах и работать, при этом указано было, что новая социалистическая власть еще больше нуждается в научных сотрудниках, чем старая буржуазная»¹⁹. После этого работа в университете продолжилась.

Однако в мае 1920 г. Разумовский уехал в отпуск, а затем сложил с себя обязанности ректора. Очень тепло и дружески расставался Василий Иванович с Баку. В письме Наркомпроса Азербайджана В. И. Разумовскому за подписью заведующего Главпрофобротом АССР А. Пепинова говорилось: «Расставаясь с большим сожалением с Вами, мы просим принять наши самые искренние пожелания Вам, пожелания долголетия Вам для продолжения высокополезной Вашей научной деятельности на благо всего человечества. В числе других народов и тюркский народ будет хранить благодарную память о Вас»²⁰.

В октябре 1920 г. В. И. Разумовский возвратился в родной Саратовский университет, где в течение 10 последующих лет заведовал кафедрой хирургической патологии.

Последние годы своей жизни ученый провел в Эссентуках, куда переехал из Саратова в 1931 г. после трагических событий, коснувшихся его семьи, — ареста ОГПУ по ложному обвинению его сына,

Вадима Васильевича Разумовского (1887–1931), и его расстрела. Это печальное обстоятельство и тяжелая болезнь не помешали ему, однако, и на кавказских минеральных водах продолжать активно заниматься научно-просветительской и педагогической деятельностью. Оставаясь в строю до последнего дня своей жизни, он продолжал трудиться, постоянно вспоминая собственное изречение: «Служение медицине есть не только служение науке, но и искусству, потому что жизнь есть наивысшая красота»²¹.

Человек исключительной скромности и человеколюбия, считавший себя лишь маленькой частицей своего народа, ради которого и для которого он работал, В. И. Разумовский был удостоен многих наград и почестей как до, так и после революции. В разные годы он был обладателем трех почетных званий: заслуженного профессора (1911), Героя Труда (1923) и заслуженного деятеля науки РСФСР (1934), являлся кавалером девяти орденов Российской империи и Бухарского эмирата. После смерти ученого его именем была названа в Саратове факультетская хирургическая клиника; для аспирантов-хирургов при Саратовском и Казанском медицинских институтах учреждены по две стипендии имени В. И. Разумовского. А по Волге и Каме вот уже много лет курсирует пассажирский трехпалубный красавец-теплоход «Хирург Разумовский», построенный в 1962 г. по заказу Советского правительства кораблестроителями Германской Демократической Республики.

Современно и назидательно звучат слова В. И. Разумовского: «Всякая страна, всякая нация справедливо гордится своими великими людьми и чтит их. Великие люди составляют силу и мощь нации, дают ей право на внимание, на уважение всего культурного мира»²².

Этот замечательный афоризм можно с полным правом переадресовать и его автору, профессору В. И. Разумовскому, организатору и первому ректору трех университетов — Саратовского, Тифлисского и Бакинского.

---

¹ Василий Иванович Разумовский. Из воспоминаний дочери Ю. В. Разумовской. Машинопись // Коллекция документов по истории Саратовского университета В. А. Соломонова (Саратов).

- ² См.: *Разумовский В. И.* О хирургической помощи на Кавказском фронте (Посвящается памяти моих бывших ординаторов и хирургов Кавказского фронта М. П. Бакина и В. А. Перимова) // *Известия Бакинского Государственного университета.* 1921. № 1.
- ³ *Разумовский В. И.* Хирургические воспоминания. Очерк 15: Два года (1917–1918) в Тифлисе // *Новый хирургический архив.* 1930. Т. XXI. Кн. 2 (№ 82). С. 179.
- ⁴ Выписка из протокола чрезвычайного заседания Совета и всех факультетов Закавказского университета 6 октября 1918 года // Коллекция документов В. А. Соломонова.
- ⁵ *Разумовский В. И.* Основание университета в гор. Баку (Исторический очерк) // *Известия Бакинского Государственного университета. Отд. естествознания и медицины. Полугом I.* 1922. № 2. С. III.
- ⁶ *Разумовский В. И.* Основание университета в гор. Баку. С. IX.
- ⁷ Письмо В. И. Разумовского Ю. А. Разумовской от 18 апреля 1920 года // Коллекция документов В. А. Соломонова.
- ⁸ *Разумовский В. И.* Основание университета в гор. Баку. С. X.
- ⁹ Там же. С. XIV.
- ¹⁰ Там же. С. XV.
- ¹¹ Там же. С. XVII.
- ¹² Там же. С. XVII–XVIII.
- ¹³ Там же. С. XVIII.
- ¹⁴ Там же. С. XVIII.
- ¹⁵ Там же. С. XX.
- ¹⁶ Там же. С. XX–XXI.
- ¹⁷ *Разумовский В. И.* Материалы к истории Азербайджанского имени В. И. Ленина Государственного университета. Бакинский университет во время большевистского переворота (весной 1920 г.). Машинопись. [Конец 1920-х гг.]. Л. 2–3 // Коллекция документов В. А. Соломонова.
- ¹⁸ Там же. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 5.
- ²⁰ Цит. по: *Мамедалиев Ю. Г., Эйвазов Б. А.* Замечательный русский ученый // *Бакинский рабочий.* 1957. 27 марта.
- ²¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2430. Оп. 1. Д. 667. Л. 1.
- ²² Цит. по: *Миротворцев С. Р.* Страницы жизни. Л., 1956. С. 102.

В. В. Романов

Революционер и ученый В. Г. Богораз-Тан: его вклад в улучшение благосостояния народов российского Севера

Владимир Германович Богораз-Тан принадлежит к числу выдающихся представителей российской этнографии. Его исследования языка, культуры и быта народов Сибири, прежде всего чукчей, стали неотъемлемым достоянием этнографической науки. Он собрал и систематизировал многочисленные факты из жизни самобытных северных народностей, подготовил целую плеяду талантливых ученых, участвовал в работе Советской власти с северными народами. После смерти ученого его бумаги были переданы на хранение в Архив АН¹.

Владимир Германович был не только ученым, но и писателем, журналистом и активным участником освободительного движения. Будучи социалистом-народником, Богораз-Тан в 1880 г. стал членом «Народной воли», а во время первой русской революции — членом Партии народных социалистов. Это придавало специфический характер его научной деятельности и взаимоотношениям с органами власти. В данной статье мы попытаемся указать важнейшие вехи научного пути этнографа, найти место и роль науки в его жизни и выявить формы взаимодействия с властью.

В. Г. Богораз-Тан принадлежит к числу ученых-самоучек, самостоятельно проложивших свой научный путь. Несмотря на выдающиеся умственные способности, он даже не имел высшего образования. В 1880 г. он поступил в Санкт-Петербургский университет, однако, в 1882 году был из него исключен за участие в студенческих сходках. Тем не менее, бывший студент не прекратил борьбы с царизмом. За участие в революционной деятельности партии «Народная воля» Богораз-Тан дважды подвергался тюремному заключению и, в конечном счете, в 1888 году был отправлен в ссылку в отдаленный Колымский край. Преодолев тяготы и лишения ссылки, он стал изучать языки, обряды и обычаи живущих вокруг народов. «Свою этнографическую карьеру он начал фольклорными записями среди русского населения на р. Колыме»², которые посылал московскому этнографу профессору В. Ф. Миллеру. Последний с интересом принял присланные материалы и поспособствовал появлению первой научной публикации Богораза-Тана в журнале «Этнографическое обозрение» в 1896 г., став как бы «крестным отцом» начинающего этнографа. Продолжая свои успешные начинания, Владимир Германович приступил к изучению языка и быта коренных народов Севера. Будучи вынужден долгие годы жить среди изучаемых народов, он стихийно стал применять полевые методы исследования, описывая жизнь этих народов как бы «изнутри». Позже он вспоминал, как «странствовал с чукчами и ламутами верхом на оленях, питался летней падалью, как полагается по чукотскому укладу, и «кислою» гнилою рыбою, как полагается по укладу якутскому. Научился говорить по-чукотски, по-ламутски и даже по-эскимосски. Вызнал и усвоил всякие шаманские хитрости»³. Кроме самостоятельных «полевых» исследований, с 1894 года Богораз-Тан принимал участие в обширной экспедиции Географического общества, снаряженной на средства купца Сибирякова, в ходе которой посетил даже отдаленные кочевые народности.

Часто упоминается о том, что именно благодаря ссылке В. Г. Богораз-Тан и некоторые другие сосланные народники стали этнографами. Действительно, ссылкой окружал богатейший неизученный материал, а мощный интеллект создавал потребность в умственной деятельности. «Почти все колымские ссылки, жившие умственным трудом, спасались от засасывающих

условий ссылки исключительно книгой, научными занятиями»⁴, — писал один из колымчан. Однако, варианты применения интеллекта были различны: самообразование, журналистика и литература, революционно-теоретическая подготовка. Выбор Богораз-Тана обусловили особенности его мышления и характера: «у Богораза счастливо сочетались художественный талант, пытливость и прозорливость ученого с непритязательностью и неутомимостью путешественника»⁵.

В 1898 году Богораз-Тан, закончив срок ссылки, приехал в Петербург. «Я не имел никакого настоящего права жительства и получил его лишь в результате настойчивых хлопот академика В. В. Радлова, который заинтересовался моими лингвистическими сборами среди чукоч и ламутов»⁶, — вспоминал он. Пробыв в столице около двух лет, Владимир Германович занимался как наукой, так и литературной деятельностью. В это время под руководством В. В. Радлова он работал в Музее антропологии и этнографии, «регистрируя чукотские коллекции Н. Л. Гондатти и сопоставляя в то же время описание этих коллекций»⁷, получая за работу 25 рублей в месяц. Кроме того, ему удалось продвигаться в публикации материалов чукотского языка и фольклора. «Убедившись из представленных В. Г. Богоразом “образцов” в высоких научных достоинствах его исследований, Историко-филологическое отделение в заседании 19 апреля 1899 г. постановило издать на средства Академии его “Материалы”»⁸. Другим свидетельством признания ученого стало его «участие в северо-тихоокеанской экспедиции Джексона, организованной известным антропологом и лингвистом Францем Боазом, силами Нью-Йоркского Музея естественных наук и Петербургской Академии Наук»⁹. В 1900–1901 гг. в ходе экспедиции он путешествовал по Камчатке, Анадырскому краю и Чукотке. Вернувшись из экспедиции, Владимир Германович готовился сделать доклад о результатах своей работы, но не успел, так как за антиправительственные выступления в прессе был выслан из Петербурга. Как он писал Э. Э. Ухтомскому в ноябре 1901 г., «Академия Наук и Географическое общество конечно содействовали о моем возвращении в Петербург хотя бы на один месяц»¹⁰, но безуспешно. Богораз-Тан был вынужден эмигрировать в Америку, где работал в Музее естественных наук и систематизировал собранные им материалы,

опубликованные там же, на английском языке. Привлеченный событиями начавшейся первой российской революции, он приехал в Россию и на два года практически оставил научную жизнь. Лишь со спадом накала освободительной борьбы он возвратился к исследованиям. На данном этапе он не участвовал в экспедициях, продолжая обрабатывать собранный материал и пытаясь привлечь интерес ученых и общественности к достижениям своей дисциплины. Так, систематизировав найденные им способы врачевания, применяемые шаманами, В. Г. Богораз изложил в докладе на 12 съезде естествоиспытателей и врачей в 1909 году «общую концепцию шаманства»¹¹. Не оставлял он научных исследований даже находясь в тюрьме по политическому делу. «Поблагодари Василия Васильевича Радлова по его домашнему телефону и скажи ему, что мне дали больше бумаги и, по-видимому, разрешили переслать рукопись через тюремную инспекцию в Музей»¹², — писал Владимир Германович жене из «Крестов» в ноябре 1910 года. Вскоре освободившись, в 1914 году он вновь оставил науку и отправился на фронт работником санитарного отряда.

Таким образом, можно сделать вывод, что в дореволюционный период наука имела для В. Г. Богораз-Тана второстепенный характер, уступая по значимости общественной деятельности и журналистике. В связи с этим он не занимал влиятельного положения в научных кругах и был как бы этнографом-любителем, хотя по своим знаниям был одним из лучших специалистов. Наука в то время была для него способом реализации умственного потенциала, а также одним из источников заработка и формой приобщения к интеллектуальной жизни столицы. Его научный статус помогал ему обходить санкции МВД, наложенные за участие в освободительной борьбе, однако далеко не всегда.

Мы не имеем данных о деятельности В. Г. Богораз-Тана в период между февралем и октябрём революционного 1917 года. Однако, хотя народническое прошлое теоретически должно было ставить его в оппозицию к программе большевиков, известно, что после октября 1917 года он принял начатые ими социальные преобразования, считая, что политика новой власти predeterminedена предшествующим ходом истории и обусловлена характером русского народа¹³. Прекратив участвовать в общественно-политической борьбе, Богораз-Тан все свои усилия

стал посвящать науке. В 1918 г. он вновь начал работать в качестве ученого хранителя в Музее антропологии и этнографии АН. В это трудное время его задачей было уберечь «музейные коллекции, прежде всего от замерзания, а также от поедания моли»¹⁴. В январе 1919 года в Отделении исторических наук и филологии АН он сделал сообщение о «языке духов» у эскимосов¹⁵. Не ограничиваясь научными исследованиями, Владимир Германович начал читать лекции на Этнографическом отделении Геоинститута. «С 1921 г. Богораз-Тан — профессор этнографии, сначала в Географическом институте, потом, после слияния Географического института с Ленинградским университетом, — в последнем»¹⁶.

В годы НЭПа широко шел процесс привлечения всякого рода «спецов» к решению государственных задач. Был признан полезным даже труд дореволюционной «буржуазной интеллигенции», в том числе и научных работников. Богораз-Тан был одним из тех, кто горячо откликнулся на призыв власти к сотрудничеству, видя в нем возможность участия в строительстве новой жизни. В 1923 году он характеризовал одно из заседаний ученых и представителей власти как «начало настоящей амнистии, примирение старой почтенной российской науки с молодой и задорной российской революцией»¹⁷. Ученый предлагал советской власти использовать его познания северной жизни, полезные как при изучении богатств природы Севера, так и при работе с северными народами. Еще «в 1921 г. по инициативе профессора В. Г. Богораза-Тана были снаряжены экспедиции в Печорскую тундру и в верховья Оби»¹⁸. Эта инициатива получила развитие, и в последующие годы Владимир Германович был одним из важнейших специалистов в деле изучения природных богатств Сибири. Однако наибольшее значение знания этнографа получили в ходе осуществления среди северных народов советских принципов национальной политики.

В 1923 году шла активная подготовка Конституции СССР. Одним из острейших вопросов был вопрос о национальном самоуправлении народов. В этой ситуации Богораз-Тан выступил с инициативой оказания помощи в решении национального вопроса в отношении малых народностей Севера, которые при царизме находились на грани вымирания¹⁹. Он предлагал целый ряд экономических и административных мер по улучшению условий жизни

северных народов, которых всегда называл «главным богатством» Севера²⁰. Центральное место среди этих «тезисов Тана» занимало предложение о создании особого правительственного органа, руководящего советским строительством в национальных республиках Севера. Данный орган в июне 1924 года был создан при ВЦИКе под названием «Комитет содействия развитию северных народов», или просто — Комитет Севера. Профессор Богораз-Тан стал одним из его членов, наряду с видными партийными деятелями, руководителями наркоматов, представителями сибирских губисполкомов. Первоочередной задачей Комитета Севера было «возобновление снабжения туземцев» в обмен на продукты их промысла, которое было прервано в годы гражданской войны. Богораз-Тан с гордостью писал о проделанной работе, спасшей многие племена от вымирания, но еще большую гордость для него составляли введенные при помощи Комитета Севера «новые цены на товары, неслыханные ранее»²¹. Результатом стало не только улучшение жизни северных народов, но и поступления в пользу государства запасов ценных мехов. Как позже писал Владимир Германович, «меховая валюта с тундры и с тайги доставляет СССР на рынках Лейпцига и Лондона десятки миллионов полноценных рублей»²². Однако, главной задачей Комитета Севера по отношению к малым народам было «приобщение их к советскому строительству»²³, повышение уровня развития производства, культуры и образования. С середины 20-х гг. Комитет вел активную работу по созданию на Севере сети школ, культбаз и кооперативов. Чтобы приблизить осуществление этих мероприятий к нуждам и пониманию населения, Богораз-Тан внес оригинальное предложение. Оно прозвучало в его докладе «Подготовительные меры к организации малых народностей» на Пленуме Комитета Севера 10 февраля 1925 г. Критикуя руководителей губернских исполкомов, которые противопоставляли отвлеченным «профессорским докладам» «практический подход местных деятелей»²⁴, Владимир Германович приводил примеры ошибок как царских, так и советских чиновников при работе с северными племенами, возникавших по причине плохого знания местного языка и особенностей быта. Однако он отнюдь не призывал бросить все силы на этнографические исследования. Считая, что «самое изучение севера должно быть соединено с практическим производствен-

ным подходом», профессор предлагал посылать для работы на Севере молодых этнографов, «миссионеров новой культуры и советской государственности»²⁵. Одновременно с изучением жизни местных народов они должны будут вести работу по советскому строительству среди этих народов. «С самого начала этим начинающим работникам следует поставить и совершенно практические задачи: 1. Право заступничества за интересы малых народностей перед всеми правительственными органами <...> 2. Задача возбудить самосознание северных народностей, разрушить их вековое недоверие к органам власти <...> 3. Посылать сюда в Центральный Комитет Севера подробные доклады о жизни туземцев и о своей работе через определенные промежутки времени»²⁶. Таким образом, смысл предложения Богораза-Тана сводился к тому, чтобы в республиках Севера дополнить централизованное управление работой независимых экспертов на местах, исходящих в своей деятельности из интересов и обычаев национальных меньшинств. Без этого совместить лозунги советского строительства и национального самоопределения применительно к отстающим народам было бы невозможно.

Предложение профессора нашло поддержку и начало осуществляться в дальнейшей работе Комитета Севера. Подтверждением этому может служить возросшее внимание власти к этнографическому образованию. Увеличилось финансирование, возрос набор студентов, стали открываться новые отделения. О важности подготовки этнографов для Комитета Севера свидетельствует письмо Комитета, направленное в Наркомпрос, в котором подчеркивалось, что «работа Географического института все более связывается с особыми целевыми заданиями»²⁷. Одновременно с усиленной подготовкой этнографов из русскоязычного населения, для работы в республиках Севера стало осуществляться обучение представителей самих национальных меньшинств. «В 1925–26 г. в г. Ленинграде на Васильевском острове при Рабфаке Госуниверситета была организована из туземного населения северная группа. Состояла она из 26 человек <...>. Руководителями группы были проф. Тан-Богораз и Кошкин Я. П., их же можно считать инициаторами в деле организации этой группы»²⁸. Рабфаковцы из северных народностей отбирались и отправлялись при помощи местных Комитетов Севера и местных

властей. Как свидетельствуют протоколы Пленумов Комитета Севера, на заседании в апреле 1926 г. Владимир Германович сделал доклад о «туземном Рабфаке ЛГУ»²⁹. Результатом было постановление о присоединении этого Рабфака к Ленинградскому институту живых восточных языков и об уравнении его с другими специализированными учебными заведениями при ВЦИКе СССР. Кроме того, Комитет решил «опыт туземного отделения Рабфака ЛГУ одобрить» и «настаивать на расширении приема в 1926–27 учебном году до 60 человек»³⁰. Вскоре Северный Рабфак был преобразован в отдельный Институт народов Севера (сокращенно — ИНС). На десятилетнем юбилее Института профессор отмечал, что «студенты, окончившие ИНС, являются подлинными руководителями туземных народов Сибири и верными проводниками Ленинско-Сталинской национальной политики»³¹.

Другим мероприятием Комитета Севера, в котором Богораз-Тан сыграл важную роль, было установление границ между северными республиками согласно ареалу обитания доминирующей народности. Старые границы этого не учитывали и не согласовывались с новой Конституцией. Так, на 7-м расширенном пленуме Комитета Севера Владимир Германович отмечал, что существующие административные границы между ДВК и Сибкраем, с одной стороны, и Якутской АССР и Бурято-Монгольской АССР, с другой, являясь в основном дореволюционными границами, «представляются с точки зрения национальной политики совершенно неудовлетворительными»³². Для уточнения границ расселения народов Сибири Комитет Севера посылал этнографические экспедиции, научное руководство которыми возглавлял Богораз-Тан. В задачи экспедиций входило также экономическое и культурно-бытовое обследование региона. Еще одним мероприятием Комитета Севера, в котором принимал участие Владимир Германович, стало создание букварей для ранее бесписьменных народов³³. Обучение в национальных школах Севера стало осуществляться на родном языке.

Таким образом, как бы сейчас ни относились к большевикам, нельзя отрицать большой работы среди северных народностей, которую они проводили в период НЭПа. В этой работе значительную роль сыграл В. Г. Богораз-Тан, который был как научным консультантом при осуществлении многих мероприятий,

так и инициатором важных практических начинаний, направленных на поддержку малых народов. Одним из условий, позволивших бывшему народнику участвовать в национальной политике большевиков, было соответствие его предложений характеру данной политики. Как и большевики, именовавшие царскую Россию «тюрьмой народов»³⁴ и противопоставлявшие ей «союз республик свободных», Богораз-Тан заявлял о «злодеяниях старого режима» и о долге революционеров перед народами Севера, благодаря помощи которых смогли выжить ссыльные. «Революция дала нам возможность уплатить этот долг и взамен за туземную культуру принести народностям Севера элементы культуры общечеловеческой»³⁵, — писал он. Вторым условием, позволившим ученому участвовать в освоении Севера, была свойственная НЭПу относительная терпимость к концептуальным позициям ученых. Владимир Германович, как и многие другие этнографы, придерживался понимания этнографии как науки, «поглощающей собою все остальные общественные науки, как единой науки о развитии человеческой культуры»³⁶. Такой подход противоречил марксизму, но это не мешало сотрудничеству ученого с властью. Положение изменилось после совещания этнографов, состоявшегося в апреле 1929 года. Задачей совещания была перестройка этнографии на началах марксизма. На широкой дискуссии, развернувшейся между марксистами и сторонниками широкого подхода, позиции последних представлял докладчик П. Ф. Преображенский. Доклад В. Г. Богораз-Тана о важности стационарных методов изучения Севера, хотя и не затрагивал «принципиальных формулировок», как пишут некоторые исследователи³⁷, однако также был направлен в поддержку широкого подхода, ибо стационарно-полевые методы, дающие «возможность схватить жизненные явления в конкретной целостности»³⁸, предполагают углубленное внимание к самобытной культуре изучаемого народа. Дискуссия знаменовала победу молодых ученых-большевиков, прибегавших зачастую к «политическому руководству как к арбитру в научных спорах»³⁹. Немарксистская позиция грозила ученому репрессиями и полной ликвидацией всех его начинаний. В этой ситуации Владимир Германович решился использовать марксистскую методологию применительно к этнографии. В 1930 году он опубликовал в журнале «Этнография» статью под названием «К вопросу о

применении марксистского метода к изучению этнографических явлений». Затем, следуя канонам марксизма, он пытался дополнить свои исследования чукчей подробным описанием их общественного строя и классового расслоения. Тем не менее, позиция, отраженная в этих работах, «не может быть названа марксистской»⁴⁰, — писали о нем. «В. Г. Богораз сам сознавал свою методологическую непоследовательность, любил называть себя в разговорах со своими коллегами “комсомольцем”, понимая под этим свой рост к марксизму»⁴¹. Так и не сумев приспособиться к изменению политической конъюнктуры, ученый потерял свой статус ведущего эксперта в работе с народами Севера. Однако за годы работы по освоению Севера он внес значительный вклад в развитие культуры и самосознания северных народов, способствуя установлению доверия и взаимопонимания между властью и национальными меньшинствами.

-
- ¹ Сейчас они находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (далее ПФА РАН).
  - ² Памяти В. Г. Богораз. Сборник статей. М.; Л., 1937. Предисловие. С. 5.
  - ³ Автобиография В. Г. Богораз // Энциклопедический словарь братьев Гранат. Т. 1. М., 1926. Стлб. 445.
  - ⁴ Поляков М. На краю света. М., 1929. С. 62.
  - ⁵ Там же.
  - ⁶ *Богораз-Тан В. Г.* На пороге двадцатого века. ПФА РАН. Ф. 250 (В. Г. Богораз-Тан). Оп. 2. Ед. хр. 164. Л. 7.
  - ⁷ *Богораз-Тан В. Г.* Л. Я. Штернберг как человек и ученый // Там же. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 10.
  - ⁸ *Алькор Я. П.* Предисловие к книге: *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1. Л., 1934. С. 13.
  - ⁹ *Алькор Я. П.* В. Г. Богораз // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 6.
  - ¹⁰ РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Ед. хр. 285. Л. 1. Письмо В. Г. Богораз Э. Э. Ухтомскому.
  - ¹¹ Памяти В. Г. Богораз. С. 14.
  - ¹² ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 4. Е.х. 405. Л. 5. Письмо В. Г. Богораз к С. К. Богораз.
  - ¹³ Там же. Оп. 2. Ед. хр. 129. Л. 1. *В. Г. Богораз.* Большевизм как религия. Вырезка газетной статьи.
  - ¹⁴ *Богораз-Тан В. Г.* Л. Я. Штернберг как человек и ученый // Там же. Оп. 1. Ед. хр. 215. Л. 12.

- ¹⁵ *Богораз В. Г.* О так называемом языке духов (шаманском) у различных ветвей эскимосского племени. Пг., 1919.
- ¹⁶ *Алькор Я. П.* В. Г. Богораз. С. 7.
- ¹⁷ *Тан.* Конференция «Кипса» и «Кепса» // Россия. 1923. № 8. С. 17.
- ¹⁸ *Кунтайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы советской власти. Л., 1984. С. 176.
- ¹⁹ *Богораз-Тан В. Г.* СССР и малые народности Севера ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 91; *Богораз-Тан В. Г.* Изучение и охрана окраинных народов как первоочередная задача. Тезисы к докладу // Там же. Ед. хр. 96.
- ²⁰ ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 232. Л. 7. Протоколы Пленумов Комитета Севера при Президиуме ВЦИК.
- ²¹ *Богораз-Тан В. Г.* Великий Северный путь и малые народности Севера // Там же. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 8–9.
- ²² Там же. Л. 8.
- ²³ Северная Азия. 1925. № 1–2. С. 136.
- ²⁴ Там же. 1925. № 3. С. 40.
- ²⁵ Там же. С. 47–48.
- ²⁶ Там же. С. 49.
- ²⁷ ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 169. Л. 38.
- ²⁸ Там же. Ед. хр. 150. Л. 1. Положение об Институте народов Севера...
- ²⁹ Там же. Ед. хр. 232. Л. 2 об. Протоколы Пленумов Комитета Севера при Президиуме ВЦИК.
- ³⁰ *Б[огораз]-Т[ан] В. Г.* Северный Рабфак // Северная Азия. 1927. № 2. С. 53.
- ³¹ ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 3. Ед. хр. 150. Л. 77. Положение об Институте народов Севера...
- ³² Там же. Ед. хр. 89. Л. 136.
- ³³ Например: Букварь для северных народностей / Сост. В. Г. Богораз и С. Н. Стебницкий. М., 1927.
- ³⁴ *Вдовин А. И.* Эволюция национальной политики СССР. 1917–1941 // Вестник МГУ. Сер. 8. 2002. № 3. С. 13.
- ³⁵ *Богораз-Тан В. Г.* Великий Северный путь и малые народности Севера // ПФА РАН. Ф. 250. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 4.
- ³⁶ *Маторин Н. П.* Современный этап и задачи советской этнографии // Советская этнография. 1931. № 1–2. С. 5–6.
- ³⁷ *Иванова Ю. В.* Преображенский П. Ф. // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 254.
- ³⁸ Этнография. 1929. № 2. С. 112. Хроника. Совещание этнографов Ленинграда и Москвы.
- ³⁹ Репрессированные этнографы. С. 6.
- ⁴⁰ *Алькор Я. П.* Предисловие к книге: *Богораз В. Г.* Чукчи. С. 7.
- ⁴¹ Памяти В. Г. Богораз. С. 13.

К. В. Манойленко

**Академик А. С. Фаминцын —
ученый и общественный деятель
(к 120-летию со дня рождения)**

Он верил в великую роль науки и просвещения для развития России. Утверждению тезиса «Наше спасение в науке» он посвятил свою жизнь, научную и общественно-организационную деятельность¹.

Андрей Сергеевич Фаминцын (1835–1918) родился в Москве 17 (29) июня в семье военного — Сергея Андреевича Фаминцына и Вильгельмины Федоровны, урожденной Местмахер. В десятилетнем возрасте вместе с семьей он переехал в Санкт-Петербург. В этом городе прошла вся последующая жизнь Фаминцына — 73 года. Здесь он окончил гимназию, Петербургский университет (физико-математический факультет по разряду естественных наук), стал университетским профессором, академиком, выполнил основополагающие исследования в области физиологии растений, эволюционной биологии.

На выбор Фаминцыным ботанической специальности, на формирование его общебиологических взглядов решающее влияние оказал заведующий кафедрой ботаники Петербургского университета Л. С. Ценковский (1822–1887), биолог-эволюционист,

автор исследований в области бактериологии, сравнительного изучения водорослей, грибов, простейших животных.

Развитие интеллектуальной составляющей личности Андрея Сергеевича в большой мере шло под воздействием многолетней дружбы с М. С. Ворониным, известным микологом, человеком редкостных душевных качеств, а также под влиянием тесного общения с братом Александром — музыковедом, композитором, историком музыки².

В юношеские годы, вскоре после окончания Петербургского университета, Фаминцын и Воронин прошли подготовку к профессорскому званию в крупнейших научных центрах Германии, Италии, Франции (1858–1860).

Фаминцын стажировался по морфологии и анатомии растений у Антона де Бари, знания в области физики, химии и биохимии совершенствовал в лабораториях Г. Р. Кирхгофа и Р. В. Бунзена. Пресноводные и морские водоросли изучал под руководством Г. Тюре в Антибе, на побережье Средиземного моря.

По возвращении в Россию в 1860 г., согласно разрешению Министерства народного просвещения, Фаминцын начал преподавать физиологию растений в Петербургском университете. Защита в 1861 г. диссертации на степень магистра — «Опыт химико-физиологического исследования над созревaniem винограда»³ — упрочила служебное положение молодого ученого в университете. Его курс по физиологии растений в 1863 г. был узаконен уставом университета в качестве самостоятельного. К. А. Тимирязев отметил приоритет Фаминцына. Это событие свершилось в Петербургском университете ранее, чем в других университетах России и мира.

Начало и расцвет исследовательской и педагогической деятельности Фаминцына пришлось на 60–80-е гг. XIX в., на период царствования императора Александра II (1818–1881), реформатора, освободителя крестьян от крепостной зависимости. Этот период в истории России отмечен подъемом научной и общественной мысли, оживлением культуры.

В Петербургском университете тогда вместе с Фаминцыным работали крупнейшие биологи, математики, физики, химики: А. Н. Бекетов, А. М. Бутлеров, В. В. Докучаев, А. А. Иностранцев, К. Ф. Кесслер, А. О. Ковалевский, Д. И. Менделеев,

И. И. Мечников, Н. А. Меншуткин, Ф. В. Овсянников, И. М. Сеченов, П. Л. Чебышев и др.

В 1866 г. Фаминцыну была присуждена ученая степень доктора ботаники за работу «Действие света на водоросли и некоторые другие близкие к ним организмы»⁴. В этой работе Фаминцын отстаивает идею структурного и функционального сходства между растительными и животными организмами, а также между растениями разного уровня эволюционного развития. Это диссертационное исследование находилось в русле идей и трудов Ч. Дарвина. Будучи опубликовано спустя семь лет после выхода в свет «Происхождения видов» (1859), оно не только подтверждало основные положения учения Дарвина, но еще открывало пути к развитию эволюционной физиологии растений — нового, прогрессивного научного направления.

Материалы докторской диссертации Фаминцына обосновали вывод об универсальности физиологических процессов в мире растений, создали основу для изучения возникновения фотосинтеза, построения филогении фотосинтезирующих организмов.

Важнейшим научным достижением Фаминцына является установленный им факт возможности фотосинтеза при искусственном освещении. Изучая действие дневного и искусственного света с использованием специально сконструированного им прибора, он убедительно показал, что ассимиляция углерода и образование крахмала могут идти не только при естественном дневном свете, но и при искусственном освещении — свете керосиновой лампы. Результаты этого исследования были доложены ученым в 1879 г. на VI съезде русских естествоиспытателей и врачей в Петербурге. А десятью годами раньше, в 1869 г., Академия наук в Париже удостоила Фаминцына за серию работ по влиянию искусственного и естественного света на растения премии имени Монтиона.

Фаминцын приложил усилия к разработке методов физиологических исследований. Он считал, что водоросли являются наиболее удобной моделью для изучения клетки. Следуя его примеру, ботаники стали использовать спирогиру, широко распространенную водоросль пресных вод, в качестве классического объекта физиологического исследования.

Императорская Академия наук оценила труды А. С. Фаминцына. В 1878 г. он был избран адъюнктом Академии по физико-математическому отделению (ботаника), в 1844 г. — экстраординарным академиком, а в 1891 г. — ординарным академиком.

Анализ работ Фаминцына, обращенных к познанию функций фотосинтеза, дыхания, раздражимости и роста растений, их анатомоморфологической структуры, показывает, что они были связаны между собой логически и подчинены общей задаче — поиску единства в многообразии живого. *Мысль о единстве органического мира была ключевой, своего рода доминантой*, как в его экспериментальных исследованиях, так и в работах теоретического плана. Это относится к его первой опубликованной работе «Организмы на границе животного и растительного царства» (1860)⁵ и, конечно же, к классическому труду «Обмен веществ и превращение энергии в растениях» (1883), переизданному спустя сто лет⁶, в 1989 г.

Если в первой из названных работ, проведя сравнительное исследование химического состава клеточных оболочек у грибов, водорослей и инфузорий, Фаминцын пришел к выводу, что животные и растительные организмы связаны между собой непрерывной цепью переходных форм, то в работе 1883 г. «Обмен веществ» ученый пошел дальше в выявлении степени биохимического сходства между разными формами живого. Сопоставив особенности питания животных и растений, он констатировал двухфазность процесса питания у последних и обосновал сходство второй фазы питания у растений и животных.

В выводах Фаминцына заключена новаторская для XIX в. мысль — о взаимодействии функций питания и дыхания.

На основе эволюционной идеи о единстве корней живого построил Фаминцын свой «Учебник физиологии растений», опубликованный в 1887 г.⁷ Многие страницы этой книги, имевшей большое значение в деле образования ботаников, он посвятил обоснованию вывода о том, что раздражимость представляет собой общее свойство всех живых систем. Вспомним, что этот принцип в тот период еще приходилось особо отстаивать и пропагандировать среди биологов.

В противоположность немецким ученым Ю. Саксу и Ю. Визнеру, крупнейшим научным авторитетам той эпохи, Фаминцын

с вниманием и пониманием отнесся к открытию Дарвином наличия у растений пространственного разделения сенсорной и моторной функций. Фаминцын оказался прав. Подтвердил же открытие Дарвина в 1893 г. экспериментальными данными В. А. Ротерт, представитель школы Фаминцына.

Мысль об отсутствии резкой границы между животными и растениями была стержневой в докладе Фаминцына «О психической жизни простейших представителей живых существ». Доклад был прочитан в 1890 г. на VIII съезде русских естествоиспытателей и врачей⁸. В 1898 г. вышла в свет его знаменитая книга «Современное естествознание и психология». Книга встретила неоднозначное отношение биологов, резкую критику со стороны К. А. Тимирязева, в частности, в работах «Жизнь растения», «Насущные задачи современного естествознания»⁹.

В обоснование своей концепции Фаминцын приводил факты сходства в строении и функционировании животных и растительных организмов. Среди них периодичность развития, координация функций.

Суждения Фаминцына по вопросу поведенческих реакций у растений, трактуемых им в широком смысле как взаимосвязь функций, разнообразие форм реагирования растительного организма на влияние внешней среды, несли в себе перспективу развития. Они способствовали дальнейшему формированию знаний о системах регуляции у растений.

В творческом наследии Фаминцына существенное место занимают материалы, связанные с анализом и распространением учения Ч. Дарвина, обращением к разработке проблем эволюционной теории.

Отечественный ученый, как говорил сам, не был «безусловным поклонником учения Дарвина».

Заняв еще в 70-х гг. четкую позицию в высокой общей оценке трудов английского естествоиспытателя, признав борьбу за существование и естественный отбор за факторы эволюции, Фаминцын наряду с этим выделил недостаточно разработанные места в дарвинизме, и прежде всего, проблему прогрессивного развития.

Стремлением дополнить, углубить теорию Дарвина было обусловлено его обращение к явлению симбиоза, к эксперимен-

тальной разработке идеи его участия в эволюции растений¹⁰. Это направление исследований Фаминцына было новаторским в биологии.

Упорно и последовательно в течение последних лет своей жизни Фаминцын старался доказать возможность образования сложного организма из более простых¹¹. Экспериментальным путем он пытался ответить на вопрос — представляет ли клетка растений «неделимую жизненную единицу» или ее можно разложить на составные части, ее органоиды, способные к самостоятельному росту и развитию. С 1868 г. он был занят поиском способов выделения культуры хлоропластов. Он руководствовался предположением, что клетка представляет собой симбиотический комплекс. При этом он основывался на результатах работы, выполненной вместе с его учеником О. В. Баранецким, по изучению своеобразной природы лишайников, состоящих из двух компонентов — гриба и водоросли. В 1867 г. ученые выступили с сенсационным сообщением. Они не только выделили из лишайников одноклеточные водоросли, но и установили их способность размножаться как простым делением, так и зооспорами. Фаминцын считал, что это — первое фактическое свидетельство возможности непосредственного наблюдения синтеза органических форм. М. С. Воронин повторил и подтвердил эти опыты.

Данные о симбиотической природе лишайников были использованы Фаминцыным как неопровержимое объективное обоснование роли симбиоза в эволюции организмов.

Всепоглощающее стремление подтвердить эту концепцию «общечеловеческого интереса» экспериментально владело Фаминцыным все последние годы жизни. С упорством и вдохновением он проводил исследования с морскими водорослями в крупнейших зарубежных лабораториях. В частности, в Неаполе, Виллафранке, в Океанографическом музее Монако. О результатах работы, ее обстоятельствах, он сообщал в Петербург в письмах к своему бывшему ученику, а теперь другу И. П. Бородину (1847–1930). Приводим выдержку из одного такого письма из Монако, относящегося к 1910 г.: «Работаю я здесь не покладая рук». Позднее, в 1915 г., в другом письме, благодарственном за поздравление с юбилеем — 80-летием со дня рождения — Фаминцын писал: «Несмотря на мой долгий жизненный путь,

у меня настолько еще позыв к исканию истины, что я опять сижу целый почти день за микроскопом, влекомый к нему желанием положить первый незыблемый фундамент в учение об эволюции организмов как растений, так и животных»¹².

При жизни ученого не многие биологи поняли истинное значение этих его исследований, оценили их смелость, перспективность. В числе этих немногих был В. Н. Любименко, который внес свой фактический вклад в разработку проблемы самостоятельности пластид, в создание методов их выделения и культуры¹³.

В последующие годы представления Фаминцына об эволюционном значении симбиоза получили поддержку многих биологов (Р. Г. Бутенко, Л. Маргулис, А. Л. Тахтаджян). Усилия Фаминцына в направлении разложения клетки на самостоятельные функционирующие части продолжены при разработке проблемы культуры изолированных тканей. История вопроса изложена Л. Н. Хахиной (1979)¹⁴.

Деятельности Фаминцына успешно сочеталась экспериментальная и теоретическая работа с общественно-организационной. Он остается в анналах истории подлинным демократом, выступавшим в поддержку образования, открытости учебных заведений для всех слоев населения России. Он содействовал высшему женскому образованию, принимал участие в многолетних хлопотах по открытию в 1878 г. Высших женских курсов — Бестужевских. В течение ряда лет Фаминцын вел на них курс ботаники.

В 80-х гг., в период царствования Александра III (1881–1894), когда произошли изменения в отношении к студентам, начались волнения, вызванные тяжелыми условиями их жизни, полицейским надзором, Фаминцын покинул Петербургский университет. С 1889 г. он сосредоточил свою работу в Академии наук, организовал в ней Лабораторию по анатомии и физиологии растений, узаконенную в 1890 г. распоряжением министра народного просвещения.

Однако его деятельность в защиту прав студентов, начатая еще в конце 70-х гг., продолжалась.

В 1878 г. Фаминцын обратился в Совет университета с запиской «О причинах волнений среди учащейся молодежи». Он изложил свое видение причин волнений, предложил меры к их

устранению. Спустя ряд лет, в 1900 г., Фаминцын выступил вновь в защиту демократических прав студентов. Он обратил свой голос против реакционных действий попечителя Петербургского учебного округа академика Н. Я. Сони́на. Фаминцын был в числе 16 академиков, подписавшихся под статьей «Нужды просвещения», опубликованной в январе 1905 г. в газете «Русь».

Протестные заявления и действия ученого не смог остановить даже арест его и брата Александра еще в начале января 1879 г. История этого события, общественный резонанс на основании архивных документов освещены Б. П. Строгоновым в 1996 г.

Современный читатель имеет возможность ознакомиться с публицистическими статьями Фаминцына на страницах широко известных в его время периодических изданий — журналов «Вестник Европы», «Мир Божий». Публикации отражают твердость гражданской позиции, принципиальность академика Фаминцына.

В 1901 г. в статье «К реформе учебного дела в России» Фаминцын, рассматривая причины бессилия борьбы правительства, Министерства народного просвещения, с беспорядками в студенческой среде, писал: «Не в университетских волнениях кроется недуг общества, он коренится гораздо глубже», и далее: «волнения молодежи не что иное, как один из очень ясных и мучительных симптомов недуга, охватившего все наше общество — а не самый недуг»¹⁵. Он ставил задачу восстановления автономии университетов, отнятой уставом 1884 г., указывал на необходимость воспитания юношества на основе разума и любви, развивал тезис о воспитательном значении естественных наук, пользе их распространения в России¹⁶.

Фаминцын выступал за связь физиологии растений с сельским хозяйством, выдвинул проект создания Центрального экспериментального агрономического института. Его инициатива была научно аргументирована и нашла поддержку у участников Первого метеорологического съезда при Академии наук в 1900 г. Главную цель института Фаминцын видел в содействии поднятию культуры сельскохозяйственных растений в России. Перед будущим Агрономическим институтом, по мысли Фаминцына, стояла высокая цель — «увеличение народного благосостоя-

ния», связь разрозненных научных сил страны в единое целое «цементом духовного объединения»¹⁷.

Велика степень участия Фаминцына в двух масштабных мероприятиях: создании Международной ассоциации академий и Международной библиографии по естествознанию и математике. Раскрывая сущность первого проекта на страницах журнала «Мир Божий» в 1902 г., Фаминцын сообщал, что МАА своим влиянием призвана «содействовать возможно рациональному развитию человеческих знаний и разрешению самых крупных и настоятельных запросов человеческой мысли»¹⁸. Он выдвигал идею связи поколений в развитии науки, раскрывал роль в этом процессе содружества наций. Огромное значение такого содружества явственно выступает, говорил ученый, и при создании Международной библиографии по естествознанию и математике.

«Подобный труд настолько грандиозен, что не по силам любому из ученых обществ и не совладать с ним ни одной из образованнейших наций. Выполнимым представляется он лишь при совокупной работе всех образованных наций, по заранее обдуманному и всеми народами одобренному плану», — подчеркивал Фаминцын¹⁹.

Имя Фаминцына неразрывно связано с организацией Постоянной комиссии по изучению производительных сил России. Вместе с В. И. Вернадским он выступил с обоснованием задач комиссии, призванной устранить «вопиющую экономическую отсталость России», начать систематическую регистрацию сведений о природных богатствах страны. Своевременность этого начинания диктовалась требованиями военного времени, условиями и обстоятельствами Первой мировой войны²⁰.

На протяжении всей жизни и деятельности Фаминцын постоянно обращался к анализу работ своих коллег — ботаников, биологов. Он рецензировал их работы, выступал с рефератами в «Трудах С.-Петербургского общества естествоиспытателей», давал рекомендации к присуждению премий и наград. Он был активным участником Комиссий по присуждению наград, в частности, К. М. Бэра. Он анализировал труды М. С. Воронина, В. И. Палладина, М. С. Цвета, К. А. Тимирязева и др. Эта страница истории науки, связанная с деятельностью Фаминцына, еще ждет своего специального исследования. Интересен взгляд

Фаминцына на работы В. И. Беляева, его отношение к возможности присуждения ему медали К. М. Бэра. В письме к И. П. Бородину в ноябре 1909 г. Фаминцын выразил свою принципиальную позицию, объективный критерий присуждения Академией наук наград Бэра. Он писал: «При всем моем уважении к трудам В. И. Беляева, я нахожу невозможным присуждение ему этой медали. Медаль эта имеет гораздо меньшую денежную ценность, чем премия Бэра за определенные ученые работы. Может быть присуждена ученому, посвятившему жизнь свою на научные исследования. Между тем Вл. Ив. покинул науку ради другой деятельности и сделал это в то время, когда был еще полон сил для продолжения научной работы. Присудить медаль Бэра Вл. Ив. значит не только умалить ее ценность духовную, но и коренным образом изменить присваиваемое ей до сих пор значение»²¹.

Яркая личность А. С. Фаминцына, его знания, научный энтузиазм привлекали способных, инициативных учеников. Вокруг него в Петербургском университете и Академии наук группировались молодые исследователи. Так возникла Фаминцынская научная школа. Она отвечала требованиям, обязательным для такого рода коллективов: общность идей, новизна разрабатываемых проблем, единство принципов подхода к объекту изучения — растению — с эволюционных и экологических позиций²². Представители школы Фаминцына — О. В. Баранецкий, А. Ф. Баталин, И. П. Бородин, С. Н. Виноградский, Д. И. Ивановский, Д. Н. Нелюбов, А. А. Рихтер, В. А. Ротерт и др., получив специальность, работали в различных университетах России, внесли свои достойные вклады в науку и просвещение.

---

¹ В настоящее время имя А. С. Фаминцына, замалчиваемое в силу идеологических установок более сорока лет, хорошо известно научной общественности, биологам мира. См: *Сенченкова Е. М.* Андрей Сергеевич Фаминцын (К 40-летию со дня смерти) // Ботан. журн. 1960. Т. 45. № 2. С. 309–317; Андрей Сергеевич Фаминцын. Жизнь и научная деятельность. Л., 1981. 222 с. *Строгонов Б. П.* Андрей Сергеевич Фаминцын. 1835–1918. М., 1996. 175 с.

² *Фаминцын А. С.* Начатки истории музыки. Курс для средних учебных заведений. СПб., 1895. 97 с. 2-е изд. М.; Лейпциг, 1903. 93 с.; *Скоморохи на Руси.* СПб., 1995. 535 с.

- ³ *Фаминцын А. С.* Опыт химико-физиологического исследования над созреванием винограда. СПб., 1861. 27 с.
- ⁴ *Фаминцын А. С.* Действие света на водоросли и некоторые другие близкие к ним организмы. СПб. 1866. 56 с.
- ⁵ *Фаминцын А. С.* Организмы на границе животного и растительного царства // Сборник, издаваемый студентами Петербургского университета. Вып. 2. СПб., 1860. С. 19–52.
- ⁶ *Фаминцын А. С.* Обмен веществ и превращение энергии в растениях. СПб., 1883. 816 с.
- ⁷ *Фаминцын А. С.* Учебник физиологии растений. СПб., 1887. 304 с.
- ⁸ *Фаминцын А. С.* О психической жизни простейших представителей живых существ // Тр. VIII съезда русских естествоиспытателей и врачей. Общий отдел. 1890. С. 32–39.
- ⁹ *Фаминцын А. С.* Современное естествознание и психология. СПб., 1898. 216 с.
- ¹⁰ *Фаминцын А. С.* О роли симбиоза в эволюции организмов // Записки Академии наук. Сер. 8. 1907. Т. 20. № 3. С. 1–14.
- ¹¹ *Фаминцын А. С.* О роли симбиоза в эволюции организмов // Известия Академии наук. Сер. 6. 1912. Т. 6. № 1. С. 51–68.
- ¹² ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 387. Л. 28, 28 об.
- ¹³ *Любименко В. Н.* К вопросу о физиологической самостоятельности пластид // Журн. Рус. бот. о-ва. 1917. Т. 2. № 1–2. С. 46–56.
- ¹⁴ *Хахина Л. Н.* Проблема симбиогенеза. Историко-критический очерк. Л., 1979. 153 с.
- ¹⁵ *Фаминцын А. С.* К реформе учебного дела в России // Вестник Европы. 1901. Июнь. Кн. 6. С. 774.
- ¹⁶ *Фаминцын А. С.* О воспитательном значении естественных наук // Тр. Первого съезда русских естествоиспытателей в СПб. СПб., 1868. С. 40–48.
- ¹⁷ Речь академика А. С. Фаминцына на заседании Комиссии 25 января // Протоколы Первого метеорологического съезда при имп. Академии наук. 24–31 января 1900 г. СПб. 1900. С. 41–51.
- ¹⁸ *Фаминцын А. С.* Первый съезд Международной ассоциации Академий // Мир Божий. 1902. Январь. С. 158–172.
- ¹⁹ *Фаминцын А. С.* О международной библиографии по естествознанию и математике // Мир Божий. 1902. Ноябрь. С. 90.
- ²⁰ Записка академика А. С. Фаминцына // Постоянная комиссия по изучению производительных сил России, состоящая при имп. Академии наук. Пг., 1915. 14 с.
- ²¹ ПФА РАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 387. Л. 3, 3 об.
- ²² *Манойленко К. В.* Иван Парфеньевич Бородин. 1847–1930. М., 2005. 272 с.

М. А. Макарова

Вклад императорских садоводов-ботаников Елагина острова в развитие оранжерейной и садовой культуры (середина XIX – начало XX в.)

Посвящается Андрею Рихардовичу Метсу, 50 лет (1958–2008 гг.) прослужившему на Елагином острове садовым мастером. Данный материал является первой обобщенной публикацией об императорских садовниках-ботаниках Елагина острова, начиная с 1860 г. и до Первой мировой войны 1914 г.

В 1817 г. император Александр I приобрел у графа Г. В. Орлова Елагин остров, решив выстроить здесь новую летнюю резиденцию для своей матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны¹. В период 1817–1826 гг. основная работа по перепланировке паркового ансамбля Елагина острова легла на садового мастера Джозефа Буша и работавшего еще у графа Орлова садовника-ботаника Питера Бука. К сожалению, архив Елагина острова был утрачен во время наводнения 1975 г., в опубликованных исторических работах помимо П. Бука и Д. Буша другие садовники-ботаники не упоминаются. А ведь с момента создания архитектором К. И. Росси дворцово-паркового ансамбля и до революции 1917 г. парк находился в ведении Императорской семьи и поддерживался многочисленными ботаниками и садо-

выми мастерами, чьи имена не *«звучат»*. При сборе материалов автором были использованы хранящиеся в библиотеке Ботанического института РАН ежемесячные журналы «Вестник Российского Императорского Общества садоводства», издававшиеся с 1860 по 1915 г.

Российское общество садоводства возникло в 1858 г. в Санкт-Петербурге. В его обязанности входило проведение ежемесячных собраний, на которых решались разнообразные задачи: выращивание декоративных и плодовых растений, интродукция привозимых со всего света растений, научные исследования, проведение ежегодных городских выставок², создание региональных отделений Общества, школ садоводов и многое другое. Государство заботилось о своих садоводах-исследователях, финансируя экспедиции и научные работы. Кроме того, по результатам устраиваемых выставок вручалось множество премий и наград (золотые, серебряные и бронзовые медали, денежные вознаграждения и почетные грамоты). Общество устраивало ежемесячные собрания, на которых, помимо решения насущных задач, членами общества выставлялись выращенные новые растения и обсуждались их свойства, условия произрастания и особенности интродукции в суровом климате северной столицы. Членами Российского общества садоводства могли стать ученые, заслужившие этой чести своими конкретными достижениями: ботаники и естествоиспытатели отправлялись в дальние экспедиции на поиски экзотов, а ботаники-садоводы занимались интродукцией новых видов на русской земле. Среди членов Общества садоводства были ботаники и садовые мастера Елагина острова. В журналах указываются имена императорских садовников, в летнее время работавших в парке, зимой выращивавших многочисленные красивоцветущие растения в оранжереях. Садовники-ботаники работали не только для утех очей императоров, они активно трудились на благо города: озеленяли улицы, проводили международные выставки, выращивали новые и разнообразные устойчивые культуры растений и т. д. Садовники Елагина острова: Визе, Эрлер, Вытнов, Фелькер, Фогель, Егоров, Лобанов, Прейс, Зюссмайер — имена, которые мелькают на страницах «Вестников» с середины XIX до начала XX в. Вероятно, это далеко не полный список.

В «Вестнике» за 1861 г. сообщается, что на Елагином острове располагается Сад Сарептского общества³ с главным садовником господином Визе. В парке в то время росли «красные пеларгонии, фуксии, георгины, новые сорта *Zinnia Elegans*⁴». Также сообщается, что на острове случилась вспышка численности короеда, от которого пострадали многие хвойные деревья, среди которых крупные экземпляры⁵.

В журналах 1860–65 гг. упоминается главный придворный садовник на Елагином «острову» Николай Егорович Эрлер. Елагиноостровские императорские оранжереи в середине XIX в., как и многие другие императорские сады Петербурга, участвовали в ежегодных цветочных выставках. Для устройства выставок садовниками выращивалось большое количество разнообразного цветочного материала. На ежемесячных собраниях общества 1859 г. среди прочих награжденных значится и Эрлер, получивший «за группу новоголландских растений малую золотую, за группу азалий большую серебряную, за букеты (январь) малую серебряную медали <...>, за аврикулы — почетные отзывы»⁶.

В 1860 г. в Санкт-Петербурге проводилась 3-я публичная выставка цветов (См. ил.). Вот как, например, писали о садовнике Эрлере, участвовавшем в ней:

«Коллекция растений г. Эрлера была одной из самых многочисленных. Она служила значительным украшением выставки, потому что в числе выставленных растений находилось много красивых и больших экземпляров кипарисов, клетр, бамбуков, пальм и других пород, которые весьма удобно было поставить открыто на видных местах. Кроме одиночной постанковки, г. Эрлер украсил почти половину правой стены за мостом; на месте, усталном дерном и возвышавшемся перед его главной группой, он устроил другую большую группу цветущих растений и, около статуи Венеры, несколько малых. Из цветущих растений замечательны были: *Heliconia bicolor* Benth. и *Maranta sanguinea* Hort., высокие и обильно цветущие древесные и понтийские рододендроны (*Rhododendron arboreum* и *ponticum*), породы *Cytisus* с Канарских островов, камелии, розы, цинерарии, примулы и другие. Вокруг групп, в некоторых местах, была поставлена каймою *Funkia undulata* Sieb., из Японии, с красивыми пестрыми листьями. Множество маленьких красивых и обильноцветущих

Ixora stricta Roxb. составляли особую группу. Несколько красивых экземпляров сахарного тростника (*Saccharum officinarum* L.) стояли отдельно. Около 20 разных видов бегоний были соединены в одну группу; красивые экземпляры новозеландского льна (*Phormium tenax* Forst.) стояли отдельно на столбах и на дерне подле *Agave geminiflora* Ker. (*Bonapartea lincea*). На выставке цветущих кактусов было очень мало: г. Эрлером было прислано только несколько экземпляров мексиканского *Cereus Askermanni* Ver. И госпожой Глинц один экземпляр *C. spinosissimus* D. C. Вообще же из одного елагинского сада прислано в чанах 81 большое растение холодных оранжерей и пальмовых теплиц»⁷.

Осенью 1860 г. Вольным экономическим обществом была устроена очередная выставка. Доставку цветов приняли на себя императорские сады: Таврический и Елагинский, и некоторые частные садовые заведения. Придворный садовник Елагина острова г. Эрлер «украсил склон перед беседкою, посредине которого был бассейн, окруженный камнями и растениями; в бассейне плавали листья виктории, из ботанического сада; потом они были заменены живым тюленем»⁸. Состоявшаяся в 1862 г. 5-я публичная выставка не была столь пышной, как предыдущие. Среди 11 награжденных значится Эрлер, выставлявший *Kalmia latifolia* и другие растения⁹.

На Елагинском острове к тому времени были 2 каменные и 9 деревянных оранжерей на пространстве 795 кв. сажень¹⁰. Остров был достаточно освоен и приспособлен для проведения крупных мероприятий. Поэтому летом 1863 г. Российское общество садоводства устроило на Елагинском острове 6-ю публичную выставку цветов и растений, а также овощей, плодов, букетов, садового инвентаря и других предметов садоводства. Членами комиссии были избраны члены Общества садоводства, в том числе и садовник Елагина острова Н. Е. Эрлер. Еще в январе этого же года была разработана программа по устройству выставки и представлены 54 номинации¹¹. Всего было выдано 93 медали. Среди многих награжденных был садовник Елагина острова «г-н Эрлер», получивший среднюю золотую медаль за «растения, составлявшие декорацию террас Дворца» и большую серебряную медаль за «труды по этому предприятию», а также... «г-жа Эрлер, получившая малую серебряную медаль за

Coffea arabica и *Rochea falcata* комнатной культуры»¹². Примечательно то, что и в те годы не всегда удавалось свести баланс при финансировании подобных проектов. Так, в отчете комиссии о проведении летней выставки на Елагином острове указывается: «сбор с выставки простирался до 2.375 руб. 70 коп., а расход до 3.000 руб., так что Обществом не выручено 624 руб. 30 коп.»¹³. В 1865 г. по итогам многолетних трудов Николай Егорович Эрлер был избран в члены Российского общества садоводства¹⁴.

В «Вестниках» 1868–70 гг. часто упоминается садовый мастер на Елагином острове Александр Григорьевич Вытнов. Практически к каждому заседанию Российского общества садоводов он, в числе других садовых мастеров, выставлял выращенные разнообразные декоративные растения, что, помимо эстетического удовольствия и научного интереса, приносило еще и хорошее вознаграждение. Из Протоколов собраний 1868–1870 гг., где упоминается Вытнов:

«На выставку, по случаю собрания, были представлены <...> от г. Вытнова из Елагиноостровских оранжерей, 10 экз. *Reseda arborea*, 17 экз. *Primula chinensis*, 6 экз. *Dianthus Caryophyllus*, 11 экз. *Rosa indica Hermosa* и *Thea*, 15 экз. *Cineraria hybrida* и 20 экз. *Erica gracilis* — малая серебряная медаль»¹⁵; «из придворного Его Величества Елагиноостровского сада, садовником Вытновым, 35 экз. гиацинтов в 15 сортах, 5 экз. ландышей, 1 экз. *Cypripedium venustum* и 17 экз. *Reseda odorata arborea* — большая серебряная медаль»¹⁶; «г. Вытновым 30 горшков *Primula chinensis* в 7 красках — малая серебряная медаль»¹⁷; «из Императорских Елагиноостровских оранжерей, садовником Вытновым группа цветущих растений из лакфиоля, *Primula chinensis*, рододендронов и пр. — большая серебряная медаль»¹⁸; «из Императорских Елагиноостровских оранжерей, от садовника Вытнова, 5 экз. азалий, 1 рододендрон, 1 амариллис и 22 экз. аврикул — малая серебряная медаль»¹⁹; «от Вытнова — *Mahernia odorata*, *Dianthus Dahleri*, *Myosotis palustris* и *Heliotropium peruvianum* — малая серебряная медаль»²⁰; «из придворных Елагиноостровских оранжерей, садовником Вытновым 26 экз. горшечных роз из 17 сортов — большая серебряная медаль»²¹; «от елагиноостровского придворного садовника Вытнова — розы (чайные и бенгальские), китайские баранчики (*Primula chinensis*) от собственных

семян и цинерарии — большая серебряная медаль»²²; «г. Вытновым, группа из 50 сортов цинерарий»²³; «от Вытнова, группа роз из 30 экз. в 19 сортах»²⁴; «Вытнову за группу цветущих растений — большая серебряная медаль»²⁵.

В мае 1869 г. в Манеже Инженерного замка проводилась I международная выставка цветов и растений. На ее открытии присутствовал император Александр II. Государь был приятно удивлен увиденным разнообразием и великолепием красивоцветущих растений. По результатам этой выставки свыше 100 участников получили медали, дипломы и премии. Из Елагиноостровских оранжерей садовник А. Г. Вытнов получил 7 серебряных и 2 бронзовые медали²⁶. После окончания выставки на заседании собрания присутствовал министр государственных имуществ А. А. Зеленый, который сообщил, что за заслуги в деле развития садоводства «Его Величество, в 14 день сего мая, Всемилостивейше изволил даровать обществу право именоваться Императорским»²⁷.

В «Вестнике» 1874 г. сообщается о придворном садовнике Фелькере, работающем на Елагине острове. В апреле этого года в гимнастическом зале Главного Адмиралтейства проходила очередная годовичная выставка цветов. От Елагинского сада придворный садовник г. Фелькер представил цветущие рододендроны сорта *Partholoton*, а также группу из *Azalea indica*²⁸.

Начиная с 1878 г. в «Вестниках» упоминается садовник Елагина острова — Федор Карлович Фогель (См. ил.). Свою работу в России он начал с Императорского ботанического сада, куда его пригласили в 1873 г., а в 1874 г. он перешел в Елагиноостровский сад, где проработал до 1880 г.²⁹ Как и многие другие садовники, он активно участвовал в собраниях Российского Императорского общества садоводства и неоднократно выставлял на собраниях общества растения, выращенные в оранжереях Елагина острова:

«На выставку, по случаю собрания были представлены: <...> 6 экз. *Rivinia humilis* fol. var. с цветами и плодами от садовника Елагиноостровских оранжерей Фогеля, <...> эксперты присудили за эти предметы малую серебряную медаль»³⁰; «...на выставку собрания были представлены <...> от г. Фогеля бертолонии (*Bertolonia Mirandi*, *B. Marchandi*), сонериллы (*Sonerilla metallica*,

S. margaritacea, *S. Hendersoni*, *S. Hendersoni argentea*), от него же 23 различные маранты (*Maranta alba-lineata*, *amabilis*, *cinerea*, *undulata*, *undulata minor*, *medio-picta*, *Bachemiana*, *Marshaniana*, *Wallisi*, *eximea*, *splendida*, *van den Heckeii*, *Rumeriana*, *smaragdina*, *Baroquini Wagneri*, *illustris*, *roseo-lineata*, *Lindenii*, *Makoyana*, *Litziana*, *roseo picta*, *leopardina*) и две калатеи (*Calathea princeps* и *arrecta*) <...>. Эксперты присудили: <...> Фогелю, за маранты, среднюю золотую медаль, ему же, за бертолонии и за сонериллы малые серебряные»³¹.

В качестве эксперта Ф. К. Фогель участвовал в собраниях Общества садоводов Петербурга, ежегодных городских выставках цветов³². В списке экспертов среди 36 садовников из Императорского Ботанического сада, Таврического сада, Царского Села, Стрельны, Ораниенбаума и других парков значатся и имена садовников Елагиноостровского сада — А. Г. Выгнова и Ф. К. Фогеля. Для весенней публичной выставки 1879 г. выбрана комиссия из 5 членов общества, в том числе Ф. К. Фогель³³. По итогам, за особые труды по проведению выставки Фогель и другие члены комиссии были награждены серебряными медалями; а среди участников был Фелькер, выставивший группы роз и лиственных растений, *Azalea*, *Rhododendron*, *Dieffenbachia*, *Croton*, *Ixora*³⁴.

В отчете о деятельности Общества садоводства за 1894 г.³⁵ опубликован список всех членов общества, который насчитывал тогда около 400 человек. От Елагина острова в те годы в члены общества были выбраны два садовника: в 1889 г. — Петр Егоров (См. ил.) и в 1892 г. — Александр Семенович Лобанов. В «Вестнике» 1898 г. говорится о том, что П. Е. Егоров заведовал «Императорскими Елагиноостровками»³⁶. П. Е. Егоров был потомственным садовником в третьем поколении. Он начал свою работу в 1852 г. в Таврическом саду, затем с 1867 г. заведовал Боржомским садом и оранжереями, с 1884 был садовником на Елагином острове, после 1902 г. вновь работал в Таврическом саду³⁷.

В те же годы на Елагином острове работал Отто Христианович Прейс, перешедший после 1907 г. в Таврический сад. Садовник Прейс очень часто упоминается в сборниках «Вестника» как активный участник и эксперт ежемесячных собраний Общества садоводства, устроитель городских и международных вы-

ставок цветов. В 1898 г. в октябрьском собрании Общества он выставлял 35 сортов прекрасных *Chrysanthemum indicum* (в числе 170 экз.) и получил «за отличную культуру малую золотую медаль»³⁸.

1899 г. отмечен в истории Общества садоводства как год проведения международной и всероссийской выставок, а также съезда отечественных садоводов, для устройства которых привлекали императорских и частных садовников. Среди экспертов по отделу культуры цветочных растений в числе прочих значатся садовники: П. Е. Егоров, Ф. К. Фогель, О. Х. Прейс³⁹.

III международная выставка садоводства проходила на территории Таврического сада. Во время проведения этой выставки была открыта школа садоводства, для работы которой ежедневно Елагин и Таврический сады, а также частные лица предоставляли безвозмездную помощь в виде цветочного материала: розы, тюльпаны, нарциссы, адриантусы, амариллисы, лилии, а также рододендроны, азалии, спиреи и многие другие⁴⁰. На выставке, как и в прошлые разы, выставлялись экспонаты из Елагиноостровских оранжерей: различные виды пальм, древовидные папоротники, коллекция индийских азалий, несколько экземпляров орхидей — *Cattleya*, *Laelia*, *Dendrobium*⁴¹. К тому времени О. Х. Прейс был уже главным садовником оранжерей.

В этом же году была устроена II Всероссийская выставка садоводства и огородничества, в которой приняли участие садовые заведения разных российских губерний от Архангельска до Керчи, садоводческие и сельскохозяйственные школы и училища, садовники частные и из императорских садов («Ливадия» и многие другие). Участвовали и непрофессионалы, к примеру, врачебно-воспитательное учреждение, флотские экипажи. Елагиноостровские оранжереи представляли О. Х. Прейс и Е. П. Егоров. Прейс выставил группы беспрерывно цветущих бегоний и хризантем отличной культуры и был награжден 2 золотыми медалями (средней и малой). Егоров за представленные группы кротонов получил малую золотую медаль, за группы цветущих и декоративных растений, роз и фуксий в цвету — 4 большие серебряные медали⁴².

Садовники участвовали и в благоустройстве города: организации ежегодных весенних детских праздников «древонасаж-

дения», разработке проектов новых садов и скверов и т. д. Так, в составе экспертной комиссии по выбору проекта устройства сквера на Казанской площади (между собором и Невским проспектом) принимали участие императорские садовники: Фогель, Фрейндлих из Царского Села, Степанов из Стрельны и другие⁴³.

С 9 по 22 мая 1908 г. в Санкт-Петербурге в здании Манежа проходила Всероссийская Промышленная выставка садоводства, плодоводства и огородничества, устроенная Императорским Российским обществом садоводства в честь своего 50-летия⁴⁴. Как и на прежних выставках, главный фон сделали Императорские Таврические и Елагиноостровские оранжереи. Также на выставке были представлены великолепные экспонаты из Императорского Ботанического сада, Стрельны, садоводства П. П. Дурново (Фогель), садоводства графа Уварова (Московская губ.), садоводства «Природа» (А. Г. Бернгардт), Сухумской садовой опытной станции, садоводства Новодевичьего монастыря в Петербурге, оранжерей Кронштадтского морского собрания и многих других.

Елагиноостровские садовники украсили выставку целой массой различных лиственных орнаментальных растений, где преобладали различной величины пальмы. Помимо того, были представлены музы (так поэтично тогда называвшиеся бананы — *Musa Cavendishi*), большая группа папоротников и одиночный экземпляр *Theophrasta imperialis*. Работавший тогда в Елагиноостровских оранжереях садовник Г. Ф. Зюссмайер выставил группы различных сортов цветущих роз, *Cineraria hybrida*, *Calla*, *Rhodanthe Manglesi*, а из орхидей — анектохилиусы. Розы Зюссмайера были одними из лучших на выставке, за них он получил премию вице-президента Общества А. А. Ячевского «за отличную культуру и за широкое участие в выставке». Большинство участников получили всевозможные премии и награды. Из работавших на Елагином острове, кроме Зюссмайера, также был награжден П. Е. Егоров — премия С. П. Елисеева за многолетние труды и заслуги по садоводству и за широкое участие на выставке⁴⁵. Ниже приводится снимок (См. ил.) членов Выставочной комиссии, среди которых есть О. Х. Прейс (№ 6) и Ф. К. Фогель (№ 12).

С 13 мая по 1 июня 1914 г. состоялась IV Международная юбилейная выставка садоводства в память трехсотлетия царствования дома Романовых⁴⁶. Выставочный комитет свою подготовку начал еще в 1910 г., обсуждалось место проведения выставки, рассылались приглашения. Кроме российских регионов, в выставке участвовали представители Франции, Бельгии, Голландии, Англии, Германии, Дании, Австро-Венгрии, Швейцарии, Португалии, Италии, Японии⁴⁷. Среди награжденных были около трехсот участников выставки, как отечественных, так и зарубежных. Елагиноостровский питомник был награжден средней золотой медалью за хвойные и декоративные растения, оранжереи — средней серебряной медалью за *Rodanthis* и маргаритки, садовник г. Зюссмайер — юбилейной медалью общества за рододендроны⁴⁸.

Во время I мировой войны в «Вестниках» 1914–1915 гг. поднимались вопросы помощи солдатам. На страницах журналов большинство материалов отводилось уже не цветочным выставкам, а выращенному урожаю, лекарственному растительному сырью, закупке семян, методам сушки и консервирования овощей и фруктов⁴⁹. Все ботаники и садовники активно занялись огородничеством, многие посещали лазареты, устраивая для увеченных больных сельскохозяйственные чтения, оказывали всестороннюю помощь⁵⁰.

На 1915 г. издание «Вестника Российского Императорского общества садоводства» заканчивается, и заканчивается это первое обобщенное описание деятельности садовников Елагина острова середины XIX – начала XX в.

Таким образом, помимо всемирно известных садовников-ботаников Джозефа Буша и Питера Бука, удалось узнать имена еще 9 садовников, работавших на Елагином острове, а также ознакомиться с их интересной и многоплановой деятельностью на благо Санкт-Петербурга. Все вышеперечисленное поражает масштабами и грандиозностью садоводческих работ того времени и, кроме того, дает все основания думать, что наши предшественники понимали и ценили всю красоту окружающего мира и пытались своими делами показать соотечественникам эту красоту, научить ее беречь и ценить. Грустно сравнивать нынешнюю ситуацию с прошлыми успехами ботаников, садовников

и естествоиспытателей. Но, не зная истории, того, как было, и того, как надо бы, чтобы стало, не удастся вернуть всеобщего понимания ценности природы.

- ¹ Немчинова Д. И. Елагин остров. Дворцово-парковый ансамбль. Л., 1982. 136 с.
- ² Первая городская выставка цветов состоялась в 1858 г. — в год образования Российского общества садоводства.
- ³ Немецкое евангелическое общество.
- ⁴ Латинские названия цитируются так, как они указаны в «Вестниках Российского общества садоводства».
- ⁵ *Регель Э.* Петербургские садовые заведения // Вестник Российского общества садоводства. СПб., 1861. № 6. С. 317–333.
- ⁶ Отчет о действиях Российского общества садоводства за 1959 год // Там же. 1860. № 2. С. 10–11.
- ⁷ Описание третьей публичной выставки, устроенной Российским обществом садоводства в С.-Петербурге // Там же. 1860. № 6. С. 4–29.
- ⁸ *Регель Э.* Выставка Императорского вольного экономического общества в С.-Петербурге // Там же. 1860. № 12. С. 11–16.
- ⁹ Протокол комиссии экспертов пятой публичной выставки предметов садоводства // Там же. 1862. № 6. С. 241–246.
- ¹⁰ Садовая статистика. Список садовых и огородных заведений в С.-Петербурге // Там же. 1864. С. 121–144.
- ¹¹ Программа 6-й публичной выставки цветов и растений, учреждаемой Российским обществом садоводства в С.-Петербурге, на одном из островов, с 21 июля по 4 августа 1863 г. // Там же. 1863. № 2. С. 39–46.
- ¹² Собрания общества // Там же. 1863. № 7. С. 235–255.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Протоколы собраний Российского общества садоводства в С.-Петербурге // Вестник Российского общества садоводства. СПб., 1865–1870 гг. Протокол № 25. 2 октября 1865 г.
- ¹⁵ Там же. Протокол № 74. 9 ноября 1868 г.
- ¹⁶ Там же. Протокол № 76. 7 декабря 1868 г.
- ¹⁷ Там же. Протокол № 77. 21 декабря 1868 г.
- ¹⁸ Там же. Протокол № 82. 8 марта 1869 г.
- ¹⁹ Там же. Протокол № 83. 22 марта 1869 г.
- ²⁰ Там же. Протокол № 84. 5 апреля 1869 г.
- ²¹ Там же. Протокол № 90. 18 октября 1869 г.
- ²² Там же. Протокол № 91. 8 ноября 1869 г.

- 23 Там же. Протокол № 98. 7 марта 1870 г.
- 24 Там же. Протокол № 100. 17 апреля 1870 г.
- 25 Там же. Протокол № 101. 26 апреля 1870 г.
- 26 Список лиц, удостоенных премий за произведения, представленные на международную выставку 1869 года // Вестник Российского общества садоводства. СПб., 1869. С. 1–16.
- 27 Протоколы собраний Российского общества садоводства в С.-Петербурге // Там же. СПб. 1869. Протокол № 87. 15 мая 1869 г.
- 28 *Эндер*. Весенняя выставка Общества // Там же. 1874. С. 294–298.
- 29 *Ячевский А. А.* Федор Карлович Фогель // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. СПб., 1909. № 10. С. 712–713.
- 30 Протоколы собраний Российского общества садоводства в С.-Петербурге // Вестник Российского общества садоводства. СПб., 1878–1979 гг. Протокол № 221. 30 сентября 1878 г.
- 31 Там же. Протокол № 224. 11 ноября 1878 г.
- 32 Там же. Протокол № 222. 14 октября 1878 г.; Протокол № 228. 27 января 1879 г.; Протокол № 230. 10 марта 1879 г.
- 33 Там же. Протокол № 229. 17 февраля 1879 г.
- 34 Список лиц, получивших медали по участию в публичной весенней выставке 1879 года // Вестник Императорского Российского общества садоводства. СПб., 1879. С. 52–54.
- 35 Отчет о деятельности Императорского Общества садоводства в С.-Петербурге и Царскославянской школы садоводства и огородничества в 1894 году. СПб., 1895. 53 с.
- 36 *Мещерский И.* Отчет о выставке в память Грачева // Вестник Императорского Российского общества садоводства. СПб., 1898. № 1. С. 68–81.
- 37 Егоров Петр Егорович (краткое сообщение о садовнике без авторства) // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. СПб., 1913. № 3. С. 12.
- 38 Протоколы собраний Российского общества садоводства в С.-Петербурге // Вестник Императорского Российского общества садоводства. СПб. 1898–1899 гг. Протокол № 523. 26 октября 1898 г.
- 39 Там же. Протокол № 527. 12 декабря 1899 г.
- 40 О пожертвованиях разных цветов в течение международной выставки в пользу школы садоводства // Там же. 1899. № 6. С. 415–416.
- 41 *Набоких А. И.* III Международная выставка садоводства в С.-Петербурге // Там же. 1900. № 1. С. 23–71.
- 42 Список наград, присужденных на II Всероссийской выставке садоводства 1899 года // Там же. 1900. № 4. С. 414–425.
- 43 Протоколы собраний Российского общества садоводства в С.-Петербурге // Там же. 1999. Протокол № 532. 20 марта 1899 г.

- ⁴⁴ Описание Юбилейной Всероссийской Промышленной выставки садоводства, плодородства и огородничества // Вестник Российского общества садоводства, плодородства и огородничества. СПб., 1908. № 9. С. 1–40.
- ⁴⁵ Список наград, присужденных на Юбилейной Всероссийской выставке садоводства, плодородства и огородничества в 1908 г. // Вестник садоводства, плодородства и огородничества. СПб., 1908. № 9. С. 41–48.
- ⁴⁶ *Ячевский А. А.* IV Международная юбилейная выставка садоводства в память трехсотлетия царствования дома Романовых // Там же. 1914. № 10–11. С. 861–869.
- ⁴⁷ Состав экспертной комиссии // Там же. 1914. № 6–7. С. 627–633.
- ⁴⁸ Список наград, присужденных экспонентам Юбилейной Международной выставки садоводства 1914 г. // Там же. 1914. № 5–6. С. 591–626.
- ⁴⁹ Наставление по заготовке овощей для продовольствия армии // Там же. 1915. № 7–8. С. 477–523.
- ⁵⁰ Протоколы заседаний Императорского Российского общества садоводства // Там же. 1914–1915.

В. В. Чепарухин

Д. И. Менделеев и Санкт-Петербургский Политехнический институт

Работа над историей Санкт-Петербургского Политехнического института естественным образом выводит беспристрастного исследователя на проблему «Д. И. Менделеев и СПб ПИ» и открывает во многом незнакомого Менделеева. Санкт-Петербургский Политехнический институт — наследие Менделеева и Витте, итог их сотрудничества на основе полного сходства взглядов.

В конце XIX века в ведении Министерства финансов России во главе с С. Ю. Витте была Палата мер и весов. «Когда я сделался министром финансов, то это учреждение <...> я значительно увеличил и расширил, именно потому, что во главе ее стоял такой значительный ученый, как Менделеев, человек с большой не только научной, но и практической инициативой. Менделееву во многом обязано развитие нашей нефтяной промышленности и других отраслей <...>. Он был по тем временам ярым протекционист и, как это бывает обыкновенно со всеми выдающимися людьми, во время его жизни, вследствие того, что он был и талантливее, и умнее лиц, его окружавших, а с другой стороны, вследствие того, что имел самостоятельный характер, подвергался со всех сторон самой усиленной критике. Его сочинения, касающиеся развития наших хозяйственных и промышленных сил, служили предметом насмешливой критики»¹.

С. Ю. Витте оказывал всяческую поддержку как самому Менделееву (члену коллегии Министерства финансов и руководителю Палаты мер и весов еще со времен И. А. Вышнеградского), так и учреждению, находящемуся в его ведении, и ему *«удалось поставить это учреждение на ноги, конечно, благодаря только Менделееву»* (курсив мой. — В. Ч.), так как в научную часть дела сам Витте не вмешивался.

В то время вообще вопрос о значении промышленности в России был еще не оценен должным образом и не понят. «Только наш великий ученый Менделеев, мой верный до смерти сотрудник и друг, вопрос этот понял и постарался просветить русскую публику. Надеюсь, что его книга по этому предмету принесет пользу русскому обществу»². Речь идет о книгах «Заветные мысли» и «К познанию России»; обе книги были в личной библиотеке С. Ю. Витте. В библиотеке Витте³ сохранились и другие книги с автографами Д. И. Менделеева. Интересна эволюция отношений Витте и Менделеева, выраженная текстами автографов. От формального «Его Высокопревосходительству высокоуважаемому Сергею Юльевичу Витте» («Основы фабрично-заводской промышленности», 1897) до «Сергею Юльевичу Витте, движущему русскую промышленность...» («Уральская железная промышленность в 1899 г. Отчет о поездке», 1900) и даже «Душевно преданный и благодарный Дмитрий Менделеев» (август 1903 г., на «Толковом тарифе», см. ил.). Портрет Витте висел на стене кабинета Д. И. Менделеева. Некоторое охлаждение в их отношениях наступило после 9 января 1905 года, когда Менделеев ошибочно считал Витте несущим ответственность за известные события (хотя ныне известно, что ответственность лежит лично на Николае II, кстати, ненавидевшем Витте). К сожалению, неприятие Витте в духе стереотипов краткого курса истории ВКП(б) все еще по инерции кочует по страницам отечественных исторических публикаций, пренебрегая «психологическими тонкостями» отношений исторических персонажей.

Дмитрий Иванович Менделеев впервые поставил на современной основе вопросы развития производительных сил России. Это и составляет основу его экономической программы и всей его практической деятельности как патриота России и чтящего законы своего времени гражданина (неотделимые грани

его личности, и это важно для характеристики его политических взглядов). Им написано огромное количество экономических работ, в которых освещаются разнообразные вопросы развития народного хозяйства страны. Оказалось, что именно работы на экономико-технические (а он считал эти стороны деятельности неразрывно связанными!) темы составляют большую часть его наследия, вопреки сложившемуся стереотипу советского периода. В 2007 г. (год столетия со дня смерти Менделеева) эти аспекты приобрели особое значение, стали как никогда актуальны для нашей страны. Произошла известная переоценка, выявился приоритет экономических работ Менделеева в его наследии (на фоне приоритета рыночной экономики в нашем современном хозяйстве). Из ряда последних работ они затронуты в монографии И. С. Дмитриева и статьях автора настоящей работы⁴.

Менделеев никогда не рассматривал свое участие в решении экономических проблем как побочное, второстепенное занятие. Более того, он смотрел на них столь же серьезно, как и на свои научные занятия в области химии и других наук (хотя в традиции советского периода для массового читателя ставился преимущественный акцент на научной деятельности Менделеева исключительно как на создателе периодического закона — на уровне школярства!) Разработка экономических вопросов наложила отпечаток на все стороны его деятельности. Своими экономическими знаниями он пользовался и при решении других, не экономических вопросов, и что особенно важно отметить, пришел к решению в последние годы посвятить себя преимущественно экономическому образованию новых, свежих русских сил. Образование — это прежде всего слово, а «слово — было и осталось исходом, но стало иным <...> — делом подготовки к временам новейших веков, исходом для которых должно считать наступающий XX век, когда над бреднями, вроде социалистических, станут смеяться даже ребята»⁵.

Покинув в 1890 г. столичный университет, Менделеев получил возможность посвятить больше времени экономическим проблемам и даже сосредоточиться исключительно на них. Сама идея объединения под одной крышей знаний технических и экономических принадлежала Менделееву, который «желал <...> видеть слияние отдельных высших учебных заведений техни-

ческого характера в Политехникумы, в которых мне кажется вполне необходимым всегда и факультет экономический, или камеральный, в котором обобщались бы экономические познания, очень часто недостающие у наших узких специалистов»⁶ (мысль, оказавшаяся неприемлемой как для царских, так и советских чиновников. В 1930 году Экономическое отделение Политехнического института, созданное Витте и Менделеевым как первая высшая экономическая школа России, было ликвидировано⁷ вместе с институтом в целом!)

Естественно, при этом он уделял много внимания вопросам постановки науки и образования в России, рассматривая их как единое целое. Рассуждая в терминах «реального» образования, он всячески подчеркивал необходимость сделать образование в России доступным для молодежи. Он искренне верил в то, что молодежь знает ближе русскую природу, русскую действительность и способна оказать большее влияние на ее преобразование. И все это покоилось на его стабильных политических воззрениях.

Характерное для него замечание этого периода: «Могу сказать, что знал на своем пути, знаю и теперь, очень много государственных людей и с уверенностью утверждаю, что добрая их половина в Россию не верит, Россию не любит и народ мало понимает...»⁸. Тем большей удачей он считал свою встречу и взаимодействие с С. Ю. Витте, человеком, равным по масштабам понимания российских проблем ему самому. Оба сразу оценили друг друга и потянулись друг к другу. Это взаимодействие двух выдающихся личностей, отторгавшихся еще властной элитой царской России, так и не поняли в советский период развития и высокомерно писали: «Менделеев не понимал...» (необходимости социального переворота; сегодня, с точки зрения научного системного подхода, ясно, что этот переворот был непродуманным и непросчитанным социальным экспериментом, поставленным на целом народе. — В. Ч.), снисходительно принимая его заслуги только как создателя периодического закона, да и то с некоторым сомнением, оглядкой на зарубежные мнения⁹.

Интересны совпадения мыслей Менделеева и Витте в оценке важности и особенностей универсального высшего образования. И тот и другой понимали важность неформального общения молодых людей разных специальностей в университетах и

происходящую при этом «взаимную диффузию знаний». «Без общения и некоторого вида взаимного воспитания друг другом не может обойтись никакая школа <...> до самой высокой — специальной <...>. Тот ничего не смыслит в педагогике, кто упустил из виду значение общения между студентами, да еще разных специальностей»¹⁰. Эта особенность высшего универсального образования приветствовалась и Витте, и Менделеевым. Менделеев поначалу был сторонником создания технических факультетов непосредственно в классических университетах. Он мечтал и о создании Главного Педагогического университета (который к тому же предполагал связать с Академией наук, памятуя «мысль Петра Великого <...> в том, что академия наук должна служить России не только наукою, но для образования»¹¹. Это — преданность впечатлениям юности. Но с новым акцентом: этот Главный Педагогический институт уже мыслился им с техническим факультетом в его составе, хотя «устройство и содержание (такого ГПИ. — В. Ч.) будет стоить не менее чем двух университетов или Политехникумов»¹². Позже он склонился, вслед за Витте и Ковалевским, к созданию университетов нового типа — технических университетов, или политехникумов. Будучи, как и Витте, прагматиком, он оценил реальную нужду в то время именно в политехникумах («нужна сильная промышленность, а для нее — жизненный реализм образования»¹³). И активно помогал своему единомышленнику Витте в этом начинании, т. к. наиболее быстрых результатов можно было достигнуть именно с помощью «*вновь учреждаемых Политехникумов, совершенно необходимых современной России*»¹⁴.

Отсюда и акценты в его высказываниях: «*Экономические вопросы в промышленных делах стоят всегда раньше технических. Раньше этих последних стоят и вопросы научные.* Конечно, в действительности все они идут рука об руку, но последовательность тем не менее существует <...>. Изменениям технического свойства должны неизбежно предшествовать соответствующие экономические условия»¹⁵. Это высказывание приведено в первом (1951) серьезном исследовании экономических взглядов Менделеева, сохраняющем свою актуальность, хотя неизбежное цитирование классиков марксизма и «классовые» оценки, естественно, не относятся к достоинствам работы, потеряв сегодня всякое объективное научное значение. Политическая сторона дела в этих

приоритетах не упомянута, она «по умолчанию» предполагалась стабильной и данной от Бога (т. е в России — монархия!), а из высказываний его по разным поводам следует, что он чтил законы своего времени, будучи глубоко религиозным человеком и «естественным» монархистом, с «имперским» складом мышления. Как и его соратник Витте, в вопросах политических пристрастий оба они были прагматиками, но отнюдь не догматиками. Возможность республиканского устройства оба вовсе не отрицали, памятуя о всемирном историческом опыте. Но всему свой исторический резон и свое время! В тот момент, с их точки зрения, перемена политического строя была исторически не подготовлена и опасна, так как помешала бы хозяйственному переустройству России (что и произошло фактически). По вполне понятным причинам в советский период об этом умалчивалось, ибо прогрессивному создателю периодического закона подобный «имидж» не к лицу! Более того, Менделеев позволял себе с сарказмом относиться к социалистическим идеям и довольно едко их высмеивать (прямо называя их утопическими «бреднями», в том числе и в своих последних книгах, ставших его завещанием). Но «озвучивание» его мыслей по этому поводу было бы несовместимо с его пребыванием в «рядах прогрессивного человечества», с точки зрения советской идеологии. Характерна оценка Менделеевым (как, например, и Струве) *Манифеста 17 октября 1905 года в качестве вершины, тика российских потрясений*: «Манифест <...> великодушного царя даровал уже народу все виды свободы и объединение правительства. Ответим на свободу усиленными трудами и твердостью воли, направленными разумно на благо Родины»¹⁶.

Атмосфера «естественного» виттевско-менделеевского капитализма складывалась на рубеже веков: основной задачей, стоящей перед Россией в области экономики, оба считали всемерное ускорение промышленного роста страны, опирающееся на максимально рациональное и полное использование ее природных ресурсов. Менделеев хорошо знал богатейшие, неисчерпаемые (как казалось в то время) природные богатства России, был хорошо знаком с ее промышленностью и другими отраслями хозяйства. Он неоднократно предпринимал, по поручению Витте, поездки в важнейшие экономические районы страны — Урал, Сибирь, Баку, Донецкий бассейн и т. д., знакомясь с той или иной

отрасль производства, предоставляя соответствующие отчеты. Оценки советского периода:¹⁷ «Менделеев принадлежит к тому слою высшей технической интеллигенции, которая в своей деятельности была связана с промышленной буржуазией <...>. Характерной особенностью их деятельности (этого слоя. — В. Ч.) является то, что они сочетали задачи научного характера, связанные с развитием производительных сил России, с защитой интересов промышленной буржуазии»; «Экономические воззрения Менделеева носят печать буржуазной ограниченности»; «Он не понимал, что <...> царское правительство руководствовалось классовыми требованиями буржуазии...» и т. п.

Главными экономическими требованиями зарождавшегося в стране капитализма (который по праву связан с именами Витте и Менделеева, что интуитивно почувствовали советские идеологи, запустив даже полупрезрительный тогда термин «виттевско-менделеевский капитализм» (приобретающий ныне вполне объективное содержание! — В. Ч.) во второй половине XIX в. являлись: создание условий для свободной конкуренции и устранение правительственной опеки над промышленностью, с одной стороны, и всемерное покровительство промышленности путем установления высоких таможенных тарифов, выдачи субсидий, казенных заказов, откупов — с другой.. Промышленность, основанная на растущей технике, стала предъявлять новые запросы к науке, к естествознанию, особенно большое развитие получило прикладное естествознание. Возникла необходимость в более полном изучении сырьевых ресурсов отдельных отраслей промышленности, в решении ряда технических проблем, разработке вопросов технологии и т. д. «В торгово-промышленных съездах и других организациях молодых капиталистов, помимо промышленников и купцов, принимали участие также многие профессора высших технических учебных заведений, представители обществ, разрабатывавших экономические вопросы. Характерной особенностью их деятельности является то, что они сочетали задачи научного характера, связанные с развитием производительных сил России, с защитой интересов промышленников»¹⁸. Еще относительно недавно советские историки позволяли себе такие замечания:¹⁹ «не понимая сущности и глубины противоречий капиталистической России, *вера в воз-*

возможность примирения интересов труда и капитала (сегодня это азбучная истина для стабильного существования любого правового государства — В. Ч.), Менделеев полагал что экономический подъем России может быть достигнут путем осуществления определенной экономической политики...» (сегодня, на рубеже XX–XXI веков, именно такую политику правительство современной России вырабатывает и осуществляет; сколько же лет потрачено напрасно, впустую, как говорил Менделеев, « в попытке перевернуть историю» — В. Ч.). «В условиях тогдашней России борьба Менделеева за ускорение индустриального развития <...> мыслилась им в рамках существующего строя...» (а какого же еще? Он как прагматик и философ считался с действительностью! — В. Ч.). Все эти псевдонаучные оценки сегодня, мягко говоря, некорректны и несостоятельны, с объективно научной точки зрения и простого здравого смысла.

С горячей проповедью развития в России крупной промышленности Менделеев выступил наиболее активно в начале 80-х годов. В 1882 году на втором торгово-промышленном съезде в Москве он нарисовал картину колоссальных природных богатств которыми располагает страна и развернул широкую программу развития промышленности на основе их использования. Менделеев обратился к правительству с требованием оказать активное покровительство развитию промышленности. «Нужно <...> целесообразное, вполне обдуманное, явное всем и каждому, равномерно уделяемое, не столько денежное, сколько всякое другое покровительство развитию в разных местах России промышленной деятельности»²⁰. Ссылаясь на экономическую политику Петра I, как опыт развития русской промышленности в прошлом, Менделеев доказывал, что без такого содействия со стороны правительства сколько-нибудь быстрое, отвечающее потребностям времени развитие промышленности России невозможно. При этом он опирался на историю развития в России металлургической, свеклосахарной, нефтяной промышленности, недавнее строительство железных дорог в XIX веке.

Речь Менделеева на торгово-промышленном съезде в Москве в 1882 г. была издана под названием «Мысли об условиях развития заводского дела в России», которой он сам придавал большое значение. К ней сделано примечание: «Считаю, что с

этого момента мое отношение к промышленности России получает ясную определенность, сказавшуюся в 1890–1899 годах». Он указывает здесь на развитие фабрично-заводской деятельности как на основное условие, без которого немислимо дальнейшее развитие России. Два года спустя Менделеев вновь подчеркнул это требование: «Важнее, настоятельнее всего — ясно, явно и громко сказать, выразить и выполнить такую правительственную меру, которая показала бы не только всей России, не только каждому в ней, но и всему миру, что русское правительство всеми мерами <...> становится на сторону развития русской заводско-фабричной промышленности...»²¹. Мысль о необходимости ускорения промышленного развития России проходит через все работы Менделеева.

Идеи, изложенные Менделеевым в разных работах, обстоятельно были развиты им в его капитальном труде «Толковый тариф»²². Это, пожалуй, самая значительная из экономических работ Менделеева. «Толковый тариф», как об этом свидетельствует само название книги, представляет собой подробные комментарии к таможенному тарифу 1891 г. Менделеев дал экономическое обоснование принятым ставкам таможенного обложения по отдельным видам товаров, последовательно пройдя по всем статьям документа. Этому обоснованию он предпослал пространное изложение своих взглядов на вопросы свободы торговли и протекционизма, из которого следует, что он был достаточно последовательным сторонником протекционизма в России в то время. Но он сам никогда не абсолютизировал свои экономические рецепты: «Протекционизм как абсолютное учение есть такой же рационалистический вздор, как и абсолютное фритредерство»²³ (все дело в определенных дозах в конкретных условиях. — В. Ч.). Главное место в этой книге занимают взгляды Менделеева на предстоящие задачи изменения внутреннего быта России. Не технические подробности отдельных производств, а экономические условия их развития в России и связь их с новым таможенным тарифом составляют главное содержание этой книги. Истолковывая тариф, Менделеев старался показать то влияние, которое этот тариф может иметь на развитие данной отрасли производства, и те правительственные мероприятия, которые могут как усилить положительное влияние тари-

фа, так и ослабить его. В ней обобщен большой статистический материал, относящийся преимущественно к вопросам вывоза, ввоза, изменения цен по разным отраслям хозяйства, почерпнутый Менделеевым из материалов комиссии по пересмотру тарифа 1891 г., и дана экономическая характеристика основных отраслей русской промышленности. Высказанные в ней мысли являются итогом предшествующей многолетней практической деятельности Менделеева.

Что касается Политехникумов, положительный взгляд на их значение и обустройство закрепился у него особенно во время взаимодействия с Витте при работе Всемирной выставки в Париже 1900 года. «Выставка дала возможность миллионам посетителей говорить о подвигах русской культуры», как писалось в Отчете²⁴ о выставке. С. Ю. Витте был председателем специального комитета по участию России во Всемирной выставке, В. И. Ковалевский — председателем комиссии по организации практического участия в Выставке, Д. И. Менделеев — русским членом жюри по присуждению призов за участие в Выставке, по группе химических производств. Опыт Всемирной Парижской выставки в области высшего образования был максимально использован ими при создании столичного СПб Политехнического института, ряд приборов и образцов товаров с Выставки поступил в СПб ПИ после ее закрытия.

Выполняя поручение Витте, Менделеев был командирован им инспектировать Киевский политехнический институт, открытый первым в России (1899). Он признал, что «многие формы жизни стали новыми, а формы обучения до того уже обветшали, что пришло время подумать об их усовершенствовании». Но добавил: «Я считаю истинное общественное образование отнюдь не кончающимся в школах, даже высших, и полагаю, что настоящий конец образованию дает только сама жизнь и сознательная самодеятельность каждого»²⁵.

Д. И. Менделеев был активным членом команды С. Ю. Витте, его единомышленником в сфере хозяйственной деятельности, его союзником и сподвижником в реализации крупных государственно-хозяйственных идей (денежная реформа, протекционистская внешнеэкономическая политика, обустройство русских портов, в частности, будущего Мурманска-«Мурмана»,

постановка и обсуждение проекта Севморпути, реформа высшего образования — создание политехнических институтов в составе Министерства финансов и т. п.).

И создание нового для России учебного заведения, ядром которого поначалу мыслилось Экономическое отделение, не могло обойтись без его участия. Сама мысль об объединении под одной крышей технического и экономического образования принадлежит лично Менделееву, как уже упоминалось. Именно эта модель высшего образования была реализована в столичном ПИ, и только в нем, благодаря несомненному личному влиянию Менделеева на Витте. Чему же посвятил Менделеев почти 20 лет самой творческой и активной жизни? Товароведению, а вовсе не химии!

Именно новая общность людей (к созданию которой он стремился!) — политехники-современники — оценили должным образом экономические работы и взгляды Менделеева. *«Д. И. Менделеев был не только великим химиком, но и замечательным мыслителем в области экономики, можно сказать, идейным отцом новейшего русского промышленного протекционизма <...>. Его “Толковый тариф” и “К познанию России” — суть замечательные произведения русской экономической мысли»*²⁶. С этой характеристики (П. Б. Струве, впервые в 1927 г) начинается наше представление о Менделееве-экономисте. Цитата не столь уж известна, хотя мысль внешне знакома! Суетливость и торопливость в наклеивании на Менделеева ярлыков советского периода нашей истории очевидна. Цитата из Струве тоже очевидна, тем не менее, она нигде не приводилась в советских изданиях и в работах о Менделееве.

Основными экономическими трудами Менделеева следует считать «Толковый тариф» (сам он сравнивал его с периодическим законом), «Основы фабрично-заводской промышленности» и «К познанию России» вкупе с «Заветными мыслями». Подробно разбирать их здесь не имеет смысла, т. к. это уже сделано во многих работах за предшествующие годы. Практическое же преломление этих работ должно было состояться в СПб ПИ в виде объявленного курса товароведения, но... не свершилось! Характерна ссылка на одно из высказываний Менделеева (свидетельство Б. П. Вейнберга): *«Какой я химик, я — политико-эконом, что*

там «Основы» (химии. — В. Ч.) — вот «Толковый тариф» — это другое дело»²⁷.

Много сил в последнее десятилетие своей жизни Менделеев отдал работе в комиссии по созданию программ для Политехнических институтов, и конкретно для СПб ПИ. Планировалось чтение лично Менделеевым лекций по товароведению. Из официальной информации об открытии СПб Политехникума: «среди присутствовавших на открытии официальных лиц отмечен управляющий Главной палатой мер и весов профессор Д. И. Менделеев, который будет читать в Политехникуме лекции по товароведению»²⁸ и «директор особой канцелярии по кредитной части министерства финансов Б. Ф. Малешевский, давший свое согласие читать курс финансовых вычислений на экономическом факультете». Свой курс Менделеев предполагал базировать на «Толковом тарифе» и «Основах фабрично-заводской промышленности». Товароведение в то время трактовалось²⁹ как имеющее «своим предметом объект торговли — товар, понимаемый как удобоперемещаемая (движимая) ценность, идущая по направлению от производителя к потребителю. Товароведение дает всестороннее знание товара: технологии, экскурс в другие отрасли знаний, задает специальные вопросы статистике и вырабатывает свой статистический материал, историю и законодательные справки». Научные знания — базис рационального товароведения. В XX в. сюда же присоединились вопросы сертификации и унификации товара на основе метрологии, очень близкие Д. И. Менделееву. Литература по этой тематике на русском языке практически полностью отсутствовала в то время. «Что касается до товароведения, то, к сожалению, наша литература очень бедна этой отраслью коммерческих знаний»³⁰, — писал задумавший этот курс в СПб ПИ Д. И. Менделеев.

В «Положении» о СПб ПИ зафиксирована необходимость введения «товароведения с механической и химической технологией», где «изучаются товары со стороны их происхождения, способов обработки, сортировки, хранения, причем особое внимание должно быть обращено на ознакомление слушателей с научными приемами исследования качеств, примесей и фальсификации разных продуктов, обращающихся в торговле <...>. Основательное изучение товароведения важно не только для

лиц, готовящихся к коммерческой деятельности, но и для многих правительственных агентов, служащих в таможенных, тарифных учреждениях, на железных дорогах и в банках. Строго научная постановка преподавания товароведения возможна только в высшей школе, могущей предоставить слушателям лучше обставленные кабинеты и лаборатории для практических занятий и опытных руководителей. Изучение качества товаров и методов их исследования невозможно без предварительного ознакомления слушателей с измерительными физическими приборами, качественным и количественным анализом, а также с их технологией, на основании чего вводятся физика и химия на экономическом отделении)». Менделеев сделал исключительно много для практического воплощения в жизнь этих планов, декларированных в Положении при его участии.

Для иллюстрации курса товароведения, в учебных целях, при СПб ПИ был специально создан замечательный Музей образцов товаров и лаборатории при нем. Первым заведующим Музея и первым лектором по товароведению (вместо Д. И. Менделеева) стал В. А. Ковалевский (сын академика РАН А. О. Ковалевского.). В 1911–1917 гг. задуманный еще Менделеевым курс товароведения читал профессор Н. Д. Зелинский, будущий академик и президент АН СССР. В 1930 г. курс товароведения и Музей товароведения были упразднены вместе с ликвидацией самого СПб ПИ.

К сожалению, чтение лично Менделеевым задуманного им курса не состоялось из-за занятости его последними книгами-завещанием, которым он придавал важное значение и торопился высказаться, резкого ухудшения зрения ученого и дальности поездок с Забалканского проспекта, где он жил. И все же на церемонии открытия института в октябре 1902 г. *Д. И. Менделеев присутствовал лично*³¹. С. Ю. Витте и В. И. Ковалевский отсутствовали по дипломатическим соображениям, от МФ был П. М. Романов, заместитель Витте. Менделеев подарил СПб ПИ макет рудника горы Благодать на Урале (ныне находится в экспозиции Музея Д. И. Менделеева в СПб Государственном университете). *«Несомненно известно, что он своим могущественным влиянием на Витте много способствовал тому, чтобы экспериментальные и служебные помещения столичного Политехникума были богато обставлены и чтобы не жалелись средства как на*

подготовку молодой профессуры, так и на сравнительно удовлетворительное материальное положение педагогического персонала»³². Во вновь созданном Политехническом институте обособились друзья, ученики и последователи Менделеева. Это были как химики (его друг Н. А. Меншуткин, его талантливый ученик А. А. Байков), так и некоторые эконом-географы (В. В. Никольский, Б. И. Карпенко и др.) Здесь была сделана попытка развития *центрографии* — области экономической географии, у истоков которой стоял лично Д. И. Менделеев (отслеживание движения центра населения страны и ее географического центра как интегральных параметров, связанных с состоянием ее экономики и хозяйства). Любопытно, что сын Д. И. Менделеева — Иван Дмитриевич Менделеев — поначалу поступил³³ на только что открывшееся Экономическое отделение СПб ПИ (возможно, под влиянием отца, собиравшегося читать там лекции по товароведению), а в 20-х — начале 30-х гг. посвятил себя разработке именно центрографии — последнего научного увлечения отца! В начале 30-х гг. центрография в СССР была разгромлена как буржуазная и даже фашистская «лженаука», наряду с геополитикой, последователи Менделеева в этом направлении подверглись политическим репрессиям, а сама центрография так и не оправилась после этого удара вплоть до 80-х гг. XX века. «Центрографы, представленные в Ленинграде Е. Е. Святловским, Покшишевским, Варшавским и другими (Центрографическая лаборатория геодезического общества закрыта в 1934 г.) (неточность цитируемого документа — центрографическая лаборатория имени Д. И. Менделеева была при геодезической секции Русского географического общества (РГО), в то время именовавшегося Государственным географическим обществом (ГГО). Помимо создателя лаборатории Е. Е. Святловского, членами совета лаборатории также состояли Б. И. Карпенко, В. В. Никольский, Б. П. Вейнберг, С. Г. Струмилин, Г. М. Кржижановский, И. Д. Менделеев и др. — В. Ч.) пытаются, пользуясь покровительством некоторых ответственных работников (акад. Струмилина, Бухарина и др.) создать новый центр, предположительно в Москве. В 1934 г. во время Всемирного конгресса географов в Варшаве, через голову советской делегации, послали на конгресс свои материалы, чем было вызвано немалое политическое осложнение: советские делегаты отказа-

лись докладывать материалы центрографов, и тогда доклад, на их основе, был сделан польскими географами — официальными членами фашистской партии»³⁴. Так советская власть в лице НКВД весьма своеобразно отнеслась к творческому научному наследию Д. И. Менделеева, не погнушавшись использовать его в политических играх и похоронив целое оригинальное направление отечественной экономической географии (основоположником которого был Д. И. Менделеев в своих последних книгах!), одновременно «с помпой» продолжая до 1934 г. (время последнего съезда) начатые еще до 1917 г. Менделеевские съезды по «освоению» его наследия.

Первые профессора и студенты Политехнического института не забыли вклада Менделеева в его становление. «Один из самых мирных годов в жизни Института был 1904-й год. Как весеннее, так и осеннее полугодия (до конца ноября) протекли спокойно. <...> 14-го января, на заседании соединенных отделений, Н. А. Меншуткин предложил Д. И. Менделеева Почетным членом Института по случаю исполняющегося 27-го января 70-летия со дня рождения; решено было представить об этом соответствующее ходатайство в Совет. Совет в заседании своем 21-го января, по предложению отца, единогласно избрал Дмитрия Ивановича Почетным членом *С.-Петербургского Политехнического Института*»³⁵.

Имя Менделеева в связи с Политехническим институтом после войны было введено в научный оборот В.В. Данилевским, в Материалах по истории института, составляющих особый блок в Трудах ЛПИ (1948–1949). Это не просто некое разбавление технического материала, но и символическое отступление от идеологической зашоренности, первые признаки новых черт в послевоенной идеологии. Дух Победы восстановил амбиции России. Было смелым введение в оборот имен графа Витте, князя Гагарина. Конечно, при этом не могло не всплыть имя д. т. с. (действительного тайного советника) Д. И. Менделеева, главного экономического советника русского правительства, соратника и члена команды Витте, одного из основателей ПИ. Однако Менделеев и его роль не были тогда полностью восстановлены в правах по чисто идеологическим причинам — Менделеев был последовательным противником социалистических идей. Роль

Менделеева была сведена только к техническим промышленным вопросам, хотя он сам мыслил совершенно иными масштабными экономическими категориями.

Именно в это время издается академическое издание трудов Д.И. Менделеева с цензурными изъятиями, восстановленными только в 1995 г.! И такой деформированный Менделеев утвердился в системе образования. В советское образование Менделеев вошел только как создатель периодического закона, односторонне показанный публике, хотя сам он выше всего ставил свои экономические работы и своей главной заслугой перед Россией до своего последнего дня считал экономические прогнозы и советы, оставленные в «Толковом тарифе» и в двух последних книгах: «Заветные мысли» и «К познанию России». Это особо подчеркивал Струве в своей оценке роли Менделеева [2]. Как Россия распорядилась научным наследием Менделеева — это особый вопрос [4]. Все еще впереди!

Изучение трудов Менделеева в наши дни ясно показывает, как далеко была отброшена экономическая наука где-то после 1928 г. (последний экономический выпуск «Известий ЛПИ», где были опубликованы работы последователей и учеников Менделеева), «какими примитивными стали экономические мысли и убогими методы!». Ведь Менделеев пользовался выверенной научной государственной статистикой Министерства финансов великой императорской России [отраженной наиболее полно в библиотеке А.А. Чупрова, сохранившейся в СПб ГПУ. — В. Ч.], использовал математический аппарат, который и сегодня считается современным.

Напомним, что в Почетные члены института были избраны последовательно С. Ю. Витте, В. И. Ковалевский, Д. И. Менделеев. Их портреты были установлены в Зале Совета и пребывали там до 1917 года. Ныне их местонахождение неизвестно. Даже в эмиграции выпускники вспоминали этих людей с глубокой благодарностью. Заметим, что 25 летний юбилей ПИ в СССР не отмечался официально в широком государственном масштабе, как он того заслуживал. В противовес этому эмигранты-политехники во всех странах мира отметили этот юбилей *«как крупное достижение русской культуры»*³⁶.

«Явившись порождением хозяйственного развития России, опиравшегося на медленный, но неуклонный подъем крестьян-

ского благосостояния, создававшего широкий и непрерывно расширяющийся рынок для промышленности, — <...> *СПб Политехнический Институт стал фактором этого развития* <...>. Рядом с Витте, этим замечательным деятелем властной бюрократии, который, не без основания рисуется широкой публике как некий чародей, “маг и волшебник” государственно-финансового искусства, следует назвать тогдашнего директора департамента торговли и мануфактур Владимира Ивановича Ковалевского и великого русского химика Дмитрия Ивановича Менделеева Недаром портреты этих деятелей : Менделеева, Витте, Ковалевского смотрели на нас со стен зала нашего Совета. Они были творцами Санкт-Петербургского Политехнического Института»³⁷. С. Ю. Витте и Д. И. Менделеев стали главными созидателями этого грандиозного замысла, его движущими пружинами. В. И. Ковалевский воплотил этот великолепный замысел в жизнь.

---

¹ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960, Т. 2. С. 570.

² Там же. С. 505.

³ *Чепарухин В. В.* Мемориальные книжные собрания начала XX века и их создатели. СПб.: Изд. СПб ГПУ, 2007. 203 с.

⁴ *Дмитриев И. С.* Человек эпохи перемен. Очерки о Д. И. Менделееве и его времени. СПб., 2004. 574 с.; *Чепарухин В. В.* Судьба и место наследия Д. И. Менделеева в России // СПб университет. 2006. № 3. С. 56; *Чепарухин В. В.* Возвращаясь к экономическим воззрениям Менделеева... // Российская и европейская экономическая мысль: опыт Санкт-Петербурга, 2005. СПб.: Нестор-История, 2006. С. 29–46.

⁵ *Менделеев Д. И.* Заметки о народном просвещении в России. СПб., 1901. С. 1.

⁶ *Менделеев Д. И.* Заветные мысли (полное издание). М.: Мысль, 1995. С. 259.

⁷ *Чепарухин В. В.* О структуре СПб ПИ-СПб ГТУ(1902–1907), опыт исследования и реконструкции // Научно-технические ведомости СПб ГТУ. 1997. № 4. С. 130–141.

⁸ *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. С. 340.

⁹ *Гурвич М. Ц.* Экономические взгляды Д. И. Менделеева. Минск: Изд. АН БССР, 1951. С. 18.

¹⁰ *Менделеев Г. И.* Заметки о народном просвещении в России. С. 23.

¹¹ Там же. С. 25.

¹² Там же. С. 25.

- ¹³ Там же. С. 37.
- ¹⁴ Там же. С. 25.
- ¹⁵ *Гурвич Г. Ц.* Экономические взгляды Д. И. Менделеева. С. 18.
- ¹⁶ *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. С. 407.
- ¹⁷ *Гурвич Г. Ц.* Экономические взгляды Д. И. Менделеева. С. 18.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ История русской экономической мысли. М, 1960. Т. 2. Ч. 1. С.
- ²⁰ *Менделеев Д. И.* Об условиях развития заводского дела России // Соч. М.; Л., 1950. Т. 20. Изд. АН СССР. С. 59.
- ²¹ *Менделеев Д. И.* О возбуждении промышленного развития России // Там же. С. 34.
- ²² *Менделеев Д. И.* Толковый тариф. Исследование «О развитии промышленности в России, в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года». 1892 г.
- ²³ Там же. С. VIII.
- ²⁴ Участие России во Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет генерального комиссара русского отдела. СПб., 1901. 117 с.
- ²⁵ *Менделеев Д. И.* Заметки о народном просвещении в России. С. 67.
- ²⁶ *Струве П. Б.* Санкт-Петербургский Политехнический институт Императора Петра Великого (речь по случаю 25 летия ПИ) // Юбилейный сборник под ред. А. А. Стаховича и Е. И. Вечорина. Париж, 1952.
- ²⁷ Б. П. Вейнберг, из воспоминаний // Менделеев в воспоминаниях современников. Томск, 1910. С. 14.
- ²⁸ Нива. 1902. № 41. С. 819.
- ²⁹ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. 6. С. 401.
- ³⁰ *Менделеев Д. И.* Основы фабрично-заводской промышленности. СПб., 1897. С. 49.
- ³¹ Федяевский // Юбилейный сборник под ред. А. А. Стаховича и Е. И. Вечорина. С. 84.
- ³² *Саввин Н. Н.* Летопись дней моих. Воспоминания о С.-Петербургском Политехническом институте для моих американских друзей-политехников // Нестор. СПб., 2008. № 12.
- ³³ СПб ЦГИА. Ф. 478. Оп. 3.
- ³⁴ *Дмитриев А. Л., Чепарухин В. В.* Судьба школы В. Э. Дена // «За железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб., 2002. С. 222.
- ³⁵ *Меншуткин Б. Н.* Жизнь и деятельность Николая Александровича Меншуткина. 1908. С. 173.
- ³⁶ Ельяшевич В. Б. // Юбилейный сборник под ред. А. А. Стаховича и Е. И. Вечорина. С. 13.
- ³⁷ *Струве П. Б.* Речь Санкт-Петербургский Политехнический институт Императора Петра Великого // Там же. С. 12.

А. Л. Дмитриев

Владимир Иванович Зазерский и развитие бухгалтерского учета*

В истории бухгалтерского учета остается еще много имен ученых, чье научное наследие требует дополнительного изучения. Имя В. И. Зазерского, с которым связана одна из первых бухгалтерских экспертиз в России, почти не известно историкам экономической науки. Его имени нет даже в фундаментальной истории бухгалтерского учета Я. В. Соколова¹. Между тем этот ученый, поставивший преподавание бухгалтерских дисциплин в Петербургском политехническом институте и Петроградском университете, заслуживает особого внимания.

Владимир Иванович Зазерский родился 13 июня 1874 г. в Мариенбурге в многодетной семье торговца. По воспоминаниям его дочери, «отец был первым сыном и вторым ребенком в семье торговца парчой. Было в семье 12 детей от первой жены (с 13-м при родах она умерла) и пятеро детей от второй жены. Дед пришел в Мариенбург (под Гатчиной) в 50-е гг. XVIII столетия с двумя рублями. Стал купцом, жил в доме, построенном его сыном, архитектором Алексеем Зазерским. Владимир с 14 лет платил за обучение в гимназии деньгами, заработанными уроками с отстающими учениками. Отец хотел, чтобы Володя стал приказчиком,

---

* Исследование выполнено по гранту РГНФ № 06-01-00289а.

отказался платить за ученье, не разрешал читать при свечах, приходилось читать и делать уроки при лампаде, зрение испортилось рано»². В 1892 г. с золотой медалью, званием кандидата коммерции и личным почетным гражданством он окончил Петровское коммерческое училище. После окончания училища Министерством финансов В. И. Зазерский был направлен за границу для завершения коммерческого образования (Коммерческий институт Антверпена, Берлинский, Гейдельбергский, Цюрихский университеты). В мае 1895 г. Зазерский прошел специальные испытания и был «признан способным к преподаванию бухгалтерии и купеческой арифметики <...> с присвоением относительно чиновпроизводства прав равных с учителями, имеющими аттестат об окончании учебного курса в университете»³. По представлению попечительского совета Петровского училища в октябре 1895 г. он был определен на службу преподавателем бухгалтерского учета. Женившись в 1898 г. на В. А. Прокофьевой, он прожил в браке всего год — жена скончалась от чахотки. С 1898 г. он начал преподавать на частных курсах бухгалтерии А. И. Янсона, а с 1899 г. — в Частной торговой школе А. И. Янсона.

В июле 1901 г. он был назначен преподавателем коммерческих наук Восточного института в г. Владивостоке. В этот период Владимир Иванович два раза был командирован в Китай и Маньчжурию для сбора материалов по дальневосточной торговле и промышленности. Благодаря этим поездкам он хорошо изучил экономические проблемы Дальнего Востока, а особенно ситуацию в Китае и Маньчжурии. В качестве особого приложения к «Известиям Восточного института» на протяжении трех лет (с 1901 по 1903 г.) В. И. Зазерский издавал «Современную летопись Дальнего Востока». В основном это были краткие статьи, переведенные из газет «The New Press», «Japan Weekly», «Ostasiat Lloyd» и др. В 1903 г. в «Известиях Восточного института» была напечатана его большая работа «Обзор коллекций Торгово-промышленного музея при Восточном институте», в которой дана подробная характеристика коллекций, собранных В. И. Зазерским, и показана их ценность в преподавании курса товароведения.

В сентябре 1904 г. товарищ председателя попечительского совета Тенишевского училища в Петербурге ходатайствовал

о переводе Зазерского в Тенишевское училище на должность штатного преподавателя счетоводства и коммерческих вычислений⁴. Министр финансов потребовал дополнительных разъяснений от директора училища о необходимости приглашения Зазерского, поскольку ему показалось, что возможно найти преподавателя в самом училище. Ответ на запрос министра директор Тенишевского училища сообщал, что Зазерский был приглашен «для преподавания счетоводства и коммерческой арифметики во вверенном мне училище по указанию директора Петровского училища, как заявивший себя несколько лет тому назад искусным преподавателем в означенном училище»⁵. Вскоре последовало разрешение на перевод и Зазерский с 1 сентября 1904 г. начал преподавательскую деятельность в Тенишевском училище. Одновременно начинается его преподавательская деятельность и на Экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института — он читает курс торговой корреспонденции. Позже он расширит круг читаемых курсов (фабрично-заводское счетоводство и калькуляция, финансовое счетоводство, финансовые вычисления, коммерческая техника). Становление преподавания бухгалтерского учета в ведущем экономическом вузе страны связано с именем Владимира Ивановича. В 1905–1906 гг. в Политехническом институте В. И. Зазерский организовал образцовую торговую контору, которая служила эталоном для организации бухгалтерского учета.

С 1908 по 1915 г. Зазерский руководил созданным при Политехническом институте педагогическим семинаром по подготовке преподавателей специальных предметов для учебных заведений Министерства торговли и промышленности.

В 1900–1910-х гг. В. И. Зазерский несколько раз по линии Петровского училища был командирован за границу с научной целью: в 1903–1904 гг. он повышал квалификацию в Гейдельбергском (у проф. Кантора — по математической теории долгосрочных финансовых вычислений) и в Цюрихском (у проф. Шера — по организации техники торговли) университетах, в 1906 г. он посетил Австрию, Германию, Швейцарию и Италию для обозрения товарных музеев и лабораторий, в 1910 г. командирован в Вену на 4-й Международный конгресс экономических наук для ознакомления с новейшими методами препода-

вания коммерческой корреспонденции и бухгалтерского учета; в 1911 г. — в Брюссель и Кельн для ознакомления с организацией коммерческих музеев⁶.

В опубликованной в 1905 г. статье «Коммерческие науки в Цюрихском университете» В. И. Зазерский, на основе представленных ему профессором И. Ф. Шером материалов, описал постановку преподавания всего комплекса коммерческих наук в этом университете. Следует отметить, что Цюрихский университет был первым университетом Западной Европы, где была основана кафедра коммерческих наук. Зазерский подчеркивал, что в университете был впервые поставлен вопрос и о докторской степени для коммерческих наук — «ученой степени доктора политической экономии университет удостоивает лиц, могущих доказать, что они в состоянии удовлетворить тем требованиям, которые предъявляются к современному просвещенному коммерческому деятелю»⁷. Автор подробно описывал передовую для тех лет систему подготовки специалистов широкого профиля в области коммерческих наук в университете. Этот опыт позже был во многом использован им для постановки преподавания в Политехническом институте.

Одна из первых бухгалтерских экспертиз в России была проведена в 1914 г. и связана с именем Владимира Ивановича.

Из многих бухгалтерских экспертиз, которые провел В. И. Зазерский, будь то экспертизы по делу о выкупе Киевских городских железных дорог (совместно с Л. О. Бернером и Ф. И. Шишовым), по делу Франко-Русского завода, по делу Русского для внешней торговли банка (об онкольном счете) и др., особого внимания заслуживает бухгалтерская экспертиза по вопросу об отношении города Петрограда к трем концессионным электрическим обществам 1914 г., изданная отдельной книжкой в том же году.

Это было время, когда в России лишь впервые стали подниматься вопросы о возможном выкупе общественными хозяйствами предприятий концессионных обществ. Почти никакой практики по данному вопросу в России не существовало и не было литературы о концессионных предприятиях. Этим обуславливались и трудности и интерес экспертизы, поскольку она впервые установила приемы обследования концессионных акционерных обществ.

Напомним, что увеличение населения города и рост потребности в услугах городских предприятий отражались на бюджете города. В последней четверти XIX – начале XX в. бюджет Петербурга рос весьма значительными темпами. Дефицитность бюджета города, почти хроническая до последней четверти XIX в., исчезла в связи с появлением нового источника доходов – коммунальных предприятий. Так, до 1882 г. доходы Петербурга от коммунальных предприятий составляли около 100 тыс. руб. в год⁸. Переход в 1891 г. в руки города водопровода повысил объем доходной части в 3,3 раза. В числе доходных предприятий оказался и телефон. Большинство городских предприятий характеризовались весьма высокой доходностью из-за использования монопольных цен (так, например, прибыль от трамвая в 1910 г., за вычетом процентов погашения по займам, составляла 37,8%)⁹. Постепенный переход в руки города коммунальных предприятий и связанное с этим изменение структуры городского бюджета проходили в условиях жесткой борьбы между различными фракциями Городской думы. Наиболее влиятельной была группа, заинтересованная в том, чтобы коммунальные предприятия находились в руках города. Эту же позицию разделяло и Министерство финансов.

Первоначально выработка электроэнергии в городе осуществлялась установками небольших размеров, но вскоре они уступили место крупным электростанциям, построенным с участием иностранного капитала. Возникли общества «Гелиос», «Гуэ и Шманцер»¹⁰. Несмотря на то, что в Городской думе часто раздавались голоса о целесообразности сооружения и эксплуатации электростанции силами города, постройка станций общего пользования была сдана в концессию частным компаниям, а срок договора был определен в 40 лет. Это давало компаниям возможность получать гарантированные высокие прибыли. Претензии гласных Думы к компаниям, которые сильно завышали цены на электричество, способствовали тому, что город принял решение о возможности выкупа электрических компаний.

Целью данной экспертизы было обследование финансовых результатов электрических предприятий («Петроградского общества электрических сооружений», «Бельгийского общества электрического освещения в Петрограде», петроградского

предприятия «Общества электрического освещения 1886 г.») и составление счетного материала, необходимого для принятия решения о выгодности для города выкупа этих акционерных обществ¹¹.

Первым заданием всякой экспертизы, отмечал В. И. Зазерский, является изучение того бухгалтерского материала, с которым эксперту приходится иметь дело, и не только с точки зрения его достоверности, но и в отношении его полноты и правильности обработки. В этом отношении, как и сейчас, отчеты предприятий акционерных концессионных обществ далеко не представляли совершенства, поскольку многие данные составляли коммерческую тайну, тщательно скрываемую от конкурентов. Именно работу по обследованию и оценке бухгалтерского материала сделал В. И. Зазерский. Большие трудности при этом представляло обследование отчетности по предприятию Бельгийского общества, поскольку центральная бухгалтерская отчетность велась в правлении общества в Брюсселе.

В связи с предстоящим выкупом компаний и определением суммы, по которой этот выкуп должен осуществиться, возник вопрос о том, следует ли различать капитал, вложенный в предприятие, и капитал, затраченный по всему предприятию. В то время эти понятия не являлись установившимися терминами бухгалтерского учета, хотя в быту эти понятия и различались. Привлеченные к экспертизе юристы заключили, что эти выражения означают капитальные затраты общества, по всему устройству предприятия. Таким образом, необходимо было определить как размер капитала, затраченного на первоначальное устройство, так и позже затраченный капитал, вплоть до 1 января 1914 г.

Важной задачей экспертизы было установление объема тех счетных данных, которые она должна была дать. Экспертизой были разработаны и приведены, по каждому предприятию в отдельности, следующие сведения: размеры капитальных затрат на первоначальное устройство и увеличение капитальных затрат во время последующей деятельности предприятия, валовой доход, расходы, проценты по капитальному долгу и прибыли в течение последних 10 лет, а также их распределение за этот срок. По этим данным устанавливали финансовые результаты эксплуатации предприятий и размер чистой прибыли за последние годы по

определению ее нормальным концессионным договором. В этом договоре под чистой прибылью понималась «та часть прибылей, которая выдается участникам дела ежегодно на руки, за исключением сумм, отчисляемых каждый год на погашение капитала, который, по утвержденному Городской управой расчету, будет употреблен на первоначальное устройство, но с включением их сумм, отчисляемых участниками дела в какие-либо специальные капиталы». Экспертизой был исчислен размер чистой прибыли этих предприятий за пять лет.

На следующем этапе экспертизой был установлен размер рентного выкупного вознаграждения по всем трем обществам в случае, если бы город имел право выкупить предприятия немедленно, т. е. 1 января 1914 г. При этом Зазерский решил задачу о способе исчисления размеров погашения капиталов, затраченных на первоначальное устройство.

Хотя оценка выгодности для города выкупа предприятий и не входила в прямую задачу экспертизы, как отмечал сам В. И. Зазерский, так как в распоряжении бухгалтерской экспертизы не имелось всего технического материала, однако выводы были сделаны. Было установлено, что остатки в пользу города (т. е. разница между ожидаемыми поступлениями в доход города — превышение доходов над расходами по предприятию, и потерями города, вследствие уплаты ренты) при выкупе предприятий с учетом различных допущений были бы. Это следует из того, что, во-первых, выкупная рента (средняя чистая прибыль за предшествующее году выкупа пятилетие) будет меньше чистой прибыли за последний год указанного пятилетия, а следовательно, и за последующие за сроком выкупа годы; во-вторых, у города остались бы уплачиваемые обществами суммы казенных налогов и вознаграждение правления из прибылей; в-третьих, разницу в пользу города могут дать отчисления в специальные капиталы и проценты по займам, поскольку город не будет их платить. Однако при этом город потеряет значительную часть своих доходов от сбора с валовых доходов обществ, но на ту же сумму у города будет и больше — чистый доход от эксплуатации предприятий.

Надо отметить, что проведенная Зазерским экспертиза, установившая методы обследования результатов деятельности

концессионных предприятий, явилась образцом, по которому в дальнейшем было произведено несколько подобных же экспертиз, например, экспертиза по выкупу Киевских железных дорог. Таким образом, значение данной экспертизы, как и других обследований, сделанных Зазерским, не ограничивалось непосредственными практическими результатами, они имели научный и практический интерес, представляя собой источник методов оценки результатов деятельности акционерных концессионных предприятий.

К сожалению, работа, проделанная В. И. Зазерским, оказалась невостребованной: грянула Октябрьская революция, а вместе с ней отпала и необходимость выкупа предприятий...

В 1917 г. В. И. Зазерский женился вторично на вдове своего друга Владимира Александровича Ковалевского — преподавателя товароведения Политехнического института, скончавшегося в 1914 г. По воспоминаниям его дочери, он был крестным отцом дочек Ковалевского — Веры и Лены, а «в 1918 г. неожиданно, когда родителям было по 44 года и наступают голодные годы, родилась у Екатерины Федоровны третья дочь — Анна»¹².

В апреле-мае 1918 г. В. И. Зазерский составил ряд записок по вопросам государственного счетоводства, главнейшими из которых были: «Об инвентаризации и учете государственного имущества», «Об общем счетоводстве по государственному хозяйству». Эти записки были составлены для Комиссии бывшего Комиссариата Государственного контроля по системе государственного счетоводства, в работах которой активное участие принимал Владимир Иванович. Они были написаны в первый год после Октябрьской революции, когда в финансовом и контрольном ведомствах занимались пересмотром и выработкой правил по счетоводству государственных учреждений.

В 1922 г. В. И. Зазерский напечатал материал к вопросу о пересмотре счетных уставов («О государственном счетоводстве»)¹³. Этот небольшой по объему, но весьма содержательный труд ставил целью показать путь к осуществлению в государственном хозяйстве полного учета оборотов. В нем был изложен интересный и малоизвестный в отечественной литературе материал исторического и практического характера о государственном счетоводстве как в России, так и в некоторых иностранных государствах. Рас-

смаывая государственное счетоводство как один из элементов, входящих в систему финансового управления, и отмечая тесную связь между всеми этими элементами, Зазерский излагал историю реформ в счетно-контрольной системе в России и приходил к выводу, что из норм, регулирующих финансовое управление, нет ни одной, которая давно не была бы признана требовавшей переработки. Ввиду общей связи счетоводства с остальными вопросами финансового управления, В. И. Зазерский полагал, что при пересмотре положений о счетоводстве должно поставить вопросы и о бюджетных правилах, и о кассовом порядке, и об инвентаре государственных имуществ, и о правилах по казенным хозяйственным операциям, и о контроле.

В 1923 г. была опубликована любопытная работа Зазерского «Ответственные счетоводы и их организация»¹⁴. Интерес этой работы заключается, во-первых, в том, что она освещала весьма важный в то время вопрос об отборе специалистов-бухгалтеров и об их организации. А во-вторых, в обширности того материала, который в нем приведен, в особенности относительно счетоводных организаций на Западе, и в выводах, к которым пришел автор: он считал характер деятельности ответственных счетоводов по ее общественному значению очень близким к характеру деятельности бывших присяжных поверенных и полагал, что построение отечественной организации ответственных счетоводов сходно с организацией итальянских коллегияльных (общественных) счетоводов.

Занимаясь, большей частью, педагогической деятельностью, В. И. Зазерский стремился одновременно быть всегда в центре потребности действительной жизни — хотел знать существующее на практике положение счетоводства и отчетности. Поскольку, по его мнению, единственным действительным средством для получения этих знаний является личное участие в работах предприятий, Владимир Иванович временами совмещал педагогическую и научную работу с практической деятельностью в различных, преимущественно государственных, предприятиях. Работа эта носила частью административный характер и в порядке службы он занимался инструкционной деятельностью. В результате было составлено большое число инструкций по счетоводству и отчетности различных предприятий. К ним сле-

дует отнести, например, «Инструкцию по счетоводству и отчетности для местных и областных комитетов, подведомственных Центральному военно-промышленному комитету и по расчету с контрагентами их» (1916 г.), «Положения, правила и инструкции по счетоводству в управлении государственных предприятий бумажной промышленности» (1918–1919 гг.), «Инструкцию по счетоводству в государственных предприятиях лесной промышленности» по поручению Главлескома, «Положение о счетоводстве для объединенных военно-электрических заводов» (1917 г.).

В 1923–1925 гг., когда Зазерский был сотрудником Северо-Западного промбюро, где он заведовал сводной отчетностью трестов, на него было возложено инструктирование по вопросам счетоводства и отчетности ревизионных комиссий и главных бухгалтеров трестов. Им был составлен ряд записок по вопросам о специальных фондах, о распределении прибылей и ликвидации убытков в государственных промышленных предприятиях, о счетоводстве и отчетности в ленинградских промышленных предприятиях и др.

В 1925–1926 гг. В. И. Зазерский опубликовал большое число статей по финансовым вопросам в издаваемом Северо-Западным промбюро «Торгово-промышленном и финансовом словаре». В нем же он выступил и редактором отдела обмена.

С 1922 по 1925 гг. В. И. Зазерский состоял преподавателем счетоведения в Петроградском университете на факультете общественных наук, а также руководил преподаванием счетных дисциплин в Ленинградском лесном институте.

В 1925 г. В. И. Зазерский был командирован Главнаукой в Германию для сбора материалов по преподаванию учетно-экономических дисциплин на экономических факультетах университетов.

Вплоть до ликвидации Политехнического института в 1930 г., Владимир Иванович заведовал там кафедрой учета, а после 1930 г. возглавлял кафедру учета в Ленинградском машиностроительном институте. После воссоздания Политехнического института в 1934 г. под названием Ленинградский индустриальный институт, Зазерский стал в нем профессором и заведующим кафедрой промышленного учета и калькуляции.

По воспоминаниям дочери, «в феврале 1939 г. у отца был удар. К лету он несколько оправился. Считал, что надо пить молоко, выпивал по литру в день. Пытался писать, но не получалось. В блокаду немного мог пилить дрова маленькой пилой. Прожил до 8 февраля 1942 г. Тогда 5 дней не выдавали хлеб. Умер от голода. Похоронен на Богословском кладбище»¹⁵.

-
- ¹ *Соколов Я. В.* Бухгалтерский учет: от истоков до наших дней. М., 1996.
  - ² *Зазерская А. В.* Первый профессорский. Воспоминания. СПб., 1989. С. 16.
  - ³ РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1708. Л. 16 об.
  - ⁴ Там же. Л. 27.
  - ⁵ Там же. Л. 33.
  - ⁶ Там же. Л. 27, 39.
  - ⁷ *З. В.* Коммерческие науки в Цюрихском университете // Вестник коммерческого образования. 1905. Т. 2. Кн. 7–8. С. 145.
  - ⁸ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1956. Т. 3. С. 895.
  - ⁹ Там же.
  - ¹⁰ Более подробно о германских инвестициях см.: *Дякин В. С.* Германские капиталы в России. Электроиндустрия и электрический транспорт. Л., 1971.
  - ¹¹ Более подробно об экспертизе В. И. Зазерского см.: *Елисеева И. И., Дмитриев А. Л.* У истоков бухгалтерской экспертизы в России // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения. Ежегодник. М.; Волгоград, 2001.
  - ¹² *Зазерская А. В.* Первый профессорский. Воспоминания. С. 17.
  - ¹³ *Зазерский В. И.* О государственном счетоводстве (К вопросу о пересмотре счетных уставов). М.; Пг., 1922.
  - ¹⁴ *Зазерский В. И.* Ответственные счетоводы и их организация. М., 1923.
  - ¹⁵ *Зазерская А. В.* Первый профессорский. Воспоминания. С. 18.

Ю.А. Виноградов

Некоторые оппозиционные действия непременного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга (1917–1929 гг.)

В последнее время обстоятельно и объективно была показана роль академического руководства тех лет в сохранении Академии наук в условиях террора, экономического, идеологического и иного давления на академиков¹.

Все же имеет смысл подробнее рассмотреть поведение в этот период непременного секретаря АН С. Ф. Ольденбурга (27.09.1863–28.02.1934). Он воспринял захват власти большевиками как либерал-демократ. Участвовал в составлении обращения-протеста Академии от 21.11.1917. Большевиков в нем аттестовали как «насильников, захвативших власть», при которых «русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства». Академики надеялись на Учредительное собрание, не предполагая его печальную судьбу². Они и в последующем предпринимали, правда, также не слишком удачные, выступления в защиту прав ученых на жизнь, свободу личности и научного творчества.

Историки советского времени, исследуя взаимоотношения Академии и советской власти, чаще ограничивались проявлениями их сотрудничества³. Действительно, Ольденбург едва ли не

первым понял прочность власти большевиков и необходимость вынужденного сосуществования Академии с этой властью. Хотя бы исходя из идеи служения демократической интеллигенции своему народу.

Но из уважения к самим себе Ольденбург и академики не могли не реагировать на ужасные проявления «диктатуры пролетариата». Здесь изложены факты, освещающие ряд оппозиционных действий самого Ольденбурга и его коллег по Общему собранию РАН.

В первые «советские» годы одним из еще не подвластных большевикам способов академиком показывать свою независимость был подбор новых или сохранение дореволюционных кадров, членов и сотрудников Академии. В течение нескольких послереволюционных лет в РАН избирали лиц, явно оппозиционных советскому режиму. Несомненно, это происходило при непосредственном участии неперменного секретаря РАН, готовившего заседания Общих собраний и выборы в Академию.

Первые после «Великого Октября» выборы в РАН устроили 2(15).12.1917⁴. Выбрали лиц либеральной репутации, и судьба почти всех их была впоследствии весьма трудной. Почетным членом стал знаменитый правовед Н. С. Таганцев (1843–1923)⁵. Летом 1921 его арестовали, позже выпустили, но сына его расстреляли, а из конфискованных вещей удалось вернуть только часть⁶. В члены-корреспонденты избрали группу ученых, большинство которых проживало вне Петрограда⁷. Вероятно, хотели получить единомышленников вне тогдашней столицы. Это были:

Московский историк, проф. А. А. Кизеветтер (1866–1933) — член ЦК конституционно-демократической партии. Позже — четырежды под арестом, в 1922, выслан за границу. Умер в Праге⁸.

Московский историк М. К. Любавский (1860–1936), впоследствии репрессированный⁹.

Николай Иванович Новосадский (1859–1941), филолог, палеограф, эпиграфик, находился под арестом в 1930-е¹⁰.

Григорий Филимонович Церетели (1870–1938), филолог-эллинист и палеограф. Открыто обвинял Л. П. Берия в совершении малолетних и после пыток был убит в тбилисской тюрьме¹¹.

Необычные выборы руководство РАН подготовило и в 1918 г. 27 мая писателя В. Г. Короленко (1853–1921) повторно выбрали в почетные академики по разряду изящной словесности Отделения русского языка и словесности¹². В апреле 1902 г. он отказался от этого звания из протеста против того, что царь не утвердил выборы в почетные академики А. М. Пешкова (Горького)¹³. Короленко был одним из крупнейших деятельных гуманистов России. Назову, к примеру, его успешное выступление в защиту невинно осужденного чеченца Юсупова, которого он в 1899 спас от смертной казни¹⁴. Он оправдал выбор академиком: в 1920 использовал свой авторитет знаменитого писателя для протеста против революционного террора. Сделал он это в письмах А. В. Луначарскому, но ответов не получил. Тексты его писем переправили в Париж, и издали в 1922 г. (Изд-во «Задруга»). Они произвели большое впечатление за рубежом. По словам Л. Б. Каменева, эту публикацию В. И. Ленин «читал с интересом»¹⁵.

В следующем году, 6.12.1919, в условиях антицерковной политики властей, в члены-корреспонденты избрали Александра Ивановича Бриллиантова (1867–1933)¹⁶, историка древней церкви, бывшего профессора Петроградской духовной академии, ведавшего библиотекой к тому времени уже закрытой ПДА. Он умер ссыльным в Тамбове¹⁷.

Тогда же избрали в члены-корреспонденты филолога-слависта Степана Михайловича Кульбакина (1873–1941)¹⁸. Было известно, что в 1918 г. он эмигрировал, и это звание, очевидно, помогло ему с трудоустройством в Югославии. Он стал преподавать в Белградском университете, в 1922 г. получил место профессора и умер 22 декабря 1941 г. в Белграде, оккупированном немцами.

2.04.1921 в академики по Отделению физико-математических наук избрали выдающегося математика, профессора Петроградского университета Якова Викторовича Успенского (1883–1947). В 1929 г. он отправился в научную командировку в США и в октябре письмом *просил считать его выбывшим из академиком и назначить выборы на освободившуюся должность*. Позже подтвердил просьбу *«считать выбывшим из состава Академии»*. ОС исключило его 29 ноября 1930 г., но 22 марта 1990

вопреки его ясно выраженной воле восстановило его в членах посмертно, как необоснованно (!) исключенного¹⁹.

7.12.1923 отечественным почетным членом избрали микробиолога С.Н. Виноградского, члена-корреспондента АН еще с 1894²⁰, эмигранта, жившего во Франции. Правда, политикой он там не занимался и оставался в списке почетных членов²¹.

Все академики-невозвращенцы — Н. И. Андрусов, П. И. Вальден, П. Г. Виноградов, М. И. Ростовцев, П. Б. Струве, В. А. Францев и вновь избранные будущие невозвращенцы были упомянуты в списке академиков, изданном тиражом в 2000 экземпляров к 200-летию Академии наук в 1925 г.²² Обложка и титульный лист его набраны были красноречивым образом:

СПИСОК
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ
АКАДЕМИИ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК
1725–1925

На обороте титульного листа значилось: «Напечатано по распоряжению Академии наук СССР. Сентябрь 1925. Непременный Секретарь, академик С. Ф. Ольденбург». Но заглавие издания было лукавством: список академиков предваряли еще пять списков: I. Президенты (а среди них бароны, графы и сам Константин Константинович, великий князь)²³. II. Директоры и вице-президенты (а среди них графы, князь, княгиня-статс-дама Е. Р. Дашкова и др.). III. Секретари, конференц-секретари и непременные секретари. IV. Академики-секретари Отделений. V. Председательствующие в Отделении русского языка и словесности. Не смогли включить в справочник списки дореволюционных почетных академиков по прекращенному Разряду изящной словесности и почетных членов: среди последних была большая группа лиц из царской фамилии, государственных, военных и церковных сановников и иностранных подданных. Не нашлось места и для членов-корреспондентов — отечественных и иностранных.

В 1919 в Германию эмигрировал академик с 1910 г., химик-технолог Павел (Пауль) Иванович Вальден (Walden/Valdens Paul). К 1927 он числился невозвращенцем, в Германии стал

профессором и, видимо, уже имел подданство Веймарской республики. В связи с этим, чтобы сохранить его в списке членов АН СССР, 3 декабря 1927 г. для него избрали более низкий академический ранг — он стал иностранным почетным членом²⁴.

К 1928 г. большевики уже не могли более терпеть вольности академиков на выборах. 6.06.1928 Е. Г. Ольденбург (урожд. Клеменц) упомянула в дневнике о назидании ее мужу начальника Отдела научных учреждений Правительства (СНК) СССР Е. П. Воронова. Академики, мол, покрывают невозвращенцев, врагов Страны Советов: «Несмотря на то, что введен новый устав²⁵, и несмотря на письмо Н. П. Горбунова (тогда Управляющего делами СНК СССР. — Ю. В.), Академия наук до сих пор не исключила из числа своих членов Струве, Ростовцева и др.»²⁶. 15.12.1928 академики вынужденно исключили группу «невозвращенцев».

Уже и не по Уставу исключили, кроме академиков, почетных членов и членов-корреспондентов. Среди них — академики историк М. И. Ростовцев (1870–1952), экономист П. Б. Струве (1870–1944), историк-славяновед В. А. Францев (1867–1942), почетный академик по разряду изящной словесности, писатель, поэт и переводчик И. А. Бунин (1870–1953), исключенный — явно по неосведомленности академиков — умерший почетный член, государственный и общественный деятель, граф П. Н. Игнатьев (1870–1926), члены-корреспонденты богослов-экзегет и историк Н. Н. Глубоковский (1863–1937), историк А. А. Кизеветтер (1886–1933), языковед С. М. Кульбакин (1873–1941), историк, историограф, археограф Е. Ф. Шмурло (1853/1854–1934)²⁷. Но и позднее С. Ф. Ольденбург выбирал удобное время для выборных «неожиданностей» властям. В 1928–1929 гг., советизируя Академию, в нее на выборах внедряли коммунистов и идеологически подходящих кандидатов, просеянных через разные комиссии. Попадание на штатные, оплачиваемые места членов АН оказалось почти полностью подконтрольным властям. Тем не менее в академики избрали М. К. Любавского и Г. А. Надсона, несмотря на «кампанию в печати и общественно-политических организациях» против них по указанию Криницкого, зав. отделом ЦК ВКП(б)²⁸. М. К. Любавский в 1930 арестовали, в 1931 исключили из Академии, он умер ссылкой в Уфе²⁹. Г. А. Надсона арестовали в октябре 1937, и он погиб в 1939³⁰.

В тот раз упустили большевики и возможность выборов на «внесметные» места — почетных членов Академии.

В результате, 31.01.1929 почетными членами стали Н. И. Кареев (1850–1931), историк и общественный деятель, которого критиковал В. И. Ленин; и В. Г. Шухов (1854–1939), инженер-изобретатель и конструктор, вскоре арестованный по делу «Промпартии» и купивший себе свободу только ценой отказа в пользу государства от доходов за патент на котлы³¹. А 13.02.1929 — Д. Ф. Егоров (1869–1931), математик³², глава московской математической школы и Московского математического общества. На выборах 1929 академики уже не могли провести его в действительные члены. Совершенно идеологически неподходящий властям, он был старостой московского прихода христовлавец (собирал средства в пользу арестованных единоверцев) и отважно критиковал большевиков. В 1930 протестовал против приветствия математиков в адрес XVI съезда ВКП(б). Публично назвал «подлинным вредительством» навязывание стандартного мировоззрения учёным и т. д. Его арестовали в декабре 1930 и выслали в Казань. Там он объявил голодовку и погиб³³.

Кроме скрытой оппозиции при решении кадровых вопросов в Академии, С. Ф. Ольденбург использовал и другие методы.

14.09.1918 непрременный секретарь РАН доложил Общему собранию академиков, что «летом он представил великой княгине Елисавете Маврикиевне от имени Академии экземпляр издания “Императорская Академия наук в 1889–1914 гг.”, предпринятого в ознаменование 25-летия Президентства великого князя Константина Константиновича»³⁴. Это была часть задуманного юбилейного издания в 4-х т. (1. Общий обзор деятельности. 2. Исторические очерки деятельности научных учреждений. 3. Материалы для биографического словаря академиков. 4. Материалы для биографического словаря почетных академиков (в том числе Л. Н. Толстого)). Из-за сложности издания, обстоятельств войны и революции Академия лишь в начале 1918 г. выпустила I часть II тома с историческими очерками научных учреждений (автор В. И. Вернадский) и обе части III тома с биографиями академиков³⁵. Остальные в свет так и не вышли. По видимому, Сергей Федорович вручил самое большое три части юбилейного издания.

Разумеется, это вовсе не была простая вежливость по отношению к вдове покойного августейшего президента, при котором за 26 лет Академия обзавелась разрядом изящной словесности и почетными академиками (к 100-летию А. С. Пушкина), многими научными учреждениями, экспедициями, журналами, сборниками и т. д.

Во-первых, между юбилеем и вручением выпущенных частей издания были события октября 1917 г. В России царил большевистский террор, в ходе которого в Петрограде (в январе 1918 г.) расстреляли демонстрацию рабочих в поддержку Учредительного собрания, арестовывали и казнили противников и критиков власти большевиков, конфисковывали движимую и недвижимую собственность, закрывали оппозиционные издания... Академии и академикам грозили аресты и уплотнения, голод в Петрограде уже косил ученых. У первого русского нобелевского лауреата, академика И. П. Павлова отняли при национализации банков Нобелевскую премию, конфисковали Нобелевскую медаль, золотые награды (правда, в конце августа 1920 г. 6 золотых медалей ему вернули по особому решению Малого Совнаркома)³⁶.

Во-вторых, представим отчетливее женщину, которой непреходящий секретарь в «советское» время сделал подарок от Академии. Елизавета Маврикиевна (домашнее имя «Мавра») родилась в 1865 г. как принцесса Августа Саксен-Альтенбургская, дочь герцога Саксонского. В России стала великой княгиней, выйдя в 1884 г. замуж за великого князя Константина Константиновича Романова. Вся жизнь супруга, в частности, в качестве президента Императорской Академии наук (ИАН), проходила у нее на глазах. И, конечно, Сергей Федорович, как непреходящий секретарь, т. е. главный помощник президента, бывал у них в Мраморном дворце на Миллионной улице и в Константиновском дворце в Стрельне. Он был хорошо знаком и с хозяевами, и с их детьми, в том числе с их четвертым сыном, князем Олегом Константиновичем. Лицеист, лейб-гусар, юноша, увлеченный русской историей, литературой, особую любовь питал к Александру Пушкину. Сам склонный к поэзии и писательству, он собирался издавать пушкинские рукописи и даже успел издать часть их, что хранили в собрании Александровского лицея. В 1914 г. он ушел на фронт, мужественно воевал и был смертельно ранен в бою. За час до его

кончины отец успел приехать в лазарет и прикрепил к его мундиру орден деда, адмирала, великого князя Константина Николаевича. Покойный князь Олег был награжден орденом св. Георгия 4-ой степени. Из его литературного наследия известны лишь посмертно вышедшие в октябрьском номере за 1914 г. журнала «Нива» несколько стихотворений и рассказ «Ковылин»³⁷.

Смерть любимого сына подкосила здоровье отца, Константин Константинович скончался 2 (15) июня 1915 г. в Павловске под Петроградом³⁸.

Оставшись без мужа, Елизавета Маврикиевна оказалась ответственной за жизнь семи детей. Но судьба трех из них была ужасна. Иоанна (р. 1886), Константина (р. 1890) и Игоря (р. 1894) вместе с несколькими другими Романовыми революционные рабочие — по приказу деятелей из ЧК и местного Совета — сбросили в глубокую шахту вблизи Алапаевска на Урале и добились гранатами, бревнами и горячей серой³⁹.

О расправах над семьей бывшего царя и царскими родственниками миру стало известно через колчаковскую прессу. Дошли слухи, очевидно, и до Петрограда. И то, что именно в это время С. Ф. Ольденбург вручил несчастной вдове и матери в подарок ранее изданную роскошную книгу об августейшем Президенте, было не только благодарностью ей, как его спутнице и помощнице по жизни. Это была также и душевная поддержка в тяжелое время. Несомненно, объявление о своем поступке осенью 1918 г. коллегам на заседании Конференции Российской АН в революционном Петрограде было политическим шагом Ольденбурга. Вскоре после встречи с Сергеем Федоровичем вдова Президента уехала из России, и остаток дней провела в эмиграции.

В-третьих, отмена титулов и званий дореволюционного времени была одним из первых шагов советской власти. К 11 ноября 1917 г. ВЦИК и СНК одобрили эту меру официально. В. И. Ульянов (Ленин) и Я. М. Свердлов подписали декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов. Ст. 2 его гласила: «Всякие звания <...>, титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики». Декрет вступил в силу со дня опубликования⁴⁰.

Стало быть, законопослушный гражданин Российской Советской Социалистической Республики должен был бы в сентябре 1918 г. говорить о подарке *гражданке Романовой Е. М.* Однако непрменный секретарь Российской Академии наук, академик Сергей Федорович подчеркнуто почтительно упоминал «великую княгиню *Елизавету Маврикиевну*». А в красном Петрограде 1918 г. это уже была хоть и небольшая, но политическая демонстрация. Пожалуй, более для приободрения и утешения коллег по Академии. Они уже страдали от нарушения всего быта в городе, от недоедания, но не представляли, какие им предстоит страшные холодные зимы и голодные годы в обстановке притеснений, утрашения и террора⁴¹.

Оказание почестей в 1918 покойному августейшему президенту ИАН также носило явно протестный, вызывающий характер.

К началу 1919 г. в Петрограде было известно об арестах великих князей. Академики были крайне обеспокоены судьбой их коллеги — почетного члена Императорской Академии наук с 5 (17) декабря 1898 г., историка, крупного общественного деятеля, покровителя наук, к тому времени уже «бывшего великого князя» Николая Михайловича. Он был председателем Русского исторического, Русского географического и Помологического обществ, организатором и почетным председателем Съезда представителей губернских архивных комиссий России в 1913 г. и т. д. «Гражданин» Николай Михайлович Романов примерно 30 июня 1918 был заключен в тюрьму «Кресты», где заведовал библиотекой. С 6 сентября в качестве заложника его доставили в Петропавловскую крепость, и там он ожидал решения своей судьбы вместе с другими великими князьями. С. Ф. Ольденбург участвовал в кампании в защиту Николая Михайловича. РАН обратилась к А. М. Пешкову-Горькому, в Совнарком РСФСР, но последний 16 января 1919 ходатайства академиков и писателя отверг⁴².

Через четыре дня, 20 января на заседании Отделения русского языка и словесности РАН академикам сообщили о решении приобрести живописный портрет покойного Президента Академии великого князя Константина Константиновича для помещения его в Малый Конференц-зал⁴³.

Но даже это слабое утешение было опасным вызовом. В трагические дни «красного террора» после убийства М. С. Урицко-

го, по постановлению ПетроЧК от 24 января 1919 г. в Петропавловской крепости казнили трех почетных членов Российской Академии наук — бывших великих князей, а к тому времени «граждан Романовых» — Георгия Михайловича, Николая Михайловича и Павла Александровича⁴⁴.

Неизвестно, выполнил ли Сергей Федорович в атмосфере «красного террора» решение о портрете покойного президента.

К 1919 году Российская Академия наук осталась без всех банковских капиталов, завещанных или переданных при жизни многочисленными дарителями для поддержания и поощрения денежными средствами научных исследований в России. Начало этому благородному движению положили средства, полученные Императорской Академией для Демидовских премий. Перед октябрём 1917 года Академия располагала для этих целей солидными суммами на банковских счетах, с нараставшими процентами. Более 40 таких фондов для премий и наград имела Императорская — Российская Академия наук. Все это конфисковали у академиков при национализации банков.

Но, вопреки очевидным обстоятельствам, в конце 1918 г., с пометой «Напечатано по распоряжению Российской Академии Наук, Непременный Секретарь академик С. Ольденбург», типография Российской Академии наук напечатала скромную брошюру. Была она карманного размера (14×9,5 см), без обложки, титульного листа и указания тиража. В виде уступки времени — по новой орфографии, но с прежним содержанием. Семь страничек текста имели вместо заголовка:

«1919 г.

От Российской Академии Наук.

Российская Академия Наук объявляет во всеобщее сведение, что:

I

В Академии назначены в течение 1919 года конкурсы по нижеисследующим премиям и наградам:

1) М. Н. Ахматова (XI) (то есть, в одиннадцатый раз. — Ю. В.) — за оригинальные сочинения по всем отраслям научных знаний и изящной литературы, писанные русскими подданными и

на русском языке. Срок представления трудов истекает 1-го января 1919 года; срок присуждения премий — 29 декабря 1919 года.

2) К. М. Бэра (XVIII-е продолженное): а) Почетная медаль за научную деятельность — за многолетние труды, существенно подвинувшие анатомию, гистологию, эмбриологию и физиологию человека, животных и растений, систематическую зоологию и ботанику, палеонтологию (с биологической точки зрения) и знакомство с фауной и флорой весьма обширных или еще неисследованных и трудно доступных частей России; б) денежные премии за сочинения, содержащие в себе изыскания по выше исчисленным наукам; в) юбилейная медаль за крупные пожертвования в Музей и Библиотеку Академии. Срок представления трудов — 1 мая 1919 года, срок присуждения наград — 29-го декабря 1919 года.

3) Г. П. Гельмерсена (VIII-е продолженное) — за самостоятельные изыскания по геологии, палеонтологии (с геологической точки зрения) и физической географии России и сопредельных стран Азии. Срок представления трудов — 1 марта 1919 года, срок присуждения наград — 29 декабря 1919 года.

4) Императора Александра II, учрежденных *Симбирским дворянством* (VIII) — за оригинальные, на русском языке, напечатанные в России сочинения исторические, политико-экономические и статистические, имеющие предметом какую-либо из главнейших реформ Императора Александра Николаевича, а именно: освобождение крестьян, преобразование суда, земские учреждения и воинскую повинность. Срок представления трудов истекает 1-го января 1919 года; срок присуждения премий — 29-го декабря 1919 года.

5) С. А. Иванова (VIII-е продолженное) — за печатные сочинения на русском языке по минералогии (геологии, палеонтологии и др.). Срок представления трудов — 1-го марта 1919 года, срок представления трудов — 1-го марта 1919 года, срок присуждения премии — 29 декабря 1919 года.

6) А. А. Котляревского (XI) — за: а) исследования по славянским древностям, рассматривающие быт славян в географическом или культурном отношении в самую раннюю эпоху их исторической жизни; б) исследования по истории славянских литератур или устной словесности, и в) исследования по сла-

вянским наречиям в грамматическом или лексическом отношении. Срок представления трудов истекает 1-го января 1919 года, срок присуждения премий — 19 октября 1919 года.

7) Ломоносовской (LIV) — за труды по русской и славянской филологии и по истории языка и литературы русского и других славянских народов (по Отделению Исторических наук и Филологии). Срок представления трудов — 1-го июня 1919 года; срок присуждения премии — 29 декабря 1919 года.

8) За жизнеописание графа Н. А. Пратасова, бывшего обер-прокурора Святейшего Синода. Срок представления сочинений истекает 1-го января 1919 года.

9) К. Т. Солдатенкова (V) — за труды по истории культуры исторических народов Востока, на выработанные Российской Академией темы: 1. *“Жизнь древних персидских мистиков”*.

Требуется возможно полное изображение житья-бытья персидских мистиков, примерно, до времени Джелаледдина Руми, на основании древнейших персидских источников. Философско-религиозная сторона их учения, конечно, при этом не должна быть совершенно оставлена в стороне, но, главное внимание должно быть сосредоточено на бытовых чертах.

2. *“Мифология древнего Египта”*. Для “туземных” (гиероглифических и гиератических) памятников можно ограничиться доптоломеевскою эпохою.

3. *“Полный критический обзор китайских источников по истории Тибета”*.

4. *“Полный критический обзор китайских источников по истории Китайского Туркестана”*. Срок представления трудов истекает 1-го января 1919 года; срок присуждения наград — 29 декабря 1919 года.

10) В. Е. Тимонова (III) — за труды по русской истории, греческой и римской словесности и древностям, статистике и политической экономии (по Отделению Исторических Наук и Филологии). Срок представления трудов — 1-го февраля 1919 года; срок присуждения премии — 29 декабря 1919 года.

11) Графа Д. А. Толстого (XXXVI) — за сочинения по русской истории, греческой и римской словесности и древностям, восточной словесности и древностям, статистике и политической экономии (по Отделению Исторических Наук и Филоло-

гии). Срок представления трудов истекает 1 января 1919 года; срок присуждения премий — 29 декабря 1919 года.

12) Ф. Ф. Шуберта (VII) за исполнение, по указанию Академии, ученых работ по теоретической астрономии. Выдается по определению Комиссии, в течение двухлетнего срока: с 12 февраля 1919 года по 12 февраля 1921 года.

13) С. Н. Шубинского (III) — за самостоятельные научные сочинения по русской истории преимущественно XVIII века. Срок представления трудов истекает 1 января 1919 года; срок присуждения премии — 29 декабря 1919 года.

II

В Академии предстоит в текущем 1919 году присуждение следующих премий, по которым представление работ на конкурсы состоялось в 1918 году:

1) Митрополита Макария (XVI) — за самостоятельные труды по предметам занятий Отделения русского языка и словесности. Срок представления трудов истек 19 сентября 1918 года; срок присуждения премий — 19 сентября 1919 года.

2) А. С. Пушкина (XXIII) — за ученые сочинения по истории народной словесности и народного языка, по истории русской литературы XVIII и XIX вв. и по иностранной литературе, насколько таковая имела влияние на отечественную в указанную эпоху, за произведения изящной словесности в прозе или стихах и за обстоятельные критические разборы выдающихся произведений русской изящной словесности. Срок представления трудов истек 29-го января 1918 года, срок присуждения премий — 19 октября 1919 года.

3) Графа Уварова (LXI) *поощрительная награда* за труды на задачу, объявленную Российской Академией Наук:

“Составить полный список рек бассейна реки Дон в роде уже изданного Комиссией по вопросу о географической номенклатуре “Списка рек Днепровского бассейна”.

Срок представления трудов истек 25-го сентября 1918 года; срок присуждения наград — 25-го сентября 1919 года.

III

В 1919 году истекают сроки представления трудов на конкурсы 1920 и следующих годов по нижеследующим премиям:

1) М. Н. Ахматова (XII) — за оригинальные сочинения по всем отраслям научных знаний и изящной литературы, писанные русскими подданными и на русском языке. Срок представления трудов истекает 1-го января 1920 года; срок присуждения премий — 29-го декабря 1920 года. Срок следующего конкурса — 1-го января 1921 года.

2) С. Н. Батюшковой (XVIII) — за историческое описание административной деятельности графа М. Н. Муравьева по званию генерал-губернатора Северо-Западного края. Срок представления трудов истекает 1-го октября 1919 года; срок присуждения премии — 29-го декабря 1920 года. Срок следующего конкурса 1-го октября 1920 года.

3) Астрономической премии жены академика Анны Бредихиной (IX) — за продолжение трудов академика Бредихина по строгому механическому исследованию развития кометных форм. Срок представления трудов истекает 10-го сентября 1919 года; срок присуждения премии — 29-го декабря 1920 года. Срок следующего конкурса 10-го сентября 1921 года.

4) А. М. Кожевникова (VI): а) *награды* за научные обработки грамматики и словари языков арийского, т. е. индоевропейского корня и их наречий, за исключением обоих древне-классических и новых литературных языков, но не наречий последних; б) *пособия* на подготовку к изданию и на издание достойных поощрения сочинений по индоевропейской филологии с теми же ограничениями, что выше, рекомендуемых действительными членами Академии. Срок представления трудов истекает 1-го января 1920 года, срок присуждения наград — 29-го декабря 1920 года, срок следующего конкурса — 1 января 1924 года.

5) Графа Д. А. Толстого (XXXVII) — за сочинения по чистой и прикладной математике, астрономии, физике, химии, технологии, геологии, минералогии, ботанике, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии (по Отделению Физико-Математических Наук).

Срок представления трудов истекает 1-го января 1920 года; срок присуждения премий — 29-го декабря 1920 года; срок следующего конкурса (по Отделению Русского языка и словесности) 1-го января 1921 года.

6) Графа Уварова (LXII) — награды за сочинения на русском языке, относящиеся к политической истории России и других славянских стран, а также к истории церкви, законодательства, древностей, языка, словесности и художеств в этих странах. Срок представления трудов истекает 25-го сентября 1919 года; срок присуждения наград — 25 сентября 1920 года; срок следующего конкурса — 25 сентября 1920 года.

7) А. В. Цее-Милоновой (II) — за лучшие сочинения для русского народа по русской словесности (по Отделению Русского языка и Словесности). Срок представления трудов истекает 1-го января 1920 года; срок присуждения премий — 29 декабря 1920 года. Срок следующего конкурса (по Отделению Физико-Математических наук) — 1-го января 1922 года.

8) П. Н. Юшенова (V) — за сочинения и работы, заключающие в себе наиболее выдающиеся открытия по какой-либо части математики, аналитической и небесной механики и физики. Срок представления трудов истекает 5-го апреля 1919 года, срок присуждения премии — 5-го апреля 1920 года; срок следующего конкурса — 5 апреля 1924 года.

IV

1-го января 1925 года истекает срок представления сочинений на премию графа А. А. Аракчеева за историю царствования Императора Александра I. Срок присуждения премии 12 декабря 1925 года.

V

1 января 1938 года истекает срок представления сочинений на соискание премии имени графа Н. А. Пратасова-Бахметева за жизнеописание Императора Александра III и Августейшей сотрудницы его по царствованию, Императрицы Марии Феодоровны. Срок присуждения премии 29 декабря 1938 года.

Примечание. Подробные правила о каждой премии можно получить в Канцелярии Конференции Российской Академии Наук ежедневно в присутственные дни, с 9 утра до 1 ч. пополудни⁴⁵.

В условиях советской цензуры издание такой брошюры, да еще карманного формата, могло быть приравнено к антисоветскому выпадку. Составитель и издатель ее — непременный секретарь РАН — делал вид, что для него действует прежний,

дореволюционный правопорядок: Академия не зависит от новых властей, нет конфискации банковских счетов, не существует декрет об отмене сословий, и вплоть до 1938 года будущее предполагает исследования по заказу сторонников монархии и поощрение их сочинений. Брошюра отражала надежды не одного неумолимого секретаря, но, вероятно, почти всех его коллег-академиков на недолговечность советской власти.

Но брошюра могла напомнить и большевикам о традициях частных инициатив поощрения отечественной науки. Ее также можно рассматривать как завещание С. Ф. Ольденбурга будущим поколениям свободных академиков: восстановить дореволюционные — в том числе материальные — права Академии и традицию академических конкурсов из частных денежных фондов, действовавших на 1917 г. Наверное, настала пора требовать — через Государственную Думу или федеральный Верховный Суд России — возврата Российской Академии наук, правопреемнице Императорской — Российской — Всесоюзной Академии наук, незаконно конфискованных в 1918 г. банковских счетов Академии со средствами частных фондов поощрения российских наук. Со всеми наросшими процентами, в пересчете с твердой валюты того времени.

Советизация Академии наук СССР в 1928–1929 гг. положила конец последним остаткам академических вольностей, а 30 октября 1929 г. и неумолимому секретарству С.Ф. Ольденбурга. Репрессии против членов и сотрудников любимой им Академии, как и собственное увольнение, стали для него сильнейшим переживанием. Его хватило лишь на пять лет жизни в близко подступившей к нему обстановке арестов, «Академического дела», политических процессов и приговоров. Прожил он 70 лет, 6 месяцев и один день и был похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища. Стела на его могиле была установлена только в 1985 г.

Недавно портреты почти всех умерших в эмиграции, казненных и других репрессированных членов Академии наук стали доступны в иконотеке свыше 4500 портретов виртуального справочника на компакт-диске, выпущенном к 275-летию Российской Академии наук. Правда, в нем много ошибок, нужны поправки и дополнения, в том числе некоторые данные об эмигрировавших ученых и их портреты⁴⁶.

А некогда на Общие собрания академиков и заседания Отделений в Малом Конференц-зале Императорской — Российской Академии наук в Санкт-Петербурге — Петрограде «безошибочно» смотрели с портретов десятки ушедших из жизни их коллег. Об этом заботились с 1795 г. президенты, непреременные секретари и сами академики⁴⁷.

Наверное, также настала пора вернуть из музейных запасников то, что там сохранили из этого замечательного собрания. И чтобы в Малом конференц-зале нынешнего Санкт-Петербургского научного центра РАН вместе с их коллегами собрались на портретах августейший президент Академии, великий князь Константин Константинович и непреременный секретарь, академик С. Ф. Ольденбург. Эти люди вели себя достойно даже в трагических обстоятельствах.

---

¹ Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 357–549; 577–664.

² *Каганович Б. С.* 1) Российская Академия наук в 1920 – начале 1930-х (по материалам архива С. Ф. Ольденбурга) // За железным занавесом: мифы и реалии советской науки / Под ред. М. Хайнемана и Э. И. Колчинского. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 57–58 (56–71); 2) Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.

³ *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. Изд. 3-е, доп. М.; Л.: Наука, 1964. С. 70–86; *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР: Краткий исторический очерк (в двух томах). Т. 2. 1917–1976. С. 7–22 и др.; *Кольцов А. В.* Роль Петрограда-Ленинграда в создании государственной системы организации науки (1917–1925) // Очерки истории организации науки в Ленинграде. 1703–1977. СПб.: Наука, 1980. С. 115–137; Молчать долее нельзя...» (из эпистолярного наследия акад. С. Ф. Ольденбурга) / Публ., предисл. и примеч. М. Ю. Сорокиной // ВИЕТ. 1995. № 3. С. 109–119; и др.

⁴ Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 1. 1724–1917. Действительные члены. Члены-корреспонденты. Почетные члены. Иностранцы члены / Сост. О. В. Батурина, В. И. Васильев, Б. В. Левшин и др. М.: Наука, 1999. С. 274. Кн. 2. 1917–1999.

⁵ Там же. С. 360.

⁶ *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... Список репрессированных членов Академии наук // In memoriam:

- Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка / Сост. А. И. Добкин, М. Ю. Сорокина. М.: Феникс; СПб.: Atheneum, 1995. С. 201.
- ⁷ Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 2. С. 206–207.
- ⁸ *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С. 167–168.
- ⁹ Там же. С. 186.
- ¹⁰ Там же. С. 189.
- ¹¹ Там же. С. 208.
- ¹² Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 2.
- ¹³ *Князев Г. А.* Максим Горький и царское правительство: К 30-летию избрания М. Горького в почетные академики. По неопубликованным документам // Вестн. АН СССР. 1932. № 2. Стлб. 23–44.
- ¹⁴ *Короленко В. Г.* Собр. соч. в 10 т. М., 1955. Т. 9. С. 528–534.
- ¹⁵ *Короленко В. Г.* Письма к Луначарскому // Есть у Отечества пророки. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 27–77.
- ¹⁶ Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 2. С. 138.
- ¹⁷ *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С. 150–151.
- ¹⁸ *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. С. 39.
- ¹⁹ Российская Академия наук. 1724–1999 годы. [Справочник. Компакт-диск]. М.: Ин-т проблем передачи информации РАН, 1999.
- ²⁰ Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 2. С. 20.
- ²¹ Хотя из Академии С. Н. Виноградского не исключали, при жизни его никогда не упоминали в справочниках АН СССР. Видимо, как жившего за границей, его предпочитали замалчивать. Если о нем не было секретной статьи в Постановлении Совнаркома СССР от 29 марта 1945, он, как здравствовавший на этот день почетный член АН СССР, должен числиться с 29 марта 1945 по 24 февраля 1953 почетным академиком АН СССР. К сожалению, в своей статье (*Виноградов Ю. А.* Почетные академики и «корифеи науки» // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 179) я С. Н. Виноградского не учёл.
- ²² Список действительных членов Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1725–1925. Л.: АН СССР, 1925. 36 с.
- ²³ Там же. С. 1–2.
- ²⁴ Российская Академия наук. 1724–1999 годы. [Справочник].
- ²⁵ Воронов имел в виду «Устав АН СССР» от 18 июня 1927 и его п. 22: «Действительный член Академии наук лишается своего звания, если он не выполняет обязанностей, налагаемых на него этим званием, или если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР»
- ²⁶ *Каганович Б. С.* Российская Академия наук в 1920 — начале 1930-х. С. 62.

- ²⁷ 22 марта 1990 АН СССР формально посмертно восстановила часть невозвращенцев «в списочном составе». Однако П. Н. Игнатьев и П. Б. Струве остались не восстановленными в академических званиях и членство их в справочниках ограничено датой исключения (см.: Российская Академия наук. 1724–1999 годы. [Справочник]). В Постановлении Общего собрания от 22 марта 1990 о восстановлении, как и в последних справочниках о персональном составе РАН, допущены исторические ошибки. Так, И. А. Бунин ошибочно упомянут как восстановленный «в списочном составе почётных членов». Он был не «почётным членом» Академии наук, а «почётным академиком по разряду изящной словесности ОРЯС ИАН-РАН», это звание более значительное, чем звание почётного члена. Стоит напомнить, что в Памятных книжках Императорской АН были разделы: 1. Ординарные члены. 2. Почетные академики по РИС ОРЯС. 3. Почетные члены (начиная с государя императора). 4. Члены-корреспонденты (см.: Памятная книжка Императорской Академии наук на 1914 год. Выпущена 20 марта 1914 года. СПб.: Тип. ИАН, 1914. С. 25–77). В 1959 г. для исключения В. М. Молотова из АН СССР из устава АН изъяли звание «почетного академика АН СССР» (см.: *Виноградов Ю. А.* Почетные академики и «корифеи науки»). С той поры всех почетных академиков (по РИС ОРЯС и АН СССР), очевидно, для унижения их исторического значения, отнесли к почетным членам, а категорию «члены-корреспонденты» стали считать даже в историческом прошлом более важной, чем звания почетных академиков и почетных членов.
- ²⁸ Список действительных членов Академии наук Союза Советских Социалистических Республик. 1725–1925.
- ²⁹ *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С. 186.
- ³⁰ Там же. С. 188.
- ³¹ Там же. С. 210.
- ³² Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 2. С. 149.
- ³³ *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С. 163; *Романовский С. И.* Наука под гнетом российской истории. СПб.: СПб. университет, 1999. С. 157, 308; *Юшкевич А. П.* «Дело» академика Н. Н. Лузина // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 378–379.
- ³⁴ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а–1918. Д. 165. Л. 84–85.
- ³⁵ Материалы для истории Императорской Академии наук в 1889–1914 гг.: [II] Материалы для истории Академических учреждений... Ч. 1. Пг.: Тип. РАН, 1917 [1918]. [III] Материалы для биографического словаря действительных членов Императорской Академии Наук. Ч. 1 А–Л. Ч. 2 М–Я. Пг., 1915 [1918].

- ³⁶ *Самойлов В. О., Мозжухин А. С.* Павлов в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л.: Лениздат, 1989. С. 257, 261.
- ³⁷ *Гребельский П., Мирвис А.* Дом Романовых: Биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках. Изд. 2-е, доп. и переработ. СПб: ЛИО Редактор, 1992. С. 140–141, 162.
- ³⁸ Российская Академия наук: Персональный состав. Кн. 2. С. 162.
- ³⁹ *Гребельский П., Мирвис А.* Дом Романовых: Биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках. С. 162.
- ⁴⁰ *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи Л.: Наука, 1991. С. 217–218.
- ⁴¹ *Романовский С. И.* Наука под гнетом российской истории. С. 145.
- ⁴² *Перченко Ф. Ф.* К истории Академии наук: Снова имена и судьбы... С. 189.
- ⁴³ Протокол заседания Отделения языка и словесности РАН 20 января 1919. ПФА РАН. Ф. Оп. Д.
- ⁴⁴ *Гребельский П., Мирвис А.* Дом Романовых: Биографические сведения о членах царствовавшего дома, их предках и родственниках. С. 141.
- ⁴⁵ 1919 г. От Российской Академии наук. [Пг.]: Тип. РАН, [1918]. 7 с.
- ⁴⁶ Российская Академия наук. 1724–1999 годы. [Справочник].
- ⁴⁷ Протоколы Императорской Академии наук. Т. IV. Пг.: Тип. ИАН, 191 С. 460–461.

В. Г. Владимиров

Эльбрусские экспедиции академика АМН СССР Г. Е. Владимирова

В конце 2001 г. научная общественность биолого-почвенного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и биохимии нашего города торжественно отметили 100-летие со дня рождения выдающегося отечественного биохимика действительного члена АМН СССР профессора Г. Е. Владимирова. На протяжении 20 лет он возглавлял кафедру биохимии животных, а в последние годы, кроме того, там же руководил лабораторией химии белка, созданной по его представлению и проекту. Г. Е. Владимиров широко известен не только в нашей стране, но и за рубежом своими фундаментальными исследованиями в области биоэнергетики, нейрохимии, дыхательной функции крови, а также пионерскими разработками по изучению процессов обмена веществ с применением меченых атомов.

Однако сфера научных интересов Георгия Ефимовича не ограничивалась только этими теоретическими проблемами, но включала и ряд прикладных вопросов, поставленных жизнью и научно-техническим прогрессом того времени перед специалистами различных отраслей знаний медицины и биологии (физиологами, биохимиками, специалистами по питанию).

В начале 30-х годов в связи с бурным развитием авиации в нашей стране перед отечественными учеными ставятся задачи

по изучению физиологических возможностей пребывания и труда человека в условиях разреженной атмосферы. Для решения этих задач Академия наук СССР организует комплексные экспедиции в высокогорья Кавказа и, прежде всего, в предгорье Эльбруса.

Руководителем большой группы физиологов и биохимиков назначается Г. Е. Владимиров, которому в те годы исполнилось всего 32 года. Эльбрусская эпопея 1934–1940 гг. — одна из славных страниц не только научной биографии Г. Е. Владимирова, но и отечественной науки в целом. Организация и проведение экспедиционных работ на Эльбрусе требовали большого внимания и затрат физических сил, а также нервного напряжения, связанного с сознанием личной ответственности за научный результат экспедиции и здоровье членов ее коллектива, а иногда и их жизнь. В одном из писем тех лет Георгий Ефимович писал: «Поездки эти доставляют много волнений, хлопот и огорчений (каждый год зарекаюсь!), но жажда получить новые данные обычно превозмогает...»

Нужно быть подлинным энтузиастом науки для того, чтобы в течение семи лет подряд вместо положенного отпуска нести подобного рода нагрузку! Нередко члены экспедиции работали в экстремальных условиях.

Георгий Ефимович в газете «Вечерняя Москва» (№ 291 (3921) от 20 декабря 1936 г.) описывает один из эпизодов этих работ, выполненных совместно с проф. И. М. Дедюлиным во время командировки на Кавказ: речь идет о восхождении и ночевке на восточной вершине Эльбруса (высота 5621 м) и проведении там комплекса биохимических экспериментов группой в составе проф. Г. Е. Владимирова, д-ра И. М. Дедюлина и слушателя Военно-медицинской академии лейтенанта Юловского. Авторы пишут: «Трое суток сильный снежный буран держал нас осажденными в хижине на седловине Эльбруса на высоте 5.315 метров. По несколько раз в день лопата и ледоруб помогали нам “прорубаться” сквозь сугробы снега, заносившего хижину до крыши.

Предельный срок для работы и пребывания группы на большой высоте истекал. Наконец, на 4-й день погода нам улыбнулась, и было решено подниматься на Восточную вершину

Эльбруса. Быстро собралась и отправились... в поход. Нас провожали д-р Я. Эпштейн и два колхозника-балкарца, несшие груз. Мы взяли с собой подопытную собаку — Аполлона. Надолго ли стихла вьюга? Удастся ли подняться на вершину и провести там сутки? Удастся ли провести все намеченные опыты? Невольно вспоминается, — пишет Г. Е., — участь альпиниста Зельгейма — до нас единственного человека ночевавшего на вершине Эльбруса и замерзшего при повторении подобной попытки».

«Идти тяжело. Идем медленно, останавливаясь через каждые 10–20 шагов, чтобы отдышаться. Не нравится высота и взятой нами подопытной собаке — Аполлону, он жалобно повизгивает, жметя к нашим ногам.

Ветер стих. Туман развеялся. Любуемся красивейшей панорамой главного Кавказского хребта, расстилающейся перед нами. Вот гигантский Коштантау, красавица Ужба, десятки других вершин. В 18 часов 17 мин. достигли вершины. В 20–30 метрах от самой высокой точки, на склоне к кратеру разбиваем площадку, устанавливаем палатку, укрепляем ее тяжелыми камнями. Начало самому высокому лагерю эльбрусской экспедиции — «Восточная вершина» положено!...

Подготовив площадку для второй палатки, отправляемся осматривать ... вершину. Она представляет собой покатую площадку с поперечником около полукилометра. С запада и с севера площадка окружена гребнем. На востоке гребень переходит в скалы, круто обрывающиеся вниз — это края разрушенного кратера. Между кратером и гребнем — спуск на конус Эльбруса. На северо-западном склоне заметен ряд поперечных трещин. В одну из них в прошлом году мы оба (т. е. Г. Е. и И. Д.) провалились, причем И. М. Дедюлин едва не погиб.

Поднялись на скалы кратера, дошли до южного обрыва и возвращаемся в лагерь.

Делимся впечатлениями. Какое прекрасное место для горной, самой высокой в мире станции! Ведь здесь, на вершине может уместиться целый научный городок! Здесь могли бы быть созданы исключительные условия для работы и физиологов, и физиков, и метеорологов, и, быть может, астрономов. Вопрос только в транспорте. Через несколько лет, надо полагать, этот вопрос будет технически разрешен...» Подобного рода прогноз

полностью сбылся лишь в настоящее время, когда вершины и склоны Эльбруса превратились в международный альпинистский и горнолыжный лагерь.

Далее авторы пишут: «Шесть часов вечера. Ветер стал резким и холодным. Мерзнут руки и ноги, мучает жажда, чувствуем себя усталыми и несколько подавленными. Есть не хочется. Для утоления жажды вскрываем упаковку фруктовых консервов и сосем обледеневшие комочки снега. Чтобы согреться, снимаем горные ботинки и залезаем в пуховые спальные мешки.

Но вот пришли носильщик-балкарец Али Ногайлиев и физиолог А. Жуков. Они доставили на вершину на своих плечах оставшуюся аппаратуру, после чего отправляются вниз. Остаемся втроем. Быстро ставим вторую палатку, изможденные от усталости, мечтаем об одном — залезть скорее в спальный мешок. Решаем лечь всем в одну палатку, оставив вторую под “лабораторию”. Аполлона устраиваем в ногах <...>.

В маленькой палатке тесно. Вскоре верхнее полотнище изнутри обледеневает. Дышать становится всё труднее и труднее. Сильно болит голова, недостаток воздуха становится невыносимым. Каждый из нас разрешает задачу улучшения вентиляции по-своему. Г. Е. Владимирову после громадных усилий удается повернуться головой к входу палатки и расстегнуть несколько петель. И. М. Дедюлин прорвал угол палатки и через образовавшееся отверстие втягивает холодный воздух. Дремлющий Д. М. Юловский дышит со стонами. Становится немного легче, дремлем <...>. Ветер усиливается, рвет полотнища палатки. Ночь тянется томительно долго. На заре забываемся тревожным непродолжительным сном.

В 6 часов утра следующего дня мы снова на ногах. Панорамы, которую мы наблюдали накануне, уже не видно. Все закрыто облаками. Мы находимся над ними, и лагерь залит солнечным светом. Чувствуем себя бодро. В “лаборатории” удается разжечь примус. Выпили по кружке чая с шоколадом и печеньем и принялись за дело — распаковали и установили аппаратуру, наладили радию. Через несколько минут Юловский уже вызывал Терскол. Там, внизу, к аппарату подошел начальник экспедиции Академии наук проф. Яковлев. Он поздравляет нас с благополучной ночевкой, расспрашивает о ходе работ <...>.

Первые попытки забрать кровь проходят неудачно. Закоченными пальцами, в положении полулежа нелегко взять кровь из вены. Снова кипятим иглы, моем руки спиртом. Подопытный одновременно и ассистент. Кодем, на этот раз удачно. Потом, чтобы согреться, прыгаем с навьюченными рюкзаками почти до помутнения сознания и снова берем кровь — опять удачно. Через каждый час связываемся по радио с базой Академии наук в Терсколе. В 12 часов 55 минут, оставив на вершине записку о ночевке, отправляемся вниз. Носильщики, успевшие к этому времени подняться к нам на вершину, и мы нагружены до отказа. Только один из нас идет налегке: он несет самый драгоценный груз — взятые на вершине пробы крови.

Работники метеорологической станции “Приют девяти” встречают нас радостно, угощают хорошим обедом. Надвигаются сумерки и гроза. Но пробы крови во что бы то ни стало нужно доставить сегодня же на Кругозор. Продолжаем спуск. В пути нас застигает гроза.

Наконец — Кругозор! Мы на 2 с лишним километра ниже места нашей последней ночевки...».

Научные исследования Г. Е. Владимирова охватывали обширный круг вопросов по физиологии высокогорья и осветили многие стороны влияния кислородной недостаточности на организм человека. На различных высотах были изучены кислотно-щелочное равновесие, дыхательная функция крови, артерио-венозная разница в содержании газов и минутный объем сердца, ряд показателей углеводного, жирового и белкового обмена. Эти исследования проводились на вполне современном методическом уровне с применением газометрической, оптической и электрометрической аппаратуры. Следует подчеркнуть, что полученные результаты не потеряли своей научной значимости до настоящего времени, а многие выводы вошли в современные учебники по авиационной и космической медицине. Было установлено, что на высотах практически весь обмен веществ претерпевает значительные изменения. При этом одним из важных показателей является уровень молочной кислоты в крови, по изменению которого можно судить о состоянии углеводного обмена в целом. На высотах свыше 4000 метров уровень молочной кислоты существенно повышается. При этом оказалось,

что в этих условиях работа, даже очень напряженная, близкая к предельно возможной, не вызывает дополнительного прироста ацидемии.

Этот парадоксальный факт заставил Г. Е. Владимирова отказаться от представлений известного физиолога Баркрофта о чисто физико-химическом механизме регуляции уровня молочной кислоты в организме и побудил его дать трактовку процесса регуляции как сложного физиологического явления.

Далее было показано, что CO_2 -емкость крови и содержание углекислоты в венозной крови заметно снижаются уже начиная с высоты 3000 м. Этот сдвиг в газовом составе крови является одним из первых проявлений влияния значительной высоты на химию крови. Низкая CO_2 -емкость крови на высотах, увеличивая артерио-венозную разницу рН плазмы крови, является благоприятным акклиматизационным сдвигом. С этой же точки зрения должно быть расценено и резкое снижение содержания бикарбонатов в плазме крови на больших высотах.

Исходя из этой оценки, Г. Е. Владимировым была рассмотрена возможность использования пребывания в высокогорье для целей высотной тренировки летчиков. Оказалось, что достаточно длительное пребывание человека в этих условиях повышает его способность переносить высокие разрежения атмосферы, что является результатом общей тренировки организма, и это состояние сохраняется практически на протяжении года.

Однако в отдельных случаях наблюдаемое временное состояние относительного благополучия при многочасовом недостатке кислорода может быть кажущимся, поскольку после прекращения аноксемии наступает своеобразное тяжелое постаноксемическое состояние организма. Было также установлено, что при подъеме на высоты минутный объем выбрасываемой сердцем крови в общий просвет сосудистого русла увеличивается, а артерио-венозная разница в содержании кислорода уменьшается. Реактивность сердца в результате влияния аноксемии существенно изменяется. В частности, на приемы кофеина сердце в горах реагирует значительно сильнее, чем на равнине.

Полученные результаты позволили разработать систему тренировок летчиков, основы которой не потеряли свою актуальность и по сей день.

Одним из крупных вопросов, занимавших Г. Е. Владимиров на Эльбрусе, была разработка рационального режима питания для людей, находящихся на больших высотах. Чтобы дать научно обоснованный ответ на этот вопрос, необходимо было детально выяснить особенности каждого из основных видов обмена веществ.

Оказалось, что обмен углеводов на высотах практически не изменяется, а углеводные энергетические ресурсы используются организмом в первую очередь. Что же касается жирового обмена, то в условиях высокогорья он подвергается существенным нарушениям: интенсивность окисления жирных кислот снижается, а в крови появляется ацетон и увеличивается содержание оксимасляной кислоты. Было выяснено, что причиной этих изменений является именно кислородное голодание организма, а не особенности питания или работы в горных условиях. Полученные данные, по мнению Г. Е. Владимирова, свидетельствуют о некотором расстройстве функции печени на высотах, следствием чего и является, в частности, кетонурия. Специфически-динамическое действие белков на высотах несколько понижено.

В целом все эти исследования позволили сделать общий вывод, что для покрытия энергетических трат и повышенной теплопродукции на высотах целесообразно усилить углеводную составляющую пищевого рациона. Количество же жиров, наоборот, следует уменьшить, белки также применять в относительно небольших количествах. В соответствии с этими принципами Г. Е. Владимировым был предложен в качестве оптимального для большинства людей, находящихся на высотах, вариант рациона с общей калорийностью 3000–3400 ккал, с долей белков примерно 120 г, жиров 80 г и углеводов — около 600 г. Много внимания было уделено в ходе научных исследований оценке различных методов борьбы с высотной болезнью путем высотной тренировки, кислородотерапии, приема некоторых лекарственных средств, рационального питания, дозированной физической нагрузки.

Семилетняя эльбрусская эпопея дала обильный материал для характеристики Г. Е. Владимирова как руководителя, ученого и человека.

Относясь к себе по-спартански в преодолении трудностей, Георгий Ефимович склонен был требовать того же и от своих со-

трудников. Однако справедливости ради следует подчеркнуть, что все самое тяжелое, требующее наибольшего физического напряжения, а подчас и немалого мужества, он неизменно брал лично на себя.

Беспрецедентное в истории науки суточное пребывание Г. Е. Владимирова и его спутников на восточной вершине Эльбруса произвело сильное впечатление на научную общественность того времени и было специально отмечено АН СССР. На своем заседании 15 октября 1936 года президиум Академии под председательством академика С. И. Вавилова в постановлении по докладу об итогах эльбрусской экспедиции отметил, что «ночевка и суточное пребывание на восточной вершине Эльбруса для выполнения исследовательских работ профессоров Г. Е. Владимирова и И. М. Дедюлина, а также лейтенанта Д. М. Юловского, являются примером образцового и самоотверженного выполнения научного задания и первым опытом длительного пребывания человека на больших высотах, и выражает благодарность сотрудникам, принимавшим участие в экспедиции, и лично проф. Г. Е. Владимирову, лейтенанту Д. М. Юловскому и проф. И. М. Дедюлину». За исследования на высокогорье Г. Е. Владимиров было удостоен медали имени академика И. П. Павлова, и ему была присуждена степень доктора наук (без защиты диссертации). Первые месяцы 1941 г. участники эльбрусских экспедиций провели в хлопотах по подготовке к очередной поездке на Кавказ, однако начавшаяся Великая Отечественная война прервала комплекс работ на высокогорье. Несмотря на это, полученные результаты удалось обобщить и опубликовать в виде отдельных статей в журналах и выпустить специальный том трудов ВМА, посвященный проблемам кислородного голодания организма человека.

С тех пор прошло более полувека. Однако ушедшее время не только не предало забвению этот научный подвиг, но, наоборот, еще более ярко высветило значимость выполненных исследований. Ряд научных положений по кислородному голоданию, обоснованных трудами эльбрусских экспедиций, стал классическим и успешно служит современной науке.

М. Б. Конашев

Ровесник генетики, ровесник века: Ф. Г. Добржанский (1900–1975)*

Судьба, судьбе, судьбы,
судьбою, о судьбе.

Б. Окуджава¹

В конце прошлого и в начале нынешнего тысячелетия много говорилось и писалось о самых разных вещах, приуроченных тем или иным образом, бессознательно или намеренно, к смене всего лишь одной цифры: 0 на 1 в календаре. Эта смена произошла, и на счетчике времени сначала появился 2001 год, затем 2002, и XX век перешел в категорию века прошлого. И в этом, теперь уже прошлом веке, осталось много такого, о чем одни постарались как можно быстрее забыть, а другие сделали все, чтобы забылось или, как минимум, предстало в ином свете то,

---

* Данная статья представляет собой дополненный и переработанный вариант ряда предыдущих работ автора, посвященных Ф. Г. Добржанскому, в частности: *Конашев М. Б.* По ту и по эту сторону океана (Феодосий Григорьевич Добржанский: 1900–1975) // *Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский.* СПб., 1996. Вып. 1. С. 45–58; *Конашев М. Б.* Ученый в разделенном мире: Ф. Г. Добржанский и становление биологии в начале века // *Науковедение.* 2000. № 3. С. 209–224.

что еще вчера восхвалялось и возвеличивалось, чем гордились, а уж по праву или нет — другой вопрос. По так называемой иронии истории, именно те, кто когда-то стыдил постылое настоящее с помощью романа «1984» Дж. Оруэлла, в том числе упоминанием переписывания истории в этой антиутопии, во всяком случае, некоторые из них, сами занялись, прямо или косвенно, постыдным и осуждавшимся когда-то переписыванием и переделыванием прошлого. Оно и понятно: битва за будущее как продолжалась, так и продолжается. И вряд ли она когда-нибудь закончится, а значит, и история, в том числе история науки на ближайшее обозримое мысленным взором завтра останется областью достаточно актуальных и политизированных исследований.

Вот почему, по «иронии истории», некоторые запрещенные и забытые имена и события, побыв недолгое время в лучах всеобщего активного интереса и чуть ли не благоговейного почтения, вдруг оказываются вновь в списках нежелательных для упоминания. Им вновь, но уже на другой манер, приписывают слова и деяния, изобретенные, «синтезированные» в «колбах» и «ретортах» современных идеологических алхимиков.

Вероятно, были, есть и будут несомненно выдающиеся люди в самых разных областях человеческой активности, в том числе и в науке, которые по своим политическим, социальным и иным, причастным к идеологии, взглядам, поступкам и достижениям (или провалам) настолько индифферентны, что сгодятся любому идеологическому вкусу и пристрастию, любому режиму. И таковых немало. Но, случается, и они попадают все в те же списки, просто потому, что в свое время случайно учились в одном классе с тем, с кем бы им лучше было не учиться, или работали в институте, который возглавлял, как оказывается, «враг народа», «левый радикал», «националист» и прочее — в зависимости от того, какая нынче политическая погода на дворе. Так что, перефразируя поэта, можно сказать, что «соломки же мягкой всегда не хватает на всех». К тому же, излагая историю того или иного, казалось бы, самого политически невинного со всех точек зрения ученого, все равно приходится касаться и тех обстоятельств, в которых он жил и творил. А тут уже часто не затронуть чьи-то пристрастия и вкусы бывает просто невозможно. Тем более, если речь идет о минувшем XX веке, который уже

снабдили в избытке эпитетами и судьбоносными определениями. Опять же на любой вкус. Некоторые из них имеют смысл, так сказать, практический, поскольку напрямую связаны с определением судьбы того человека, о котором пойдет речь ниже — Феодосия Григорьевича Добржанского (1900–1975), одного из наиболее выдающихся генетиков-эволюционистов XX в., значение вклада которого в популяционную генетику и современную эволюционную теорию, а также влияние на современные исследования актуальных эволюционно-генетических проблем не раз подчеркивалось зарубежными и отечественными биологами и историками науки².

Добржанский и эволюционная биология и философия XX века

Чем же и как вошел Ф. Г. Добржанский в историю? Прежде всего, Ф. Г. Добржанский — один из основных создателей современной теории эволюции (СТЭ). Его знаменитая монография «Генетика и происхождение видов», которая была опубликована в 1937 г.³ и написана на основе лекций, прочитанных Добржанским осенью 1936 г. в Колумбийском университете⁴, открыла ряд фундаментальных работ, каждая из которых дополняла остальные, а все вместе взятые они составили основу современных эволюционных представлений⁵. При этом книга Ф. Г. Добржанского послужила своеобразным катализатором образования этой основы, ядра СТЭ, и помогла тем ученым, эволюционные идеи которых еще только формировались и чьи последующие работы логически основывались на эволюционной концепции Ф. Г. Добржанского. Сама же его книга, которая, по выражению Ф. Айялы, может рассматриваться как двойник труда Ч. Дарвина «Происхождение видов» в двадцатом столетии⁶, фактически послужила целой программой изучения эволюционного процесса на два последующих десятилетия и для самого Добржанского, и для других эволюционных биологов. Главной задачей, стоявшей перед Ф. Г. Добржанским, было изучение изменений в генетической структуре популяций под воздействием целого ряда эволюционных факторов. Третье издание этой книги также определило «исследовательскую программу

для большинства эволюционных биологов повсюду в 1960-х и 1970-х годах»⁷. Изменения, которые внес автор в текст при подготовке последнего, четвертого, издания, были настолько значительны, что пришлось изменить название книги — она стала «Генетикой эволюционного процесса»⁸. Последний труд, написанный Ф. Г. Добржанским в соавторстве, вышедший уже после его смерти в 1977 г., получил предельно лаконичное наименование — «Эволюция»⁹, и являлся, наверное, лучшим изложением современной теории биологической эволюции на тот момент.

Второй важной составляющей вклада Ф. Г. Добржанского как ученого было превращение им своей лаборатории в Колумбийском университете в Нью-Йорке в небольшой, но очень продуктивный всемирный университет популяционных генетиков, подготовивший не один десяток крупных ученых¹⁰, некоторые из которых и сейчас возглавляют свои генетические школы. Достаточно упомянуть лишь самые известные среди генетиков имена: Ф. Айала, Р. Левонтин, Б. Уоллес, Дж. Мур, К. Кримбас, Д. Маринкович, Э. Безигер. Кроме того, Ф. Г. Добржанский был основателем своеобразной заочной генетической школы в СССР, в которую первоначально входили его молодые коллеги и друзья по кафедре генетики ЛГУ: Ю. Я. Керкис, Н. Н. Медведев, М. Л. Бельговский, Р. А. Мазинг, Ю. Л. Горощенко, а потом — многие молодые биологи периода восстановления генетики в СССР после временного господства лысенкоизма. Один из них, Ю. И. Новоженев, писал о себе в одном из писем (14 мая 1966 г.): «Вот уже несколько лет с большим интересом слежу и учусь на Ваших работах»¹¹.

Наконец, третьей, реже упоминаемой частью вклада являются работы Ф. Г. Добржанского философского и гуманитарного характера, в которых он предложил свое оригинальное понимание ряда философских и гуманитарных аспектов эволюционной теории и прогресса генетико-эволюционных исследований¹².

В канун 75-летия Ф. Г. Добржанского его коллеги решили выдвинуть его кандидатуру вместе с кандидатурой С. Райта на Нобелевскую премию. Все необходимые бумаги были подготовлены и отосланы в декабре 1974 г. в Стокгольм¹³, однако Нобелевские премии присуждаются живым ученым, а 18 декабря 1975 г. Ф. Г. Добржанского не стало. Обе крайние даты его жиз-

ни — рождения и смерти — связаны с тем, что его судьба, как и мир, в который он пришел и из которого ушел, на протяжении всего XX века оказались разделенными всеми мыслимыми и немыслимыми барьерами и перегородками, интересами и страстями. Поэтому к тому, что XX век был веком генетики, эволюционной теории, войн и революций, невиданных доселе столкновений и противоборств, с полным правом можно добавить, что он был еще веком разделений и соединений (установления и восстановления), поистине великого синтеза — поверх всех барьеров — действительно человеческих связей, немыслимых, казалось бы, невозможных достижений и творений, человеческих судеб. Причем судеб не только переломанных, перемолотых в «жерновах истории», но прекрасных и удивительных, созданных самим человеком благодаря многому и вопреки многому; судеб, как бы сконцентрировавших, вобравших в себя, если и не все, то самые характерные черты, атрибуты, повороты, перепады этого разделенного, часто смертельно враждующего с самим собой мира; судеб, оказавшихся на том кончике стрелы человеческой эволюции, устремленной в будущее, о которой с такой верой и с таким знанием писал другой великий ученый, мыслитель, эволюционист и гуманист XX века — Пьер Тейяр де Шарден.

Жизнью объявший континенты

Ф. Г. Добржанский, чье становление как ученого совпало со становлением генетики в России, родился 25 января (12 января по старому стилю) 1900 г. в провинциальном городке Немирове Подольской губернии и там же провел первые детские годы¹⁴. Городок имел две части — еврейскую и русскую, и весь тот традиционный набор особенностей истинно провинциального города, которые стали своеобразным отдельным «персонажем» великой русской литературы. Может быть поэтому, с детства в нем навсегда осталось неприятие каких-либо созданных самим человеком перегородок, разделявших и все еще разделяющих человеческий вид, в том числе любых сословных, национально-расовых и социально-идеологических. Тем более что на протяжении своей жизни Добржанский сталкивался с их существованием не раз. Довольно часто он убеждался в том, что они

возведены и на его пути, унижают и оскорбляют его собственное человеческое достоинство. В начале 1920-х гг. Добржанский попытался устроиться на должность профессора зоологии в один из организуемых институтов, но во время собеседования допустил «оплошность» — не выказал должного украинского патриотизма — и желаемого места не получил¹⁵. Все же, еще будучи студентом физико-математического факультета Киевского университета, Ф. Г. Добржанский становится научным работником: сначала временным, а в 1921 г. и постоянным ассистентом кафедры зоологии сельскохозяйственного факультета Политехнического института.

В результате сначала Первой мировой войны, а затем Гражданской войны в России значительная часть биологической литературы перестала поступать в страну. Но уже в этот начальный период своей преподавательской и исследовательской деятельности Добржанский знакомится с достижениями зарубежных генетиков, в первую очередь с работами школы Т. Г. Моргана, благодаря двум статьям Ю. А. Филипченко в научно-популярном журнале «Природа»¹⁶. Кроме того, зимой 1921–1922 г. Г. А. Левитский, ученик известного цитолога С. Г. Навашина, профессора Политехнического института, специально ездил на две недели в Петроград, чтобы познакомиться с новейшей иностранной литературой, привезенной Н. И. Вавиловым из поездки в США.

На основе записей, сделанных в библиотеке Н. И. Вавилова, Левитский прочитал своим двум товарищам по квартире — Н. Ю. Вагнеру, также ученику С. Г. Навашина, и Ф. Г. Добржанскому — целый курс по генетике. Для Ф. Г. Добржанского этого было недостаточно, и при первой возможности он отправился в Петроград, а летом 1922 г. в Москву, в лабораторию С. С. Четверикова в Институте экспериментальной биологии, где получил не только самые свежие сведения по генетике, но и культуры дрозофилы (плодовой мушки) для собственных исследований. И то и другое было доставлено туда Г. Меллером, одним из генетиков школы Т. Г. Моргана¹⁷. Таким образом, первый барьер был относительно быстро преодолен и русской генетикой в целом, и персонально Ф. Г. Добржанским. Уже через два года, на основе экспериментов, поставленных на полученных в Москве образцах, Добржанский публикует свою первую статью по генетике

дрозофилы¹⁸. А еще через год издается его собственный обширный обзор зарубежных генетических исследований¹⁹.

Возможно, интернационализму Добржанского, пусть и косвенным образом, поспособствовало еще одно обстоятельство. Российские биологи конца XIX – начала XX века проходили стажировку за границей. Такое обучение – у известного немецкого зоолога Рихарда Гертвига – прошел и первый учитель Ф. Г. Добржанского, профессор зоологии Киевского университета, цитолог С. Е. Кушакевич, и его будущий «патрон» в Ленинградском университете, Ю. А. Филипченко²⁰.

Социально-политическая разделенность внутри страны, обернувшаяся вскоре военно-политической, привела к трагическим личным утратам. Во время Гражданской войны он потерял отца и мать, своего первого научного руководителя С. Е. Кушакевича, а также перенес такие обычные тяготы войны, как холод, голод и болезни. Каждое из сменявших друг друга правительств в Киеве проводило мобилизацию. Мобилизации в Красную армию он избежал лишь потому, что ему не хватало 12 дней до призывного возраста, а мобилизация в Белую армию его миновала, поскольку с помощью знакомой С. Е. Кушакевича он устроился санитаром поезда Международного Красного Креста.

Ужасы Гражданской войны навсегда врезались в его память. Во время поездки во Францию, после посещения ряда музеев французской столицы, он записывает в дневнике 8 мая 1966 г.: «Conciergerie произвела огромное впечатление, по ассоциации революций русской и французской. Правда, ведь революционный трибунал в Париже существовал только 718 дней и приговорил к смерти только 742 человека, столько казнилось в России, вероятно, в день во времена Ленина и Сталина. Но тем не менее камера Марии Антуанетты, Робеспьера и капелла жирондистов дают отзвук в русской душе. Вспоминаются киевские дни 1919 года, когда летом расстреливали людей десятками “в порядке красного террора”»²¹.

Социальное происхождение Добржанского и опыт детских и юношеских лет сами по себе ничего не предопределяли. Из людей с таким социальным статусом и сходным опытом выходили и революционеры, и консерваторы, и даже реакционеры. Тем бо-

лее, что в социальном, национальном и культурном отношении семья Добржанских была достаточно уникальна.

Мать Добржанского, Софья Васильевна Войнарская (10 января 1864 г. – 8 мая 1920 г.), русская, происходила из семьи священнослужителя. Отец, Григорий Карлович Добржанский (10 января 1861 г. – 10 января 1918 г.), происходил из польской семьи мелкопоместных землевладельцев и преподавал математику в начальных классах русской гимназии. После польского восстания 1863 г. земля Добржанских была конфискована, а главу семьи, деда Добржанского, выслали на 20 лет в Каргополь, в результате чего семья практически осталась без средств к существованию. Поэтому по семейному происхождению Добржанский был человеком «смешанных кровей», так сказать, биологическим интернационалистом, хотя и на родине, и позднее за океаном он всегда называл себя русским.

Окружение Добржанского в гимназический период, во время учебы в Киевском университете и работы в Киевском политехническом институте в начале 1920-х гг., а затем на кафедре генетики и экспериментальной зоологии Ленинградского университета (1924–1927) также было достаточно гетерогенным. Но при этом люди из этого окружения имели такие общие черты, как преданность науке, интеллигентность, порядочность, были высоко образованны и сведущи во многих областях, обладали широким кругозором и свободой мысли.

Из тех, кто оказал на Добржанского наибольшее влияние, следует назвать очень разных по своим научным, политическим и мировоззренческим взглядам лиц: В. Лучника, энтомолога и одного из организаторов энтомологического общества в Киеве; уже упоминавшегося выше С. Е. Кушакевича, познакомившего Добржанского с В. И. Вернадским, создателем учения о биосфере и ноосфере; И. И. Шмальгаузена, зоолога, одного из основателей современной эволюционной теории; С. С. Четверикова, выдающегося генетика, заложившего основы популяционной генетики в нашей стране, учредителя московской школы популяционной генетики; и, наконец, Ю. А. Филипченко, основателя первой в России и одной из первых в Европе кафедры генетики в Петроградском (с 1924 г. Ленинградском) университете²², а также одной из двух ленинградских генетических школ²³.

Юрий Александрович Филипченко оказал решающее влияние на судьбу Добржанского, устроив его поездку в научную командировку в лабораторию американского генетика Т. Г. Моргана, создателя хромосомной теории наследственности. Получив, как и В. В. Алпатов, а чуть позднее Г. Д. Карпеченко и некоторые другие молодые русские биологи, стипендию Рокфеллеровского фонда²⁴, в декабре 1927 г. Добржанский со своей женой, также биологом по образованию, Н. П. Сиверцевой (девичья фамилия), отправляется в США, где проводит два очень плодотворных в научном отношении года.

По возвращении Добржанского планировалось развернуть масштабные исследования по генетике дрозофилы на кафедре и в Бюро по генетике КЕПС (Комиссии по исследованию производительных сил) АН СССР, создав специальную дрозофильную группу, в которую, помимо самого Добржанского, должны были войти несколько молодых сотрудников кафедры (в начале командировки Добржанского еще студентов): Ю. Я. Керкис, Н. Н. Медведев, Ю. Л. Горощенко, Р. А. Мазинг, М. Л. Бельговский и, возможно, некоторые другие. Во всяком случае, Ю. А. Филипченко предлагал взять в эту группу столько исследователей, сколько понадобится²⁵.

Во время командировки Добржанского к созданию такой группы и условий для ее успешной деятельности усиленно готовились по обе стороны океана. В Ленинграде приобреталось необходимое оборудование, устраивались помещения, обучались люди, в первую очередь самим Добржанским, — заочно, посредством дачи специальных исследовательских тем и руководством их выполнения. Добржанский намеревался привезти с собой коллекцию культур дрозофилы, которая в случае успешной транспортировки, по его мнению, стала бы лучшей в Европе. Таким образом, кафедру генетики ЛГУ намечалось превратить в один из крупнейших центров исследований генетики дрозофилы в стране и за рубежом²⁶.

Стипендия была дана Добржанскому только на год, но ему удалось продлить время своего пребывания в США сначала до 27 июня 1929 г., а затем еще примерно на один год. Однако Ю. А. Филипченко, первоначально советовавший Добржанскому по возможности как можно дольше оставаться в США, вы-

нужден был известить его, что командировку продлевают только до 1 апреля 1930 г. После долгих и мучительных раздумий Добржанский принял решение остаться временно в США и сообщил об этом Ю. А. Филипченко, подчеркнув, что не может бросить проводимую научную работу и вернуться к указанному сроку. Это решение кардинально изменило его судьбу, сделав «невозвращенцем» и действительно навсегда закрыв обратную дорогу.

Правда, первоначально ничего страшного как бы и не произошло. Переписка между ним и Ю. А. Филипченко продолжается до скоропостижной кончины последнего в мае 1930 г.²⁷ Более того, после смерти «патрона» Добржанский пытается найти себе место на родине через Н. И. Вавилова и своих бывших коллег. Но в 1931 г. он все же отказывается от предложения последнего занять должность ученого специалиста в Генетической лаборатории АН СССР²⁸.

Научная карьера Добржанского в США внешне протекает вполне благополучно. Он, как и другие американские профессора, несколько раз меняет место работы. В 1928 г. Т. Г. Морган переходит из Колумбийского университета в Калифорнийский технологический институт, и Добржанский перебирается туда вместе с ним. В 1929 г. Добржанский принимает предложение Моргана занять вакансию (сначала временно, на один академический год) ассистента по курсу генетики в Калифорнийском технологическом институте. В 1936 г. он становится там же профессором генетики, а в 1940 г. возвращается в Колумбийский университет, где до 1962 г. является профессором зоологии. С 1962 по 1970 гг. Добржанский — профессор в Институте Рокфеллера, переименованном в 1965 г. в Рокфеллеровский университет. В том же университете в 1970 г. он становится почетным профессором, а в 1971 г. — адъюнкт-профессором Калифорнийского университета.

Добржанский стремительно и на полных правах входит в американское научное сообщество, приобретая там себе нескольких надежных товарищей и соратников. В числе его ближайших друзей Л. К. Данн, М. Демерец, И. М. Лернер, Э. Майр, Дж. Симпсон, какое-то время А. Стертевант, а также, несмотря на разницу в возрасте, сам Т. Г. Морган! Не меньше друзей у Добржанского и в других странах — Мексике, Бразилии, Егип-

те, Канаде, Япония, Италии, Франции, — ведь он почти каждый год выезжает, причем не один раз, в экспедиции для проведения исследований природных популяций дрозофилы, на конференции и конгрессы. Свои впечатления и наблюдения он записывает не только в свой дневник, но и в письмах, которые посылает по ходу своих путешествий из самых разных точек планеты, со всех континентов, отовсюду, где есть почтовая связь. Эти письма, собранные вместе, соединились в замечательную картину²⁹, созданную выдающимся эволюционным натуралистом и гуманистом XX века.

В начале 1952 г., 30 января, Добржанский записывает в дневнике свой план на всю оставшуюся жизнь, попутно отмечая, что делать планы «на всю жизнь» — занятие сомнительное, так как жизнь может закончиться раньше, чем исполнение планов. В этот план входит всего три пункта: 1) написать учебник эволюции; 2) написать книгу об эволюции человека; 3) если будет жив, то последнюю книгу написать о философии биологии и о философии одного биолога. Все пункты этого плана были реализованы.

В 1970 г. выходит 4-е издание «Генетики и происхождения видов», а в 1977 г. совместный с Ф. Айялой, Дж. Стеббинсом и Дж. Валентайном труд «Эволюция»³⁰. Ровно десять лет спустя после написания плана «на всю жизнь» появляется фундаментальная монография Добржанского по эволюции человека³¹. Кроме того Добржанский публикует ряд научно-популярных работ, посвященных генетике и эволюции человека³². Под совместной редакцией Добржанского и его ученика Ф. Айялы в 1974 г. выходит том, посвященный современной философии биологии, а в 1983 г. под редакцией другого его ученика, Б. Уоллеса, подготовившего первоначальную рукопись к печати, публикуется также совместная, но с Э. Безигером, работа Добржанского, как бы подводящая итог его философским раздумьям и поискам³³.

Эти и многие другие его научные и научно-популярные работы, а также экспериментальные исследования приносят ученому заслуженную славу одного из лучших генетиков мира. За славой следуют и почетные звания, и награды. Добржанский избирался президентом шести и членом десяти научных обществ, членом ряда академий, в том числе Национальной академии наук США и Лондонского Королевского общества, почетным

доктором наук 21 университета; он был награжден девятью почетными медалями, среди которых Кимберовская премия за выдающиеся достижения в области генетики (1958 г.) и высшая научная награда США – Национальная медаль за научные достижения (1964 г.)³⁴.

Но те социальные, политические и иные разломы, о которых кратко шла речь выше, не исчезают, а проходят через всю американскую часть его жизни. И основным, особенно трагическим, разломом для него становится насильственное отчуждение от родины.

«Невозвращенец» поневоле

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. генетика в СССР еще была европейской наукой, а ее вынужденная политизированность на первых порах не отражалась негативно ни на положении отдельных ученых, ни на положении генетики в целом. В основных чертах и функциях она воспроизводила, разумеется, адаптируя их, все принципиальные черты, функции и нормы западной науки. Контакты русских генетиков (Ю. А. Филипченко, С. С. Четверикова, Н. К. Кольцова, Н. И. Вавилова) с западными коллегами также носили европейский характер и имели очень большое значение для становления и первоначального развития советской генетики. Обычной практикой была публикация статей отечественных генетиков в зарубежных биологических журналах, главным образом в немецких и американских, обмен книгами и оттисками. Регулярно в отечественной научной и научно-популярной периодике публиковались рецензии и обширные обзоры зарубежных работ, наиболее выдающиеся из которых были переведены на русский язык³⁵.

Сами создатели отечественной генетики и их ученики прошли обучение или стажировку за рубежом, поддерживали постоянные письменные контакты с зарубежными коллегами, организовывали их поездки в СССР и сами выезжали за рубеж³⁶. Правда, главным образом до 1929 г.

Относительно нелегкие условия формирования и развития генетики в 1920-х гг. были, тем не менее, необходимыми и достаточными для ее последующего успешного развития. Хотя с само-

го начала не все было гладко. В качестве примера, прежде всего, укажем на институциональный, кадровый и исследовательский рост школы Ю. А. Филипченко (к которой принадлежал и Добржанский), включая международные контакты. Пока это было возможно, Добржанский поддерживал связи с коллегами на родине. В частности, на русском языке были опубликованы статьи, написанные по просьбе Ю. А. Филипченко и Н. И. Вавилова³⁷.

При соответствующих благоприятных условиях Добржанский, несомненно, попытался бы, и возможно не без успеха, перевести к себе хотя бы некоторых своих учеников, например, Ю. Я. Керкиса, Н. Н. Медведева. Ю. Л. Горощенко (как он это сделал, переведя их в Петроград из Киева, где им была организована при кафедре зоологии сельскохозяйственного факультета Политехнического института школа молодых зоологов, куда первоначально входили М. М. Левит, Г. И. Шлет, С. Иванов и Ю. Я. Керкис, к которым затем присоединился Ю. Л. Горощенко)³⁸.

Но даже в условиях, когда ситуация в СССР быстро менялась не в лучшую для международного научного сотрудничества сторону, Добржанскому удалось при активной и огромной помощи Н. И. Вавилова добиться того, чтобы намеченная поездка в Институт генетики (в Ленинграде) одного из сотрудников школы Т. Г. Моргана, К. Бриджэса, все же состоялась³⁹.

К тому моменту Добржанский уже попал в категорию «невозвращенцев», а над головой Н. И. Вавилова стали сгущаться первые тучи. Звездный для генетики и Н. И. Вавилова 1929 г. — год проведения первого Всесоюзного генетического съезда, принесший, казалось бы, столь многообещающие для генетиков плоды, оказался последним спокойным для них годом. Эпоха «великого перелома» означала установление «железного занавеса». От политики использования буржуазного опыта и буржуазных специалистов в научно-технической сфере был сделан резкий поворот к изоляционизму (в действительности носившему выборочный характер) и идеологии «осажденной крепости». Разительный контраст: на V генетическом конгрессе в Берлине в 1927 г. делегация генетиков из СССР состояла из 64 человек и была одной из самых многочисленных⁴⁰, а на VI генетическом конгрессе в Итаке (США) советских генетиков представляли только 5 человек⁴¹, причем на самом деле один Н.И. Ва-

вилов, так как остальные четверо (Ф. Г. Добржанский, Н. В. и Е. А. Тимофеевы-Ресовские и С. Р. Царапкин) к тому времени находились в просроченных командировках за границей, то есть фактически в эмиграции⁴².

Отечественные генетики рассчитывали на успех VII генетического конгресса, который должен был состояться в 1937 г. в Москве, но первая отмена конгресса в декабре 1936 г. оказалась необратимой. Хотя Н. И. Вавилову и соратникам удалось добиться решения об официальном переносе конгресса на 1938 г., американские коллеги по иронии судьбы сыграли на руку Т. Д. Лысенко, ибо под их влиянием международный оргкомитет принял решение о проведении конгресса в 1939 г. в Эдинбурге⁴³.

Отсутствие советской делегации в Эдинбурге было последней точкой в сотрудничестве русских и зарубежных, прежде всего американских, генетиков в период между двумя мировыми войнами. Еще раньше советские генетики перестали печататься сначала в немецких, а потом и в американских журналах. Прекратилась переписка генетиков двух стран, в том числе между Ф. Г. Добржанским и оставшимися на родине друзьями-коллегами⁴⁴.

Однако, несмотря на опустившийся «железный занавес» и потери среди старшего поколения русских генетиков, пейзаж после битвы вовсе не напоминал абсолютно выжженную пустыню. Перед войной лысенковцам так и не удалось одержать окончательную победу, подлинно генетические исследования продолжали проводиться, а молодое (второе) поколение генетиков, ровесников Добржанского, постепенно набирало силу и в научном, и отчасти в административном отношении.

Это поколение в целом было готово к возобновлению контактов с заокеанскими коллегами при первой благоприятной возможности. Даже самые убежденные коммунисты среди генетиков (Н. П. Дубинин, И. А. Рапопорт) вовсе не считали своих заокеанских коллег, включая и бывшего соотечественника Ф. Г. Добржанского, «реакционными» учеными. Первое (1937 г.) и второе (1942 г.) издания «Генетики и происхождения видов» были заказаны и поступили в крупнейшие советские научные и публичные библиотеки⁴⁵. Без приложения к тому усилий самих генетиков и им сочувствующих это было бы невозможно⁴⁶. Ни одна статья, опубликованная Ф. Г. Добржанским в этот период, не была изъ-

ята из общего библиотечного оборота или помещена в спецхран. В публичных нападках на генетику его имя лысенковцами или партийными пропагандистами не использовалось. Если кого-то в чем-то и обвиняли, так это в фашизме⁴⁷, который произрос в Германии, а не в Америке, что создало предпосылку для быстрого налаживания контактов с американскими учеными уже во время Второй мировой войны⁴⁸. В этом смысле положение Ф. Г. Добржанского выгодно отличалось от такового Н. В. Тимофеева-Ресовского, оставшегося в фашистской Германии⁴⁹.

С профессиональной же точки зрения оба «невозвращенца» (особенно Ф. Г. Добржанский) за короткий срок выросли в специалистов мирового класса и приобрели неоспоримый авторитет мирового уровня, в том числе и в глазах своих товарищей по профессиональному цеху на родине. Конечно, книгу Ф. Г. Добржанского тогда еще не сравнивали по значению с «Происхождением видов» Ч. Дарвина, но всем была ясна ее особая роль. Фактически заменив в 1940 г. Т. Г. Моргана на посту в Колумбийском университете, Ф. Г. Добржанский создал там новую русско-американскую школу генетики, но уже не классической, а эволюционной, и стал одним из создателей неформальной сети (клуба) наиболее выдающихся генетиков и биологов всего мира⁵⁰. Эти неформальные связи Ф. Г. Добржанского в Америке и в других странах при его неизменной преданности и любви к России и ее науке сыграли не последнюю роль в восстановлении контактов американских и русских генетиков (как только к тому представилась возможность) и в возрождении генетики в России.

Поверх барьеров

Во время Второй мировой войны русско-американские связи в области генетики стремительно восстановились, как феникс из пепла, причем, как это ни покажется странным, по инициативе русских генетиков. С американской стороны большую роль в восстановлении этих связей и оказании осторожной и действенной помощи советским генетикам сыграли Ф. Г. Добржанский и его друг Л. К. Данн⁵¹.

Но едва успев установиться, эти отношения снова оказались сначала под угрозой, а затем — на долгое время замороженными

в результате установления на несколько десятилетий «холодной войны» и — как одного из ее следствий внутри СССР — временного господства лысенкоизма. Характерной чертой этого периода становится поношение «буржуазной реакционной генетики» в широкой советской печати, а с западной стороны — беспрецедентная по масштабам научная критика лысенкоизма. Особую роль в этой критике сыграли статьи Ф. Г. Добржанского, прежде всего как раз в силу того, что он уже был генетиком мировой величины, и все знали (в СССР и в США), что он из Советской России⁵².

То обстоятельство, что критика лысенкоизма Ф. Г. Добржанским была арестована в спецхране, лишь удесятирило ее взрывную силу. А имя ее автора в СССР для одних сделалось легендарным, для других — ненавистным. Эта критика (вкуче с недоброжелательностью и черной неблагодарностью) позднее окончательно закрыла Добржанскому дорогу на родину.

Первые контакты с коллегами из СССР Добржанскому удалось восстановить вновь на XV зоологическом конгрессе в Лондоне в 1958 г. В дневнике 16 июля 1958 г. Ф. Г. Добржанский записывает, что в этот день официального начала Конгресса он встретился с Ю. И. Полянским, с которым был знаком еще по Ленинграду, и Е. М. Хейсиным. Разговорились о России и многом другом, и Ф. Г. Добржанский просидел с ними до полуночи, помогая им с их докладами. Записывая впечатления от двух последующих дней, 17 и 18 июня, Добржанский отметил, что, кажется, самым главным для него были беседы с русскими делегатами, хорошие, дружеские беседы, без всяких «перегородок». Одним из результатов этих бесед была запись адресов и фамилий коллег из России. В этом списке такие известные биологи, как А. Е. Гайсинович, Ю. И. Полянский, Е. М. Хейсин, Р. Л. Берг, Н. П. Дубинин, М. Л. Бельговский, Н. Н. Соколов, Б. Н. Сидоров, А. В. Сахаров, Б. Л. Астауров, В. В. Алпатов, М. С. Навашин, Ю. Я. Керкис, М. М. Камшилов, Д. К. Беляев⁵³. Однако настоящей переписки тогда не завязалось, хотя Ф. Г. Добржанский сделал все от него зависящее для восстановления прерванных связей без особой надежды на взаимность, и она возобновилась лишь в конце 1960-х гг., после XII генетического конгресса в Токио, проходившего с 19 по 28 августа 1968 г. Однако в первую

очередь восстановление коснулось его старых корреспондентов — друзей молодости⁵⁴.

Тогда же, в начале 1960-х гг., Ф. Г. Добржанский предпринял первую попытку приехать в СССР и получил свой первый отказ. В официальном письме Начальника Иностранного отдела АН СССР, С. Г. Корнеева, от 10.05.1963 за № 290 утверждалось, что поскольку интересы Добржанского связаны с вопросами, которыми советские генетики мало занимаются, нет возможности организовать Добржанскому такую поездку в СССР, «которая могла бы быть для него интересной и полезной»⁵⁵. В связи со снятием Т. Д. Лысенко со всех основных постов к 1966 г. и принятием ряда мер, способствовавших восстановлению и развитию генетики в СССР⁵⁶, Добржанскому и его друзьям на родине показалось, что у него появился новый шанс попытаться счастья. В 1969 г. он предпринимает еще одну попытку приехать в СССР для чтения лекций и вновь получает официальный отказ⁵⁷. После этого повторного отказа надежды попасть на родину у него почти не осталось, хотя друзья уверяли его, что не все потеряно, а Ю. Я. Керкис даже пытался вселить новую надежду: «Мы с Вами еще проживем достаточно, чтобы увидеться на следующем конгрессе в Москве обязательно!!!»⁵⁸

Впрочем, русское происхождение Добржанского время от времени раняще и всегда внезапно напоминало о себе и в Америке, и в других местах. Так, 17 февраля 1950 г. Добржанскому, жившему в Колумбии, позвонили из Вашингтона и сказали, что ФБР вряд ли пропустит его в качестве члена биологической секции Комиссии по атомной энергии (Atomic Energy Commission). В связи с этим он записал в дневнике того же числа: «Это далеко не неожиданно, но в первый момент я почувствовал себя довольно неприятно. Гражданин я американский, значит, и не второго, а какого-то третьего сорта»⁵⁹. Семью годами ранее, собираясь в экспедицию в Южную Америку и волнуясь из-за возможности отказа в визе, он пишет 17–18 февраля 1943 г.: «И все это из-за того, что я сделал ошибку, родившись в России, а не здесь! Хотя я и подписывал всякого рода политические обращения, но, кажется, ничего действительно скверного я не подписал. Но с другой стороны, кто же сейчас знает, что считать скверным — быть может, желание помочь России, с точки зрения State Department,

есть криминал!»⁶⁰. В другой раз, 7 октября 1952 г., задетый при регистрации для голосования плохо скрываемой неприязнью из-за того, что он из России, Добржанский в сердцах восклицал: «Ясно чувствуешь несправедливость всяких предрассудков против каких-либо национальностей: не говоря о том, хорошо это или плохо, но чем же мы все же виноваты, что родились в стране, которая сейчас непопулярна?»⁶¹

Тем не менее, несмотря на этот и подобные ему эпизоды, связанные с тем, что он эмигрант из России, Добржанский оставался верен ей. Одна из наиболее характерных в этом смысле — запись в дневнике от 24 марта 1956 г., примерно через неделю после сообщений в газетах о выступлении Н. С. Хрущева на закрытом заседании XXVI съезда КПСС: «Преимущественно разговаривали о событиях в России, о развенчании Сталина. Музыченко, конечно, ни на грош не верит, что что-либо в России может измениться. Обычная ненависть уехавшего отсюда. Быть может, он и прав, но хочется надеяться»⁶².

Добржанский неизменно страдал от всех бед, провалов и неудач на родине и, напротив, искренне и горячо радовался успехам, особенно в науке.

20 марта 1943 г., оценивая ситуацию на русском фронте, Добржанский с горечью вопрошал в дневнике: «Неужели не будет второго фронта до тех пор, пока Россия не будет истощена вконец? Неужели это величайшее предательство в истории?»⁶³. В конце 1960-х гг., в рецензии на ряд книг по генетике, появившихся после долгого перерыва в СССР, Добржанский с радостью отмечал возрождение генетики в России⁶⁴.

Накануне 70-летия Добржанского ряд генетиков с родины поздравили его с юбилеем, но так сказать, частным порядком. Поздравления прислали Б. Л. Астауров, Д. К. Беляев, Ю. Я. Керкис, Н. П. Дубинин и многие другие биологи. Одни, как С. И. Алиханян, ограничились телеграммой на английском, другие, как Б. Л. Астауров, прислали довольно пространственные послания и на русском, и на английском языках⁶⁵. Однако никаких, даже кратких, заметок в советской научной периодике, посвященных этому событию, конечно, не было.

Более всего Добржанский мечтал о переводе своих основных монографий на русский язык, но в советские времена это

оказалось неосуществимым. Сначала уже готовый типографский набор перевода книги Добржанского был рассыпан вместе с набором книги Марселя Пренана, члена ЦК Французской коммунистической партии, «Биология и марксизм» и ряда других изданий⁶⁶. Потом о подобном проекте не осмеливались даже заговаривать, а если и осмеливались, то разговорами все и заканчивалось⁶⁷. И все же и имя Добржанского, и его идеи не были неизвестны научной молодежи. В частности, уже упоминавшийся Ю. И. Новоженев писал Добржанскому из Свердловска 27 апреля 1967 г.: «Во все времена мы восторгались Вашими опытами и обобщениями и в душе гордились Вами»⁶⁸.

Власть — коварная штука. Кажущееся всеисилие оборачивается унижительной немощью. Контакты Ф. Г. Добржанского с коллегами, в том числе с молодыми генетиками на родине, продолжались, так же как и сотрудничество, хотя преимущественно и заочное, американских и русских генетиков. В то же время авторитет власти упал в результате соответствующих ее действий против генетиков и их сотрудничества с Добржанским еще ниже. И задним числом его уже никак не поднимешь. Имя же Ф. Г. Добржанского навсегда вписано в историю отечественной и мировой науки, свидетельством чего были и статьи на русском языке, посвященные 100-летию со дня его рождения⁶⁹.

Верующий... в эволюцию

По признанию самого Добржанского и тех, кто его близко знал (в частности таких его учеников, как Ф. Айяла и Т. Праут), он был человеком религиозным, правда не вписывающимся в традиционные представления о верующем⁷⁰. Многие записи в его дневнике, в особенности записи последних лет жизни, начинаются или заканчиваются прославлением бога, как например, от 1 марта 1971 г.: «Но прежде всего — Господи, Слава Тебе!»⁷¹ По свидетельству Дж. Пауэлла в эти последние годы Ф. Г. Добржанский молился каждый день⁷². Он регулярно посещал церковь, где только мог, всякий раз делая краткие или более пространственные записи в своем дневнике и отмечая для себя, часто с печалью, удручающее состояние религии в тех странах, где побывал. 25 октября 1964 г. после посещения одного из японских

храмов он вынужден заключить: «Религия в Японии кажется в еще худшем состоянии, чем в Европе и в Америке». Во время другой поездки в Японию его вывод, сделанный 8 сентября 1968 г., был еще пессимистичнее: «Несмотря на трогательное гостеприимство, японцы, вероятно, одна из самых материалистических наций в мире. Религии у них в сущности нет — все буддистские и шантоистские монастыри и храмы, что мы посещали, имеют ничтожное количество молящихся, существуют главным образом для туристов и экскурсантов»⁷³. Похожее положение Ф. Г. Добржанский не раз отмечал и в США.

В силу специфики эпохи и обстоятельств личной жизни, особенности детства, Ф. Г. Добржанский не видел положительного решения ряда проблем без обращения к религии. Так, например, он не представлял себе, как может нравственность не основываться на религии, и причину (по крайней мере, одну из причин) отступления от нравственности или ее отсутствия видел в недостатке религиозного воспитания. После общения с внуком Николаем он записывает в дневнике 23 июня 1969 г.: «Но беда в том, что у них нет нравственного религиозного воспитания, вырастают эгоистами и своевольными»⁷⁴.

Но эта вера Добржанского в тесную, неразделимую связь религии и нравственности в свою очередь порождала ряд проблем. Находясь во Франции, он записывает 21 мая 1966 г. в дневнике: «Сегодня воспользовался все еще имеющимся нанятым автомобилем, и, вместе с супругами Бозижерами, поехали в Версаль и в Шартр. Контраст этих двух мест невероятный. Говорят, что Людовик XI был религиозным человеком. Трудно понять, как это возможно. Версаль — это антирелигиозная пропаганда, по крайней мере, антихристианская пропаганда»⁷⁵.

Такая же связь существовала для него между религией и философией жизни, то есть тем, что сам Ф. Г. Добржанский называл на английском «предельными вопросами»⁷⁶. Именно поиск ответа на «предельные вопросы» был еще одним, вероятно, наиболее важным источником и в каком-то смысле оправданием религии для Ф. Г. Добржанского⁷⁷. «Предельными» для него были вовсе не обязательно вопросы, которые жизнь, подчас безжалостно, ставила ему самому. Очень часто они возникали, когда Ф. Г. Добржанский как бы «переводил» проблемы другого

человека или людей на себя, ставил себя на их место, сочувствовал и сопереживал. В этом смысле типично видение Ф. Г. Добржанским ситуации, в которой оказался один из его ближайших друзей, Лесли Кларенс Данн в разгар Второй мировой войны. 4 декабря 1942 г. Ф. Г. Добржанский, после разговора с ним, записал в дневнике: «Часа два беседовал с Dunn'ом в его кабинете — добеседовали до 6.1/2, т. е. не зажигали огня, так что под конец сидели в совершенной темноте. Бедный Dunn! Он по-видимому глубоко несчастен. Во-первых, он разочаровался в мире, который, он считает, идет к фашизму в какой-то форме, независимо от того, кто победит. Во-вторых (хотя он этого не сказал), он не думает, что его Боб вернется с войны живым. Я старался его ободрить, советуя ему спрятаться в случае чего в свою раковину и работать на благо человеческой культуры. Но его вкусы идут в обратном направлении — общественной работы. Бедный, милый Dunn! Что ему нужно было бы, [так] это религия, но ее то он и не имеет. А между тем он — одна из светлейших личностей, какую мне пришлось встретить!»⁷⁸

Религиозные взгляды Добржанского как будто мирно и на всем протяжении его сознательной жизни сосуществовали с его наукой. Он, как ему, очевидно, казалось, вполне успешно разрешил вопрос о соотношении науки и религии⁷⁹. Религиозность Добржанского была внутреннего, индивидуального порядка, хотя он считал возможным приобщать к ней других, но своеобразно — через Достоевского. Находясь в экспедиционном лагере, он записывает 16 июня 1942 г.: «Беседовал с Эплингом о Достоевском и по поводу Достоевского. Странная, для русского, психология: наличие зла в мире его не беспокоит, он его принимает за данное, и все тут! Основа его морали — с моралью легче жить в обществе, чем без нее, значит других, религиозных, основ морали искать нечего и незачем. Словом, Достоевский с него как с гуся вода. Но вопрос, почему 5 миллионов американцев должны рисковать жизнью для общества и будущего, которого они никогда, быть может, не увидят, его все-таки озадачивает. ...Так что ко времени, когда надо было идти спать, я все-таки сумел кое-как пробраться под его толстую скорлупу. Поговорим еще — быть может, удастся «обратить» его к Достоевскому и, значит, к Богу!»⁸⁰. В то же время Добржанский придерживался принципа

свободы совести. В письме к дочери Софии и ее мужу Майклу Ко (Сое) от 16 мая 1957 г. он заверяет их, что был бы рад, если бы они были христианской семьей, но и не протестовал, если бы не были, и не собирается влиять каким-либо образом на них⁸¹. В том же письме Ф. Г. Добржанский впервые затронул тему своей веры, заявив, что не принадлежит к русской православной церкви в полном смысле или к любой другой, но пытается быть христианином и молится почти каждое утро⁸².

Добржанский действительно не являлся обычным, традиционным верующим. Более того, ни в одной его работе, посвященной ценностным и этическим аспектам эволюционной теории и генетики, нет ни слова в поддержку религии. Они написаны, как и любая другая научная работа, в стиле объективного исследователя. При их чтении вполне может сложиться впечатление, что их автор-атеист. В некоторых из них Добржанский фактически выступал как критик религии, противопоставляя религиозной концепции человека концепцию эволюционную, дающую реальную, а не иллюзорную надежду и реальные средства превращения этой надежды в действительность. Согласно этой концепции, религия есть один из результатов эволюции человека⁸³. При этом именно наука, а не религия, играла и играет главную роль в культурной эволюции человека, кардинально трансформировала его сознание: «Наука радикально изменила идеи человека о мире, в котором он живет. Что, возможно, наиболее важно, наука изменила представление человека о самом себе»⁸⁴.

Наука, подчеркивал Добржанский, позволяет не только устранить такие очевидные для всех плохие биологические качества человека, как наследственные болезни, но и, возможно, в будущем позволит усовершенствовать его биологическую природу, приобрести желаемые качества и способности при должной осторожности и мудрости. Эволюция жизни и эволюция человека не закончились, и человек, если использовать научную метафору, остается «незаконченным экспериментом». Принципиальная разница между научным и религиозным подходом к человеку состоит в ответе на вопрос о том, чей это эксперимент. «Последователи религиозных традиций верят, что вселенная есть деяние Господа. Однако человек открыл, что оба эксперимента продолжаются, и что он сам призван в них участвовать и

помочь их осуществлению. ...В рамках ограничений, налагаемых законами природы, человечество может сделать все от него зависящее, чтобы сформировать свое будущее в соответствии со своими представлениями о добре и красоте»⁸⁵.

Благодаря такому эволюционному пониманию, история, по Добржанскому, «полна надежды; может быть лучший мир и люди лучше»⁸⁶. Поэтому Добржанского удивляло и огорчало безусловное неприятие эволюционной теории церковью: «Как иронично, что оппозиция эволюционной идее пришла в современные времена главным образом из религиозных кругов!»⁸⁷

Неприятие эволюционной теории церковью включало и его личные неудачи в попытках дать религии плоды своей науки. Ф. Г. Добржанский так и не смог объединить науку и религию, верующих и неверующих, теистов и атеистов. Он с горечью записывает в дневнике 11 августа 1969 г.: «Боюсь, что мое мировоззрение одинаково неприемлемо и для атеистов, и для людей религиозных, и для юнитариев, которые держатся промежуточной точки зрения»⁸⁸. Попытка соединить эволюционную теорию и религию в некоем «синтезе» не удовлетворяла ни одну из сторон, поскольку ни одна из них не получала от него того, что хотела — своего господства, а синтез все-таки таковым не являлся. У Добржанского, как и у атеиста Дж. Хаксли, религия остается на периферии науки, на той границе, до которой дошла наука (он же человек) в постижении мира и самого себя. При этом она потеряла свой священный статус и образ, став всего лишь одним из бесчисленных ее объектов. В своем дневнике Добржанский благодарит Господа за то, что жив и может еще заниматься наукой. Не исключено, что если бы у докторов, наблюдавших и лечивших Добржанского, было больше возможностей, и его жизнь оказалась бы продлена, да еще не на год или два, а на десяток-другой лет, в дневник были бы записаны строчки со словами иной благодарности.

Зачарованный странник

Добржанский часто подчеркивал единство человечества, а также то, что уже в результате начального этапа эволюции человек оказался генетически специализирован быть неспециали-

зированным, а «развитие культуры предотвратило разделение человеческого вида и в то же время благоприятствовало его изменчивости и полиморфизму»⁸⁹. Он хорошо понимал определенную неизбежность несовершенств и изъянов социального устройства в целом и отдельных его частей, но все же всегда был на стороне униженных и оскорбленных, выражаясь языком Ф. М. Достоевского — писателя, более всего им почитаемого. При этом он никогда не стеснялся вступать в открытую полемику, даже с соотечественниками и друзьями. Вот одна из многих короткая запись в дневнике от 9 января 1943 г., в очень непростые и для него, и для России, и для всего мира дни: «Вечер провел с русскими и спорил с Т. И. Новицким об Индии — он, конечно, защищал англичан, а я... индусов»⁹⁰. Возможно поэтому, он так радовался любому освобождению человека, каждому шагу прогресса и с такой горечью воспринимал любое поражение демократии, быть может, и понимаемой, как утверждали некоторые его ученики, слишком абстрактно и наивно. В начале того же 1943 г. (11–12 февраля) он отмечает: «По сравнению с летом отлегло от сердца — есть надежда на победу над фашистами на военном фронте. Но, кажется, на внутреннем фронте дело обстоит как раз наоборот: реакция на всех парах и со скоростью курьерского поезда. Главный внутренний враг — не фашисты, а либералы и радикалы, и, кажется, я отношусь к этой последней категории. Выходит так, что, пожалуй, эта война кончится тем же обманом, что и прошлая. Вместо всемирной демократии выйдет всемирная диктатура английских и американских консерваторов. Рузвельт не за это, но, кажется, события им уже не контролируются».

Он не питал иллюзий насчет возможностей ученого и своих собственных в том числе, и тем не менее делал все, что считал нужным, чтобы уменьшить разделенность человека и мира и способствовать единству, разнообразию и прогрессу человечества. Поэтому он написал ряд работ с критикой расизма, подчеркивая, что биологические, в том числе расовые, различия не являются помехой на пути к действительному человеческому равенству и прогрессу⁹¹. Поэтому же он, преодолев собственные сомнения и опасения, быть может, вдохновленный примером П. Тейяр де Шардена, попытался создать философию эволю-

ционного биолога⁹², а фактически — философию эволюционирующего и размышляющего человека, философию, которая бы, опираясь на достижения эволюционной биологии, помогла понять человеку свое место в эволюционирующем мире, свою эволюционирующую свободу и ответственность.

Он так и остался вечным зачарованным странником во многих смыслах, и самое любимое им место на Земле символично — территория Мазер (Mather), как будто американская, но, по сути, территория Природы и Науки о Природе. Здесь он собирал своих любимых дрозофил, провел многие самые счастливые и самые несчастные дни своей жизни, общался с коллегами, друзьями и мирозданием. Сюда он любил возвращаться и всегда с такой неохотой покидал это место, и именно тут он хотел обрести и обрел свой последний приют.

---

¹ *Окуджава Б. III.* Вариация на тему «Чудесного вальса» // *Окуджава Б. III.* Арбат, мой Арбат. М.: Сов. писатель, 1976. С. 38.

² На русском языке существует уже немало публикаций, в которых с той или иной полнотой дано описание научной и жизненной биографии Ф. Г. Добржанского в целом или ее отдельных сторон и эпизодов. См.: *Богданов Н. Н.* Его родословная // *Природа.* 2000. № 12. С. 65–67; *Галл Я. М., Конашев М. Б.* О формировании синтетической теории эволюции. Значение книги Ф. Г. Добржанского «Генетика и происхождение видов» // *Вопросы развития эволюционной теории в XX веке.* Л.: Наука, 1979. С. 74–84.; *Галл Я. М., Конашев М. Б.* Классик // *Природа.* 1990. № 3. С. 79–87; *Галл Я. М., Конашев М. Б.* Джулиан Хаксли и Феодосий Добржанский: две версии эволюционного гуманизма // *Наука и общество.* [Труды международной конференции, 21–25 июня 1999 г., С.-Петербург] / Под ред. Дж. Беркса, Э. И. Колчинского. СПб., 1999. С. 191–200.; *Голубовский М. Д.* Добржанский в двух мирах // *Знание — сила.* 2000. № 1. С. 27–33; *Захаров И. А.* К 100-летию Феодосия Григорьевича Добржанского // *Генетика.* 2000. № 2. С. 297–298; *Захаров И. А.* К 100-летию со дня рождения Ф. Г. Добржанского // *Природа.* 2000. № 12. С. 58–59; *Конашев М. Б.* Зарождение экспериментального изучения микроэволюции в США (по работам Ф. Г. Добржанского на дрозофиле 30–40-х годов) // *Проблемы новейшей истории эволюционного учения.* Л.: Наука, 1981. С. 85–94; *Конашев М. Б.* Все образуется. Совсем не юбилейные заметки // *Ленинградский университет.* 1990. № 6

(19 февр.). С. 9; *Конашев М. Б.* Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 56–71; *Конашев М. Б.* Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 240–263; *Конашев М. Б.* «Невозвращенец» поневоле // Российские ученые и инженеры в эмиграции. М.: ПО «Перспектива», 1993. С. 136–146; *Конашев М. Б.* Бюро по евгенике (1922–1930) // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 22–28; *Конашев М. Б.* Феодосий Григорьевич Добржанский и становление генетики в Ленинградском университете // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 29–36; *Конашев М. Б.* «На поприще клеветы против советских биологов» (критика Ф. Г. Добржанским лысенкоизма) // Эволюционная биология (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 90. Вып. 1). СПб. 1994. С. 60–74; *Конашев М. Б.* По ту и по эту сторону океана (Феодосий Григорьевич Добржанский: 1900–1975) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 1996. Вып. 1. С. 45–58; *Конашев М. Б.* Эпистолярное наследие Феодосия Григорьевича Добржанского // Русская литература XX века в контексте мировой культуры. VI Крымские международные шмелевские чтения. Материалы научной конференции. Алушта, 1997. С. 356–358; *Конашев М. Б.* Концепция эволюционного гуманизма: Дж. Хаксли и Ф. Г. Добржанский // Философия XX века: школы и концепции. Материалы научной конференции 23–25 ноября 2000 г. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000. С. 463–464; *Конашев М. Б.* Ученый в разделенном мире: Ф. Г. Добржанский и становление биологии в начале века // Науковедение, 2000. № 3. С. 209–224; *Конашев М. Б.* Три поездки Ф. Г. Добржанского в Германию // Русско-немецкие связи в биологии и медицине: опыт 300-летнего взаимодействия. / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Борей Арт, 2001. Т. 2. С. 142–148; *Конашев М. Б.* Наука и религия: Дж. Хаксли и Ф. Г. Добржанский // Здравый смысл. 2001. № 3. С. 19–22; *Конашев М. Б.* «...И разговорились о России и прочем» (Ф. Г. Добржанский и советские генетики: 1946–1975 гг.) // Зарубежная Россия. 1917–1945. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2003. С. 151–159; *Конашев М. Б.* Наука и религия: Ф. Г. Добржанский // Зарубежная Россия. 1917–1945. Сб. статей. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2003. С. 160–167; *Конашев М. Б.* Наука и религия: Дж. Хаксли и Ф. Г. Добржанский // И. С. Шмелев и духовная культура православия. IX Крымские международные Шмелевские чтения. Сборник материалов международной научной конференции. 12–16 сентября 2000 г. Симферополь: Таврия-Плюс, 2003. С. 329–337; *Конашев М. Б.* Отечественные генетики за рубежом и совет-

ская генетика // Зарубежная Россия. 1917–1939. Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 174–178; *Конашев М. Б.* Поиски смысла: Ф. Г. Добржанский, Пьер Тейяр де Шарден и гуманистическая интерпретация эволюции человека // И. С. Шмелев и литературный процесс XX–XXI вв.: итоги, проблемы, перспективы. X Крымские международные Шмелевские чтения. Сборник материалов международной научной конференции 12–15 сентября 2001 г. М.: Российский Фонд культуры (программа «Российский архив»), 2004. С. 295–300; *Конашев М. Б.* Ю. А. Филипченко, Ф. Г. Добржанский и проблема экспериментального изучения видовой изменчивости // Эволюционная биология: история и теория. Вып. 3. / Под ред. Я. М. Галла, Э. И. Колчинского / Сост. А. В. Полевой. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 129–147; *Конашев М. Б.* Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество // Нестор. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX века: источники, исследования, историография. Вып. 3 / Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 361–389; *Конашев М. Б.* Эволюция была их божеством // В мире науки. 2007. № 6. С. 70–77; *Конашев М. Б., Кременцов Н. Л.* Ф. Г. Добржанский: «возвращение» в СССР // Генетика. 1991. Т. 27. № 6. С. 1113; *Конашев М. Б., Кременцов Н. Л.* Возвращение «невозвращенца». Памяти Ф. Г. Добржанского // Информационные материалы по проблемам генетики и селекции. Пушино, 1991. Вып. 3. С. 51–53; *Сорокина М. Ю.* Дальний путь к большому будущему // Природа. 1990. № 3. С. 88–91.

Как довольно часто бывает в подобных случаях, факты, отдельные фразы и абзацы, а то и целые страницы первого опубликованного текста или текстов воспроизводятся почти «один к одному» в последующих жизнеописаниях, причем нередко без какого-либо упоминания на источник или источники заимствования. См. например: *Голубовский М. Д.* Добржанский в двух мирах // Знание — сила. 2000. № 1. С. 27–33.

Из англоязычной литературы следует указать на несколько работ, посвященных Ф. Г. Добржанскому: *Ayala F. J.* «Nothing in biology makes sense except in the light of evolution» (Theodosius Dobzhansky: 1900–1975) // The Journal of Heredity, 1977. Vol. 68. No. 1. P. 3–10; *Ayala F. J.* Theodosius Dobzhansky // Biogr. Mem. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 1985. V. 55. P. 163–213; *Ayala F. J., Fitch W. M.* Genetics and the origin of species: an introduction // Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 1997. V. 94. P. 7691–7697; *Ayala F. J., Prout T.* Theodosius Dobzhansky: 1900–1975 // Social Biology. 1977. V. 23. P. 101–107; *Cain J.* Co-opt-

ing Colleagues: Appropriating Dobzhansky's 1936 Lectures at Columbia // *J. Hist. Biology*. 2002. V. 35. P. 207–219; *da Cunha, A. Brito*. On Dobzhansky and his evolution // *Biology and philosophy*. 1998. V. 13. N. 2. P. 289–300; *Ehrman L.* Theodosius Grigorievich Dobzhansky: 1900–1975. Scientist and Humanist // *Behavioral Genetics* 1977. V. 7. P. 3–10; *Eldredge N., Gould S.J.* A note on the series // *Dobzhansky Th. Genetics and the origin of species*. [reprint of 1937]. New York: Columbia University Press, 1982. P. IX–X; *Ford E. B.* Theodosius Grigorievich Dobzhansky, 25 January 1900–18 December 1975 // *Biographical memoirs of Fellows of the Royal Society*. 1977. Vol. 23. P. 59–89; *Fuller M. B.* Theodosius Dobzhansky papers // *The Mendel newsletter*. 1980. N. 18. P. 1–8; *Genetics of Natural Populations. The Continuing Importance of Theodosius Dobzhansky* / Ed. by Louis Levine. New York: Columbia U. P., 1995. XIV, 399 p.; *Gould S.J.* Introduction // *Dobzhansky Th. Genetics and the origin of species*. [reprint of 1937]. New York: Columbia University Press, 1982. P. XVII–XLI; *Greene J. C., Ruse M.* On the nature of the evolutionary process: the correspondence between Theodosius Dobzhansky and John C. Greene // *Biology and philosophy*. 1996. V. 11. N. 4. P. 445–491; *Hossfeld U.* Dobzhansky's Buch *Genetics and the Origin of Species* (1937) und sein Einfluss auf die deutschsprachige Evolutionsbiologie // *Jahrbuch fuer Geschichte und Theorie der Biologie*. 1998. Bd. 5. S. 105–144; *Konashев M. B.* On the Road to the Evolutionary Synthesis: National and International in Dobzhansky's Way // *Globalization and Diversity: Diffusion of Science and Technology Throughout History*. (XXII International Congress of History of Science. Beijing, 24–30 July, 2005). Book of Abstracts. Beijing, 2005. P. 419; *Konashев M. B.* Th. Dobzhansky and German geneticists // *Russian-German Links in Biology and Medicine. Abstracts of the International Conference, September 18–20, 2000, St. Petersburg*. / Ed. by E. I. Kolchinsky. St. Petersburg, 2000. P. 19–20; *Land B.* Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Th. Dobzhansky. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1973. 263 p; *Howard L., Lee E., Rollin R.* Theodosius Dobzhansky Up to Now // *Essays in Evolution and Genetics in Honor of Theodosius Dobzhansky* / Ed. by M. K. Hecht, W. S. Steere, B. Wallace. New York; London: Plenum Press, 1970. P. 1–41; *Lewontin R. C.* Dobzhansky's genetics and the origin of species: is it still relevant? // *Genetics*. 1997. V. 147. N. 2. P. 351–355; *Lewontin R. C.* Introduction: The Scientific Work of Th. Dobzhansky // *Dobzhansky's genetics of natural populations I–XLIII* / Ed. by R. C. Lewontin, J. A. Moore, W. B. Provine, B. Wallace. New York: Columbia University Press, 1981. P. 93–115; *Lewontin R. C., Moore J. A., Provine W. B., Wallace B.* Preface // *Dobzhansky's genetics of natural populations I–XLIII* / Ed. by R. C. Lewontin, J. Moore, W. B. Provine, B. Wallace. New York: Columbia University Press, 1981.

- P. XI–XIV; *Orr H. A.* Dobzhansky, Bateson, and the genetics of speciation // *Genetics*. 1996. V. 144. N. 4. P. 1331–1335; *Provine W. B.* Origins of the genetics of natural populations series // Dobzhansky's genetics of natural populations I–XLIII / Ed. by *Richard C. Lewontin, John A. Moore, William B. Provine and Bruce Wallace*. New York: Columbia University Press, 1981. P. 1–83; *The Evolution of Theodosius Dobzhansky* / Ed. by M. B. Adams. Princeton, New Jersey: Princeton U. P., 1994. XI., 249 p.; *Theodosius Dobzhansky: Career Summary and Bibliography* // *Evolutionary biology*. / Ed. by M. K. Hecht, W. S. Steere, B. Wallace. New York; London: Plenum Press, 1976. V. 9. P. 409–448; *Wallace B.* In Memoriam // *Evolutionary biology*. V. 9. P. vii–viii; *Welch John J.* Accumulating Dobzhansky-Muller incompatibilities: reconciling theory and data // *Evolution*. 2004. V. 58. N. 6. P. 1145–1156.
- ³ *Dobzhansky Th.* *Genetics and the Origin of Species*. New York: Columbia U. P., 1937. XVI, 364 p.
- ⁴ Книга была опубликована в качестве 11 тома Джесуповских лекций или биологической серии Колумбийского университета. См. подр.: *Cain J.* Co-opting Colleagues: Appropriating Dobzhansky's 1936 Lectures at Columbia // *Hist J. Biology*. 2002. V. 35. P. 207–219; p. 207–208; *Конашев М. Б.* Ф. Г. Добржанский и его «Генетика и происхождение видов» // *Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XXVII годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН (21–24 ноября 2006 г.)*. Вып. XXII. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2006. С. 110–111.
- ⁵ *Huxley J. S.* *Evolution, the Modern Synthesis*. London: George Alien and Unwin, 1942. 642 p.; *Mayr E.* *Systematics and the Origin of Species*. New York: Columbia U. P., 1942. XIV, 334 p.; *Simpson G. G.* *Tempo and Mode in Evolution*. New York: Columbia Univ. Press, 1944. 237 p.; *Paleontology and Evolution* / Ed. by G. L. Jepsen, E. Mayr, G. G. Simson. Princeton, New Jersey: Princeton U. P., 1949. XIV, 474 p.; *Stebbins G. L.* *Variation and Evolution in Plants*. New York: Columbia U. P., 1950. 643 p.
- ⁶ *Ayala F. J.* Nothing in biology makes sense except in the light of evolution (Theodosius Dobzhansky: 1900–1975 // *Journal of Heredity*. 1977. V. 68. P. 3–10, at P. 3; *Ayala F. J., Prout T.* Theodosius Dobzhansky: 1900–1975 // *Social Biology*. 1977. V. 23. P. 101–107, at P. 103.
- ⁷ *Gould S. J.* Introduction // *Dobzhansky Th.* *Genetics and the Origin of Species*. New York, 1982. P. XVII–XLI., at P. XXXV.
- ⁸ *Dobzhansky Th.* *Genetics of the Evolutionary Process*. New York; London: Columbia U. P., 1970. XIII. 505 p.
- ⁹ *Dobzhansky Th., Ayala F. I., Stebbins G. L., Valentine J. W.* *Evolution*. San Francisco: W.H. Freeman, 1977. XIV. 572 p.

- ¹⁰ Ayala F. J., Prout T. Theodosius Dobzhansky: 1900-1975 // *Social Biology*. 1977. V. 23. P. 101–107., at P. 106.
- ¹¹ APSL. (Библиотека Американского философского общества). B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Novojenov, [1966–71].
- ¹² *Dobzhansky Th.* The Biological Basis of Human Freedom. New York: Columbia U. P., 1956. VI. 139 p.; *idem.* Genetics and the Destiny of Man // Proceedings of the 10th International Congress of Genetics, 1959. V. 1. P. 468–474; *idem.* The Biology of Ultimate Concern. New York: The New American Library, 1967. 152 p.; *idem.* Studies in the Philosophy of Biology: Reduction and Related Problems / Ed. by Francisco Jose Ayala and Th. Dobzhansky. London: Macmillan, 1974. XIX. 390 p.
- ¹³ APSL. B: D65n. Nobel Prize Materials and Letters from R.C. Lewontin, A. Deschamps, George Beadle, 1. M. Lemer.
- ¹⁴ Подробнее о жизни и научной деятельности Ф. Г. Добржанского см.: The Evolution of Theodosius Dobzhansky / Ed. by Mark B. Adams. Princeton, New Jersey: Princeton U. P., 1994. XI. 249 p., p. 1–28, 31–83, 87–140; *Ayala F. J.* Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution (Theodosius Dobzhansky: 1900–1975) // *Journal of Heredity*. 1977. V. 68. P. 3–10; *Land B.* Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Theodosius Dobzhansky. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1973. 263 p.; *Конашев М. Б.* Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 56–71; *Конашев М. Б.* По ту и по эту сторону океана (Феодосий Григорьевич Добржанский: 1900–1975) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. СПб., 1996. Вып. 1. С. 45–58; Genetics of Natural Populations. The Continuing Importance of Theodosius Dobzhansky / Ed. by Louis Levine. New York: Columbia U. P., 1995. XII. 399 p., P. 3–36, 39–101.
- ¹⁵ Эти эпизоды приведены самим Ф. Г. Добржанским в обширном интервью американской журналистке Барбаре Лэнд, записанном на магнитофонную ленту, а потом отпечатанном на машинке и представляющем из себя отредактированную запись устных воспоминаний см.: *Dobzhansky Th.* The Reminiscences of Theodosius Dobzhansky. Part I. Columbia University, Oral History Research Office, New York. 1962. P. 6, 143–145. На основе интервью Б. Лэнд написала собственную книгу, сам объем которой говорит о ее сильном отличии от исходного материала см.: *Land B.* Evolution of a Scientist: The Two Worlds of Theodosius Dobzhansky. New York: Thomas Y. Crowell Company, 1973. 263 p.
- ¹⁶ *Филипченко Ю. А.* Хромозомы и наследственность // *Природа*. 1919. № 7–9. С. 327–350; *Филипченко Ю. А.* Закон Менделя и Моргана // *Природа*. 1922. № 10–12. С. 51–66.

- ¹⁷ Захаров И. А., Рязанцева Е. В. Г. Дж. Меллер в СССР // Николай Иванович Вавилов. Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Авт. вступит. статьи И. А. Захаров. М.: Наука. 1987. 168 с., С. 63–70, С. 63; *Krementsov N. L.* International Science Between the World Wars. The Case of Genetics. L.; N.Y.: Routledge, 2005. xviii. 186 p., P. 24. О Г. Дж. Меллере см.: *Carlson E. A.* Genes, Radiation and Society: The Life and Work of H. J. Muller. Ithaca; London: Cornell Univ. Press, 1981. xiv. 457 p.
- ¹⁸ *Dobzhansky Th.* Über den Bau des Geschlechtsapparats einiger Mutanten von *Drosophila melanogaster* Meig. *Z. Indukt. Abstamm. Vererbungsl.* 1924. V. 34. P. 245–248.
- ¹⁹ Добржанский Ф. Г. Обзор генетических исследований видов рода *Drosophila* // Труды по прикладной ботанике и селекции. 1926. С. 45–56.
- ²⁰ *Конашев М. Б.* Редкое сочетание мужества, таланта и беззаветного служения науке и родине. Юрий Александрович Филипченко (1882–1930) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. Вып. 2. СПб.: б/и, 1998. С. 51–62.
- ²¹ APSL. V:D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ²² См.: *Горощенко Ю. Л.* Юрий Александрович Филипченко - основатель отечественной генетической школы // Исследования по генетике, 1994. Вып. 11. С. 12–22; *Конашев М. Б.* Редкое сочетание мужества, таланта и беззаветного служения науке и родине. Юрий Александрович Филипченко (1882–1930) // Выдающиеся отечественные биологи / Ред.-сост. Э. И. Колчинский. Вып. 2. СПб., 1998. С. 51–62; *Медведев Н. Н.* Юрий Александрович Филипченко. М.: Наука, 1978. 104 с.; *Adams, M. B.* Filipchenko [Philipchenko], Iurii Aleksandrovich // Dictionary of Scientific Biography. 1990. Vol. 17. Suppl. II. P. 297–303.
- ²³ См.: *Ватти К. В., Тихомирова М. М.* Ленинградская генетическая школа // ВИЕТ. 1991. № 4. С. 27–34.; *Конашев М. Б.* Школа генетиков Ю. А. Филипченко // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2. Кн. 2 / Под ред. С. А. Кугеля. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994. С. 23–29.
- ²⁴ О русских стипендиатах конца 1920-х гг. этого американского фонда см. *Кожевников А. Б.* Филантропия Рокфеллера и советская наука // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 80–111.
- ²⁵ РНБ. Ф. 813. Д. 1282. Л. 128.
- ²⁶ О роли Ф. Г. Добржанского в формировании направлений генетических исследований на этой кафедре см. *Конашев М. Б.* Феодосий Григорьевич Добржанский и становление генетики в Ленинградском университете // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 29–36; *Конашев М. Б.* Бюро по евгенике (1922–1930) // Исследования по генетике. 1994. Вып. 11. С. 22–28.

- ²⁷ Данную переписку см.: У истоков академической генетики в Санкт-Петербурге. СПб.: Наука, 2002. С. 20–411.
- ²⁸ О причинах, побудивших Ф. Г. Добржанского остаться в США, и обстоятельствах, при которых им принималось такое решение см.: *Конашев М. Б.* Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессированная наука. Л.: Наука, 1991. С. 240–263.
- ²⁹ *The roving naturalist: travel letters of Theodosius Dobzhansky* / Edited, and with an introduction by Bentley Glass. Philadelphia: American Philosophical Society, 1980. 327 p.
- ³⁰ *Dobzhansky Th.* Genetics of the Evolutionary Process. New York; London: Columbia U. P., 1970. XIII. 505 p.; *Dobzhansky Th., Ayala F. I., Stebbins G. L., Valentine J. W.* Evolution. San Francisco: W. H. Freeman, 1977. XIV. 572 p.
- ³¹ *Dobzhansky Th.* Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species. New Haven: Yale U.P., 1962. XIII. 381 p.
- ³² *Dobzhansky Th.* Evolution, Genetics and Man. New York: John Wiley & Sons, Inc., 1955. IX. 398 p.; *Dobzhansky Th.* Heredity and the Nature of Man. New York: Harcourt, Brace & World, Inc., 1964. X. 179 p.
- ³³ Studies in the Philosophy of Biology: Reduction and Related Problems / Ed. by Francisco Jose Ayala and Th. Dobzhansky. London: Macmillan, 1974. XIX. 390 p.; *Dobzhansky Th., Boesiger E.* Human Culture. A Moment in Evolution / Ed. by Bruce Wallace. New York: Columbia U.P., 1983. XXI. 175 p.
- ³⁴ *Галл Я. М., Конашев М. Б.* Классик // Природа. 1990. № 3. С. 79–87.
- ³⁵ *Морган Т. Г.* Структурные основы наследственности. М.; Пг.: Госиздат, 1924. 310 с.; *Гэтс Р.* Наследственность и евгеника. Л.: Сеятель, 1926. 267 с.; *Морган Т. Г.* Теория гена. Л.: Сеятель, 1927. 312 с.; *Конклин Э. Г.* Наследственность и среда. М.: Госиздат, 1928. 333 с.
- ³⁶ *Конашев М. Б.* Зарубежные генетики и Всесоюзный съезд по генетике 1929 г. // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 1998 / Под ред. В. М. Орла. М.: ИИЕТ РАН, 1999. С. 482–484; *Конашев М. Б.* Ю. А. Филипченко и генетические исследования в Германии и США // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XX годичной конференции СП отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники (22–26 ноября 1999 г.). Вып. XV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1999. С. 171–172.
- ³⁷ *Добржанский Ф. Г.* Исследования над интерсексами и суперсексами у *Drosophila melanogaster* // Известия Бюро по генетике. 1929. № 7. С. 91–158; *Добржанский Ф. Г.* Обзор явлений перестройки хромосомного аппарата // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. Серия 2. 1934. № 6. С. 147–171.

- ³⁸ *Конашев М. Б.* Ф. Г. Добржанский — генетик, эволюционист, гуманист // Вопросы истории естествознания и техники. 1991. № 1. С. 56–71. С. 59.
- ³⁹ *Конашев М. Б.* Неизвестная страница научного творчества двух генетических школ: Ю. А. Филипченко и Т. Х. Моргана // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Тезисы XIX годичной конференции СП отделения Национального комитета по истории и философии науки и техники (23–28 ноября 1998 г.). Вып. XIV. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1998. С. 32–33.
- ⁴⁰ *Гайсинович А. Е.* Зарождение и развитие генетики. М.: Наука, 1988. С. 315.
- ⁴¹ Program // Proceedings of the Sixth International Congress of Genetics. Ithaca, New York. 1932. V. 1. Transactions and General Addresses. / Ed. by Donald F. Jones. Menasha, Wisconsin: Brooklyn Botanical Garden, 1932. P. 23.
- ⁴² Об участии советских генетиков в этом и других Международных генетических конгрессах см. подр.: *Конашев М. Б.* Международные генетические конгрессы и советские генетики // На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX веке: источники, исследования, историография. Вып. 4 / Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2008 (в печати).
- ⁴³ *Конашев М. Б.* 7-й Международный генетический конгресс в Москве и зарубежное генетическое сообщество // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. 1997. 2 часть. М.: Янус-К, 1997. С. 110–111.
- ⁴⁴ *Конашев М. Б.* Самоцензура отечественных генетиков и эволюционистов в переписке с зарубежными коллегами в 1930-е годы // Историческая психология сталинизма и ее судьба. Тезисы международной научной междисциплинарной конференции. Санкт-Петербург, 19–21 мая 1998 г. / Под ред. чл.-корр. РАО проф. В. И. Старцева. СПб.: Минерва-2, 1998. С. 56–58; *Конашев М. Б.* Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество // Нестор. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX веке: источники, исследования, историография. Вып. 3 / Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 361–389. С. 362.
- ⁴⁵ См. подр.: *Конашев М. Б.* Зарубежные книги по эволюционной генетике и эволюционной теории в библиотеках Санкт-Петербурга // Книга и мировая цивилизация: Материалы XI Междунар. науч. конф. по проблемам книговедения (Москва, 20–21 апр. 2004 г.): В 4 т. Т. 3. М.: Наука, 2004. С. 149–152.

- ⁴⁶ См. подр.: *Конашев М. Б.* Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество // *Нестор.* № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX веке: источники, исследования, историография. Вып. 3. Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 361–389.
- ⁴⁷ *Дубинин Н. П.* Генетика — страницы истории. Кишинев: Штиинца, 1990. С. 90–91; *Сойфер В. Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. 4-е изд. перер. и доп.: М.: ЧеРо, 2002. С. 421–422, 425–426.
- ⁴⁸ *Кременцов Н. Л.* «Американская помощь» в советской генетике: 1945–1947 // *ВИЕТ.* 1996. № 3. С. 25–41.
- ⁴⁹ *Paul D. B., Krimbas C. B., Nikolai V. Timofeeff-Ressovsky* // *Scientific American*, 1992. P. 64–70; *Рокитянский Я. Г.* Н. В. Тимофеев-Ресовский в Германии и на Лубянке // *Рассекреченный Зубр.* Следственное дело Н. В. Тимофеева-Ресовского / Вступит. статья Я. Г. Рокитянского. Документы / Состав. Я. Г. Рокитянский, В. А. Гончаров, В. В. Нехотин. М.: Academia, 2003. С. 5–162; *Конашев М. Б.* Несостоявшийся переезд Н. В. Тимофеева-Ресовского в США // *На переломе: советская биология в 20–30-х годах* / Под ред. Э. И. Колчинского. СПб., 1997. С. 94–106., С. 102–103.
- ⁵⁰ О значении такой сети в развитии советской биологии периода борьбы с лысенкоизмом см.: *Adams M. B.* Network in action: the Khrushchev era, the Cold War and the transformation of soviet science // *Trondheim studies on East European cultures & societies.* 2000. No. 3. P. 1–37.
- ⁵¹ *Кременцов Н. Л.* «Американская помощь» в советской генетике, 1945–1947 // *Вопросы истории естествознания и техники.* 1996. № 3. С. 25–41.
- ⁵² *Конашев М. Б.* «На поприще клеветы против советских биологов» (критика Ф. Г. Добржанским лысенкоизма) // *Эволюционная биология* (Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. Т. 90. Вып. 1). СПб., 1994. С. 60–74.
- ⁵³ APSL. V:D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁵⁴ См. подр.: *Конашев М. Б.* «...И разговорились о России и прочем» (Ф. Г. Добржанский и советские генетики: 1946–1975 гг.) // *Зарубежная Россия. 1917–1945.* Сб. статей. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2003. С. 151–159.
- ⁵⁵ Оригинал письма начальника Иностранного отдела АН СССР, С. Г. Корнеева от 10.05.1963 за № 290 хранится в Рукописном отделе Библиотеки Американского философского общества. См. APSL. V:D 65. Th. Dobzhansky Papers. См. также: *Конашев М. Б.* Отечественные генетики за рубежом и советская генетика // *Зарубежная Россия. 1917–1939.* Сб. статей. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003. С. 174–178.

- ⁵⁶ См. подр.: *Захаров И. А.* Краткие очерки по истории генетики. М.: 1999. 72 с., С. 24–29; *Медведев Ж. А.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М.: Книга, лтд, 1993. 348 с., С. 319–334.; *Сойфер В. Н.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. 4-е изд. перераб. и доп.: М.: ЧеРо, 2002. С. 887–927.
- ⁵⁷ Об этой попытке Ф. Г. Добржанского получить официальное приглашение, а, по сути, разрешение приехать на родину см. подр.: *Конашев М. Б.* «...И разговорились о России и прочем» (Ф. Г. Добржанский и советские генетики: 1946–1975 гг.) // Зарубежная Россия. 1917–1945. Сб. статей. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2004. С. 151–159. О получении известия об отказе см.: Там же. С. 156.
- ⁵⁸ APSL. B: D65 Th. Dobzhansky Papers. Kerkis, [2 fold., 1969–75]. См. также: *Конашев М. Б.* «...И разговорились о России и прочем» (Ф. Г. Добржанский и советские генетики: 1946–1975 гг.) // Зарубежная Россия. 1917–1945. Сб. статей. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2004. С. 151–159.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Dobzhansky Th.* Revival of Genetics in the USSR // *Quarterly Review of Biology.* 1968. V. 43. P. 56–59.
- ⁶⁵ APSL. B:D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁶⁶ *Дубинин Н. П.* История и трагедия советской генетики. Философские проблемы генетики. М.: Наука, 2002. С. 168.
- ⁶⁷ См. подр.: *Конашев М. Б.* Отечественные генетики на родине и за рубежом: наука, книга, общество // *Нестор.* № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX–XX веке: источники, исследования, историография. Вып. 3 / Под ред. Э. И. Колчинского, М. Б. Конашева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского института истории РАН «Нестор-История», 2005. С. 361–389.
- ⁶⁸ APSL. B:D65 Th. Dobzhansky Papers. Novojenov, [1966–71].
- ⁶⁹ *Гершензон С. М.* Воспоминания о встречах с Ф. Г. Добржанским // *Генетика.* 2000. № 2. С. 299–300.; *Захаров И. А.* К 100-летию Феодосия Григорьевича Добржанского // *Генетика.* 2000. № 2. С. 297–298; *Захаров И. А.* К 100-летию со дня рождения Ф. Г. Добржанского // *Природа.* 2000. № 12. С. 58–59; *Конашев М. Б.* Ученый в разделенном мире: Ф. Г. Добржанский и становление биологии в начале века // *Науковедение.* 2000. № 3. С. 209–224.
- ⁷⁰ *Ayala F.J., Prout T.* Theodosius Dobzhansky: 1900–1975 // *Social Biology.* 1977. V. 23. P. 101–107.

- ⁷¹ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁷² *Krimbas Costas B.* The Evolutionary Worldview of Theodosius Dobzhansky // The Evolution of Theodosius Dobzhansky / Ed. by M. B. Adams. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 188.
- ⁷³ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Слова “ultimate questions” могут быть кратко переведены также как «конечные вопросы» или более пространно как вопросы о предельных основах бытия.
- ⁷⁷ О трактовке этих вопросов см.: *Dobzhansky Th.* The Biology of Ultimate Concern. New York, 1967. P. 4–6.
- ⁷⁸ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁷⁹ См. подр.: *Конашев М. Б.* Наука и религия: Ф. Г. Добржанский // Зарубежная Россия. 1917–1945. Сб. статей. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2004. С. 160–167.
- ⁸⁰ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ См. подр.: *Конашев М. Б.* Эволюция была их божеством // В мире науки. 2007. № 6. С. 78–85.
- ⁸⁴ *Dobzhansky Th.* Evolution and Man’s Self-Image // Evolution Anthropology, Physical. London, 1975. P. 189–220.
- ⁸⁵ Там же. P. 220.
- ⁸⁶ Там же. P. 189.
- ⁸⁷ Там же. P. 189.
- ⁸⁸ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁸⁹ *Dobzhansky Th.* Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species. New Haven: Yale U.P., 1962. XIII. P. 224.
- ⁹⁰ APSL. B: D 65. Th. Dobzhansky Papers.
- ⁹¹ *Dobzhansky Th.* The Biological Basis of Human Freedom. New York: Columbia U. P., 1956. VI. 139 p.; *Dobzhansky Th.* Genetic and Equality. Equality of Opportunity Makes the Genetic Diversity among Men Meaningful // Science. 1962. V. 137. № 3524. P. 1, 12–115.; *Dobzhansky Th.* Race Equality // The Biological and Social Meaning of Race / Ed. by R. H. Osborne. San Francisco: Freeman, 1971. P. 13–14.
- ⁹² *Dobzhansky Th., Boesiger E.* Human Culture. A Moment in Evolution / Ed. by Bruce Wallace. New York: Columbia U.P., 1983. XXI. 175 p.; *Dobzhansky Th.* Human Values in an Evolutionary World // Human Values and Advancing Technology / Ed. by C. P. Hall. New York: Friendship Press, 1967. P. 49–67.

А. И. Терюков

Г. С. Лыткин — коми-зырянский просветитель

Рассматривая русскую культуру, мы должны помнить, что по своей сути она была многонациональной. Ибо, поскольку Россия сложилась как многоэтническое государство, в ней веками формировалась культура, которая была следствием взаимодействия многих народных традиций и индивидуальной деятельности представителей многих народов, населявших бескрайние просторы Российской империи. Несмотря на достаточно жесткий сословный характер российского общества, талантливые люди из инородцев (термин употребляется автором для обозначения всего нерусского населения России, как это было принято до революции. — А. Т.), часто вопреки всем препятствиям, оказывались в числе представителей царской администрации, деятелей культуры и искусства и внесли свой вклад в развитие страны. Одним из таких людей был Г. С. Лыткин, выходец из небольшого северного народа, который благодаря своему упорству и таланту сумел пройти через многие перипетии судьбы, «выбиться в люди» и стать полезным своему Отечеству и своему народу.

Георгий (Юрий) Степанович Лыткин (1835–1907) — первый коми лингвист, историк и литератор, этнограф и фольклорист, был основоположником собственно национальной научной школы изучения этнографии и истории народов коми¹. Начав

свою научную деятельность как калмыковед, алтаист, он постепенно становится финно-угроведом, исследователем традиционной культуры народа, из среды которого он сам вышел.

Г. С. Лыткин родился в г. Усть-Сысольске (ныне — г. Ськтывкар) и происходил из купеческой среды. Его семья в это время переживала финансовый кризис, потеряв в результате неудачных торговых операций значительную часть своего состояния. Позднее он вспоминал: «Мой отец ворочал торговыми делами на полмиллиона тогдашних рублей, тем не менее, будучи уже 70 лет, сам пахал и учил меня, 8-летнего малыша, бороться, пахать и сеять; моя мать была отличный косец, отличная хозяйка»². Однако его отец все же решил дать сыну образование. В 1848 г. Г. С. Лыткин после окончания Усть-Сысольского уездного училища отправляется учиться в Вологодскую гимназию, которую заканчивает в 1854 г. В это время он знакомится с Александрой Осиповной Ишимовой, будущей известной русской писательницей, проживавшей в Усть-Сысольске со своим отцом, отправленным сюда в ссылку. Под ее влиянием Г. С. Лыткин начинает писать краеведческие заметки³.

В 1854 г. он становится студентом Императорского Санкт-Петербургского университета согласно определению попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, которое гласило: «Зачислить купеческого сына Г. Лыткина в 1 курс юридического факультета и разряда с 1 августа с. г., с тем, чтобы он выдержал приемные испытания по математике в декабре месяце 1854 г. Г. Лыткину немедленно представить деньги за слушание лекций в текущем сезоне»⁴. Последняя фраза о том, что он должен предоставить деньги за учебу, связано с тем, что он был принят «в число 300 своекоштных студентов», то есть должен был платить за обучение⁵. Но юристом он не стал. В. И. Лыткин пишет, что у него было желание поехать в Гельсингфорс для учебы в местном университете и изучения финно-угорских языков⁶. В 1855 г. в Петербург из Казанского университета был переведен факультет восточных языков. И Г. С. Лыткин принимает решение перейти на этот факультет. Это было вызвано тем, что оплачивать свою учебу он не мог (в его личном деле сохранились просьбы об оказании ему материального вспомоществования), а на восточном полагалась стипендия. Так он становится студентом монгольско-

калмыцко-тюркского разряда факультета восточных языков. Уже в конце 1855 г. его, как «оказывающего хорошие успехи в монгольском языке и отличного прилежания», зачисляют в число стипендиатов Министерства народного просвещения⁷. В последующие годы он получал 300 рублей в год, что было достаточно для учебы. Во время учебы ему, вместе с товарищем по факультету А. Михайловым, была предоставлена возможность поездки в Калмыцкие степи для совершенствования знаний в калмыцком языке⁸. Собранные в ходе экспедиции материалы легли в основу его кандидатского сочинения «Исторический очерк знаменитого в буддийской иерархии ламы Зая-Пандиты, с показанием его влияния на распространение буддизма между ойротами и ученых его заслуг для калмыцкой литературы», которая была удостоена Советом университета золотой медали⁹.

После окончания университета Г. С. Лыткин был оставлен для подготовки к профессорскому званию по калмыцкой лингвистике. Для этого он должен был продолжить сбор материалов по фольклору, истории и древней литературе калмыков. В связи с этим он снова на два года командирован в Калмыцкие степи Астраханской и Ставропольской губерний¹⁰. В это время Г. С. Лыткин активно занимается калмыковедением, в котором он достиг значительных успехов¹¹. Он пишет оригинальные статьи по калмыцкой литературе, публикует тексты калмыцких исторических сочинений, переводит их с калмыцкого и монгольского на русский¹², готовит магистерскую диссертацию. Но стать преподавателем университета ему не удалось. Вместо этого в 1865 г. «согласно наведенным справкам в делах канцелярии Попечителя СПб университета, кандидат Г. Лыткин определен штатным преподавателем географии 6-й Ларинской гимназии с 1 августа 1865 г.»¹³.

Нам очень сложно судить, что же на самом деле произошло. Позднее в своем письме академику И. Срезневскому Г. С. Лыткин написал: «Вообще я человек неудавшийся. Тогдашние реформы (1861 г.) по учебной части вызвали сильное желание поработать на родине, где обещал <...> тогдашний Министр народного просвещения устроить для меня особую инспекцию. Я ждал, наступила реакция — дело заглохло; 3 года в ожидании чего-либо благоприятного для дела пробыл в звании кандидата-

педагога, потом (1865–1869) сверхштатным учителем истории и географии»¹⁴. Действительно, в его деле имеется обращение декана факультета восточных языков от 18 декабря 1861 года в Совет университета «об исходатайствовании Г. Лыткину места штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ, что было бы полезно для образования тамошнего края, заселенного зырянами, так как Г. Лыткин сам происходит из зырян и получил университетское образование». На нем есть отметка о том, принято решение «просить Попечителя С.-Петербургского учебного округа об определении Г. Лыткина на штатного смотрителя Усть-Сысольских училищ»¹⁵. Но положительного решения этот вопрос не имел, во всяком случае, ответа не поступило.

Но была еще одна причина, общественно-политического характера. Как утверждает известный в дореволюционной России общественный деятель, публицист Лонгин Федорович Пантелеев, «из Астраханской губернии Г. Лыткин вернулся совершенно охладевшим к наукам, сильно увлекшимся демократическим движением, горячим сторонником Чернышевского»¹⁶. Он также пишет о том, что Г. С. Лыткин был членом общества «Земля и воля» и на его квартире некоторое время была даже подпольная типография. Именно это и прослужило, по-видимому, причиной того, что ему было отказано в занятии значительного чиновничьего поста на родине. Тогда же, как Г. С. Лыткин сообщает И. Срезневскому, он «находясь в расстроенном состоянии, предал огню свои дневниковые записки и другие под руку попавшие материалы, было ли это сделано с участием сознания разорвать связи с монголизмом и ойратизмом или с другой целью, не знал и не знаю»¹⁷.

С августа 1862 года Г. С. Лыткин служит по ведомству Министерства народного просвещения. Основным местом его работы становится Санкт-Петербургская 6 классическая гимназия, в которой в качестве штатного преподавателя он числился с 8 августа 1869 года. Дослужившись до чина статского советника и выслужив установленные 40 лет службы, он еще продолжал преподавать. Но, по принятым в то время правилам, директор гимназии неоднократно обращался к попечителю Санкт-Петербургского учебного округа с просьбой разрешить ему продолжить работать. Например, директор гимназии Мор в письме от 2 мая 1902 г. на имя попечителя писал: «Штатный

преподаватель истории и географии вверенной мне гимназии статский советник Г. Лыткин, выслужив 1 августа с. г. 2-хлетний срок, на который он был оставлен по истечению 40 лет его службы, обратился ко мне с просьбой оставить его на таковой еще на 3 года. Свидетельствую перед Вашим Превосходительством об отличном усердии, ревности и полезности службы преподавателя Лыткина, а так же о том, что он еще действительно в силах и впредь продолжить успешно свою педагогическую деятельность. Я считаю своим долгом исходить почтительно перед Вашим Превосходительством об оставлении его в настоящей должности вновь на 3 года»¹⁸. Директор отмечает, что Г. С. Лыткин к 14 октября 1902 г., когда писалось обращение, «прослужил по учебной части 42 года, 2 месяца и 14 дней». В последние годы он преподавал историю, его нагрузка составляла 14 уроков в неделю и получал 1569 р. 99 коп. в год¹⁹. В делах гимназии сохранилось подобное обращение от 1900 г, когда исполнилось 40 лет его педагогической деятельности и он должен был уйти в отставку. Но ему было разрешено продолжить работу.

Кроме того, в разное время Г. С. Лыткин состоял преподавателем 4-ой Санкт-Петербургской гимназии, в гимназии Ставиской, Константиновского военного училища, Первой военной гимназии.

Г. С. Лыткин был автором гимназического учебника по общей географии, рекомендованного Министерством народного просвещения в качестве основного учебного пособия и выдержавшего 3 издания в 1880–1894 гг., а также географических таблиц²⁰.

Удачно сложилась и его личная жизнь. Он был женат, имел двух дочерей. Но в ней была одна загадка. В 1900 году между дирекцией 6-ой гимназии и попечителем СПб учебного округа развернулась переписка, обозначенная грифом «Секретно», по поводу усыновления им «18-летнего незаконнорожденного воспитанника его Сергея»²¹. Директор поддержал обращение Г. С. Лыткина к государю императору с просьбой разрешить усыновить его, сообщая, что «служебная деятельность штатного преподавателя Ларинской гимназии статского советника Г. Лыткина, так же, как и его нравственные качества представляют, по моему мнению, вполне достаточное основание к ходатайству об оказании ему монаршей милости по семейному его делу». Из

позднейших данных известно, что его сын, С. Г. Лыткин был сотрудником Крестьянского поземельного банка²².

К сбору материалов по этнографии и фольклору коми Г. С. Лыткин начал проявлять внимание еще в студенческие годы. Позднее он писал, что большая часть его материалов была утеряна им в 1856 г. В его личном деле сохранились прошения об оказании ему материальной помощи, так как при возвращении с каникул он был ограблен в Нижнем Новгороде, что подтверждается наличием справки от тамошней полиции²³. Но по-настоящему этими проблемами он начинает заниматься в начале 1880-х годов. Это было связано с тем, что в 1883 году Русская православная церковь отмечала 500-летие начала миссионерской деятельности Стефана Пермского в землях предков современных коми — перми вычегодской, возведенного в 1383 г. в сан епископа Пермского. Именно в этот год выходит концептуальный историко-этнографический очерк Г. С. Лыткина «Пятисотлетие Зырянского края», высказанные в котором некоторые идеи оказали существенное влияние на будущих историков Коми края²⁴. На основе большого числа исторических документов Г. С. Лыткин проследил начало просветительской деятельности Стефана как представителя церкви. Таким образом, он в своем очерке связал воедино историю Коми края с историей Московской Руси. Это основа его исторической концепции — история Коми края есть часть истории Московской Руси, ибо Стефан положил основы для владычества Москвы над этими землями. Именно он блестяще совершил мирный переход Зырянского края под власть Московского государства, решив таким образом старый спор между Москвой и Великим Новгородом. Наиболее полно эта концепция была изложена в другой работе Г. С. Лыткина — «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык»²⁵. Эти исторические работы имеют большое значение для выявления определенных этапов этнической истории народов коми.

К книге «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык» Г. С. Лыткин приложил «Объяснение к этнографической карте», в котором дает ряд обобщающих характеристик коми-зырян, причем часто в сравнении с коми-пермяками и вотяками (удмуртами). Им было опубликовано и несколько фольклорных текстов. Частично они были записаны им самим,

частично были извлечены из книг П. И. Савваитова, Н. Рогова и других ученых.

Для исследователей традиционной культуры народов коми не потеряли своего значения его лингвистические работы. В первую очередь следует отметить его «Русско-зырянский словарь», изданный, к сожалению, уже после его смерти, над которым Г. С. Лыткин работал по поручению Императорской Академии наук с 1901 по 1907 г. Он содержит более 25 000 слов и является самым большим словарем коми языка дореволюционного периода²⁶. Он был подготовлен на основе первого варианта рукописного словаря Н. П. Попова²⁷. Н. П. Попов более 20 лет руководил коллективом местных краеведов, занимающихся лексикографией. Эта группа возникла в Усть-Сысольске после посещения этого северного города будущим академиком А. И. Шегреном. Этот словарь содержит большое количество этнолингвистического материала, в том числе значительное количество вышедших в настоящее время из оборота терминов²⁸. Но словарь Н. П. Попова он существенно изменил, по этому поводу он писал академику К. Г. Залеману: «Я многое выпустил, многое изменил, кое-что внес свое; одним словом трудно сказать: словарь ли это Попова, или мой, составленный по Попову»²⁹. Важной заслугой Г. С. Лыткина-лингвиста является то, что он впервые правильно описал фонетическую систему языка коми и сумел установить звуковые нормы коми языка в связи с выявлением фонемного состава, расшифровал памятники древнепермской (древнекоми) письменности, составил первые и единственные до сих пор сравнительные словари коми, удмуртского и мордовского языков³⁰. По мнению одного из коми лингвистов, В. И. Лыткина, «Г. С. Лыткин, вне всякого сомнения, является отцом коми языковедческой науки»³¹. Кроме того, он впервые написал грамматику коми языка на родном языке. Этого до него не делал никто. Причем грамматическая терминология, предложенная им, используется до настоящего времени.

Особо хотелось бы остановиться на его переводческой деятельности. Г. С. Лыткин активно занимался переводом на коми язык различных текстов. Понимая, что сфера употребления коми языка была крайне узка, он пытался ввести этот язык в сферу богослужебной практики. Г. С. Лыткин писал: «В детстве я лю-

бил посещать богослужение, совершаемое обыкновенно на славянском языке, и горько, горько плакал, что по незнанию языка, не понимаю того, что так складно поется и читается в церкви»³². Именно это детское воспоминание и лежало в основе его переводческой деятельности в области церковной литературы. Из опубликованных им переводов следует выделить «Божественную литургию Св. Иоанна Златоуста», «Святое Евангелие от Матвея, Луки и Иоанна», «Псалтырь», «Деяния Св. Апостолов», ряд наиболее важных молитв³³. Причем он издавал их двуязычными, на русском и коми-зырянском языках³⁴. Он же выполнил и первый перевод на коми язык «Жития Стефана Пермского», устюжского монаха, в 1378–1390-х годах крестившего коми-зырян. Работа Г. С. Лыткина была замечена в высших государственных и церковных кругах. Он как представитель «зырянского народа» был приглашен в Москву на торжественное богослужение, посвященное 500-летию принятия коми христианства и состоявшееся в церкви Спас-на-Бору в Московском Кремле, где был похоронен св. Стефан Пермский. 200 экземпляров его перевода «Божественной литургии» императрица Мария Федоровна повелела разослать «в зырянские народные училища в ознаменование 500-летия утверждения учения Христа в зырянском крае».

Для своей книги «Зырянский край...», которую он видел в качестве пособия для изучения русского языка для зырян, он выполнил ряд переводов из «Родного слова» Н. С. Ушинского, в частности, включенные в эту книгу русские народные сказки и пословицы. Г. С. Лыткин, в отличие от своих земляков-просветителей, вынашивал специально разработанную программу организации школы на коми языке. Он писал: «Книгою под заглавием “Зырянский край и зырянский язык” нужно пользоваться в следующем порядке. Дети должны быть обучены сначала чтению и письму зырянской азбуки, затем зырянских числительных имен; далее чтению произведений народного творчества зырян без перевода их на русский язык. Когда дети достаточно освоятся с зырянской грамотою, необходимо перейти сначала к изучению русской гражданской азбуки, затем русских числительных имен, далее чтению русского перевода произведений творчества зырян. Только после этого изучается та часть, которая озаглавлена “Переводы с русского языка на

зырянский»³⁵. В предисловии к этой книге Г. С. Лыткин признавался: «И в Вологодской гимназии, и в С.-Петербургском университете, при изучении восточных языков, не покидала меня мысль — быть когда-либо полезным подрастающему поколению зырян переводами книг религиозного содержания на зырянский язык и составлением такой книги, которая дала бы им возможность изучить русский язык, употребляемый и в церкви, и в науке, и в суде. Эту мысль я мог привести в исполнение только в последние 6–7 лет, в свободные от уроков часы, по вечерам, праздникам и в каникулы»³⁶. И он достиг этой задачи. Его педагогические воззрения очень близки к идеям и практике выдающегося русского педагога и ученого, члена-корреспондента Императорской Академии Наук, крупнейшего специалиста по восточным языкам Н. И. Ильминского. И это не удивительно, они были знакомы, переписывались³⁷.

Но все же деятельность Г. С. Лыткина не была безоблачной. Ему постоянно приходилось доказывать свою правоту. Основным противником Г. С. Лыткина был П. И. Савваитов, который пытался оспорить созданную Г. С. Лыткиным фонетическую систему для коми языка, каковая до настоящего времени считается лучшей³⁸. Основной причиной их разногласий было использование разных форм правописания коми языка. П. И. Савваитов настаивал на своем алфавите, а Г. С. Лыткин предлагал использовать при переводах т. н. «шегреновско-академический» вариант. П. И. Савваитов использовал в борьбе со своим конкурентом все методы борьбы, вплоть до «неакадемических», включая доносы и обращения на имя всесильного обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Например, в письме на его имя П. И. Савваитов в 1881 г. возражал против принятого решения директора Хозяйственного управления Синода Ильминского об издании «Литургии Иоанна Златоуста» по определению великой княгини Александры Иосифовны. Он предлагает выполнить совместный перевод текста, а само издание осуществить на основе его азбуки. Далее он замечает, что Г. С. Лыткин настроен против его предложений и настаивает на своем варианте. А так как решение уже принято, то П. И. Савваитов обращается к обер-прокурору как последней инстанции в этом споре, предоставив на рассмотрение исправленный текст

рукописи Г. С. Лыткина и свой вариант³⁹. Литургия все же была издана в переводе Г. С. Лыткина. Но в рукописях остались не получившие разрешения к печати «Акафист и служба св. Стефану Пермскому», «Начатки христианского православного учения», «Жизнеописание святых Кирилла и Мефодия», «Последование вечерни», «Последование утрени», «Чин поминовения усопших», «Воскресный апостол», «Воскресное Евангелие», «Часослов». В отличие от П. И. Савваитова, Н. В. Никольский отмечает, что «в переводах Г. С. Лыткин стремится дать точное соответствие подлиннику, народному языку и, по возможности, избегать слов и выражений, противоречащих достоинству содержания. К числу недочетов надо отнести слишком строгий буквализм»⁴⁰.

Павел Иванович Савваитов (1815–1895) — историк, лингвист, этнограф и археограф, родился в Вологде, в семье священнослужителя⁴¹. Окончил Вологодскую семинарию (1833 г.), а затем Духовную академию в Петербурге (1837 г.). Был преподавателем Санкт-Петербургской духовной семинарии. Эту службу он совмещал с преподаванием русского языка и словесности в военных учебных заведениях столицы. Одновременно начинается его научная работа. Со временем П. И. Савваитов становится одним из крупнейших специалистов по русской истории, автором ряда книг, ставших заметным событием в русской науке⁴². Позднее назначается профессором Духовной академии в Петербурге. В 1867 г. он определяется правителем дел Ученого комитета Министерства народного просвещения, в должности которого он прослужил до своей смерти⁴³.

П. И. Савваитов являлся активным участником подготовки перевода Библии, а также многих исторических и археологических изданий. В частности, по поручению Норова он подготовил и издал славяно-греческую билингву Нового Завета (1861–1866). Важнейшей его работой по библеистике является «Библейская герменевтика» (1857). Это краткое, но предельно ясное и строго систематическое руководство оставалось образцовым в русской библеистике на протяжении всего XIX века.

Во время преподавательской работы в Вологодской семинарии в 1837–1842 и 1843–1850 гг. в должности профессора философии ученый-богослов столкнулся с проблемой перевода бого-

служебных книг на коми язык и выучил его; совершил несколько поездок к коми, начал собирать сведения о них. В 1850 г. издал зырянскую грамматику и словарь⁴⁴. К составлению этой «Граматики» его подтолкнуло открытие в 1843 г. класса зырянского языка при Вологодской семинарии, готовящего священнослужителей для работы среди коми-зырян. После этого он считал себя крупнейшим знатоком коми языка, особенно после смерти в 1855 г. академика А. И. Шегрена, и крайне агрессивно реагировал на любое несогласие с его мнением в этой отрасли знания. И так как Г. С. Лыткин позволял себе не соглашаться с ним, то многие переводы различных текстов, особенно богослужебных, были не изданы из-за отрицательных отзывов П. И. Савваитова, причиной которых было намерение издать их так, как предлагал Г. С. Лыткин.

Прежде чем закончить очерк об этом замечательном человеке, хотелось бы остановиться и на его литературном творчестве. Г. С. Лыткин стоял у истоков коми литературы. Современные историки коми литературы проходят мимо того факта, что первые публикации стихотворных текстов на коми языке принадлежат именно ему. И это связано в первую очередь с политическими мотивами, ибо эти стихотворения носили верноподданнический характер и были приурочены к смерти императора Николая Павловича и воцарению Александра Николаевича⁴⁵. Именно эти мотивы были причиной того, чтобы считать первой публикацией на коми языке стихи И. А. Куратова, коми поэта и просветителя, опубликованные в Вологде в 1866 г.⁴⁶ К большому сожалению, тексты остальных поэтических произведений Г. С. Лыткина считаются потерянными. Кроме того, с его слов, П. Д. Драганов упоминает о сделанных около 1856 г. переводах на коми-зырянский стихотворений А. С. Пушкина, но сами эти тексты также неизвестны⁴⁷.

Высокая оценка научной деятельности Г. С. Лыткина была дана в период «национального романтизма» в Коми крае в 1920-е годы. Но вскоре все изменилось. Деятельность Г. С. Лыткина стала оцениваться со знаком минус. Наиболее целенаправленно такая оценка была высказана В. М. Подоровым: «Лыткин является крупным представителем русского великодержавного национализма, борцом за великодержавный

русский язык. В лице Лыткина царское правительство встретило в Коми вполне преданного для него человека, прошедшего высшую школу, который не хуже Министерства народного просвещения и царской полиции внедрял в быт коми русский язык, рассматривая коми язык как подсобный для изучения русского языка»⁴⁸. То есть, фактически, ему в упрек была поставлена разработанная им образовательная программа. Такая оценка его творчества продолжалась вплоть до конца 1960-х годов. Так, например, автор единственной до настоящего времени монографии, посвященной исследованию развития культуры в Коми АССР, Я. Н. Безносиков, вновь повторил, «что он служил делу официальных самодержавных властей и реакционного духовенства. Его деятельность по переводу евангелия и других церковных книг была замечена и одобрена кругами придворной знати и верхами духовных ведомств. Его покровителем стал известный мракобес обер-прокурор Синода Победоносцев»⁴⁹.

Но времена изменились, теперь его имя снова возвращено в лоно родной коми культуры. В 1996 г. факсимильным способом была переиздана главная книга его жизни «Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык», первое издание которой уже давно стало библиографической редкостью.

---

¹ Чеусов А. 1) Г. С. Лыткин (биография) // Коми му. 1924. № 4–6. С. 42–43; 2) К воспоминаниям о Г. С. Лыткине // Коми му. 1927. № 4–5. С. 43–44; Зоргенфрей Г. Г. С. Лыткин // Коми му. 1927. № 4–5. С. ; Веселовские А. и А. Вологжане-краеведы. Вологда, 1923. С. 58; Лыткин В. И. Георгий Степанович Лыткин (1835–1907) // Советское финно-угроведение. 1975. № 4. С. 290–293; Ванеев А. Е. Георгий Степанович Лыткин // Ванеев А. Е. Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 123–145.

² Г. С. Лыткин— И. И. Срезневскому // СПбФ Архива РАН. Ф. 216. Оп. 5. Ед. хр. 367.

³ Лыткин Г. С. «Тотьма», «Сухона», «О Яренском девичьем училище», «Несколько писем о городе Усть-Сысольске, о зырянах», опубликованные в «Северной пчеле», «Лучи». Цит. по: Ванеев А. Е. Георгий Степанович Лыткин... С. 123.

⁴ Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о

- принятии Г. Лыткина в число студентов. Начато 1 декабря 1854 г. Кончено 15 сентября 1861 г. // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 3. Д. 7438. Л. 1.
- ⁵ Там же. Л. 1.
- ⁶ *Лыткин В. И.* У истоков коми литературного языка // Север. 1976. № 5. С. 125.
- ⁷ Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов. Л. 13–14.
- ⁸ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова в Калмыцкие степи для приготовления себя согласно предписания Министерства народного просвещения // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5843. 3 февраля 1858 г. – 1 августа 1865. 51 лист.
- ⁹ Годичный торжественный акт в Императорском Санкт-Петербургском университете, бывший 8 февраля. СПб., 1859. Приложение. С. 184.
- ¹⁰ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 15 и далее; Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о командировке кандидата Г. Лыткина в калмыцкие стойбища. 1883 год // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8409.
- ¹¹ Характеристику его как востоковеда см.: *Бадмаев А. В.* Г. С. Лыткин как калмыковед // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ при Совете Министров Калмыцкой АССР. Элиста, 1967. Вып. 5 (серия филологическая). С. 115–124; История калмыцкой литературы. Элиста, 1981. Т. 1. С. 55.
- ¹² *Лыткин Г. С.* Исторический очерк письменности монголов и ойратов. Астрахань, 1859; то же. Астраханские ГВ. 1859. № 32, 33; он же. Материалы для истории ойратов. Астрахань. 1860; то же. Астраханские ГВ. 1860. № 45, 46; 1861. № 7, 8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26, 27, 28, 29; Сказание о Дербен-Ойратах, составленные нойоном Батур Убуша-Тюменем. Перевод и предисловие Юрия Лыткина. Астрахань, 1860.
- ¹³ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 51.
- ¹⁴ Г. С. Лыткин — И. С. Срезневскому.
- ¹⁵ Дело Совета Императорского Санкт-Петербургского университета о исходатайствовании разрешения на отправку студентов восточного факультета Лыткина и Михайлова... Л. 49 с об.

- ¹⁶ *Пантелеев Л. Ф.* Памяти Н. Г. Чернышевского // *Голос минувшего*. 1915. № 1. С. 195.
- ¹⁷ Г. С. Лыткин — И. С. Срезневскому.
- ¹⁸ Переписка VI СПб. гимназии за 1902 год с Попечителем учебного округа // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 9410. Л. 35.
- ¹⁹ Распределение предназначенных к производству расходов по СПб VI гимназии // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 9127. Л. 53–59.
- ²⁰ Учебник общей географии / Сост. Г. С. Лыткин, преподаватель Санкт-Петербургской шестой гимназии. СПб., 1880; то же. 2-е изд., исправленное и доп. черт. СПб., 1894–1898; то же. 3-е изд., испр. и доп. чер. СПб., 1899; Географические таблицы / Сост. Г. С. Лыткин. Вып. 3. Обзорение европейских государств. СПб. 1874; Вып. 4. Обзорение Российской империи. СПб., 1878.
- ²¹ Переписка VI СПб. гимназии за 1900 год с Попечителем учебного округа // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 8898. Л. 84 и др.
- ²² *Весь Петербург*. 1914. С. 396.
- ²³ Дело правления Императорского Санкт-Петербургского университета по предложению Господина Попечителя Университета о принятии Г. Лыткина в число студентов... Л. 19–25.
- ²⁴ *Лыткин Г. С.* Пятисотлетие Зырянского края // *ЖМНП*. 1883. № 12. С. 275–326.
- ²⁵ *Лыткин Г. С.* Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык. СПб., 1889. С. 4, 6, 9 и сл.
- ²⁶ *Лыткин Г. С.* Русско-зырянский словарь составлен по рукописному словарю Н. П. Попова. Л., 1931. Словарь печатали в два этапа: сначала еще при жизни автора и приостановили после его смерти. Работа (корректурa) была продолжена академиком К. Г. Залеманом, но приостановлена также в связи с его смертью. Кроме того, чистые отпечатанные листы пострадали во время наводнения 1924 г. и тираж пришлось перепечатывать.
- ²⁷ *Туркин А. И.* 1) Русско-зырянский словарь Н. П. Попова // *СФУ*. № 4. С. 293–299; 2) О втором варианте русско-зырянского словаря Н. П. Попова // *СФУ*. № 4. С. 293–296; 3) Попов Н. П. // *Коми язык. Энциклопедия*. М., 1998. С. 365–369.
- ²⁸ *Костромина И.* О словарях Г. С. Лыткина // *Вопросы лексикологии и словообразования коми языка*. (Труды ИЯЛИ. Вып. 31). Сыктывкар, 1984. С. 114–129.
- ²⁹ Г. С. Лыткин — К. Г. Залеману // *СПбФ Архива РАН*. Ф. 87. Оп. 3. Ед. хр. 23.

- ³⁰ Лыткин Г. С. К вопросу о зырянском языке и зырянской грамоте // ЖМНП. 1884. № 12. С. 91–108; то же. СПб., 1884; Туркин А. И. Лыткин Георгий (Юрий) Степанович // Коми язык. Энциклопедия. М., 1998, С. 243–246.
- ³¹ Лыткин В. И. Георгий Степанович Лыткин... С. 293.
- ³² Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык... С. 16.
- ³³ Докладная записка Г. С. Лыткин о составлении книг на зырянском языке // Государственный архив истории Санкт-Петербурга. Ф. 139. Оп. 1. Ед. хр. 9908.
- ³⁴ Лыткин Г. С. 1) Божественная литургия иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста на славянском и зырянском языках. СПб., 1883; 2) Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и зырянском языках. СПб., 1885; 3) Деяния святых апостолов на русском и зырянских языках. СПб., 1885; 4) Библия. Ветхий Завет. Псалтырь на русском и зырянском языках. СПб., 1885.
- ³⁵ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык... Предисловие. С. IV. Для продвижения своей педагогической программы он даже издал специальную книгу чтений: Зырянские народные произведения с переводом на русский язык. Первая книга чтений. Сост. Г. С. Лыткин. СПб., 1901.
- ³⁶ Лыткин Г. С. Зырянский край при епископах Пермских и зырянский язык... Предисловие. С. II.
- ³⁷ Тулуз Е. Николай Иванович Ильминский и финно-угорские народы // Арт-Лад. Сыктывкар, 2003. № 2. С. 129–145. О педагогической системе Н. И. Ильминского см.: Ильминский Н. И. 1) Об образовании инородцев посредством книг, переведенных на их родной язык. Казань; 2) Школа для первоначального обучения детей крещенных татар в Казани // ЖМНП. 1867. Ч. СXXXIV. С. 293–328; Миропи-ев М. Русско-инородческие школы системы И. Н. Ильминского // ЖМНП. 1908. № 1. С. 183–210; Знаменский П. На память о Николае Ивановиче Ильминском. Казань, 1892.
- ³⁸ Лыткин В. И. Коми язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1969. С. 308.
- ³⁹ Писарская копия письма П. И. Савваитова на имя Обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцеву от 26 августа 1881 г. // РО РНБ. F-XVII -70. Л. 10–10 об.
- ⁴⁰ Никольский Н. В. К истории зырянского языка // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 1916. Т. XXVIII. Вып. 6. С. 516.
- ⁴¹ Павел Иванович Савваитов: Юбилей его ученой деятельности, 1837–1887 // Русская старина. 1887. № 10. С. 245–262. Приложен список

- трудов П. И. Савваитова; *Костромина И. Н.* П. И. Савваитов // Этнография и фольклор коми (Труды ИЯЛИ. Вып. 17). Сыктывкар, 1976. С. 124–130; *Безносикова Л. М.* Савваитов П. И. // Коми язык. Энциклопедия. М., 1998. С. 418.
- ⁴² *Савваитов П. И.* 1) Путешествия новгородского архиепископа Антония в Царьград в конце XII столетия, с предисловием и примечаниями. СПб., 1872; 2) Описание старинных русских утварей, одежды, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.
- ⁴³ *Кондаков Н. П.* П. И. Савваитов: (Некролог) // ЖМНП. 1895. № 9. С. 26–31; П. И. Савваитов. Некролог // Нижегородские губернские ведомости. 1895. № 30; П. И. Савваитов. Некролог // Правительственный вестник. 1895. № 153; П. Р. С. П. И. Савваитов. (Некролог) // Московские ведомости. 1895. № 193; *Полевой П.* П. И. Савваитов. [Некролог] // Нива. 1895. № 31. С. 745–746; П. И. Савваитов. [Некролог] // Исторический вестник. 1895. №. 9. С. 820–821; Чествование Археологическим институтом памяти Н. В. Качалова, П. И. Савваитова и Д. А. Ровинского // Исторический вестник. 1896. № 1. С. 352–353.
- ⁴⁴ *Савваитов П. И.* Грамматика зырянского языка. СПб., 1850. Современную характеристику этого сочинения см.: *Тираспольский Г. Т.* И. А. Куратов-языковед. Сыктывкар, 1980. С. 85–93.
- ⁴⁵ *Лыткин Г. С.* 1) Коми бõрданкыв Николай Мудрой кулõм вылõ (Зырянское слово на кончину Николая Мудрого). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб. 1855; 2) Коми кыв вор Александр Николаевич царство пуксьõм вылõ (Зырянское слово на восшествие на престол Александра Николаевича). [Стихотворение]. Параллельный текст на русском и зырянском языках. СПб., 1855.
- ⁴⁶ *К.* Зырянские песни // Вологодские губ. ведомости. 1866. № 2, 3. О дискуссии вокруг этой публикации см.: *Чисталева Т. А.* Кто автор статьи «Зырянские песни» // Куратовские чтения. Сыктывкар, 1973. Т. 1. С. 106–112; О И. А. Куратове см. *Федорова А. Н.* И. А. Куратов: Очерк жизни и творчества. Сыктывкар, 1975; *Ванеев А. Е.* Коми-зырянское просветительство. Сыктывкар, 2001. С. 41–122.
- ⁴⁷ Цитируется по: *Ванеев А. Е.* Коми-зырянское просветительство. С. 130–131.
- ⁴⁸ *Подоров В. М.* Очерки по истории коми (зырян и пермяков). Т. 2. Сыктывкар, 1933. С. 72.
- ⁴⁹ *Безносиков Я. Н.* Культурная революция в Коми АССР. М., 1968. С. 48–49.

В. П. Северинова

Лев Иванович Шпергазе

Среди несправедливо забытых крупных деятелей в области электросвязи — бывший управляющий (директор) крупнейшей петербургской Телефонной фабрики Эриксона (с августа 1922 г. Телефонный завод «Красная Заря»), сохранивший ее в работоспособном состоянии в годы гражданской войны и послевоенной разрухи, один из руководителей советской слаботочной промышленности Лев Иванович Шпергазе¹. В опубликованных работах известных историков электросвязи Е. Н. Шошкова², И. В. Бренева³ и др., генерального директора «Красной Зари» В. И. Рыбакова⁴ деятельность бывшего управляющего (директора) не нашла отражения, не упомянуто даже его имя. Однако обнаруженные в последнее время в архивах Санкт-Петербурга материалы показывают подлинные масштабы его деятельности как высококвалифицированного инженера и организатора не только телефонного производства в стране, но и всей промышленности связи в первой четверти XX века, а также видную роль, которую он играл в деле воспитания кадров связистов, проявив себя как талантливый педагог.

Л. И. Шпергазе родился в Санкт-Петербурге 27 (15) апреля 1874 г. О его родителях известно мало. Отец Иоганн Христиан, принадлежавший к купеческому сословию, умер в 1876 г.⁵ Мать — Леонида София, урожденная Энглунд (Эдлунд?), была

воспитанницей, а затем учительницей женской частной школы-пансиона Э. П. Шаффе (с 1883 г. гимназии), и тоже скончалась рано. Осиротевшего мальчика усыновила хозяйка пансиона.

Эмилия Павловна Шаффе (1827–1906) происходила из голштинских немцев. Ее дед приехал в Россию вместе с герцогом Голштинским, будущим российским императором Петром III. В 1858 г. она основала частную школу, которая вскоре стала первообразным средним учебным заведением. В 1866 г. в пансионе был открыт подготовительный класс для малышей, а в 1868 г., после знакомства с трудами немецкого педагога Ф. Фребеля⁶ и его идеями в области дошкольного воспитания, ею был основан один из первых детских садов в Петербурге. Руководили учебным процессом и детским садом две бывшие воспитанницы Э. П. Шаффе, в том числе родная мать Л. И. Шпергазе. Дом № 16 на углу Большого проспекта и 5-й линии Васильевского острова, в котором прошла вся жизнь Льва Ивановича, уцелел до наших дней. В нем, как и прежде, продолжает действовать детский сад, основанный его приемной матерью.

Место это историческое: прежде здесь стоял дом, в котором жил известный физик Г. В. Рихман, друг и сподвижник М. В. Ломоносова.

Гимназия Э. П. Шаффе имела славу престижного учебного заведения⁷. Там учились дети из интеллигентных семей: дочери Д. И. Менделеева Любовь и Мария, девочки семейства Бенуа, дочь историка Елена Кареева (писательница Е. Верейская), дочери физика М. П. Авенариуса, математика А. Киселева, автора школьного учебника, и т. д. Учителя старших классов имели высшее образование. В разные годы это были И. Граве (преподавал педагогику и психологию), В. Острогорский (русскую словесность), О. Д. Хвольсон, В. В. Скобельцын и А. И. Садовский (математику и физику). Кабинет физики был так хорошо оборудован, что, по воспоминаниям М. А. Шателена, он и А. И. Садовский, преподаватели физики в Горном институте, часто пользовались приборами из гимназии Шаффе для лекционных демонстраций. В 1900 г. гимназия была участником Всемирной выставки в Париже. На той же выставке в отделе образования демонстрировалась дипломная работа по телефонии на звание инженера-электрика приемного сына

Э. П. Шаффе — Льва Ивановича, окончившего Электротехнический институт в 1900 г.

В старинных петербургских семьях сохранилась благодарная память об Э. П. Шаффе и ее гимназии. В 1907 г. за счет Л. И. Шпергазе в память Эмилии Павловны выстроено новое здание гимназии по проекту архитектора К. К. Шмидта⁸ со светлыми классными комнатами, химической и физической аудиториями, актовым залом высотой в два этажа и балконом. Ныне в нем размещена средняя школа № 21 Василеостровского района. В 1916 г. Л. И. Шпергазе был удостоен «высочайшего поощрения» — представления на должность члена Попечительского совета гимназии Шаффе⁹.

Начальное образование Лев Иванович получил в училище при лютеранской церкви Св. Екатерины, а с 3-го класса был отдан в известную гимназию К. Мая. Талантливый педагог Карл Иванович Май (1820–1895) оказал большое влияние на формирование личности Л. И. Шпергазе. Окончивший в 1845 г. историко-филологический факультет Петербургского университета Карл Иванович был наставником сына министра юстиции Д. В. Дашкова — Андрея. В 1856 г. он возглавил частную гимназию, организованную на средства зажиточной части петербургских немцев. Девизом педагогической школы Мая было изречение одного из классиков педагогики Яна Амоса Коменского: «Сперва любить, потом учить»¹⁰. В гимназии соблюдались такие принципы воспитания и образования, как уважение к личности ребенка, развитие индивидуальных особенностей каждого ученика, прививалась способность к самостоятельному мышлению¹¹. В гимназии учились сыновья князя Гагарина, предпринимателя и коммерсанта Елисеева, потомки Бенуа, Добужинских, Рерихов, Римских-Корсаковых, Семеновых Тянь-Шаньских. Окончивший гимназию Мая академик Д. С. Лихачев, отмечая царившую в ней атмосферу любви и тепла, света и добра, писал: «Школа эта сыграла большую роль в моей жизни, наложила сильный отпечаток и на мои интересы». В 3-м классе Лев Иванович учился вместе с Николаем Рерихом. 27 мая 1894 г. Л. И. Шпергазе окончил гимназию. В выданном ему аттестате отмечалось: «Отметки большей части познания и успехи отличные <...>. За время обучения в Санкт-Петербургской гимназии К. Мая прилежание примерное

и любознательность по всем вообще предметам одобрительная, а к математике весьма живая»¹².

В 1894 г. Лев Иванович, сдав конкурсные экзамены, был зачислен в Электротехнический институт императора Александра III — первое в России высшее учебное заведение, в котором готовили специалистов по электросвязи — телеграфии и телефонии. Телефония в России в 1890-е годы, вызванная потребностями промышленности, торговли и общественной жизни, только становилась на ноги. Первым преподавателем курса телефонии и автором научных трудов по этой дисциплине на русском языке был Павел Дмитриевич Войнаровский (1866–1913). Дипломный проект Л. И. Шпергазе, как уже отмечалось, был представлен среди экспонатов, выставленных Электротехническим институтом на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. За участие в Парижской выставке по разделу «Промышленное, техническое, ремесленное и коммерческое образование» институту были присуждены диплом и медаль¹³.

По окончании Электротехнического института Лев Иванович был оставлен на два года для подготовки к преподавательской деятельности по телефонии под руководством профессора П. Д. Войнаровского¹⁴. С 1902 г. он уже читал лекции по разработанному им самим спецкурсу «Телефонное оборудование и центральные телефонные станции», а с 1904 по 1913 г. был штатным преподавателем. В эти годы, освещая новые вопросы телефонии, он опубликовал такие научные труды, как «Центральные телефонные станции» (литографированное издание лекций в ЭТИ, прочитанных в 1902–1903 гг., 232 с.), «Сигнальное приспособление для многократных коммутаторов в телефонных центральных станциях» (публикация в журнале «Электротехник», 1902 г., № 1 и в сборнике «Записки инженеров-электриков», вып. 1), «Телефонные сети с центральной батареей» («Записки Общества инженеров-электриков», вып. 1) и др. В последнем труде описывалась система телефонной коммутации с центральной батареей, позволявшая коммутировать десятки тысяч абонентов и создать телефонные сети больших городов, что представляло собой новый этап развития телефонии.

Л. И. Шпергазе придавал большое значение практике. Работая с 1900 г. инженером, а затем и управляющим на фабрике

«Л. М. Эриксон и К°», он предоставлял молодым инженерам и студентам возможность для производственной практики, полагая, что основательных знаний конструкций многократных коммутаторов в лаборатории, даже отлично оборудованной, получить нельзя.

После кончины директора ЭТИ П. Д. Войнаровского (июнь 1913 г.), с которым Л. И. Шпергазе связывало долготетнее увлечение телефонией и дружеские отношения (почти 20 лет), Лев Иванович оставил институт. К тому же заведование фабрикой отнимало много сил и времени. Проработав в Институте более 10 лет, Лев Иванович сохранил с ним прочную связь: был членом Правления общества инженеров-электриков, окончивших институт (в 1904 г. был избран товарищем председателя Общества, а в 1921 г. — председателем), консультировал работников ЭТИ по вопросам преподавания, составления новых учебных программ в связи с реорганизацией системы образования. Для этого он был прикомандирован к Министерству внутренних дел, в ведении которого находился Электротехнический институт¹⁵.

Организаторские и инженерные качества Л. И. Шпергазе особенно проявились в его работе на заводе «Л. М. Эриксон и К°», построенном в 1898 г. шведским предпринимателем Л. М. Эриксоном на 20-й линии Васильевского острова. В 1900 г. завод был переведен в новое здание, возведенное по проекту архитектора К. К. Шмидта на Б. Сампсониевском проспекте Выборгской стороны. В том же году пришел работать на завод молодой специалист Л. И. Шпергазе. В 1902–1903 гг. под его руководством была смонтирована по образцам Стокгольмского завода «Л. М. Эриксон и К°» в г. Риге телефонная станция¹⁶. Эта работа дала первый ценный опыт строительства центральных станций емкостью до 10 000 абонентов. Деловые качества Л. И. Шпергазе были по достоинству оценены руководством фабрики. В 1903 г. ему поручили исполнять обязанности главного инженера и заведующего фабрикой по доверенности.

В 1905 г. Петербургское отделение компании «Л. М. Эриксон» было преобразовано в «Русское акционерное общество», которое выкупило у Ларса Магнуса Эриксона телефонный завод с землей и со всеми находящимися на ней постройками, машинами, станками, запасами материалов¹⁷. Владельцем большей

части акций стал Стокгольмский завод Эриксона. В правление акционерного общества входили два директора: по торговой части директорские функции выполнял шведский подданный Эрик Андреевич Сандберг, технический отдел возглавлял русский инженер Л. И. Шпергазе¹⁸. В 1905 г. Россия занимала последнее место по телефонизации в Европе. Один аппарат в России приходился на 2000 жителей, в Германии — на 100, в Швеции — на 45, в Великобритании — на 120, во Франции — на 280¹⁹. Торгово-промышленная, культурная и общественная жизнь в стране требовала развития телефонного дела. Расширилось строительство земских и уездных телефонных сетей общего пользования с привлечением государственного и частного капитала, увеличилось количество междугородных сообщений. С увеличением потребностей рынка строились новые корпуса завода, увеличивалась производственная мощность, количество рабочих и служащих в 1905-1909 гг. составляло 475 человек²⁰. Под руководством Л. И. Шпергазе завод АО «Л. М. Эриксон и К°» стал самым крупным телефонным предприятием России.

Во время русско-японской войны для нужд армии был выпущен новый тип военно-полевого аппарата с фоническим вызовом, применявшийся в инженерных войсках до 1909 г., и военно-полевой коммутатор на шесть линий. В 1906 г. для Петербургской телефонной сети выпускались аппараты системы с центральной батареей. В 1907 г. такими аппаратами была укомплектована Московская городская сеть, в 1909 г. — Бакинская. Для Центральной телефонной станции изготавливались коммутаторы типа «Мультиплъ» на 3000 абонентов; коммутатор того же типа с увеличенной емкостью (до 10 000 номеров) был изготовлен для Нижегородской телефонной станции. Выпускались особые водонепроницаемые аппараты для кораблей и пароходов, переносные аппараты для железной дороги, настольные и настенные аппараты для городского населения.

Л. И. Шпергазе тщательно подбирал состав инженерной группы завода. В основном это были инженеры, окончившие Электротехнический институт: А. М. Хабаров, А. А. Величко, А. А. Паршин, И. Г. Моргун, Н. Н. Трехцинский, В. К. Якимов, Ф. Л. Дубовсков, В. П. Кузьмин, Ф. И. Филиппов, Б. Ф. Либих и другие, ставшие со временем ведущими специалистами электро-

связи. Завод был для них ступенью повышения инженерной квалификации, деловых и нравственных качеств.

Сложность технологии производства требовала высокой культуры организации работ, высокой квалификации сотрудников. Правление заботилось о своих работниках. Для рабочих были созданы хорошие условия труда: подъемники (лифты), умывальники, душевые, столовые. Форменная рабочая одежда состояла из пиджачного костюма, галстука, шляпы.

В 1910 г. на заводе было организовано новое производство — выпуск приборов управления артогнем, включая центральное управление прицельными механизмами, автоматическую наводку орудия с центрального поста и др. Для руководства этими работами и разработки новых приборов Лев Иванович пригласил инженер-полковника Якова Николаевича Перепелкина, талантливого специалиста в области артиллерийской техники. Он работал на заводе с 1910 по 1918 гг. В эти годы он сконструировал новый тип прицелов, устанавливаемых на артиллерийских орудиях военных кораблей, новую систему управления артиллерийским огнем на расстоянии, систему автоматизации для управления орудийными башнями и др. С инженер-полковника он повысился в чине до инженер-генерала (1916).

В связи с выпуском новой продукции на заводе появились новые цеха — литейный, кузнечный, оборудованный фрикционными прессами, приводным и пневматическим молотами. Заводом был выпущен специальный электродвигатель для первых опытных приборов управления огнем, установленный на линкоре «Александр II» и на четырех канонерских лодках Амурской флотилии. Позднее была разработана система автоматической установки прицелов орудий из одного определенного пункта. Система была установлена заводом на крейсере «Диана», на форте «Красная горка», на двух башенных батареях восьмидюймовых орудий Морской крепости Петра Великого и на четырех линкорах: «Полтава», «Севастополь», «Гангут» и «Петропавловск». По заказу Морского ведомства были разработаны приборы для стрельбы береговой и морской артиллерии, приборы для управления артогнем и для центрального наведения орудий Кронштадтской крепости. Были выполнены специальные работы по созданию центральной наводки на линейных кораблях

типа «Севастополь» и на крейсерах типа «Измаил», изготовлены приборы управления торпедными аппаратами, а также приборы для определения курса и скорости кораблей противника с помощью двух кораблей путем радиуправления с одного корабля механизмами прибора, установленного на другом корабле.

Наряду с большой работой по руководству Акционерным обществом и таким многопрофильным промышленным предприятием, как завод «Л. М. Эриксон», Лев Иванович принял на себя ряд государственных и общественных обязанностей. Он состоял членом Совета торговли и промышленности (1911–1916)²¹ гласным Городской думы (1913–1917), членом Исполнительной городской комиссии по сооружению каналов и переустройству водоснабжения Петрограда (1914–1923), членом Главного по фабричным и горно-заводским делам присутствия (1916–1917), петроградским присяжным столоначальником по делам страхования рабочих (1917)²².

Большая общественная нагрузка не мешала качественной работе руководимого Львом Ивановичем Акционерного общества, основной капитал которого непрерывно увеличивался (с 1,0 млн. руб. в 1913 г. до 2,0 млн. руб. в 1914 г.). К концу 1914 г. на заводе трудились уже 1 940 рабочих и 390 служащих, из них 30 инженеров, большую часть которых составляли выпускники ЭТИ²³. В 1914 г. был налажен выпуск новейшей продукции — телефонной аппаратуры нового типа, такой как коммутатор «Сотенный мюльтипл», позволяющий увеличивать емкость по мере подключения новых абонентов путем добавления секций без перерыва в действии коммутатора²⁴.

Русское акционерное общество «Л. М. Эриксон» имело свои представительства в Московском, Тверском, Смоленском, Калужском, Тульском, Рязанском, Владимирском и других регионах. В 1916 г. произошло еще одно укрупнение производства — было заключено соглашение между САТАБ (Стокгольмская всеобщая компания телефонов) и РЛМЭ (Русское Акционерное общество Л. М. Эриксона) для совместных работ по телефонно-строительной деятельности в России (исключая Финляндию), изготовлению телефонной продукции и ее продажи, эксплуатации телефонных сетей²⁵. В новом сообществе правление состояло из семи человек, включая председателя и

по три представителя с каждой стороны. Были куплены новые участки земли по Б. Сампсоньевскому проспекту, Фризову и Бабурину переулкам, построены новые корпуса. Число рабочих достигло 3248 человек, трудившихся в две смены.

Основной капитал к концу 1916 г. вырос до 4,0 млн. руб. В число акционеров вошли Азовско-Донской банк и два шведских банка. Максимального развития телефонное производство и производство приборов сложной и точной электромеханики достигло в 1917 г. Однако из-за Февральской и Октябрьской революций многие работы были остановлены. После достижения максимума развития произошел обвал производства. Для завода и его директора Л. И. Шпергазе наступили трудные времена. В январе 1919 г. в связи с декретом о национализации был изъят капитал акционерного общества, принадлежащий не только русскому заводу «Л. М. Эриксон», но и шведским акционерам и банкам. Завод национализировали²⁶, но директором оставался Л. И. Шпергазе. В 1919 г. он возглавил секцию «Л. М. Эриксон» объединенных государственных электротехнических предприятий слабого тока²⁷. Все тяготы по организации функционирования вновь образованного объединения легли на плечи Льва Ивановича. В Петрограде и во всей стране был голод. Голодали и рабочие, находившиеся в подчинении Шпергазе. Поддерживая заявления служащих предприятия о тяжелом положении, хроническом недоедании, граничившем с подлинным голодом, несоответствии получаемых окладов с баснословно высокими рыночными ценами, Л. И. Шпергазе, как главноуправляющий секции «Л. М. Эриксон» ОГЭП слабого тока обратился в Чрезвычайную комиссию (ЧК) по управлению ОГЭП со следующим заявлением:

«Полученная мною вышеприводимая просьба служащих секции “Л. М. Эриксон” заставляет меня ввиду остроты положения обратиться с ходатайством в Чрезвычайную комиссию об удовлетворении их просьбы в экстренном порядке. Со своей стороны имею сообщить, что Президиум секции присоединяется к ходатайству служащих»²⁸. Финансовая часть ЧК Электротреста разрешила выдать ссуду заимообразно в размере 100 000 руб. для выдачи зарплаты.

Из-за нехватки топлива в цехах было холодно, закрылись крупные производственные помещения — цеха литейный, куз-

нечный и др. Велись главным образом сборочные работы из полуфабрикатов. В мае 1919 г. были мобилизованы в действующую армию лучшие специалисты — инженеры и рабочие. Рабочая сила пополнялась за счет женщин.

В 1920 г. Л. И. Шпергазе оставался главноуправляющим секции «Л. М. Эриксон» ОГЭП²⁹. К январю 1922 г. количество рабочих уменьшилось до 123 человек, служащих — до 42³⁰. Но, несмотря на все трудности, завод выполнил заказы для Главного артиллерийского управления, Главного военно-воздушного управления, Химического комитета при Главном артиллерийском управлении, заказы Городского хозяйственного отдела по топливу — установку аппаратов на Шуваловских торфяных разработках — единственном источнике топлива для электростанции городских трамваев³¹.

Для безопасности складов огнестрельных припасов, расположенных на территории площадью более 80 десятин и находящихся вблизи населенных районов, завод изготовлял аппараты пожарной сигнализации³². В 1921–1922 гг. завод выполнил сложный и ответственный заказ по изготовлению двух дуговых генераторов для Детскосельской радиостанции и для Петроградского политехнического института. В эти годы завод считался «наиболее сохранившим свою дееспособность» петроградским предприятием слабого тока³³.

Только в конце 1922 г. началось восстановление производства. В августе 1922 г. завод «Л. М. Эриксон» переименован в Петроградский телефонный завод «Красная Заря». 9 марта 1922 г. Президиум ВСНХ принял решение о создании общероссийского Электротехнического треста заводов слабого тока. Состав правления нового треста назначался Главэлектро ВСНХ по согласованию с Северо-Западным пром. бюро сроком на два года³⁴. В мае 1924 г. Л. И. Шпергазе — член правления, в июле — директор-распорядитель Всероссийского треста заводов слабого тока. Ему присвоен высокий 17-й разряд. При советской власти Л. И. Шпергазе, как и прежде, самоотверженно выполняет свои обязанности руководителя крупного предприятия, каким благодаря ему остался завод «Красная Заря» (бывший «Л. М. Эриксон») и всего Электрослаботочного объединения. В это время в тресте работают также председатель правления И. П. Жуков,

имеющий по штатному расписанию 17-й разряд, член правления В. П. Вологдин (17-й), зав. производственной частью А. Ф. Шорин (16-й), начальник Телефонного отдела А. А. Величко (16-й), начальник Радиотдела Е. А. Бернарделли (16-й)³⁵.

Занимаясь в начале 1900-х гг. вопросами телефонных сетей с центральной батареей для больших городов, Л. И. Шпергазе изучал возможности создания таких сетей и их автоматизации. При его содействии как директора-распорядителя Электротехнического треста заводов слабого тока (ЭТЗСТ) в январе 1925 г. по поручению Треста в Стокгольм был командирован заведующий отделом автоматических станций Вениамин Андреевич Сергиевский³⁶. В результате в том же году был заключен договор со шведской фирмой «Л. М. Эриксон» о технической помощи в освоении машинных АТС. В качестве первых шагов в создании Единой автоматизированной сети связи фирмой были составлены проекты и выполнены чертежи для четырех первоочередных станций г. Москвы и Ростовской телефонной станции емкостью на 6000 номеров. АТС в Ростове-на-Дону была спроектирована в 1928 г., введена в эксплуатацию в 1929 г., а московские АТС — в 1930–1931 гг.³⁷

Благодаря личным связям Л. И. Шпергазе удалось восстановить сотрудничество с телефонной фирмой «Л. М. Эриксон», нарушенное в первые годы советской власти. Когда в 1919 г. правительство забирало в Народный банк деньги, принадлежащие стокгольмскому акционерному обществу «Л. М. Эриксон», Л. И. Шпергазе пытался убедить, что помощь шведской фирмы может еще понадобиться и «нужно бережно относиться к связям и отношениям, которые установились». В настоящее время в России возобновилась деятельность корпорации АО «Эриксон», открывшей представительства в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре, Екатеринбурге и ряде других городов.

В ноябре 1925 г. по состоянию здоровья Л. И. Шпергазе уволился с должности директора-распорядителя, сдав дела И. Ф. Кадацкому, выходцу из рабочих³⁸. В 1926 г. директором-распорядителем был назначен интеллигент В. И. Романовский³⁹. В дальнейшем оба были арестованы и расстреляны, первый в 1937 г., второй в 1938 г. Не избежал ареста и Л. И. Шпергазе, но через 18 дней был освобожден (сын его Лев Львович был репрессирован в 30-х гг. уже после смерти Льва Ивановича)⁴⁰.

Накопленный большой опыт руководства крупной организацией позволил Л. И. Шпергазе в 1926 г. принять назначение на должность заведующего организационным подотделом «Гипромеза» — Государственного института проектирования новых металлических заводов⁴¹. В штатах этого института (на Лоцманской ул., д. № 3) состояло 22 профессора и 185 инженеров. В нем собрались лучшие научные и инженерные силы всей страны. На 3-й сессии Техсовета «Гипромеза» в октябре 1927 г. рассматривался проект вагоностроительного завода в Нижнем Тагиле с ежегодной производительностью 5000 большегрузных (50-тонных) вагонов. Вокруг проекта развернулась острая дискуссия⁴², которая завершилась без участия Льва Ивановича: 15 октября 1927 г. Ленинградское отделение Электротехнического совета сообщило о смерти одного из старейших (с 1918 г.) своих членов⁴³ Льва Ивановича Шпергазе, последовавшей в ночь с 13 на 14 октября.

---

¹ Весь Ленинград. Справочная книга за 1925 г. С. 292.

² *Шошков Е. Н.* 1) Первые руководители радиопромышленности Ленинграда // Радиоэлектроника и связь. 1991. № 2. С. 54–61; 2) Создание и развитие радиотехнических научно-исследовательских учреждений в период 1911–1935 гг. // Радиотехника. 1988. № 1. С. 86–88.

³ Центральная радиолaborатория в Ленинграде / Под ред. И. В. Бренева. М.: Сов. радио, 1973. С. 31–32.

⁴ *Рыбаков В. И.* Столетие Красной Зари // Электросвязь. 1997. № 12. С. 2–4.

⁵ *Саитов В. И.* Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 4. С. 572.

⁶ О Ф. Фребеле см. Биографический энциклопедический словарь. М.: Научное изд-во «Большая Российская энциклопедия, 2000.

⁷ *Козырева М. Г.* Гимназия Шаффе в Петербурге // Sankt-Peterburgische Zeitung. 1996. Nr. 4–6.

⁸ *Кириков Б. М., Штиглиц М. С.* «Петербург немецких архитекторов». СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2002.

⁹ СПб ГЦИА. Ф. 990. Оп. 2. Д. 2661. Л. 92.

¹⁰ О Я. А. Коменском см. Биографический энциклопедический словарь.

¹¹ *Лихачев Д. С., Благова Н. В., Белодубровский Е. Б.* Школа на Васильевском. М.: Просвещение, 1990.

¹² СПб ГЦИА. Ф. 990. Оп. 2. Д. 1683. Л. 3.

¹³ Там же. Ф. 990. Оп. 1. Д. 538. Л. 31, 32.

- ¹⁴ Там же. Ф. 990. Оп. 2. Д. 2661. Л. 7.
- ¹⁵ Там же. Ф. 990. Оп. 2. Д. 2661. Л. 86.
- ¹⁶ Там же. Ф. 1471. Оп. 5. Д. 24. Л. 83.
- ¹⁷ Там же. Ф. 1471. Оп. 5. Д. 24. Л. 84.
- ¹⁸ Там же. Ф. 1471. Оп. 5. Д. 24. Л. 96.
- ¹⁹ Там же. Ф. 1471. Оп. 8. Д. 2. Л. 14 об.
- ²⁰ Там же. Ф. 1471. Оп. 5. Д. 24. Л. 96.
- ²¹ Там же. Ф. 990. Оп. 2. Д. 2661. Л. 75.
- ²² Весь Петербург. Адресные книги за 1911 и 1912 гг.; Весь Петроград. Адресные книги за 1914, 1916, 1917, 1922 и 1923 гг.
- ²³ СПб ГЦИА. Ф. 1471. Оп. 5. Д. 24. Л. 123.
- ²⁴ Там же. Л. 112.
- ²⁵ СПб ГЦИА. Ф. 1471. Оп. 8. Д. 60. Л. 1.
- ²⁶ ЦГА СПб. Ф. 1322. Оп. 2. Д. 10. Л. 25.
- ²⁷ Там же. Л. 2, 37.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ЦГА СПб. Ф. 1578. Оп. 24. Д. 20. Л. 7.
- ³⁰ ЦГИА СПб. Ф. 1471. Оп. 5. Д. 24. Л. 145.
- ³¹ ЦГА СПб. Ф. 1322. Оп. 2. Д. 10. Л. 57.
- ³² Там же. Л. 80.
- ³³ Центральная радиолaborатория в Ленинграде. С. 31–32.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ ЦГА СПб. Ф. 1858. Оп. 1. Д. 2471. Л. 129.
- ³⁶ Там же. Ф. 1322. Оп. 2. Д. 217. Л. 2.
- ³⁷ Яроцкий А. В. Становление отечественного телефонного производства // Электросвязь. 1982. № 8. С. 56–60.
- ³⁸ ЦГА СПб. Ф. 1858. Оп. 1. Д. 3559. Л. 1, 3.
- ³⁹ Там же. Ф. 1322. Оп. 2. Д. 217. Л. 52.
- ⁴⁰ Устные воспоминания М. В. Семеновой-Тянь-Шанской.
- ⁴¹ Домовая книга Финансового отдела Ленгубисполкома. Списки граждан, проживающих по 5-й линии В.О. за 1926–1927 гг.
- ⁴² Ленинградская правда. 1927. № 244. 25 октября.
- ⁴³ Ленинградская правда 1927. № 236. 15 октября; Красная газета. 1927. 14 октября. Вечерний выпуск.

Н. В. Дунаевская, В. А. Урвалов

Борис Александрович Рчеулов (Рчеули) — пионер видеотехники и звукового кино

Первые профессиональные видеоманитофоны были разработаны и изготовлены в 1956 г. американской фирмой «Амрех», созданной выходцем из России А. М. Понятовым. Аппаратура сразу же была занесена в список стратегических товаров США, что полностью исключало ознакомление советских специалистов с ее устройством. Поэтому в СССР разработка аппаратов магнитной записи изображения велась самостоятельно, с отставанием от уровня «Амрех» в среднем на 3–4 года¹.

Специалисты быстро оценили преимущества нового способа организации телевизионных передач. Старая технология — непосредственно из студии в эфир — держала режиссера и исполнителей в напряжении от начала до окончания передачи, ибо любой дефект в их работе становился заметным для телезрителей. Теперь же благодаря видеозаписи неудачные эпизоды можно было переиграть и заменить при монтаже. Кроме того, новая технология создала условия для оперативного обмена программами, их тиражирования, накопления в централизованных и частных видеотеках.

Немногие знают, что у А. М. Понятова и его команды был предшественник, сказавший первое слово в магнитной видеозаписи более 83 лет тому назад в Петрограде. Ему американский

«Журнал Общества инженеров кино и телевидения» посвятил следующие строки: «В 1922 году Борис Рчеулов сделал два изобретения, одно из которых — вакуумные телевизионные трубки с вибрирующими элементами, другое — система магнитной записи изображения на движущуюся железную ленту с катушкой для ее намотки. С их помощью предлагалось осуществлять запись и воспроизведение визуальных и звуковых сигналов и одновременный прием на множество приемников»².

Автор цитированной статьи, известный историк техники телевидения из г. Санта-Барбара Дж. Ширс, довольно точно обозначил предмет патента СССР № 3803, заявленного 27 июня 1922 года Б. А. Рчеуловым (Рчеули)³. В истории телевидения сохранились имена П. Нипкова, Б. Л. Розинга, Д. Л. Бэрда, Ч. Дженкинса, В. К. Зворыкина и многих других. К «многим другим» причисляли и Б. А. Рчеулова (Рчеули). Однако бурное развитие телевидения, связанное с успехами магнитной записи изображения, способствовало известности пионера данного технического направления и выделению его из категории «других». Вторая фамилия (в скобках) с характерным грузинским окончанием приводится в основном в патентной литературе по инициативе самого изобретателя и свидетельствует о его грузинских корнях.

Из свидетельства Тифлисской Верийской Иоанно-Богословской церкви следует, что Борис родился 10 августа 1899 года и, согласно записи в церковной метрической книге, крещен 23 марта 1900 года. Его родители: штабс-капитан 1-го Кавказского саперного батальона Александр Григорьевич Рчеулов и законная жена его Ольга Сергеевна, «оба православного вероисповедания; восприемниками были: артист Императорской русской оперы дворянин Федор Иванович Шаляпин...»⁴

Какие же обстоятельства свели у церковной купели обладателя уникального баса и будущего изобретателя видеозаписи? Оказывается, родители новорожденного в 1892–1894 гг. вместе с Ф. И. Шаляпиным посещали Тифлисский музыкальный кружок, брали уроки у известного учителя пения Д. А. Усатова и даже выступали на оперной сцене (Александр Григорьевич имел артистический псевдоним А. Санин). Надо сказать, что Федор Иванович не забывал своего крестника: присылал подарки, дарил свои фотопортреты...

В 1909 году Борис был зачислен в Александровский кадетский корпус, расположенный в Петербурге, на Садовой улице, в здании, где сейчас находится Суворовское училище. К тому времени его отец вышел в отставку в чине подполковника и семья поселилась в столице российского государства — Санкт-Петербурге.

Кадеты изучали военные дисциплины (тактику, фортификацию, топографию, артиллерию и др.), а также русский язык и литературу, иностранные языки, математику, физику, химию, общую и естественную историю, законоведение и, конечно, закон Божий. Среди преподавателей были профессора и доценты столичных вузов. Борис Рчеулов, кроме усвоения учебной программы, посещал лекции в Электротехническом институте, что не возбранялось и даже поощрялось начальством. Хорошая подготовка по естественным дисциплинам позволила впоследствии проявиться его ярким изобретательским способностям.

После Октябрьской революции Кадетский корпус был преобразован в трудовую школу, которую Борис окончил в 1918 году и поступил в Технологический институт, однако учебу пришлось отложить в связи с Гражданской войной и мобилизацией в Красную армию. В 1918–1920 гг. он исполнял обязанности начальника слесарной и столярной мастерских и заведовал фотокинематографическим бюро Политотдела 7-й армии. К этому времени относится первое изобретение Рчеулова под названием «Говорящий кинематограф». Сохранившийся черновик описания изобретения датирован 10 декабря 1919 года. Напомним, что «великий немой» (как называли кино в первые четверть века его истории) обрел дар речи в Германии и в США в 1923 году. А в нашей стране первый звуковой кинотеатр, оборудованный аппаратурой, созданной под руководством профессора А. Ф. Шорина, открылся в Ленинграде в октябре 1929 года⁵.

В 1921–1922 гг. Борис Рчеулов заведовал учебной лабораторией Высшей военной автоброневой школы и по совместительству преподавал физику в 1-й Пехотной школе. После увольнения в запас он вплотную занялся разработкой телевизионной системы и вскоре предъявил на экспертизу в Комитет по делам изобретений несколько конструкций, которые попали в фокус внимания научно-технической общественности. В тот период

конкуренция между двумя способами осуществления телевидения — механическим и электронным — стала заметной, причем чаша весов еще не склонилась в пользу электронных систем, начало которым положил Б. Л. Розинг, предложивший в 1907 году электронно-лучевую приемную трубку — прототип кинескопа, а спустя четыре года впервые в мире воспроизвел на экране такой трубки простейшие изображения⁶.

Система развертки изображения у Б. А. Рчеулова, в соответствии с описанием к патенту, была механической, но с элементами, присущими электронным системам, такими, как передающая и приемная трубки, вакуумные колбы приборов, две пары отклоняющих катушек. Однако электронный луч в трубках отсутствовал. Его функции возлагались на две стальные пластинки, помещенные внутри вакуумных колб и скрепленные так, что одна пластинка являлась продолжением другой, а их плоскости были взаимно перпендикулярны. Один конец скрепленных пластинок жестко фиксировался в узком конце колбы, а на другой конец крепился миниатюрный фотоэлемент (в передатчике) или крупинка люминофора (в приемнике). Во время работы пластинки в передатчике и приемнике должны были совершать синхронное составное движение благодаря одинаковым переменным токам, подаваемым в отклоняющие катушки.

При этом фотоэлемент в передатчике последовательно обходил бы все участки передаваемого изображения и, в зависимости от их освещенности, генерировал фототок различной величины, пропорциональный яркости участков. Этот фототок по радио- или проводной линии связи передавался в приемник. Крупинка люминофора в приемной трубке облучалась широким катодным пучком, интенсивность которого изменялась в соответствии с получаемым фототоком. В отличие от кинескопа, не электронный луч сканировал участки люминофорного экрана, а наоборот, светящийся единичный элемент экрана механически перемещался в плоскости проекции электронного пучка, воспроизводя элементы принятого изображения, которые благодаря инерции нашего зрения должны были восприниматься зрителем как сплошной экран. (Помнится, одним из развлечений в детстве было взять из горящего костра раскаленный прут и «рисовать» им в темноте какие-либо буквы или знаки).

Уверенный в осуществимости своего изобретения молодой изобретатель обратился за одобрением в Радиоассоциацию при ВСНХ РСФСР и вскоре получил выписку из протокола заседания президиума Петроградской группы Всероссийской ассоциации от 27 июля 1922 г. следующего содержания:

«Слушали: Доклад члена президиума инженера Н. Н. Циклинского о работе гр. Б. А. Рчеулова, названной им “ультрателеоптикон” (18 страниц текста и 5 страниц чертежей и схем в светокопиях) <...>.

Постановили: 1) Признать в общем идею правильной и признание аппарата, в случае его удачного осуществления, весьма широким. Считать крайне желательным дальнейшую разработку аппарата. 2) Указать автору на необходимость, прежде чем приступать к построению аппарата, произвести детальные расчеты и экспериментальную проверку наиболее существенных элементов конструкции, как-то: общую освещенность, чувствительность фотоэлемента, размеры изображения <...>. 3) Отзыв о рассматриваемом аппарате как определенной конструкции может быть сделан только после выполнения того, что указано в предыдущем пункте».

Выписку подписали президент Радиоассоциации А. А. Петровский, член президиума Н. Н. Циклинский, секретарь В. С. Габель. Все трое имели славу опытных и авторитетных специалистов в области радиотехники⁷.

Заручившись поддержкой ученых, Б. А. Рчеулов обратился непосредственно в правительство, о чем свидетельствует письмо зав. секретариатом заместителя председателя СНК и СТО А. И. Рыкова⁸ от 7 октября 1922 года № 403: «Академику П. П. Лазареву. Согласно переговорам с Вами направляю Вам заявление изобретателя Риулова (так в тексте. — *Авт.*). Самого Риулова в Москве нет — он в Петрограде. Будьте добры, рассмотрите прилагаемые материалы, дайте по ним свое заключение и в случае надобности укажите путь практического испытания изобретения. Дело в том, что изобретатель — петербургский житель, не имеет даже средств приехать сюда и переслал свое дело через знакомое лицо. Материалы с Вашим заключением возвратите в Секретариат, по возможности к 9–10 сего октября». На письме резолюции:

«Ввиду отзыва весьма благоприятного и указания необходимости экспериментальной разработки полагаю желательной сделать разработку деталей в лаборатории, напр. академика А. Ф. Иоффе в Политехн. инст. П. Лазарев»⁹

«Ввиду того, что в моей лаборатории разрабатывается аналогичный тип аппарата для видения на расстоянии Л. С. Терменом, думаю, что в интересах Б. А. Рчеулова производить разработку своей модели в другой лаборатории, напр. в лаборатории Госуд. научно-техн. института под руководством проф. Петровского. Со своей стороны готов оказать Б. А. Рчеулову всякое содействие и предоставить в случае надобности приборы, напр. фотоэлементы изготовл. у нас типа. Академик А. Иоффе. 23 окт. 1922»¹⁰.

Проект Рчеулова был поддержан профессором А. А. Петровским и некоторое время работы велись в Научно-техническом институте под его руководством. Однако из-за отсутствия финансирования работы вскоре были приостановлены. Борис Александрович стал подумывать о зарубежном инвесторе. И неожиданно нашел его в лице знаменитого скрипача Яши Хейфеца¹¹, согласившегося стать его компаньоном. Напрашивается аналогия с поступком Сергея Рахманинова, пожертвовавшего известному авиаконструктору И. И. Сикорскому, оказавшемуся в трудном финансовом положении, 5000 долларов и согласившегося в интересах рекламы стать вице-президентом его компании. Посреднические функции между Рчеуловым и Хейфецем выполнял работник торгпредства в Лондоне М. П. Синельников. Образовалось своеобразное трио из скрипача, коммерсанта и инженера. В бумагах Б. А. Рчеулова сохранился договор (на английском языке) с подписью знаменитого скрипача, в текст которого он собственноручно вписал свое имя: *Jascha*. Известный популяризатор науки и техники Вл. Львов писал в вечерней «Красной газете» 2 октября 1926 года:

«Приковывающая в настоящее время внимание человечества и вызывающая тысячи одновременных исследований (256 патентов в одном СССР) на всех концах земного шара идея электрического видения на расстоянии вступает сейчас, по-видимому, в последний этап своего разрешения. Приоритет на этот важный этап технического прогресса, — этап, не уступающий по своему

значению изобретению радио или открытию рентгеновских лучей, — останется, надо думать, за советской физикой. Приоритет не будет на этот раз упущен ею по старой и печальной “традиции”, столь памятной нам по судьбе Попова <...>. В первых числах октября в Англию срочно выезжает ленинградский физик-изобретатель Б. А. Рчеулов для окончательного конструктивного завершения разработанного им аппарата телевидения. Над техническим воплощением давно уже принципиально решенной идеи электрического дальновидения работает, как сказано, целая плеяда физиков во всех странах. Наибольших результатов достигли пока Бэрд в Англии, Термен, Рчеулов и Розинг — в СССР...».

За девять месяцев пребывания в Англии Б. А. Рчеулов через опытных патентных поверенных оформил патентные заявки на свою систему телевидения с магнитной записью сигналов в Англии, США, Франции, и Германии. Благодаря спонсорской помощи Хейфеца удалось выполнить крупные экспериментальные работы с привлечением ученых Оксфорда и специалистов английской промышленности. К сожалению, в это время (сентябрь 1927 г.) произошел разрыв дипломатических отношений между Англией и СССР и Б. А. Рчеулову было отказано в продлении визы.

Расходы Я. Хейфеца на работы по телевидению составили около 10 000 руб. Половина этой суммы была истрачена на приобретение приборов и изготовление опытных образцов, упакованных в ящики и оставленных на Британских островах до лучших времен, которые для Б. А. Рчеулова так и не наступили. Более 2 000 руб. составил гонорар патентных агентов. И не зря. Как отмечал в автобиографии Борис Александрович, во всех указанных странах патентование его изобретений было успешно завершено. В иностранной научной литературе встречаются ссылки на его «Усовершенствованную систему записи и воспроизведения изображения» по английскому патенту¹² с приоритетом от 4 января 1927 года. Хотя предложенная им система развертки изображения была механической, исторически бесперспективной, но в деле записи и консервации телевизионных сигналов он ушел на 25 лет вперед от своих современников — слишком далеко, чтобы быть хорошо понятным и по достоинству оцененным.

По возвращении на родину Б. А. Рчеулов еще некоторое время пытался заинтересовать своим изобретением государст-

венные органы (а иных в стране уже не осталось), но успеха не добился, и в 1929 году ради заработка поступил на телефонный завод «Красная Заря» в качестве конструктора. Он сделал несколько изобретений в области автоматической телефонной связи, оптики, фотографии, аэрофотосъемки, изобрел один из типов электролитического конденсатора, хорошо известную радиомонтажникам паяльную проволоку из припоя с сердцевинной, заполненной порошком канифоли, ряд устройств военного применения и др.

Он часто меняет работу, не задерживаясь на одном предприятии более года. Обычно поводом для увольнения является сокращение штата, хотя с каждого места работы он получает прекрасную характеристику. Обладая творческим даром, соглашается на работу художником-оформителем, фотографом, конструктором. Особенно его привлекают исследования и разработки, связанные с телевидением. В 1934 году он работает в НИИ телемеханики: помощником начальника сектора профессора Я. А. Рыфтина¹³, затем инженером лаборатории, руководимой В. К. Кенигсоном¹⁴, который дал ему следующий отзыв:

«Тов. Рчеулов является вполне подготовленным для самостоятельной научной работы и является необходимым сотрудником для данной лаборатории. Сокращение тов. Рчеулова произведено по распоряжению дирекции без моего на то желания».

Очередное увольнение совпало с окончанием в 1934 году вечернего отделения Электротехнического института и создало серьезные трудности для написания им дипломного проекта. В последующие годы Б. А. Рчеулов работает в Институте прикладной физики ЛГУ, Энергетическом институте АН СССР, в НИИ-9, на заводах имени Коминтерна и имени Козицкого. Об обстоятельствах его увольнения из Института прикладной физики ЛГУ он пишет в докладной записке (адресат не указан):

«1 июня 1936 г. я был вызван т. Денисовым, который заявил мне, что Березин поклялся выгнать меня с треском из института. На мой вопрос: “что же делать мне и знает ли об этом т. Улитовский?” (директор ИПФ), Денисов заявил: “Улитовский придет не скоро и Березин успеет выставить вас из Института”. И затем он предложил мне написать заявление “по собственному желанию”. Я был вынужден во избежание каких-либо

каверз написать заявление следующего содержания: “Ввиду сложившихся обстоятельств прошу освободить меня от работы”.

Заявление об освобождении меня от работы я вынужден был написать еще и потому, что на основе придинок ко мне я уже имел два выговора, которые мною совершенно не заслужены. Оба выговора были мне даны без вызова директором и моих личных объяснений. О неправильном увольнении меня я устно (в апреле м-це) заявлял представителю РКК при ИПФ т. Кононовичу. 9/VIII-36 г. Рчеулов»¹⁵.

Истинная причина его увольнений состояла в том, что власти в 1931 году подвергли репрессиям его отца¹⁶, и отделы кадров предприятий, получив об этом информацию, избавлялись от «нежелательного элемента». Как инженер он был востребован в начале Великой Отечественной войны, служил начальником радиомастерских. Последняя, несколько странная справка в его жизни следующего содержания: «Дана военинженеру 3-го ранга Рчеулову Борису Александровичу в том, что он находился на излечении в Военном госпитале № 1014 с 5 февраля 1942 г. и умер 10 февраля 1942 г.».

Более заметный «русский след» в истории разработки и внедрения магнитной записи телевизионных программ оставил А. М. Понятов — американский инженер предприниматель, выходец из России, организовавший и возглавивший фирму «Ампекс», упомянутую в начале статьи. Эта фирма приобрела мировую известность как разработчик и основной поставщик студийных аудио- и видеоманитофонов. Название фирмы сложилось из инициалов ее основателя и первых букв слова excellence (превосходство)¹⁷.

В 1951 году А. М. Понятов и его технические советники М. Столяров и В. Селстед рассмотрели и приняли за основу разработки предложенный молодым инженером Ч. Гинзбургом способ записи ТВ сигналов путем вращения магнитных головок поперек движения ферромагнитной ленты. Другие фирмы во всем мире в то время разрабатывали видеоманитофоны на основе продольной записи, предложенной еще Б. А. Рчеуловым и требующей большой скорости движения носителя и непомерного расхода ферромагнитного материала. Решение А. М. Понятова было смелым, по существу, пионерским. Для его принятия

надо было обладать техническим талантом и предпринимательской интуицией — качествами, присущими А. М. Понятову.

В апреле 1956 года фирма «Ампекс» добилась крупного успеха, продемонстрировав действующий видеоманитофон с вращающимися головками на конференции «Теле- и радиовещательной ассоциации в г. Чикаго». Последующие годы прошли под знаком внедрения магнитной видеозаписи в практику ТВ вещания всех стран. Аппараты, созданные по системе «Ампекс», выпускались в США, Японии, Франции, Германии, Англии и СССР. У нас работы по созданию профессиональных видеоманитонов начались во второй половине 50-х годов. В декабре 1959 года образец аппаратуры, созданной на заводе «Ленкинап» при участии специалистов ВНИИ телевидения и НИКФИ, был принят государственной комиссией.

Отмечая выдающийся вклад А. М. Понятова в развитие телевизионной техники, Американское общество инженеров кино и телевидения в 1982 году учредило «Золотую медаль имени Александра М. Понятова», присуждаемую ежегодно за большие заслуги в области магнитной записи электрических сигналов.

-
- ¹ *Маковеев В. Г.* Александр Понятов — создатель видеоманитофона. // *Broadcasting. Телевидение и радиовещание.* 2002. № 1 (21). С. 86–89.
  - ² *Shiers G.* The rise of mechanical television. // *SMPTE Journal.* 1981. Vol. 90. No. 6. P. 508–521.
  - ³ Патент № 3803 (СССР), класс 21а', 32. Электрический телескоп. *Рчеулов (Рчеули) Б. А.* Заявлен 27 июня 1922 г., опубликован 31 октября 1927 г.; дополн. патент № 5030 (СССР), класс 21а', 32. Прибор для видения на расстояние при помощи фотоэлектрических токов. *Рчеулов (Рчеули) Б. А.* Заявлен 4 мая 1923 г., опубликован в Вестнике изобретательства. 1928. № 4; Патент № 3960 (СССР). Щелевой распределитель к электрическому телескопу. *Рчеулов (Рчеули) Б. А.* Заявлен 14 мая 1923 г., опубликован 30 ноября 1927 г.
  - ⁴ Свидетельство о рождении и крещении Б. А. Рчеулова (вместе с другими документами его личного архива) было получено авторами настоящей статьи от вдовы изобретателя Тамары Александровны Рчеуловой (1904–1992) и подарено Музею театрального и музыкального искусства.
  - ⁵ Краткая история зарождения звукового кино изложена в специальном подарочном издании «75 лет звуковому кино России. 1929–

- 2004» (приложение к журналу «Ажиптаж»):./Дунаевский А. Л., Кузьмин В. Н., Урвалов В. А. СПб, 2004. 58 с.
- ⁶ Блинов В. И., Урвалов В. А. Люди науки: Б. Л. Розинг. М.: Просвещение, 1991. 64 с.
- ⁷ Петровский Алексей Алексеевич (1873–1942) — ученик изобретателя радио А. С. Попова и продолжатель его работ, автор книги «Научные основания беспроволочной телеграфии» — первого в России теоретического руководства по радиотехнике (1907). Первый начальник научно-исследовательской лаборатории Радиотелеграфного депо Морского ведомства. Первый профессор радиотехники. Преподавал в Военно-морской академии, Электротехническом институте и др. вузах.
- Циклинский Николай Николаевич (1884–1938) — выпускник, затем преподаватель Политехнического института, д-р техн. наук, профессор, технический директор Радиозавода им. Коминтерна, директор Центральной радиолaborатории, главный редактор журнала «Электросвязь».
- Габель Виктор Станиславович (1874–1938) — инженер, пом. начальника лаборатории Радиозавода Морского ведомства, зав. лабораторией высокой частоты Главной палаты мер и весов.
- ⁸ Рыков Алексей Иванович (1881–1938) — нарком внутренних дел (1917), зам. председателя Совнаркома В. И. Ленина (1921–1924), председатель Совнаркома (1924–1930), нарком связи (1931–1936). Был репрессирован. Реабилитирован посмертно.
- ⁹ Лазарев Петр Петрович (1878–1942) — академик по отделению физико-математических наук, ученик и последователь известного физика П. Н. Лебедева (1866–1912), директор института физики и биофизики.
- ¹⁰ Иоффе Абрам Федорович (1880–1960) — академик (1920), организатор и первый директор Физико-технического института в Петрограде, Герой Социалистического Труда.
- Термен Лев Сергеевич (1896–1993) — изобретатель электромузыкальных инструментов и механического телевидения, лауреат Сталинской премии (1947). Встречался с Б. А. Рчеуловым в Лондоне.
- ¹¹ О Я. Хейфеце см. Раабен Л. Жизнь замечательных скрипачей. М.; Л., 1967.
- ¹² Patent No. 288,680 (Great Britain). Improved means of recording and reproducing pictures, images and the like. *Rtcheuloff V.* Заявлен 4 января 1927 г., опубликован 7 июня 1928 г. Ссылку на этот патент см. *Abramson A.* A history of the television camera. Berkeley; Los Angeles: University of California press, 1955. P. 43, 184.
- ¹³ Рыфтин Яков Александрович (1905–1989) — один из пионеров телевизионной техники в нашей стране. Первым в нашей стране

- повторил электронную систему телевидения, созданную в США В. К. Зворыкиным. Подарил Б. А. Рчеулову несколько своих статей с дарственной надписью. С 1946 г. заведовал кафедрой телевидения в ЛЭТИ им. В. И. Ульянова (Ленина). Д-р техн. наук, профессор.
- ¹⁴ Кенигсон Владимир Константинович (1903–1952) — сотрудник НИИ телевидения (1934–1941, 1946–1952), автор схем ряда телевизионных приемников, главный конструктор популярного телевизора КВН-49.
- ¹⁵ Улитовский Алексей Васильевич (1893–1957) — ученый в области приборостроения, работал в ЛГУ и ВНИИ метрологии, разработал высокочастотные методы обработки и создания материалов и изделий, в том числе литого провода в стеклянной изоляции. Лауреат Ленинской (посмертно) и Государственной премий. Об остальных лицах, указанных в объяснительной записке Б. А. Рчеулова, сведений нет.
- ¹⁶ Рчеулов Александр Григорьевич (1863–1937). Согласно записи в домовых книгах работал инженером в АО «Руперстрой» (ул. Гоголя, 23). Женат вторым браком на Антонине Александровне Рчеуловой (1885–1937). 5 июля 1931 г. оба супруга были арестованы, но вскоре освобождены. Вторично арестованы после убийства Кирова и высланы на поселение в г. Орел. По рассказам вдовы Б. А. Рчеулова, там их вновь арестовали в 1937 г. и больше не выпустили. На запрос родных сообщили об их смерти в 1938 г. из-за сердечной недостаточности. Родная мать Бориса Ольга Сергеевна, в девичестве Меликова, развелась с его отцом еще до революции, вышла замуж за племянника академика В. И. Вернадского Б. К. Рында-Алексеева. С сыном и первым мужем поддерживала добрые отношения. Умерла в 1939 г.
- ¹⁷ *Шульман М.Г.* Страницы истории магнитной видеозаписи // Broadcasting. Телевидение и радио. 2003. № 8; *Лейтес Л.С.* Разработчики первых профессиональных видеомagneтофонов // Техника кино и телевидения. 2003. № 1. С. 84–87. Понятов Александр Матвеевич (1892–1980) родился и вырос в семье лесопромышленника Казанской губернии. В 1914 году окончил Политехнический институт в г. Карлсруэ (Германия). В годы Первой мировой войны служил летчиком Военно-морского флота России, участвовал в Гражданской войне на стороне Белой армии, а после ее разгрома эмигрировал в Китай. В 1920–1927 гг. работал в Шанхайской электрической компании, затем эмигрировал в США. В годы Второй мировой войны принимал участие в разработке и производстве радиолокаторов для Военно-морского флота США.

Е. Г. Попова-Яцкевич

Виктор Иванович Яцкевич — историк церкви

В современной отечественной историографии все большее внимание занимает изучение жизни и деятельности представителей российской интеллигенции двух предреволюционных десятилетий. Долгое время было предано забвению множество имен ученых, политиков, государственных деятелей. В еще большей степени замалчивались имена представителей духовенства и высшего управления Православной Российской Церкви, которая в 1920-х – 1930-х гг. оказалась на грани полного уничтожения. Это в полной мере относится к Виктору Ивановичу Яцкевичу, тайному советнику, представителю духовного ведомства на заседаниях Государственной думы и Государственного совета.

Как церковный деятель и автор богословских трудов В. И. Яцкевич получил признание церковной и научной общественности. В 1909–1916 гг. его избрали в свои действительные и почетные члены Витебская и Псковская ученые архивные Комиссии, Ставропольское епархиальное церковно-археологическое общество, Киевское Свято-Владимирское Братство, Московский Археологический институт. В годы войны он был избран председателем Комиссии по организации местных отделов Главного совета Общества памяти воинов русской армии.

В послереволюционные годы В. И. Яцкевич участвовал в организации хранения архивов упраздненных церковных учреждений.

Главным делом жизни В. И. Яцкевича было участие в подготовке и проведении Поместного собора 1917–1918 гг., не потерявшего своего значения до настоящего времени.

Виктор Иванович Яцкевич родился 18 декабря 1861 г. в с. Нища Себежского уезда Витебской губ. в семье настоятеля приходской церкви протоиерея Иоанна Яцкевича, потомка старинного шляхетского рода. 25 августа 1865 г. он был причислен к роду и внесен в 6 часть родословной книги Витебской губернии¹.

Окончив Полоцкое духовное училище и Витебскую духовную семинарию, Яцкевич поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую закончил в 1886 г. со степенью кандидата богословия. Поступив на должность законоучителя Свято-Владимирской церковно-учительской школы Санкт-Петербурга, основанной Е. А. Победоносцевой, он поселился в доме синодального подворья на Звенигородской ул., 14, в квартире своего двоюродного брата И. И. Лаппо². Молодой человек оказался в среде духовенства и чиновников церковного управления. И. И. Лаппо, начальник отделения канцелярии обер-прокурора Св. Синода и настоятель церкви Божией матери Владимирской прт. Н. М. Вирославский³ были женаты на дочерях К. П. Платонова, казначея хозяйственного управления Св. Синода. Дальнейший путь В. И. Яцкевича был предопределен: он поступил на службу в канцелярию Св. Синода. Через год его приняли на должность помощника столоначальника канцелярии обер-прокурора, в которой он прослужил тридцать лет. Завершил службу директором канцелярии, тайным советником, кавалером орденов Св. Станислава и Анны 1 степени и Св. Владимира 3 степени⁴.

Как министерский чиновник В. И. Яцкевич сформировался под влиянием К. П. Победоносцева, «высокообразованного и культурного государственного человека по своему уму, по своей культуре и по своей личной незаинтересованности в делах мира сего»⁵. Обер-прокурор выделил его из среды молодых чиновников и готовил его как руководителя своей канцелярии, органа государственного управления Православной Российской Церкви⁶.

Яцкевич начал службу во втором отделе канцелярии обер-прокурора, который ведал учебными заведениями духовного ведомства. В представлении Победоносцева, руководство начальным образованием народа было самым важным делом духовного ведомства. За время его обер-прокурорства количество церковно-приходских школ увеличилось в сто раз, были открыты женские общины со школами и монастырями, возникли новые учреждения духовно-просветительского и благотворительного характера⁷.

С 1900 г. Яцкевич стал отвечать за политику церкви в вопросах иноверия и сектантства⁸, которые Победоносцев рассматривал как серьезную угрозу господствующей церкви во влиянии на общество⁹. Тезис Победоносцева «вопрос о расколе есть вопрос просвещения в России» был положен в основу самостоятельного направления в деятельности Духовного ведомства. С 1884 г. в семинарский курс в качестве обязательного предмета вводилось учение о расколе, при духовных академиях открыты кафедры истории и обличения раскола. Был образован фонд по изданию противораскольничьих сочинений, который издал брошюру, предназначенную самым широким слоям населения, в первую очередь крестьянства, наиболее подверженного сектантству¹⁰.

В 1890-х годах центр тяжести церковной политики был перенесен на борьбу с рационалистическим сектантством, к которому относили баптизм, духоборство, штундизм, молоканство, субботничество, толстовство и пашковство¹¹. Сущность этих лжеучений раскрывала вышедшая в 1900 г. массовым тиражом книга В. И. Яцкевича «Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах...»¹². В ней в доступной форме была описана история раскола, изменения, которые он претерпел за время существования, приведшие к заблуждениям его последователей. В книге был помещен список из 66 книг, которые «помогут познать истину православия» и разобраться в лжеучениях, указаны места их продажи. Последний раздел представлял «Главнейшие действующие о раскольниках и сектах законы» и утвержденное 3 мая 1883 г. Александром III мнение Государственного совета «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб». Раскольники всех сект, за исключением скопцов, получали внутренние паспорта, право на тор-

говлю, промыслы, могли отныне занимать общественные должности. Старообрядческое духовенство получило возможность наладить свою религиозную жизнь. По этому закону старообрядцы жили до 1905 г.

Попыткой разрешить проблему раскола можно считать создание в православной церкви ответвления — «единоверия». Церковь разрешила старообрядцам совершать обряды и рукоположение по старопечатным книгам с условием подчинения священноначалию. Этой теме В. И. Яцкевич посвятил очерк¹³, в котором изложил взгляд на единоверие как на особенный вариант унии, заимствованный из арсенала методов наступательной политики католицизма.

Политика католического Рима представляла большую проблему для господствующей церкви в Западных губерниях, где противостояние православной церкви и католического влияния имело глубокие исторические корни. С древних времен эти земли приняли православие, но в 1596 г. православная церковь признала власть папы и догматы католицизма на территории Великого княжества Литовского. При этом были сохранены обрядность, богослужение на церковнославянском языке и браки белого духовенства. Так возникла униатская (греко-униатская, греко-католическая) церковь. В конце XVIII в., после вхождения этих территорий в состав Российской империи, правительство начало активно искоренять унию. К 1839 г. четверть миллиона униатов формально вернулись к православной вере, а по существу остались вне церкви. В 1870-х гг. началась вторая волна очищения обрядности униатской церкви от католических наслоений. Из храмов убрали органы, скамьи, католические иконы, службу требовалось вести по православному обряду. Это вызвало беспорядки, столкновения с войсками. Униатские храмы опустели. Вопрос приобретал общественно-политическое значение. В 1897 г. Николай II готов был предоставить униатам выбор между православием и католичеством, но Синод и обер-прокурор занимали крайне консервативную позицию и не смогли противопоставить Ватикану самостоятельную доктрину¹⁴.

17 апреля 1905 г. император утвердил указ «Об укреплении начал веротерпимости». Отныне был разрешен переход из православия в другие христианские исповедания. В Западном крае

указ вызвал непредсказуемые последствия — все деревни были засыпаны листовками и брошюрами с призывами переходить в католичество. Распространялись слухи об уже состоявшемся обращении Иоанна Кронштадтского и государя. Епископ Холмский Евлогий выехал в Петербург для встречи с Победоносцевым, который признал, что обер-прокуратура «не предусмотрела необходимость заранее сообщить о готовившемся законе»¹⁵. По мнению критиков, закон не только осложнил положение православной церкви, но и негативно сказывался на крепости позиций имперской власти на окраинах, где большинство составляли неправославные. Крепко связанная с государством православная церковь вынуждена была принимать меры.

Для разработки мер к наилучшему устройению внутренней и внешней миссии и к оживлению её деятельности духовное ведомство созвало особое Совещание. В феврале 1908 г. В. И. Яцкевич был назначен его членом и начал участвовать в разработке вопросов для IV Миссионерского съезда. В первую очередь необходимо было обсудить проблемы католицизма, неверие, единоверие и сектантство. Предполагалось также, что съезд разработает меры по борьбе с социализмом, анархизмом и наметит пути церковного обновления.

Съезд проходил с 12 по 26 июля 1908 г. в Киеве, на нем присутствовали 626 человек, в том числе 3 митрополита, 32 архиепископа и епископа, представители белого духовенства, профессора духовных и светских учебных заведений¹⁶. В числе высших чинов центрального церковного управления в работе съезда принимал участие В. И. Яцкевич. Он был назначен секретарем противокатолического отдела, который возглавил епископ Холмский Евлогий.

На съезде В. И. Яцкевич сделал два доклада. В основу первого, посвященного рассмотрению причин массового обращения православных в католичество в Западных губерниях, были положены сведения, поступавшие в канцелярию обер-прокурора от секретарей консисторий. Из них следовало, что после объявления указа о свободе совести 1905 г. количество прихожан, вернувшихся в католичество, достигло 170 тыс. человек. Яцкевич отметил слабую миссионерскую и просветительскую деятельность православной церкви в Западном крае, но основ-

ную причину видел в насильственном и поспешном обращении в православие населения Белорусской епархии после польского мятежа 1863 г. Важность затронутой темы и глубина её анализа были отмечены участниками съезда, который принял решение опубликовать доклад. За усердные и ревностные труды по Особому миссионерскому совещанию Св. Синод выразил В. И. Яцкевичу благодарность¹⁷.

Во втором выступлении В. И. Яцкевич передал участникам съезда обращение прихожан Полоцкой епархии о возвращении мощей прп. Евфросинии. За последние 77 лет жители Полоцка шесть раз ходатайствовали перед Св. Синодом о переносе святыни из Киева в Полоцк. В ноябре 1892 г. прошение подписали тысячи прихожан, в 1896 г. к ним присоединилась вся Полоцкая епархия.

Яцкевич рассказал о своем исследовании, опубликованном накануне открытия съезда, в котором был проведен разбор всех списков западнорусских летописей. Автором было установлено, что летописи содержат описания деяний православной праведницы прп. Евфросинии (1101 – 23 мая 1173), в миру княжны Предславы, праправнучки Великого князя Владимира Святого, внучки владетельного князя Полоцкого Всеслава. Еще в юности она отказалась от мирских благ и, приняв пострижение под именем Евфросиния, стала вдохновительницей религиозного движения в стране. Она возводила храмы и монастыри, открывала церковные школы и иконописные мастерские, создавала библиотеки. В 1163 г. праведница отправилась в святые земли, где скончалась 23 мая 1173 г. Её мощи хранились при паперти церкви прп. Феодосия в Иерусалиме. После завоевания его султаном Саладином в 1187 г. монахи русского монастыря извлекли мощи и перенесли в Киев.

Когда Евфросиния стала знаменем православия и русской народности Белой Руси, католики и униаты фальсифицировали предание и придали ей облик правоверной католички. Деяния Евфросинии приписали прп. Параскеве, католической святой, скончавшейся в Риме в 1239 г. По мнению В. И. Яцкевича, в стремлении доказать, что Россия была в соединении с Римом еще до унии, польско-литовские историки использовали «легенду — излюбленный прием служителей Рима: ведь в наши дни

ими создана легенда о Владимире Святом, крестившем Русь в католичество»¹⁸.

В. И. Яцкевич напомнил присутствующим, что за свою подвижническую деятельность прп. Евфросиния была причислена к лику православных святых. Перенос её мощей в Полоцк стал бы символом возвращения прихожан к вере предков.

Яцкевич также рассказал делегатам, что он и представители духовенства Полоцкой епархии посетили Киево-Печерскую лавру. Они нашли мощи в дальней, заброшенной пещере, в небрежении, в мужском монастыре, с которым Евфросиния не была никак связана при жизни. Славили её 28 августа, в один день с другими 45 праведниками, тогда как в Белоруссии день памяти прп. Евфросинии торжественно праздновался 23 мая. В этот день верующие совершали паломничество к частице мощей (средний палец правой руки), переданной в Полоцк в 1870 г. в ответ на неоднократные просьбы Полоцкого епископа Саввы.

Объединенные усилия иерархов, прихожан и доводы докладчика возымели действие — съезд поддержал ходатайство и направил свое решение в Св. Синод, который образовал особую комиссию. В неё вошли преосвященные Антоний Волинский, Евлогий Холмский, Иннокентий Тамбовский¹⁹ и В. И. Яцкевич, «сын Полоцкой епархии, специально изучавший жизнь и подвиги прп. Евфросинии <...>. Он явился особым ревнителем в этом святом деле»²⁰. 29 мая комиссия приняла решение о переносе мощей, о чем Яцкевич доложил Св. Синоду. В зимнюю сессию 1909–1910 гг. Св. Синод разработал чин перенесения, который был высочайше утвержден 29 января 1910 г.

В мае 1910 г. мощи прп. Евфросинии были торжественно извлечены из пещер, проследовали на кораблях до Полоцка и 23 мая были помещены в основанном ею Спасском храме. На празднествах присутствовали королева эллинов, великий князь Константин Константинович с семейством, иерархи, тысячи паломников. В. И. Яцкевич участвовал в торжествах в составе делегации Св. Синода.

30 мая 1910 г. он был избран почетным членом Полоцкого церковного братства во имя Святителя Николая и прп. Евфросинии, княжны Полоцкой²¹. Св. Синод учредил при Полоцком Спасо-Евфимиевском епархиальном училище две стипендии —

имени преосвященного Серафима, епископа Полоцкого и Витебского, и имени действительного статского советника директора канцелярии обер-прокурора Св. Синода В. И. Яцкевича. Стипендия им. Яцкевича учреждена в благодарность за его труды в деле перенесения святых мощей прп. Евфросинии и присуждалась «православной, бедной, успешной в науках, примерного поведения ученице» из представленных на его усмотрение кандидатов²².

В 1904 г. Св. Синод принял решение подготовить к своему 200-летнему юбилею, который приходился на 11 февраля 1921 г., научный труд. Его программу поручили разработать статс-секретарю Синода С.Г. Рункевичу²³, который запланировал издание 23 монографий. В авторский коллектив вошли чиновники Св. Синода, профессора Санкт-Петербургской, Московской и Казанской духовных академий, архиереи.

Составление монографии по истории обер-прокуратуры поручалось В. И. Яцкевичу. В его задачу входило представить «вне касательства к спорному вопросу о влиянии и власти обер-прокуроров в Св. Синоде богатую летопись положительных заслуг в пользу церкви представительства царской власти в высшем церковном управлении с 1722 г. по 1921 г.»²⁴ Изданию книг мешали начавшаяся вскоре война, последовавшая за ней революция и ликвидация Синода.

Подготовленные Яцкевичем материалы частично вошли в ежегодные отчеты ведомства. Помимо организационной, финансовой, просветительской, миссионерской деятельности в них отразилась история обер-прокуратуры, которая началась с реформы Петра I²⁵. Она положила начало превращению православной церкви в часть государственного аппарата России. После упразднения патриарха во главе церкви был поставлен коллегиальный орган — Святейший Правительствующий Синод. В мае 1722 г. Петр I учредил должность обер-прокурора, который со временем был наделен полномочиями министра духовных дел. Этот светский бюрократический элемент стал преградой между Церковью и народом, Церковью и государством. Изменить положение могло только восстановление канонического строя — ликвидация института обер-прокурора и избрание Поместным собором патриарха.

Подготовка к Собору Православной Российской Церкви началась в 1904 г. с рассылки епархиальным архиереям анкет, в которых были затронуты практически все принципиальные вопросы церковной жизни России. Ответы начали поступать в конце октября 1905 г. в специальную комиссию, созданную для их обработки и систематизации. Яцкевич был назначен членом этой комиссии²⁶. Из ответов иерархов следовало, что они единодушны в признании необходимости церковных реформ²⁷.

Отзывы архиереев послужили материалом для работы Предсоборного Присутствия, организованного 14 января 1906 г. Его участники должны были разработать вопросы, подлежащие рассмотрению на Поместном Соборе. Работа велась в общем собрании и по отделам. Председателем VI отдела был назначен епископ Волынский Антоний, в заседаниях принимали участие епископ Финляндский Сергей, председатель Училищного совета прт. П. И. Соколов, протоиереи И. И. Восторгов и Н. И. Глубоковский²⁸, профессора и миссионеры. Делопроизводителями VI отдела были назначены управляющий канцелярией Синода П. В. Гурьев и вице-директор канцелярии обер-прокурора В. И. Яцкевич.

Шестой отдел рассматривал вопросы о внутренней и внешней миссии, о беглопоповстве и единоверии, о старообрядцах, о церковном осуждении сектантства. Разбирались также вопросы церковной дисциплины, меры против пропаганды католичества и лютеранства. В мае 1906 г. Яцкевич представил отделу материалы о причинах массовых отпадений от православия в северо-западных и юго-западных епархиях. Доклад было решено отпечатать тиражом 1 000 экз. для ознакомления с ним членов присутствия и рассылки по этим епархиям²⁹.

Предсоборное присутствие работало до 15 декабря 1906 г. Оно выработало тезисы о церковном соборе, но не разработало законопроекты нового церковно-административно-судебного кодекса. Революция 1905–1906 гг., а затем реакция на нее существенным образом повлияли на возможность проведения церковных реформ. Вопрос о созыве Поместного собора был отложен до 1912 г., когда по решению Св. Синода было создано Предсоборное Совещание. Оно должно было рассмотреть и доработать материалы Предсоборного Присутствия и приме-

нить их к изменившимся условиям церковной и гражданской жизни. Совещанию отводилась «техническая», вспомогательная роль³⁰. Председателем был назначен епископ Финляндский Сергей, членами — Волынский и Холмский архиереи Антоний и Евлогий, профессор Санкт-Петербургской духовной академии И. И. Соколов, профессор Харьковского университета Т. И. Буткевич. Делопроизводителем стал С. Г. Рункевич³¹.

Совещание работало четыре с половиной года. Оно успело рассмотреть два законопроекта — о реформе высшего церковного управления и епархиального управления. Третий вопрос, о реформе церковного суда, в виду особой сложности, был передан на предварительное обсуждение особой комиссии, которая получила право составить законопроект. В январе 1916 г. для участия в его обсуждении были приглашены несколько человек, в том числе В.И. Яцкевич³² и юрист-консульт обер-прокурора Св. Синода В. В. Радзимовский. Комиссия провела 34 заседания, на которых обсудила общие принципы церковной судебной реформы и приступила к составлению церковно-судебного устава. К сентябрю 1916 г. были составлены и обсуждены Предсоборным совещанием 4 книги из предполагаемых шести, остальные близились к завершению³³.

Спустя пять месяцев началась революция, и многие важные в императорской России вопросы оказались необходимым пересмотреть. После отречения государя от престола и формирования нового правительства члены Св. Синода приняли в качестве обер-прокурора В. Н. Львова и распорядились провести во всех храмах молебны с возгласением многолетия Державе Российской и Благоверному Временному Правительству. В. Н. Львов воспользовался старым обер-прокурорским правом сформировать новый состав Синода³⁴.

29 апреля 1917 г. Св. Синод объявил о созыве Собора. Для его подготовки была создана обширная (свыше 60-ти лиц) совещательная коллегия — Предсоборный Совет. Помимо членов Св. Синода, обер-прокурора В. Н. Львова и его товарища А. В. Карташева в него вошли серьезные и компетентные специалисты, в том числе представители высшего духовенства, крупные богословы и церковные историки, профессора духовных академий, преподаватели Петроградского и Варшавского уни-

верситетов, церковные публицисты. От центральных учреждений Синода были назначены председатели Училищного совета прт. П. И. Соколов и Учебного комитета прт. К. М. Агеев, директор канцелярии обер-прокурора В. И. Яцкевич, директор Хозяйственного управления А. А. Осецкий³⁵. Предсоборный совет работал в июне – июле 1917 г., в общем собрании и по отделам. Председателем четвертого отдела, готовившего вопрос о церковном суде, стал архиепископ Литовский Тихон, членами — архиепископ Финляндский Сергей, епископы Минский Георгий и Пермский Андроник, юрисконсульт при обер-прокуроре Св. Синода В. В. Радзимовский, член Гос. Думы В. П. Шеин, В. И. Яцкевич и др.³⁶ Совет разработал Положение о созыве Поместного Собора, в котором были указаны сроки и место его проведения и порядок избрания делегатов, проекты преобразования высшего церковного управления, по которым высшая церковная власть в ПРЦ принадлежит Поместному собору. Собор избирает председателя Священного Синода (он же председатель Высшего Церковного Совета). Управление делами осуществляет Священный Синод и Высший Церковный Совет³⁷.

25 июля 1917 г. должность обер-прокурора нового состава Временного правительства получил А. В. Карташев. 5 августа, после упразднения Св. Синода, он стал именоваться министром исповеданий Временного правительства. Канцелярия обер-прокурора была переименована в Департамент по делам Православной церкви, В. И. Яцкевича стал директором этого департамента³⁸. Он выехал в Москву для участия в Поместном соборе, который открылся 15 августа 1917 г. После избрания на нем патриарха и создания Высшего Церковного Совета Департамент по делам Православной Церкви стал именоваться канцелярией Высшего Церковного Совета, В. И. Яцкевич стал управляющим канцелярией³⁹.

18 сентября 1917 г. Московская синодальная типография издала 15-страничную брошюру В. И. Яцкевича «К истории созыва Всероссийского церковного собора». В ней впервые были обнародованы письма и документы 1904–1906 гг. и 1912 г., проливающие свет на роль царя, обер-прокуроров и членов Св. Синода в созыве Собора. Большая часть документов, опубликованных Яцкевичем, хранилась в особых папках, не приобщавшихся,

ввиду секретности содержания, к общему делопроизводству обер-прокурорской канцелярии⁴⁰. Брошюра была распространена среди делегатов.

Собор работал в течение трех сессий до 20 сентября 1918 г. Яцкевич участвовал в обсуждении вопросов о благоустройении приходов, об основаниях для расторжения брака, о единоверии, о церковном суде⁴¹.

В конце октября 1917 г. русская церковь вступила в новую полосу своего бытия, вынужденная больше думать не о реформах, а о выживании в условиях насилия, творимого под лозунгами «свободы совести» и заклинаний воинствующего атеизма⁴². Ленинский декрет от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» лишал церковь статуса юридического лица, отбирал у нее все имущество, включая храмы, доходные предприятия, приюты. Из здания Московской духовной семинарии, подготовленной для работы третьей сессии Собора, были вывезены все продукты, предназначенные участникам заседаний. Правительство отказалось финансировать проведение Собора и лишило церковь имеющихся в её распоряжении средств, закрыв церковные банковские счета⁴³.

Несмотря на трудности, заседания проводились до 20 сентября 1918 г., когда Собор прервал работу, не заслушав 23 доклада⁴⁴, в том числе сообщение В. И. Яцкевича о порядке расторжения церковных браков. Тексты докладов были переданы Высшему Церковному управлению на рассмотрение.

В Петрограде власти закрыли доступ в здания Св. Синода и организовали в них отделение Центрального архивного комитета, в который начали свозить документы всех упраздненных учреждений Православной Церкви. Они сформировали 2-й отдел IV секции Петроградского отделения Центрархива, председателем которого был назначен историк С. Ф. Платонов⁴⁵. К сентябрю 1918 г. в него поступили все архивы — консистории, канцелярии митрополита, Александро-Невской лавры, монастырей, духовно-учебных и благотворительных заведений⁴⁶ — за исключением архива канцелярии обер-прокурора, который оставался в доме 34 на Литейном проспекте. Ценнейшим историческим и церковно-юридическим материалам за 1870–1918 гг. грозило уничтожение от занявших дом различных организаций⁴⁷.

Управляющий секцией К. Я. Здравомыслов написал ходатайство в Главное управление архивов (ГУА) с просьбой решить судьбу документов канцелярии обер-прокурора. 8 октября ГУА разрешило вывезти под руководством бывших служащих канцелярии архив, а также шкафы для его расстановки, и предоставило автомобиль⁴⁸. Под руководством В. И. Яцкевича бумаги были перевезены в здание Синода, где их объединили с документами за 1742–1869 гг. Виктор Иванович был принят 7 декабря 1918 г. на должность старшего архивиста 2-го отдела IV секции⁴⁹. В 1921 г. его назначили редактором, с 1 января 1922 по 1 апреля 1923 г. он был заведующим секции (24 марта 1923 г. 2 отделение IV секции было переименовано в научно-теоретический отдел). На Яцкевича была возложена «разработка всех научно-теоретических проблем, до архивного дела относящихся, и координирование деятельности всех отделений Единого Государственного Архивного Фонда, а также подготовка к печати нескольких специальных изданий»⁵⁰.

В июле 1921 г. начальник ЛО Центрархива и председатель Археографической Комиссии С. Ф. Платонов обратился в Управление научным центром Академии наук с просьбой реэвакуировать из г. Саратова отправленные в 1917 г. в тамошний университет на хранение ценнейшие рукописную библиотеку и архив Комиссии. Расходы на реэвакуацию в сумме 800 000 рублей были выданы помощнику ученого секретаря В. И. Яцкевичу⁵¹.

Когда в конце 1921 г. в Археографической Комиссии освободилась должность ученого секретаря, на нее был избран В. И. Яцкевич. Ему поручили заведование архивами, делопроизводство канцелярии Комиссии и сношение с типографиями. Кроме занятий по должности, Виктор Иванович должен был принимать участие в ученых работах⁵². К заявлению о приеме был приложен список двадцати печатных работ В. И. Яцкевича. Из них по косвенным источникам выявлены шесть, которые рассмотрены в настоящей статье. Список трудов, как и все бумаги из дела о службе и в архиве, и в Археографической комиссии, были изъяты во время ареста В. И. Яцкевича весной 1922 г.

Это был не первый его арест. В ночь с 16 на 17 марта 1917 г. он был задержан вместе с другими служащими канцелярии и хозяйственного управления Синода. Их допрашивали следователи

«Чрезвычайной комиссии по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима», образованной 4 марта 1917 г. Временным правительством. Протоколы допросов В. И. Яцкевича сохранились, они касаются епископов Феофана и Алексия, монахов Илиодора и Гермогена и их связи с Распутиным. Всех арестованных освободили 21 марта «ввиду отсутствия признаков какого-либо преступного деяния, могущего быть поставленного <...> в вину»⁵³.

Через два месяца Виктор Иванович давал показания Комиссии по ревизии Александро-Невской лавры о митрополите Питириме. Через делопроизводство канцелярии проходили документы о его службе, и от Яцкевича требовали подтверждения, что за назначение экзархом Грузии Питирим расплачивался с Распутиным из лаврских средств⁵⁴. Протоколы допросов рисуют облик умного человека, привыкшего владеть ситуацией.

26 февраля 1922 г. ВЦИК обнародовал постановление об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим. Патриарх Тихон благословил передачу предметов культа, без которых могло совершаться богослужение, но власти начали изымать церковные святыни. Это вызвало протесты верующих. В апреле начался судебный процесс над патриархом и духовенством по обвинению в антисоветской деятельности. В Петрограде по делу «О противодействии изъятию церковных ценностей, по обвинению митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (гр-на Казанского), епископа Венедикта Кронштадтского (гр-на Плотникова) и др.» 29 апреля были арестованы члены Общества православных приходов Петроградской епархии В. И. Яцкевич и И. А. Карабинов. В доме предварительного заключения на ул. Воинова, 35 их допрашивали следователи Петроградской ГубЧК по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией.

Виктор Иванович был заметной фигурой в глазах властей. Он находился в дружеских отношениях с патриархом Тихоном, был председателем церковного совета церкви Александра Невского на Фурштатской и членом приходского совета Исаакиевского собора⁵⁵.

Местный комитет Петроцентрархива начал хлопотать об освобождении коллег. 10 мая 1922 г. в политический розыск было направлено ходатайство за подписью академика С. Ф. Плато-

нова об отдаче их на поруки⁵⁶. Виктора Ивановича освободили 23 мая, И. А. Карабинов оставался в заключении до суда (10–11 июля 1922 г.), который оправдал его.

Преследования властей, увольнение из архива, жилищные проблемы сказались на здоровье В. И. Яцкевича⁵⁷. В Археографической комиссии он перешел на неполный рабочий день⁵⁸. Неизвестно, состоялась ли его командировка осенью 1923 г. в г. Витебск для «осмотра находящихся при <...> Марковом монастыре и некоторых городских старинных церквах архивов для извлечения из них некоторых архивов»⁵⁹.

15 октября 1924 г. В. И. Яцкевич лег на излечение в Военно-клинический госпиталь ВМА⁶⁰, а 13 ноября скончался. Археографическая комиссия на своем заседании почтила его память вставанием⁶¹.

Погребен В. И. Яцкевич на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, на семейном участке Платоновых-Лаппо-Вирославских⁶². Могилы не сохранились.

---

¹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 34. Д. 3148, 3147; Ф. 1405. Оп. 575. Д. 15743. Л. 104 об.; *Попова-Яцкевич Е. Г.* Польская шляхта в России: род Яцкевичей герба «Гоздава» // Поляки в России: XVII–XVIII вв. Материалы международной научной конференции. Краснодар, 2003. С. 86–94. Табл.

² Адресная и справочная книга «Весь Санкт-Петербург». СПб., 1893. С. 242, 499.

³ Лаппо Иван Иванович (1832–1898) окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1858), кандидат богословия. Учитель Александро-Невского духовного училища. Помощник секретаря Св. Синода (1861), статс-секретарь (1869), начальник 2-го отделения канцелярии обер-прокурора Св. Синода (1871), действительный статский советник (1885). И. о вице-директора канцелярии о-пр Св. Синода (1888, 1893).

Вирославский Николай Михайлович (1832–1909) — протоиерей. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1857). Настоятель церкви Божией Матери Владимирской (1860–1898), автор книги по её истории. Духовник Ф. М. Достоевского.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 2621. Л. 64; Ф. 796. Оп. 168 эксп. Д. 2512; Ф. 796. Оп. 197 эксп. Д. 3731. Л. 2; Ф. 1405. Оп. 545. Д. 15743. Л. 102–140. Сведения о наградах на 06.05.1916 г.

- ⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 59, 260, 442; *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. С. 162–163: «Близко стоявший к Победоносцеву, тайный советник, директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода Виктор Иванович Яцкевич рассказывал мне, что Победоносцев, тонко разбиравшийся в людях и явлениях <...> был оригинальной личностью <...> своим острым умом сразу проникал в глубь явления, замечал его слабые стороны, прозревал могущие произойти от него последствия».
- ⁶ *Суворов Н. С.* Учебник церковного права. СПб., 1913.
- ⁷ *Преображенский Н. В.* К. П. Победоносцев, его личность и деятельность в современном представлении со времени его кончины. СПб., 1912. С. 116, 118.
- ⁸ *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 г. М., 1984. С. 15.
- ⁹ *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904. СПб., 2003. С. 161, 182.
- ¹⁰ *Н.С.* [Субботин]. О сущности и значении раскола в России. М., 1881.
- ¹¹ *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. С. 186.
- ¹² *Яцкевич В. И.* Краткие сведения о старообрядческом расколе и сектах в русской церкви с изложением действующего о них законодательства. М., 1900. Автор установлен по изд.: Юбилейная памятная книжка XLIII курса Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1914. С. 48.
- ¹³ *Яцкевич В. И.* О единоверии. Исторический очерк. СПб., 1900.
- ¹⁴ *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. С. 206.
- ¹⁵ Там же. С. 19; *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен. С. 175, 176; *Евлогий (Георгиевский).* Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 140–141.

Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946) — митрополит, епископ Холмский и Люблинский (1905), архиепископ Волынский и Житомирский (1914). Член Государственной думы. Член Собора. Временно управляющий русскими западноевропейскими приходами (1921). Митрополит — управляющий русскими церквями в Западной Европе (1930). 10 июня 1930 г. запрещен в священнослужении, ушел в юрисдикцию Константинопольской патриархии. Воссоединен с православной церковью, митрополит и экзарх Западно-европейских православных церквей (1945). Скончался в Париже.

- ¹⁶ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен. С. 177, 399.
- ¹⁷ Церковные ведомости. Прибавления. 1908. 9 августа. № 32. Л. 1–4; Я[цкевич В. И.] О причинах массового обращения православных в католичество. СПб., 1908; РГИА. Ф. 1405. Оп. 575. Д. 1547. Л. 119.
- ¹⁸ Церковные ведомости. 1908. № 27; Я[цкевич В. И.] Прп. Евфросиния, княжна Полоцкая. СПб., 1909. С. 8.
- ¹⁹ Антоний (Храповицкий Алексей Павлович) (1863–1936) — архиепископ Житомирский и Вольнский, Харьковский и Ахтырский (1915), митрополит Киевский (1918). Временно управлял Краснодарской епархией (1919). Член Государственного совета (1906), член Св. Синода (1912) Член Предсоборного присутствия, участник Собора. В эмиграции (1920), председатель Зарубежного Синода и всех Соборов. Принял схиму, скончался в Югославии.
Иннокентий (Беляев Иван Васильевич) (1862–1913) епископ Сумский (1899), Тамбовский и Шацкий (1903). Архиепископ Карталинский и Кахетинский. Экзарх Грузии, член Св. Синода (1909).
- ²⁰ Житие прп. Евфросинии игуменьи Полоцкой. Минск, 1998. С. 39; *Мельников А.* Прп. Евфросиния Полоцкая // Наши духовные ценности. Вып. 3. Минск, 1997. С. 78.
- ²¹ Полоцкие епархиальные ведомости. 1910–1911. С. 205.
- ²² Полоцкие епархиальные ведомости. 1911. № 1. Л. 2. 11 ноября 1910 г. № 6682; Указ ЕИВ из Св. Синода «Учредить капитал в сумме 4 000 руб. из средств монастыря в благодарность за труды в деле переноса св. мощей прп. Евфросинии».
- ²³ Рункевич Степан Григорьевич (1867–1924) — доктор церковной истории (1900). Обер-секретарь Св. Синода, член Архивной комиссии и Учебного комитета при Св. Синоде. Помощник управляющего канцелярией Св. Синода. Сотрудник Главного управления кустарной и промысловой кооперации ВСНХ при Наркомземе (1920–1922).
- ²⁴ *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. С. 8; РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Отд. 1. стол. Д. 89. Л. 5.
- ²⁵ Обзоры деятельности духовного ведомства за 1902–1915 гг.
- ²⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 575. Д. 15473. Л. 113.
- ²⁷ Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906. Ч. 1–3.; *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен. С. 193–198.; *Материалы по истории церкви.* Кн. 28. М., 2002. С. 7–9.
- ²⁸ *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. М., 2003. С. 260.; *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен. С. 216.
Сергий (Страгородский Иван Николаевич) (1867–1944) — патриарх Московский и Всея Руси. Ректор СПб ДА (1901). Епископ Фин-

ляндский и Выборгский (1901). Председатель Учебного комитета при Св. Синоде, Предсоборного Совещания (1912–1917), Миссионерского общества (1913). Епископ Владимирский (1917). Арестован (1921, 1926). Патриарший местоблюститель (1926). Патриарх (1943).

Восторгов Иоанн Иоаннович (1867–1918) — протоиерей, синодальный проповедник-миссионер, автор черносотенных книг. Окончил духовную семинарию. Член Русской монархической партии (1905) Редактор газет «Церковность», «Московские церковные ведомости» и др. Основал Женский богословский институт в Москве (1913).

Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) — историк церкви. Доктор богословия (1898). Проф. СПб ДА (1891). Член Училищного совета при Св. Синоде. Проф. Петроградского университета (1918), сотрудник б. Синодального архива (1919). Проф. Богословского института в Петрограде (1920–1921). Член-профессор Учебной коллегии в Праге (1922). Профессор Белградского и Софийского ун-тов. Действительный член ИАН, Общества российских архивных деятелей (1920).

²⁹ Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. СПб., 1906. Т. 2. С. 300.; Яцкевич В. И]. О положении православной церкви в северо-западных и юго-западных епархиях. СПб., 1906.

³⁰ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен. С. 414–423.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 269. Л. 3, 4, 6 об.–7. Записка С. Г. Рункевича о Предсоборном совещании при Св. Синоде (1912–1916); Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен. С. 415.

³² РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 238. Л. 235.; Ф. 1405. Оп. 575. Д. 15473. Л. 137.

³³ Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен. С. 422, 423; Записка С. Г. Рункевича о Предсоборном совещании при Св. Синоде. Л. 7 об.–8.

³⁴ Карташев А. В. Революция и Собор 1917–1918 гг. (Наброски для истории Русской церкви наших дней) // Альфа и Омега. 1995. № 3 (6). С. 100.

³⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 232. Л. 108, 110; Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен. С. 508–530.

Агтеев Константин Маркович (1868–1920 или 1921) — протоиерей, член Собора как член Предсоборного Совета. Окончил Киевскую духовную академию (1893). Магистр богословия (1915). Профессор СПб. Высших женских курсов. Председатель Учебного комитета Св. Синода (1917) Заместитель члена Высшего церковного совета. Расстрелян как контрреволюционер в Крыму.

- Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — историк, государственный деятель. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1898), кандидат богословия. Профессор Высших Бестужевских курсов (1905). Товарищ обер-прокурора Св. Синода (20.03.1917), обер-прокурор Св. Синода (25.07.1917–05.08.1917). Министр исповеданий Временного правительства (05.08.–24.11.1917). Арестован (1917) Член Собора как член Предсоборного совета. Эмигрировал. Член Карловацкого Всеаглического церковного собора (1921). Профессор Богословского института в Париже (1925).
- Львов Владимир Николаевич (1872–1934) — историк церкви. Депутат III и IV Гос. думы (1900), председатель Комиссии по делам Православной Церкви. Член Временного правительства. Обер-прокурор Св. Синода (02.03–24.07.1917). Участник корниловского мятежа. Эмигрировал (1920). Вернулся в Россию (1922), примкнул к обновленчеству. Арестован (1927–1929), выслан в г. Томск.
- ³⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 232. Л. 37, 38, 108, 110. 12 мая 1917 г.
- ³⁷ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен. С. 508–509.
- ³⁸ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 1 деп. 1 стол. Д. 100. 05.08.1917 г.
- ³⁹ Акты св. Тихона, патриарха Московского и Всея Руси, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. Сборник в двух частях / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. Ч. 1. С. 127.
- ⁴⁰ Яцкевич В. И.] К истории созыва Всероссийского церковного собора. М., 1917. С. 5; *Балашов Н.*, прт. К истории созыва Всероссийского церковного Собора. / Подготовка текста и комментарии прот. Н. Балашова // Церковь и время. 2000. № 3 (12). С. 136.
- ⁴¹ *Попова-Яцкевич Е. Г.* В. И. Яцкевич. // Материалы по истории церкви. Вып. 28. Св. Собор Православной Российской Церкви. 1917–1918. Обзор деяний. Первая сессия. Биограф. сведения о членах Поместного собора. М., 2002. С. 411, 415, 436, портрет; Св. Собор РПЦ. 1917–1918. Обзор деяний. Вторая сессия. М., 2001. С. 46, 47, 140, 141, 155, 282, 472; Третья сессия. М.; 2000. С. 227; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 797. Л. 12–13, 46.; Ф. 831. Оп. 1. Д. 7. Л. 60–123, 104–130; 156–236; Ф. 831. Оп. 1. Д. 16. Л. 47–112;
- ⁴² Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен. С. 565.
- ⁴³ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 797. Л. 13.; Пospelовский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. М., 1996. с. 219
- ⁴⁴ Федоров В. А. Поместный собор РПЦ (15.08.1917–20.09.1918) М., 2003. С. 294;
- ⁴⁵ Солодянкина О. Ю. Д. Б. Рязанов и его деятельность в научно-исторических учреждениях. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1992. РГИА. Архив архива. Оп. 1. Д. 275. Л. 42–46, 92.

- Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — историк, академик. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1882). Член-корр. АН (1909). Управляющий ЛО Центрархива (1918), председатель Археографической комиссии (31.12.1918). Академик РАН (1920), директор БАН, директор Пушкинского Дома, академик-секретарь Отделения гуманитарных наук АН СССР. Арестован (12.01.1930) по «делу Академии наук». Исключен Общим собранием АН СССР (02.02.1930), выслан в Самару (08.08.1931). Реабилитирован (20.07.1967). Восстановлен в АН (05.04.1968).
- ⁴⁶ РГИА. Архив архива. Оп. 1. Д. 274. Л. 38, 39, 58–59; Ф. 6900. Оп. 3. Д. 52. Л. 1; Архив архива. Оп. 1. Д. 275. Л. 58–59 об.
- ⁴⁷ Там же. Архив архива. Оп. 1. Д. 275. Л. 46–46 об.; Следственное дело патриарха Тихона. Сб. док. по материалам Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 462, 463.
- ⁴⁸ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 97. Л. 22; Ф. 6900. Оп. 1. д. 147. Л. 12. Здравомыслов Константин Яковлевич (1863–1933) — историк. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1887), Петербургский археологический институт. Служащий (1889), начальник Архива и Библиотеки Св. Синода (1903). Зав. отделом ЛО Центрархива (1918). Участвовал в выработке законопроекта об охране памятников старины. Арестован (1929), выслан в г. Владимир. Умер в Боровичах.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1 Д. 97. Л. 22.
- ⁵⁰ Справка стола личного состава ЛО Центрархива // ВЦИК. Центральный архив ЛО. 1.04.1925. № 3931; РГИА. Архив архива. Оп. 1. Д. 287. 1919–1921. Л. 1 об., 8, 26 об., 32 об.–33, 46–47; Ф. 6900. Оп. 3. Д. 128. Л. 138.
- ⁵¹ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1 Ед. хр. 1048. Л. 49–50, 60–64.
- ⁵² Там же. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 27, 28, 32, 33, 34, 38, 42, 57, 61, 84; Ф. 155. Оп. 2. Ед. хр. 809. Л. 90; Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 гг. Вып. 33. Л., 1926. С. 1, 36; РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. 1933 г. Воспоминания В. Г. Дружинина о встречах и знакомствах. Л. 130. «Как опытного чиновника и человека литературно образованного председатель назначил [Яцкевича] помощником правителя дел Археографической комиссии» (Найдено Т. Г. Смирновой).
- ⁵³ РГИА. Ф. 797. Оп. 86-1 отд. 1 стол. Д. 100. Л. 195, 196. (Найдено В. В. Антоновым).
- ⁵⁴ Красный архив. 1936. № 4(77). Л. 200–202; РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. Л. 127–129 об.
- ⁵⁵ РАФ ФСБ. Служба Регистрации. Фонд архивно-следственных дел. № П89305. Л. 31, 91, 106, 117–117 об, 118, 120, 120 об., 167, 176, 177,

252, 266, 268, 269, 270, 271; Седельников В. ЧК и архивы: два эпизода из истории архивного дела в первые годы советской власти // Звенья. Вып. 1. М., 1991. С. 462; Синодик гонимых, умученных, в узлах невинно пострадавших православных священнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии: XX столетие. СПб., 1999. С. 123.; То же. СПб., 2002. С. 266; Следственное дело патриарха Тихона. С. 420. Карабинов Иван Алексеевич (1878–1937) окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1903) и Археологический институт. Кандидат богословия, Магистр богословия (1910). Доцент, профессор Санкт-Петербургской духовной академии (1905–1919) Член Предсоборного совета (1917), Поместного собора 1917–1918. Сотрудник ЕГАФ (15.11.1919). Профессор Богословского ин-та. Арестован (1922), сослан в г. Тобольск (1934), Арестован (апрель 1937), расстрелян в августе. Место погребения неизвестно.

Вениамин (Казанский Василий Павлович) (1874–1922) — митрополит Петроградский. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1897) Епископ Гдовский (1910). Архимандрит Александроневской лавры. Член Собора. Расстрелян (1922). Канонизирован 04.04.1992.

Венедикт (Плотников Виктор Васильевич) (1872–1937) — архиепископ Казанский и Свияжский. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию (1902). Епископ Кронштадтский (1920). Арестован (1922–1923, 1925), сослан в Нарымский край. Архиепископ Вологодский (1933), Казанский и Свияжский (1936). Расстрелян.

⁵⁶ РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 436. Л. 38, 39, 271.

⁵⁷ После выселения из дома канцелярии на Литейном пр., 34 Яцкевич с семьей несколько раз переезжал, пока по ордеру, подписанному Л. Д. Троцким, не поселился на Сергиевской ул., д. 69, кв. 13. В. Д. Дружинин вспоминал, что Яцкевич недолго пробыл в комиссии, скончался «от нервной болезни». (РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 8. Л. 130).

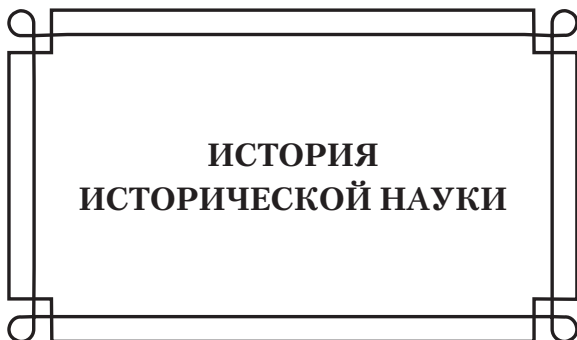
⁵⁸ РГИА. Ф. 6900. Оп. 3. Д. 128; ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 103. Список сотрудников ГАК. 30 июня 1924 г. № 4. Яцкевич В. И., беспартийный, ученый сотрудник 1-го разряда, образование высшее, разряд: 15, оклад 43 р. 62 коп., в службе с 1886 г., половинная нагрузка.

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1-а. Ед. хр. 1070. Л. 61.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1075. Л. 130, 131, 132.

⁶¹ ПФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1066. Л. 107, 108; Летопись занятий Археографической Комиссии за 1923–1925 гг. Вып. 33. Л. 1926. С. 36.

⁶² Сайтов В. И. Петербургский некрополь. Т. 3. СПб., 1912. С. 426.

**ИСТОРИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Э. Д. Фролов

У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров

В истории России важное место принадлежит первой четверти XIX века, времени, отмеченному поразительным общественным подъемом и невиданными ранее успехами в области культуры, образования и науки. Успехи эти были обусловлены как спонтанным внутренним развитием, так и внешним фактором — продолжающимся процессом европеизации русского общества, именно в этот период приобретшим особенное ускорение. Для развития русской гуманитарной культуры особое значение имело приобщение российской общественной элиты к ведущему в ту пору в Западной Европе культурному течению неоклассицизма. Однако чтобы по достоинству оценить роль этого культурного явления в жизни русского общества, необходимо хотя бы в общих чертах представить себе тот весьма непростой процесс модернизации и европеизации России, начало которому было положено реформами Петра Великого.

В самом деле, развитие в России светского знания и науки европейского типа было делом непростым и достаточно длительным. Объяснялось это прежде всего особенным положением России на восточной окраине Европы, удаленностью восточнославянских племен, в том числе и тех, что были предками русских, от колыбели европейской цивилизации — античного,

греко-римского мира, и, соответственно, относительно поздним их приобщением к достижениям античной культуры, легшим в основание европейской культуры нового времени.

По существу, формирование светского знания и науки в России начинается лишь с петровского времени, т. е. с того момента, когда ведомая царем-преобразователем страна сделала исторический рывок к сближению с Западной Европой ради форсированного усвоения созданных этой последней военной техники, промышленной технологии, светских форм образования и элементов новейшего научного знания, как естественно-математического, так и гуманитарного, включая историческую науку¹.

Ведущая роль в этом глобальном преобразовании выпала на долю новой столицы Российской империи — Петербурга, этого «окна в Европу», ставшего главным руслом приобщения русского общества к формам и достижениям новой западноевропейской цивилизации. При этом историческое дело европеизации и модернизации России в сфере культуры, светского образования и научного знания естественно обернулось восприятием культивируемых на Западе гуманистических традиций, в свою очередь, воспоеванных и вскормленных традициями античной культуры. Надо напомнить, что это было время европейского Просвещения, время классицизма, с его монументальными, подражавшими античности формами культуры, пафосом рационализма и культом государственности.

Неудивительно, что, как и на Западе, естественным основанием для развития новой русской культуры, нового гуманитарного образования и науки в ту эпоху также стала культура классицизма, с ее опорой на созданные греко-римской древностью ценности, с ее ориентацией на выработанные античностью формы государственного устройства и гражданского быта, с ее увлечением античной эстетикой, словесностью и мифологией, с ее преклонением перед древними философами и историками, наконец, с ее культом древних классических языков, латинского и греческого.

В этом контексте вполне объяснима та важная роль, которую сыграли классическое образование и антиковедная наука в процессе формирования русской гуманитарной культуры.

Можно без преувеличения сказать, что науке об античности, под которой надо понимать целый букет родственных дисциплин (включая историю греко-римского мира, классическую филологию, археологию, искусствознание и пр.), суждено было стать своего рода фундаментом для развития всего комплекса историко-филологических наук, в особенности же для всеобщей истории².

Однако судьба этой дисциплины, как и всей гуманитарной науки в России, была непроста. Не сразу в европеизируемой России сложилось преемственное антиковедное направление. Процесс формирования этой науки затянулся на столетие с лишком, поскольку проходил он как бы в два этапа, с большим перерывом между ними. Первоначальное внедрение антиковедных занятий в России, связанное с основанием Петербургской Академии наук и Академического университета, если и не пресеклось совершенно к последней трети XVIII в., то сильно замедлилось, после чего движение возобновилось лишь во второй трети XIX в., но на этот раз оно увенчалось разительным успехом.

Вообще надо принять во внимание, что становление любой научной отрасли — дело не одного мгновения. Для формирования преемственной научной школы требуются усилия ученых не одного поколения, и здесь возможны и срывы, и общее замедление темпа. С этой точки зрения, рождение русской науки об античности заняло, быть может, не так уж много времени: приглашенного из Германии в Российскую Академию наук в 1725 г. немецкого классика Г.-З. Байера и первого оригинального исследователя античности из природных русских, профессора Петербургского университета М. С. Куторгу отделяют всего лишь сто с небольшим лет — в историческом плане не столь уж большой промежуток времени.

Как бы то ни было, окончательное оформление занятий греко-римскими древностями в преемственное научное направление происходит в России в первой половине XIX в. Этот процесс совершался под воздействием целого ряда факторов, важнейшими из которых были, во-первых, археологические открытия на юге России, доставившие исследователям классической древности новый великолепный материал; во-вторых, продолжающееся перенесение на русскую почву и усвоение оте-

чественными учеными приемов и методов западной, главным образом немецкой, историко-филологической науки; в-третьих, знакомство с новейшей европейской философией, чьи идеи оплодотворили науку об античности и спасли ее от омертвления³.

Однако успехам русского антиковедения в первые десятилетия XIX в. способствовали не только эти частные моменты, но и исключительно благоприятная общая обстановка. Освежающее дыхание Французской революции, мощный патриотический подъем 1812 года, выступление декабристов — все это породило в начале века совершенно особую общественную атмосферу, всю пронизанную высокими гражданскими стремлениями и героическими настроениями. Отсюда — увлечение античностью, столь характерное для русского общества начала XIX в.

Замечательным, однако, было то, что это было увлечение совсем иного рода, чем в предшествующее столетие: иные идеалы воодушевляли теперь людей, иными интересами обуславливалось и их обращение к античности. В литературе и в искусстве на смену холодному, подчас жеманному любованию классическими формами пришло горячее и искреннее преклонение перед гражданской доблестью древних, пробудился интерес к жизни и быту свободных городских общин древности. В этом плане важным событием в литературной жизни России стал новый перевод поэм Гомера, осуществленный в первые десятилетия XIX в. Н. И. Гнедичем и В. А. Жуковским⁴.

Труд этих русских перелагателей Гомера означал огромное достижение в освоении культурного наследия античности. Новая версия Гомера — в особенности гнедичевский перевод «Илиады» — воочию показала, сколь сильно изменилось восприятие античности по сравнению с предшествующим столетием. Прежнее приукрашенное, искусственно рационализированное толкование классической древности более не удовлетворяло. На смену этому традиционному, первоначально выработанному в абсолютистской Франции, а затем развившемуся и в России классицизму (или, как его стали позднее называть, ложноклассицизму) явилось новое направление, провозгласившее необходимость прямого, непосредственного, «нефальсифицированного» (т. е. свободного от прежнего классицистического лоска) изучения античности.

Это новое отношение к греко-римскому культурному наследию имело существенные последствия для истории русской науки об античности. В частности, под его влиянием началось усиленное археологическое обследование Северного Причерноморья — области, когда-то освоенной древними греками⁵. Особенно притягательной стала для любителей классической древности земля древней Тавриды — Крыма, присоединенного к России в 1783 г. Сначала сюда устремились любознательные путешественники, затем начались любительские раскопки, а после открытия в 1830 г. вблизи Керчи, в кургане Куль-Оба, богатого скифского захоронения начались систематические, финансируемые правительством, археологические изыскания как в Крыму, так и в других районах Северного Причерноморья, где можно было обнаружить памятники древней культуры. При этом центром исследовательской деятельности естественно стал Петербург: сюда, в Императорский Эрмитаж, доставлялись наиболее интересные находки, к изучению которых привлекались специалисты из Академии наук и Академии художеств; здесь создалось крупнейшее научное объединение — Русское археологическое общество (1846), а чуть позже была учреждена Императорская Археологическая комиссия (1859), сосредоточившая в своих руках руководство всеми археологическими работами в России.

Под действием тех же импульсов возрождаются пришедшие было в упадок после смерти М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского занятия античностью в Академии наук. Сначала по регламенту 1803 г. в сонм академических дисциплин были возвращены изгнанные отсюда в середине предыдущего столетия (при преобразовании Академии по уставу 1747 г.) гуманитарные науки, а именно история и политическая экономия со статистикой. А по дополнениям к регламенту, принятым в 1830 г., гуманитарные, историко-политические науки вновь составили специальный класс, в составе которого была предусмотрена отдельная кафедра греческих и римских древностей. Замещаемая крупными, оригинальными учеными, она скоро стала важнейшей опорой академической историко-филологической науки.

Одновременно формируется университетская наука древней истории. В начале XIX в. умножается число российских университетов: к основанному еще в предыдущем столетии

(в 1755 г.) Московскому университету добавляются новые университеты в Дерпте (1802), Казани (1804), Харькове (1805), Петербурге (1819) и Киеве (1832 г.). Постепенно в них формируются дееспособные кафедры, в том числе (и даже в первую очередь) — всеобщей истории и классической филологии. При этом в Петербургском университете складывается наиболее мощное историко-филологическое направление, за которым закрепилось название Петербургской исторической школы. Его ядром стало то антиковедное направление, начало которому положил М. С. Куторга, заступивший на кафедру всеобщей истории в 1835 г.

До сих пор мы говорили об обстоятельствах и факторах, так сказать, объективного порядка, которые обусловили кардинальные сдвиги в русской гуманитарной науке и, в частности, в русском антиковедении в первые десятилетия XIX столетия. Однако, рассматривая природу этих сдвигов, недостаточно принять во внимание только объективные условия — необходимо также учесть и субъективный момент, волю и усилия людей, которые, вследствие личной увлеченности, общественного авторитета и — не в последнюю очередь — властного своего положения, осознанно направляли в ту пору культурное развитие России именно в русло неоклассицизма, создавая тем самым питательную среду для формирования вполне современной науки об античности. К числу таких людей относятся в первую очередь выдающиеся общественные деятели и видные классицисты А. Н. Оленин и С. С. Уваров. На их примере мы можем убедиться, сколь велика была роль сознательных усилий виднейших представителей русской образованной элиты, тогда почти исключительно дворянской, в развитии культуры и науки нового, европейского типа.

Первой здесь является фигура Алексея Николаевича Оленина (1764–1843)⁶. Отпрыск старинного дворянского рода, тесно связанного родственными узами с другими знатными семьями и потому естественно принадлежавшего к тогдашней российской аристократической элите, А. Н. Оленин в 10-летнем возрасте был определен своими родителями на воспитание к княгине Екатерине Романовне Дашковой, известной общественной деятельнице, связанной узами родства с семейством Олениных. У Дашковой на даровитого мальчика, проявлявшего большие способности к язы-

кам и рисованию, обратила внимание императрица Екатерина II, по распоряжению которой Оленин в том же 1774 г. был зачислен в Пажеский корпус, а позднее (в 1780 г.) отправлен в Дрезден, как пишет его биограф, «для обучения воинским и словесным наукам в тамошней Артиллерийской школе»⁷.

Из Пажеского корпуса Оленин был выпущен с чином капитана в 1783 г., а стажировку в Дрездене завершил в 1785 г. За этим последовало десять лет военной службы, которую он завершил в 1795 г. в чине полковника. Перейдя с военной службы на гражданскую, Оленин проявил себя как трудолюбивый и способный администратор, что, наряду с покровительством знатных и влиятельных сородичей, позволило ему сделать блестящую карьеру. Не останавливаясь на всех ступенях его продвижения по служебной лестнице, отметим только важнейшие: 1795 — экспедитор Государственного ассигнационного банка, 1797 — управляющий Банковым монетным двором, 1798 — обер-прокурор 3-го департамента Правительствующего сената, 1801 — экспедитор канцелярии Государственного совета, а затем статс-секретарь, 1803 — товарищ министра уделов, 1807 — почетный член Оружейной палаты, 1808 — помощник директора Императорской библиотеки, 1811 — директор Публичной библиотеки, 1812 — исполняющий должность государственного секретаря (сменив в этой должности М. М. Сперанского, Оленин состоял в ней до 1827 г.), 1817 — президент Императорской Академии художеств, 1828 — член Главного управления цензуры.

Этот внушительный перечень говорит сам за себя: за долгие годы службы А. Н. Оленин вырос в крупного государственного деятеля, чье влияние должно было ощущаться в самых различных сферах управления, включая такое значимое ведомство, как Государственный совет. Но, что особенно важно в контексте интересующей нас темы, он непосредственно направлял деятельность двух весьма важных в культурном плане учреждений, опекавших, соответственно, если так можно сказать, сферу слова и сферу образа, — Публичной библиотеки и Академии художеств. И эту свою функцию он мог исполнять не только в силу служебного назначения, но и по более высокому праву, обусловленному природным и развитым вкусом, личной высокой культурой и соответствующей специальной подготовкой.

В самом деле, в личности А. Н. Оленина мы можем наблюдать счастливое и плодотворное для административной деятельности в области культуры соединение природных талантов, разностороннего образования и собственных творческих опытов. В детстве, с семилетнего возраста, по четкому, продуманному плану, составленному его отцом, он начал учиться французскому языку, изучать основы математики, географии, истории и мифологии, обучаться музыке и рисованию. В Пажеском корпусе к этому добавились, помимо прочего, занятия латинским языком, изучение военного искусства, геральдики и генеалогии, основ естествознания. Во время заграничной стажировки, в Германии, в дрезденской Артиллерийской школе и Страсбургском университете⁸, Оленин, следуя природному влечению, углубленно изучал не только военные науки, но и историю, где его особенно привлекали античные и славянские древности, и искусство, к чему его побуждало, в частности, впечатление от замечательного труда немецкого классика И.-И. Винкельмана «История искусства древности». Он в высокой степени овладел искусством рисовальщика и гравёра и сильно расширил свою языковую подготовку. В зрелые годы Оленин в совершенстве владел не только французским языком, но и немецким и итальянским. Что же касается древних языков, то он основательно изучил латинский и греческий и освоил начала еврейского и арабского.

В ученых занятиях Оленина, в личном его научном творчестве естественно сплетались интересы лексикологические, исторические и археолого-искусствоведческие. В плане предметном преобладал интерес к древностям, поначалу более к российским, а затем к античным. Интерес к российским древностям впервые был заявлен в работе, посвященной «толкованию многих русских старинных речений», встречающихся в древних летописях, — личных имен, географических названий, обозначений предметов вооружения⁹. Сочинение это, оставшееся неопубликованным, было в 1786 г. представлено в новую, учрежденную незадолго до того (в 1783 г.), Российскую академию (т. е. Академию русского языка и словесности), которую возглавляла покровительница Оленина Е. Р. Дашкова. По ее рекомендации Оленин был принят в члены этой академии.

Десять лет спустя появился первый печатный труд Оленина по отечественным древностям — «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году» (СПб., 1806). В этом сочинении давался анализ древней русской надписи, в которой сообщалось об измерении в 1068 г. тмутараканским князем Глебом Святославичем ширины Керченского пролива. Всесторонне исследовав эту надпись, Оленин подтвердил ее подлинность. Работа его о Тмутараканском камне отличалась такой основательностью, что с нею справедливо можно связывать становление древнерусской эпиграфики и палеографии.

В дальнейшем, особенно после назначения своего в президенты Академии художеств, лексикологический интерес в занятиях Оленина российскими древностями уступает место археолого-искусствоведческому. Он углубляется в изучение памятников древнерусского искусства и быта, всячески побуждает к этому и других своих сотрудников — питомцев Академии художеств, среди которых выделяется Федор Григорьевич Солнцев (1801–1892), искусный рисовальщик, ставший едва ли не главным помощником Оленина в его археологических трудах.

К изучению российских древностей Оленина побуждали мотивы двоякого рода. С одной стороны, это было стремление опереть работу художников-академистов на точное знание реалий русской старины (одежды, оружия, утвари и пр.), что вело к формированию чисто вспомогательной, так сказать, бытовой археологии. Но, с другой стороны, здесь действовали и более широкие, и более принципиальные мотивы — стремление к адекватному научному постижению древнего отечественного быта и искусства, результатом чего было развитие археологии как широкой научной дисциплины, становившейся базисом исторического и искусствоведческого исследования прошлого.

Образцом комплексного подхода стал труд Оленина «Рязанские русские древности, или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 г. близ села Старая Рязань» (СПб., 1831, с рисунками Ф. Г. Солнцева). Это был научный труд, который, однако, самым автором рассматривался как первый шаг к составлению полного курса русской археологии, столь необходимой современным худож-

никам для объяснения старинных обычаев, обрядов и одеяний¹⁰. Фундаментальным пособием такого рода стало подготовленное по инициативе и при участии Оленина, но увидевшее свет уже после его смерти издание «Древности Российского государства» (Т. I–VI. СПб., 1849–1853). В этом поистине монументальном издании, с огромным количеством отличных рисунков, выполненных Ф. Г. Солнцевым, были представлены самые разнообразные памятники русского средневекового быта: иконы, храмовая утварь и облачения священнослужителей (т. I); царские регалии и наряды (т. II); оружие и конская сбруя (т. III); княжеские, боярские и народные одежды (т. IV); всякая домашняя утварь (т. V); памятники древнего народного зодчества (т. VI).

Между тем, хотя и несколько позже, начали давать свои плоды и собственно антиковедные увлечения А. Н. Оленина. И здесь тоже сплетались воедино самые разнообразные интересы — лексикологические, исторические и археолого-искусствоведческие. Они также нашли свое отражение в целом ряде трудов, частью им самим опубликованных, частью оставшихся в виде рукописных набросков. Позднее, уже после смерти Оленина, большая часть его ученых сочинений, посвященных античным древностям, была собрана в осуществленном по решению Русского Археологического общества издании «Археологические труды А. Н. Оленина» (Т. I [Вып. 1–2], II. СПб., 1877–1882).

В ряду этих сочинений выделяется прежде всего серия заметок, посвященных толкованию различных технических терминов — обозначений частей доспеха, одежды и пр., встречающихся у античных авторов. Серия эта открылась заметкой «О части доспеха древних греков и римлян, называемой кнемида» (Драматический вестник. 1808. Ч. 5. С. 63–67). Ее продолжением явилась более обширная статья, составившая содержание письма к С. С. Уварову: «О кнемидах у древних греков, или поножах» (1815 г.). Составление этой статьи было уже напрямую связано с работой Н. И. Гнедича над переводом Гомера.

В многочисленных письмах, непосредственно обращенных к Гнедичу (между 1811 и 1829 гг.), Оленин обстоятельно толковал различные слова, обозначавшие у древних греков, в первую очередь у Гомера, элементы вооружения (поножи, панцири, детали луков и стрел), одежды (например, виды плаща), устрой-

ство и принадлежности ткацкого станка, строение крепостных укреплений (городских и полевых) и пр., — всего около 200 специальных терминов. Исследование этих древних понятий и соответствующих реалий проводилось Олениным на основании вдумчивого изучения подлинных древних текстов, с использованием широкого круга научной литературы (в ту пору, естественно, главным образом западноевропейской), с привлечением изобразительного материала (например, рисунков на античных вазах) и этнографических параллелей.

Оказывая Гнедичу непрерывную материальную и духовную поддержку (тот служил в подведомственной Оленину Публичной библиотеке, был неперенным участником собраний в городском салоне Оленина и частым гостем на его даче в Приютине), Оленин в то же время самым непосредственным образом содействовал работе Гнедича-переводчика, побуждая его (вслед за С. С. Уваровым) к обращению от александрийского стиха к гекзаметру, щедро делясь с ним результатами собственных лексикологических и археологических изысканий, по существу выполняя роль квалифицированного научного консультанта. Относящиеся сюда письма-заметки Оленина (включая и упомянутое письмо к Уварову) были позднее собраны и опубликованы сначала Д. Поленовым (Археологические письма к Н. И. Гнедичу, СПб., 1872), а затем И. В. Помяловским (в составе «Археологических трудов А. Н. Оленина», СПб., 1877, т. I, вып. 1 — «Переписка А. Н. Оленина с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомерово́й Илиады»).

К ряду аналогичных археолого-искусствоведческих трудов относятся еще две работы Оленина, вызванных желанием уточнить отдельные реалии древнегреческого быта, неверно, по его мнению, представленные в работах современных авторов. Это, во-первых, «Заметки на примечание в сочинении под заглавием “Изображения на древних вазах”» — трактат о древнегреческих шлемах, составленный в полемике с французским ученым А. Л. Милленом (первоначально опубликован в 1818 г., затем, с некоторыми дополнениями, переиздан в составе «Археологических трудов А. Н. Оленина», СПб., 1881, т. I, вып. 2)¹¹. Другое столь же ученое произведение — «Опыт о костюме и оружии гладиаторов в сравнении греческого и римского ратника». Оно

было составлено также в полемике, на этот раз с итальянскими учеными — авторами объяснений к рисункам в неаполитанском иллюстрированном издании «Real Museo Borbonico» (первоначально было опубликовано в 1835 г., а затем переиздано в составе «Археологических трудов А. Н. Оленина», СПб., 1882, т. II). И здесь тоже речь шла об уточнении различных античных реалий, таких, как шлемы, луки и стрелы, части конской упряжи и пр., причем опять-таки лексикологический анализ шел рука об руку с историко-археологическим.

Ценность осуществленных Олениным исследований в области античной терминологии и соответственных реалий несомненна (с учетом, разумеется, тогдашнего уровня науки); польза их для труда, предпринятого Гнедичем, во всяком случае бесспорна. Объяснение этому надо искать как в эрудиции автора, так и в искусном применении им комплексного метода исследования, в умении сочетать лексикологический анализ с археолого-искусствоведческими и этнографическими изысканиями. Насколько ясно он сам представлял себе необходимость такого комплексного подхода, видно из предисловия к первоначальному варианту исследования о древнегреческих шлемах, легшему в основу издания 1818 г.¹²

«Не находя до сих пор, — пишет здесь Оленин, — по желанию моему удовлетворительного для меня исследования истинной формы оружия, одеяния, домашнего скарба и многих других принадлежностей к общежитию, ко нравам, обычаям и обрядам знаменитых народов древности, я рассудил <...> самому мне заняться, для собственного моего убеждения в точном значении многих древних технологических речений, прилежнейшими и подробными разборами многих из сих предметов. В основание сего рода исследований я положил преимущественно руководствоваться:

во-первых, *вернейшими изображениями* всех принадлежностей к обычаям и обрядам относящихся, в том виде, в каком они представлены в лучших памятниках глубокой древности;

во-вторых, *прилежнейшим разбором и сличением в подлинном тексте всех мест и технических речений* некоторых классических авторов, которые могли мне подтвердить или объяснить сами изображения или же быть ими объяснены;

и наконец, в-третьих, *доказательствами, почерпнутыми во многих неизменных до сего времени обычаях*, оставшихся от самой отдаленной древности не только у многих восточных народов, но кой-где и в самой Европе между простолюдинами и ремесленниками. Сие последнее слишком простое, хотя и весьма иногда верное средство постигать многие непонятные памятники искусства и темные места в древних авторах мало еще употребляется учеными людьми при археологических изысканиях <...>.

С моей же стороны, я убедился несколькими опытами, что сие последнее средство крайне способствует к верному и простому объяснению многих древних обрядов, формы и свойства некоторых орудий, военных и технических речений, многих древних предметов, принадлежащих ко нравам и обычаям отдаленных веков. Как часто помощью сих сведений, найдя простое и ясное решение мудреной до того времени задаче, я вспоминал прелестный стих из басен Крылова: “А ларчик просто открывался”¹³.

Сделанное Олениным изложение принципов аналитической работы с древностями, являющимися нам как в понятиях, так и в памятниках, столь полно и правильно, что под ним может подписаться любой современный специалист. Бесспорно, что вклад Оленина в разработку антиковедной методологии был столь же велик, сколь значимы были его конкретные историко-археологические работы.

В заключение коснемся еще некоторых, более общих аспектов ученой и общественной деятельности А. Н. Оленина. Во всем, что касалось древностей, он был в высшей степени любознательным человеком. Он сам без усталости изучал доступные ему памятники древнего искусства и собирал их изображения, коллекционировал монеты, внимательно следил за научной литературой, охотно вступал в переписку с учеными специалистами. Среди его корреспондентов были и петербургские «ученые немцы», члены Российской Академии наук Е. Е. Кёлер и Ф. Б. Грефе, и зарубежные научные светила Август-Людвиг Шлёцер, Александр Гумбольдт, Сильвестр де Саси и Жан-Франсуа Шампольон (младший), и такие родственные ему по духу ученые любители древностей, как граф А. И. Мусин-Пушкин и С. С. Уваров, не говоря уже о вечном его собеседнике Н. И. Гнедиче.

С восторгом и энергией откликался Оленин и на любые новые открытия в области археологии. Так было в случае с открытой в 1830 г. близ Керчи, в кургане Куль-Оба, гробницей какого-то знатного скифа, содержавшей богатый инвентарь, массу драгоценных изделий, сработанных древнегреческими мастерами. Оленин внимательно изучал как описания находок, сделанные керченскими археологами П. Дюбрюксом, А. Б. Ашиком, Д. В. Карейшей, так и сами доставленные в Петербург, в Императорский Эрмитаж, отдельные наиболее ценные предметы, найденные в керченских курганах. Более того, он и сам обратился к обработке этого материала и составил несколько набросков специального исследования, озаглавленного «Керченские греко-скифские древности, или Краткий разбор вещей, найденных в 1830 г. в древней гробнице близ Керчи», однако далее первоначальных набросков дело не пошло и работа осталась незавершенной¹⁴.

Живой интерес Оленина к классическим древностям и понимание значения начавшихся на юге России археологических изысканий нашли отражение не только в его собственных попытках изучения находимых предметов старины, но и — более широко — в стремлении внести строгий порядок в проведение полевых работ, в организацию хранения и изучения открываемых памятников, в налаживание необходимого правительственного контроля над раскопчной деятельностью, включая целесообразное финансирование отдельных предприятий. Эти стремления вылились в соответствующих набросках: в 1833 г. — инструкции для «методического сколько можно производства» раскопчных работ¹⁵, а в 1831–1835 гг. — плана создания специального правительственного органа (Археологической комиссии или Попечительного комитета), ведающего организацией археологических работ, включая их финансирование¹⁶. К сожалению, эти наброски не были доведены до конца, а самая реализация высказанных в них идей затянулась на долгие годы. Так, учреждение Императорской Археологической комиссии, правительственного органа, который стал отвечать за организацию и финансирование археологических работ, состоялось только в 1859 г.

Но если о создании такого правительственного органа, как Археологическая комиссия, до поры до времени приходилось

только мечтать, то в уже существующих и подведомственных Оленину учреждениях культуры — Публичной библиотеке и Академии художеств — он располагал широчайшими возможностями для реализации любых планов по привитию к древу отечественного образования столь любезного его сердцу классицизма. В хранилищах Публичной библиотеки почетное место заняли издания античных авторов и литература о древностях, классы Академии художеств наполнились слепками с лучших произведений классического ваяния, античного или позднейшего, подражавшего ему. Сами здания были декорированы в классицистическом вкусе: залы Публичной библиотеки — гипсовыми фигурами Минервы, Аполлона, Меркурия, девяти муз, а парадная лестница Академии художеств — слепками с фронтоновых композиций храма Зевса на острове Эгина и Парфенона в Афинах¹⁷.

Но и помимо этого Оленин сыграл большую роль в создании классицистического убранства Петербурга, о чем теперь, к сожалению, часто забывают. Между тем, и по высокому своему положению в качестве президента Академии художеств, и по прямому долгу, состоя председателем или членом различных строительных комитетов, и, наконец, по влечению сердца он наблюдал за осуществлением едва ли не самых главных художественных проектов в Петербурге первой трети XIX в. К их числу относятся: сооружение Исаакиевского собора (архитектор А. А. Монферран, 1818–1858), создание ансамбля Дворцовой площади, включая здания и Арку Главного штаба (архитектор К. И. Росси, 1819–1829) и Александровскую колонну (А. А. Монферран, 1830–1834), сооружение Нарвских и Московских триумфальных ворот (архитектор В. П. Стасов, 1827–1834 и 1834–1838), возведение нового здания Публичной библиотеки (К. И. Росси, 1828–1834), создание памятников М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли (скульптор Б. И. Орловский, 1828–1836)¹⁸.

Вообще в художественной, литературной и научной жизни Петербурга А. Н. Оленин занимал одно из центральных мест. Этому естественно способствовали как личные его качества несравненного знатока и ценителя искусства и ученого эрудита, так и высокое сановное положение, делавшее этого вельможу не

только организатором различных художественных и научных проектов, но и покровителем художников, литераторов, ученых, которые были непосредственными исполнителями этих проектов. К тому же он был опытным придворным и царедворцем, бравшим на себя функции посредника между людьми искусства и науки, с одной стороны, и монархами и их министрами, с другой, умевшим улаживать подчас весьма непростые отношения между этими полярными сторонами.

Все эти качества, помноженные на природную доброту и гостеприимство, сделали Оленина центром замечательного кружка, одного из самых значимых петербургских салонов. На вечерах в городском доме Олениных на Фонтанке, на различных домашних собраниях и празднествах на их даче в Приютино (на правой стороне Невы, за Пороховыми, на берегу речки Лубьи) сходилась весь цвет петербургского общества — Н. М. Карамзин, В. А. Озеров, И. А. Крылов, князь А. А. Шаховской, Н. И. Гнедич, граф Д. Н. Блудов, граф С. С. Уваров, К. Н. Батюшков, князь П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, братья А. П. и К. П. Брюлловы и др. Надо думать, что через этот кружок влияние идей и вкусов Оленина проникало во все сферы духовной жизни тогдашнего русского общества.

Трудно переоценить вклад А. Н. Оленина в развитие классицизма в России, в становление его новой фазы — неоклассицизма. Вместе с тем велико значение его ученой, просветительской и общественной деятельности, проникнутой духом классицизма, для развития собственно русской культуры, включая и такой важный ее элемент, как изучение русской национальной истории. Ведь именно привитием классицизма были сообщены русской культуре те высокие пафосные и эстетические элементы, которые навсегда обеспечили в первой трети XIX века в жизни российского общества ни с чем не сравнимое качество высшей нормы. С другой стороны, велико было значение развившейся в русле неоклассицизма антиковедной науки для формирования отечественной исторической науки. Ибо нельзя отрицать того, что классические штудии — история, филология и археология греко-римского мира — стали нормой и образцом для становления науки об отечественных древностях. Полезность взаимодействия античного классицизма с русской культурой и наукой

была понятна А. Н. Оленину, всячески утверждалась им и подкреплялась собственным примером.

При оценке личности Оленина-классика необходимо принимать во внимание, что он не был профессиональным ученым. В занятиях как античными, так и российскими древностями он выступал ученым-любителем, но любителем высочайшей пробы, в том смысле, в каком понятие любителя некогда использовал Артур Шопенгауэр. Живости и широте интереса Оленина к классической древности, к классическому искусству, соответствовали как его энциклопедизм в стиле века Просвещения, так и эстетический акцент в духе чтимого им Винкельмана. Эти его качества оцениваются в новейшей историографии как черты слабости, профессиональной незрелости¹⁹. Однако, по нашему убеждению, именно в широком, так сказать, цельном восприятии античности, в беспредельном почитании ее героического духа и эстетического идеала таилась сила характера и примера Оленина-классициста, не устававшего, с оглядкой на нормы классицизма, прививать русской культуре те качества гармонии и красоты, без которых не может существовать никакая подлинная культура, претендующая на такое звание.

Другим столь же, а может быть, и более видным представителем русского неоклассицизма был граф Сергей Семенович Уваров (1786–1855)²⁰. Потомок старинного дворянского рода, Уваров родился в Петербурге 15 августа 1786 г. Его отец был подполковником конной гвардии (чин по тем временам весьма не малый), а его восприемницей при крещении была сама государыня — императрица Екатерина II. Уваров получил отличное домашнее воспитание и образование, которым руководил ученый аббат Манген. Мальчик рано обнаружил влечение к словесности и истории и недюжинные способности к изучению языков. В зрелые годы этот аристократ, помимо родного своего русского наречия, отлично говорил и писал на важнейших западноевропейских языках — французском, немецком, итальянском и английском, и очень хорошо овладел древними языками — греческим и латинским. Позднее современников поражала его глубокая эрудиция, в особенности в вопросах истории, филологии и искусства, — поражала, а подчас и раздражала, поскольку он не отказывался при случае щегольнуть ею и опереть

свое природное дворянское высокомерие также и на свои особенные познания.

Подобно многим отпрыскам аристократических семей, Уваров рано начал служить, именно в Коллегии иностранных дел, куда он определился в 1801 г. Служба эта была необременительной, и молодой человек мог с головою окунуться в светскую жизнь. Хорошо воспитанный, с отличными манерами и привлекательной внешностью (свидетельство — великолепный портрет кисти Ореста Кипренского, хранящийся в Третьяковской галерее), он умел нравиться, и эти успехи в обществе послужили предпосылками последующей его успешной карьеры. Он стал завсегдатаем многих салонов, и перед ним открылись двери даже дома Марии Нарышкиной, возлюбленной Александра I. Именно тогда царь обратил внимание на этого подававшего большие надежды молодого человека.

Но не одни только соблазны светской жизни увлекали юного Уварова. Он много читал, продолжал изучать историю и древние языки и совершил несколько путешествий в Германию, Австрию и Италию, где с прилежанием и искренним интересом знакомился с картинными галереями и музеями. Кстати, служба, на которую он определился, давала повод для заграничных командировок, для знакомства с европейскими столицами, с их достопримечательностями и знаменитостями.

В 1806 г. Уваров был откомандирован к русскому посольству в Вену, что дало ему возможность в течение двух лет близко наблюдать жизнь европейского общества. Среди людей высшего света, с которыми Уваров свел тогда знакомство, были, разумеется, и русские — граф Андрей Кириллович Разумовский и князь Александр Борисович Куракин (последний был его непосредственным патроном), но были и европейские знаменитости — последний осколок старого аристократического мира князь Шарль-Жозеф де Линь, модная французская писательница, своим выступлением против деспотизма возбудившая ненависть Наполеона Жермена де Сталь, наконец, яростные противники французского императора, прусский барон Карл фон Штейн и корсиканец Поццо ди Борго.

В 1809 г. Уваров был определен в секретари русского посольства в Париже, однако этим назначением он так и не воспользо-

вался. Помешали материальные затруднения, которые Уваров окончательно разрешил только к осени 1810 г., когда он женился на Екатерине Алексеевне Разумовской, дочери только что назначенного министром народного просвещения графа Алексея Кирилловича Разумовского, одного из самых влиятельных и богатых людей России. По протекции Разумовского, которая, впрочем, нашла самый благожелательный отклик у царя, Уваров 31 декабря 1810 г. получил новое высокое назначение на пост попечителя Петербургского учебного округа, что открыло ему дорогу к самой вершине чиновного Олимпа.

Годы попечительства (1811–1821) были отмечены не только энергичной служебной деятельностью, доставившей Уварову столь необходимый административный опыт, но и интенсивными научно-литературными занятиями, принесшими ему европейскую известность. Стимулом к этим занятиям служил прежде всего собственный искренний и глубокий интерес к науке, главным образом к истории и филологии. О том, насколько серьезным было увлечение Уварова научными занятиями, можно судить хотя бы по тому примечательному факту, что, уже будучи высокопоставленным чиновником, он занялся совершенствованием своей историко-филологической подготовки, в первую очередь по части древних языков. Его новым наставником стал как раз тогда (в 1810 г.) прибывший в Петербург и определившийся поначалу в качестве преподавателя греческого языка в Духовной академии выдающийся немецкий классик Христиан-Фридрих Грефе.

Тесная дружба связала Уварова с Грефе²¹. По его собственному свидетельству, он на протяжении пятнадцати лет занимался под руководством Грефе изучением грамматики и чтением древних авторов, в особенности столь любимого его наставником позднегреческого поэта Нонна из Панополя (V в. н. э.). Значение таких длительных занятий может оценить только тот, кто сам в свое время прошел долготетную школу под руководством опытного мэтра-классика. Впрочем, выгода была обоюдно, поскольку близость с всемогущим сановником содействовала академической карьере и самого Грефе. При поддержке Уварова он стал профессором сначала Петербургского педагогического института, а затем и университета, стал членом-корреспондентом, а чуть позже и действительным членом Академии наук.

Другим, дополнительным стимулом обращения Уварова к научно-литературным занятиям было воздействие тех литературных кружков, в которых он вращался с юношеских лет²². Именно здесь он близко сошелся с лидерами неоклассицистического движения в России — с видным общественным деятелем и вместе с тем ученым знатоком и исследователем классических древностей А. Н. Олениным, с замечательным, тонким поэтом, много потрудившимся над переводами из греческой антологии и римской элегии К. Н. Батюшковым и, наконец, с Н. И. Гнедичем, трудившимся в те годы над переводом гомеровой «Илиады».

Кстати, в разразившейся в русских литературных кругах в 1813–1815 гг. дискуссии о том, как надо переводить Гомера, — по традиции, александрийскими рифмованными стихами, или размером подлинника, — принял участие и Уваров. Более того, именно он одним из первых решительно высказался за применение при переводе Гомера древнего размера — гекзаметра и поддержал опыт Гнедича в этом направлении²³.

Наконец, в случае со столь честолюбивым человеком, каким был Уваров, свою роль сыграло и поощрение со стороны авторитетных специалистов и деятелей культуры, усилившееся по мере того, как становились все более известными труды молодого вельможного ученого. Среди тех, кто откликнулся таким образом на работы Уварова, были крупнейшие представители немецкой классической филологии лейпцигский профессор Готфрид Герман и гейдельбергский профессор Фридрих Крейцер, также выдающийся ученый-филолог и общественный деятель, основатель Берлинского университета Вильгельм Гумбольдт и, наконец, признанный глава немецкого неоклассицизма и романтизма Иоганн Вольфганг Гёте²⁴.

Для аристократа, с юных лет обратившегося к служебной карьере, Уваров написал не так уж мало, и написанное им, что бы ни говорили его недруги, несомненно, представляет большой интерес, как политический, так и собственно научный. По жанру его сочинения могут быть подразделены на несколько групп: к первой относятся различные трактаты и доклады, касающиеся постановки образования и науки в Российской империи, ко второй — собственно ученые сочинения (большею частью на темы классической древности), к третьей — некрологи и воспоминания.

Нас сейчас, в связи с темой классицизма, интересуют главным образом произведения второй группы, знакомство с которыми облегчается тем, что большая их часть, опубликованная первоначально отдельными брошюрами, была затем переиздана в рамках одного собрания²⁵. Однако начать стоит с относящегося к первой группе этюда под названием «Проект Азиатской академии» (тоже, впрочем, переизданного в том же собрании)²⁶, во-первых, потому, что этим этюдом Уваров вообще дебютировал в серьезной литературе, а во-вторых, потому, что в этом, по видимости обращенном на реформу современного образования трактате уже проявилось столь характерное для Уварова стремление опереть эту реформу на прочное наследие классической культуры, а само дело просвещения связать с более широкими политическими задачами.

Уваровский «Проект Азиатской академии» стоял в русле постоянно растущих в России научных и политических интересов к сопредельным странам Востока. Он не был первым; до него с подобными проектами выступали и другие: в 1733 г. — переводчик с восточных языков Коллегии иностранных дел и одновременно сотрудник Академии наук Георг-Якоб Кер, а в 1802 г. — Ян Потоцкий²⁷. Однако их проекты остались Уварову неизвестны; в любом случае, они не имели практических последствий, тогда как за выступлением Уварова — и по его инициативе — последовало учреждение кафедр восточных языков в Петербургском Главном педагогическом институте (1818 г.), а позднее в Петербургском университете, и даже целого факультета такого профиля (в 1855 г., еще при жизни Уварова).

Не вдаваясь сейчас в подробности уваровского «Проекта», подчеркнем только то интегральное единство научных, культуртрегерских и державно-политических интересов, которым проникнут весь этот примечательный документ. Указав на успехи развиваемых на Западе восточных штудий и политических инициатив, автор проекта призывает Россию последовать этому примеру, к чему, по его мнению, у нее есть все основания, среди которых главнейшее — ни с чем не сравнимая сопредельность России с Азией²⁸.

Все же надо заметить, что ясно выраженная державная подоплека востоковедной инициативы Уварова не исключала у

него и собственно познавательного, научного интереса, стимулированного всплеском ориенталистских увлечений тогдашних западноевропейских ученых (в особенности под влиянием исследований о санскрите немецкого филолога и философа Фридриха Шлегеля). А с другой стороны, признание огромного значения Востока как колыбели человеческой цивилизации не мешало ему видеть культурное родство России с европейским Западом и в античности усматривать общий с Западной Европой источник образованности и культуры. Только для России он признавал большее значение не латинской образованности, как это было в случае с Западной Европой, а греческой, через Византию смыкавшейся с Древней Русью.

Для вящего обоснования этого особенного источника русского классицизма он сумел найти поддержку в самой западной науке, у такого пронизательного и авторитетного судьи в вопросах культуры, каким был один из основоположников новейшей историко-филологической науки в Германии Христиан-Готтлоб Гейне. «Россия, — цитирует он статью Гейне 1768 г., — имеет особенное преимущество пред всеми другими народами Европы. Греческая словесность может служить основанием ее собственной и может ей способствовать к заведению новой, ни с какою другою не сходствующей школы. Россия не должна подражать ни литературе немецкой, ни французскому остроумию, ни учености латинской. Основательное знание греческого языка откроет для русских неистощимый источник новых идей и образов высоких. История, философия и поэзия могут заимствовать от него чистейшие и более к истинным образцам приближенные формы. Надобно заметить и то, что греческий язык имеет тесную связь с религиею русских и языком славянским, который, по-видимому, от него получил свое образование»²⁹.

Позже мы увидим, в какой большой степени высказанный только что взгляд о фундаментальном значении греческого классицизма для новой русской культуры найдет реализацию в образовательной политике Уварова-попечителя и министра, но раньше мы должны убедиться в том, что и для Уварова-ученого следование этому взгляду стало важным творческим импульсом.

У нас нет возможности подробно анализировать научное творчество Уварова-классика. Но даже беглого знакомства с его

учеными сочинениями достаточно, чтобы убедиться как в оригинальности развиваемых в них идей, так и в несомненной большой эрудиции их автора. Так, в «Исследовании об Элевсинских таинствах» (1812 г.)³⁰ представлен не только весьма содержательный общий очерк этих наиболее значимых в греческом мире мистерий, но и высказан ряд интересных идей о возможном происхождении этих обрядовых действий с Востока, об их окончательном формировании в период становления у греков гражданского общества, об отражении в доктрине Элевсинских мистерий философии зрелого политеизма, о позднейшем подключении к этим таинствам также и таинств Диониса-Вакха и т. д.

Конечно, характерное для Уварова, проявляющееся и в других его ученых сочинениях стремление вывести начала греческой религии и культуры с Востока, из Азии, из Индии, едва ли найдет опору в современной науке. Эту тенденцию надо всецело отнести на счет той ориенталистской моды, которая была так распространена в ученом мире в начале XIX столетия. Однако прочие наблюдения и суждения Уварова о религиозной жизни древних греков представляются достаточно обоснованными и сохраняют научную ценность и поныне. В особенности интересно проводимое Уваровым различие между грубыми, примитивными таинствами Диониса и отражающими пору зрелого политеизма и упорядоченной гражданской жизни мистериями Деметры и Керы в Элевсине. «Бакхические или орфические мистерии, — пишет он, — по своему характеру совершенно противоположны элевсинским таинствам: можно сказать, что между поклонением Бахусу и Церере такая же разница, как между необузданною силою дикой жизни и правильным устройством жизни гражданской»³¹.

В изданном пятью годами позже, с посвящением Гёте, большом этюде «Нонн Панопольский, поэт»³² Уваров представил своеобразный промежуточный итог своих филологических занятий под руководством Грефе. Здесь дан общий обзор, а местами и подробный мифолого-филологический анализ поэмы Нонна «О Дионисе», что должно было служить предварением нового критического издания этой поэмы, которое подготавливал Грефе. Автор начинает с общих суждений о развитии эпической поэзии у греков от Гомера до Нонна. При этом выразительно характеризуется духовная атмосфера той эпохи, когда

жил Нонн, — времени позднего античного политеизма, который пытался отстоять свои позиции с помощью философии неоплатоников и той вычурной поэзии, где тёмная ученость заслоняла свежее дыхание искусства.

Следующий далее обзор поэмы Нонна сопровождается обильным цитированием отрывков из греческого оригинала, причем в конце соответствующих разделов добавлены эксцерпты из комментария Грефе для объяснения принятых от него же исправлений в греческом тексте. Завершается очерк общезащитой Нонна от укоренившегося среди филологов нового времени пренебрежения: по мнению Уварова, Нонн — интересный, значительный поэт, достойно завершающий историю греческой эпики.

В другом этюде «О предгомеровской эпохе»³³ Уваров откликается на недавно вышедшее сочинение Г. Германа и Ф. Крейцера «Письма о Гомере и Гесиоде»³⁴. Его отклик носит полемический характер: по его мнению, новейшая филологическая критика в лице Ф.-А. Вольфа и Г. Германа, усмотрев в Гомере не личность, но целую поэтическую эпоху, остановилась на полдороге. Хотя, замечает он, Г. Герман и Ф. Крейцер по видимости признают существование у греков догомеровской, религиозной, пришедшей с Востока поэзии, они все же недооценивают значение этого факта.

Уваров ставит своей целью восполнить этот недостаток и показать, что Восток действительно сыграл важную роль в предуготовлении греческой поэзии. По его мнению, раннему периоду греческой поэзии — Гомеру и Гесиоду — предшествовала эпоха религиозной («жреческой»), теогонической и космогонической первичной поэзии, чей праисточник находился на Востоке, откуда соответствующие веяния, в частности, через Фракию, проникли в Грецию. Упоминающиеся в греческом предании древнейшие певцы Олен, Тамирис, Орфей, Лин и др., хотя они являются фигурами не историческими, а вполне мифологическими, суть знаки древнейшего переходного времени, когда происходило воздействие восточного начала на рождающуюся греческую культуру. Впрочем, ориентализм Уварова не идет так далеко, чтобы совершенно отрицать значение греческого гения, оригинальность творчества самих греков³⁵.

Очень интересна и даже актуальна в наше время, когда отечественные математики взялись пересматривать древнюю исто-

рическую традицию, другая работа Уварова — «Критическое исследование сказания о Геракле, как оно истолковано у Дюпюи»³⁶. Автор откликается здесь на новейшие попытки интерпретации античной мифологии с помощью астрально-солярной символики. Объектом рассмотрения служит труд одного из основоположников мифологической школы в изучении христианства, французского математика Шарля-Франсуа Дюпюи («Происхождение всех культов, или всеобщая религия», 1795)³⁷, в частности те места этого труда, где речь идет о Геракле.

Согласно Дюпюи, Геракл был богом Солнца, а его 12 подвигов символизируют 12 знаков Зодиака. При этом, как упоминает Уваров, Дюпюи и бога христиан также считает богом Солнца, а 12 апостолов — другими 12 божествами. Не входя в обсуждение последнего тезиса, слишком деликатного для научной полемики, Уваров сосредоточивается на теме Геракла. Он показывает, что собственно греческое предание не дает оснований для заключения в духе Дюпюи. В греческой традиции (у Гомера, Гесиода, великих трагиков) Геракл — историко-мифологический персонаж, не бог, а герой, лишь позднее подвергшийся деификации. Для доказательства своего тезиса Дюпюи приходится идти на ухищрения, опираться на маргинальную традицию о так называемом Геракле у египтян и на опыты поздних философов-неоплатоников, старавшихся всеми способами укрепить и расширить языческий пантеон.

Затронутый в этой работе вопрос о границах научной критики и субъективного произвола нашел новую трактовку в опубликованном треть века спустя другом этюде под провоцирующим названием: «Подвигается ли вперед историческая достоверность?»³⁸ Поводом к написанию этюда послужило мнение французского критика Абея-Франсуа Вильмена о том, что, в отличие от истории древней, которая по необходимости носит гипотетический характер, история новейшая, начиная с XV в., с изобретения типографского станка, носит совершенный характер, поскольку и издаваемым материалам несть числа, и критика стала поистине виртуозной.

История древности, соглашается Уваров, во многом гипотетична, ее достоверность условна, поскольку она опирается на наше доверие к древнему преданию. Однако, подчеркивает он,

это предание являет собой синтез положительного знания древних, устоявшегося и согласного с их представлениями и верованиями. Новейшая критика в этой области оправдана постольку, поскольку она направлена на уточнение хронологии и отдельных фактов, но ее атака на изначальные и основные устои предания и подрыв ею авторитета традиции в целом, как это делал Ф.-А. Вольф с Гомером, а Б.-Г. Нибур — с началом Рима, ведут к разрушению самой древней истории, поскольку устранимую традицию заменить нечем.

Совершенно соглашаясь с Уваровым, сошлемся на современный пример — на труды виднейших представителей англо-американской школы М. Финли и Ч. Старра о древнейшем периоде греческой истории. Отвергая, как недостоверную, всю раннюю традицию, представленную Гомером и отложившуюся у первых прозаиков-логографов, вынужденные поэтому довольствоваться археологическим материалом (главным образом данными керамики), они омертвляют исторический процесс, подменяя событийную плоть тощими статистическими разводами³⁹.

Обращаясь к новой истории, Уваров указывает, что по видимости она превосходит древнюю и массой доступных источников и изощренным искусством критики. Однако, продолжает он, это превосходство во многом кажущееся. Само обилие доступных сведений порождает разнобой во мнениях, а научная критика, лишенная совестливого критерия, представляет собой квинтэссенцию разрушительного скепсиса.

Итак, на вопрос, поставленный в заголовке статьи, Уваров, по существу, отвечает отрицательно; во всяком случае, он сомневается в возможности категорического положительного ответа. Не правда ли, поучительный итог? Впрочем, это не должно давать повод к каким-то обобщениям на предмет исторического пессимизма Уварова. Напротив, его научно-литературное творчество, как и его политика, скорее являли собой исполненную положительного пафоса, хотя и проникнутую консервативной тенденцией, реакцию на крайности политического и духовного радикализма.

И в классицизме, в занятиях древностью, в приобщении к осененной великими именами исторической традиции он наде-

ялся найти не только источник интеллектуального наслаждения, но и некое твердое основание, опираясь на которое можно было противостоять нарастающему неверию и разрушению, найти прибежище от общественных бурь. «Изучение древности, — говорит он в предисловии к первому изданию своего этюда об Элевсинских мистериях, — не есть занятие, отделенное от других: всякий раз, когда оно поднимается выше мертвой буквы, это благородное изучение становится историею ума человеческого. Оно не только уместно во всех возрастах и во всех положениях жизни, но еще открывает уму столь обширное поле, что мысль с удовольствием тут останавливается и хоть на короткое время забывает бедствия, неразлучные с великими переворотами политическими и нравственными»⁴⁰.

Обращаясь от личности Уварова-классика к его деятельности как поборника классического образования и науки, мы должны принять во внимание, сколь важное положение он занимал в тогдашнем российском истеблишменте. Он начал с того, что занял весьма важный пост попечителя Петербургского учебного округа; в этой должности он оставался 10 лет (1811–1821). Затем долгие годы он был министром народного просвещения (1833–1849). Наконец, он рано возглавил Российскую Академию наук, президентом которой оставался более трети века (1818–1855), вплоть до самой смерти. Иными словами, в первой половине XIX столетия, в значительную часть царствования Александра I и все правление Николая I, он занимал главенствующие посты в системе образования и науки, что и позволило ему реализовать исповедуемые им принципы классицизма в заглавных областях интеллектуальной жизни России.

Переходя непосредственно к обзору общественно-политической деятельности С. С. Уварова, мы вполне можем положиться на убедительную трактовку этого вопроса у современной американской исследовательницы Цинции Виттекер, что избавит нас от необходимости слишком подробного вхождения в эту тему. Вслед за Виттекер надо подчеркнуть замечательное своеобразие общей политической установки Уварова — стремление соединить усвоение Россией европейских форм образования с сохранением собственной традиционной социально-политической системы. «Во всем пространстве государственного хозяйства и сельского

домоводства, — заявлял он, — необходимы: *русская система и европейское образование*; система русская, ибо то только полезно и плодовито, что согласно с настоящим положением вещей, с духом народа, с его нуждами, с его политическим правом; образование европейское, ибо больше как когда-нибудь мы обязаны вглядываться в то, что происходит вне пределов отечества, вглядываться не для слепого подражания или безрассудной зависти, но для исцеления собственных предрассудков и для узнания лучшего»⁴¹.

Сохранение русской системы мыслилось Уваровым как опора на такие фундаментальные устои русской истории, как *православие, самодержавие и народность*⁴². Как известно, эта концепция была подвергнута в демократически или прогрессивно настроенных кругах русского общества самой жестокой критике, вследствие чего самая уваровская «триединая формула» в русской демократической традиции фигурирует не иначе как с определением «пресловутая». Не будем сейчас вдаваться в подробное обсуждение этого вопроса, который отнюдь не так прост и однозначен, как это обычно представляется. Главное в «формуле» Уварова — указание на необходимость при любом движении вперед, при любой реформе, направленной на дальнейшую модернизацию и европеизацию России, обязательно учитывать самобытность ее уклада, а это положение не так просто оспорить.

Вместе с тем Уваров понимал историческую целесообразность приобщения русского общества, поначалу, разумеется, его социальной верхушки, к современному европейскому образованию, эталоном которого было именно образование классическое. Ибо, как справедливо указывает Ц. Виттекер, в первой половине XIX в. «изучение классических дисциплин оставалось общеевропейской традицией в среднем образовании. Классическое образование еще ценили как способствующее гармоническому интеллектуальному и нравственному развитию личности, полагая, что оно оттачивает ум, дает знания об античности как высочайшем достижении цивилизации и готовит учащихся к занятиям в университете, а заодно являет им примеры чести, долга, служения государству — добродетелей правящего класса. По сути дела, классическое образование создавало общую основу, объединяв-

шую элиты всех европейских стран. Это был знак отличия, без которого русское дворянство не могло рассчитывать на равенство с себе подобными за границей ни в интеллектуальном, ни в социальном отношении. Более того, внутри каждой страны оно служило средством приобщения к культурной элите»⁴³.

Исходя из этих убеждений, Уваров непрестанно заботился о внедрении классического образования в среднюю и высшую школу, о развитии его интеллектуального фундамента — науки об античности. Для этого он с выгодой использовал свое высокое общественное положение — положение человека, который на протяжении нескольких десятилетий курировал в России всю систему просвещения. После назначения Уварова в конце 1810 г. в попечители Петербургского учебного округа он уже в октябре следующего года добился утверждения нового плана развития среднего образования, который к концу десятилетия был практически распространен на все учебные округа. По этому плану в гимназиях сильно было расширено преподавание латинского языка и намечено было введение также и греческого.

Будучи попечителем Петербургского учебного округа, Уваров добился реорганизации Петербургского педагогического института по типу университета, в связи с чем он был переименован в Главный педагогический институт (1816 г.), а вскоре и формально стал университетом (1819 г.). В этом новом высшем учебном заведении были созданы специальные кафедры римской и греческой словесности, где ведущей фигурой стал друг и наставник Уварова Грефе.

В начале 20-х годов в деятельности С. С. Уварова на поприще народного просвещения наступил перерыв. В 1821 г. под давлением реакционных кругов, чье влияние усилилось в конце правления Александра I, он вынужден был уйти в отставку с поста попечителя Петербургского учебного округа. Однако этот перерыв был недолог. В 1826 г. Уваров был приглашен преемником Александра Николаем I войти в новый Комитет устройства учебных заведений, который уже в 1828 г. принял новый устав для начальных и средних учебных заведений, опиравшийся на положения уваровского проекта. Несколько лет спустя он и формально возглавил ведомство образования: в 1832 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения, а в 1833 г. стал главою

этого министерства. Под его руководством были разработаны, а затем и приняты в 1835 г. новые уставы как для начальных и средних учебных заведений, так и для университетов.

Эти уставы закрепили основополагающее значение классических дисциплин в системе российского образования: в гимназиях наряду с латынью стали преподавать и греческий, а в университетах было укреплено и расширено преподавание греческой и римской словесности и древней истории. С этой целью из числа лучших выпускников русских университетов на базе Дерптского университета, с последующей стажировкой за границей, в Германии, была налажена подготовка новых, европейски образованных специалистов-классиков. В 1835 г. первая их группа заступила на университетские кафедры. Это были: в Петербурге — М. С. Куторга, в Москве — В. С. Печерин и Д. Л. Крюков, в Харькове — М. М. Лунин. Добавим к этому, что в основанном Уваровым в 1834 г. «Журнале Министерства народного просвещения», который стал центральным ученым периодическим изданием в России, ведущее положение с самого начала занял отдел классической филологии.

Все эти меры проводились Уваровым с опорой на авторитет и при самой деятельной поддержке Академии наук, где его же стараниями возродился и окреп разряд греческих и римских древностей. Напомним, что в 1803 г. был принят новый академический регламент, который положил конец одностороннему преобладанию физико-математических наук в Академии: история, вместе с политической экономией и статистикой, вновь была включена в круг дисциплин, разработкой которых должна была заниматься Академия. Вскоре последовало учреждение в составе гуманитарного класса специальной кафедры греческих и римских древностей, которую, согласно новому уставу 1836 г., полагалось замещать двум ординарным академиком⁴⁴. Таким образом, Академия наук вновь стала центром изучения античной истории и литературы, правда, уже не единственным, поскольку появились университеты.

Возродившийся в Академии наук разряд классических древностей многим был обязан целеустремленной поддержке С. С. Уварова, который, возглавив в 1818 г. Академию, старался сделать ее цитаделью классицизма в России. При этом нельзя от-

рицать того, что, постоянно оказывая покровительство академическим занятиям античностью, он столько же руководствовался интересами науки, сколько и расчетом — разрушительному натиску современных идей противопоставить ориентированные на сохранение классицистических традиций занятия древностями, за счет антиковедения укрепить позиции официальной академической науки.

Как бы то ни было, в рассматриваемое время в состав академической корпорации вступили крупные ученые-классики: ставший академиком еще в 1817 г. Е. Е. Кёлер, явившиеся при Уварове Ф. Б. Грефе и Л. Э. Стефани (соответственно в 1820 и 1850 гг.) и избранный в члены Академии несколько позднее (в 1858 г.) А. К. Наук. Все четверо были выходцами из Германии, однако их ученая и педагогическая деятельность теснейшим образом была связана с судьбами русской науки. По своему основному профилю они были филологами-классиками, но чистыми филологами были только Грефе и Наук, между тем как Кёлер и Стефани много занимались историей искусства и эпиграфикой, внося, между прочим, большой вклад в изучение северопричерноморских древностей.

Но главное, они не были только учеными — они были также крупными организаторами науки и учителями. Кёлер свою деятельность в России начал с приведения в порядок фондов будущей Публичной библиотеки, а затем возглавил 1-е Отделение Эрмитажа (Античный отдел), где привел в порядок коллекцию памятников искусства и библиотеку; его работу в Эрмитаже продолжил позднее Стефани. В свою очередь, Грефе и Наук были выдающимися педагогами: первый был профессором в Петербургском университете, второй — в Историко-филологическом институте, и оба воспитали не одно поколение русских классиков. У Наука, в частности, прошли высшую школу классической филологии такие в будущем светила русского антиковедения, как П. В. Никитин и В. В. Латышев⁴⁵.

Подводя итоги, мы можем констатировать удивительную результативность усилий, приложенных лидерами российской дворянской элиты в начале XIX в. ради развития в нашей стране традиций классицизма, а в его русле — и новой русской культуры, образования и науки. Стараниями таких выдающихся обще-

ственных деятелей, как А. Н. Оленин и С. С. Уваров, в России были модернизированы или созданы заново такие важные очаги культуры, как Академия художеств и Публичная библиотека, учреждена весьма совершенная система классического образования, которая через гимназии и университеты за неполное столетие своего существования подготовила многочисленный слой интеллигентных служащих государства. Наконец, не подлежит сомнению высокий уровень новой университетской и академической науки, равно как и достаточная степень ее интегрированности в культурную жизнь дореволюционной России.

При этом велика была роль именно классического образования и науки, тогда выступавших в качестве главных двигателей культурного развития. В этой связи надо подчеркнуть тот вклад, который внесли сотрудники Оленина и Уварова из числа «ученых немцев» в развитие классического образования в России, в организацию библиотечного и музейного дела, в подготовку нового поколения специалистов из *природных русских*. Сошлемся в этой связи на славную плеяду русских ученых-антиковедов рубежа XIX–XX вв., которые с удивительным усердием и пользой для отечества трудились одновременно и на ниве просвещения в роли гимназических и университетских наставников, и в высокой сфере науки в качестве сотрудников Академии и университетов, и в министерских ведомствах на ответственных административных постах.

За конкретными примерами дело не станет; назовем хотя бы уже упоминавшихся выше П. В. Никитина и В. В. Латышева. Первый был профессором, деканом историко-филологического факультета и ректором Петербургского университета, действительным членом и вице-президентом Академии наук, второй — профессором и директором Петербургского историко-филологического института, директором департамента Министерства народного просвещения, видным деятелем Академии наук, наконец, товарищем председателя Археологической комиссии и председателем Православного Палестинского общества.

Успехи русского неоклассицизма и развившихся в его русле новой художественной культуры, классического образования и науки были очевидны. При всем том нельзя закрывать глаза и на теневые стороны российской действительности, главной из

которых оставался глубокий раскол в обществе между европейски образованной дворянской элитой и массой прочего, находившегося за пределами культурного круга, простого народа. Драматизм ситуации состоял в том, что достаточно мобильная сословная структура российского общества позволяла все большему числу простолюдинов приобщаться к среднему и высшему образованию и просачиваться в верхние этажи, где, в силу своего низкого происхождения и реальной социальной неполноценности, они становились ферментами опасного брожения, разъедавшего традиционные устои, в том числе и утвердившуюся стараниями верхов классицистическую систему.

Ситуация обострилась уже к середине XIX в. С одной стороны, господствующий абсолютистский режим, уstraшенный сначала выступлением декабристов, а затем новыми европейскими смутами 1830 и 1848 гг., стал принимать меры против возможных революционных потрясений внутри России. Стремясь удержать контроль над умами, царское правительство предприняло наступление как против опасных революционных веяний с Запада, так и против спонтанно распространявшихся в русском обществе материалистических и демократических идей. Одним из инициаторов этого правительственного курса был уже сам С. С. Уваров. Провозглашенная им программа официальной народности включала в качестве незыблемого элемента социальной жизни принцип самодержавия, и им же натиску новых разрушительных идей сознательно был противопоставлен консервативный барьер в лице усиленного классического образования.

Эта тенденция была старательно продолжена преемниками Уварова по руководству Министерством просвещения, среди которых в этом плане особенно выделялись граф Д. А. Толстой, И. Д. Делянов, Н. П. Боголепов и Г. Э. Зенгер. Увлечение этих деятелей классицизмом и осуществляемое их стараниями чрезмерное принудительное насаждение его в гимназиях и университетах вызывали раздражение в прогрессивных общественных кругах и, в конце концов, привели к компрометации всей системы классического образования, а вместе с тем и культуры классицизма в России. В условиях нарастающего демократического подъема и разразившихся в России в начале XX столетия рево-

лющей судьба классицизма, классического образования и науки была предрешена: они были сметены вместе с тем абсолютистским строем и той элитарной дворянской прослойкой, которыми они были порождены.

-
- ¹ См.: *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. I–II. СПб., 1862.
  - ² О начальном периоде формирования исторической науки в России подробнее см.: *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII в. Ч. I–III. Л., 1961–1971. О развитии антиковедных занятий в то же время: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности (историографические очерки). СПб., 1999. С. 46–111 (Ч. I. Гл. 2. Начало изучения античности в России [XVIII в.]).
  - ³ Более подробную характеристику затронутых здесь сюжетов см. в кн.: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 112–174 (Ч. I. Гл. 3. Формирование преемственных научных школ в первые две трети XIX в.).
  - ⁴ Перевод «Илиады» публиковался поначалу частями. Первое полное издание: «Илиада Гомера, переведенная Н. Гнедичем, в двух частях». СПб., 1829. Перевод «Одиссеи» впервые был опубликован в составе «Новых стихотворений В. Жуковского». Т. II–III. СПб., 1849 (часть тиража печаталась как VIII и IX тома 5-го издания «Стихотворений В. Жуковского»). О Гнедиче и Жуковском как переводчиках Гомера см.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М.; Л., 1964. С. 147–295, 331–336, 357–375.
  - ⁵ О начальном этапе классической археологии в России см. в особенности: *Леонтьев П. М.* Обзор исследований о классических древностях северного берега Черного моря // Прополи. Кн. I. М., 1851. Отд. II. С. 67–101; *Брашинский И. Б.* В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 7–60; *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 34–43; *Тулкина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.
  - ⁶ Важнейшие труды, посвященные жизни и деятельности А. Н. Оленина: *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. СПб., 1881; *Кубасов И. А.* Алексей Николаевич Оленин. СПб., 1904; *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: дом А. Н. Оленина. Л., 1983; *Созинова С. Ф.* Общественная и научная деятельность А. Н. Оленина // Государство, политика и идеология в античном мире. Л., 1990. С. 171–197; *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии (1700–1917 гг.). СПб., 1992. С. 73–80; *Тулкина И. В.* 1) А. Н. Оленин и древ-

- ности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология (историографические очерки). СПб., 1995. С. 18–27; 2) Русская наука о классических древностях юга России. (В особенности с. 89, 166, 187, 322, 325).
- ⁷ *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. С. 1–2.
- ⁸ Об обучении Оленина не только в дрезденской Артиллерийской школе, но и в Страсбургском университете свидетельствовала в своих воспоминаниях младшая дочь Алексея Николаевича Анна Алексеевна Оленина-Андро. См.: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: дом А. Н. Оленина. С. 7.
- ⁹ *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. С. 3.
- ¹⁰ В последующие годы Оленин не раз обращался к составлению программы курса по археологии для обучающихся в Академии художеств. См. его «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения словян от времени Траяна и русских до нашествия татар. Период первый. Письма к г. академику в должности профессора [П. В.] Басину, или Опыт о составлении полного курса истории, археологии и этнографии для питомцев Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств» (СПб., 1832); затем дополнение к этому опыту — «Объяснение фигур к письму “О словянах от времени Траяна и русских до нашествия татар”» (СПб., 1833). Наконец, оставшаяся в рукописи «Программа систематического разделения курса истории, археологии и этнографии для питомцев Императорской Академии художеств» (1834). О ней см.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России. С. 322.
- ¹¹ Предметом полемики Оленина было место в сочинении Миллена: *Millin A. L.* Peintures de vases antiques, vulgairement appelés Etrusques. T. I. Paris, 1808. P. 41, note 9.
- ¹² Цитируемая далее выдержка из этого предисловия приводится по соч.: *Стояновский Н. И.* Очерк жизни Алексея Николаевича Оленина. С. 8–9.
- ¹³ Ср. аналогичные рассуждения Оленина и в его опубликованном этюде «Заметки на примечание...» (Археологические труды. Т. I. Вып. 2. С. 10–11, 58–63).
- ¹⁴ См.: *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России. С. 166.
- ¹⁵ *Тункина И. В.* 1) А. Н. Оленин и древности Южной России. С. 22–23; 2) Русская наука о классических древностях юга России. С. 187.
- ¹⁶ *Тункина И. В.* А. Н. Оленин и древности Южной России. С. 24–25.

- ¹⁷ Подробнее см.: *Созинова С. Ф.* Общественная и научная деятельность А. Н. Оленина. С. 176 и след.
- ¹⁸ Об этой стороне деятельности А. Н. Оленина (включая интереснейшие подробности об его отношениях с художниками) см.: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз: дом А. Н. Оленина. С. 204–212.
- ¹⁹ Ср.: *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. С. 75; *Тункина И. В.* А. Н. Оленин и древности Южной России. С. 25–26.
- ²⁰ Для биографии С. С. Уварова важнейшие материалы сообщают: *Плетнев П. А.* Памяти графа С. С. Уварова, президента имп. Академии наук. СПб., 1855 (лучший из дореволюционных очерков); *Лонгинов М. Н.* Воспоминание о графе С. С. Уварове // *Современник*. Т. 53. № 10, октябрь 1855 г. Отд. II. С. 119–124; *Погодин М. П.* Для биографии графа С. С. Уварова // *Русский архив*. 1871. № 12. Стлб. 2078–2112 (со списком трудов Уварова); *Виттекер П. X.* Граф С. С. Уваров и его время / Пер. с англ. Н. П. Лужецкой. СПб., 1999.
- ²¹ См.: *Уваров С. С.* Воспоминание об академике Фр. Грефе // *Уч. записки имп. Академии наук по I и III отделениям*. Т. I. Вып. 1. 1852. С. 46–50.
- ²² На склоне лет он с ностальгией вспоминал об этих кружках — «Беседе любителей русского слова», объединявшей ревнителей языковой старины во главе с Г. Р. Державиным и А. С. Шишковым, «Арзамасе», сплотившем сторонников литературных новаций, почитателей Н. М. Карамзина и В. А. Жуковского (кстати, сам Уваров был одним из учредителей этого «Арзамасского общества»), и особенно литературном салоне А. Н. Оленина. При этом он справедливо подчеркивал то воздействие, которое эти кружки оказывали на духовную жизнь общества. Эти, писал он, «частные, так сказать, домашние общества, состоящие из людей, соединенных между собой свободным призванием и личными талантами и наблюдающих за ходом литературы, имели и имеют не только у нас, но и повсюду ощутительное, хотя некоторым образом невидимое влияние на современников. В этом отношении академии и другие официальные учреждения этого рода далеко не имеют подобной силы» (А. В. [Уваров С. С.] *Литературные воспоминания* // *Современник*. 1851. Т. 27. Отд. II. С. 37–42 [цитата — из заключения. С. 42]).
- ²³ См.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах. С. 174–188.
- ²⁴ Переписка Уварова с Гёте была издана с обширными вступительными пояснениями и примечаниями преподавателем Историко-филологического института в Петербурге Георгом Шмидом: *Goethe und Uwarow, und ihre Briefwechsel / Mit Erläuterungen von Dr. Georg Schmid* (Sonderabdruck aus der «Russischen Revue». Bd XXVIII. H. 2). St. Petersburg, 1888. В советской литературе отношения Уварова с

- Гёте посвящен специальный этюд С. Н. Дурылина под ироничным (что показано кавычками) названием «Друг Гёте» (*Дурылин С. Н. Русские писатели у Гёте в Веймаре // Литературное наследство. Т. 4–6. М., 1932. С. 186–221 [первый параграф в гл. III — «Русские официальные и официозные гётеанцы»*]). Этюд насыщен полезной информацией, но отталкивает бьющая через край тенденциозность: Уваров в изображении автора — реакционер и шарлатан, беззастенчиво использовавший имя Гёте в своих низменных целях.
- ²⁵ *Ouvaroff S. Études de philologie et de critique. Saint-Pétersbourg, 1843.*
- ²⁶ Первое издание: *Ouvaroff S. Projet d'une Academie Asiatique. St.-P., 1810.* Годом спустя вышел русский перевод, осуществленный В. А. Жуковским: *Уваров С. С. Мысли о заведении в России Академии Азиатской // Вестник Европы. 1811. № 1. С. 27–52; № 2. С. 94–116.*
- ²⁷ См.: *Савельев П. С. Предположения об учреждении Восточной Академии в С.-Петербурге, 1733 и 1810 гг. // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 2. Отд. III. С. 27–36; Таурова П. В. Проект Потоцкого относительно создания Азиатской академии в России // Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С. 202–207; *Bumtkeker Ц. Х. Граф С. С. Уваров и его время. С. 29–35.**
- ²⁸ *Ouvaroff S. Projet d'une Academie Asiatique // Études. P. 8–9.*
- ²⁹ *Ibid. P. 26–27.*
- ³⁰ *Ouvaroff S. Essai sur les mysteres d'Eleusis. St.-P., 1812.* Русский перевод: *Исследование об Элевсинских таинствах // Современник. 1847. Т. I. № 2. Отд. II. С. 75–108.*
- ³¹ *Ouvaroff S. Essai sur les mysteres d'Eleusis // Etudes. P. 81–82.*
- ³² *Uwarow S. Nonnos von Panopolis, der Dichter. Ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Poesie. St.-P., 1817.*
- ³³ *Uwarow S. Über das Vor-Homerische Zeitalter. Ein Anhang zu den Briefen über Homer und Hesiod von G. Hermann und F. Creuzer. St.-P., 1819.*
- ³⁴ *Hermann G., Creuzer F. Briefe über Homer und Hesiodus. Heidelberg, 1818.*
- ³⁵ Ср. его оговорки как в этом сочинении (*Etudes. P. 256*), так и в более раннем труде о Нонне Панопольском (*Etudes. P. 239–240*).
- ³⁶ *Ouvaroff S. Examen critique de fable d'Hercule, commentée par Dupuis. St.-P., 1818.*
- ³⁷ *Dupuis Ch.-F. L'origine de tous les cultes, ou la religion universelle. Vol. I–III. Paris, 1795.*
- ³⁸ *Ouvaroff S. La certitude historique est-elle en progrès? // Bulletin de la Classe des sciences hist., philolog. et polit. de l'Academie imp. des sc. de St.-Pétersbourg. 1851. Т. VIII. P. 145–154.* Русский перевод: *Современник. 1851. Т. XXV. Отд. II. С. 121–128.*

- ³⁹ Критику этого направления см. в нашей книге: *Фролов Э. Д.* Рождение греческого полиса. Изд. 2-е. СПб., 2004. С. 31–44.
- ⁴⁰ *Ouvraroﬀ S.* Essai sur les mysteres d'Eleusis // *Etudes*. P. 77–78.
- ⁴¹ Цит. по: *Виттекер Ц. Х.* Граф С. С. Уваров и его время. С. 117.
- ⁴² Впервые эти положения были им заявлены в 1832 г. См.: *Уваров С. С.* Отчет по обозрению Московского университета и гимназий (4 декабря 1832 г.) // Сб. постановлений по министерству народного просвещения. Т. II. Отд. 1-е. Изд. 2-е. СПб., 1875. Стлб. 511.
- ⁴³ *Виттекер Ц. Х.* Граф С. С. Уваров и его время. С. 168.
- ⁴⁴ История Академии наук СССР. Т. II. М.; Л., 1964. С. 14–15, 22–23.
- ⁴⁵ Подробнее об академической кафедре классической филологии и деятельности названных выше ее представителей см. в нашей книге: *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности. С. 137–142.

И. П. Медведев

Г. А. Розенкампф и его законодательная деятельность в свете неопубликованных мемуаров современника

Барон Густав Андреевич Розенкампф (1764–1832) вошел в историю науки прежде всего как один из первых исследователей рецепции византийского правового наследия на Руси и как автор первого монографического исследования по истории Кормчей Книги, т. е. сборника церковных законов и относящихся к истории церкви государственных постановлений (начавшись статьей 1827 г., этот труд был опубликован в виде книги в 1829 г., превратившись в посмертном издании 1839 г. в объемистый том)¹.

В свете этих научных достижений, осуществленных Розенкампом уже после ухода с государственной службы (1822 г.), именно его деятельность государственного служащего весьма высокого ранга остается в тени. А между тем Г. А. Розенкампф, выходец из Лифляндии, потомок шведского офицера (род. в имении Керзель-Лугендорф Дерптского уезда; закончил юридический факультет Лейпцигского университета), по рекомендации О. П. Козодавлева приглашенный в 1803 г. князем П. В. Лопухиным (по словам П. Майкова, «за неимением у нас тогда юристов из русских»²) к занятиям в Комиссии по составлению законов, стал главным исполнителем работ последней,

фактически ее главой, мозгом³. Как известно, проделанные этой комиссией (как, впрочем, и другими, ей предшествовавшими комиссиями) предварительные работы по систематизации законодательства, не будучи доведенными до конца, тем не менее, явились необходимой предпосылкой для грандиозного проекта по созданию Полного собрания и свода законов Российской империи⁴.

До сих пор основным источником сведений об этом периоде биографии Розенкампа были написанные им самим на немецком языке воспоминания, известные нам в русском переводе П. Майкова⁵. Трогательны строки прощания Розенкампа с «родиной предков», с Дерптом. «Предчувствие подсказывает мне, — пишет он, — что я покину Дерпт навсегда. Мне предстояло покинуть мои обычные занятия, мой уютный дом, мой красивый сад, мои земли и уже никогда более их не увидеть. Я должен был расстаться с матушкой моею, уже в преклонных летах, с моим очень любимым братом, моими сестрами, из коих младшая с ее детьми была очень ко мне привязана»⁶. Следует описание всех перипетий, связанных с поступлением на государственную службу (в конце апреля 1803 г. получил письмо Г. Р. Державина с приложением копии высочайшего указа о «производстве» в надворные советники, а спустя еще 4 месяца отправился в Петербург); первых знакомств со своим непосредственным начальством в лице Г. Р. Державина, Н. Н. Новосильцева, В. П. Кочубея, П. В. Лопухина, П. А. и А. С. Строгановых и др.; первых поручений, связанных с вопросом о преобразовании Сената. Говорится об отстаивании Розенкампом системы коллегий и его сопротивлении введению системы министерств; о совещаниях у А. А. Чарторижского в присутствии Александра I, о его впечатлениях от встреч с царем, которому дается весьма выразительная характеристика.

Особый интерес представляет один из приемов, которым удостоил Розенкампа Александр I и во время которого между ними состоялась весьма продолжительная и содержательная беседа. Имея в виду, что в публикуемом нами ниже историческом источнике встанет вопрос о не совсем приглядном моральном облике Розенкампа (в весьма предвзятом освещении автора воспоминаний), представляется целесообразным привести

здесь, хотя бы частично, этот диалог, во время которого Розенкампф фактически преподавал царю урок юриспруденции (беседа состоялась 22 июля 1804 г. в кабинете у государя, велась на французском языке, записана Розенкампфом сразу же по возвращении домой, излагается в переводе П. Майкова):

«[А.] Что думаете вы об освобождении крестьян?»

[Р.] Полагаю, ваше величество, что это было бы в высшей степени полезно не только крестьянам, но также и всем помещикам.

[А.] Но поверят ли они тому?

[Р.] Осмелюсь утверждать это, потому что труд свободного человека вдвое лучше, нежели труд крепостного: земля останется по-прежнему за ее собственниками (владельцами), и никогда не будет недостатка рук для ее возделывания. Россия будет производить и возделывать по крайней мере вдвое более; но трудно будет побудить согласиться на это нынешних собственников, предписав это им общими законами или указами.

[А.] Но как же это сделать?

[Р.] Необходимо начать это в некоторых губерниях, которые надо к тому подготовить, опросив мнение отдельных местностей и определив правовое положение этого класса населения совершенно для него особыми кодексами законов: гражданских, полицейских, сельскохозяйственных, и положением об общинах сельских. Эти три небольшие кодекса, составленные исключительно для того класса населения с изменениями, смотря по местным условиям каждой провинции, убедят землевладельцев и крестьян в их взаимных выгодах. Таким образом, чтобы с успехом осуществить это дело, необходимо, я полагаю, действовать постепенно в одной губернии после другой.

[А.] Это длинный путь.

[Р.] Но однако наивозможно короткий и в то же время самый надежный.

[А.] Можно сделать опыт в балтийских провинциях, и мне кажется, что там уже этим занимались.

[Р.] Все губернии одинаково к этому пригодны и русские крестьяне смысленнее и понятливее эстонцев и ливонцев, у которых уже сделаны первые шаги к замене барщины (обязательных работ) и других поборов произвольных и неопределенных

другими обязательными работами и поборами, определенными Положением, но еще не достигли желаемого <...>.

[А.] Дела этого рода будут подлежать рассмотрению Комитета. Я желал бы вообще даровать участие всей нации, всем моим народам в пользовании правами граждан, насколько это возможно. Это должно быть определено общим кодексом (книгою законов), который мои предшественники, начиная с Петра I, обещали нации. Вот, мне кажется, чем бы надлежало заняться прежде всего, потому что оно будет обнимать все остальное <...>.

[Р.] Чтобы составить то, что называется кодекс (code), необходимо прежде всего начать с изучения состояния действующего законодательства во всех его отраслях государственного и частного права, и иметь его перед глазами.

[А.] Разве государственное право и политические права должны также войти в состав кодекса?

[Р.] Я не имел в виду ни представительство, ни какое-либо другое политическое право. Я разумею под словом государственное право (*droit public*) организацию властей, предметы их ведомства, допущение к пользованию гражданскими правами и даже права сословий, которые не все изложены в Уложении Алексея Михайловича, ни в проектах, составленных при императоре Петре I и императрице Екатерине II <...>. Вашему величеству известно лучше меня, сколько предметов надо рассмотреть и сколько предметов принять в соображение при составлении одного какого-либо закона, одного положения органического; тем более необходимо все это взвесить, когда идет дело о кодексе, т. е. о пересмотре или переработке всей массы законов.

[А.] Я понимаю, необходимо изложить побудительные причины самых законов, как во Франции, где всегда имеются искусные к тому люди.

[Р.] Каждая страна, государь, имеет свои местные начала. Новый кодекс не может быть составлен иначе, как на основании начал существующего уже права, которое уже знают и в котором ваше величество изволите приказать сделать необходимые по усмотрению нашему изменения и перемены. Кодекс не что иное, как книга законов. Но как законы и право не были созданы за раз, но сложились постепенно, путем времени (*sic!*) и как никто не может предусмотреть будущих обстоятельств, то необ-

ходимо начать составление кодекса по началам уже существующим. Государство — это собрание семейств, общин, провинций, следует тем же органическим законам, как тело отдельного лица в малом <...>. Властитель является вершиною пирамиды, повелитель, покровитель, защитник законов и совмещает в себе все их отрасли <...>. Существенным поэтому является познать анатомию этого великого общественного тела, составленного из других тел и частей⁷. Простите меня, ваше величество, за такое откровенное с моей стороны объяснение (обязанностей царя в деле законодательства. — *И. М.*); я не умею льстить, я умею исполнять свой долг <...>. Необходимо было бы также основать школу права, потому что пока мы займемся предварительными работами, основными началами кодекса, необходимо также подготовить людей, которые бы применяли их на деле.

[А.] Без сомнения; но где же мы найдем людей для обучения?

[Р.] Мы их найдем, мы их даже подготовим, достаточно для этого одного желания вашего величества. При появлении солнца недостатка в свете не бывает. Мы начнем с кадров, а затем сформируется уже и сама армия⁸.

Прошу прощения за длинное цитирование, но согласитесь, уважаемый читатель, что Розенкамф в этой сцене выглядит вполне достойно, да и реакцию Александра I на его размышления никак нельзя назвать «резким отпором», на который якобы наткнулся Розенкамф, «предложив начать дело с пересмотра законодательства о крестьянстве»⁹. Скорее всего, «наткнулся» он на противодействие не царя (судя по всему, Александр ценил Розенкамфа, так как произвел его в 1811 г. в действительные статские советники, в 1813 г. наградил орденом Св. Анны 1-й степени, а в 1817 г. возвел в баронское великого княжества Финляндского достоинство), а его окружения и, прежде всего, графа Кочубея, за которым стоял служивший у Кочубея секретарем М. М. Сперанский. Судя по всему, взгляды Розенкамфа (особенно в вопросе замены коллегий министерствами, которую отстаивал граф Кочубей) не особенно импонировали тому, и было сделано все, чтобы дискредитировать Розенкамфа в глазах царя, что, в конце концов, и удалось: в 1822 г. Розенкамфа увольняют из комиссии, причем почему-то без содержания и пенсии. Умер он 16 апреля 1832 г., причем, если верить П. Май-

кову, «в великой бедности, так что не нашлось и 100 рублей на его похороны» (погребен на кладбище Александро-Невской лавры), а его вдова баронесса Розенкампф (Мария Анна, урожд. фон Бларамберг, дочь лифляндского помещика) «продала библиотеку покойного мужа и лучшую мебель, чтобы дать обычный после погребения обед духовенству, а затем перебралась на маленькую квартиру и, по словам Погодина, умерла с голоду»¹⁰.

Теперь в нашем распоряжении находится еще один, доселе неизвестный источник — воспоминания одного из сотрудников Розенкампфа по комиссии составления законов. Имеется в виду небезызвестный в российской истории Людвиг Кондратьевич Якоб (Ludwig Heinrich von Jakob, 1759–1827), уроженец Магдебургского герцогства в Пруссии, выпускник Галльского университета, где он защитил диссертацию на тему «De allegoria Nomerica», стал доктором философии, профессором, а в 1794 г. даже ректором. Когда Галльский университет был закрыт Наполеоном, Якоб переехал в Россию, в 1807 г. был избран ординарным профессором Харьковского университета по кафедре дипломатики и политической экономики. В 1809 г. представил Александру I свое сочинение о бумажных деньгах, после чего был вызван в Петербург и назначен членом по финансовой части в комиссии по составлению законов. Здесь он сблизился с М. М. Сперанским, с падением которого оставил Россию, снова поселившись в Галле и снова приняв звание профессора политических наук в тамошнем университете¹¹. Именно тогда (в феврале 1816 г.) им и были написаны воспоминания о своем пребывании и о своих знакомствах в России.

Что из себя представляли эти воспоминания Якоба (написаны, разумеется, по-немецки) в целом, сказать ничего не можем, так как их местонахождение (если они где-то сохранились) нам неизвестно¹². Но глава 36 (Rosenkampf), занимавшая в рукописи листы 327–342 и перепечатанная на машинке, хранится ныне в бумагах нашего выдающегося ученого, византиниста и историка церковного права Владимира Николаевича Бенешевича (1874–1937)¹³. Материал был прислан Бенешевичу одним его западноевропейским коллегой, с которым он находился в переписке, а именно — немецким историком Рольфом Клостерманном, известным своими работами о Максиме Греке¹⁴. Зная о

жгучем интересе Бенешевича к личности и научному творчеству Розенкампфа, Клостерманн сообщил ему открыткой от 3 декабря 1933 г. из Галле, где он проживал, о том, что (перевожу с немецкого. — И. М.) «в своих воспоминаниях L. H. Jakob неоднократно говорит о бароне Розенкампфе, больше всего в гл. 36 (лл. 327–342), которая даже озаглавлена его именем. Если Вам эта глава интересна, я мог бы предоставить в Ваше распоряжение мою копию (на пишущей машинке). Публикация всей рукописи из-за неровности (bei der Ungleichheit) отдельных частей, пожалуй, еще не скоро встанет в повестку дня»¹⁵.

Естественно, Владимир Николаевич выразил желание иметь такую копию и получил ее 9 января 1934 г., о чем говорит его помета на сохранившемся конверте заказной бандероли (отправлена из Галле, судя по штемпелю, 2 января 1934 г.). К сожалению, отправитель не уточнил, где именно хранилась сама рукопись-автограф Якоба (в библиотеке Галльского университета?). Не знаем мы и о реакции Бенешевича на полученный материал. Возможно, он его разочаровал, так как, во-первых, не касался научной деятельности Розенкампфа, связанной с изучением Кормчей, что особенно интересовало Бенешевича, и, во-вторых, содержал весьма неприглядную характеристику Розенкампфа как с моральной, так и с профессиональной точки зрения. Кстати, в уже упоминавшемся биографическом очерке о Розенкампфе, принадлежащем перу П. Майкова, приводится немало других негативных отзывов современников в адрес Розенкампфа (например, гр. Н. С. Мордвинов: «В комиссии законов председательствует Розенкампф, о котором молва народная гласит, что он есть *sans foi et sans loi* <...> Розенкампф дурак и интриган, а такие люди всегда умудряются вылезать вперед, ибо ему не завидуют, и он льстит сильным мира сего, которые относятся к нему покровительственно, будучи так же невежественными, как и он сам»; В. А. Бильбасов: «Современники свои и чужие равно презирали этого немца Розенкампфа. Бентам и Паррот признавали его презренным человеком»; граф М. А. Корф: «Все, что писал Розенкампф, было беспощадно мараемо Сперанским или переделываемо им совсем заново <...>. Розенкампф обладал острым умом, обширными теоретическими сведениями в юридических науках, но знания его в русском языке были крайне скудны»)¹⁶.

«Эти отзывы, — пишет Павел Майков, — следует принимать с большим и большим ограничением <...> Высказываемое графом Корфом (мнение), что Розенкампф был лицемерный льстец, лгун, мстительный, исполненный коварства и желчной злобности, что он готов был на все, когда дело шло о личных интересах (РС, 1903. апр., с. 31), по нашему мнению, не заслуживает ни малейшего внимания, потому что это только голословная брань»¹⁷.

Как и нам хотелось бы, чтобы прав в этом споре оказался Павел Майков: ведь это касается и того источника, который мы представляем уважаемому читателю. Даже зная о Розенкампфе не очень многое, все же как-то не хочется верить в его цинизм и безнравственность. Кстати, недоброжелательство вообще было распространенным явлением в придворной жизни того времени. Вспомним, каким нападкам и издевательствам подвергался, скажем, Алексей Николаевич Оленин (тот же М. А. Корф выставил его в своих записках «совершенную, полную, отчаянную ничтожностью» и говорил о нем как о «лилипуте и ростом, и высшими административными дарованиями»)¹⁸, да и сам знаменитый впоследствии М. М. Сперанский не избежал этого, также сподобившись отставки, к счастью, неокончательной. Возможно, что и у автора «наших» воспоминаний (Якоба) были свои личные мотивы не любить Розенкампфа. Впрочем, судите сами.

Л. К. Якоб. [Воспоминания]. Гл. 36: Розенкампф *(Перевод с немецкого И. П. Медведева)*

Г-н фон Розенкампф — лифляндский дворянин. После окончания юридического училища (Studio) в Лейпциге он был назначен судьей в земельном суде в Лифляндии, а в начале царствования Александра приглашен в Санкт-Петербург в качестве члена Законодательной комиссии. Он — человек не без знаний, да еще и исключительно деятельный и работоспособный. Тем не менее, его знания малоупорядочены, он никогда основательно не занимался наукой и поэтому неспособен к систематическому труду. В его познаниях нет ни малейшего признака философии; у него нет и понятия об общих принципах законодательства, а если он что-то об этом и знает, то только поверхностно, на уровне фраз, не бу-

дучи в состоянии правильно воспользоваться этим, более того — реализовать это в контексте всей совокупности законодательства. При всем том этот человек обладает высокой степенью тщеславия и самолюбия, полагая, что все может сделать сам. И все же его страсть — это не то же, что, скажем, себялюбие или жажда литературной славы. Ему лишь важно сделать так, чтобы казалось, что все, что делается в Законодательной комиссии, — это дело его рук, вплоть до наведения последнего лоска, и все это для того, чтобы добиться тем самым признания и схлопотать за это награды.

Хорошо ли выполнены такого рода работы, или же, после того как он получит однажды награду, они будут приостановлены, это его заботит мало. Все люди, большие и малые, рассматриваются им лишь в качестве инструментов для себя; все средства для него хороши, если только они служат для достижения его целей. И поскольку его характер всем хорошо известен, то можно было бы подумать, что он мало что сможет добиться. Но это не так. Он умеет достигать почти всех своих целей. Над ним смеются, его ругают, презирают, а делают все, что бы он ни пожелал. Средства, с помощью которых он добивается этих чудес, следующие:

1. Он действительно пригоден для разного рода целей. Подвижный, деятельный, знакомый со всеми лазейками и уловками, он всегда готов служить всякому, кто чего-то ищет и от кого он сам может что-то искать и на что-то надеяться. Поэтому, если ему что-то от кого-либо нужно, он умеет разнюхать о его нуждах, чтобы затем предложить свои услуги для исполнения, а сам, прежде чем оказать свои услуги, за болтовней уже выведывает у другого то, что ему от него надо и почему он, собственно говоря, к нему прильнул;

2. Он в высшей степени безропотен, ползая даже подобно червю или же подобно ничтожеству перед аристократами, как только он сочтет возможным, что они могли бы стать ему в чем-то полезными. Он — величайший льстец, рассчитывающий на то, что большинство людей достаточно глупы, полагая, что у них о нем иные, гораздо большие представления, нежели о них самих, и что видимость высокого уважения им самим приятна. Ведь ему ничего не стоит на словах преуменьшить себя и свои заслуги, а других — возвысить над собой. Когда главой Законодательной комиссии был Новосильцев¹⁹, не было никого бо-

лее ученого, пронизательного, философичного, чем он. Любое высказанное Новосильцевым мнение повергало Розенкампа в изумление. Для него казалось непостижимым, как человек в столь юном возрасте мог приобрести такой объем познаний. Еще никогда и ни у кого не встречалось столь богатых умственных способностей, такой пронизательности, столь подлинного патриотизма. «Куда там Монтескье до Новосильцева!» — часто раздавалось из уст г-на Розенкампа.

Но стоило Новосильцеву упасть, как оказалось, что не было более мелкого и слабого человека, чем именно этот Новосильцев. Он полностью извратил задачи Комиссии и все привел в беспорядок. Теперь гением для г-на Розенкампа стал Сперанский²⁰. «В сравнении с ним, — говорил он, — я лишь жалкий писака». Впрочем, Сперанский не очень-то обращал внимание на такого рода льстивое угодничество, хотя и добивался все же для него повышения по службе и других отличий.

Каким образом человек, который льстит столь грубо, что всякий мгновенно должен был бы заметить его лживость; человек, который всякий раз обещает бесконечно много, не считая себя обязанным держать свое слово; человек, от которого никто не ждет ни малейшего следа нравственности; как такой человек смог, тем не менее, играть столь значительные роли, какими он и в самом деле обладает, — все это может показаться загадочным только тому, кто не знает России. Некоторые рапсодистические способности, изрядная доля дерзости, неустанная настырность, великие претензии на то, что ему все позволено делать и уже сделано, — вот это все, пожалуй, и есть самое безошибочное средство для того, чтобы найти в России свое счастье. Если у кого-то есть умение с помощью угодливости и лести завоевать к себе любовь других, то он наверняка может добиться своей цели. Ибо яду лести присуще то, что люди, которые способны распознать, что имеют дело с ядом, все же редко могут удержаться от того, чтобы с большим удовольствием не отпробовать его сладостей. «Конечно, — думает подвергшийся воздействию лести, — лесть груба и человек явно преувеличивает, но ведь что-то из этого он же должен считать правдивым», и поэтому можно вполне допустить, чтобы тебе нравилась самая бесстыдная лесть, и любить человека, жаждущего льстить, хотя его одновременно и презирают.

И вот теперь, когда Сперанский был отстранен, именно этот господин фон Розенкампф постарался взять бразды правления Комиссией. При Новосильцеве он правил всем. Доклад императору в 1804 г., а также проект, согласно которому должно было быть разработано собрание законов и который в 1804 г. был напечатан и тоже находится в журнале Шторха («Россия при Александре I», 8-й вып.)²¹, — это дело его рук; при нем были осуществлены многие, иногда весьма полезные предварительные работы. Однако сверху проект в целом проводился не очень серьезно. Тогдашний министр юстиции князь Лопухин²² любил старину и ему казалось, что как раз от нового свода законов не приходится ждать чего-то особенного. А также он не обладал ни необходимыми знаниями, ни надлежащей работоспособностью, чтобы постичь важность подобного предприятия или умело руководить им. Правда, был устроен совет, состоящий из нескольких сенаторов под председательством министра юстиции; этот совет должен был контролировать работы референдариев и редакторов. Однако и этот совет высказывал столь же малое рвение к делу, что и сам министр, поскольку члены его не имели понятия о законодательстве. Время от времени они собирались, что-то заслушивали из того, что им предлагал г-н фон Розенкампф, и, зевая, подписывали. Все это делалось ради проформы, поскольку император хотел, чтобы что-то все же делалось. Новосильцев (тогдашний директор Комиссии) был чересчур загружен другими делами, да и вообще не был человеком, который был создан для столь важной работы. Все, что делалось, делалось, стало быть, лишь по собственному почину Розенкампфа, который осаждал совет и Новосильцева своей работой и работой своих помощников, как бы вынуждая их таким образом что-то выслушивать и подписывать. Даже весь тот доклад 1804 г., который произвел за рубежом столь громкую сенсацию и вызвал немало похвал тому прекрасному духу, который проявился в России, был как бы подsunут князю Лопухину Розенкампфом и Новосильцевым, и тот после обычной своей вялой медлительности подписал его, не отдавая даже полностью отчета, с чем он имел дело. Он, поэтому, весьма удивился, увидев доклад напечатанным, а на Розенкампфа с разных сторон посыпались упреки, ибо подлинные русские (*die ächten Russen*) вообще ничего

не хотят знать [о его] публичности. Поэтому весьма ошибается тот, кто хотел бы верить, что высказанный в том докладе дух, — это и есть русский национальный дух; дух нового времени (*des Zeitalters*) в России — это лишь неправомочный (*unbefugte*) голос немца в русской пустыне, который стремился по-своему выразить прекрасный, гуманный дух Александра I.

Начавшись еще в 1806–1809 годах, работы Законодательной комиссии полностью замерли, когда после падения Новосильцева директором Комиссии был назначен Сперанский, и [всем] показалось, что он вдохнет в нее новую жизнь. Но и он не смог для нее ничего сделать. Бесконечное множество дел, которыми он был перегружен во время своей деятельности, помешало ему обратить внимание на то дело, которое требовало особого к себе отношения. Часть I гражданского уложения законов (*Civil-Gesetzbuch*), появившаяся в 1810 г., — это преимущественно его труд. Он, правда, разрабатывался Розенкампом, но при составлении русской редакции Сперанский так его переделал и сократил, что от работы Розенкампа почти ничего в нем не осталось.

Наконец, руководство Законодательной комиссией вместо Сперанского было передано князю Лопухину. Г-н Розенкампф, как и раньше, не преминул выставить себя перед ним в выгодном свете. Во время заседания, собранного по этому поводу, князь объяснил членам Комиссии, что император пока что передал руководство Комиссией ему, но что он не может заниматься мелочами и поэтому все желает доверить своему старому знакомому, г-ну Розенкампу, а посему все поступающие к нему (Лопухину) бумаги должны подписываться Розенкампом, ибо в противном случае они так и останутся лежать. Это объявление ошарашило всех членов Комиссии и обрекло всех на полнейшее бездействие, так как никто из тех, что сами были начальниками отделов, не желал связываться с Розенкампом или действовать в чем-либо через него. Таким образом, все бразды правления получил в свои руки один лишь Розенкампф. Он постарался устранить от всякой работы тех [членов Комиссии], которые занимали главные посты, с тем, чтобы он оказался в состоянии все решать в одиночку. Чтобы придать своей деятельности надлежащую форму, а себе самому — бóльшую значимость, чем у него, согласно его посту, была до этого, он предложил князю создать при Комиссии особый со-

вет (einen besonderen Rath), в который начальники отделов (die Sections-Chefs) должны предъявлять для проверки свои работы. Этот совет был составлен из Розенкамфа и двух других членов Комиссии, один из которых никогда не приходил в Комиссию, а другой был невеждой и лентяем. Стало быть, по существу этот совет состоял из одного Розенкамфа, который, таким образом, возвел себя до некоторой степени в ранг его (совета) председателя (zum Chef). Теперь он стал торопливо доводить до кондиции (zu Stande zu bringen) вторую и третью части Гражданского уложения законов (обе по совершенно иным принципам, нежели первая часть), представил его (в качестве начальника отдела по гражданскому праву = als Chef der civilistischen Abtheilung) для рассмотрения совету Законодательной комиссии, т. е. г-ну Розенкамфу, а после того как тот, как и следовало ожидать, весьма одобрил его (уложение), этот же самый совет (=Розенкамф) постановил представить Проект на рассмотрение Государственному совету (dem Reichsrathe) и делегировать г-на Розенкамфа для доклада с Проектом. На специальном заседании Государственный совет заслушал это Уложение (diese Gesetzbücher) и постановил напечатать его в качестве проекта (sie als Projekt zu drucken).

Когда было завершено Гражданское законодательство (das Civil-Gesetzbuch), приступили к Уголовному законодательству (Criminal-Gesetzbuch). Исходя из специфики дела, теперь должен был бы я, как начальник криминального отдела (als Chef der Criminal Abtheilung), возглавить работу над Уголовным законодательством, чтобы представить его для рассмотрения Совету Комиссии. Однако это не входило в расчеты Розенкамфа. И потому мой, находящийся в Комиссии, проект был представлен совету (т. е. г-ну Розенкамфу) Розенкамфом без моего ведома и решено, что, поскольку этот проект хотя и содержал что-то положительное, но не в той форме, в какой следовало, чтобы быть одобренным (ибо то плохо был переведен, то слишком много в нем оказалось новых, неприемлемых для России, идей), то г-н Розенкамф счел себя обязанным предпринять новую редакцию Уголовного законодательства.

По всем этим пунктам Розенкамф не преминул составить официальные протоколы и дать их в свое оправдание на подпись остальным членам совета, никогда их не читавшим; таким об-

разом, с формальной точки зрения все предстает так, как если бы было обдуманно и решено втроем то, что на самом деле всегда делал один и тот же человек.

Так как Розенкампф не был уверен, что в одиночку справится с той частью, которая содержала уголовное законодательство, то он сначала обратился к русскому члену Комиссии Яценкову (Jazenkow)²³, который, собственно говоря, был определен в качестве моего ассистента и уже раньше разрабатывал проект уголовного законодательства. Когда этот последний передал ему (Розенкампфу) первые главы, тот послал за мной и, наградив комплиментами, заверил меня, что мой проект будет весьма одобрен и что решено сохранить весь его план, за исключением нескольких пунктов, которые не подходят для России и должны быть изменены. Он хотел бы поэтому взять редактирование на себя, а я должен был бы ему помочь, проверяя и исправляя его работу, и т. д. Яценков должен был бы лишь исправлять русский язык. Затем он отдал мне работу Яценкова и попросил меня высказать о ней мое мнение.

Поскольку все понятия в этой работе были неопределенны и частично ошибочны, а также, поскольку в ней не было ни четкости, ни полноты, ни логической ясности, то я снабдил ее моими замечаниями и со всей откровенностью высказал г-ну Розенкампфу мое мнение о ней. Он был так изумлен этим, что решил полностью вывести из игры г-на Яценкова, а меня назначить своим единственным советником и ассистентом. Все это было обговорено с величайшей льстивостью и торжественными заверениями, что он мои заслуги в этой работе представит князю и совету в самом благоприятном свете. Не веря этим заверениям, ничего за это не требуя и ничего не ожидая от г-на Розенкампфа, я, тем не менее, весьма охотно согласился помочь ему, ибо почему же я не должен был содействовать тому, чтобы помочь в придании столь важному труду как можно большего совершенства, если мои возможности позволяли это.

Я предложил г-ну Розенкампфу предпослать сначала некое систематическое обозрение существующих русских уголовных законов. Поскольку у Комиссии находились для этого в наличии уже все материалы, то эту работу можно было бы легко осуществить. Но г-н Розенкампф хотел, чтобы работа была выполнена

как можно быстрее, ибо мы, как он полагал, уже располагали об этом достаточными знаниями и имели под руками все, что было необходимо для сверки.

Между нами существовала договоренность, что план и структура моего, представленного в Комиссию проекта (он в значительной мере был заимствован у [А.] Фейербаха = *der grössentheils der Feurbachsche war*)²⁴ должны были послужить основой и при разработке нового проекта, но в этом новом проекте следовало соблюсти следующее:

1. Чтобы новый проект был короче, чем старый, и в частности, чтобы все слишком тонкие отличия и различия, которые при переводе на русский могли встретить трудности, были упразднены.

2. Чтобы при его редактировании были приняты во внимание мнения и предпочтения русских и чтобы, стало быть, в нем было упразднено все, что им (русским) могло показаться неприличным, даже если это, напротив, было доброкачественным и желательным, — с тем, чтобы провести проект через Государственный совет.

3. Чтобы поэтому и Свод законов (там, где это имело место) был выдержан с использованием выражений уже существующих русских законов, главным образом с оглядкой на Уложение и статьи военного устава (*die Kriegsartikel*).

В соответствии с этими принципами я и предпринял разработку нового проекта. Г-н Розенкампф желал контролировать эту работу, переводить ее на русский с помощью некоторых сведущих в этом деле людей, затем еще раз предложить ее мне для просмотра, — с тем, чтобы она, таким образом, была предложена для апробации собранию Государственного совета как наш коллективный труд.

Между тем, дело стало развиваться не так, как было оговорено сначала. Правда, я и в самом деле стал разрабатывать проект на немецком языке с постоянным обращением внимания на то, чтобы он мог легко превратиться в русский. Однако г-н Розенкампф из тех книг и целой сотни других, которые он собрал у себя, создал собственный труд, так что мое участие в нем оказалось очень незначительным. Часто я видел измененные разделы и русский текст не раньше, чем они были уже представлены Государственному совету. А так как это происходило поглавно,

то и завершения всего труда не приходилось ожидать. Когда я задним числом замечал в нем какие-то недостатки и ошибки, было уже слишком поздно устранить их, ибо все спешно передавалось в печать, чтобы тем самым труд был [побыстрее] завершен. Постепенно я утратил всякую охоту иметь дело с этой работой. Г-н Розенкампф полагал, что он достаточно силен, чтобы, пользуясь моим старым проектом и другими законодательными сводами по уголовному праву, самому представить русский свод уголовного законодательства. И в принципе у него имелось все для того, чтобы быстро выдать его «на-гора́», обеспечив тем самым для себя соответствующее вознаграждение. Ибо именно в этом для него заключалась суть этой работы.

Таким образом, проект достиг того уровня, который позволял ему быть опубликованным по указу Государственного совета и представленным на прочтение публике. Я не принимал уже никакого участия в том, чтобы уменьшить содержащиеся в нем ошибки, которых, без моего участия, могло быть до нескольких сотен. Труд изобилует недостатками, несовершенствами и даже смешными ошибками.

Депутация Государственного совета, которой предстояло рассмотреть проект, состояла из князя Лопухина, тайного советника и сенатора Алексеева, князя Салтыкова и гос. секретаря князя Гагарина²⁵. Эти господа дали Розенкампфу возможность зачитать проект по главам и, зевая при этом, сделали некоторые, случайно пришедшие им на ум, замечания, что-то переделав; вычеркнули те положения, которые им или не понравились, или не были ими правильно поняты. Поскольку Розенкампф абсолютно не обладал способностью обосновать положения проекта, разъяснить причины того, что некоторые положения должны были бы непременно остаться, и вообще оправдать проект, то безропотно было выполнено все то, что потребовали господа сенаторы, и труд с так называемыми поправками Государственного совета был напечатан.

Что должно получиться из систематически изложенного труда, если лица, никогда не изучавшие уголовное законодательство или вообще философию права, как раз это фрагментарно проверяют и (в соответствии со своими случайными соображениями) вычеркивают, переделывают или добавляют, каждый может лег-

ко себе представить. Некоторые главы остались вполне доброкачественными; многие — ниже всякой критики. В частности, эти господа не имели никакого представления об общем разделе. Они поэтому часто оставляют дефиниции и подразделы, но вычеркивают предложения, ради которых те как раз и наличествовали. С точки зрения логики труд превратился в настоящий хаос. Между тем, труд появился. Отчет о нем был представлен императору, а г-н Розенкампф получил за это большой крест ордена Анны.

Тот проект, что был спроектирован мной, я предложу (в свое оправдание) публике для сравнения с розенкампфовским, одобренным Гос. советом²⁶.

Когда император вернулся в 1813 г. в Санкт-Петербург, проекты Комиссии были представлены ему, и он повелел, чтобы они были представлены для проверки общему собранию Государственного совета, в то время как сам он вскоре снова отправился к армии.

Проект Гражданского свода законов был сперва предложен в виде доклада. Уже при первых главах в Государственном совете разразились острые дебаты и жаркие споры. Новый министр юстиции Трощинский²⁷ представил записку (ein Memoire), которая в печатном виде была роздана всем императорским советникам. В ней, с одной стороны, в общем плане критикуется Законодательная комиссия (ей делаются упреки, что она не выполнила надлежащим образом наказ императора); с другой — в частности, порицается представленный проект; утверждается, что он содержит иностранные, а отнюдь не русские законы, и что внесенные в него законы не подходят для России. Г-н Трощинский стремился показать, что должна была бы сделать Комиссия, чтобы осуществить доброкачественный русский свод законов.

Выговор в адрес представленного проекта в своей большей части был обоснованным; упреки в адрес Комиссии — почти все безосновательны, ибо те предварительные работы, что Трощинский требовал от Комиссии, почти все были на самом деле выполнены, но ему неизвестны. Предписанный же министром план разработки свода законов частично содержал весьма тривиальные и общеизвестные вещи, а частично он именно вследствие этого показал, как мало у него самого было понимания в сфере законодательства.

Князь Александр Салтыков, который полагал, что как член особой проверочной комиссии (Prüfungscommission) он обязан заниматься проектом, представил свою альтернативную записку (Gegenschrift), в которой были высмеяны слабости сочинения Трощинского, и дело приняло такой оборот, что исследование фактически выразилось в своего рода полемическую войну и личные оскорбления (in eine Art Federkrieg und persönliche Anzüglichkeiten).

Между тем, сообразительность (Klugheit) Розенкампа очень быстро предотвратила бурю, которая могла возникнуть из этого спора о его проектах для его собственной персоны. Как только он заметил, что его проекты встречают сопротивление и трудное прохождение, он стал стремиться к тому, чтобы придать делу другой оборот, а именно: он стал утверждать, что его мнение — это было не что иное, как мнение министра, т. е. то, что тот требовал в своей записке (а именно — систематическое сопоставление русских законов); что оно уже давным-давно им разработано и он мог бы хоть завтра привезти эту работу министру на двух-трех наполненных рукописями повозках. Так что требуемая министром работа уже, мол, готова и нуждается лишь в просмотре. А если в новый проект закрались некоторые чужие законы, то он, мол, в этом не виноват, ибо за то, что содержится в первой части, несет ответственность не он, а Сперанский. Он же всегда придерживался мнения, что существующие русские законы заключали в себе величайшую мудрость и что в них, мол, содержится все то здоровое, в чем нуждается Россия. С этой мыслью он всегда и трудился, и если бы не пожалели сил на проверку последующих частей его проекта, то обнаружили бы, что они содержали чисто русское законодательство. Однако он, мол, осознает, что приговор можно было бы в значительной мере смягчить, если бы статус действующих русских законов был заранее передан в чьи-то руки. Он поэтому предлагает дальнейшую проверку проекта на какое-то время отложить и уполномочить его прежде всего представить систематическое изложение действительно существующих русских законов, с тем, чтобы всякий был в состоянии судить, соответствуют ли и в какой мере изданные проекты действующим русским законам, или не соответствуют. Государственный совет охотно принял это предложение, кото-

рое первым делом означало конец всяким спорам, и перевернул разработку князю Лопухину.

Двое молодых людей в Комиссии, а именно: русский Вельяминов-Зернов и поляк Горегляд (Horeglad), уже раньше немало времени потратили на такого рода работу. Первый из них уже издавал на русском языке один очерк русского частного права²⁸. Второй же, который работал у меня и под моим руководством, занимался сопоставлением русских законов уголовного права, носился с мыслью о том, чтобы издать труд по русскому уголовному праву, первая часть которого теперь действительно появилась²⁹. Г-н Розенкампф, который очень торопился, чтобы самому выполнить поручение Государственного совета, счел возможным использовать обоих, главным образом, в своих целях.

Розенкампф разработал следующий план:

1) Нужно было отразить дух (*der Geist*) русских законов в кратких параграфах в соответствии с планом уже опубликованных проектов, причем с подстрочным цитированием кодексов законов и указов, в которых этот дух обозначен.

2) Следовало напечатать *in extenso* в приложениях те слова законов, которые содержали (в себе) доказательство правильности этого текста.

Немедленно были задействованы все подчиненные Комиссии работники, и уже через несколько месяцев появилась в печатном виде первая часть труда, которая означала начало Гражданского кодекса. Несомненно, что это будет весьма полезный труд, если он будет разработан и осуществлен надлежащим образом. Тем не менее, приходится сомневаться, будет ли достигнута та степень совершенства, которую можно было бы ему легко обеспечить, если бы были использованы надлежащим образом все имеющиеся средства. Г-н фон Розенкампф — это, конечно, весьма деятельный и не лишенный ловкости человек, но сам он не обладает ни настойчивостью (*Beharrlichkeit*), ни необходимыми познаниями, которые требуются для того, чтобы осуществить точное собрание русских законов, а также разыскать и тщательно определить их смысл. Ему приходится, стало быть, полностью полагаться на своих русских работников; они же не обладают доброй волей делать за него совершенную работу. Они ведь знают, что он склонен приписывать себе самому оказывае-

мую за это честь. Они поэтому идут на уступки его фантазиям (Einfällen) и делают, что он хочет, но придерживают критику про себя, с тем чтобы при случае иметь возможность сказать, что они сделали бы дело гораздо лучше, если бы его доверили только им или главным образом им.

За все время после ухода (со службы) Сперанского и вплоть до сегодняшнего дня (февраль 1816) никто из заведующих (Chefs) отделами не проработал в Комиссии, кроме г-на Розенкампа. Всех наших ассистентов и писцов Розенкампф перетащил к себе, и мы находили наши экспедиции закрытыми в здании Комиссии, оставаясь, таким образом, все без работы. И в состоянии этой официальной бездеятельности я жил вплоть до сегодняшнего дня (февраль 1816).

В декабре 1815 г. и в последующие месяцы император стал осуществлять очень крупные реформы и сокращения в органах власти. И вот однажды пронесся слух, что и нашей Комиссии предстоит подвергнуться крупному сокращению. По секрету Розенкампф сказал мне, что будут вычеркнуты 50 сотрудников, но что я буду в числе оставшихся; что князь³⁰ хочет со мной поговорить, с тем, чтобы сообщить мне об этом.

В январе я подвергся приступу острой астмы, которая дважды чуть не задушила меня, заставив пережить ужас мою семью. Поэтому я смог последовать приглашению князя лишь 12 февраля. Он принял меня в высшей степени дружелюбно, рассказав мне, что Комиссия получит новое обустройство (Einrichtung) и что он при этом особенно рассчитывает на мою деятельность. Что за этим последует, я жду по сей день (22 февраля).

---

¹ О деятельности Г. А. Розенкампа как ученого см.: *Щапов Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978 (см. Указатель имен); *Медведев И. П.* Петербургское византиноведение: Страницы истории. СПб., 2006. С. 17–18.

² *Майков П.* Розенкампф Густав Андреевич, барон // *Русский биографический словарь.* СПб., 1913. Т. 16. С. 366.

³ *Российское законодательство X–XX веков.* Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М., 1988. С. 17 (Г. А. Р. — «Главный исполнитель» работ десятой Комиссии по составлению законов); *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и

- гражданском отношении. М., 1991 (см. комментарий Ю. С. Пивова-рова на с. 124, примеч. 142); и т. д.
- ⁴ По всем этим вопросам существует трудно обозримая литература. Сошлемся здесь лишь на некоторые работы: *Сафонов М.М.* Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. СПб., 1988; *Андреева Т. В.*, Александр I и М. М. Сперанский: ещё раз о «Плане всеобщего государственного образования» 1809 года // *Английская на бережная*, 4: Ежедневник СПб., 2001. С. 41–74; *Власть и реформы: От самодержавной к советской России*. М., 2006. С. 183–210; *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элиты в первой четверти XIX в. Челябинск, 2006; *Он же.* Понятие «закон» в политическом лексиконе европеизированного российского дворянства первой четверти XIX века // *Вестник Челябинского государственного университета: История*. 2007. Вып. 11. С. 15–25.
  - ⁵ *Майков П.* Барон Густав Андреевич Розенкампф // *Русская старина*. 1904. Т. 120 (октябрь). С. 140–185; (ноябрь). С. 371–429.
  - ⁶ Там же. С. 151.
  - ⁷ Метафора тела как образ государства (политического тела как искусственного тела) имеет глубочайшие корни в мировой «политологии», особенно проявившись у Аристотеля, у Иоанна Салисберийского, Николая Кузанского, Макиавелли, Гоббса, Руссо и др.
  - ⁸ *Майков П.* Барон Густав Андреевич Розенкампф. С. 168–173.
  - ⁹ Российское законодательство. С. 18.
  - ¹⁰ *Майков П.* 1) Розенкампф Густав Андреевич, барон. С. 369; 2) Барон Густав Андреевич Розенкампф. С. 428.
  - ¹¹ *Якоб Людвиг Кондратьевич* // *Русский биографический словарь*. СПб., 1913. Т. 14. С. 63–64 (с указанием другой литературы).
  - ¹² Ничего нельзя узнать о них и в Интернете, в том числе в био-библиографической статье о Людвиге Кондратьевиче Якобе, размещенной в так называемой «Свободной энциклопедии Википедии» (<http://ru.wikipedia>).
  - ¹³ ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 1. Д. 103 (16 л.).
  - ¹⁴ Несколько его работ указаны в кн.: *Буланин Д. М.* Переводы и послания Максима Грека. Л., 1984 (см. Указатель имен: Klostermann R. A.).
  - ¹⁵ ПФА РАН. Ф. 192. Оп. 2. Д. 86. Л. 1 (указан адрес и имя отправителя: Abs. Dr. R. A. Klostermann. Halle/ Saale Jägerplatz 15. Помета красным карандашом: «Получ. 11/XII 33» и синим: «Отвеч. 19/XII 33»).
  - ¹⁶ *Майков П.* Барон Густав Андреевич Розенкампф. С. 140–141.
  - ¹⁷ Там же. С. 141–142.
  - ¹⁸ *Файбисович В.* Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб., 2006. С. 383 (см. также С. 99, 125, 126).

- ¹⁹ Новосильцев Николай Николаевич (1761–1836), граф, член «негласного комитета», товарищ министра юстиции, член комиссии законов; с 1831 г. — председатель Государственного совета.
- ²⁰ Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839), граф. В 1803–07 гг. директор департамента Министерства внутренних дел, с 1808 г. — член Комиссии составления законов, товарищ министра юстиции, с 1810 г. — гос. секретарь, в 1812 г. сослан в Нижний Новгород, в 1821 г. возвращен в Петербург и назначен членом Государственного совета.
- ²¹ Имеются в виду, повидимому; «*Annalen dez Alexandrinischen Gesetzgebung*», среди подписантов которого, наряду с кн. Лопухиным и Н. Новосильцевым, значится «*Kollegienrath und Ritter Rosenkamp als Referendar der ersten Expedition und Sekrätair des Direktoriums*». См: *Russland unter Alexander dem Ersten/ Hrsg. von Heinrich Storch. St. Peterburg und Leipzig, 1804. Achte Lieferung. Dritter Hand. S. 202–270.*
- ²² Лопухин Петр Васильевич (1753–1827), князь. В 1798–1799 гг. генеральный прокурор Сената, в 1803–1810 гг. министр юстиции, в 1810–1816 — председатель ряда департаментов Государственного совета, а в 1816–1827 гг. — председатель Государственного совета.
- ²³ По-видимому, имеется в виду Григорий Максимович Яценков, позднее редактор журнала «Дух журналов».
- ²⁴ Имеется в виду *Anselme Feuerbach* (1775–1833), баварский юрист-криминалист, представитель классической школы уголовного права, выдвинувший ряд прогрессивных принципов: равенство всех перед законом, вменяемость как основание уголовной ответственности и др. Отец знаменитого философа Людвиг Фейербаха.
- ²⁵ По-видимому, имеются в виду: Алексеев Иван Алексеевич (ум. в 1816 г.), член Государственного совета; Салтыков Александр Николаевич (ум. в 1837 г.), член Государственного совета; князь Гагарин Гавриил Петрович (1745–1807), князь, член Непременного совета.
- ²⁶ Подстрочное, позднее добавленное автором примечание: «Появился в 1818 г. у *Nemmerde und Schwelschke*» (в библиографии «Википедии» отсутствует).
- ²⁷ Трошинский Дмитрий Прокофьевич (1749–1829), министр юстиции с 1814 по 1817 гг.
- ²⁸ Вельяминов-Зернов Владимир Федорович (ум. 1831), с 1804 г. — редактор в Комиссии составления законов. Якоб имеет в виду его труд «Опыт начертания российского частного гражданского права» (СПб., 2-е изд., 1821–1823; дата первого издания нам неизвестна).
- ²⁹ Горегляд (Horeglad), поляк, юрист, тоже работал в Комиссии.
- ³⁰ То есть князь П. В. Лопухин (см. о нем примеч. 21).

С. В. Удалов

С. П. Шевырев и пропаганда официальной идеологии в николаевской России (1830-е – 1840-е гг.)

Степан Петрович Шевырев, известный русский ученый, поэт, литературный критик и публицист, к сожалению, не так часто становится объектом внимания исследователей, что, однако, не совсем справедливо. Основной период его активной творческой деятельности пришелся на период царствования Николая I, и, как и многие его современники, обладая огромным творческим потенциалом, Шевырев успел проявить себя во многих областях. Тем не менее, до сих пор об этом человеке написано крайне мало. В отличие от его близкого друга и соратника М. П. Погодина, биографии которого посвящена не одна монография¹, Шевыреву посвящено лишь несколько сжатых очерков в различных биографических словарях. Взгляды Шевырева, а также его деятельность не остались, конечно, совсем без внимания в исторической литературе, но, как правило, его имя упоминается лишь в контексте исследования других проблем². Исключением являются лишь немногие работы, посвященные его научной деятельности в области истории и теории российской и зарубежной словесности³. Критика этой сферы его деятельности со стороны некоторых современников и последующих по-

колений исследователей основана во многом на политической тенденциозности его работ. Несмотря на это, заслуги Шевырева в данной области неоспоримы. Как отмечают исследователи, благодаря его лекционному курсу по истории русской словесности, где Шевырев акцентировал внимание, главным образом, на изучении древнерусской литературы, позднее сформировалась новая область гуманитарного знания⁴.

В 1999 г. была опубликована небольшая, но содержательная по объему, монография Ф. А. Петрова «С. П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете», посвященная его научно-педагогической деятельности. На сегодняшний день это, наверное, единственное биографическое исследование, где Шевырев представляется действительно самостоятельной личностью, имеющей свои оригинальные мысли, касающиеся тех или иных проблем, находившихся в центре внимания образованных людей той эпохи. До этого он показывался чаще как сподвижник Погодина, с которым они вместе издавали журнал «Москвитянин», а также противостояли напору молодых и прогрессивных преподавателей в Московском университете.

Безусловно, такой подход отчасти оправдан. Характерной в данном случае является статья американского историка Н. Рязановского, посвященная взглядам этих общественных деятелей⁵. Связано это, прежде всего, с тем, что Погодин и Шевырев занимали в то время схожие во многом общественно-политические позиции. В лекциях и публицистических выступлениях они отстаивали взгляды, определяемые в советской историографии как реакционные. По сути, Шевырев, взгляды которого можно отнести к консервативному направлению общественной мысли той эпохи, также являлся одним из сторонников знаменитой уваровской триады («православие, самодержавие, народность»), положенной в основу государственной идеологии николаевского царствования. Именно на этот аспект деятельности Шевырева я бы хотел обратить особое внимание в данной статье.

О самой идеологической доктрине министра народного просвещения графа С. С. Уварова написано в последнее время много⁶. Поэтому здесь я не вижу смысла подробно останавливаться на этой проблеме. Замечу лишь, что более полное и объективное представление о значении уваровской идеологической

программы для дальнейшего развития культуры, общественной мысли и в целом Российского государства невозможно без всестороннего изучения вопросов, касающихся ее реализации на практике, пропаганды идеологии, в том числе в области науки и образовательной сфере. Нельзя сказать, что наука и преподаваемые в учебных заведениях научные дисциплины были в это время полностью идеологизированы, но попытка создать теоретическую основу преподаваемым предметам, соответствующую позиции, занимаемой властью, явно предпринималась. И в данном случае далеко не последнюю роль должны были играть сами преподаватели и ученые.

Выдвигая себя в качестве интеллектуального руководителя страны⁷, власть естественно нуждалась в способных и осознающих важность поставленной перед ними задачи посредниках, т. е. преподавателях. В циркулярном предложении попечителям учебных округов Уваров явственно выразился по поводу главного назначения преподавателей, которые должны были проникнуться «чувством преданности трону и отечеству и употребить все силы, дабы сделаться *достойным орудием правительства* (курсив мой. — С. У.)»⁸. Как верно отметил О. А. Иванов, это не было приглашением к сотрудничеству, а являлось прямой директивной установкой на «подчинение своих идей “видам правительства”, пропаганду угодных ему (правительству. — С. У.) теорий»⁹. Преподаватели, таким образом, лишались определенной самостоятельности в своей деятельности и рассматривались властью не как носители знаний, а, прежде всего, как трансляторы правительственного мнения. Конечно, абсолютизировать это утверждение нельзя, как нельзя и отрицать стремление Уварова повысить профессиональную подготовку преподавательского состава и, тем самым, уровень самого преподавания. К тому же многие преподаватели, особенно в университетах, помимо своей педагогической деятельности часто занимались и чисто научными изысканиями. И здесь заслуги Уварова, во многом своей деятельностью способствовавшего росту научного потенциала в стране, очевидны¹⁰.

Тем не менее, правительственные установки значительно ограничивали возможности научной деятельности в рамках государственной идеологической доктрины. Вполне естественно, что сказывалось это главным образом на деятельности гуманита-

риев. Очень лаконично такую двойственность охарактеризовал М. А. Полиевктов: «Условия свободной научной деятельности в николаевское царствование были, как известно, не из легких, и, тем не менее, это царствование должно почтяться одним из самых богатых научными и просветительскими начинаниями. Все эти начинания и все эти заботы подчинялись, однако, одной основной мысли — заставить науку и образование служить государству и правительству, чему в николаевское царствование, в принципе, должно было служить все»¹¹.

На собрании по случаю выпуска воспитанников Главного педагогического института, в декабре 1835 г., наставляя будущих преподавателей, А. Плетнев говорил, что «важнейшие обязанности наставников изучаются не в общей теории Педагогике, но в потребностях Государства и современности»¹².

Гуманитарные науки, как бы предвзято ни относился к ним Николай I¹³, в сложившихся обстоятельствах играли главную роль в нравственном и политическом воспитании юношества, а также в дальнейшем развитии и распространении основных начал, заложенных в идеологической доктрине.

Часто посещая университеты, Уваров любил лично выступать перед студентами, призывая их прилежнее заниматься русским языком и историей, так как «то и другое составляет народность в высшем значении слова. Полузнание хуже невежества. Те, которые все думают знать, ничего не знают и не находят себе места в обществе; космополит есть эгоист»¹⁴. Наконец, в официальном письме министра просвещения попечителю Московского учебного округа С. Г. Строганову от 27 мая 1847 г. отмечалось, что рекомендации, изложенные в нем, касаются главным образом преподавателей, занимающихся русским языком и словесностью, а также русской историей. Именно эти дисциплины, по мнению Уварова, являются наиболее приоритетными, возбуждая отечественный дух, основанный на русских началах. Преподавателям поручалось «в пределах науки, без всякой примеси современных идей политических», следуя при этом «видам правительства», учить русское юношество «и впредь по-русски мыслить и чувствовать». «Только этим способом, — писал Уваров, — будущие члены общества составят одну великую семью с одинаковыми мыслями, с одинакою волею, с одинаким чувством»¹⁵.

Министерство народного просвещения и Академия наук, президентом которой также являлся С. С. Уваров, активно содействовали дальнейшей организации отечественной истории (а также и истории российской словесности) как науки. Образованная 24 декабря 1834 г. Археографическая комиссия, в деятельности которой принимали участие многие профессора, проделала колоссальную работу по сбору и систематизации многочисленных источников, относящихся к древней истории России. Уставом 1835 г. впервые в университетах учреждались самостоятельные кафедры русской истории, российской словесности и истории российской литературы. Не акцентируя внимание на правительственной идеологической программе этого периода, необходимо признать, что деятельность Министерства народного просвещения в этом направлении имела огромное значение для дальнейшего развития отечественной науки. Однако, как верно заметил Ф. А. Петров, в политике Министерства просвещения наблюдалась определенная «целенаправленность руководства <...> в подборе состава кафедр российской истории и российской словесности людьми, которые наиболее соответствовали взглядам С. С. Уварова»¹⁶. Свою роль в развитии и распространении идей, заложенных в доктрине Уварова, сыграли и преподаватели истории и теории русской словесности, которые на фоне изучения истории русских литературных традиций также смогли представить свою интерпретацию исторического развития России в целом.

Профессор русской словесности в Санкт-Петербургском университете П. А. Плетнев¹⁷, по воспоминаниям педагога Ф. Н. Фортунатова, слушавшего его лекции в начале 1830-х гг., определял историю литературы как «исследование, до какой степени совершенства достиг какой-либо известный народ в разных умственных направлениях, пользуясь всеми способами, которые доставили ему обстоятельства»¹⁸. В связи с этим он выделял четыре главных фактора, способных влиять на умственную жизнь того или иного народа. В качестве первого фактора он указывал на климатические и природные условия существования народа, сформировавшийся под их влиянием образ жизни, преобладающие народные промыслы и др. Второй шла религиозная принадлежность общества. Огромную роль также, по его мнению,

играли политические условия: международные отношения и внутренние правительственные распоряжения, и, наконец, в качестве четвертого фактора, влияющего на развитие литературы, Плетнев выделял национальный язык¹⁹. В статье «О народности в литературе», опубликованной в первом номере Журнала министерства просвещения за 1834 г., Плетнев высоко оценил значение выдвинутой новым министром просвещения триады. В то же время, главное место в ней он отводил именно народности²⁰, которая, по его мнению, представляет собой особенные, индивидуальные черты, характеризующие идею каждого народа²¹.

Активно участвовал в пропаганде доктрины Уварова С. П. Шевырев, также способствовавший ее дальнейшему развитию. Этому вопросу Шевырев, как и Погодин, уделял большое внимание в своих лекциях и публикациях. Оценивая взгляды Шевырева с современной точки зрения, мы можем говорить о том, что он являлся одним из сторонников официальной идеологической доктрины. Во второй четверти XIX в., безусловно, такого понятия не существовало. Поэтому убеждения, которые он проводил в своих лекциях, оценивались слушателями как славянофильские, но более консервативного направления²².

Чаще всего при оценке взглядов С. П. Шевырева исследователи акцентируют внимание на статье «Взгляд русского на современное образование Европы», опубликованной им в первом номере журнала «Москвитянин». В этой работе Шевырев, подобно Погодину, сравнивал спокойную, гармонично развивающуюся Россию с взбудораженным Западом: «Конечно, нет страны в Европе, которая могла бы гордиться такою гармониею своего бытия как наше Отечество. На Западе почти всюду раздор начал признан законом жизни, и в тяжкой борьбе совершается все существование народов. У нас только царь и народ составляют одно неразрывное целое, не терпящее никакой между ними преграды»²³.

Однако, наряду с этим, у Шевырева шла жесткая критика духовного состояния Европы. Претерпев две страшные болезни (Реформацию в Германии и революцию во Франции), она так и не оправилась от них. Европейское просвещение зашло в тупик, и России, чтобы избежать той же участи, необходимо избрать себе иной путь. Западноевропейская культура представлена, довольно эмоционально, одряхлевшей и изъеденной болезнями.

Эту статью, при всей возможной предвзятости ее содержания, нельзя рассматривать только как попытку на фоне недостатков западноевропейской цивилизации показать величие и превосходство русской культуры. Вероятнее всего, Шевырев, делая столь жесткие выпады против западной цивилизации, стремился лишь один раз подчеркнуть невозможность полной интеграции русского общества в европейскую культуру, на развитие которой влияло множество факторов, неприемлемых для российской самобытной цивилизации. Шевырев отнюдь не отрицал какого-либо положительного влияния западноевропейской культуры, как это могло показаться по прочтении указанной выше статьи. В работах Шевырева речь шла больше об избирательном подходе в процессе усвоения и использования достижений западной цивилизации, в том числе и в области научного познания. Об этом он писал и в 30-х гг. в работах, посвященных истории и теории поэзии. По его мнению, любая наука, развитие которой должно приносить благо государству, должна в полной мере соответствовать народным свойствам и потребностям общества. Такое, в свою очередь, возможно лишь при «сравнительном изучении ее развития у всех предшествовавших нам народов»²⁴.

На самом деле взгляды Шевырева, формирующиеся в контексте актуальной в то время проблемы «Россия — Запад», не были столь односторонними. При этом необходимо помнить, что сам Шевырев был прекрасно знаком с европейской культурой, во многих моментах восхищался ею (в особенности его привлекало искусство Италии). Почти три с половиной года он провел за границей, уехав туда в 1829 г. в качестве воспитателя сына княгини З. Волконской²⁵. В тот период Шевырев активно вел дневник, в котором делился своими непосредственными впечатлениями от Западной Европы. Этот дневник тем интересней, что в нем наиболее ярко отражены взгляды автора, направленные на сравнительный анализ многих характеризующих черт Запада и России, объединенные впоследствии в общую концепцию.

Россия, по мнению Шевырева, является своеобразным слиянием Востока и Запада: «Природный характер наш получили мы от Востока; образование от Запада». Именно с этой точки зрения, как он считал, необходимо смотреть и на все явления, происходящие в ней²⁶. Рассматривая этот вопрос на фоне раз-

вития русской литературы, Шевырев отмечал огромное влияние, какое оказывала на нее западная культура. Не отрицая неизбежности («Запад для голодных сытнее»), а также определенной необходимости («надо взять с собою Русский металл и ковать его по Европейски») этого процесса, Шевырев все же считал наиболее актуальным в данный момент для русских ученых и писателей обращение к восточной культуре, как одному из главных источников формирования русского национального характера и языка. «Если кто теперь из Русских ученых, — писал он в дневнике, — захочет стать наравне с Европейскими и заставить перевести себя — должен непременно заниматься восточными языками: другого нет пути, ибо все западные заставлены людьми великими, сквозь которые не пролезешь». Русская европеизированная культура в контексте развития общеевропейской культуры должна, таким образом, служить проводником от Азии к Европе²⁷.

Подобные идеи вполне совпадали с политикой, какую в 30–40-х гг. XIX в. проводил Уваров, направленную на укрепление классического образования и распространение в качестве отдельных дисциплин изучение восточных языков.

Уже в 1840-х гг., читая лекции по истории русской словесности в Московском университете, Шевырев более точно выразил свои взгляды на вопрос о национальной самобытности. Определив народность как «совокупность всех духовных и физических сил, данных от Провидения какому-нибудь народу для того, чтобы он совершил на земле свое человеческое значение», он выступил за неприкосновенность присущих только конкретной нации определенных индивидуальных черт. Любой народ, по его мнению, может перенимать у другого народа только общечеловеческие ценности, не способные нарушить процесс его самостоятельного духовного развития.

Историю русской словесности, как и историю России в целом, Шевырев делил на два наиболее значимых периода, устанавливая между ними, по сути, разделившие их петровские преобразования начала XVIII в. Рассуждая о допетровском периоде отечественной истории, Шевырев при характеристике русского народа уделял огромное внимание роли, какую сыграли православная вера и церковь в его духовном развитии и оформлении национальных черт. Отмечая, что в тот период жизнь России была сосредото-

на в самой себе, и русский народ был почти полностью погружен духом в жизнь веры, Шевырев заключал, что вера и церковь подчинили себе «всякое духовное развитие человека»²⁸.

В общей концепции Шевырева идея православия играла очень важную роль, порой заслоняя второй элемент уваровской триады — самодержавие. Как отмечают некоторые исследователи, православие, согласно Шевыреву, определяло всемирное, всечеловеческое предназначение русского народа. Действительно, по воспоминаниям некоторых его слушателей, Шевырев, который в своих лекциях часто любил обращать внимание студентов именно на вопросы, касающиеся развития русской народности, говорил, что «краеугольным камнем русской истории, литературы и народного нашего характера — была православная наша вера, забытая растленным западом ради земных выгод и расчетов. Она-то дает такую полноту русской народности»²⁹. В то же время, идее самодержавия в интерпретации Шевырева отводилось место хотя и важное, но менее значимое³⁰.

Разделяя историю России на два наиболее существенных для ее развития периода, Шевырев давал характеристику обоим периодам, главным образом, в контексте культурного развития русского народа и его приобщенности к достижениям науки и просвещения в целом. Если в допетровский период ведущую роль в этом процессе играла церковь, то после преобразований Петра ее место занимает правительство. Петр I прорубил в Европу широкие врата, позволив тем самым России вступить «в решительное общение с европейскими народами»³¹. В отличие от славянофилов Шевырев, как и Погодин, не склонен был подвергать жесткой критике преобразования Петра I, повлекшие за собой сближение России с западноевропейской культурой. Для него процессы, происходившие в начале XVIII в. являются вполне закономерным этапом в развитии государства и общества. Именно в XVIII в. создались, по его мнению, благоприятные условия для сближения двух культур, «когда высокая терпимость мысли, которая, сделав науку доступною для всех верований, избавила приступающих к ней от необходимости отречься от коренного основания своей жизни»³². Единственный упрек, который сделал Шевырев в сторону великого преобразователя — это обвинение в его непредусмотрительности. «Стран-

но, — отмечал он в 1830 г., — как Петр Великий, предвидя будущую революцию, французскую, предсказавши ее, не подумал о шлюзах, когда прорывал каналы из Европы в Россию»³³.

В то же время петровские преобразования у Шевырева становятся, как у Погодина и Уварова, одним из главных аргументов в пользу концепции о правительстве как единственном интеллектуальном руководителе русского общества, вносящем в его культурные традиции именно те прогрессивные элементы, которые в большей степени способствуют национальному развитию и укреплению силы России как самостоятельного, развивающегося по своим, исторически обусловленным, законам государства. «В России, — по его мнению, — должно делать заговоры не с народом против царя, а с царем против народа, ибо в народе главное препятствие к образованию, а в царях всегда есть желание оно по толчку, данному Петром Великим, несмотря на немногие уклонения»³⁴.

Движение в сторону западной цивилизации, по мнению Шевырева, повлекло за собой необходимость других, более важных, преобразований. Если в допетровской Руси народное образование и воспитание находилось под контролем церкви и было замкнуто само в себе, «затворяясь в своей исключительной народности», то после Петра I, когда эта замкнутость была разорвана и русскому обществу стали доступны многие достижения западноевропейской образованности, особое значение приобретает сохранение, при этом, национальной самобытности, как в области просвещения, так и в дальнейшем развитии России, как государственного образования. Именно эту функцию берет на себя государственная власть.

Рассуждая о соотношении семейного воспитания с государственным в 1842 г., Шевырев определял двоякость значения процесса европеизации России. Влияние культурных традиций различных европейских государств нарушило, по его мнению, единство русской жизни, что повлекло за собой «разногласие мнений, каким отличается наше общество». Отмечая положительные стороны этого процесса, Шевырев пишет, что это разномыслие и разноязычие, образовавшееся в России, может способствовать образованию, со временем, в русском народе великой, всемирной разносторонности характера. Однако «такое

смещение угрожает нам, особенно в частных лицах и целых поколениях, потерю нашей народности — необходимого сосуда для возвращения в себе духа человеческого»³⁵. Исходя из этого, главное значение государственного вмешательства в образовательный и воспитательный процесс Шевырев видит в единении всех разномыслящих элементов и определении общего курса дальнейшего развития русского просвещения.

Таким образом, акцентируя свое внимание на движущей силе высшей власти в общественном и государственном развитии и определяя правительство в качестве единственного гаранта сохранения национальных, самобытных черт в этом процессе, Шевырев развивал свои идеи вполне в рамках государственной идеологии. Николаевское царствование, как и Погодин, он определял как третий период в истории России, когда общее направление правительственного курса в области просвещения наиболее ярко продемонстрировало указанные выше положения. Этот период, по мнению Шевырева, «должен быть самым полным, вместить в себе древнее и новое и именоваться Европейски-Русским»³⁶.

Если философия как изначально, в глазах правительства, опасная и вредная наука, пытаясь в своем развитии в рамках государственной образовательной системы реабилитировать себя, вынуждена была играть подчиненную роль в отношении к официальной идеологии³⁷, то история России (к ней можно также присоединить и историю русской словесности) занимала более самостоятельную позицию. Самостоятельность этого направления гуманитарного знания заключалась главным образом в том, что именно история, в лице таких ученых и преподавателей как М. П. Погодин, Н. Г. Устрялов, С. П. Шевырев, создавала теоретическую базу формирующейся идеологии, с исторической точки зрения обосновывая ее основные положения. При этом необходимо учитывать, что основные идеи, которые они проводили в своих лекциях и научных публикациях, оформились в их взглядах также, в большей степени, самостоятельно, когда сама идеологическая доктрина находилась еще на первом этапе своего формирования. И здесь можно согласиться с А. А. Левандовским, который в отношении указанных ученых утверждал, что уваровская триада «вполне соответствовала их собственным взглядам»³⁸. Поэтому Шевырева и его ближайших друзей

и сподвижников можно определить не как исполнителей воли правительства в лице Николая I и Уварова, а прежде всего как сторонников занимаемой ими позиции. Более того, как было указано выше, эти ученые своими работами во многом содействовали дальнейшему развитию самой идеологии и Шевырев в этом ряду занимал далеко не последнее место. Благодаря своим статьям, а также публичным выступлениям в 1840-х гг., он принял непосредственное участие в популяризации так называемой теории «официальной народности».

Однако нужно признать, что воздействие, какое они оказывали на своих слушателей в университетах, не было однозначным. Конечно, многие студенты попадали под их влияние и впоследствии оставили воспоминания, в которых высоко оценивали своих наставников. Так, положительно отзывался о лекциях Шевырева писатель И. А. Гончаров³⁹. П. Д. Шестаков, который также в 1840-х гг. являлся студентом Московского университета и слушал лекции Шевырева, позже вспоминал о нем как об одном из любимых своих преподавателей. По словам Шестакова уважение к нему со стороны студентов доходило до того, что они «сильно негодовали на даровитого Белинского за его резкие нападки и выходки против нашего профессора»⁴⁰. Тем не менее, несмотря на подобные высказывания в адрес Шевырева, можно сказать, что ему, как в частности и Погодину, не удалось охватить умы студенческой молодежи своим влиянием. Данное обстоятельство объясняется не только личными качествами преподавателей, порой отталкивающими от себя молодежь. Хотя и этот фактор имел значение. Симпатии студенчества в этот период были на стороне более прогрессивных, на их взгляд, ученых, среди которых заметно выделялся Т. Н. Грановский.

Наиболее ярко это отразилось по отношению к Шевыреву, находившемуся, по мнению многих современников, в наибольшей конфронтации с Грановским⁴¹. Б. Н. Чичерин, вспоминая о Московском университете, писал: «Жалким соперником Грановского был Шевырев. И этот человек когда-то был блестящим молодым профессором, новым явлением в Московском университете. <...> Его погубило напыщенное самолюбие, желание играть всегда первенствующую роль и в особенности зависть к успехам Грановского»⁴².

Во время защиты Грановским диссертации на степень магистра присутствующие на ней О. М. Бодянский и С. П. Шевырев попытались вступить в спор с диссертантом. Однако каждое их слово, по словам современника, было «освистываемо с необыкновенным шумом» студентами, в то время как любое выступление Грановского встречалось громкими аплодисментами⁴³. Более того, Шевырев, благодаря возникшей конфронтации между ним и Грановским, стал фактически врагом номер один для некоторых наиболее ярких поклонников последнего. На это указывает содержание писем, которые Шевырев получал в год смерти своего оппонента. Для большей убедительности приведу одно из подобных писем, хранящихся в личном фонде ученого: «Неужели, правда, что Вы, господин Шевырев, намерены опозорить Грановского надгробным словом? Это будет величайшая дерзость с Вашей стороны. Это будет святотатство! Желаем от души, чтобы болезнь, пожар, смерть близких Вам людей, или какое-нибудь подобное благополучие остановило Вас от такого преступления.

В противном случае Вас постигнет событие, еще менее ожидаемое Вами: в один из ближайших вечеров в Ваш дом влетит несколько десятков камней. Пусть эти мысли заставят прильнуть к гортани Ваш неугомонно подлый язык, пусть подавитесь Вы словом лести и позора! Пусть черт возьмет тебя, презреннейший ханжа, отъявленнейший подлец!»⁴⁴.

Попытки со стороны таких ученых, как Погодин и Шевырев, в своих лекциях освещать традиционалистские идеи, основанные прежде всего на принципах православия, самодержавия и народности, не только считались среди большинства представителей студенческой молодежи отсталыми и не соответствующими формирующимся у них идеалам, но часто воспринимались как некий курьез. Так, известный историк, публицист, а также член Совета министра народного просвещения, сенатор А. И. Георгиевский, окончивший Московский университет в 1850 г., позже вспоминал: «Бывало, возвращаешься пешком домой из университета после лекции Шевырева с сильно затуманенной головой и все стараешься уяснить себе, в чем дело, при чем тут Гегель, и чем он виноват перед Россией, перед русским православием и самодержавием, и какие отличительные свойства русской народности, и почему Россию ожидает какая-то

совсем другая судьба, чем все другие народы Европы, и какая именно судьба...»⁴⁵.

Уже в 60-х гг. XIX в. М. П. Погодин в своих воспоминаниях, посвященных С. П. Шевыреву, напишет, что именно в 1840-х гг. в Московском университете произошло разделение между старшими профессорами и более молодыми преподавателями и студентами. Определяя научную и тесно связанную с ней в то время политическую позицию каждой из сторон, Погодин признается: «Мы обращались преимущественно к прошедшему, а противники наши к будущему»⁴⁶. Конечно, ни Погодина, ни Шевырева нельзя назвать упрямыми традиционалистами, однако их отношение к старине как к главному источнику русской народности, не резко отрицательное, как у славянофилов, но подозрительное и осторожное отношение к западноевропейской цивилизации воспринимались современниками именно в таком духе.

---

¹ См. напр.: *Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин: человек, историк, публицист. М., 1999; *Павленко Н. И.* Михаил Погодин. М., 2003 и др.

² См. напр.: *Левандовский А. А.* Т. Н. Грановский в русском общественном движении. М., 1989; *Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика.* М., 2000 и др.

³ Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 323–332.

⁴ Там же. С. 325.

⁵ *Riasanovsky N. V.* Pogodin and Shevyrev in Russian intellectual history // *Harvard Slavic Studies*. Vol. IV. P. 149–167.

⁶ См. напр.: *Зорин А. Л.* Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2001; *Иванов О. А.* Идеология «Православие, Самодержавие, Народность» С. С. Уварова // *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее.* Сб. науч. тр. Воронеж, 2001. Вып. 1; *Качалов И. Л.* Особенности официальной идеологии российского самодержавия во второй четверти XIX в. // *Вестник Белгородского университета.* Серия 3. 1991. № 3; *Шевченко М. М.* Понятие «теория официальной народности» и изучение внутренней политики императора Николая I // *Вестник Московского университета.* Серия 8. История. 2002. № 4 и др.

⁷ В самом первом номере Журнала министерства народного просвещения, в программной статье, говорилось о том, что «только правительство имеет все средства знать и высоту успехов всемирного обра-

- зования и настоящие нужды Отечества». См.: Журнал министерства народного просвещения (далее — ЖМНП). 1834. Ч. 1. С. IV.
- ⁸ [Уваров С. С.] Циркулярное предложение управляющего Министерством народного просвещения // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. L.
- ⁹ Иванова О. А. Идеология «Православие, Самодержавие, Народность» С. С. Уварова // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Сб. науч. тр. Воронеж, 2001. Вып. 1. С. 95.
- ¹⁰ См.: Петров А. Ф. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 2000. Кн. 3. Университетская профессура и подготовка устава 1835 г. С. 227–230.
- ¹¹ Полиевктов М. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918. С. 226–227.
- ¹² Плетнев А. Обязанности наставников юношества // ЖМНП. 1836. Ч. 9. № 1. С. 30.
- ¹³ По верному замечанию М. Ф. Хартанович, «интерес императора непосредственно к научной жизни страны был связан только с необходимыми мерами по укреплению отечественной промышленности и военной мощи». См.: Хартанович М. Ф. Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX века. СПб., 1999. С. 19. Подобный подход император применял и в отношении образовательного процесса. Поощряя развитие практически полезных дисциплин, Николай I всегда относился с подозрением (и даже некоторым пренебрежением) к наукам отвлеченным.
- ¹⁴ Снегирев И. М. Дневник. М., 1904. Т. 1. С. 182.
- ¹⁵ Об украино-славянском обществе (из бумаг Д. П. Голохвастова) // Русский архив. 1892. № 7. С. 350. Это письмо явилось реакцией министерства просвещения на раскрытие Кирилло-Мефодиевского общества и распространение идей панславизма. В нем в категоричной форме отрицалась возможность включения русской народности в состав более глобальной славянской народности и предлагалось искать истоки русского народного просвещения и национальной самобытности в чисто русских началах, без примеси славянской идеи. См.: Там же. С. 348–349.
- ¹⁶ Петров Ф. А. М. П. Погодин и создание кафедры российской истории в Московском университете. М., 1995. С. 4.
- ¹⁷ Известный ученый и литературный критик П. А. Плетнев несколько лет возглавлял кафедру российской словесности в Петербургском университете, а с 1840 по 1861 гг. занимал должность ректора университета. См.: Петров А. Ф. Российские университеты в первой половине XIX века. М., 2001. Кн. 4. Российские университеты и люди 1840-х годов. Ч. 1. Профессура. С. 112.

- ¹⁸ *Фортуатов Ф. Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830–1833 гг. // Русский архив. 1869. № 2. Стлб. 333.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ «В то время, как, по Высочайшей воле прозорливого Монарха, — писал он, — путеводителем и судьей нашим в деле народного просвещения явился Муж, столь же высоко образованный, как и ревностный Патриот, его первое слово к нам было: *народность*. В этих звуках мы прочитали самые священные свои обязанности. Мы поняли, что успехи отечественной истории, отечественного законодательства, отечественной литературы, одним словом: всего, что прямо ведет человека к его гражданскому назначению, должны быть у нас на сердце». См.: *Плетнев П. А.* О народности в литературе // ЖМНП. 1834. Ч. 1. № 1. С. 30.
- ²¹ Там же. С. 2.
- ²² Московский университет в воспоминаниях А. Н. Афанасьева. 1843–1849 // Русская старина. 1886. Т. 51. № 8. С. 370.
- ²³ *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. 1841. № 1. С. 293.
- ²⁴ *Шевырев С. П.* Теория поэзии // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. 2. С. 525.
- ²⁵ *Петров Ф. А. С. П.* Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999. С. 4.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 17. Л. 1.
- ²⁷ Там же. Л. 1 об, 16 об.
- ²⁸ *Шевырев С. П.* История русской словесности. Лекции. СПб., 1887. Ч. 1. С. 2–6, 16.
- ²⁹ Московский университет в воспоминаниях А. Н. Афанасьева. С. 370.
- ³⁰ Русский консерватизм XIX столетия. С. 130; *Песков А. М.* У истоков философствования в России: русская идея С. П. Шевырева // НЛЮ. 1991. № 7. С. 132–134.
- ³¹ ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 17. Л. 1; *Шевырев С. П.* История русской словесности. Т. 1. С. 6.
- ³² Там же. С. 17.
- ³³ ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 17. Л. 1.
- ³⁴ Там же. Л. 28 об. Ср. также с высказыванием П. А. Вяземского: «В отличие от других наций, у нас революционным является правительство, а консервативной нация» (*Вяземский П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963. С. 280).
- ³⁵ *Шевырев С. П.* Об отношении семейного воспитания к государственному // Москвитянин. 1842. № 7. С. 46–47.
- ³⁶ Там же. С. 106.

- ³⁷ Реабилитация такой опасной для власти науки, как философия, в рамках государственных учебных заведений, проходила путем проникновения в нее основных элементов уваровской триады. Одним из первых шагов в направлении ее идеологизации был процесс десекуляризации, т. е. превращения «безбожной» науки в верную союзницу православной веры в борьбе за чистую нравственность, одновременно с этим определяющую в соответствии с государственной идеологией политическую, социальную и в целом мировоззренческую позицию русского общества.
- ³⁸ *Левандовский А. А.* Т. Н. Грановский в русском общественном движении. С. 43.
- ³⁹ *Гончаров И. А.* Воспоминания. В университете // *Гончаров И. А.* Собр. соч. в 8 тт. М., 1980. Т. 7. С. 245–246.
- ⁴⁰ *Шестаков П. Д.* Московский университет в 1840-х гг. // *Русская старина*. 1887. № 9. С. 656.
- ⁴¹ Во многом этому способствовал отзыв Шевырева о публичных лекциях Грановского по истории средневековья, опубликованный в «Москвитянине», а также последующие публичные лекции самого Шевырева по истории русской словесности, которые были восприняты многими как прямой вызов Грановскому. См.: *Петров Ф. А.* С. П. Шевырев — первый профессор истории российской словесности в Московском университете. С. 27.
- ⁴² Воспоминания Б. Н. Чичерина // *Русское общество 40–50-х годов XIX в. М.*, 1991. Ч. 2. С. 38.
- ⁴³ Московский университет в воспоминаниях А. Н. Афанасьева. С. 381–382.
- ⁴⁴ ОР РНБ. Ф. 850. Ед. хр. 678. Л. 14.
- ⁴⁵ *Георгиевский А. И.* Мои воспоминания и размышления // *Русская старина*. 1915. № 9. С. 415.
- ⁴⁶ *Погодин М. П.* Воспоминание о Степане Петровиче Шевыреве. СПб., 1869. С. 21.

Н. Б. Рогова

Историк об историке

(Оценка А. Н. Пытиным трудов И. М. Снегирева)

Истинное просвещение основывается
на благочестии и любви к отечеству.

И. М. Снегирев

Профессор Московского университета, историк, фольклорист и этнограф Иван Михайлович Снегирев известен как первопроходец в области познания народной культуры и как верный неутомимый труженик на ниве служения, собирания и охраны древностей российских. Щедро одарив современников своими обширнейшими трудами, находясь у истоков таких фундаментальных исторических наук, как этнография, фольклор, краеведение, Снегирев сам являл собою как бы ожившего фольклорного героя, который, припав к родной земле, обретает силу, величие и могущество.

215 лет отделяет нас от даты его рождения. Однако и в наше время его научное наследие, соединенное с трудами ученых, его современников и последователей — таких, как М. П. Погодин, Ф. И. Буслаев, Д. А. Ровинский, И. И. Срезневский, В. И. Даль, И. А. Сахаров и др. — обозначается в нашем восприятии как родной заповедный источник. Припав к нему, обретаешь силы духовные и находишь свой край обетованный, свое Отечество.

Воистину, И. М. Снегирева помнят. Недаром библиографический справочник «Иван Михайлович Снегирев», выпущенный в 1993 году Государственной публичной исторической библиотекой России, фиксирует около 120 наименований статей и монографий, которые или обращены непосредственно к характеристике его личности и его трудов, или рассматривают деятельность ученого в контексте общих проблем русской культуры. Приуроченный к 200-летию со дня рождения Снегирева, этот справочник уже выходом своим свидетельствовал не только о признании трудов И. М. Снегирева, но и о благодарной памяти потомков о нем. Желая создать впечатление живого присутствия самого ученого на страницах этого справочника, авторы приводят его слова, обращенные к современникам:

*«Всякий из соотечественников
может приносить посильную дань
памяти великих людей сохранением
достопримечательных их подвигов»¹*

Действительно, главнейшей чертой самого исследователя, было бережное, почтительно-уважительное отношение к прошлому, к истории, а главное — к народу и его героям, творящим эту историю. Таким образом, вынося высказывание Снегирева в эпитафию к своему труду, авторы справочника рассматривали научную деятельность и жизнь самого ученого как ту самую «посильную дань памяти», о которой он говорил, и приравнивали их к «достопримечательному подвигу» самого ученого перед отечеством.

Нравственный завет служения обществу, людям, родине И. М. Снегирев получил от своего отца, и насколько хватало сил и умения стремился воплотить его завещание в жизнь². Так, Михаил Матвеевич Снегирев, профессор истории философии Московского университета, в рассуждениях о «пользе нравственного просвещения» утверждал, что «быть полезным обществу заслугами или произведениями ума <...> есть благородная цель всех познаний»³. Через 30 лет, в 1827 году, уже Иван Михайлович Снегирев, также профессор истории философии, развивая мысль своего отца, говорил в своей «Речи... по случаю... дня основания Императорского Московского университета...»

о том, что «истинное просвещение основывается на благочестии и любви к отечеству». Он утверждал, что сие чувство — «нравственнодоброе» и что оно свойственно каждому народу, являясь «всеобщим законом» благожительства народов. Ссылаясь на авторитет древних мыслителей — Аристиды, Сократа, Платона, которые «любили и неблагородное отечество свое», историк цитировал последнего из них: «Отечество <...> дороже, почтеннее и святее отца, матери и всех родных: сами боги и мудрецы признают оное за нечто превосходное»⁴.

Вдохновляя слушателей Московского университета на будущую их деятельность, он ориентировал их на созидательный труд: «Если вы любите свое отечество, вы примете участие во всем, что касается его благосостояния» и, «занимаясь воспитанием народа», не впадете в крайность «слепого преувеличения всего своего», равно как не будете «охудать все отечественное» с злобною радостью и раздражением, а всякий в свой черед и на своем месте будете верно служить родине»⁵. На такую речь молодой тогда ученый имел право. Это была его личная, выношенная и продуманная программа — нравственное credo, которыми он руководствовался всю жизнь; именно она и определяла нравственный облик ученого.

Научная карьера И. М. Снегирева началась со специализации по классической древности. Результатом этого явились его первые труды «Латинская грамматика, приспособленная к русскому языку» и «Латинская синонимика в Германии». Но потом весь пыл и страсть исследователя Снегирев перенес на такие «пошлые» и «низкие» предметы, как изучение жизни и быта русского народа, которые до него не вводились в высокие сферы науки. В своей работе он во многом опирался на свое собственное знание, считая разнообразные проявления творческого духа русского народа нисколько не ниже цивилизованных западных и древних народов. Такое внутреннее убеждение ученого, базирующееся на глубокой нравственной основе, было сформировано уже в его юные годы. Под влиянием отца, Михаила Матвеевича Снегирева, который боготворил творчество Н. М. Карамзина и читал в университете курс нравственной философии, а также отцовского товарища, Андрея Михайловича Брянцева, который переводил «Начальные основания нравственной философии»

Адама Фергюсона⁶, в Снегиреве-младшем сложился не только научный интерес к этой философии, но определился и весь духовный строй молодого человека.

Здесь уместно подчеркнуть, что нравственная философия, ее идеи, положения, наконец, ее художественно-заостренные, философско-литературные формы, которые представлял Запад (а это — произведения И. Канта, Д. Дидро, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо и др.) — явилась для русского сознания тем современным материалом, той питательной средой, которая была необходима для формирования своей, русской, сознательной и созидательной жизни. При этом стоит напомнить, что, разрабатывая свои лекционные курсы нравственной философии, М. М. Снегирев и Брянцев основывались на духовном опыте своей страны и перерабатывали опыт Запада, критически воспринимая его. Достаточно указать на то, что Снегирев старший делает перевод книги аббата Антоана Гене «Иудейские письма к г. Вольтеру, с прибавлением сокращенного комментария»⁷. В своих сочинениях амьенский каноник выступает категорически против философии Вольтера. В переводе же Снегирева слова страстного опровержения вольтеровской философии впервые зазвучали по-русски. Как будто не Гене, а он, русский историк, опираясь на теоретические положения нравственной философии и на систему «начальных оснований» Фергюсона, ставшей благодаря переводу Брянцева частицей их самих, — как будто они сами выносили свое умозаключение о французском философе: «Пожалеем о гибельном растлении ума и сердца Вольтера»⁸, т. к. он в своем творчестве преступил границы нравственного закона, ибо «действительность нравственного закона состоит в обязательности его» для всех членов общества. Таким образом, создавая духовный контекст времени, они закладывали основы, создавали будущие контуры той нравственной философии, которая обрела силу, самостоятельность и красоту гораздо позднее, в нравственной философии Владимира Соловьева⁹ и в творчестве Ф. М. Достоевского. Нам же важно подчеркнуть, что они, историки старшего поколения, Брянцев и Снегирев, были истинными провозвестниками нового направления в философии, создав добротные проработки для развития русской самостоятельной мысли. Ввиду того, что было сказано, представля-

ется возможным утверждать, что сын историка И. М. Снегирев, который с детских лет испытывал живое и сильное воздействие людей, увлеченных новым философским направлением, был первым реальным деятелем, который в прямом смысле духовно вырос на этой философии.

Война России с Наполеоном стала для И. М. Снегирева не только особой вехой его жизни, но и реальной проверкой обязательности нравственных устоев для каждого члена общества. Отступление русской армии, пожар Москвы, победа народа в Отечественной войне — такая захватывающая, живая история родной страны пришлось на годы активного становления личности будущего ученого. И. М. Снегиреву тогда шел 20-й год. Он увидел кровавые будни войны. Со многими москвичами в большой тревоге он сам оставлял столицу. Душа его была погружена в скорбное страдание. Все виделось по-юношески крупно. Он был поражен видом Москвы: она представляла «позорище какого-то переселения», а картины народного горя, самопожертвования и героизма, по его убеждению, достойны были увековечивания. В жизненной правде войны раскрывалось то величие простого человека, которое прежде он видел только у классиков — писателей и художников¹⁰.

Война коснулась и семейной жизни Снегиревых. Очень пострадал Московский университет. Учебные корпуса, архив, библиотека были разрушены. При этом в московском пожаре погиб и личный дом Снегиревых. Это был небольшой деревянный домик в пять окон, с мезонином. Он находился в Троицкой слободе Москвы. Михаил Матвеевич Снегирев приобрел его в 1798 году. Вместе со всем имуществом погибла библиотека старшего Снегирева, а также и его труды по церковной истории и необходимая для преподавания работа «Руководство к церковной истории». Однако жизнь не оставляла времени, чтобы предаваться страданиям. Как только Москва была освобождена, сразу же была образована временная комиссия для управления текущими делами университета. Она имела председателем ректора, а членами комиссии были четыре старейших профессора. В их числе был и М. М. Снегирев, отец Ивана Михайловича, который с воодушевлением окунулся в работу по подготовке университета к занятиям. В это же время он выстроил новый дом.

Но это стоило ему многих трудов и забот. Стараясь купить лес на строение подешевле, он в грязь и слякоть сам ходил в лесной ряд и на рынок, хлопотал на стройке. Тут он простудился. «Чахотка закралась ему в грудь», он все более слабел физически, кашлял и таял. Скончался старший Снегирев в 1820 году. Эти жизненные впечатления о трагических событиях Отечественной войны и о чрезмерно натужных стараниях отца быстрее восстановить утраченное, что явно было ему не по силам, сопровождала И. М. Снегирева постоянно. Он оставался всегда им верен.

В своих переживаниях Иван Михайлович Снегирев был человеком своего времени. Так, А. С. Пушкин с восторгом говорит о «россах», о «русских богатырях», М. Ю. Лермонтов пишет свое знаменитое «Бородино», перед декабристами со всей очевидностью встает проблема народа. Снегирев видит мир также ярко и с той же мерой ответственности. Показательно в этом плане его совершенно особое отношение к Москве: Снегирев воспринимает ее «во времена священной брани» 1812-го года как «искупительную жертву за Россию». Трепетное отношение к Москве он пронесит через всю жизнь: она для него была живая, говорящая история.

Перед Снегиревым, как и перед многими его современниками, со всей очевидной мощью своего стремления к независимости встает образ непознанного «народа». Подобно герою А. С. Пушкина, который всматривается в лицо Пугачева, «черного мужика», появившегося в снежных вихрях бурана перед героями «Капитанской дочки», как Н. В. Гоголь, который в своей поэме «Мертвые души» восклицал «О Русь! Куда несешься ты?», как Л. Н. Толстой, который ввел в свой роман «Война и мир» народ как основное и равноправно действующее лицо — точно так же и И. М. Снегирев в сфере своих занятий полностью обратился к теме народной жизни.

Интерес ученого к народной проблеме уверенно развивается в научной плоскости. Он интуитивно, стихийно направляет свою деятельность в ту область познания, которая таит в себе знание о народе, о его жизни, обычаях, взглядах. При этом Снегирев осознавал всю беспредельность и глубину этого знания и потому оценивал свой труд весьма скромно. По утверждению ученого, он исходил из желания лишь «перенять, схватить и понять народный дух», чтобы хоть немного приблизиться к раскрытию

внутренней, духовной жизни народа, его мировидения, духовных запросов, убеждений и устремлений. Подобная потребность исследователя опиралась на глубокие нравственные принципы, которые определяли в нем все: интуицию, научный поиск, интерес, выбор тем и, наконец, саму деятельность ученого, которую можно определить как проявление гражданской позиции. Как тогда, в Отечественной войне 1812 года, живое непосредственное восприятие реальных событий привело его к «чувствительному» переживанию народного горя, к состраданию несчастьям и бедам простых людей, а в конечном итоге, к верным оценкам народного подвига — так и теперь ученый опирался на свой опыт собственных первых шагов познания народа. Ведь увиденное в годы военного лихолетья мучило Ивана Михайловича. В поле его восприятия широко вошла тогда народная жизнь во всей полноте ее трагедии и естественного, будничного подвига и героизма. Снегирев считал, что эти черты русского народного духа должны быть увековечены как в произведениях писателей, так и художников. В своем воображении И. М. Снегирев, тогда совсем еще молодой человек, соединял реальные образы с высокой традицией классической литературы и живописи. Так, его поразил ребенок, который спасал «своего престарелого, слепого отца» во время массового ухода жителей из Москвы. Он вез старика «на себе в тележке, питая его своими трудами». Через 50 лет Иван Михайлович говорил об этом как о «подвиге детской любви», приравнивая его подвигу Витона и Клеовиса, сыновей жрицы Юнониной, который был воспет поэтами и художниками прошлого. Они на себе привезли в колеснице свою мать к храму для жертвоприношения, ибо «если бы она туда не поспела, то была бы казнена». Точно так же спасал от беды своего отца и московский сын¹¹. Однако на родине «никто не знал» о нем.

Его память сохраняла чистый и высокий образ простого народа в трагических испытаниях Отечественной войны. Он без конца задавал себе вопросы: кто сохранит в памяти образы простых русских людей, которые были подняты историей на трагические высоты? кто узнает о них? Почему высокие образцы классического искусства современники воспринимали как великие эталоны духовных переживаний и они их трогали? Но кто теперь помнит и знает тех реальных русских людей, которых он

видел сам в страшные дни французского нашествия, в те трагические будни? «Но кто знает о них?» — этот вопрос, который без конца задавал себе ученый, определил смысл всей его деятельности. Однако по скромности своей этот гражданин Государства Российского даже не догадывался оценивать проводимую им работу хоть как-то патетически высоко. Его просто увлекал сам процесс труда, который заключался в том, чтобы открывать все новые и новые грани народной жизни. Той самой жизни, которая его окружала и о которой мало кто и задумывался. При этом он постоянно обнаруживал в ней то, что согласовалось с личными впечатлениями юности.

Перечень работ Снегирева показывает, что он ни разу не изменил себе. Его научная деятельность, начавшись серией докладов в Обществе русской словесности, в конце концов оформилась в знаменитый труд «Русские в своих пословицах» (1830 г.) На эту работу научная общественность сразу же обратила внимание.

В 1840 г. Академия наук присудила И. М. Снегиреву Демидовскую премию за другую его работу — «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837–1839), а от Николая I за нее был пожалован Снегиреву бриллиантовый перстень. Эта работа также была отмечена современниками.

В 1844 году Снегирев закончил очередную работу — «Лубочные картинки» (1844 г.), которая велась им и имела ряд промежуточных публикаций.

Его знания, активность, сочетающаяся с точностью, скрупулезностью в исследованиях, привлекли к нему внимание А. Н. Оленина. Он возглавлял тогда работу по изданию много томного труда «Древности Российского Государства», который начал выходить с 1846 года. (Издание прекратилось в 1853 г.) В этом издании Снегиревым написан текст I, IV и V выпусков.

Этот интенсивный период творческой жизни принес Снегиреву известность. Авторитет его как ученого был неоспорим. Ученого приглашают в императорский дом для преподавания цесаревичу. Он напряженно и много работает: описание московских древностей, старинных церквей, монастырей выходят из-под его пера, публикуются в журналах. Доклады, обширная переписка...

Особенно обращает на себя внимание его замечательный труд «Москва. Историческое описание города». «Никто из уче-

ных не знал так хорошо, как он, урочища древней столицы; никто больше его не исходил и не исследовал до малейших подробностей московские церкви, монастыри и другие остатки московской старины; никто больше его не знал, столько разных сказаний и анекдотов, связанных с разными местностями и памятниками древней столицы», — такая высокая оценка деятельности Снегирева исходила от Ф. И. Буслаева. Но высказана она была уже в некрологе.

А вот другой отзыв о «Москве» Снегирева: «Характер и достоинство археологических трудов Снегирева наука давно определила <...>. Она не могла не оценить большой начитанности автора, значительного знакомства с архивными материалами, этой неутомимости в собирании многообразных данных, массой которых автор приводил всегда в изумление <...> читателя, <...> встречавшего столько <...> фактов». Это — оценка профессора археологических наук, члена-корреспондента А. Н. Забелина. Его характеристика трудов Снегирева тоже как будто ложилась в русло привычных доброжелательных оценок.

Такова канва научной деятельности Ивана Михайловича Снегирева. Его работы были высоко оценены современниками. Они имели успех. Его называли «самым опытным, самым бывалым путеводителем по Москве».

К этому надо прибавить, что, щедро одарив современников своими капитальными трудами, он весь был поглощен уже следующим, более высоким уровнем науки, что часто бывает с первопроходцами или первооткрывателями. Так, его коллекция лубка как бы растворилась в уникальной коллекции Д. А. Ровинского, собранные им пословицы и поговорки украсили затем «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, а его «Древности Государства Российского» были просто поглощены работами Ф. Г. Солнцева и составили триумф последнему. Казалось бы, что такую роль мог выполнить человек исключительный, в высшей степени бескорыстный, душевно чуткий к проблемам времени и бесконечно увлеченный своим делом.

Но именно это обстоятельство во многом сказалось и на совершенно иной, чем приводимые выше высказывания, резкой характеристике ученого. И. Е. Забелин вдруг, через несколько лет после смерти Снегирева, в 1873 году, заговорил о полной его

несостоятельности как исследователя, тем самым зачеркивая свои же первоначальные положительные оценки. Так, в статье «Опыт изучения русских древностей и истории» он зло и категорично отзывался об археологических трудах Снегирева, которые, как он считал, «несмотря на видимую эрудицию, на весь внешний образ учености, значительно слабы именно в ученом отношении». Забелин говорил от лица многих исследователей, которые «после долгих и очень тяжелых операций над сочинениями Снегирева, могли вынести одно непреложное убеждение, что пользоваться этими сочинениями нужно с величайшею осторожностью», ибо «в работающей среде» они существовали как бы «вне науки, вне ее границ»¹².

К сожалению, характеристика Забелина смыкалась с несдержанными, эмоционально напряженными высказываниями Пушкина, Белинского, Гоголя, которые относились уже к цензорской работе Снегирева. Вызванные сиюминутным раздражением на вмешательство в их текст, на правку его или задержку публикации, их резкие выражения больше выявляли горячность их собственного нрава, чем давали представление о личности цензора. Печально, но в общественном сознании потомков закрепились многие их высказывания, ярко окрашенные подобными эмоциями. Они-то и послужили в дальнейшем к созданию образа пошлого ученого-«мракобеса». Воистину — «молву поветрием носит» и худое слово летит дальше, чем доброе. Кто только не бранил цензоров! Дотошный Снегирев не был исключением. Как чиновник цензорского аппарата, он сразу же, просто по определению, вступал в конфликт с такими яркими авторами, которых уже сама подобная сдерживающая их государственная служба, ограничивая хоть в чем-то их права на творчество, могла вызывать шквал яростных эмоций. Так А. С. Пушкин жаловался на Снегирева царю, к которому апеллировал как к своему «личному» цензору (!), а потом писал М. П. Погодину: «Победа, победа! Фауста царь пропустил!.. Скажите это от меня Господину, который вопрошал нас, как мы смели представить пред очи его Высокородия такие стихи. Покажите ему это письмо и попросите от моего имени впредь быть учтивее и снисходительнее»¹³. В. Г. Белинский дает Снегиреву пронзительно-едкое прозвище «Совестдрал», принимая его прямодушное и честное отношение

к работе за медлительность и формальное выполнение своих обязанностей, а Н. В. Гоголь возмущается задержкой Снегиревым его «Мертвых душ».

Однако, каждый из них отдавал должное его знаниям и высоким профессиональным качествам, и потому после бурных столкновений в процессе работы они продолжали и личное знакомство, и творческое общение. Не потому ли Пушкин собирался издавать вместе с ним народные песни, Гоголь сам желал видеть именно его своим цензором, а писательница и поэтесса Е. П. Растопчина, не мудрствуя лукаво, считала его лучшим цензором во всей Москве¹⁴.

Тем не менее, эмоциональные характеристики известных людей были подхвачены потомками. И Снегирев вдруг стал пошлым «ретроградом» и «мракобесом»... Именно так представил его В. В. Вересаев в своей книге «Спутники Пушкина»¹⁵, опираясь на высказывания Забелина, Пушкина, Белинского, Гоголя, Гончарова. Запоминается едкий сарказм воспоминаний последнего. «Вкрадчивый, тонкий», «циничный, бесцеремонный», он «умел сдабривать лекции остротами: балагурство было, кажется, господствующею чертою его характера. <...> Он и в обществе имел репутацию буфона», — таким Снегирев остался в памяти Гончарова в его повествовании о своих студенческих годах в Московском университете¹⁶. В наше время исследователь А. А. Левандовский, увлеченный творчеством Т. Н. Грановского, также зачислил Снегирева в разряд «рутинеров», которых «отличали бездарность и полное равнодушие к своему делу, в котором они видели не более, чем источник существования»¹⁷.

Не будем спорить с тем, что имя Грановского было знаковым для своего времени. Однако не хотелось бы возвышать личность одного деятеля за счет унижения другой; тем более, что Грановский и не нуждается в этом. Но, как представляется, метой той же эпохи был отмечен и историк И. М. Снегирев, верный идеям постепенного и постоянного просвещения народа. Конечно, эти личности были разные по своим масштабам и граням своей деятельности. Но, захваченные единым временным потоком, все они были ориентированы на служение отечеству. Поэтому при разборе подобных откликов, воспоминаний и оценок современников гораздо продуктивнее искать те черты, которые опреде-

ляли их как деятелей одного времени, как современников, чем выхватывать сниженно-бытовой стиль резких высказываний одних для того, чтобы возвысить других.

В случае со Снегиревым открываешь именно такой ракурс, в котором уничтожается восприятие его как личности. Сказывается также и просто презрительно-небрежное отношение к цензурской службе вообще, что характерно, вероятно, для всех времен в самой широкой творческой среде. Народная мудрость гласит, что «на молву нет суда» и «не всё то в строку, что молвится». Поэтому Снегирев воспринимается нами такой же исторической личностью, как и Пушкин, Белинский, Гоголь, Грановский, которые были яркими звездами своего времени. В то же время Снегирев представлял личность совсем другого масштаба. Это был ученый, кропотливо и честно трудившийся в недрах своего времени, который также формировал общественное сознание, но только совсем на другом материале. По складу своему он не был глашатаем, лидером, провозвестником. Он был первопроходцем в целом направлении исторической науки — в этнографии. Его личность обозначалась именно в этой плоскости. Но «молва, что волна», связав его имя только с цензурой, бесцеремонно скрыла объем его личности в эмоциональном пласте минутных оценок и летучих настроений.

Достаточно оживить в памяти хотя бы один, но довольно типичный эпизод, раскрывающий закулисную сторону цензурской жизни тех лет, который лихо и совершенно буднично был обозначен небрежным слогом секретаря Общества истории и древностей российских И. Д. Беляева. В письме М. П. Погодину по поводу выхода «Временника» он так передает свои настроения: «Первое, что я вам скажу, я еще не ложился спать <...> так много дел, а посему не взыщите, если я какого м... задену за ухо. 1-е. Снегирев, как всегдашний н..., врет! <...> 2-е. В статье Ундольского нет ничего противозаконного, а с... Хавский...»¹⁸ и т. д. — все в том же роде! Подобные словесные пощечины отражают сложившийся стиль «отличий» и «вознаграждений» чиновников. Всё — «по-русски» просто и привычно-грубо: «с...», «н...», «м...». А между тем, упоминание о бедном «нудиле» и «врале» Снегиреве в запутанной истории, которая обозначена у Н. П. Барсукова в его объемной летописи «Жизнь и труды

М. П. Погодина» как «клевета», раскрывает довольно неблагоприятные поступки, дела и вообще всю обстановку чиновничьего цензурского аппарата. Не очень-то комфортно служилось здесь непосредственным исполнителям государственной воли.

Сама же история, которая вдруг завертелась и связала всех причастных и не причастных к ней чиновников разных иерархических ступеней, начиная с министра народного просвещения и кончая простыми служителями, заключалась в публикации в июньской книге «Чтений» 1848 г. сочинения известного английского автора XVI века Джильса Флетчера¹⁹. Исторический труд, созданный в 1589 году (!), в котором резко отрицательно говорилось о средневековой Руси, был напечатан, несмотря на различные, взаимоисключающие точки зрения на возможность его публикации. Она все-таки состоялась. Это вызвало бурю. Профессор Бодянский, опубликовавший это сочинение Флетчера о России времен Иоанна Грозного, был уволен от секретарства и от профессуры в Московском университете, а затем, 2 января 1849 г. — и вообще отстранен от службы. Мало того, само издание было закрыто: «Чтения» прекратились²⁰. Вследствие этого министр народного просвещения С. С. Уваров составляет «Всеподданнейшие докладные записки по поводу запрещения Московскому обществу истории и древностей издавать свои труды под собственной цензурой», которая пропустила «в печать сочинение Д. Флетчера “О Государстве русском”». Он отправляет на имя Николая I «Всеподданнейший доклад» от 22 октября 1848 года за № 109 об изъятии им сочинения Флетчера из «Чтений» и «с запросом о порядке цензурования изданий Общества истории и древностей российских»²¹. В «самый день появления этой книжки я немедленно предписал остановить и запечатать все экземпляры оной, что и исполнено; книжка была выдана с исключением статьи Флетчера», — писал Уваров в своей «докладной»²².

Барсуков энергично и точно передает динамику и остроту разногласий между действующими лицами этой феерической истории. «Сам Карамзин» неоднократно изъявляет желание видеть напечатанным этот документ! Объяснения идут на министерском уровне и попечителю Московского учебного округа генерал-адъютанту графу Александру Григорьевичу Строганову выносятся «словесный строжайший выговор за его недосмотрение»²³,

на что он, защищая право сочинения Флетчера быть изданным в России, раздраженно и остроумно пишет министру С. С. Уварову, что «цензура, пожалуй, и к Нестору придерется!»²⁴

В дымах и парах подобной бурной, ожесточенной деятельности Министерства народного просвещения отчетливо проступали черты тогдашних политических оценок. «Из прилагаемой книжки, в коей замечены главные предосудительные места, Ваше Императорское Величество изволите усмотреть, что не следовало ни под каким видом пропускать к напечатанию книги, в коей иностранец укоряет Россию за тираническое ее направление <...>, а Протестант представляет Православную Церковь как будто впавшую в грубые ереси, и в особой главе (25) о Догматах Русской Церкви и ее заблуждениях обращает самые догматы и таинства в ее невежества и кощунства».

Так, сочинение англичанина Дж. Флетчера, при первой же попытке его публикации в России, через 260 лет после своего создания, было оценено в плоскости политических реальностей 40–50 годов XIX столетия и вызвало тягостное напряжение в научных и общественных кругах. Ведь уже и тогда, в 1848 году, «знаменитое <...> сочинение Флетчера <...> отчасти» было известно «по приводимым из него выпискам Н. М. Карамзина, особенно в IX и X томах его Истории». Уже тогда выражалась уверенность, что при публикации «оно представит много новых указаний и послужит весьма важным пособием для исследователей юридического быта древней России»²⁵. Такое предположение оказалось справедливым, ибо и теперь, в XXI веке, оно используется исследователями как достоверный исторический источник²⁶.

По драматическому накалу события тех дней, которое было переданно «летописцем» Барсуковым, его можно было бы сравнить, наверное, только с заседанием в Филях. Принципиальность и агрессивность сторон достигла тогда апофеоза скандала. И, конечно, в унижительном и страдательном положении оказались, разумеется, исполнители этой истории, такие как Бодянский, которого в результате выслали из Москвы в Пензу. При этом и сам он был далеко не безупречен в этой ситуации. Желая хоть как-то выгородить себя, Бодянский привлек (а лучше сказать — приплел) к данной истории имена И. М. Снегирева и М. П. Погодина, обвиняя первого в доносе на него министру и их обоих — в

общем «распускании слухов» на него. Погодин, попавший под его обстрел, записывает в своем дневнике: «Бодянский с известиями о доносе Снегирева министру, а теперь распускает слух на меня. О, какое противное и скаредное создание!..»²⁷.

Как можно заключить теперь из всего вышесказанного, ситуация, которая сложилась тогда по поводу публикации труда Флетчера, представляла собой принципиальный спор: вопрос стоял о выработке научных и просветительских принципов в исторической науке. Одни ученые требовали публикации сочинения и не боялись «очернения» России, другие сочли это невозможным. Приверженцы разных точек зрения выстраивали свои аргументы — и не было на этом «поле брани» равнодушных: здесь находились граждане, думающие об одном государственном деле и о его полезности. Как «полководцы» просвещения народа, они определяли линии духовного его развития. Каталог Российской Национальной библиотеки хранит след той бури, которая всколыхнула тогда все русское общество. На библиотечной карточке генерального каталога читаем: «Флетчер Дж. О государстве русском. [Пер. с англ. <...>. — М., 1848] <...>. Доп. тит. л. <...> Цензурное изъятие из “Чтений в Обществе истории и древностей российских 1848 г.”».

Для нас же вся эта история представляет интерес, естественно, в связи с тем, что в ней возникает имя Снегирева. Как подсказывает логика событий, оно совсем не случайно мелькает здесь. Пусть, хоть и в кривом преломлении Бодянского, но ставится оно рядом с министром просвещения. Воображению оскорбленного профессора Бодянского оно рисовалось в унижительной связке «с доносами» на него. Однако, как представляется, Уваров был достаточно самостоятелен в решении кадровых вопросов и в раскручивании интриг. Но и министру для обеспечения объективности и взвешенности собственных выводов в данной истории важно было знать профессиональные мнения сторон. Поэтому, по-видимому, многие привлекался к решению вопроса о публикации сочинения Флетчера. В этой связи, по всей вероятности, Снегирев также появлялся перед министром, но «не с доносом на Бодянского», а как специалист — как автор многих капитальных трудов, отмеченных высшим вниманием самого монарха, как профессор истории. Его мнение могло быть

полезным. И не только. Снегирев был ответственным и принципиальным в своих позициях. Достаточно вспомнить, как он сам открыл для себя величие своего народа в войне с Наполеоном — вспомнить, чтобы предположить, что Снегирев мог иметь и свои суждения по тем или иным проблемам времени. В этом и состояла особенность Снегирева, снискавшего расхожее мнение о своей «тугой» принципиальности.

Снегирев имел свою позицию, которая представляется вовсе не такой простой.

Прежде всего, И. М. Снегирев многое унаследовал от своего отца, профессора истории, преподавателя Московского университета — Михаила Матвеевича Снегирева, который утверждал: «Ученость более или менее доставляет нам пользы или лучше сказать, ближе достигает истинной цели своей, когда, просвещая разум наш истинною, действует на волю нашу и образует сердце нравственностью. Быть полезным обществу заслугами или важными открытиями, или дружескими наставлениями, или распространением просвещения есть благородная цель всех познаний, без которых они мертвы»²⁸. Как можно судить, речь здесь идет о возрастающей нравственной ответственности наставника перед теми, кого он обучает, «просвещает». При этом Снегирев-старший выделяет особое положение наставника как руководителя процесса «распространения просвещения», определяя особую форму передачи «всех познаний» как «дружеские наставления», при которой тогда «ученость <...> ближе достигает истинной цели своей».

Точно так же считал и Снегирев-младший, развивая и конкретизируя эти положения отца в русле задач уже своего времени. Убеденный, что «истинное просвещение основывается на благочестии и любви к отечеству» и что эти чувства являются «нравственно-добрыми», он, вобравший в себя самый дух великой эпохи Просвещения, был подобен ее деятелям. Претворяя в действительность их идеи в воспитании личности просвещенного человека, он невольно становился на путь развития их идей. Так, Карамзин подчеркивал, что «личность каждого человека тесно связана с отечеством» и потому узнавание своей родины является сильнейшим и «чувствительным» фактором ее воспитания²⁹. Вторя ему, Снегирев утверждал, что именно ощущение

тесной связи с отечеством духовно развивает и формирует гражданина и что именно такая сердечная связь с родиной обнаруживает и открывает ему конкретный образ народа, к которому и направлен вектор его просветительской деятельности. При этом правильный, нравственный процесс обучения состоит в том, чтобы сам наставник желал бы «быть полезным обществу заслугами или важными открытиями, или дружескими наставлениями, или распространением просвещения». Именно это желание «быть полезным обществу» подчиняет весь процесс познания узнаванию своей родины, и это представляет истинную цель всей просветительской деятельности наставника. Это и есть благородная цель всех познаний, которая является основой «всеобщего закона благожительства народов»³⁰. Подобно Н. М. Карамзину, который утверждал, что «народы любят историю», ибо «ее творческою силою мы живем с людьми всех времен, видим и слышим их, любим и ненавидим»³¹, — Снегирев считал также, что история отечества пробуждает внутренние, творческие силы в человеке, правильно формирует в нем его духовный мир. Мало того, историк считал, что история России предлагает образцы такой духовной красоты и наполненности, которые ничуть не уступают произведениям искусства.

Наследуя эти положения от отца и от Карамзина, Снегирев сделал их основанием своих собственных убеждений. Поэтому в 1827 г. в своей университетской «Речи о том, что истинное просвещение основывается на благочестии и любви к Отечеству...»³², он, обращаясь к студентам, говорил: «Если вы любите свое отечество, вы примите участие во всем, что касается его благосостояния» и, занимаясь воспитанием народа, не впадете в крайность «слепого преувеличения всего своего». И потом «под видом любви к отечеству <...> не будете оуждать все отечественное, во всем <...> с злобною радостью и раздражением» находить злоупотребление, а всякий — в свой черед и на своем месте — «будете верно служить родине». И «благословите в душе своей все благонамеренные труды и предприятия соотечественников, могущие <...> принести полезные плоды отечеству»³³.

Слова этой речи были продуманной программой молодого ученого. Они определяли его духовный облик. Он был свободен в выборе своего пути и полон чувства достоинства. Даже если

перед ним был «сам царь» (!), Пушкин, Белинский, Карамзин или министр просвещения Уваров. Вот почему разрешенные императором к печати стихотворения Пушкина, которые до этого он не пропустил по праву цензора, ибо они расходились с его нравственными оценками, Снегирев не стал подписывать и потом, для проформы. За этим поступком выстраивалась своя целостная нравственная система. За этим стояло его несогласие и свое субъективное отношение к возможности публикации «Графа Нулина», а также и других стихов Пушкина, поданных ему на цензуру. Этот отказ вполне согласовался с его отношением к свободной поэзии. Точно так же Снегирев имел и свое отношение к Царскосельскому лицейю. И подобно тому, как он был против публикации пушкинских стихов, точно также он высказался и по поводу Лицея или выразил свое мнение о публикации работы Джильса Флетчера «О Государстве Русском».

В дневниковой записи в своем «Журнале» от 28 июня 1825 года он пишет, что в разговоре со своим знакомым (с митрополитом Евгением) они обсуждали «вредное влияние Пушкина стихов на нравственность юношества», связывая воедино духовное состояние молодого поколения и петербургские события 14 декабря 1825 года. Неудивительно, что в дневнике Снегирева появляется такая запись: «Замечательно, что большая часть бунтовщиков Лицейские воспитанники». Подобная точка зрения была в то время у многих. В своих «Заметках о Пушкине» Н. О. Лернер говорит, что, действительно, «и правительство, и официальные круги, и общество давно уже смотрели на Царскосельский Лицей как на рассадник либерализма». При этом, по мнению исследователя, несомненно, преувеличивалась «политическая роль этого воспитательного заведения», для того, чтобы общество, рассуждая «о вредном влиянии на лицеистов Арзамасского общества, сообщило свой дух большей части юношества <...>, раздуло без умысла искры и превратило их в пожар»³⁴. В этом сообщении важно, что подобное состояние общества порождало и его действия. Доносы, нашептывания об опасности — все это вело к репрессивным, карательным мерам.

Как видим, комментируя дневниковую запись Снегирева, Лернер приводит соображения официальных кругов. Он анализирует точку зрения официальных и правительственных кругов.

Однако суждение Снегирева имело свою самостоятельность и отличалось от правительственной позиции, хотя он и осуждал лицейский либерализм. Он смотрел на эту проблему, отталкиваясь от идеи просвещения как общества, так и народа. Его «Речь...» выдержана именно в этом ключе — в ней он обращается к будущим деятелям на ниве просвещения народа, выражая надежду на воспитание в стенах университета таких деятелей просвещения, которые, занимаясь воспитанием народа, не впадали бы в крайность как «слепого преувеличения всего своего», так и раздражения, отрицания, враждебности. При этом вся научная деятельность самого Снегирева и представляла его как тонкого проводника в современном ему обществе еще одного направления просветительской деятельности: он «открывал обществу» то, что до него в силу разных исторических причин и условностей было закрыто. Он представлял своим современникам мир народной души, мир народного творчества и святынь: лубок, пословицы и поговорки, чудеса русской архитектуры и зодчества.

Для нас подобная внутренняя установка ученого заставляет видеть в нем творческого, деятельного и принципиального человека. Действительно, он не сгибался ни перед какими авторитетами. Именно эта сторона личности профессора Снегирева определяла его самобытность и самостоятельность как в научной, так и в цензорской работе, обозначая единый стиль его поведения и пристрастий, стиль ученого, ориентированного на просвещение и воспитание общества и народа.

Таким образом, в истории публикации труда Флетчера, так же, как и в отношении к лицейскому либерализму, Снегиревым была заявлена позиция. Здесь не было «доноса», не было расчетливого оговора. Это была точка зрения деятеля той же исторической эпохи, в которой трудились, строили, созидали разные творцы на ниве народного просвещения. Это были живые люди, разных темпераментов, эмоций, амбиций. Здесь стоит обратить внимание на то, что в результате истории с публикацией «Истории» Флетчера к образу Снегирева, дотошного и придирчивого «служаки», осторожного и ответственного в решении каких-либо спорных вопросов, прилипает хлесткая характеристика «вряля» и «доносчика» с восклицанием «какое противное и скаредное создание!..» Однако приведенный выше текст Пого-

дина составлен так, что резкость последних слов, без сомнения, относится все-таки к Бодянскому, а не к Снегиреву. Точно так же обстоит дело и с комментированием записи Снегирева в его дневнике о Пушкине, когда исследователь выносит этот текст на широкий фон различных, существующих точек зрения и, тем самым, привносит в слова дневникового размышления энергию общего движения, действия. И тогда остается вопрос, почему Пушкин имел устойчивый интерес к Снегиреву и уже в конце жизни даже готовил к изданию совместную с ним работу. Точно так же и с Белинским, который взрывался от кажущейся медлительности Снегирева, однако даже прозвище «Совестрал», звучащее как едкая насмешка, говорило о какой-то нравственной черте этого ученого, о его совести и о том, что какие-то условия и обстоятельства он не мог переступить.

Для нас же важно уяснить, что из всей этой резкой мозаики отдельных реплик и впечатлений можно сделать вывод о том, что все приведенные воспоминания и упоминания, без какой-либо попытки их анализа, послужили потом материалом для создания пошлого образа ученого-«мракобеса», сохранившегося, как уже говорилось, к сожалению, до наших дней. А между тем этот деятель, исполняющий скромные обязанности чиновника Министерства просвещения, противостоял и Пушкину, и Белинскому, и Гоголю, и даже «самому царю!». Такой факт говорит об очень многом. А ведь он и мог противостоять таким личностям потому, что сам был такой же исторической личностью, как и они. При этом совершенно забывается то обстоятельство, что карьера ученого складывалась в такие годы, когда контуры многих гуманитарных областей знания еще только формировались, намечались, только давали знать о себе, заявляя в своих устремлениях как о будущих и, возможно, самостоятельных областях научного знания. Заслуга Снегирева во многом определялась верным чутьем ученого, его обостренной отзывчивостью на материал, всей системой его внутреннего духовного содержания, нравственным потенциалом. Таким образом, перед нами, как бы на отрицательном материале, выстраивался мифологический образ человека, не идущего на какие-либо компромиссы и определяющего свою деятельность по высокой и взыскательной оценочной шкале своей совести, заключающего прежде всего в себе внутреннего цензора.

* * *

На фоне всего вышесказанного особую привлекательность представляет характеристика И. М. Снегирева, данная академиком Петербургской Академии наук Александром Николаевичем Пыпиным.

Историк говорил об историке.

Сам, рано приобщившись к работе с источниками³⁵, Пыпин глубоко прочувствовал процесс вживания в исследуемый материал, правильно воспринял и понял значение существующих методов их изучения, а также роль интуиции и внутренней культуры ученого, которые определяют его выбор и направление в научных занятиях. Он тесно связывал имя Снегирева с именем Карамзина, справедливо считая его духовным воспитанником этого русского просветителя. И, действительно, готовность Снегирева воспринимать *новое слово* «самого Карамзина» формировалась в семье под влиянием его отца, Михаила Матвеевича Снегирева, профессора философии.

Пыпину был интересен Снегирев как историческая личность, в деятельности которой наиболее ярко, живо и трогательно, со всеми достоинствами и недостатками обозначились первые шаги целого направления «нашего просвещения», устремленные в область изучения народа, «народных начал». Поэтому в своей характеристике он рассматривает и оценивает деятельность Снегирева именно в струе общего анализа состояния всей исторической науки. Еще не выработаны методы, нет систематизации знаний, нет преемственности в передаче научной информации — отдельные направления науки, как и вся наука в целом, существовали «в младенческом еще состоянии» и были подчинены в своем развитии, по прекрасному определению А. Н. Пыпина, «потребности просвещения, анализа, совершенствования». Это состояние научной ориентации историк назвал лаконично и емко — «инстинктом цивилизации».

В данном процессе «совершенствования» науки Пыпин рассматривал как пример русскую этнографию, которая представляла в этом смысле, по его мнению, типичную картину. Он утверждал, что она «почти только с сороковых годов, получила характер настоящей научной дисциплины: до тех пор мы можем следить только ее зародыши, первые попытки, которые <...>

имеют несомненный исторический интерес, как ступени общественного самосознания, приводившего постепенно к более и более глубокому пониманию собственного народа и его жизни»³⁶. На этом этапе особенно важен был человеческий, волевой и нравственный фактор — необходима была личность, которая собою, своими занятиями выразила бы актуальный интерес, запрос общества и определила бы направление его деятельности. Именно в этом ключе ученый и рассматривал деятельность И. М. Снегирева.

Опираясь на объективное положение нарождающихся гуманитарных наук, Пыпин представлял читателям Снегирева как творца, который в своей деятельности стоял у истоков, у самых начал таких наук, как этнография, фольклористика, археология, не выделенные в ту пору в самостоятельные дисциплины. В этом начальном потоке еще только завязывающихся наук Пыпин и разглядел в Снегиреве такого деятеля, который своими работами, движимый высоким чувством благодарности к «никому не известному народу», пробуждал общественный интерес к необъятной области «народознания». Его упорство, живой характер, жар души и горение сердца подготовили фундамент для зарождавшихся наук. В этом труженике Пыпин сумел различить большую творческую личность, которая оставила глубокий след в развитии русской культуры.

Характеризуя научные заслуги И. М. Снегирева, А. Н. Пыпин подчеркивал, что он был во многих направлениях новых исторических наук первым. Так — он «*первый* у нас начал смотреть на важные проявления практической народной мудрости с научной точки зрения, обратил внимание» на такие стороны народной жизни, которые до него считались «пошлыми», «низкими» и не вводились в высокие сферы научных исследований³⁷. Он *первый* приступил к тщательному и подробному изучению Москвы. *Первым* он был и в описании русских пословиц. *Первый* серьезно рассматривал народные лубочные картинки. *Первый* исследовал русские праздники и обряды. Все эти направления народной жизни не были до него предметом серьезного изучения. Он *впервые* вынес их в сферы пристального внимания научной общественности. «Русские престонародные праздники и суеверные обряды» (М., 1837–1839), «Лубочные картинки» (М., 1844 и 1861), «Русские

народные пословицы и притчи» (М., 1848) и другие его работы стали истинной школой нравственного формирования целого поколения русских ученых, следующего за ним.

Приоритетность разысканий Снегирева во многих научных направлениях определялась исследовательским темпераментом ученого и верным чувством своей глубокой причастности к русской нации, к русскому народу. Справедливость подобных утверждений Пыпина бесспорна, как верно и то, что работы Снегирева дали мощный импульс, были верной опорой для исследователей, следующих за ним. Четко и определенно в этом направлении высказался Д. А. Ровинский, создатель уникального и единственного в своем роде труда в области дополнения и систематизации лубочного искусства «Лубочные картинки». Исследователь прямо указывал на Снегирева как на ученого, который во многом инициировал его работу. Об этом он сам писал в предисловии к своей огромной работе: «Особенную помощь оказали мне статьи о лубочных картинках И. М. Снегирева; в них, кроме полного перечня картинок, заключается еще чрезвычайное множество исторических сведений и обиходных заметок, которые могли быть собраны и записаны только таким практическим и маститым археологом-старожилом, каким считается в нашей Москве И. М. Снегирев; статьи его о лубочных картинках русского народа — истинное сокровище для людей, занимающихся этим предметом»³⁸.

Однако приходится говорить и о другой стороне успеха Снегирева. Ровная выдержанность тона, уважительное признание хотя бы малейших заслуг — все исчезает с поверхности этой стороны. Резкий контраст ее граней с вышеприведенными оценками поражает как окрик, как грубая выволочка неразумному школяру, как желание заявить свое полное неприятие даже просто личности Снегирева и выразить ему свое неуважительное отношение. Вот как звучит одно из них: «Наука <...> указала на великую сбивчивость и несвязность изложения, на небрежность, с какою автор всегда почти относится и к текстам, подлинным словам, и к ссылкам на эти слова. <...> Вообще, наука отметила, что археологические труды Снегирева, несмотря на видимую эрудицию, на весь внешний образ учености, значительно слабы именно в ученном отношении. <...> несравненно легче, плодот-

ворнее для себя и во всех смыслах полезнее иметь дело прямо с самими источниками, большею частью всем доступными. <...> Все это в работающей среде ставило труды Снегирева как бы вне науки, вне ее границ <...>. Или: «Труды Снегирева положительным путем никогда и нигде не действовали в научной обработке наших древностей. Их связь с этою обработкою обнаруживалась всегда только отрицательно» и использование этих трудов «в видах решительной бесполезности их» и излишнего труда «переправок их нередко даже совсем оставлялось исследователями» — такая возбуждающе острая, нетерпимая характеристика трудов Снегирева принадлежит Забелину. Пыпин повторил её в своей «Истории русской этнографии». Она прозвучала как эхо в 1890 году. Таким образом, высокая оценка Пыпина (а вслед за ним и других исследователей) успехов Снегирева в свете понимания общего положения гуманитарных наук сразу же приобретала двойственный характер. Ведь историк, по самой сути своей, помещая такую оценку в свое исследование, согласился с ней.

Согласился, при этом — смягчив ее лишь одной оговоркой. Но какой!..

«Нужно, однако, сделать оговорку, что *наша историческая наука еще так молода, что почти только с Снегирева и начинается* разработка нашей монументальной археологии и сколько-нибудь научной этнографии» — писал Пыпин в своем исследовании³⁹. Другими словами, не отказываясь от забелинской характеристики трудов Снегирева, Пыпин переносил оценку научной деятельности ученого в плоскость оценки общего состояния новых научных направлений и осмыслял работы Снегирева в системе исследования того общего исторического процесса, в который он как ученый был вовлечен. И — чудо!..

Реальность, приобретая черты корректного осмысления, начинала восприниматься совершенно иначе, по-новому. Фигура Снегирева, стоящая у основания многих исторических наук (таких, как археология, этнография, фольклористика, краеведение, а также — языкознание в некоторых его разделах, таких, как словарный состав русского языка, фразеология, этимология, лексикология), объединенные определением Пыпина «науки о народе», «народознание» — такая фигура ученого приобретала краски нравственного измерения. В лучах подобного измерения

исследователь выглядел как личность не только достойная и значительная, но и знаковая. Этот скромный человек, всем сердцем и душой погруженный в живой нехоженный пласт материальной составляющей науки, дал импульс многим направлениям будущих научных исканий, — и потом был просто отброшен стремительным развитием тех молодых сил, которые он сам же и вызвал к жизни. Именно таким увидел Пыпин фигуру ученого и определил его на почетное *первое* место в общем процессе «народоузнавания».

Мало того, реальное лицо первопроходца в науке преобразуется историком. Он принимает высокий образ исторической личности, в деятельности которой обозначились со всеми достоинствами и недостатками особенности первых шагов целого направления «нашего просвещения», устремленного в область изучения народа, «народных начал».

Таким образом, Пыпин, на примере становления и развития русской этнографии как отдельной самостоятельной науки, создает такую широкую картину, которая вбирала в себя не только изучаемый научный процесс. Его картина охватывала и описание нравственной почвы, являющейся основой этой науки и питающей ее. Ученый моделирует определенное направление общественного коллективного сознания, которое он обозначает как «народоузнавание», и анализирует не только его развитие, но и вглядывается в его почвенные основания, от которых оно брало силы для своего становления и развития. Другими словами, ученый, чтобы определить новые тенденции и курсы исторической науки, рассматривал также и те духовные области коллективного переживания, в которых формировались новые науки «народознания» как реальная данность и закреплялись как нравственные нормы общества. Он рассматривал их как реальную данность, как важные ее элементы, которые формировали новое научное знание. И в этом новом, живом, вырабатываемом направлении русской мысли Пыпин рассматривал труд Снегирева как его важную, неотъемлемую, составную часть. Его деятельность в этой общей картине представляла такое звено, которое было промежуточным между тем, что вовсе не являлось наукой, а было только областью чувствительного нравственного переживания, и тем, что начинало выстраиваться как упорядо-

ченная, стройная система знаний. В подобном взгляде на процесс образования и формирования науки, научного знания — труд Снегирева, как промежуточная составляющая, получал возможность оцениваться в двойных системах измерения. С одной стороны — это был реальный прорыв в науке народознания, с другой стороны — он представлял уже лицо будущей науки. Таким образом, в оценку труда, как и в характеристику самой личности первопроходца науки, вторгались суждения, исходящие из звеньев ценностно различных систем.

Предложенная Пыпиным модель изучения русской этнографии, ценностной составляющей всего ее направления, способствовала тому, что последующим историкам науки и исследователям в неточных работах Снегирева, а также в трудах других предшественников удалось увидеть нечто большее. А именно — то общее, что объединяло очень разных, горячих и максималистски непримиримых в суждениях исследователей. Самому Пыпину это позволило поставить рядом с И. М. Снегиревым, в один с ним ряд, его нетерпимого оппонента Забелина, обнаружив то, что, безусловно, роднило их: творчество, живое проявление воли, таланта и ума. В их творчестве Пыпин прозорливо рассмотрел выражение «великой созидательной силы», которая неумолимо питала, постоянно будоражила, «возбуждала национальный инстинкт» их единения с народом, что определяло идейное движение образованных классов к «великому немому» — «темному», «невежественному», замкнутому в своей грубой языческой первозданности. Таким образом, в исторической концепции А. Н. Пыпина Снегирев приобрел черты первопроходца научного осмысления современных проблем: он открывал мир истинного «великого немого». В этом сам Пыпин видел объективные заслуги ученого и заставлял читателей признать их.

Такой взгляд, безусловно, поднимал, укрупнял фигуру Снегирева: он справедливо представал как важная, знаковая личность отечественной культуры. Под пером историка этот труженик науки становился символом целой плеяды ученых, подготовивших новый, более высокий этап гуманитарного изучения народа. Именно он — Иван Михайлович Снегирев (или, по выражению Пыпина, «почти он») смог, — и смог настолько, насколько хватило сил, — отворить двери в мир народной культуры.

Характерную оговорку в утверждении Пыпина, что «с него, или почти с него», начинается русская этнография, можно сравнить только с пушкинской строкой: «старик Державин нас заметил». Она также красноречива и также верно несет в себе заряд огромного обобщения, указывая на заключенную в ней множественность. Действительно, пришедший к поэту образ Державина после первоначальной строки с перечислением целого ряда известных, замечательных имен того времени, придал его имени силу художественного обобщения. Действительно, у А. С. Пушкина имя великого поэта, вобрав в объем своего образа имена многих поэтов, предстало как мощный образ целой эпохи. Пыпин делает так же: за именем Снегирева он подразумевал и других деятелей на новой ниве «народоведения», а потому оно вобрало в себя силу целого направления в русской исторической науке.

По мысли историка, в этом образе выразилось стремление «нового образования к изучению народности», которое было продиктовано настроением сочувствия к народу и окрашено благородным общественным пафосом улучшения его положения («поднятия положения народной массы»). Пыпинский образ ученого был согрет лучами высоких идей просветительства. При этом он полностью принадлежал русскому сознанию, а не западному слепому копированию и подражанию.

Исторический образ Снегирева, раскрытый А. Н. Пыпиным, представлял русского просветителя.

Ученый создает интересный, содержательно насыщенный образ историка Снегирева — и обходится без гиперболических всплесков: ему не нужны ни восторги, ни осуждения. Он чист и прям в своих суждениях. Однако хотелось бы обратить внимание на то, что, создавая замечательный образ ученого-первопроходца, историк А. Н. Пыпин выходит за рамки строгой исторической науки. Он создает свой исторический портрет И. М. Снегирева. При этом Пыпин формирует его по законам художественного построения образа. И его образ ученого противостоит лирическому образу поэта пушкинской поэзии, который отражал объективный мир через себя. Герой Пыпина искал объективный мир в предмете своего пристального внимания, в изучении объективного мира народной жизни. Пыпин раскрывает своего героя через процесс выявления в его деятельности

типологических черт своей исторической эпохи, и потому, создавая его духовный объем, он невольно вступал в область таких обобщений, к которым стремились писатели. Вставляя избранное лицо в процесс деятельности, общий для многих, он невольно определял своего героя не только чертами этой деятельности, но и общими качествами людей, включенных в коллективное сотрудничество.

И здесь надо сказать, что в разработке самого приема обобщения Пыпин был близок не только Пушкину, но и Ф. М. Достоевскому, который много размышлял об особенностях воспроизведения исторической действительности. «Историческая действительность, например, в искусстве, конечно, не та, что текущая <...> — именно тем, что она законченная, а не текущая», — вот то основное положение, которое сближает для нас историка Пыпина и художника-писателя Достоевского в их взгляде на изображение исторической реальности. Следует подчеркнуть, что писатель находил в подобном восприятии прошлого простой психологический момент, присущий каждому человеку: «Спросите какого угодно психолога, и он объяснит вам, что если воображать прошедшее событие и особенно давно прошедшее, завершённое, историческое <...>, то событие непременно представится в законченном его виде, то есть с прибавлением всего последующего его развития», — так писал Достоевский в своей статье «По поводу выставки», размышляя об известной картине художника Н. Н. Ге «Тайная Вечера».

Мало того, в романе «Братья Карамазовы» Достоевский дал фамильное имя реального Снегирева своему герою штабс-капитану Снегиреву, отцу «авраамовых недр». Такое утверждение не кажется нам случайным. Как представляется, Достоевский, как и Пыпин, разглядел в судьбе реального Снегирева такой типологический момент исторической «законченности», который позволял обнаружить в нем новый тип русского деятеля, деятельность которого полностью была обращена к народному миру. Такое чисто человеческое, психологическое переживание прошлого делало Пыпина и Достоевского близкими в восприятии конкретного деятеля русского просвещения, каким являлся ученый, профессор русской истории И. М. Снегирев. Пыпин воспроизвел образ Снегирева в своем историческом

исследовании, посвященном русской этнографии, как первоходца исторической науки о народе. Достоевский раскрыл свое представление о русском просветителе в художественном произведении «Братья Карамазовы»: его герой штабс-капитан Снегирев впускал главного героя романа, Алешу Карамазова, в мир «великого немого», скрытый от всех молчанием незнания. Именно он поведал Алеше о мучительных «надрывах» бессилия и гнева в «недрах Авраамовых». Действительно, эти тайные «недра» русского быта и народного сознания являлись закрытой сферой в русском обществе до появления таких деятелей, как реальный бытописатель Снегирев. Нам же важно подчеркнуть, что такое восприятие писателем реального Снегирева и его заслуг перед обществом было полностью созвучно пыпинскому изображению. Таким образом, как историк, так и художник создавали исторический портрет выбранного ими героя, используя при этом один и тот же прием, базирующийся на психологической основе представления события прошлого «непрерывно в законченном его виде, то есть с прибавлением всего последующего его развития».

Выбор Достоевского реального имени Снегирева для своего героя штабс-капитана Снегирева в романе «Братья Карамазовы» был, как можно утверждать, для писателя не случайным. Эта фамилия вносила в художественный образ «униженного», обиженного, «оскорбленного» штабс-капитана живые краски реального деятеля науки Ивана Михайловича Снегирева, трудолюбивого, скромного труженика на ниве русского просвещения. Как и героя Достоевского, его, совершенно не оцененного современниками по достоинству, не обошла худая слава, которая «бежит дальше» и гораздо «быстрее, чем добрая слава»⁴⁰. Со страниц романа Достоевского его образ поднимался как трагический образ «униженного» героя, который обретал силу слова, выношенного в страдании и муке. Так Снегирев в произведении писателя, отец российских «авраамовых недр» — с одной стороны, открывал главному герою Алексею Карамазову дверь в трагический мир народной жизни, в «недра» «темного царства». С другой стороны — он выступал «цензором» в этих мучительных «недрах» и учил мужеству терпения своего сына, горящего «великим гневом» и ненавистью к обидчику Дмитрию Карама-

зову и стремящегося вырваться в другую, новую жизнь из бесправия этого «мертвого царства». При этом старший Снегирев полностью разделял гнев своего «мальчика». Не отразилась ли в произведении Достоевского, в «возмутительной сцене с мочалкой», подлинная история реального Снегирева-цензора, когда он в связи с пропуском статьи «Очерки истории университетской типографии», в которой шла речь о деятельности Н. И. Новикова, был вынужден в 1855 году подать в отставку за «вольнлюбивые идеи»?⁴¹ Тут достаточно вспомнить, что цензор Снегирев печально закончил свою государственную службу. Он был отстранен от службы, осужден и понес не только моральный ущерб, но и материальный, т. к. «нерадение» по службе, сказавшееся в пропуске «вольнлюбивых» материалов, сильно отразилось на его пенсии и он умер в полной нищете.

В художественном образе Снегирева писатель отразил реальную бедность и неустроенность Ивана Михайловича Снегирева, которого без конца щипали, третировали, унижали деятели литературы в связи с его цензорской работой. И впрямь, безобразная сцена, когда Дмитрий Карамазов тащит за бородавку по площади несчастного штабс-капитана Снегирева, который выполнял тайные поручения старшего Карамазова — не является ли эта сцена художественным переложением писателем реальных событий, связанных с публикацией Джильса Флетчера?⁴²

Конечно, реальный Снегирев и его литературный однофамилец существуют на разных уровнях нашего восприятия, но нравственно — их положение одинаково. Их преследуют унижения, обиды, оскорбления.

При этом Снегирев Достоевского, так же, как и Снегирев Пыпина, духовно сильный герой, как и реальный деятель русского просвещения. В нем живет нравственный мудрец, прекрасно знающий жизнь, и великан науки духовного преодоления её страданий, мук, тягот и разочарований. Снегирев Достоевского объясняет Илюшечке реальное мироустройство и сдерживает справедливый гнев сына, стремится привить ему «нравственно-добрые» чувства. Мало того, какой урок он преподносит Алексею Федоровичу Карамазову! Будущему защитнику народа раскрывается страшная изнанка тех высоких, гордых понятий, которые пришли в Россию с великой эпохой Просвещения.

Начало ее было отмечено яркими именами, которые стали гордостью человечества. Однако идеи Запада постепенно проходили проверку в «недрах» народной мудрости. И незаметные, скромные труженики, штабс-капитаны Снегиревы, терпеливо и властно поворачивали идейные искания общества в сторону российского «народознания», русского Просвещения. В системе современной Достоевскому бюрократической России именно они оказались посильными носителями новых идей, новых направлений в системе просвещения, невидимыми деятелями на ниве духовного развития общества, раскрывая ему дали российского Просвещения.

В связи со всем вышесказанным хотелось бы обратить особое внимание на то, что для современников и для потомков образ Снегирева носил двойственный характер. Он двоился, распадаясь на несоединимые и непримиримые составляющие части. Казалось, будто в истории русской культуры существовало два Снегирева — и одному воздавалась благодарность, а другого всюду преследовали негодование, окрик и гнев. При этом историк Пыпин и писатель Достоевский, каждый исходя из своего материала, объясняли эту двойственность одинаково, предлагая каждый свой образ Снегирева: герой их внимания находился на той грани своего существования, которая делала его в одной системе восприятия великаном, а в другой — сводила его к «точечному герою», обозначенному только фамильным именем. И это ценно, что образы совершенно разных мыслителей, по самой своей сути, были схожи. Это тем более представляет интерес, что личные отношения этих людей никогда не были даже прохладными — Достоевский и Пыпин были абсолютно далеки, не приемля вообще творчество друг друга. Достоевскому претило либерально-атеистическое западничество Пыпина. Он утверждал, что «бесплотный и беспредметный либерализм г-на Пыпина — мертвый либерализм»⁴³, и в записных тетрадях Достоевского 1872–1875 гг. находим нелюбимую, откровенную запись, не уступающую эмоциональным окрикам Белинского: «Г-н Пыпин. Пыпин не легкомысленный, г-н Пыпин — тупица, угрюмая тупица. Что бы он прочел — это только воз с сеном — пока развалится телега»⁴⁴.

Пыпина же раздражал «нервический» тон повествований Достоевского, которого он просто не принимал. В заключительной

статье цикла «Характеристика литературных мнений от двадцатых до пятидесятых годов» Пыпин писал о Достоевском: «Нынешний редактор “Гражданина” приобрел тогда (“Бедными людьми”) свою славу как писатель беллетристический, известного гражданско-филантропического характера, навеянного Гоголем, — но о других его произведениях Белинский еще тогда же метко говорил как о “нервической чепухе”, которая в последнее время и господствует, кажется, безраздельно в его произведениях»⁴⁵.

---

¹ Иван Михайлович Снегирев: Библиографический указатель // Гос. публ. ист. биб-ка / Сост. О. Ф. Бойков. М., 1994.

² *Рогова Н. Б.* М. М. Снегирев и И. М. Снегирев — профессора Московского университета. / *Философский век. Альманах 28. История университетского образования в России и международные традиции просвещения*. 1. СПб., 2005. С. 133–145.

³ *Снегирев М. М.* (1760–1820). Слово о пользе нравственного просвещения на всерадостный день тезоименитства его императорского величества и Самодержца Всея России Павла Первого... // Иван Михайлович Снегирев. Биографический очерк. С приложением программы издания «Старина русской земли» и речей, произносимых в императорском Московском университете... СПб., 1871. С. 428–429.

⁴ *Снегирев И. М.* (1792–1868). Речь о том, что истинное просвещение основывается на благочестии и любви к Отечеству, по случаю воспоминания дня основания императорского Московского университета и совершившегося в Москве коронации Государя Императора Николая I, произнесенная в собрании членов Университета 12 января 1827 года... // Иван Михайлович Снегирев. Биографический очерк. С. 283–307.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ *Фергусон А.* Начальные основания нравственной философии / Переведено с немецкого А. Брянцевым. М., 1804. С. 8–9. (Параллельно с переводом Брянцева был осуществлен еще один перевод этой работы под названием: Наставления нравственной философии. Сочинение Адама Фергюсона, доктора законов, профессора нравственной философии в Эдинбургском университете / Перевел с англ. нового издания пополненного Василий Созонович. СПб., 1804).

⁷ *Гене А.* Иудейские письма к г. Вольтеру, с прибавлением сокращенного комментария. М., 1808. С. VII.

⁸ Там же. С. 9.

- ⁹ См. классическую работу В. Соловьева «Нравственная философия или Оправдание добра». В отличие от наших героев, Соловьеву в конце XIX века уже приходилось оправдывать добро и защищать основы нравственной философии.
- ¹⁰ *Снегирев И. М.* Пятидесятилетие 1812 года // Душеполезное чтение. 1862. Ч. 3. Кн. 10. Отд. отд. [М., 1862]. С. 4.
- ¹¹ *Снегирев И. М.* Там же.
- ¹² *Забелин И. Е.* «Опыт изучения русских древностей и истории» Ч. II. М., 1873. С. 119–122.
- ¹³ *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина. Т. 2. М., 1937. С. 73–75.
- ¹⁴ *Растопчина Е. П.* Письмо к М. П. Погодину от 17 сентября 1843 года / Евдокия Ростопчина. Стихотворения. Проза. Письма. М., 1986. С. 347.
- ¹⁵ *Вересаев В. В.* Спутники Пушкина. Т. 2. Гл.: Иван Михайлович Снегирев (1792–1868). С. 73–75.
- ¹⁶ Воспоминания И. А. Гончарова приводятся В. В. Вересаевым в его книге «Спутники Пушкина» (См.: Там же. С. 74.)
- ¹⁷ *Левандовский А. А.* Время Грановского: формирование русской интеллигенции в 30–40-е гг. XIX в. М., 1990. С. 90–91.
- ¹⁸ *Барсуков Н. И.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. Гл. LVII. С. 494.
- ¹⁹ Джильс Флетчер — автор сочинения о Московском государстве в XVI столетии под названием «О Государстве Русском», которое было опубликовано в 1591 году в Лондоне.
- ²⁰ Русский биографический словарь. Т. 3: Бетанкур–Бякстер. СПб., 1903. С. 165.
- ²¹ ОР РНБ. Ф. 831. Цензурные материалы. Ед. хр. 5; Ф. 208. Головин А. В. Ед. хр. 232.
- ²² Там же. Ед. хр. 5. Л. 43 об.
- ²³ Там же. Ед. хр. 5. Л. 44 об.
- ²⁴ *Барсуков Н. И.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. С. 174.
- ²⁵ *К[нязь]. М. Оболенский.* Предисловие / *Флетчер Дж.* О Государстве Русском. М., 1848. С. III.
- ²⁶ Достаточно указать работы современных исследователей: *Рогожин Н. М.* Проезжая по Московии. М., 1991; *Панченко А. М.* Смех в Древней Руси; *Колобков В. А.* Митрополит Филипп и становление московского самодержавия: Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004.
- ²⁷ *Барсуков Н. И.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 10. Гл. XVIII. С. 165–175.
- С. Г. Строганов — попечитель Московского учебного округа в 1835–1847 гг.; С. С. Уваров — государственный деятель, Министр Просвещения в 1833–1849 гг и президент АН; О. М. Бодянский — про-

- фессор истории и литературы славянских наречий в Московском Университете, издавал «Чтения» в звании секретаря Московского Общества истории и древностей Российских (1846–1848; 1858–1877); М. П. Погодин — историк, писатель, журналист.
- ²⁸ *Снегирев М. М.* Слово о пользе нравственного просвещения на день тезоименитства Императора и Самодержца Всея России Павла Первого. С. 428–439.
- ²⁹ *Карамзин Н. М.* Предисловие // История Государства Российского. СПб., 1818. С. X.
- ³⁰ *Снегирев И. М.* Речь о том, что истинное просвещение основывается на благочестии и любви к Отечеству, по случаю воспоминания дня основания императорского Московского университета и совершившегося в Москве коронавания Государя Императора Николая I, произнесенная в собрании членов Университета 12 января 1827 года. С. 301.
- ³¹ *Карамзин Н. М.* Предисловие // История Государства Российского. С. IX, XI.
- ³² То же. С.
- ³³ Там же. С. 301–302.
- ³⁴ *Лернер Н. О.* Заметка о Пушкине. IX. Из «Журнала» И. М. Снегирева (1825–1827 гг.) о Пушкине // Пушкин и его современники. Вып. XVI. СПб., 1913. С. 46.
- ³⁵ Еще студентом А. Н. Пыпин участвовал в работе над составлением словаря к летописям и получил навык работы со словом.
- ³⁶ *Пытин А. Н.* История русской этнографии. СПб., 1890. С. 18.
- ³⁷ Там же. С. 21.
- ³⁸ Там же. С. 13.
- ³⁹ Там же. С. 15.
- ⁴⁰ Добрая слава в углу сидит, худая слава по дорожке бежит; Добрая слава за печкой сидит, а худая по свету бежит; Нет человека, чтоб худая слава не прошла и т. д. (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт.) Т. 2 М., 1994. Стлб.381–382.
- ⁴¹ *Мезьер А. В.* Словарь русских цензоров: Материалы к библиогр. по истории рус. цензуры. М., 2000. С. 103–104; *Тарасов Е.* Снегирев И. М. // Русский биографический словарь. СПб., 1909. Т. 19. С. 10.
- ⁴² *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений в тридцати томах. Т. XIV. Л., 1976. С. 176.
- ⁴³ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 20. С. 258.
- ⁴⁴ *Достоевский Ф. М.* Там же. Т. 21. С. 254.
- ⁴⁵ Вестник Европы. 1873. № 7; Летопись жизни. Т. 2. С. 254.

И. Е. Барыкина

Граф Д. А. Толстой как историк*

«Граф Д. А. Толстой как историк» — так назвал свой критический очерк, опубликованный в 1904 г., писатель К. А. Скальковский¹. С точки зрения современной историографии этот заголовок весьма спорен. Несмотря на то, что гр. Д. А. Толстой был автором впечатляющего количества исторических сочинений, членом-основателем Императорского Русского исторического общества, он больше известен благодаря своей административной деятельности как чиновник высокого ранга, занимавший ответственные государственные посты и оставивший свой след в политической жизни Российской империи второй половины XIX в. Уникальная автобиографическая заметка, сделанная рукой этого сановника во втором томе альбома автографов современных русских деятелей «Знакомые» журнала «Русская старина» по просьбе его издателя, М. И. Семевского, 16 ноября 1882 г., не только дает представление о карьере Дмитрия Андреевича, но и позволяет понять, какие этапы он в ней выделял. Как один из немногих дошедших до нас автографов гр. Д. А. Толстого личного характера, эта короткая заметка заслуживает того, чтобы быть приведенной здесь полностью.

---

* Данная статья написана при финансовой поддержке РГНФ (№ 07-01-93214а/к).

«Граф Д. А. Толстой родился в Москве 1го марта 1823 года. Кончил курс в царскосельском лицее в декабре 1842 г. Начал службу в канцелярии императрицы Александры Федоровны. В 1853 г., бывши вице-директором, управлял департаментом духовных дел иностранных исповеданий. Потом, в продолжении семи лет, был директором канцелярии морского министерства. В 1862 г. назначен был сенатором, в 1865 г. — обер-прокурором Синода, в 1866 г. — министром народного просвещения, в 1880 г. — членом государственного совета, в 1882 г. — министром внутренних дел»².

Однако без освещения ученых трудов гр. Д. А. Толстого, которыми он занимался на протяжении своей успешной карьеры, его биография будет неполной. Современники Д. А. Толстого, признававшие его вклад в историческую науку, отмечали научную деятельность графа, «достаточно обширную и посвященную различным вопросам в области русской исторической науки»³. В некрологах, появившихся в прессе в 1889 г., после его смерти, приводился перечень исторических сочинений гр. Толстого, которым давались высокие оценки. Авторы отзывов были единодушны в том, что «русская наука потеряла в нем трудолюбивого ученого деятеля»⁴, стоявшего «в ряду выдающихся русских писателей»⁵.

В то же время нужно признать, что научный характер сочинений гр. Д. А. Толстого был поставлен строгими критиками под сомнение еще при его жизни. Злые языки утверждали, что в своих работах он беззастенчиво использовал подготовительные материалы, собранные его знакомыми. К. А. Скальковский считал, что сочинения этого государственного деятеля не имели никакого отношения к исторической науке. Название очерка Константина Аполлоновича, посвященного гр. Толстому, скорее звучит как иронический вопрос, чем как бесспорное утверждение.

При столкновении двух противоположных точек зрения обычно принято находить золотую середину. Но этого недостаточно для ответа на вопрос, можно ли считать гр. Д. А. Толстого ученым-историком. В данном случае необходимо сначала выяснить причины, сформировавшие столь различные мнения о его трудах, а затем обратиться к разбору самих сочинений и определить, насколько методы и приемы исследования, которые ис-

пользовал их автор, соответствовали методологии исторической науки того времени.

В отношении критических замечаний в адрес гр. Д. А. Толстого нужно заметить, во-первых, что они раздавались из уст его политических противников. Так, неприязнь К. А. Скальковского к Толстому вполне объяснима. По мнению писателя, активно сотрудничавшего с «Санкт-Петербургскими ведомостями», Д. А. Толстой разорил редакцию газеты в отместку за то, что она вела полемику против классицизма в образовании. Кроме того, Дмитрий Андреевич посоветовал брату писателя не продолжать печатание воспоминаний о М. Т. Лорис-Меликове, так как не простил последнему своего увольнения в 1880 г. Поэтому у Скальковского были личные основания считать Дмитрия Андреевича мстительным и злопамятным человеком, не разбиравшимся в тонкостях филологии и не способным оценить важность мемуаров, и, следовательно, не понимавшим ни древней, ни современной истории. Очевидно, происходило смешение отношения к историческим работам гр. Д. А. Толстого и к его деятельности министра. Нерасположение к министру распространялось и на исторические сочинения, им написанные. Этот взгляд унаследовала и советская историография.

Во-вторых, прислушиваясь к строгой критике, не нужно забывать, что она прозвучала в конце XIX – начале XX вв., когда историческая наука переживала свой расцвет, и уже были основательно разработаны ее предмет и методы исследования. В первой половине и середине XIX в. она находилась еще в стадии становления и относилась к особому виду литературного творчества. Достаточно вспомнить, что один из «отцов-основателей» отечественной исторической традиции, Н. М. Карамзин, в то же время был талантливым писателем, представителем русского сентиментализма, а А. С. Пушкин параллельно с повестью «Капитанская дочка» написал «Историю пугачевского бунта». Главным методом исторического исследования было описание событий; не случайно в критических статьях и историко-библиографических обзорах авторов исторических сочинений чаще называли «писателями» или «литераторами», реже — «историками». В российских университетах в то время был не исторический, а историко-филологический факультет; история же пре-

имущественно развивалась как история права, что нашло свое отражение и в работах Д. А. Толстого. Весьма характерно, что статья под названием «Гр. Д. А. Толстой как историк» появилась именно в начале XX в. Подобная терминология не была широко распространена в публицистике второй половины XIX в. Писатель С. С. Трубачев в 1889 г. предпослал своему очерку заглавие «Ученые труды гр. Д. А. Толстого», а публицист-народник С. Н. Кривенко в своих воспоминаниях называл труды Толстого «литературными»⁶. Да и сам Дмитрий Андреевич в молодости имел намерение заняться беллетристикой, задумывая в 1847–1848 гг. повесть о провинциальной губернской жизни, «оригинальные черты быта» которой он подметил в Твери⁷. И все же в начале XIX в. основные критерии, которым должен был отвечать исторический труд, были определены: достоверность фактов, установление связи между ними и их «живое» изложение. С середины XIX в. к описательному добавился прагматический подход, заключающийся в объяснении излагаемых событий с помощью построения историком своей системы.

Развитие исторической науки в XIX в. происходило на фоне растущего интереса русского общества к отечественной истории. Увлечение историей было свойственно не только именитым писателям, но также чиновникам и государственным деятелям. Получив соответствующее тому времени универсальное образование, они были своего рода энциклопедистами, способными рассуждать на многие темы. Например, гр. С. С. Уваров, министр народного просвещения, президент Императорской Академии наук был признан и как историк. Его пример оказал большое влияние на гр. Д. А. Толстого, который пытался следовать ему во всем. Успешно сочетал служебные обязанности директора Департамента полиции и изучение истории дядя Толстого, Дмитрий Николаевич, заменивший племяннику отца и принимавший большое участие в его воспитании и образовании.

Первое историческое сочинение было опубликовано Дмитрием Андреевичем в 1842 г., последнее — в 1888 г. В течение 45 лет из-под его пера вышло более двадцати сочинений, самыми известными из которых были статьи «О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-коллегии» (1855), «Иосиф, митрополит Ли-

товский и воссоединение униатов с православной церковью» (1875), «Верельский мирный договор с Швецией 3 августа 1790 г.» (1887), исторический отрывок «Об иезуитах в Москве и Петербурге» (1859), «Заметка об описании Синодального архива» (1876). В 1887 г. он поместил в «Русском Архиве» несколько архивных документов: «Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого 1697 г.» и «Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу графу П. А. Румянцеву-Задунайскому», сопроводив их предисловием.

В обществе сложилось представление, что каждой занимаемой им должности соответствовал какой-нибудь печатный труд: статья, заметка или книга. Действительно, его карьера и научная деятельность тесно переплелись. Историей создания Адмиралтейской коллегии Толстой занимался по долгу службы в Морском министерстве, с Синодальным архивом и записками Литовского митрополита Иосифа познакомился, будучи обер-прокурором Святейшего Синода, а на посту президента Императорской Академии наук он получил возможность опубликовать имевшиеся в ее архиве исторические источники. Чаще всего основой его работ становились «казенные материалы»⁸, хранившиеся в ведомстве, в котором он служил в то время. Изучение их позволило Дмитрию Андреевичу создать несколько капитальных трудов: «История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II» (1847), «Римский католицизм в России» (1848), справочная книжка «Люди екатерининского времени» (1882) и исследование по истории русского просвещения, состоящее из четырех частей — «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г.» (1883), «Академическая гимназия в XVIII столетии» и «Академический университет в XVIII столетии» (1885), «Городские училища в царствование императрицы Екатерины II» (1886). Все они выделялись из общего ряда его работ по своему объему и значимости, были замечены современниками Толстого и не потеряли своего значения для нового поколения историков, подобно своим предшественникам, ссылавшихся на них в своих монографиях и статьях. Разбирая эти исторические сочинения, написанные в разные годы и представлявшие своеобразные вехи в творчестве их автора, можно составить понятие о его научной

лаборатории, стиле исторического мышления и методах описания и объяснения, им применяемых.

Интерес Дмитрия Андреевича к истории проявился во время его учебы в Царскосельском лицее в 1841–1842 гг. Он был лучшим учеником своего курса, получившим на выпускном экзамене самый высокий балл, награжденным большой золотой медалью и выпущенным с чином IX класса. В 1842 г. «Отечественные записки» напечатали первую статью девятнадцатилетнего лицеиста «О винной регалии в России до времен Петра Великого», которая, возможно, была вариантом его выпускного сочинения, а позднее стала главой будущей книги. Его лицейский товарищ А. В. Головнин, ставший в 1861 г. министром народного просвещения, отмечал склонность Толстого к архивным изысканиям и кабинетным занятиям, а также его образованность, эрудицию, трудолюбие, усидчивость и усердие⁹. После окончания учебы Толстой планировал полностью посвятить себя научной работе, получив степень магистра на философском или юридическом факультетах Петербургского или Московского университетов, но этим планам не суждено было осуществиться. По положению об испытаниях на ученую степень, утвержденному 28 апреля 1837 г., из-за несоответствия лицейского учебного курса университетской программе лицеисту, прежде чем претендовать на степень магистра, нужно было выдержать испытание на степень кандидата¹⁰. Д. А. Толстой не имел возможности готовиться к кандидатским экзаменам из-за отсутствия денежных средств: материальное положение его было настолько тяжелым, что он был вынужден, преодолев свою гордость, приходить без приглашения на обеды к знакомым¹¹.

В тот период он оставил попытки получить ученую степень, но все же продолжил занятия наукой. В этом ему способствовало знакомство с А. С. Уваровым, сыном гр. С. С. Уварова, в подмосковном имении которого, Поречье, он проводил лето во второй половине 1840-х гг. Вместе с ним там гостили профессора Московского университета: Т. Н. Грановский, С. П. Шевырев, Д. М. Перевошиков, И. И. Давыдов, М. П. Погодин. Кроме приятного времяпрепровождения, начинающий историк имел возможность прослушать лекции по истории средних веков, русской истории и словесности, которые ученые читали по очереди

для собравшегося общества. Кроме того, С. С. Уваров, благоволивший молодому человеку и видевший в нем своего преемника по Министерству народного просвещения, разрешил ему пользоваться пореченской библиотекой, и Толстой даже составил ее описание¹². Это пригодилось ему впоследствии: устраивая библиотеку в своем имении Маково, он уже имел представление о том, какой она должна быть.

После выпуска из лицея Д. А. Толстой был принят на службу в канцелярию е. и. в. императрицы Александры Федоровны по управлению учебными и благотворительными заведениями, в свободное время продолжая трудиться над историей финансов России, начало которой было положено его первой статьей. С конца 30-х гг. XIX в. российские любители истории получили возможность познакомиться с памятниками древнерусской литературы, законодательными актами и документами юридического характера X–XVII вв., хранившимися в монастырских, соборных и духовно-училищных собраниях рукописей и собранными в 1829–1834 гг. Археографической экспедицией под началом П. М. Строева, объехавшей северную и среднюю Россию, и с 1837 гг. издававшимися специально созданной Археографической комиссией. Четыре года упорного и кропотливого изучения недавно изданных и еще неизученных актов Археографической экспедиции принесли свои плоды — сочинение «История финансовых учреждений в России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II», присланное им на конкурс Императорской Академии наук в 1846 г., было увенчано полной Демидовской премией.

По примеру зарубежных академий Императорская Академия наук с середины XVIII в. и до 1918 г. объявляла различные темы конкурсных работ и учреждала премии для награждения победителей. Попробовать свои силы могли все желающие. Кроме того, при Академии наук были учреждены благотворительные премии, число которых со второй половины XIX в. постоянно росло. Первым донатором был П. Н. Демидов, по распоряжению которого, начиная с 1831 г. и до его смерти, а также в течение 25 лет после нее, из поступающих от его имени пожертвований Академия наук должна была ежегодно выплачивать премии в 5000 руб. ассигнациями (1428 руб. серебром) «авторам отлич-

нейших сочинений, коими в течение предшествовавшего года обогатится русская литература»¹³. По разработанному академиками «Положению о наградах, учрежденных 17 апреля 1831 года камергером П. Н. Демидовым», главным критерием отбора была новизна темы или оригинальность представленных выводов. К конкурсу допускались не только печатные работы, но и рукописи, «чисто и четко писанные»¹⁴. Если они удостоивались награды, то прежде должны были быть отпечатаны, для чего победителю выделялась особая сумма на покрытие издательских расходов. Рассмотрение конкурсных сочинений поручалось специально назначенным научным рецензентам. В претендентах на получение награды не было недостатка, процедура быстро прижилась, и в середине XIX века ежегодно на соискание Демидовских премий поступало не менее тридцати сочинений по различным предметам.

Денег на печатание сочинения у Дмитрия Андреевича не было, и молодой человек прислал на конкурс рукопись. Она состояла из пяти разделов, введения и заключения. Через год, когда рукопись была издана, автор дополнил ее предисловием, в котором разъяснил цели и методы своего исследования. Его интересовала история государственного управления — это было близко к истории права, — в изучение которой он внес свой вклад, разрабатывая новые материалы, чтобы «привести в известность и объяснить многие еще необследованные факты нашего прошедшего»¹⁵. Толстой предложил свой метод систематизации изученного материала: отказавшись от деления истории финансов на периоды, он разложил финансовую систему государства на элементы — «учреждения» (подати, сборы, регалии, государственные имущества, банки) и описал их происхождение и историческое развитие, т. е. выбрал не хронологический, а систематический подход. Всякую периодизацию истории финансовых отношений он считал искусственной, так как развитие этой сферы шло постепенно, без резких скачков, «изменяясь более соответственно с ходом народного просвещения, чем предписаниями верховной власти»¹⁶. В сочинении был задействован большой понятийный аппарат, каждое вводимое понятие сопровождалось соответствующими объяснениями, разработанными самим автором.

В предисловии Толстой указал на особенности своей работы: не имея доступа в архивы, он пользовался только изданными источниками, обнародованными незадолго до этого и еще недостаточно изученными — актами Археографической экспедиции; страницы его книги также пестрели ссылками на Полное собрание законов Российской империи в соответствии с правоведческим подходом, которого он придерживался. Из ссылок также следовало, что он познакомился и с сочинениями иностранных историков — Брессона, Ренье, Гюльмана, Бальи и др., прочитал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и внимательно проработал вышедший в 1833 г. и тоже отмеченный Демидовской премией труд Ю. А. Гагемейстера (впоследствии — товарища министра финансов) «Разыскание о древних финансах России».

Интересно, что автор не всегда соглашался с утверждениями других историков и сложившимися концепциями. Он оспорил правомерность введения подушной подати Петром I, поскольку это, по его мнению, привело с течением времени к истощению казны. Основанием для такого суждения было высказывание И. Т. Посошкова о том, что единица налогообложения должна иметь вещественное выражение, «понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижная и цены неимущая»¹⁷. Толстой считал, что в государственных интересах предпочтительнее было бы оставить посошную подать, заключавшуюся в обложении земельной собственности. Вообще, он пришел к выводу, что податная система развилась из сборов дани варяго-русскими князьями и прошла через три стадии: подворная (подымная), поголовная и поземельная (посошная), черты которой автор проследил вплоть до XIX в.

Его взгляд на характер развития финансовых учреждений в России и Западной Европе типичен для западника. В каждой главе Толстой проводил параллели, подчеркивая общие черты и придя в заключении к выводу о тождественности элементов русской и западноевропейской финансовых систем и их исторического развития, обусловленной «одинаковостью степени общественной цивилизации» России и государств средневековой Европы¹⁸. Происхождение финансовой системы Толстой вывел из «закона контрибуции», которую в период возникновения го-

сударства народ платит за «охранение, получаемое им от правительства»¹⁹.

Рецензентом «Истории финансовых учреждений» от Академии наук был назначен авторитетный историк, автор учебника для гимназий Н. Г. Устрялов. Он составил подробный разбор рукописи по главам, прочитанный им на торжественном заседании 24 мая 1847 г. и затем опубликованный в сборнике отчетов о присуждении наград за 1847 г.²⁰ Академик признал новизну данного исследования первоочередным достоинством сочинения. По мнению рецензента, это была «первая история старинных финансовых учреждений наших», потому что сочинение Ю. А. Гагемейстера относилось к Древней Руси и, вдобавок, к тому времени уже устарело. Кроме того, он отметил у автора хорошее знание истории и необходимые исследователю навыки, тщательность при сборе материала и умение работать с источниками, а также строгую логику изложения, сделав вывод, что сочинение гр. Д. А. Толстого можно считать «истинно ученым». Но при этом сочинение молодого ученого не было безупречным: Н. Г. Устрялов нашел неточности в ссылках и порекомендовал автору подправить стиль и избегать излишней резкости в суждениях, т. е. большей аналитичности. Однако названных недочетов было немного, достоинства сочинения перевесили его недостатки²¹, поэтому рукопись Толстого была удостоена полной Демидовской премии с выплатой 500 руб. серебром на ее издание.

Из восьми сочинений по истории, хронологии и древностям, присланных на Демидовский конкурс в 1846 г., отобраны были только четыре, считая рукопись Толстого. Это показывает, что отбор должен был быть серьезным, и к награждению рекомендованы только лучшие сочинения. Тем не менее, сразу же после издания в 1848 г. «История финансовых учреждений» была подвергнута резкой критике в «Отечественных записках»²². Статья не была подписана, но известно, что автором ее был экономист А. П. Заблоцкий-Десятовский, выпускник физико-математического факультета Московского университета, магистр математики, служивший в Министерстве государственных имуществ²³. Университетское образование и ученая степень позволили Андрею Парфеновичу сформулировать требования, предъявляемые к научной работе, и проследить, насколько им

соответствовало разбираемое сочинение, а опыт финансовой деятельности — отнестись к источникам с чисто специальной точки зрения. А. П. Заблоцкий указал, что Толстой неверно понял сущность финансовой системы, поскольку рассмотрел только источники доходов государства, оставив без внимания его расходы, что, по мнению критика, делало это сочинение собранием «замечаний о финансовых учреждениях России»²⁴. С позиций экономической науки это было весьма существенно, потому что следующее исследование по этой теме, появившееся в 1906 г., «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II» Н. Д. Чечулина, было уже составлено по разделам государственного бюджета: доходы, расходы, образование долга. В предисловии Н. Д. Чечулин написал, что сочинение Толстого «частями уже устарело», «постановка вопроса и степень разработанности» уже иные²⁵. А. П. Заблоцкий был также не согласен с отказом Толстого от периодизации истории финансовой системы. Другими недостатками сочинения, по его мнению, были поверхностный взгляд на ее эволюцию и неправильное понимание источников. Особые возражения критика вызвала авторская трактовка посошной подати и придаваемое ей «исключительное значение поземельной»²⁶. Опираясь на инвентарные описи княжеских имений, устав кн. Святослава, ярлык хана Узбека и работы В. Н. Татищева, критик доказал, что соха была вполне реальной единицей обложения — «определенным участком жителей, который платил известную податную единицу»²⁷. В результате такого критического разбора А. П. Заблоцкий пришел к выводу о «недостатке» в работе Толстого «верного» взгляда на историю²⁸.

Вполне логичен вопрос, почему академик Устрялов в своей рецензии обошел все эти моменты? В ответ на него можно высказать два предположения. Во-первых, в Демидовских конкурсах Академии наук участвовали любители истории, а не профессиональные историки, поэтому главными условиями являлись новизна темы и оригинальность исследования, а этим критериям сочинение Дмитрия Андреевича полностью отвечало. Вопрос о сущности посошной подати оставался открытым, и ответ на него зависел от избираемого историком подхода; к хронологическому же принципу изложения и Н. Г. Устрялов, и С. М. Соловьев

(чьи труды Д. А. Толстой изучал самым тщательным образом, что видно по ссылкам в его сочинениях) относились неоднозначно, отдавая предпочтение проблемному подходу как более полно раскрывающему внутреннюю связь явлений²⁹. И, во-вторых, покровительство, которое гр. С. С. Уваров, министр народного просвещения и президент Академии наук, оказывал Толстому, могло способствовать тому, что сочинение конкурсанта было отдано в руки благожелательно настроенного рецензента. Десять лет назад, в 1837 г., Уваров поддержал предлагаемую Устряловым концепцию русской истории, и по распоряжению министра учебник Устрялова получил статус официального учебного пособия для гимназий, несмотря на то, что существовал вариант, разработанный другим известным историком М. П. Погодиным³⁰.

Прочитав статью в «Отечественных записках», Д. А. Толстой вступился за свое детище, ответив в довольно резком тоне в мартовском номере «Северного обозрения»³¹. Он очень ревниво относился к своему первому крупному сочинению, а критическая статья, к тому же анонимная, болезненно ранила его самолюбие. Признав, что труд его не был лишен недостатков, Толстой, тем не менее, отрицал справедливость названных выше критических замечаний. Он настаивал на поземельном характере посошной подати и отстаивал принятый им метод изложения, повторив, что он не имел возможности проследить историю расходов государства из-за отсутствия доступа в архивы. Толстой доказывал, что его исследование было достоверным, последовательным и обоснованным. Но обиднее всего ему показался упрек в «списывании» ссылок на иностранных авторов из «какого-нибудь немецкого учебника»³². Дмитрий Андреевич даже пригласил «господина критика» посмотреть его библиотеку, чтобы убедиться, что эти книги «существуют перед глазами сочинителя»³³.

Невзирая на критику, Толстой продолжил разработку этой темы в статье «О статистических работах межевых чинов в царствование императрицы Екатерины II», вышедшей в 1848 г. в «Журнале Министерства внутренних дел» — министерства, в которое Толстой перешел на службу, став в сентябре 1847 г. чиновником особых поручений при Департаменте духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Статья была написана на основании документов, хранившихся

в Чертежном архиве Московской межевой канцелярии и «некоторых губернских чертежнях» и рассматривала складывание государственной статистической системы в период генерального размежевания, проведенного по распоряжению Екатерины II. Однако более известно другое сочинение Толстого, написанное им в период службы в Министерстве внутренних дел — 2-томное исследование «Римский католицизм в России».

В начале января 1848 г. «по Высочайшей воле», т. е. по распоряжению самого императора Николая I, гр. Д. А. Толстому было поручено составить историю «постепенного появления и развития иностранных исповеданий в России, равно всех законодательных и распорядительных мер правительства по сему предмету»³⁴. Очевидно, правительство решило использовать склонность гр. Толстого к систематизации истории отраслей государственного управления и учло его готовность браться за новое дело, особенно если оно сулило карьерный рост. Сама мысль о подобном поручении появилась в связи с необходимостью склонить общественное мнение Западной Европы к положительной оценке подписанного Россией в 1847 г. конкордата с Ватиканом.

С XVIII в. в России шел процесс огосударствления церкви, не только православной, но и католической. После разделов Речи Посполитой и вхождения западных территорий в состав Российской империи главной задачей верховной власти стала организация управления католическим населением таким образом, чтобы вывести его из подчинения Ватикану. Первые шаги на этом пути были предприняты Екатериной II, завершающие — Николаем I, подписавшим в 1847 г., через два года после своего визита в Рим, конкордат с папским двором. В итоге католические монастыри, главный оплот Ватикана в России, были лишены самостоятельности и подчинены епархиальным епископам, назначавшимся императором из российских подданных, но по согласованию с римским папой³⁵, все официальные отношения русского католического духовенства с Ватиканом велись через Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел.

Несмотря на достигнутое соглашение, католический вопрос в России не был решен, поскольку был тесно связан с национальным вопросом — стремлением поляков во что бы то ни стало до-

биться независимости Польши, а существенную роль в этом играла вера. В первой половине XIX в. конфессиональная проблема обострилась в связи с Польским восстанием 1830 г., носившим не только национально-освободительный, но и религиозный характер (один из главных его лозунгов был — «за веру»). Европейская пресса поддержала поляков, выступая, из политических расчетов, в том числе против притеснения католического населения в Российской империи. Конкордат 1847 г. подлил масла в огонь, из-за границы раздались новые филиппики в адрес российского правительства, что не способствовало стабилизации обстановки в Польше. Необходимо было опровергнуть обвинения в религиозном давлении, доказав, что действия российских властей были реакцией на открытое военное выступление — «только самозащитой против чуждой власти и против враждебной нам народности»³⁶. В этих целях следовало познакомить европейское общество с историей появления и распространения католицизма в России, чему и должен был способствовать молодой чиновник особых поручений гр. Д. А. Толстой.

Выполнение «Высочайше возложенного» поручения заняло три года — они ушли на сбор материала. На этот раз возможностям, предоставленным гр. Толстому, мог позавидовать любой историк: Министерство внутренних дел открыло ему доступ в архивы Департамента духовных дел, Святейшего Синода, католических и униатских монастырей. Правда, в отличие от других ученых, гр. Толстой как чиновник этого министерства должен был писать рапорты с отчетами о проделанной работе, подшивавшимися в специально заведенное дело «О порученном коллежскому асессору гр. Толстому составлении истории управления иностранными исповеданиями в России», находящееся сейчас в Российском государственном историческом архиве³⁷.

Первый год Дмитрий Андреевич работал в архиве Департамента духовных дел иностранных исповеданий, «ранее никем не тронутом»³⁸, разбирая папки с делами и систематизируя распоряжения правительства по управлению римско-католической церковью в России, изданные в первой половине XIX в. В 1862 г. во время знаменитого майского пожара этот архив сгорел, и записи Толстого приобрели особое значение, так как только по ним могли быть восстановлены утраченные сведения.

Документы по управлению греко-униатской церковью находились в Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода и в Синодальном архиве; в начале 1849 г. Дмитрий Андреевич приступил там к архивным изысканиям. Однако этих источников было недостаточно для воссоздания полной исторической картины, поскольку они относились лишь к первой половине XIX в.; более ранние хранились в католических монастырях Западных губерний, и с ними Толстому предстояло познакомиться на местах.

С мая по ноябрь 1849 г. гр. Д. А. Толстой был командирован в этот край. Он побывал в Лифляндской, Курляндской, Ковенской, Виленской, Минской, Гродненской, Волынской, Каменец-Подольской, Киевской, Могилевской, Витебской и Псковской губерниях, посетив главные епархиальные и монастырские архивы и библиотеки. Местные гражданские и духовные католические власти обязывались были «всеми зависящими от них способами» содействовать чиновнику особых поручений, о чем говорилось в сопровождавших его на всем пути отношениях министра внутренних дел³⁹. Самому же Дмитрию Андреевичу письмом с грифом «Секретно» предписывалось докладывать о «духе и направлении» католического духовенства, обращая особое внимание на следующие моменты: 1) устройство архивов, правильность делопроизводства и «качества» секретарей консistorии (одновременно это была и ревизия монастырских архивов); 2) порядок в семинариях, образ мыслей начальства, преподавателей и выпускников; 3) поведение монашествующих⁴⁰.

В архивах и библиотеках католических епархий Западного края Толстой нашел фактические и статистические сведения, на которых, в основном, и было построено затем его сочинение, а также эти изыскания позволили ему пополнить свою библиотеку большим количеством старинных рукописей и монографий. В мае 1850 г. Толстой был командирован на полгода в Москву для работы в московских архивах, содержащих лишь светские документы, где завершил сбор материала для своего исторического труда.

Повышенный интерес, с которым правительство следило за работой коллежского ассесора, объясняется обострением международной обстановки в 1848–1849 гг. в связи с революцион-

ной волной, прокатившейся по Европе. Русское правительство заняло по отношению к революционному движению позицию жесткого неприятия, вызвавшую негативную реакцию европейской прессы, снова поднявшей как контраргумент католический вопрос, обсуждение которого, с точки зрения российской власти, могло спровоцировать новое возмущение в Польше. Сочинение гр. Д. А. Толстого должно было стать ответом «беспрестанно появляющимся бездоказательным пасквилям политических и религиозных врагов России»⁴¹.

Исторический очерк гр. Толстого вышел в Париже на французском языке как наиболее распространенном в Европе, под заглавием «Le catholicisme romain en Russie. Études historiques», но тринадцать лет спустя. В 1863 г. Россия и Европа были вновь потрясены восстанием в Польше; опять в повестку дня были поставлены религиозные вопросы, и забытый было исторический труд снова приобрел актуальность. Волнения в Польше начались в 1860 г., постепенно усиливаясь, а в 1862 г. Толстой обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с просьбой разрешить напечатать за границей историю римско-католической церкви в России. Оказалось, все это время он продолжал работать, и за тринадцать лет дополнил его новыми фактами, почерпнув их из последних исследований по истории церкви и российской истории: Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» (СПб., 1858), профессора истории Московской духовной академии Н. И. Субботина «Дело патриарха Никона» (М., 1862), священника Каменец-Подольской епархии М. В. Симашкевича «Римское католичество и его иерархия в Подолии» (изданное в Каменец-Подольске в 1872 г., уже после выхода «Римского католицизма» на французском языке, и дополненное русский перевод книги). Кстати, Н. И. Субботин, занимавшийся историей раскола, был главным советником в этом вопросе не только Д. А. Толстого, но и сменившего его на посту обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева⁴². Исторический обзор получился объемным, два тома вышли один за другим в 1863 и 1864 гг. и были оценены за рубежом по достоинству: в 1864 г. Лейпцигский университет присвоил гр. Д. А. Толстому степень доктора философии. Присвоение, наконец, ученой степени, в которой ему было отказано после окончания лицея, льстило са-

молюбию автора и говорило еще о том, что поставленная перед Толстым идеологическая задача была выполнена: определенная часть европейской публики признала справедливость аргументов, изложенных им, и поддержала российскую позицию.

Почти сразу же после того, как сочинение вышло в свет за границей, им заинтересовались представители русской православной церкви. Отрывки из него, переведенные на русский язык, поспешили опубликовать православные журналы — «Духовная беседа», издававшаяся Санкт-Петербургской духовной семинарией, и «Духовный дневник» Харьковской духовной семинарии. Исторический обзор противостояния католицизма и православия в России не оставил равнодушным одного из лидеров славянофилов И. С. Аксакова, поместившего в своей газете «День» пересказ этого исследования и комментарии к нему преподавателя Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Кояловича, который подчеркнул своевременность появления книги в тот момент, когда от правильного решения католического вопроса «многое зависит». По его мнению, этот факт делал ее «единственной справочной книгой для частных лиц и для наших министерств, особенно для министерства внутренних дел», где она должна была бы лежать «на каждом столе»⁴³. Действительно, в 1866 г. члены Комитета по делам Царства Польского, занимаясь реорганизацией католических монастырей в Привислинском крае и возникающими в связи с этим проблемами в отношениях с Ватиканом, во время прений обращались к сочинению Дмитрия Андреевича по истории римского католицизма, «справляясь» по нему о спорных вопросах, а сам автор «был приглашаем»⁴⁴ на эти заседания. Однако в комментариях к этому сочинению профессор М. О. Коялович счел необходимым сделать оговорку о расхождении воззрений славянофилов и гр. Толстого, не придававшего значения «славянским особенностям русского народа» и проблемам русской православной церкви⁴⁵. Конечно, Дмитрий Андреевич хорошо представлял всю сложность положения православного духовенства в его взаимоотношениях со светской властью и даже собирался написать историческое исследование об отношении церкви к правительству. Но его остановили опасения, что это опасная тема, сочинение по которой будет запрещено цензурой, а «потратить

несколько лет, чтобы бросить свою рукопись», он был «не намерен»⁴⁶. Так на его сочинениях начало сказываться его служебное положение: он более склонялся к выполнению определенного «государственного заказа», чем к свободному творчеству.

Полностью на русском языке оба тома «Римского католицизма в России» были изданы в 1876 г. в переводе профессора Казанской духовной академии Н. П. Соколова. В то время в мире обсуждались результаты католического собора 1870 г., принявшего догмат о непогрешимости папы римского, следствием чего было обращение части католиков, несогласных с решениями собора, в православие. В связи с этим русскому православному духовенству могли быть полезны исторические сведения, освещающие не только религиозную, но и политическую сторону конфессионального спора. В очередной раз сочинение Толстого оказалось востребованным.

В книгу вошли не все материалы, собранные Д. А. Толстым, исторический обзор охватывал период от X в. до первой четверти XIX в., от крещения Руси до кончины императора Александра I, несмотря на то, что автор изучил источники, относящиеся и к николаевскому царствованию (до 1848 г.). В упоминавшемся выше письме министру внутренних дел П. А. Валуеву Толстой указывал, что к 1862 г. им была окончена только часть труда, однако продолжение его так и не появилось.

Обзор был составлен в хронологическом порядке и носил справочный характер. В основу деления этого исторического сочинения на части был положен принцип организации управления католической церковью русским правительством, упорядочение которого началось после разделов Речи Посполитой, поэтому первый том был посвящен истории распространения католицизма в России до того времени, когда отношения между Ватиканом и Россией регулировались отдельными распоряжениями российских властей, а второй — формированию системы управления католическим духовенством в царствования Екатерины II, Павла I и Александра I. Управление иностранными исповеданиями в каждое царствование, по мнению автора, имело свои особенности: ограничительная политика Екатерины II, покровительственная Павла I, компромиссный ее вариант Александра I. Сравнивая их, Толстой отдавал предпочтение «само-

державной воле» императрицы, объясняя, что такой подход «не только сообразнее с существом правительственной власти, но и полезнее для церкви», так как бесконтрольность в финансовых и политических делах позже привела к разложению католического духовенства.

В самом католическом вопросе Д. А. Толстой выделял три аспекта: религиозный (догматические особенности), внешнеполитический (отношения между русскими государями и папой римским как главой государства Ватикан) и национально-политический (польский национализм). Автора сочинения интересовали политические аспекты, и лейтмотивом книги стал тезис о политическом, а не догматическом основании католицизма. Это политическое основание состояло в главенстве власти папы римского над светской властью монархов католических стран, и прежде всего в нем Толстой видел причину религиозно-политического фанатизма в действиях Ватикана и католических миссионеров, направленных на распространение своего вероисповедания в России. Главной задачей Д. А. Толстого при написании истории римского католицизма в России был поиск проявлений прозелитизма католического духовенства. Сложно назвать это сочинение историческим трудом, так как исторические факты служили лишь канвой для выражения политических взглядов автора, при этом были четко, просто и ясно изложены. Дмитрий Андреевич умел доходчиво и убедительно разъяснить сложный вопрос, но принимать его объяснения нужно было с осторожностью, и не только из-за их субъективного характера.

Работая над этим историческим очерком, Толстой, как и при подготовке «Истории финансовых учреждений», недостаточно основательно изучил источники, поэтому в сочинении встречалось множество неточностей, на которые указал писатель К. А. Скальковский в статье «Граф Д. А. Толстой как историк». Помимо мелких недочетов, касавшихся деталей, было серьезное замечание, которое нельзя оставить без внимания. К. А. Скальковский назвал «означенный труд» не научным исследованием (хотя именно такой подзаголовок дал ему Дмитрий Андреевич), а «неофициальной компиляцией, которую Толстому нетрудно было составить, имея на руках по службе известные материалы»⁴⁷. А публицист С. Н. Кривенко в своих записках, сделанных

в конце 70-х гг., добавил, что в сочинениях Толстого «гораздо больше казенных материалов, чем идейного содержания и строгой научной обработки»⁴⁸. Из-под пера Дмитрия Андреевича снова вышел «свод замечаний», только теперь уже по истории распространения католицизма в России.

Несмотря на названные выше замечания, у сочинения были свои достоинства, главным из которых являлись его новизна, актуальность и введение в научный оборот новых документов, собранных Толстым во время его командировки в западные губернии в библиотеках и архивах католических монастырей, доступ в которые не так легко было получить, и их систематизация, имевшая, по крайней мере, справочное значение. В содержание первого и второго томов они были включены как обширные и ценные приложения: списки католических епископов и монашеских орденов, финансовые ведомости, послания, грамоты, записки, доклады и письма. Недостаток приложений в том, что документы не были систематизированы и снабжены комментариями, хотя именно в этом и заключается работа ученого-историка. Однако благодаря этим материалам сочинение до настоящего времени сохранило свое значение в качестве справочного издания.

Большой интерес и в наши дни вызывает глава об армянах-католиках и распространении католичества в Закавказье, содержащая сведения, неизвестные широкому кругу читателей. В XVI в. в связи с продвижением католических миссионеров на Восток этот регион оказался в зоне пристального внимания Ватикана, добивавшегося заключения унии с армяно-григорианской церковью с теми же целями, средствами и «способами совращений», что и на западе России⁴⁹. В результате активности миссионеров, по сведениям Д. А. Толстого, в начале XIX в. в России насчитывалось около 2 тысяч армян-католиков.

Этот исторический очерк сыграл большую роль в карьере гр. Толстого. Выполняя возложенное на него поручение, он постепенно поднимался по служебной лестнице: начав в 1847 г. службу в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений, в марте 1849 г. он был произведен в надворные советники, через два года стал коллежским советником, что позволило ему занять должность вице-директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий. Не только повышение в чинах внутри

департамента стало вознаграждением за работу над сочинением по истории римского католицизма в России. Благодаря своей осведомленности в конфессиональных вопросах гр. Д. А. Толстой в 1865 г. получил должность обер-прокурора Святейшего Синода, а в 1882 г. — министра внутренних дел. С последним назначением была связана любопытная история. Весной 1882 г. императору Александру III понадобилась историческая справка о взаимоотношениях России и Ватикана. Первый вариант, составленный чиновниками, был слишком «канцелярским» и не удовлетворил монарха. Бывший в то время обер-прокурором Синода К. П. Победоносцев напомнил государю о том, что гр. Д. А. Толстой, в то время находившийся в отставке, являлся специалистом в этой области, написавшим по интересующей теме историческое сочинение. По распоряжению Александра III Толстой составил «историческую записку», понравившуюся императору, и вскоре получил портфель министра внутренних дел⁵⁰. Это назначение позволило Дмитрию Андреевичу торжествовать над своими противниками, два года назад добившимися увольнения его от всех должностей.

«История финансовых учреждений России» и «Римский католицизм», написанные в конце 40-х — начале 50-х гг. XIX в., составили первый этап в творческой деятельности Д. А. Толстого, целенаправленно изучавшего и описывавшего историю становления системы управления различными областями государственной жизни в этот период. В него можно также включить еще одно «сочинение на заданную тему» — статью «О первоначальном учреждении и последовавших изменениях в устройстве Адмиралтейств-коллегии», написанную для «Морского сборника» и затем изданную отдельным оттиском в 1855 г., во время его службы в Морском министерстве. Составление этого исторического обзора не случайно было поручено гр. Д. А. Толстому, успешно выяснявшему и ясно излагавшему неисследованные вопросы истории государственного управления. По характеру это скорее докладная записка, основанная на документах архива Морского министерства, в которой изложена история возникновения, развития и современное состояние хозяйственного ведомства министерства с особым акцентом на этапах его реорганизации, что, несомненно, было продиктовано надвигающимися реформами.

Живость языка, простота слога при одновременно строгой логике делали содержание этого очерка понятным любому читателю, не только специалисту-историку. Выводы, сделанные Д. А. Толстым, в 1902 г. были процитированы С. Ф. Огородниковым в «Историческом обзоре развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования»⁵¹, правда, без указания авторства, для освещения предыстории Морского министерства.

В 1859–1860 гг. Дмитрий Андреевич увлекся конфессиональной полемикой, нападая со страниц газет «Духовная беседа» и «Наше время» на католических проповедников в статьях, написанных в духе очерка по истории римского католицизма: «О французском проповеднике Сойаре», «Мое обращение и мое призвание», «Какого рода самостоятельность папства может пострадать от уничтожения светской власти папы», «Несколько слов о г-же Свечиной». В «Нашем времени» печатал свои суждения на эту же тему и его дядя Дмитрий Николаевич.

В 60–70-е гг. гр. Д. А. Толстой все силы отдавал государственной службе, возглавляя в течение 14 лет Министерство народного просвещения (1866–1880) и в течение 15 лет Синод (1865–1880), и поэтому публикуя лишь небольшие статьи и заметки, в основном, по вопросам образования.

В апреле 1880 г. наступил двухлетний перерыв в его административной работе. 24 апреля 1880 г., в пору «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова, Толстой, убежденный консерватор, был уволен от занимаемых им должностей и назначен членом Государственного Совета с оставлением в звании сенатора. Отставка была для него настоящим ударом, но вынужденное бездействие в политической сфере, тем не менее, высвободило время для чтения и научных занятий. В своей квартире в Санкт-Петербурге на Моховой улице опальный министр проводил время «за книгами и между книгами»⁵², но большая часть литературы находилась в его рязанском имении Маково, где им была собрана прекрасная библиотека. Дмитрий Андреевич всю жизнь с любовью собирал книги. Выгодный брак с дочерью министра внутренних дел С. Д. Бибиковой в 1853 г. не только упрочил его положение в обществе, но и позволил решить материальные проблемы и даже приобрести новые земли, центром которых стало имение Маково, купленное в 1870 г. Для «обширного и превосходного

книгохранилища»⁵³ в Макове было построено особое здание, окруженное рвом, во избежание пожара. Толстого всегда интересовала эпоха Екатерины II, материалы по которой он коллекционировал. Находясь в отставке, он изучал журналы того времени и недавно вышедшие «Сборники Императорского русского исторического общества», посвященные этому периоду. За два года он составил по ним «справочную книжку» «Люди екатерининского времени», изданную в 1882 г.

Этот биобиблиографический справочник, снабженный алфавитным указателем, содержал краткие биографические сведения о более чем 300-х деятелях времен Екатерины II (ученых, писателях, вельможах, архитекторах, военачальниках) с приложением списков их сочинений и библиографии. В него вошли сведения о В. И. Баженове, кн. А. А. Безбородко, гр. М. И. Воронцове, кн. Е. Р. Дашковой, Ф.-У.-Ф. Эпинусе, П. Д. Еропкине, А. Мацевиче и даже о гр. Калиостро. Вот пример одной из статей:

«Максим Максимович Алопеус.

Родился в 1748 г. Умер в 1822 г.

Посланник в Берлине до 1795 года. Он был покровительствуем г-жою Бьельке, близкою к императрице Екатерине.

См. Русский Архив 1874 г., кн. 2. стр. 765–766.

См. Архив кн. Воронцова, кн. 9. ч. 2, стр. 168. Там же, стр. 176. Там же кн. 13, стр. 167, 211, 278, 280, 361. Там же, кн. 20, стр. 18.

См. Сборник русского исторического общества, том 13. стр. 385, 399»⁵⁴.

Справочник был выпущен всего в 30 экземплярах и сразу стал библиографической редкостью. Разработанный практическим методом, он был предтечей последующих справочников. От современных справочных изданий такого рода его отличало отсутствие единообразного подхода к собранным в нем статьям и присутствие авторской позиции, высказанной в замечаниях о содержании названных в статьях сочинений. Так, путевые записки И. П. Фалька составитель сборника находил «любопытными», а сочинение Ф. А. Эмина — отличающимся «не только неверностью выводов, но и ложностью фактов и справок»⁵⁵. Очевидно, это черновые записки, которые не были отредактированы, так как к моменту выхода книги ее автор уже занимал один из

самых сложных и ответственных государственных постов — министра внутренних дел — и не имел возможности довести до конца начатую работу. Было заметно, что автор составлял справочник, основываясь только на доступных ему источниках и известных фактах, и не ставил перед собой задачу расширить их круг. В итоге справочник получился разнородным: одни статьи состояли только из биографических сведений, уместившихся в двух предложениях (например, о кн. Ф. С. Барятинском), тогда как другие (о Е. И. Пугачеве, гр. П. А. Румянцеве) занимали по две страницы, включая биографию и библиографию⁵⁶. На случай, если бы читатель захотел внести свои дополнения в книгу, автор специально оставил в конце ее чистые листы. Около названий некоторых монографий стояло примечание: «Имеется в моей маковской библиотеке», — поэтому книга больше напоминала путеводитель по библиотеке графа. Для нас эти замечания представляют большую ценность, так как благодаря им мы можем получить представление о книжной коллекции и вкусах ее владельца, несмотря на то, что сама библиотека не сохранилась. Судя по примечаниям, в ней имелись монографии XVIII в. и новейшие издания (исследования, журналы, словари), как на русском, так и на иностранных языках — М. М. Щербатова, А. Л. Шлецера, И. Э. Фишера, М. Д. Чулкова, Я. П. Шаховского.

Создание этой книги означало, что Толстой вступил в новый этап своей научной деятельности, который можно назвать «археографическим», поскольку с 1881 г. и до своей смерти он занимался лишь публикацией исторических документов, оказавшихся у него на руках. Начало этому направлению его научных интересов было положено еще в ту пору, когда он, став главой духовного ведомства, распорядился о разборе Синодального архива. Необходимость этой меры сознавали предшественники Дмитрия Андреевича на посту обер-прокурора, но лишь он сумел изыскать необходимые средства и способствовал учреждению в 1865 г. особой комиссии для рассмотрения дел, предназначенных к уничтожению, зная «по предшествующим личным своим литературным трудам значение и ценность архивных материалов»⁵⁷, тем более, что в 1849 г., составляя историю римского католицизма, он сам работал в архиве Святейшего Синода. Д. А. Толстой не только способствовал разбору Синодального

архива, но и изданию в 1866 г. разобранных материалов, несмотря на то, что это не встречало сочувствия церковных ревнителей и иерархов, опасавшихся «выноса сора из избы». Выход из печати «Описания документов и дел Архива Св. Синода», подготовленного комиссией, Д. А. Толстой предварил в 1867 г. «Заметкой об описании синодального архива», в которой дал краткую характеристику публикуемых дел, отметил их место в истории православной церкви и обратил внимание на значимость этих публикаций. Как человек, причисляющий себя к ученому сословию, Д. А. Толстой полагал, что «занимающиеся русской историей и историей русской церкви встретят в нем (описании. — *И. Б.*) не мало новых и любопытных сведений»⁵⁸.

В 1881 г. Толстой начал сотрудничать с издателем «Русского архива» П. И. Бартеневым, который стал помещать в своем журнале исторические документы, относящиеся ко второй половине XVIII в. с примечаниями: «Сообщено гр. Д. А. Толстым». Это были рукописи, разными путями оказавшиеся в его библиотеке: записки Клостермана, архив гр. И. А. Игельстрома, письма гр. Е. М. Румянцевой к ее мужу. Сообщал их Толстой с научной точки зрения вполне грамотно: добавлял свое предисловие, комментировал документы, описывал историю их создания и последующего изучения.

В 1887 г. Толстой опубликовал составленную им по документам историю заключения 3 августа 1790 г. Верельского мирного договора между Россией и Швецией с приложением писем государственных деятелей, принимавших участие в этом процессе — Екатерины II, Густава III, гр. А. А. Безбородко, гр. Остермана, бар. О. А. Игельстрома и И.-А. Эренстрема. Эволюции научных взглядов Толстого способствовало его назначение в 1882 г. президентом Императорской Академии наук, открывшее ему ее архив и давшее возможность выступать с сообщениями на заседаниях Историко-филологического отделения и публиковать их в академических сборниках Отделения русского языка и словесности⁵⁹. Главным итогом его работы в архиве Академии наук и вершиной его научной деятельности стали сочинения 1883–1886 гг., посвященные истории российских учебных заведений в XVIII в.: «Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии», «Академический университет в XVIII столетии», «Академиче-

ская гимназия в XVIII столетии», «Городские училища в царствование Екатерины II». Сочинения эти появились в тот период, когда российское общество в очередной раз повернулось лицом к проблемам образования, взявшись за обсуждение их современного состояния и заинтересовавшись историей русского просвещения в XVIII в. в целом и Академии наук в частности⁶⁰. Сведения о системе начального и среднего образования и роль в этом академических учреждений были в то время неполны и отрывочны, поэтому исследования гр. Толстого составили для следующих поколений историков важный вклад в науку⁶¹. По документам архива Академии наук он «представил полный и обстоятельный обзор правительственных мер» в области просвещения, не касаясь внутренней жизни учебных заведений: цифирных школ, городских училищ, гимназий, военных учебных заведений, университетов и Академии наук с ее гимназией и университетом. Если вопросы истории начального и среднего образования в России в XVIII в. были затем основательно разработаны в XX в., то история академического университета и гимназии не привлекала внимания исследователей в течение последующих 75 лет. Сочинение гр. Д. А. Толстого об академическом университете долгое время оставалось «единственной большой работой на эту тему»⁶², поэтому выводы Дмитрия Андреевича способствовали формированию отношения историков к этому предмету на полвека с четвертью. Но это был взгляд «сверху», поскольку Толстой снова коснулся сферы государственного управления, на этот раз учебными заведениями, — бывший министр народного просвещения второй половины XIX в. рассматривал становление системы народного образования в XVIII столетии. И опять Толстому не удалось избежать предвзятости суждений, применив критерии образовательной политики середины XIX в. к предшествующему столетию, когда не было еще системного подхода к обучению и в этом направлении ощутяю делались первые шаги. Неудивительно, что Толстой положительно оценил мероприятия, проведенные Екатериной II по созданию городских училищ, поскольку они были элементами целостной системы, и нашел массу недостатков в организации доекатерининской академической гимназии и университета, считая их появление бессистемным и преждевремен-

ным. На это слабое место сочинений Толстого, опубликованных в 1885 г., обратили внимание и его современники, и потомки, критиковавшие его за «ироническое отношение»⁶³, «отрицательные оценки»⁶⁴ и «тенденциозно подобранный архивный материал», создающий «неверное понятие о первом русском университете»⁶⁵. Но, как и прежние труды Дмитрия Андреевича, сочинения 1883–1886 гг. отличались прекрасной источниковой базой⁶⁶, позволявшей позднейшим историкам ссылаться на них в своих работах. Кроме того, что само содержание исторических сочинений было основано на архивных материалах, к каждому прилагались подлинные инструкции, реестры, «расположение» (расписание) занятий, дающие возможность другим историкам углублять изучение темы. Толстой обратил внимание на самый факт учреждения при Академии наук гимназии и университета. В 1980-е гг. эти сочинения были привлечены к полемике, которая велась среди ленинградских историков по вопросу о времени возникновения Петербургского университета. Критическое отношение к работам «реакционного министра» не помешало советским исследователям использовать собранный им материал для аргументации своей точки зрения⁶⁷.

Весьма примечательно, что последняя работа по этой теме была написана по материалам, переданным Дмитрию Андреевичу М. И. Семевским, историком и издателем журнала «Русская старина», после их встречи в Министерстве внутренних дел 9 ноября 1883 г. В своих «Материалах к запискам» Михаил Иванович вспоминал, что должна была состояться официальная беседа по вопросам, касающимся работы городской Думы, поводом явилось избрание Семевского товарищем городского головы⁶⁸. К Толстому он относился с предубеждением, считая, что его назначение министром внутренних дел не сулило ничего хорошего ни средствам массовой информации, в то время состоявшим под контролем Министерства внутренних дел, ни издаваемому им журналу, но состоявшийся между ними разговор совершенно изменил его мнение об этом человеке. Официальная часть заняла несколько минут, а затем беседа приняла частный характер, и Семевский, пользуясь хорошим расположением духа министра, взял у него своеобразное интервью, задавая вопросы с тем, чтобы собеседник рассказал о своих интересах, распорядке

дня, случаях из жизни. Дмитрий Андреевич похвастался своим умением рационально планировать рабочий день, оставляя вечер для чтения исторических журналов — «Русской старины», «Сборников Императорского русского исторического общества». Он умудрялся работать и при напряженной служебной занятости. Разговор перешел на его исторические сочинения, и Толстой подарил Семевскому только что вышедшую монографию «Взгляд на учебную часть в России». Оставшееся время они с увлечением обсуждали судьбы сподвижников и современников Екатерины II. Неподдельный интерес, с которым об этом времени и его деятелях говорил Дмитрий Андреевич, выдавал в нем страстного любителя и знатока истории. М. И. Семевский, член Археографической комиссии и Императорского Общества истории и древностей российских, предложил передать министру для изучения рукописные материалы по начальным училищам. Д. А. Толстой воспользовался ими и спустя три года издал сочинение о городских училищах при Екатерине II.

Свои впечатления от этой встречи М. И. Семевский описал так: «передо мною в эти минуты, вполне для меня интересные, сидел умный, сообразительный человек, интересующийся наукою...». Думается, что, оценивая вклад гр. Д. А. Толстого в развитие исторической науки, нужно прислушаться к мнению М. И. Семевского, который назвал его «страстным любителем истории», «интересующимся наукой», «собратом по труду на поприще отечественной истории». У Д. А. Толстого были задатки исследователя, но он не стал им в полном смысле этого слова, потому что у него не было для этого главного качества — бескорыстной любви к истине, ради которой истинный ученый пренебрегает сиюминутной славой. Он брался только за те сочинения, которые могли быть опубликованы, не желая писать «в стол», если бы книгу не пропустила цензура. Но в то же время, не имея намерения исказить «историю и истину»⁶⁹, гр. Д. А. Толстой своими сочинениями оказался причастен к развитию российской исторической науки. Сферой его научных интересов стала история управления различными отраслями государственной жизни: религией, финансами, морским делом, наукой и образованием, в чем сказались служебная сторона его жизни. В его трудах отразились его политические пристрастия и взгляды:

он был государственным и приверженцем западничества. По складу своего характера он был человеком системы, и ближе всего по духу ему была политическая и идеологическая система, созданная Екатериной II, весьма рациональная, поэтому вполне логично, что он отдавал предпочтение изучению этой эпохи. В исследуемых им вопросах он всегда был первым, все его сочинения имели, кроме теоретического, и практическое применение в качестве справочных материалов. Однако, будучи государственным человеком, он был не свободен в своих суждениях, вольно или невольно подчиняясь политическим тенденциям своего времени. Подход к его книгам и личности современников Д. А. Толстого и нынешних читателей рознится. Большинство его сочинений сейчас назвали бы конъюнктурными, но при этом не нужно забывать о том, что их автор основывался на источниках, до той поры не попадавших в поле зрения историков. Сочинения гр. Д. А. Толстого ввели их в научный оборот, поднятые или отражаемые им темы стали разрабатываться в дальнейшем, и в практическом плане они до сих пор не потеряли своего значения. Его сочинения с полным правом можно назвать историческими, так как они являлись «законными детищами» исторической науки своего времени, отвечая критериям достоверности, логичности и «живого изложения». Сегодня справедливо отнестись к гр. Д. А. Толстому с благодарностью «за священный огонек страсти к отечественной истории»⁷⁰, который был в этом государственном человеке.

---

¹ См.: *Скальковский К.* Новая книга. Публицистика. Экономические вопросы. Путевые впечатления. СПб., 1904. С. 100–106.

² ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 396. Л. 148.

³ *Трубачев С. С.* Ученые труды гр. Д. А. Толстого // Исторический вестник. 1889. № 6. С. 655.

⁴ *Шестаков П. Д.* Гр. Д. А. Толстой — министр народного просвещения // Русская старина. 1891. Т. 70. С. 209.

⁵ Гр. Д. А. Толстой. СПб., 1889. С. 49.

⁶ *Кривенко С. Н.* Министерская полемика. Из литературных воспоминаний о Д. А. Толстом // Вестник Европы. 1907. Кн. 7. С. 250.

⁷ ИРЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Д. 231. Л. 4.

⁸ *Кривенко С. Н.* Министерская полемика. Из литературных воспоминаний о Д. А. Толстом. С. 250.

- ⁹ Степанов В. Л. Д. А. Толстой // Российские консерваторы. М., 1997. С. 235.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 1664. Оп. 1. Д. 171. Л. 1.
- ¹¹ Феоктистов М. Е. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 166.
- ¹² Из рассказов Г. В. Грудева // Русский архив. 1898. Кн. 3, № 11. С. 433.
- ¹³ Отчеты Императорской Академии наук за 1860 г. С. 108–109.
- ¹⁴ Там же. С. 108–116.
- ¹⁵ Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. V.
- ¹⁶ Там же. С. VI.
- ¹⁷ Там же. С. 23.
- ¹⁸ Там же. С. 257.
- ¹⁹ Там же. С. 2.
- ²⁰ Шестнадцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. СПб., 1847. С. 99–109.
- ²¹ Там же. С. 108–109.
- ²² Отечественные записки. 1848. Т. 56. № 1–2. С. 31–59.
- ²³ Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов русских писателей. Вып. 1. СПб., 1885. С. 18–19.
- ²⁴ Отечественные записки. Т. 56. № 1–2. С. 42.
- ²⁵ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 2.
- ²⁶ Отечественные записки. Т. 56. № 1–2. С. 43.
- ²⁷ Там же. С. 44.
- ²⁸ Там же. С. 58.
- ²⁹ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. I. М., 1955. С. 321–323, 352.
- ³⁰ Володина Т. А. Уваровская триада и учебники по русской истории // Вопросы истории. 2004, № 2. С. 117–128.
- ³¹ Северное обозрение. 1848. Т. 3. С. 55–83.
- ³² Отечественные записки. Т. 56. № 1–2. С. 58.
- ³³ Северное обозрение. Т. 3. С. 82.
- ³⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 186. Л. 9.
- ³⁵ Подробнее см.: Доброклонский А. Руководство по истории русской церкви. Вып. 4. М., 1893. С. 286–291; Тихонов А. К. Власти и католическое население России в XVIII–XIX века // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 140–146.
- ³⁶ Письма духовных и светских лиц к митрополиту московскому Филарету. СПб., 1900. С. 605.

- ³⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 186.
- ³⁸ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2831. Л. 1: Из некролога гр. Д. А. Толстого. Черновая рукопись с правкою М. И. Семевского. 1889 г.
- ³⁹ Там же. Л. 23–25.
- ⁴⁰ Там же. Л. 30.
- ⁴¹ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1942. Л. 1: Из письма гр. Д. А. Толстого П. А. Валуеву.
- ⁴² *Алексеева С. И.* Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России. 1856–1904 гг. СПб., 2003. С. 183.
- ⁴³ *Коялович М. О.* Католицизм в России. Исторические исследования гр. Д. А. Толстого // *День*. 1865. № 2. С. 32.
- ⁴⁴ ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2831. Л. 1.
- ⁴⁵ *Коялович М. О.* Католицизм в России. Исторические исследования гр. Д. А. Толстого. С. 34.
- ⁴⁶ Новое время. 1901. № 8947. С. 5.
- ⁴⁷ *Скальковский К. А.* Новая книга. Публицистика. Экономические вопросы. Путевые впечатления. С. 101.
- ⁴⁸ *Кривенко С. Н.* Министерская полемика. Из литературных воспоминаний о Д. А. Толстом. С. 250.
- ⁴⁹ *Толстой Д. А.* Римский католицизм в России. Т. 1. СПб., 1876. С. 54.
- ⁵⁰ Русский архив. 1905. № 4. С. 688–689.
- ⁵¹ *Огородников С. Ф.* Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования. СПб., 1902. С. 29.
- ⁵² ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Д. 2831. Л. 3.
- ⁵³ Там же. Л. 5.
- ⁵⁴ *Толстой Д. А.* Люди екатерининского времени. СПб., 1882. С. 3.
- ⁵⁵ Там же. С. 541, 635.
- ⁵⁶ Там же. С. 19, 415, 447.
- ⁵⁷ Пятидесятилетие Высочайше утвержденной комиссии по разбору и описанию архива Св. Синода. Пг., 1915. С. 235.
- ⁵⁸ *Толстой Д. А.* Заметка об описании синодального архива // *Речи и статьи* гр. Д. А. Толстого. СПб., 1876. С. 64.
- ⁵⁹ См.: Сб. ОРЯС. 1885. Т. 38. № 4–6; 1886. Т. 41. № 2.
- ⁶⁰ Напр. см.: *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1870; *Материалы для истории императорской Академии наук*. Т. 1–10. СПб., 1885.
- ⁶¹ *Бороздин А. К.* Академический университет в XVIII в. // *Исторический вестник*. 1886. Т. 26. № 4. С. 120.
- ⁶² *Кулябко Е. С.* М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962. С. 4.

-
- ⁶³ *Бороздин А. К.* Академический университет в XVIII в. С. 132.
- ⁶⁴ *Панибратцев А. В.* Просвещение разума. Становление академической науки в России. СПб., 2002. С. 34.
- ⁶⁵ *Кулябко Е. С.* М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. С. 132.
- ⁶⁶ *Панибратцев А. В.* Просвещение разума. Становление академической науки в России. С. 34.
- ⁶⁷ *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII–XIX в. Л., 1988.
- ⁶⁸ ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 573–580.
- ⁶⁹ Новое время. 1901. № 8947. С. 5.
- ⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 580.

А. П. Купайгородская

Профессор М. К. Лемке в наступлении: «чужой» против своих

В биографии известного ученого, публициста, исследователя и популяризатора истории революционного движения и литературы М. К. Лемке (1872–1923), на конечном этапе его жизненного пути, есть эпизод, известный общественности и даже специалистам лишь приблизительно, в общих чертах. Несмотря на свой очевидно интригующий характер, он не стал предметом детального изучения, внимательного осмысления. Не было попыток дать ему объяснение в контексте общественно-политической ситуации, личностных ориентаций члена ученого сообщества, бросившего вызов коллегам, публично обвинившего их в несоответствии своим высоким званиям. И содержание, и форма этого вызова явно имели целью дискредитировать научную интеллигенцию, особенно — деятелей высшей школы — в глазах широкой общественности, показать никчемность их занятий, их претензий на высокую ученую значимость. Очевидно намерение автора настроить публику против этой когорты, обособленной, по его мнению, от широких народных масс. Речь идет о серии статей, опубликованных в мае-июне 1920 г. газетой «Известия Петроградского совета» за подписью «Чужой».

Пространные статьи «Чужого» были напечатаны в подвалах газеты 29 мая, 1, 2, 4 июня. Открывшая серию обширная статья

под заголовком «Наша высшая школа» публиковалась, как было отмечено в редакционном примечании, «в дискуссионном порядке». В этом многословном сочинении не содержалось никаких конкретных фактов, ни одной фамилии. Но зато в изобилии были раздраженные выпады, негативные оценки, бездоказательные обвинения. «Чужой» называет профессуру ловкой и наглой «академической кастой», озабоченной исключительно добыванием пайков. Ее научные занятия — пишет он — это сочинение сосредоточенных на пустяках «комариных» диссертаций. Не лучше и студенты: они, по определению автора, — «шкурники, чиновники, обеспеченные лодыри», и только некоторые — «занимающиеся». «Чужой» призвал «проверить научный багаж всех профессоров», «расшевелить самодовольно спящих, поднять бучу...»¹.

Ко времени этого скандального выступления М. К. Лемке прошел большой, сложный жизненный путь². Сын мелкого помещика, отставного штабс-капитана, со стороны матери — внук адмирала, он окончил гимназию, затем — кадетский корпус и военное Константиновское училище. Начав армейскую службу подпоручиком, намеревался поступать в Академию генерального штаба. Его жизненная ориентация резко изменилась под влиянием разнообразной общественно-политической литературы, которой он увлекся самозабвенно, читал труды по истории, философии, социологии. Он все же сдал предварительные экзамены в Академию, но поступать не стал, вышел в отставку, начал работать в газете «Орловский вестник». Строил планы получить систематическое гуманитарное образование в Юридической академии, но этого не сделал. Практическая работа в печати захватила его целиком, занимала все его время. Уже в возрасте 21 года он начинает публиковать во многих периодических изданиях статьи по вопросам просвещения, нравственности, организации военной службы и т. д. Его активная публицистическая работа обеспечивает ему личное знакомство со многими видными общественными деятелями.

Особенное внимание Лемке уделял развитию и статусу цензуры в России. По этой проблематике он опубликовал ряд работ («Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг.», 1903; «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия»,

1904; «Николаевские жандармы и литература. 1826–1855», 1908). В период революции 1905–1907 гг. Лемке открыто критиковал деятельность правительства, призывал не доверять его обещаниям. В те годы он подготовил и напечатал исследования по истории оппозиционных тенденций, освободительного движения и его подавления («Политические процессы М. И. Михайлова, Д. И. Писарева и Н. Г. Чернышевского», 1907; «Очерки освободительного движения шестидесятых годов», 1908.)

Активная общественно-политическая деятельность М. К. Лемке не могла не привлечь пристального внимания охранного отделения; в октябре 1911 г. у него был произведен обыск, а через год он был привлечен к суду за возбуждение антиправительственных настроений; наказан сравнительно мягко: обвинен «в неосторожности» и оштрафован. В это время Лемке сосредотачивается на подготовке к публикации сочинений и эпистолярного наследия М. М. Стасюлевича, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена.

В августе 1914 г. Лемке как бывший офицер был призван на действительную военную службу. Как свидетельствует его дневник, участие в войне он считал своим патриотическим долгом. Тогда он искренне верил в необходимость единения правительства с народом, категорически осуждал антивоенную позицию социал-демократов. С сентября 1915 г. Лемке занимал ответственные должности в Ставке верховного главнокомандующего; его работа была отмечена высокими правительственными наградами. Однако вскоре Ставка обратила внимание на прежние обвинения Лемке в неблагоденности — и вместо почетной работы в аппарате верховного главнокомандующего он был назначен членом «Комиссии по опросу русских пленных, бежавших из Германии». Уже после революции, в 1920 г., вышла из печати его книга о работе в Ставке³.

В феврале 1917 г. Лемке приветствует свержение монархии. Благодаря широко известным в прежние годы его либеральным взглядам и знакомству с издательским, типографским делом Временное правительство поручает ему ответственную должность управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг. На этом посту он ясно и определенно высказался за признание советской власти, осудил саботаж чиновников Министерства финансов. Весной 1918 г. Лемке выполнял специ-

альное задание Совнаркома — руководил эвакуацией Экспедиции в Пензу — за что получил благодарность наркома финансов В. Р. Менжинского и лично В. И. Ленина. По словам Лемке, в беседе с председателем СНК он сообщил об известной ему подрывной деятельности врагов советской власти. Однако это не стало для видного публициста и историка гарантией личной безопасности.

Встреча с Лениным состоялась в мае 1918 г. — а 7 августа Лемке был освобожден от должности управляющего Экспедицией, арестован, заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен в Кронштадт. Он настойчиво добивался освобождения, писал письма наркому просвещения А. В. Луначарскому, обращался за помощью к коллективу коммунистов Экспедиции. К хлопотам подключилась жена арестованного, просившая заступничества у Ленина. Вполне возможно, этот арест в значительной степени определил направленность дальнейшего поведения Лемке, его активность в поддержке нового режима; он понял, что никогда не будут забыты и его непролетарское происхождение, и офицерское прошлое. Поэтому исключительно академические занятия не могут обеспечить ему спокойного существования — необходимо каждодневное реальное подтверждение своей верности коммунистическому руководству.

После освобождения из заключения начался новый этап сотрудничества М. К. Лемке с советской властью. В октябре 1918 г. А. В. Луначарский подписал с ним договор о подготовке издания полного собрания сочинений А. И. Герцена. Лемке был принят на службу в аппарат Наркомпроса. Одновременно он включился в разнообразную, исключительно напряженную лекционную, агитационно-пропагандистскую работу: читал лекции по истории революционного движения во многих общеобразовательных и специальных учебных заведениях, на предприятиях, в учреждениях, воинских частях; был профессором в Высшей Военно-педагогической школе; печатался в журналах «Красный флот», «Красный командир» и т. д. Летом 1920 г. стал учредителем и председателем «Общества изучения истории освободительного и революционного движения в России», принял участие в работе редакции журнала «Книга и революция», в организации Института красной профессуры. В дальнейшем за-

нимал высокие ответственные посты: в 1922 г. стал членом редколлегии Госиздата, директором треста «Петропечать». Устные и печатные выступления М. К. Лемке были умело построены, оснащены богатым фактическим материалом, привлекали заинтересованное внимание слушателей и читателей.

Казалось бы, Лемке нашел свое место в общественной структуре, был признан и обласкан властью, получил возможность заниматься делом, которое задумал и начал еще в давние годы. Могли у видного, популярного историка, литератора, издателя, преподавателя быть основания для внутреннего напряжения, раздражения, обнаруженного статьями «Чужого»?.. Поскольку их пафос был нацелен против академического сообщества, прежде всего — вузовской профессуры, ответ, видимо, надо искать именно в этой области — во взаимоотношениях Лемке с учеными-коллегами. И тогда на первый план выходит конкретная ситуация — попытки М. К. Лемке играть первую скрипку не только в созданных партийными и советскими органами агитационно-пропагандистских, просветительских структурах, но и в чисто академических, сохранявших и продолжавших прежние традиции развития и распространения знаний.

Для полного самоутверждения, сознания прочности своих позиций, М. К. Лемке, очевидно, необходимо было законное, полноправное или даже руководящее положение в академической среде. Но этому желанию не дано было осуществиться в полном объеме. Лемке, естественно, хотел стать членом наиболее серьезных, уважаемых в ученой среде структур и, казалось бы, был близок к этому. В январе 1920 г. он был избран штатным преподавателем по кафедре истории русской литературы Педагогического института им. Герцена. Здесь он читал лекции по наиболее близкой ему теме: «Герцен и его время». Но, видимо, и уровень притязаний был выше, и, возможно, отношения с коллегами оставляли желать лучшего. Так, он сделал попытку войти в число исследователей и преподавателей Исторического научно-исследовательского института при Петроградском университете. Это было весьма авторитетное сообщество уважаемых ученых, исследователей в различных областях исторической науки. Но правление этого института отказалось принять его в качестве действительного члена. Он все же получил искомую

должность — вопреки профессуре, благодаря вмешательству Наркомпроса⁴. Литературная, публицистическая деятельность Лемке, направленная на поддержку советской власти, открыто осуждалась на страницах петроградских изданий, нацеленных против коммунистической идеологии («Вестник литературы», «Литературные записки», «Начала», «Новая Россия», «Утренники» и др.)

Очевидно, Лемке осознал, что его положение, профессиональная деятельность целиком зависят от степени поддержки властных структур. Тогда и появились статьи «Чужого», в тот период как нельзя более соответствовавшие идеологическим установкам коммунистического руководства страны, его стремлению иметь активную, безоговорочную поддержку со стороны образованной части населения, обладающей разнообразными специальными познаниями и умениями в различных областях науки, техники, искусства и т. д. В «Ответе на открытое письмо специалиста» (март 1919 г.) В. И. Ленин обвинял интеллигенцию в саботаже, считал, что на помощь новой власти должна прийти «искренняя беспартийная интеллигенция»⁵. Очевидно, подразумевалось недопущение на общественную арену иных политических партий, кроме коммунистической. Вскоре эта мысль была выражена еще более отчетливо: на чрезвычайном заседании пленума Московского совета 3 апреля 1919 г. председатель Совнаркома заявил: «Нам нужно главным образом рассчитывать не на работников из интеллигенции, которые хотя и пошли к нам на службу <...> а на массы рабочих»⁶. В мае 1920 г. редактор «Правды» Л. Сосновский обвинял интеллигенцию в противодействии выполнению «трудовых задач России», называл интеллигентов «нашими противниками», так как они — «против милитаризации труда, трудовой дисциплины, трудовой повинности»⁷.

Может быть, это было случайным совпадением, но знаменательно, что начало акции «Чужого» произошло на следующий день после публикации редактора «Правды». В статье «Чужого» не было ничего похожего на анализ действительных проблем и противоречий в деятельности высшей школы, просчетов и ошибок администрации, в научной и преподавательской работе; автор обошел вниманием и катастрофическое материальное положение высших учебных заведений. Лемке практически с порога

отвергал возможность делового диалога с интеллигенцией, не рассматривал законодательную деятельность правительства в области науки и образования, подчас не учитывавшую конкретную ситуацию в полном объеме. Всю ответственность за принятие непродуманных, скоропалительных распоряжений он возлагал на профессоров и преподавателей.

«Чужой» вознамерился, как он заявил, «поднять бучу», но главным действующим лицом в организованном им спектакле оставался он сам. Корреспонденции, напечатанные вскоре той же газетой, в поддержку «Чужого», с разными подписями (Калужский, студент, брошенный старик и др.), были, как впоследствии признался Лемке, написаны им самим. Единым был стиль заметок. В одной был призыв «очистить высшую школу от паразитов и лодырей», в другой требовалось «разрушить все и начать сначала», «взять метлу и чисто вымести все университеты и институты», очистить их от «жрецов и кастратов науки». Калужский (т. е. тот же Лемке) писал, что не коммунистическое руководство страны повинно в «губительных» (по его выражению) ошибках в деле «насаждения науки и знаний», ответственность он возлагал на специалистов, «предательски подсказывающих разрушительство вместо созидания»⁸.

В те же дни, когда «Известия Петроградского совета» публиковали одну за другой провокационные заметки М. К. Лемке, подписанные разными псевдонимами, в митинговом зале Дворца труда в Петрограде обсуждались проблемы статуса и деятельности интеллигенции и реформы высшей школы. К собравшимся обращались как представители власти, так и профессуры. Социолог П. А. Сорокин требовал свободы научного творчества и преподавания. Профессор Л. П. Карсавин твердо настаивал на том, что наука должна быть вне политики. Ректор Горного института Д. И. Мушкетов призывал к осмотрительности в деле проведения реформы высшей школы. Возражая профессорам, работник Наркомпроса Е. Энгель заявил о необходимости строгого, последовательного контроля деятельности научных и учебных учреждений, их кадрового состава.

Тем временем на страницах печатного органа Петроградского совета печатались новые материалы, касающиеся работы высших учебных заведений. Их появление стимулировалось обращением

председателя Совета Г. Зиновьева, обратившегося «к заинтересованным лицам» с предложением писать статьи на данную тематику. Откликаясь на это обращение, член комиссии по реформе высшей школы А. Пинкевич написал в газету о тяжелом положении вузов, о достойном уважении труде интеллигенции, занятиях студенчества; он подчеркнул, что «отдельные меры, проведенные правительством, скорее стремились разрушить кое-что старое, а новое не было создано»⁹. Видимо, демонстративная выходка «Чужого» не вызвала у профессуры большого желания ввязаться в полемику. На следующий день после публикации его скандального обращения была напечатана корреспонденция профессора В. Беляева, в которой автор квалифицировал обвинения «Чужого» как вредные, усугубляющие взаимное непонимание, тогда как необходимо внушать пролетариату уважение к науке¹⁰. В том же духе выступил на страницах газеты известный хирург, профессор Военно-медицинской академии В. А. Оппель, поставивший задачу рассказывать широкой публике о процессе научного исследования, целях и особенностях работы ученых.

В июле-августе в одиннадцати номерах «Известий Петроградского совета» печатались обстоятельные корреспонденции профессора В. А. Опшеля, содержавшие детальную разработку программы деятельности и реформы высшей медицинской школы. Он настаивал на необходимости автономии высшей школы, выборности профессоров коллегами, а не студентами или чиновниками¹¹. В то же время его оппоненты призывали стимулировать «процесс формирования нового студенчества, нового типа студента-рабочего», считали необходимым сочетать учебу с производительным трудом, ибо «он облагораживает»; они заявляли, что интеллигенция «должна быть единой» — подразумевалось — в рамках коммунистической идеологии. Активным сторонником этой установки выступил Н. А. Гредескул — в недавнем прошлом видный организатор и функционер партии кадетов. Теперь же он заявил, что «интеллигенция должна порвать со старым и связать себя с новым, с пролетарским царством»¹². В том же духе была написана заметка Е. Поливанова, заявившего: «Наша профессура контрреволюционна и бесконечно далека от позиций сознательной аполитичности»¹³. Автор явно стремился свести счеты с ученым миром — он с очевидной гордостью сооб-

шил, что в 1917 г. был исключен из одного научного общества за сотрудничество с большевиками. Одновременно автор утверждал, что интеллигенция чрезвычайно разнородна, в ее рядах есть ученые, которые будут работать для науки независимо от материального вознаграждения, тем более, что никакие гонорары не возмещают действительно отдаваемого науке труда, поэтому саботажа не будет, если ученому предоставлена возможность отдаваться любимому делу и он не поглощен борьбой за кусок хлеба. Поливанов заявлял, что ученые сами могут отстаивать интересы науки, сами осуществлять подбор лиц, годных к научной работе, что в этом деле надзор не нужен. В противоречивой своей заметке Е. Поливанов, выступивший как будто в поддержку акции М. Лемке, заявлял: «Контролировать научную работу и бояться в ней саботажа и не нужно, и смешно».

В последних числах июня 1920 г. в Петрограде проходил второй диспут о высшей школе, привлечший большое количество желающих открыто поддержать требование свободы научного творчества и преподавания. Выступили многие известные в научном мире историки, социологи, экономисты (И. М. Гревс, П. А. Сорокин, Б. Д. Бруцкус и др.). Они требовали «защитить науку от посягательств невежественной власти», выступали против деления науки на буржуазную и социалистическую, против узкого утилитаризма, за поднятие теоретического уровня исследований.

Дискуссия, происходившая в течение нескольких месяцев на страницах газеты «Известия Петроградского совета» и в открытых диспутах о проблемах и перспективах развития высшей школы, деятельности и статусе интеллигенции, получила в сентябре 1920 г. несколько неожиданное завершение. М. К. Лемке опубликовал статью, в которой сообщал, что на заседании совета Педагогического института профессора В. А. Десницкий и А. П. Пинкевич прямо спросили его: не он ли тот самый «Чужой», написавший возмутившие многих статьи? По-видимому, спрашивавшие были вполне уверены в утвердительном ответе — иначе вряд ли задали бы этот вопрос открыто, прямо в столь почтенной аудитории. К этому времени скандальная известность Лемке уже стала всеобщей. Его акцию осуждали не только коллеги — ученые и преподаватели, но и студенты Педагоги-

ческого института, объявившие ему бойкот. В ответ на вопрос Десницкого и Пинкевича профессор Лемке не стал отпираться, он не только признал корреспонденции «Чужого» своими, но и заявил, что это — лучшее, что он сделал за 25 лет работы!¹⁴ Давая общую оценку ситуации, он сказал, что суть дела — в столкновении двух противоположных политических течений, и в этом был действительно прав. В этом столкновении он занял позу одинокого, отторгнутого своей средой пророка. Он сказал: «суд общественного мнения, интеллигенции мне совершенно безразличен». Очевидно, что Лемке рассчитывал на активную поддержку государственного и партийного руководства. Но как раз в это время из официальных кругов слышались призывы к созданию товарищеских отношений рабочего класса с интеллигенцией. Назначенный управляющим делами СНК Н. П. Горбунов призвал к лучшему использованию специалистов и ученых, потому что «их у нас мало»¹⁵. При этом курс на поддержку интеллигенции, создание условий для ее плодотворной работы был неразрывно связан с установкой на контроль ее духовной жизни, всей профессиональной, интеллектуальной деятельности. Об этом красноречиво свидетельствует подписанное 19 ноября 1920 г. постановление СНК о реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР¹⁶. Было предписано в кратчайшие сроки создать новые учебные планы и программы, составить списки лиц, которым доверяется преподавание общественных наук в высшей школе. Государству очевидно было необходимо деловое взаимодействие с массой образованных профессионалов, и реакция на провокационное скандальное выступление профессора Лемке могла служить индикатором настроений в их среде.

---

¹ Известия Петроградского совета. 1920. 29 мая.

² См.: *Вандалковская М. Г.* М. К. Лемке — историк русского революционного движения. М., 1972. С. 10–64.

³ *Лемке М. К.* 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916). Пг., 1920.

⁴ *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. Л.: Лениздат, 1971. С. 84.

- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 220–222.
- ⁶ Там же. С. 249.
- ⁷ Правда. 1920. 28 мая.
- ⁸ Известия Петроградского совета. 1920. 5 июня.
- ⁹ Известия Петроградского совета. 1920. 15 июня.
- ¹⁰ Известия Петроградского совета. 1920. 30 мая.
- ¹¹ Известия Петроградского совета. 1920. 29, 30, 31 июля, 2, 3, 5, 6, 7, 9, 11, 26 августа.
- ¹² Известия Петроградского совета. 1920. 24 сентября.
- ¹³ Известия Петроградского совета. 1920. 7 июля.
- ¹⁴ Известия Петроградского совета. 1920. 30 сентября.
- ¹⁵ Правда. 1920. 19 декабря.
- ¹⁶ Декреты советской власти. Т. XI. 1983. С. 243–244.

О. В. Вольфиун

Александр Германович Вульфиус (1880–1941 гг.)

Имя историка Александра Германовича Вульфиуса известно отечественным специалистам по истории средних веков и религиозных движений в Западной Европе, но его биография и научная деятельность по-настоящему оставались до последнего времени совершенно неизученными¹. Восполнить в какой-то степени этот пробел и призвана настоящая статья.

А. Г. Вульфиус родился 19 января 1880 г. в Санкт-Петербурге. Вульфиусы были выходцами из Прибалтики, и точная дата переезда родителей Александра Германовича в Петербург остается неизвестной. Видимо, это произошло незадолго до рождения сына, так как в различных анкетах местом его рождения наряду с Санкт-Петербургом указывается Рига². В семье кроме Александра Германовича были еще дети: сестры³ Габриель, Ольга, Екатерина и старший брат Герман (1865–1893), впоследствии посвятивший себя научной деятельности⁴. Родители серьезно занимались воспитанием и образованием детей и с раннего детства привили им любовь к музыке, литературе и искусству. Вульфиус свободно владел немецким и французским языками — языками своих родителей, на которых говорили дома.

В конце 1890-х гг. Вульфиус поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, кото-

рый окончил в 1902 г. с дипломом I степени. Круг его научных интересов складывался под влиянием профессоров Г. В. Форстена, Э. Д. Гримма и И. М. Гревса и тяготел к истории средних веков и раннего нового времени, преимущественно в Германии. В 1901 г. за сочинение «Фридрих Великий и Католическая церковь» он был удостоен золотой медали⁵. Мы почти ничего не знаем о личной жизни А. Г. Вульфуса. Известно, что жену его звали Элиза-Мария (в русском варианте — Елизавета Антоновна) и что у них было трое сыновей — Павел, Андрей и Алексей.

Период после окончания университета и до защиты магистерской диссертации в 1911 г. был временем активной преподавательской деятельности Вульфуса в средней и отчасти высшей школе. С 1903 по 1913 гг. он преподавал в петербургской Petri-Schule сначала географию, с 1904 г. и историю⁶, а в 1911 г. стал инспектором этого учебного заведения⁷. Одновременно Вульфус вел занятия в Женском училище при евангелическо-лютеранской церкви Св. Екатерины. В 1910 г. к его педагогической деятельности в гимназии и училище, за которую он был отмечен орденом Св. Анны III степени, добавилось преподавание на Высших женских (Бестужевских) курсах и в Женском педагогическом институте⁸.

Преподавательская деятельность оставляла молодому ученому сравнительно мало возможностей для научной работы, ориентируя его в большей степени на разработку учебных пособий для гимназических нужд. Отсутствие четкой единой программы обучения, как в средней школе, так и в университетах, разница в подходе к подаче материала, наконец, разные объемы часов, выделяемых на преподавание одной и той же дисциплины в разных учебных заведениях, приводили к появлению значительного числа учебников различного качества и разнообразного содержания.

Если учебные пособия, предназначенные для высших учебных заведений, являлись, по сути, изложением курса лекций, читанных студентам и уже апробированных на практике, то учебники для гимназий и училищ должны были строиться более продуманно и четко в методологическом, прежде всего, отношении. Многочисленные вузовские курсы Э. Д. Гримма, Г. В. Форстена, Д. Н. Егорова и других известных историков, как прави-

ло, изданные по записям слушателей, не только несут на себе заметный отпечаток индивидуальности лектора, который подходит к изложению материала с близких именно ему позиций, но и содержат, порой, элементы импровизации, показывающие живое биение научной мысли, те пути, которыми передавалась традиция от учителя ученику.

В 1906 г. увидел свет «Конспект по феодализму» А. Г. Вульфiusа, выдержавший три издания⁹, а в 1909 г. — «Учебник средней истории»¹⁰, три года спустя за ним последовал «Учебник новой истории для средней школы», переиздававшийся с доработками четыре раза¹¹. Эти работы Вульфiusа нельзя, конечно, отнести к разряду научных; это были опыты в жанре учебно-методической литературы и, судя по количеству переизданий, достаточно полезные и «востребованные»¹².

Преподавательская работа и написание учебников — труд, который требует способности не только компилировать, но и осмысливать самому громадный объем фактического материала, служащего наполнением учебника, ясно видеть закономерности исторического процесса и излагать его логично и доступно для читателя. Постепенно Вульфius стал переходить от изложения внешнего хода истории к показу его внутренних механизмов, что можно проследить по тем изменениям и переработкам, которые он вносил в содержание и структуру своих учебников¹³. Особенно его интересовали религиозные движения средних веков и нового времени, а также история идей эпохи Просвещения.

В 1911 г. появился первый значительный научный труд А. Г. Вульфiusа «Очерки по истории веротерпимости и религиозной свободы в XVIII в.: Вольтер, Монтескье, Руссо»¹⁴, ставший его магистерской диссертацией. В «Очерках», возникших как результат курса, прочитанного в Женском педагогическом институте в 1907/1908 учебном году, внимание автора сосредоточено на изучении религиозных взглядов и убеждений ведущих философов Просвещения, «в виду тесной связи между религиозными взглядами всякого человека и тем, что автор подразумевает под философской терпимостью»¹⁵. В предисловии Вульфius так определял свое понимание веротерпимости: «Различение понятий философской и гражданской терпимости представляет

из себя основной момент в построении всей работы, а поэтому возможно точное определение этих двух понятий является безусловно необходимым. Под философской терпимостью автор понимает умение с уважением относиться ко мнению противника, понимать причину его заблуждений и способность находить заключенную во взглядах противника, помимо заблуждений, истину и искреннее стремление к правде <...>. Под терпимостью гражданской автор понимает требование установления со стороны государства тех или иных условий, ограждающих право личности на религиозное самоопределение или упраздняющих явления, которые делают это право неосуществимым»¹⁶. Вульфius подчеркивал, что для развития религиозности как субъективно-психологического феномена веротерпимость, то есть признание свободы личности на свои собственные, возможно и ошибочные, взгляды, является одной из главных движущих сил. Подробный анализ взглядов Вольтера, Монтескье и Руссо должен был подтвердить эти положения.

Идеи, намеченные Вульфiusом в 1911 г., нашли продолжение в статьях «Ренессанс и Реформация»¹⁷ и «Что такое Реформация»¹⁸. Статья «Ренессанс и Реформация» является откликом на одноименные исследования П. Вернле и Э. Трельча — историков, к чьим трудам А. Г. Вульфius обращался на протяжении всей своей научной деятельности.

Подробная характеристика работы П. Вернле, который, по мнению Вульфiusа, является выразителем достаточно широко распространенного взгляда на соотношении Возрождения и Реформации, дает представление о том, каково было устоявшееся мнение по этому вопросу. Рассматривая движение Возрождения как цельное и прогрессивное, Вернле, по замечанию Вульфiusа сводит на нет все положительные черты этого течения «окончательным приговором: Возрождение по своему существу представляет из себя откровение “природной животности человека, с её влечением к наслаждению и половому удовлетворению, с её власто- и честолюбием, облагороженным самыми утонченным эстетическим и интеллектуальным образованием при полном отсутствии совести; в конце концов это все та же утонченная изысканной интеллектуальной и эстетической культурой бестия”»¹⁹.

Возражение Вульфшуса вызывает прежде всего абсолютное противопоставление Возрождения и Реформации. «Вообще Вернле склонен видеть в Возрождении и Реформации антитезу двух движений, одно (Ренессанс) характеризуется богатством культурных элементов, в особенности научных и художественных, но и полной аморальностью, второе (Реформация), гораздо менее богатое в культурном отношении, отмечено необычайно сильно развитым этическим моментом», — замечает он²⁰. Гораздо ближе Вульфшусу позиция выдающегося немецкого историка и философа Э. Трёльча, который «значительно углубил и исправил конструкцию Вернле, не только по отношению к Реформации, но и к гуманизму»²¹. Трёльч, в отличие от Вернле, отказывается от оценки Ренессанса и Реформации в плане «моральности — аморальности», что дает возможность оценивать религиозные тенденции Возрождения как не случайные, а вполне закономерные. Он рассматривает Возрождение как один из этапов формирования современного мышления и оценивает его достаточно высоко: Возрождение — это новая ступень, на которую вышли наука, искусство, политика, представляющие разные грани выражения личности, и религиозные искания, следовательно, «входят, как необходимый признак, в развитие полной автономии личности <...> превращающей личность в микрокосм, который, как в зеркале, отражает макрокосм мира»²². Именно понимание и глубина «автономии личности», по мысли исследователя, и есть тот критерий, благодаря которому и можно проводить различие между Ренессансом и Реформацией: «Если существо Возрождения заключается в «несвязанной авторитетами, полной автономии субъекта, совершенно свободной в художественном восприятии, а в интеллектуальной работе подчиненной лишь законам логики, то индивидуализм Реформации <...> остается связанным авторитетом “слова Божьего” и объективно на почве этого слова существующей церкви»²³. Таким образом, в концепции Трёльча, культурный феномен Возрождения приобретает совершенно особое значение в рамках общего развития католической церкви. Возрождение не только воспринимает и развивает элементы античной культуры, но и наполняет их новыми смыслами, что вполне отвечает одной из главных, с точки зрения Трёльча, тенденций средневеково-

го католицизма «как системы, стремившейся примирить “мир” и “церковь” с помощью стоически-аристотелевского учения о естественном праве»²⁴. То, что это движение именно в рамках католической церкви, следует из мысли Трёлча о том, что «Возрождение достигло всемирно-исторического значения лишь в своем соединении с католической реакцией»²⁵, которое продолжается на протяжении XVI и XVII веков, а в XVIII веке приводит к победе движения Возрождения, ставшего «не Возрождением, а Просвещением», враждебным и полным радикальных антихристианских тенденций, над католической церковью.

Интересно, что и Реформация, которая в построениях Трёлча представляет собой просто «звено в цепи попыток очищения и укрепления её (церкви. — О. В.) христианских элементов»²⁶, также со временем подвергается влиянию ренессансных идей, а к XVIII веку оказывается побеждена «расширением и новым осмыслением протестантского христианского мирозерцания»²⁷.

Такова концепция Э. Трёлча, которую А. Г. Вульфийус подробно излагает в своей статье, чтобы, признав её «грандиозность», отметить ряд «натяжек и недочетов», среди которых есть и достаточно существенные. Прежде всего, это совершенно справедливое замечание о невозможности усматривать полное принятие Реформацией католической идеи объективной церкви. Как справедливо замечает Вульфийус: «В конце концов, ведь в основе своей протестантское учение о церкви лишь констатирует факт существования объективной церкви везде там, где есть “слово Божие”, отвергая всякую возможность дальнейшего выявления видимости её в смысле одаренной благостными силами иерархии <...>. Стара лишь сама идея объективной церкви, содержание же этой идеи в католицизме и протестантизме глубоко противоположно»²⁸. Действительно, вряд ли можно согласиться с тем, что результатом движения Реформации стало лишь обновление католической церкви и усовершенствование её институтов, что представляется скорее побочным продуктом, результатом не Реформации, а католической реформы²⁹.

Мотивы, которыми руководствовался Э. Трёлч, говоря о принятии Реформацией католической идеи объективной церкви, достаточно очевидны: Трёлч, как и большинство исследо-

вателей Реформации, обращался прежде всего к лютеранским и кальвинистским материалам, оставляя вне поля своего зрения крайние течения, такие, как, например, анабаптизм, или «протестантский мистицизм» в лице Себастьяна Франка.

Реформация предоставляет собой слишком широкое и разнородное явление для того, чтобы укладываться в жесткие схемы; невозможно давать оценку всему явлению, находясь на позициях, например, только лютеранского мировоззрения. Ту же узость взгляда отмечает Вульфийус и когда критикует положение Трёлча о внутренне-мирском аскетизме как основном этическом принципе Реформации, этот тезис представляется ему справедливым совсем не для всех реформационных течений.

Завершая критический анализ работ Трёлча и Вернле, Вульфийус приходит к следующему выводу: вопрос о характере Ренессанса и Реформации и их соотношении требует пересмотра, причем, формулируя задачу более четко, он отмечает, что «вопрос о взаимоотношении Реформации и Возрождения сводится к вопросу о различии результатов в различных странах, достигнутых огромным и единым процессом развития личного самопознания на почве общего культурного подъема, различии, стоящем в зависимости от того, какая сторона этого духовного процесса, светская или религиозная, получила перевес и в какой степени»³⁰.

Статья «Ренессанс и Реформация» была одной из самых значительных в научном творчестве А. Г. Вульфийуса. Именно в ней он определил направление своих исследований на многие годы вперед, поставил вполне определенные задачи, выявил тот круг исследователей и актуальных тенденций в интересующей его области, в диалоге с которыми он создавал свои последующие работы³¹. Однако статьи, написанные в 1911–1916 гг., были только подготовкой к работе, которая принесла А. Г. Вульфийусу наибольшую известность. Продолжая идти по намеченному им пути изучения развития религиозного индивидуализма в различные исторические периоды, Вульфийус остановился на явлении, которое было, как ему представлялось, наиболее ярким проявлением религиозного индивидуализма в средние века — на средневековых ересьях, в частности, на вальденском движении³².

Изучение истории средневековых еретических движений и общих вопросов средневековой религиозности скрестило научные пути А. Г. Вульфуса и Л. П. Карсавина — блестящего петербургского историка-медиевиста, специализировавшегося в области, столь близкой современной исторической науке — истории ментальности. Несмотря на близость тем и интересов, труды этих двух ученых были совсем непохожи и дают возможность проследить два различных подхода к изучению практически однородного материала.

Выход в свет книги А. Г. Вульфуса «Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма»³³ через год после докторской диссертации Л. П. Карсавина³⁴, посвященной изучению средневековой религиозности, близость терминологии и материала — все это делало работу Вульфуса своеобразным откликом на карсавинские «Основы средневековой религиозности».

Л. П. Карсавин сосредоточился на исследовании «среднего религиозного человека» как базового понятия для феномена средневековой религиозности. «Средний религиозный человек», в понимании Карсавина, — это не среднестатистический представитель эпохи, а некая субстанция, присущая изначально каждому человеку. Он является носителем того, что составляет общий религиозный фонд — достояние группы, состоящей из множества членов, каждый из которых, следовательно, включает в себе среднего религиозного человека. Группа может распадаться на подгруппы, так что получается целая иерархия, имеющая сложную структуру и определяющая взаимоотношения между членами группы. Карсавин, однако, подчеркивал, что реального носителя фонда, «т. е. человека, сознание которого только пределом этого фонда и ограничивается»³⁵, не может существовать, что индивидуальные особенности не исключены, хотя их роль вторична, так как они нарастают из фонда. Из этого следует, что любая исключительная индивидуальность или даже гениальность не есть явление самостоятельное, а всего лишь «заключающее в себе ярко выраженными те или иные черты среднего человека»³⁶. Любое проявление исключительности — не что иное, как проявление гипертрофированной черты «типичного». То, что мы традиционно принимаем за отличное

от обычного, есть, таким образом, только сильно развитое обычное, или «среднее», в нашем случае.

В работе А. Г. Вульфийуса понятия «общего религиозного фонда» и «среднего религиозного человека» нашли совершенно другую оценку. В своем исследовании он, как и в предшествующих своих работах, оперировал понятиями «объективной» и «субъективной» религии, причем под объективной религией им понималась система догматов и внешнего благочестия, что до известной степени совпадало с понятием, которое Л. П. Карсавин определял как «общий религиозный фонд». Однако, в отличие от Карсавина, который видел в общем религиозном фонде движущую силу церковных изменений, А. Г. Вульфийус считал его необходимым злом, порождающим индивидуализацию религии.

Процесс индивидуализации религии есть, следовательно, восприятие личностью догмы, которая, проходя путь осмысления и прочувствования, становится внутренним переживанием верующего и, возвращаясь в «общий фонд», значительно отличается от своего первоначала. Таким образом и происходит построение новой церкви. Поясняя свою мысль, А. Г. Вульфийус установил пять концепций церкви, первая из которых (католическая) была основной, а четыре остальные — формами ее преодоления, то есть постепенной индивидуализацией³⁷. Вальденство рассматривалось им как предшествующий Реформации этап в том генетическом ряду, который определялся неизбежным процессом развития религиозного индивидуализма и напряжения между субъективными и объективными элементами религии.

Близость тем и разность подходов в работах двух историков вызвала оживленное обсуждение двух докторских диссертаций в научных кругах. Сравнительный и подробный анализ положений этих двух работ был дан в большом критическом отзыве профессора Н. И. Кареева. «Я не буду ни излагать содержания этих двух книг, ни разбирать их, ни сравнивать между собой в отношении их специального содержания. Скажу только, что это — книги довольно разного характера, говорящие же о различных предметах, разно к ним и подходящие, и если я, тем не менее, и соединяю их для совместного их рассмотрения с известной стороны в данной статье, то причина этого в общем их пред-

мете — религии и в высказывании их авторами некоторых положений, содержание которых выходит за пределы собственно изученной обоими авторами эпохи и может получить применение к изучению религиозных явлений», — писал Кареев в начале своей статьи³⁸. Естественно, что внимание Кареева, специалиста не только в области новой истории, но и в области социологии, привлекли теоретические положения обеих работ, которые он тщательно разобрал на протяжении почти тридцати страниц. Так, согласившись с основными теоретическими построениями Л. П. Карсавина в том, что касалось «учения о религиозности и вообще культурном фонде»³⁹, он в то же время отверг введенный Карсавиным термин «средний человек». Рассматривая это понятие, Кареев писал: «Считая удачным понятие общего фонда <...> не могу признать удачным построение понятия “среднего человека”, хотя и понимаю, что в данном случае, автор имел в виду, как некоторую совокупность общих всем членам группы признаков, “свойств” и “черт”. Но не отсюда ли попали эти два слова в определение той совокупности, которую представляет общий фонд? Я готов понимать его как комплекс верований, настроений, навыков и т. п., но не “свойств” и “черт”, потому что это еще требует пояснений: свойств и черт кого или чего?»⁴⁰. Вызывал его критику и поиск черт и свойств «*homo medius*» как раз у выдающихся представителей своего времени, в то время как сам же автор утверждал, что искать среднее следует в среднем: то есть наиболее ярко черты типичного среднего человека могут быть прослежены на примере представителя среднего круга общества⁴¹. Говоря другими словами, «средний человек» Карсавина оказался слишком усреднен и схематичен даже для представителя социологического направления в исторической науке.

Что же касается диссертации А. Г. Вульфиуса, то Н. И. Кареев указывал на некоторую узость, которой, по его мнению, страдало определение «индивидуализации религии», являвшееся одним из ключевых в работе. Он замечал: «Я не оспариваю здесь понимания А. Г. Вульфиусом понятия “индивидуализации религии”⁴², но дополняю его другим пониманием, когда индивидуализация заключается не в перенесении центра тяжести, коротко говоря, из внешнего во внутреннее, а в придании индивидуумом данной объективной религии своего личного,

особенного отпечатка, как, напр., у св. Франциска Ассизского, в известном своеобразии, отличающем религию данного лица от общего однообразного фона (не фонда) массовых, шаблонных проявлений религиозности, которые Л. П. Карсавин и хочет зафиксировать в своем «среднем человеке»⁴³. Поясняя свою мысль, Н. И. Кареев отметил, что термин «индивидуализация», употребляемый Вульфийусом в широком смысле и в тех случаях, где он говорил о творческой переработке религиозного представления отдельной личностью и последующем возвращении переработанной, получившей индивидуальную окраску идеи в общий фонд культурно-исторических и религиозных идей и представлений (как в случае с Лютером, например), и тогда, когда он говорит только о перенесении религиозного представления в «индивидуальную душу» без каких-либо последствий для развития этого представления, пропущенного через субъективные переживания конкретного человека, следовало бы разграничить.

В первом случае Кареев предлагал использовать термин «лютеранизация» религии, а во втором — «субъективизация», следуя логике самого Вульфийуса, проводившего различие между «объективной» и «субъективной» церковью. «Субъективизация» религии, таким образом, явилась бы смещением акцента при восприятии религиозной идеи с принятия внешней стороны религии (догматов и культовой стороны деятельности объективной церкви), к внутренней переработке религиозных идей с минимизацией «догматических формул и внешнего благочестия». Путь субъективизации, следовательно, характеризовался бы «принципиальным отрицанием возможности какого бы то ни было объективного построения религии, и в смысле учения, и в смысле строя внешнего благочестия»⁴⁴. Так как существование и развитие религии невозможно без существования внешних институтов церкви, реформа последней происходит в результате индивидуализации — «лютеранизации», когда трансформировавшаяся под влиянием субъективных переживаний догма (религиозное представление, мысль) все же возвращается в породившую ее среду, то есть в рамки объективной Церкви, как это и произошло в ходе Реформации. Субъективизация же религии («крайний индивидуализм»), которая бывает двух типов — ми-

стическая и рационалистическая, приводит в первом случае к пантеизму, а во втором — к философскому деизму и атеизму, что и было показано Вульфiusом на примере французских просветителей XVIII в. еще в работе 1911 г.

Таким образом, к 1916 г. А. Г. Вульфius сформулировал основные положения концепции формирования новых религиозных движений, которые представлялись ученому как неотъемлемая часть того общего культурного и религиозного фона, на котором они развивались.

Докторская диссертация А. Г. Вульфiusа была защищена 22 мая 1916 г. в историко-филологическом факультете Петроградского университета, а на следующий день совет университета утвердил его в степени доктора истории.

Октябрьский переворот 1917 г. А. Г. Вульфius встретил в должности ординарного профессора Высших женских (Бестужевских) курсов, ординарного профессора Петроградского женского педагогического института, профессора Высших женских педагогических курсов и заведующего учебной частью Училища Св. Петра.

К сожалению, достоверных свидетельств об отношении А. Г. Вульфiusа к революционным событиям не сохранилось. По имеющимся в следственном деле 1937 г. сведениям, Вульфius в 1905 г. вступил в партию кадетов, однако состоял в этой партии не более пяти месяцев⁴⁵. Другими же подтверждениями его политической активности и политических настроений мы не располагаем.

Данные различных анкет и документов рисуют образ деятельного человека, активно принимавшего участие в академической и культурной жизни Петрограда. Так, в течение долгих лет А. Г. Вульфius был товарищем председателя Петропавловского общества любителей хорового пения, известно, что он не терял связи с представителями многочисленной немецкой диаспоры, являясь членом «Санкт-Петербургского союза немцев»⁴⁶.

В первые послереволюционные годы значительных изменений в судьбе Вульфiusа не произошло: он активно занимался преподавательской, лекторской и просветительской работой и даже с 1920 по 1924 год служил в качестве лектора в Военной школе им. Энгельса.

По сведениям из архива Санкт-Петербургского университета, А. Г. Вульфийус с 1918 г. преподавал в нем, а с октября 1921 г. был утвержден Государственным ученым советом в должности сверхштатного профессора факультета языкознания и материальной культуры (ЯМФАКа) по кафедре истории Западной Европы и Востока⁴⁷. Согласно справочнику «Наука в России» за 1923 г., в 1922 г. Вульфийус был профессором всеобщей истории и истории религии Петроградского университета и I Педагогического института. По документам на ноябрь 1927 г.⁴⁸ он состоял приват-доцентом университета. К сожалению, в архиве университета не сохранилось сведений об отчислении его с работы.

Период после 1917 г. и до середины 1920-х гг. был для А. Г. Вульфийуса достаточно продуктивен и в научном отношении. С 1917 по 1923 гг. он опубликовал несколько небольших по объему, но значительных по содержанию книг: «Западная Европа в новое время», «Проблемы духовного развития. Гуманизм. Реформация. Католическая реформа», «Религия, церковь и Реформация», «Основные проблемы эпохи “Просвещения”»⁴⁹ и ряд статей, из которых отметим «Освальд Шпенглер как историк» и «Вильгельм II о себе самом»⁵⁰.

Эти книги Вульфийуса стали подведением итогов. Отказавшись от классической формулы противопоставления католической церкви и Реформации, доминировавшей в то время среди историков западной церкви, он показал, что Реформация питалась идеями и была плоть от плоти той церкви, против которой восставала. Надо заметить, что такой взгляд на католическую реформу практически не был воспринят отечественной наукой до последних десятилетий XX в.⁵¹, в то время как в западной историографии, в частности немецкой, подобный взгляд на Контрреформацию и связанный с ней круг изменений внутри самой католической церкви давно уже стал если не общепринятым, то широко распространенным⁵².

Говоря о природе Реформации, Вульфийус определяет ее так: «Реформацию поэтому следует определить как преобразование элементов объективной религии, то есть ее догматов, заповедей и культа и ее социального строя <...>. Внутренний принцип этого преобразования покоится в развитии основного напряжения в каждой религии между личными религиозными пережива-

ниями и идеями или субъективной религией, с одной стороны, и неизменными, претендующими на абсолютную истинность формами догмы, заповеди и культа или объективной религией, с другой стороны. В своем развитии это основное напряжение вырастает в конкретное противоречие клира и общины, в котором, однако, чисто религиозные мотивы неразрывно сплетаются с общекультурными национального, социального, экономического, научного и художественного характера»⁵³. Более того, Вульфус, анализируя генезис Реформации, показал близость понятий «Реформация» и «Католическая реформа», являющихся двумя сторонами одного и того же процесса преобразования Церкви⁵⁴, и сделал вывод о том, что «в данный исторический момент сила и успех Реформации покоятся на признаках, которые в историческом процессе необходимо приведут к новой Реформации». Реформирование религии, таким образом, может продолжаться до тех пор, пока «не придут к мысли, что человеку вообще не дано выразить заключенную в религии истину в абсолютно непогрешимых формах и формулах»⁵⁵, т. е. к отмиранию внешних форм Церкви (догмы, упразднению клира), либо к другому исходу, при котором «данный общий род религии терпит крушение вместе со всем культурным миром, из которого он вырос, и уступает место новой культуре и новому общему роду религии»⁵⁶. Наконец, возможен и более оптимистический вариант, когда «сохраняя веру в абсолютную истинность данного общего рода религии, мы надеемся, что с помощью повторных реформаций нам удастся, в конце концов, выяснить неразрушимый и непоколебимый фонд религиозных идей и требований, который получит всеобщее признание и послужит фундаментом для окончательного построения данной религии»⁵⁷. Надо заметить, что некоторые из высказанных идей оказались удивительно созвучны тенденциям развития не только Католической церкви, но христианства в целом, которые можно было наблюдать на протяжении всего XX в.

К сожалению, плодотворный всплеск творческой энергии А. Г. Вульфуса не продлился долго. Последовавшие после гражданской войны годы принесли утверждение нового взгляда на университетские вольности. Ужесточение идеологического режима вынудило многих ученых, несогласных с политической

линий Советского государства или неугодных власти, покинуть страну. В 1922 г. знаменитый «философский пароход» увез на своем борту последние надежды на возможность свободного научного поиска и самовыражения в Советской России. А. Г. Вульфийса не было в числе высланных ученых, но он был отстранен от преподавания истории в высшей школе.

До своего ареста в 1930 г. Вульфийс продолжал работать в качестве заведующего кафедрой иностранных языков Института инженеров коммунального хозяйства и профессора Высших государственных курсов новых языков⁵⁸, а также преподавал в Немецком центральном педагогическом техникуме. Путь для продолжения научной деятельности оказался закрыт.

О том, что после статьи 1923 г. Вульфийсом не было опубликовано ни одной другой крупной работы, можно судить по «Отчету о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)», сделанном Н. И. Кареевым для французского исторического журнала «Revue historique». Имя Вульфийса упоминается в этом отчете только дважды, да и то в связи с его дореволюционными работами о веротерпимости и еретических движениях⁵⁹. Конечно, Н. И. Кареев, хорошо знакомый с исследованиями А. Г. Вульфийса, упомянул бы о новой работе историка.

Вскоре его имя окончательно исчезло со страниц исторических журналов. Да и как же было ему не исчезнуть, если, как было заявлено в одной из статей, посвященных актуальным задачам изучения зарубежной истории, «историческая наука должна превратиться в остро отточенное оружие политической борьбы. Она должна стать партийной наукой в еще большей степени, чем была до сих пор»⁶⁰. Не заставили себя ждать и другие последствия утверждения нового режима.

В 1930 г. А. Г. Вульфийс был арестован по делу «Всенародно-го союза борьбы за возрождение свободной России», известному также как «Академическое дело». Он был обвинен в шпионаже в пользу Германии⁶¹ и связях с лидерами немецкой националистской партии: Гетчем, Шмидт-Оттом и Ионасом⁶². 8 августа 1931 г. коллегией ОГПУ А. Г. Вульфийс был признан виновным и приговорен к ссылке на три года в отдаленные районы Западной Сибири⁶³.

Вернувшись в Ленинград из ссылки в середине 30-х гг., А. Г. Вульфийс столкнулся с проблемой, известной многим от-

бывшим наказанием заключенным — необходимостью устройства на работу и трудностями в ее поиске. Естественно, заниматься наукой, не имея средств к существованию, было невозможно⁶⁴, но Вульфусу посчастливилось восстановиться на службе в Институте иностранных языков в должности профессора. Однако более или менее спокойное существование продлилось недолго.

В феврале 1937 г. А. Г. Вульфус был привлечен в качестве обвиняемого по сфабрикованному делу о создании контрреволюционных немецких фашистских формирований, действовавших на железнодорожном транспорте и в промышленности, начатому еще в 1936 г., и арестован вторично. Следствию не понадобилось много времени для того, чтобы доказать «вину» обвиняемых.

Следственное дело дает представление о том, на основании чего было вынесен приговор. Фактически, кроме утверждений следователя о ложности показаний подсудимого и признания им своего знакомства с некоторыми далеко не всеми упоминаемыми следствием лицами, протоколы допроса не содержат больше ничего. В вину Вульфусу было поставлено и его немецкое происхождение, и контакты с немецким консульством, прекратившиеся еще в 1930 г., к моменту первого ареста, и преподавание в Петришуле — все, что могло служить грубо сфальсифицированному делу. Отрицание своей вины обвиняемым истолковывалось однозначно — заpiresательство и нежелание сотрудничать. Интересной деталью этого обвинения может служить упоминание о встречах Вульфуса с рядом лиц, знакомство с которыми, как выяснилось в результате допросов, было весьма мимолетным. Видимо, недремлющее око правосудия не оставляло своим вниманием Александра Германовича с момента его возвращения в Ленинград в 1934 г.

15 июня 1937 года дело № 676-36 г. шестого отдела УНКВД ЛО по обвинению Пучиня Эдуарда Петровича, Церпиня Августа Давыдовича, Кельсона Зигфрида Симоновича и Вульфуса Александра Германовича по статьям 58-10 и 11 УК было рассмотрено помощником областного прокурора Ленинградской области Камыниным, обвинения были признаны обоснованными и дело было направлено на рассмотрение ОСО при НКВД СССР⁶⁵.

22 сентября 1937 г. ОСО при НКВД СССР заслушало дело № 676 и постановило Вульфийуса Александра Германовича за контрреволюционную деятельность приговорить к наказанию в соответствии со статьей 58-10 УК и заключить его в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая от момента заключения под стражу 11 февраля 1937 г.⁶⁶

Осужденные по делу и члены их семей пытались добиться пересмотра дела, и в 1940 г. таковое было предпринято, однако, по заключению оперуполномоченного второго отдела ГУГБ НКВД лейтенанта госбезопасности Андрианова, никаких фактов, подтверждающих невинность осужденных в следственном деле не было найдено. Жалобы было рекомендовано оставить без удовлетворения⁶⁷.

А. Г. Вульфийус умер в лагере, находившемся в районе железнодорожной станции Чибья 10 июня 1941 г. от воспаления легких в возрасте 61 года⁶⁸. Место его захоронения остается неизвестным. Жертвами незаконных репрессий стали и его сыновья: в 1938 г. были арестованы Алексей и Павел Вульфийусы. Павел Александрович Вульфийус (1908–1977), известный музыковед, специалист по Шуберту, со второй половины 50-х гг., после реабилитации, был профессором Ленинградской консерватории.

В 1956 г. сыновья А. Г. Вульфийуса Павел и Андрей Александровичи обратились к генеральному прокурору СССР с ходатайством о реабилитации их отца. В 1958 г. постановлением Верховного Суда А. Г. Вульфийус был посмертно реабилитирован⁶⁹.

---

¹ В последние годы была опубликована статья, содержащая анализ научного творчества Вульфийуса: *Прокотьев А. Ю.* 1) Забытый историк раннего нового времени: Александр Германович Вульфийус // Университетский историк. СПб., 2003. Вып. 2. С. 173–192; 2) Забытый историк раннего Нового времени: Александр Германович Вульфийус // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2005. Вып. 5. С. 127–147. Автор этой работы, однако, совершенно не касается биографии Вульфийуса. См. также: *Вольфийун О. В.* 1) Религиозный индивидуализм и религиозное единство в работах А. Г. Вульфийуса и Л. П. Карсавина // Материалы X Санкт-Петербургских религиозно-философских чтений. СПб.,

2003. С. 131–133; 2) Судьба историка-медиевиста А. Г. Вульфуса: ученый и власть // Труды Государственного музея истории религии. СПб., 2005. Вып. 5. С. 195–208. Для стандартной оценки научного наследия А. Г. Вульфуса в советское время см: История исторической науки в СССР. Т. II–III. М., 1963–1966; *Вайнштейн О. Л.* 1) *Историография Средних веков.* М., 1940; 2) *История советской медиевистики.* Л., 1968.
- ² Следует отметить, что местом рождения старшего брата А. Г. Вульфуса — Германа Германовича Вульфуса также был Петербург.
  - ³ В следственном деле А. Г. Вульфуса упоминаются три его сестры: Карпова Габриэль Германовна, проживавшая в Ленинграде, Кенге Ольга Германовна, эмигрировавшая в Италию и проживавшая в Милане, и Кенге Екатерина Германовна, проживавшая в Тифлисе. См.: Анкета арестованного. Архив УМБ РФ по СПб. и Лен. обл. П-74826. Т. 1. Л. 61 об.
  - ⁴ Г. Г. Вульфус обучался в Императорском Русском филологическом институте при Лейпцигском университете в 1885–1889 гг., после чего был командирован за границу (в Германию и Италию) для подготовки к написанию магистерской диссертации и последующего преподавания на кафедре классической филологии. Вернувшись в Петербург, он приступил к работе над магистерской диссертацией по теме «Греческое искусство VI в. до Р. Х.», которую так и не защитил ввиду безвременной кончины. Тем не менее, он оставил после себя три статьи, опубликованные в «Журнале Министерства народного просвещения» (в 1891–1892 гг.) и в «Записках Императорского Русского археологического общества» (Т. V). К моменту смерти Г. Г. Вульфус занимался по поручению Императорской Археологической комиссии подготовкой статьи, посвященной исследованию терракотовой группы Ниобид, найденной в южной России. См.: Некролог. Г. Г. Вульфус // *Филологическое обозрение.* 1893. Т. IV.
  - ⁵ Verzeichniis der Schüler und Schülerinnen der Schulen zu St. Petri 1862–1912. SPb., 1913. P. 154.
  - ⁶ Jahresbericht der deutschen Hauptschule zu St. Petri über das Schuljahr 1904. SPb., 1904. P. 53.
  - ⁷ Verzeichniis der Schüler und Schülerinnen der Schulen zu St. Petri 1862–1912. P. 154.
  - ⁸ *Весь Петербург.* СПб., 1910. С. 464, 476.
  - ⁹ *Вульфус А. Г.* Конспект по феодализму. СПб., 1906; 2-е изд. — СПб., 1913; 3-е — Пг., 1916.
  - ¹⁰ *Вульфус А. Г.* Учебник средней истории. СПб., 1909. Учебник выдержал 7 изданий: 2-е изд. исправленное — СПб., 1911; 3-е изд. —

- СПб., 1911; 4-ое изд., исправленное — СПб., 1913; 5-е и 6-е изд. — Пг., 1914; 7-е изд. — Пг., 1915.
- ¹¹ *Вульфийус А. Г.* Учебник новой истории. СПб., 1912; 2-е изд., исправленное — СПб., 1913–1914; 3-е изд. — СПб., 1915; 4-е изд., переработанное — Пг., 1916.
- ¹² На основе «Учебника средней истории» в 1914 г. Д. Т. Майдановым был составлен повторительный курс средней истории. См.: *Майданов Д. Т.* Повторительный курс средней истории. Одесса, 1914.
- ¹³ Эту тенденцию справедливо отмечает современный историк. См.: *Прокопьев А. Ю.* Забытый историк раннего нового времени: Александр Германович Вульфийус. С. 179–180.
- ¹⁴ *Вульфийус А. Г.* Очерки по истории идеи веротерпимости и религиозной свободы в XVIII в. Вольтер, Руссо, Монтескье. СПб., 1911.
- ¹⁵ Там же. С. V.
- ¹⁶ Там же. С. VI.
- ¹⁷ *Вульфийус А. Г.* Ренессанс и Реформация // Научный исторический журнал. 1914. № 3. С. 1–18.
- ¹⁸ *Вульфийус А. Г.* Что такое Реформация? // Журнал Министерства народного просвещения 1916. № 2. С. 258–296.
- ¹⁹ *Вульфийус А. Г.* Ренессанс и Реформация. С. 4.
- ²⁰ Там же. С. 6.
- ²¹ Там же. С. 8.
- ²² Там же. С. 8.
- ²³ Там же. С. 9.
- ²⁴ Там же. С. 10.
- ²⁵ Там же. С. 10.
- ²⁶ Там же. С. 10.
- ²⁷ Там же. С. 11.
- ²⁸ Там же. С. 12.
- ²⁹ Вульфийус приходит к этому выводу в своей более поздней работе. См.: *Вульфийус А. Г.* Проблемы духовного развития. Гуманизм, Реформация, Католическая реформа. Пг., 1922.
- ³⁰ *Вульфийус А. Г.* Ренессанс и Реформация. С. 18.
- ³¹ См., например, достаточно подробный список литературы с краткими аннотациями к большинству изданий, приводимый А. Г. Вульфийусом к каждой главе его работы «Проблемы духовного развития. Гуманизм, Реформация, Католическая реформа».
- ³² Вероятно, обратиться к изучению вальденского движения в развитии религиозного индивидуализма побудил Вульфийуса всё тот же Э. Трёльч. В рецензии Вульфийуса на книгу Э. Трёльча «Социальные учения христианских церквей и групп» он писал: «Для историка средневековья в особенности интересен его взгляд на разные типы

- аскетизма, на отличие аскетизма от идеала апостольства вальденско-францисканского типа». См.: *Вульфциус А. Г.* Ernst Troeltsch: Die Sociallehren der christlichen Kirchen und Gruppen. Tübingen, 1912. XVI+994 s. // Научный исторический журнал. 1913. № 1. С. 98.
- ³³ *Вульфциус А. Г.* Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. Критическое исследование. Пг., 1916.
- ³⁴ *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. преимущественно в Италии. Пг. 1915.
- ³⁵ Там же. С. 11.
- ³⁶ Там же. С. 13.
- ³⁷ Поясняя свою мысль, А. Г. Вульфциус изложил пять концепций Церкви следующим образом: «Во-первых, Церковь видимая или одаренная благодатными силами иерархия; во-вторых, Церковь объективно существующая, как благодатный институт, но невидимая, иначе “*corpus mysticum Christi*”; в-третьих, Церковь — видимая, воплощенная в клире, действительно живущем согласно закону Христа; в-четвертых, Церковь — видимая община избранных, ведущих жизнь по евангельскому закону, но лишенная благодатного института; в-пятых, Церковь — невидимая община избранных, возрожденных внутренне на почве евангельского идеала». См.: *Вульфциус А. Г.* Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. С. 23–24.
- ³⁸ *Кареев Н. И.* Общий религиозный фонд и индивидуализация религии. По поводу двух исторических диссертаций // Русские записки. 1916. № 9. С. 195.
- ³⁹ Там же. С. 211.
- ⁴⁰ Там же. С. 208.
- ⁴¹ *Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв. преимущественно в Италии. С. 25–26.
- ⁴² *Вульфциус А. Г.* Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. С. 11–12.
- ⁴³ *Кареев Н. И.* Общий религиозный фонд и индивидуализация религии. С. 219.
- ⁴⁴ *Вульфциус А. Г.* Вальденское движение в развитии религиозного индивидуализма. С. 14.
- ⁴⁵ Архив УМб РФ по СПб. и обл. П-74826. Л. 61.
- ⁴⁶ Там же. Л. 273–275.
- ⁴⁷ Архив СПбГУ. Личная карточка по учету кадров.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Вульфциус А. Г.* 1) Западная Европа в новое время. Пг., 1920; 2) Проблемы духовного развития. Гуманизм, Реформация, Католическая реформа. 3) Религия, церковь и Реформация. Пг., 1922; 4) Основные проблемы эпохи «Просвещения». Пг., 1923.

- ⁵⁰ Вульфийус А. Г. 1) Освальд Шпенглер как историк // *Анналы*. 1922. № 2. С. 17–30; 2) Вильгельм II о себе самом // Там же. 1923. №3. С. 104–113.
- ⁵¹ См., например: *Горфункель А. Х.* Гуманизм — Реформация — Кон-трреформация // *Культура эпохи Возрождения и Реформация*. Л., 1981. С. 7–19.
- ⁵² См. *Прокотьев А. Ю.* Забытый историк раннего нового времени: Александр Германович Вульфийус. С. 175.
- ⁵³ Вульфийус А. Г. Религия, церковь и Реформация. С. 21–22.
- ⁵⁴ «Проводя существенное различие между понятиями Реформы и Реформации, следует отметить, что фактически Реформа может сходиться с Реформацией не только в тех или иных требованиях, но и в основном идеале. При этом Реформа полагает возможным этот идеал осуществить в рамках традиционного построения религии, а Реформация приходит к выводу о несовместимости этого идеала с традиционной формой» (*Вульфийус А. Г.* Религия, церковь и Реформация. С. 23).
- ⁵⁵ Там же. С. 37.
- ⁵⁶ Там же. С. 37.
- ⁵⁷ Там же. С. 38.
- ⁵⁸ Анкета арестованного. Архив УМб РФ по СПб. и обл. П-74826. Л. 61.
- ⁵⁹ *Кареев Н. А.* Отчет о русской исторической науке за 50 лет // *Отечественная история*. 1994. № 2. С. 150, 152.
- ⁶⁰ *Лукин Н.* За большевистскую партийность в исторической науке. К итогам дискуссии на западном участке исторического фронта // *Историк-марксист*. 1931. Т. 22. С. 9–10.
- ⁶¹ О повальных арестах немцев, проходивших в это время в Ленинграде, упоминает в своих воспоминаниях Н. П. Анциферов историк-краевед, один из учеников И. М. Гревса. Уже арестованный, он узнал об аресте Вульфийуса со слов своего сокамерника Бабенчикова: «На другой день он стал разговорчивее, и вскоре я узнал, что мы однодельцы, что его обвинили в шпионаже, что карта, составленная им, предназначалась для передачи германскому генеральному штабу! В Ленинграде арестовано большое число немцев, в том числе профессор новой истории Вульфийус, и немцы, бывшие в студенческие годы корпорантами» (См.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом. М., 1992. С. 364).
- ⁶² Академическое дело 1929–1931 г. СПб., 1993. Вып. 1. С. 6.
- ⁶³ Приговор по делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России» (См. Академическое дело 1929–1931 г. С. XLVIII).
- ⁶⁴ Там же. С. XLIX.

⁶⁵ Архив УМБ РФ по СПб. и обл. П-74826. Л. 269.

⁶⁶ Там же. Л. 275.

⁶⁷ Там же. Л. 285.

⁶⁸ Извещение о смерти в спецотдел НКВД по Московской области. Архив УМБ РФ по СПб и обл. Т. 1. Л. 287. См. также: Копия извещения о смерти А. Г. Вульфуса (с указанием причины смерти «от воспаления легких») // ЦГАЛИ СПб. Ф. 432. Оп. 1. Ед. хр. 69. Л. 2.

⁶⁹ Архив УМБ РФ по СПб. и обл. П-74826. Л. 340.

Т. Г. Смирнова

О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого)

Василий Григорьевич Дружинин — один из ярких представителей дореволюционной школы историков, исследователь истории и культуры старообрядчества, археограф, коллекционер, член-корреспондент АН СССР¹.

В. Г. Дружинин родился 10 (22) августа 1859 г. в Петербурге, в семье военного. Отец, Григорий Васильевич (1821–1889), окончил 1-й кадетский корпус, служил в лейб-гвардии Финляндском и Московском полках, в отставку вышел в чине генерал-майора. Мать, Ольга Петровна (1831–1902) — дочь известного старообрядца и владельца уральских Кыштымских заводов Петра Яковлевича Харитонова². После вступления в брак с Г. В. Дружининым Ольга Петровна доверила мужу «безотчетное заведование и управление» Кыштымскими горными заводами³. Г. В. Дружинин был собирателем картин, художественной бронзы и фарфора. На Урале он составил основу коллекции моделей каслинского художественного литья, по его распоряжению в 1876 г. была создана для литейщиков художественная школа. Впоследствии стараниями уже Василия Григорьевича каслинское художественное литье получило всемирную известность. По заказу В. Г. Дружинина петербургский архитектор Е. Е. Баумгартен выполнил проект павильона каслинского литья, кото-

рый был представлен в Париже на Всемирной художественной выставке в 1900 г. Каслинское литье, удивившее мир чугунным изяществом, было удостоено Большой золотой медали и получило Гран-при⁴. Одаренным и высокообразованным человеком был и брат отца — Александр Васильевич Дружинин — известный писатель и литературный критик, страстный библиофил. Пристрастия отца и дяди, атмосфера высокой духовности в семье, старообрядческие корни, несомненно, сыграли важную роль в формировании личности и интересов Василия Григорьевича. Уже в последних классах гимназии он начал собирать историческую библиотеку, всю свою жизнь он посвятил составлению коллекции старообрядческих рукописей, являлся первым собирателем и исследователем памятников изобразительного искусства старообрядческой культуры.

Первоначальное образование В. Г. Дружинин получил дома, в 1874 г. поступил в Третью классическую гимназию сразу в пятый класс и в 1879 г. окончил ее с серебряной медалью. В том же году он поступил в Петербургский университет, сначала на математический, но через месяц перешел на историко-филологический факультет. В университете В. Г. Дружинин посещал лекции по выбору. На математическом факультете он продолжил посещать лекции профессора Д. И. Менделеева⁵ (общий курс по химии) и не пропустил ни одного занятия. Лекции Д. И. Менделеева были захватывающи по содержанию и по форме изложения, как писал в своих воспоминаниях В. Г. Дружинин⁶. Из курсов на историко-филологическом факультете Василия Григорьевича особенно привлекали лекции профессора М. И. Владиславлева⁷ по психологии, логике и истории философии, профессора О. Ф. Миллера⁸ по русской словесности, профессора Санкт-Петербургской духовной академии И. Е. Троицкого⁹ по истории русской церкви и раскола. Лекции И. Е. Троицкого по истории русского раскола были настолько ценными по фактологии, что В. Г. Дружинин составил текст этих лекций для литографированного издания. Но главную роль в своем становлении ученый отводил основателю школы российских византистов В. Г. Васильевскому¹⁰. Отдавая дань лекциям профессора по европейскому средневековью, надо отметить, что еще в большей степени на В. Г. Дружинина оказали влияние занятия в семи-

нарии В. Г. Васильевского по истории Византии. Эти занятия являлись серьезной школой критики исторических источников. Текст реферата с замечаниями В. Г. Васильевского ученый хранил в течение всей своей жизни¹¹. Осознание самодостаточности исторического источника, его значения как явления культуры нашли отражение в творчестве В. Г. Дружинина не только в приоритете по отношению к источниковедческим исследованиям, но и определили его отношение к таким формам научной деятельности как сбор и публикация исторических источников.

В студенческие годы определился и научный интерес В. Г. Дружинина к изучению истории старообрядчества и источников этого общественно-религиозного движения на Руси. Научным руководителем первых серьезных начинаний в этой области был профессор Е. Е. Замысловский¹². В. Г. Дружинин слушал его курс лекций по русской истории и на третьем курсе обратился к нему за советом о выборе темы для экзамена и зачетного сочинения. В беседе выяснилось, что Василий Григорьевич занимается историей русского раскола, изучает биографию одного из первых расколуучителей по старообрядческим рукописям. Замысловский тему не одобрил, а предложил изучить напечатанный Археографической комиссией в XII томе «Дополнений к Актам историческим» актовый материал конца XVII в. о возникновении раскола на Дону¹³. Замысловский был хорошо знаком с этими материалами, поскольку, являясь членом Археографической комиссии, был редактором X–XII томов «Дополнений к Актам историческим». Он также опубликовал в 1877 г. челобитную инок Авраамия. Публикация Е. Е. Замысловского явилась первым подлинно научным изданием старообрядческого сочинения — с привлечением значительного количества списков и их предварительным критическим анализом¹⁴. Так что интересы учителя и ученика счастливо совпали. Выполненная Дружининым работа по изучению актов о возникновении раскола на Дону получила одобрение Е. Е. Замысловского и была им зачтена как кандидатская работа по окончании В. Г. Дружининым университета в 1883 г.

На основе этой работы, дополненной по совету Е. Е. Замысловского архивными разысканиями, В. Г. Дружинин написал магистерскую диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII века»,

которую он защитил в 1889 г. В магистратуре при Университете Дружинин был оставлен по представлению Е. Е. Замысловского, который осуществлял научное руководство в процессе написания Дружининым диссертации и выступил в качестве оппонента на его защите. Е. Е. Замысловский высоко оценил диссертацию В. Г. Дружинина. В своей рецензии он подчеркнул неразработанность темы, отметил, что исследование выполнено преимущественно на источниках, тщательно изученных В. Г. Дружининым, и это, в свою очередь, «прекрасно характеризует г. Дружинина как талантливого ученого». На источниковедческий характер работы В. Г. Дружинина обратил внимание и второй оппонент, в то время приват-доцент С. Ф. Платонов¹⁵. Работа была выполнена главным образом на материалах делопроизводства Посольского приказа архива Министерства иностранных дел. В этом архиве Дружинин занимался за ломберным столом у стены, под гипсовым бюстом Н. М. Карамзина. За этим же столом ранее работал С. М. Соловьев, о чем гласила медная доска с выгравированной надписью. «Там было очень уютно заниматься», — вспоминал позже Дружинин¹⁶. В порядке подготовки диссертации он также работал в архивах Министерства юстиции, Библиотеке Румянцевского музея, Синодальной и Хлудовской библиотеках. Эти годы В. Г. Дружинин назвал «лучшей порой жизни, когда можно было всецело предаться научным работам» и объяснял это тем, что в это время «не имел надобности добывать средства для жизни», поскольку был обеспечен родителями¹⁷. Материальное благосостояние позволило В. Г. Дружинину опубликовать свою диссертацию, приобретать уже в студенческие годы книги и рукописи. С. Ф. Платонов¹⁸ вспоминал, что, когда он на IV курсе университета сблизился с Дружининым (который был курсом младше) и стал бывать у него дома, то увидел, что все три комнаты, в которых жил Василий Григорьевич, были заполнены книгами и рукописями. «На почве общей любви к русской старине и исторической книге», — отмечал С. Ф. Платонов, и завязалась их дружба¹⁹. На последних курсах университета, а затем и будучи магистрантами В. Г. Дружинин с С. Ф. Платоновым часто бывали у Замысловского на его домашнем семинарии, где отчитывались о своих занятиях и прочитанных книгах²⁰. Теплые воспоминания оставили В. Г. Дружинин и С. Ф. Платонов и о тех встречах, которые происходили

на квартире В. Г. Дружинина. У В. Г. Дружинина С. Ф. Платонов близко познакомился с И. А. Шляпкиным²¹ и К. А. Ивановым²², друзьями В. Г. Дружинина, и был принят в их кружок, который организовался еще в гимназические годы. Этот небольшой кружок вскоре вырос в «Кружок молодых историков», который к 1889 г. насчитывал 16 человек. Среди участников кружка, кроме В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова, — Н. М. Бубов, А. Н. Барбашев, Н. Д. Чечулин, С. М. Середонин, И. А. Шляпкин, И. А. Козеко, А. С. Лаппо-Данилевский, М. А. Дьяконов, А. И. Савельев, Н. Н. Лисовский, С. Л. Степанов, И. И. Симонов, Е. Ф. Шмурло. Его члены по-прежнему собирались у В. Г. Дружинина, но первенствующее положение занял С. Ф. Платонов. По отзыву С. Ф. Платонова, ученые собрания кружка сыграли свою роль в создании атмосферы научного поиска и нравственной поддержки его членов²³.

Научные контакты В. Г. Дружинина и С. Ф. Платонова, которые продолжались в течение всей их научной деятельности, тесно переплетались с личной жизнью. Их отношения носили ярко выраженный дружеский характер. Василий Григорьевич был шафером на свадьбе С. Ф. Платонова, которая состоялась в Москве летом 1885 г. Жена С. Ф. Платонова — Надежда Николаевна (урожденная Шамонина), была выпускницей Высших женских (Бестужевских) курсов. «По знаниям и способностям она была “звездочкой” на Курсах, прекрасно владела древними языками», — так отзывался о Н. Н. Платоновой В. Г. Дружинин. Бывая у Платоновых, Василий Григорьевич часто музицировал вместе с Надеждой Николаевной. Он играл на скрипке, а Надежда Николаевна — на фортепиано. Дружинин никогда не забывал поздравить Платоновых с днем свадьбы, наносили визиты Дружинины и Платоновы друг другу и по случаю других семейных торжеств.

По-разному сложилась судьба ученых после завершения учебы в магистратуре. С. Ф. Платонов остался в Университете приват-доцентом и научную работу совмещал с педагогической в течение всей жизни. В. Г. Дружинина, после получения степени магистра русской истории, факультет избрал приват-доцентом, а И. Е. Троицкий предложил ему читать лекции по истории старообрядчества в Санкт-Петербургской духовной академии. Но В. Г. Дружинин по семейным обстоятельствам (в 1889 г.

умер его отец) отказался и от должности приват-доцента, и от предложения И. Е. Троицкого. Предложение И. Е. Троицкого не одобрил Замысловский, он посоветовал Дружинину во избежание формально обоснованного противодействия со стороны обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева окончить за два года курс Санкт-Петербургской духовной академии²⁴. В. Г. Дружинин всецело отдался кабинетной работе, также после смерти отца ему пришлось заняться управлением горными заводами на Урале. В 1889 г. Дружинин начал службу в Русском археологическом обществе, получил должность секретаря, в 1891 г. был избран членом отделения русской и славянской археологии Общества и был деятельным его участником вплоть до прекращения работы Общества в 1920 г.

Активно участвовал В. Г. Дружинин также в работе Общества любителей древней письменности (с 1889 г.). И. А. Шляпкин познакомил Дружинина с председателем Общества князем П. А. Вяземским еще в студенческие годы. Позднее Дружинин писал: «Князь принял меня ласково и разрешил заниматься в музее <...> который именовался “складом” Общества». Именно здесь, в «складе» Дружинин впервые познакомился с поморскими рукописями²⁵. В 1903 г. ученый начал работать в Комитете попечительства о русской иконописи²⁶, в сотрудничестве с Н. П. Кондаковым²⁷ и В. Т. Георгиевским²⁸.

Но решающим в жизни и творчестве В. Г. Дружинина стало избрание ученого в 1896 г. членом Археографической комиссии. В Комиссии он работал в течение 33 лет, пока не произошли в конце 1920-х годов трагические перемены в судьбе Комиссии и самого В. Г. Дружинина. В этом учреждении состоялась его служебная карьера, на страницах изданий Археографической комиссии были опубликованы основные фундаментальные труды ученого. Созвучны интересам В. Г. Дружинина были и поставленные Археографической комиссией задачи — сбор, описание и публикация исторических источников по истории древней и средневековой России. В «Воспоминаниях» В. Г. Дружинин охарактеризовал Археографическую комиссию как «одно из самых почтенных учреждений, на изданиях которого, — подчеркивал он, — развивалась наука русской истории, истории русской церкви, истории русского права». Об Археографической комис-

сии В. Г. Дружинин знал уже в последних классах гимназии, приобретая в Комиссии для своей библиотеки тома «Полного собрания русских летописей»²⁹. Деятельность В. Г. Дружинина в Археографической комиссии началась с публикации, подготовленной вместе с М. А. Дьяконовым³⁰, апокрифического памятника XVI в. «Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев», изданной за год до избрания ученого в члены Комиссии³¹. Представление в Комиссию было составлено Л. Н. Майковым и Е. Е. Замысловским, и на заседании 27 января 1896 г. В. Г. Дружинин был избран единогласно³². В конце 90-х годов XIX в. – начале XX в., кроме В. Г. Дружинина, стали членами Комиссии такие блестящие ученые, как С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Шахматов, Б. А. Тураев, А. Е. Пресняков. Этим и объясняется, прежде всего, тот факт, что два предреволюционных десятилетия явились периодом расцвета деятельности Археографической комиссии. Благоприятно складывалось и финансовое положение Археографической комиссии. В 1904 г. по новому «Положению» ассигнования на ее деятельность были увеличены более чем в два раза. Заслуга в проведении «Положения» и его утверждении принадлежала председателю Комиссии графу С. Д. Шереметеву³³, назначенному на эту должность в 1900 г. Но С. Д. Шереметев жил преимущественно в Москве и в своем имении Остафьево, часто бывал за границей, возлагая решения научных вопросов на С. Ф. Платонова. Ближайшим помощником С. Ф. Платонова стал В. Г. Дружинин, назначенный в 1903 г. правителем дел Археографической комиссии. Восторженный отклик получило это назначение у С. Ф. Платонова — «Василий Григорьевич Дружинин сделан правителем дел Археографической комиссии, и мы все ликуем», — писал он М. А. Дьяконову³⁴. Позднее, в 1910 г., в письме В. Г. Дружинину С. Ф. Платонов, видимо, подводя итог их деятельности, отмечал: «...Все, что у нас есть, обязаны мы совместной работе и внутреннему единению»³⁵.

В. Г. Дружинин по занимаемой должности вел большую научно-организационную работу. В его функции входила организационная работа по подготовке заседаний Комиссии, проведение самих заседаний, составление протоколов заседаний и отчетов Комиссии и подготовка их текстов к публикации в «Ле-

тописи занятий...». Он разбирал корреспонденцию, поступающую в Комиссию из учреждений, вел переписку с членами Комиссии по поводу издаваемых учеными работ. В 1904–1917 гг. объем изданий Комиссии увеличился в сравнении с предшествующим периодом 1880–1903 гг. с 34 до 70 томов. Несомненно, что организация столь интенсивного процесса деятельности Комиссии требовала и времени, и организаторского таланта, и научной эрудиции. В числе корреспондентов В. Г. Дружинина — А. А. Шахматов по вопросам издания летописных памятников, С. О. Долгов — по изданию Макарьевских четей-миней, И. И. Лаппо — по изданию «Литовской метрики», А. М. Андрияшев — публикации писцовых книг, В. Н. Бенешевич — об издании памятников канонического права³⁶.

Не остались без внимания В. Г. Дружинина вопросы систематизации делопроизводственного архива Комиссии и комплектования ее библиотеки³⁷. По инициативе В. Г. Дружинина и с его участием были разработаны правила хранения научного архивного собрания Комиссии³⁸. С целью изготовления фотокопий наиболее ценных рукописей архивного собрания В. Г. Дружинин приобрел фотографическую технику и научил ею пользоваться сторожа Комиссии И. Ю. Гомоюрова³⁹.

Наряду с большой научно-организационной деятельностью успешно продвигалась и научная работа самого ученого. Вскоре после избрания в члены Археографической комиссии, в ноябре 1896 г., В. Г. Дружинин предлагает Комиссии начать систематическое издание донских документов, собранных в порядке работы над магистерской диссертацией и получает поддержку⁴⁰. Эти документы составили пять капитальных томов «Русской исторической библиотеки»⁴¹.

Активно продолжал ученый собирать и изучать старообрядческие сочинения. К 1918 г. В. Г. Дружинин собрал коллекцию, состоящую почти из одной тысячи старообрядческих рукописей XVII – начала XX вв., редких гектографированных старообрядческих изданий последней четверти XIX – начала XX в., а также фотовоспроизведений с нескольких десятков рукописей из других древлехранилищ. Собрание В. Г. Дружинина включило такие жемчужины русской письменности, как Пустоозерский сборник с автографами житий протопопа Аввакума и инок

Епифания, автографы многих деятелей и писателей Выговской старообрядческой пустыни и многочисленные рукописные книги из библиотеки этого монастыря⁴². Одной из важных особенностей Дружининской рукописной коллекции является то обстоятельство, что это коллекция ученого-исследователя, тонкого знатока. Составляя коллекцию в соответствии со своими научными интересами, ученый сумел придать ей научную ценность и тематическую завершенность. В то же время сами рукописи подсказывали ученому плодотворные идеи, толкали на новые исследования. Так, в частности, приобретение В. Г. Дружининым в 1912 г. Пустоозерского сборника, в котором были автографы виднейших идеологов старообрядчества — протопопа Аввакума, инока Епифания и дьякона Федора Иванова, явилось своеобразным толчком к одному из важнейших направлений в творчестве В. Г. Дружинина — выявлению индивидуальных почерков видных писателей и деятелей старообрядческого движения. Поиски автографов привели ученого к обнаружению десятков автографов старообрядческих писателей, выявленных им как в рукописях государственных архивохранилищ, так и в собственной коллекции⁴³. Тщательное изучение Пустоозерского сборника и разысканных материалов стало итогом специальных работ ученого⁴⁴. Углубленные занятия палеографией старообрядческих рукописей привели В. Г. Дружинина к важному выводу о том, что старообрядцы первой четверти XVII века, а именно, Андрей Денисов и его помощники, явились первыми русскими палеографами, применившими на практике выработанные ими научные приемы критики текстов для разоблачения сфабрикованных церковниками фальшивых текстов⁴⁵.

На основе рукописей своей коллекции В. Г. Дружинин написал небольшое, но чрезвычайно важное исследование о литературной жизни главного центра русского старообрядчества XVIII в. — Выголексинского монастыря Олонецкой губернии. В статье о колонизации старообрядцами Олонецкого края в конце XVII в. ученый на собранном им материале изучил особенности быта и духовной культуры поморских крестьян-старообрядцев⁴⁶. В. Г. Дружинин был также первым собирателем и исследователем художественного наследия Выголексинской старообрядческой пустыни. Опираясь преимущественно на

свою коллекцию, а также на предметы, изученные им в Историческом музее в Москве, в лавках антикваров, в домах старообрядцев, ученый в своих работах очертил круг художеств в монастыре на протяжении полутора столетий его истории, кратко их охарактеризовал⁴⁷. Такой спектр проблем, поставленных в этих работах и изученных В. Г. Дружининым, позволяет сказать, что ученый провел комплексное изучение культурных достижений старообрядцев русского поморья в XVII–XIX вв.

Итогом многолетней деятельности ученого по исследованию русского старообрядчества стало изданное в 20-х годах первое полное собрание сочинений крупнейшего старообрядческого писателя XVII в. — протопопа Аввакума. Работа по подготовке издания началась в 1915 г. в серии «Памятники истории старообрядчества». Первый том вышел в 1927 г.⁴⁸, содержал Житие протопопа Аввакума и все известные в то время остальные его сочинения. Житие протопопа Аввакума впервые было издано в трех редакциях. К работе над подготовкой издания Дружинин привлек Я. Л. Барскова⁴⁹ и П. С. Смирнова⁵⁰, а сам выполнял роль организатора и научного консультанта. Благодаря стараниям ученого в Археографическую комиссию были переданы для издания рукописи более чем из двадцати библиотек, в основном это были учреждения духовного ведомства. В условиях войны, а затем и революции, многие хранилища были закрыты, готовились к эвакуации. Много усилий В. Г. Дружинин приложил, чтобы добиться получения рукописей из библиотеки Рогожского кладбища, вел переписку с членами общины⁵¹. Из своей коллекции ученый для этого издания отобрал 17 рукописей⁵², многие из которых были выбраны в качестве основных текстов для издания аввакумовских текстов. Сохранившиеся письма Я. Л. Барскова и П. С. Смирнова свидетельствуют о большой работе В. Г. Дружинина и по всем вопросам издания каждого из сочинений⁵³. Организовал В. Г. Дружинин в самом начале работы также специальные совещания с целью выработки правил издания⁵⁴. Известно, что был подготовлен также второй том, содержащий сочинения дьякона Федора Иванова, но он остался ненапечатанным. Судьба рукописи этого тома остается и в настоящее время невыясненной.

Собирательская деятельность подтолкнула ученого еще к одному начинанию — созданию систематизированного печатно-

го каталога «Писания русских старообрядцев». В каталоге были учтены не только все оригинальные старообрядческие сочинения XVII–XIX вв., но и все известные списки этих сочинений в государственных и личных библиотеках и коллекциях, в том числе и коллекции самого автора⁵⁵. «На эту работу, — писал В. Г. Дружинин в своих «Воспоминаниях», — я потратил около десятка лет и сверх ожидания получил более полутора тысяч сочинений, именных и безымянных... при этом оказалось, что в моем собрании, кроме списков известных уже сочинений, имеется более полутора ста старообрядческих сочинений в единственном, находящемся у меня экземпляре»⁵⁶.

После выхода в свет «Писаний...» (1912 г.) В. Г. Дружинин продолжал собирать материал для систематического каталога. В результате этой работы были выявлены «указания на 478 старообрядческих сочинений, бывшие доселе неизвестными, что увеличивало число приведенных сочинений в издании 1912 г. на 25%», — докладывал ученый на заседании Археографической комиссии 24 января 1922 г.⁵⁷ На этом основании он предложил новое, дополненное издание «Писаний русских старообрядцев» и получил поддержку Комиссии. Через два года, 12 февраля 1924 г., В. Г. Дружинин сообщил, что издание подготовлено к печати и Комиссия постановила внести его «в число изданий, подлежащих печатанию по возобновлении кредитов»⁵⁸. Но издание так и не было осуществлено. Не удалось обнаружить и оригинал этого издания, подготовленный ученым. В послереволюционных реалиях не состоялась публикация и еще одного капитального труда В. Г. Дружинина «Поморские меднолитные кресты, иконы и створы». Основой для написания этой работы явилась уже упомянутая выше коллекция предметов поморского художественного литья, собранная ученым. Это исследование, законченное В. Г. Дружининым в 1919 г., было отдано для издания в Комитет попечительства о русской иконописи, однако опубликовано не было, корректурный экземпляр бесследно исчез. Неизвестна и судьба коллекции⁵⁹.

Послереволюционные годы были трудными в жизни ученого не только как период нереализованных творческих планов. Революцию В. Г. Дружинин не принял, да и не мог принять в силу своих монархических убеждений. Октябрьские события

лишили В. Г. Дружинина всех сбережений и доходов от уральских заводов. В новых политических условиях необходимо было решить судьбу коллекций. Трудным для В. Г. Дружинина и всех ученых дореволюционной школы историков стал процесс «перестройки» исторической науки, призванной создать новые социальные теории и с этой целью — новую документальную базу. В контексте этих задач и исследования, и публикация источников по древней и средневековой истории были объявлены неактуальными.

Но, невзирая на все коллизии того времени, В. Г. Дружинин в послереволюционные годы продолжил научную работу, предпринял немало усилий для сохранения и налаживания деятельности Археографической комиссии, включился в работу по спасению архивных ценностей. Еще в марте 1917 г. В. Г. Дружинин стал членом только что организованного Союза архивных деятелей, ставившего своей целью не только охрану архивных ценностей, но и разработку теоретических принципов организации архивного дела. И затем, уже при советской власти, В. Г. Дружинин вошел в Центральный комитет по управлению архивами, созданный 2 апреля 1918 г. из членов Союза архивных деятелей. Этот Комитет работал под руководством Д. Б. Рязанова⁶⁰ по подготовке проведения централизации архивов⁶¹. Сразу после декрета 1 июня 1918 г. и организации Главного Управления архивным делом В. Г. Дружинин был назначен помощником заведующего Сенатского архива⁶², состоял также в издательской комиссии. Под руководством В. Г. Дружинина только в 1918–1919 гг. были подготовлены к печати очередные выпуски описей документов Сенатского архива, а именно, «Описание копий высочайших указов и повелений Ивана IV», «Описание дел общих собраний Правительствующего сената за первое десятилетие XIX в.», XVI том «Сенатского архива», включающий указы за 1762–1765 гг. По инициативе и под началом В. Г. Дружинина проводилась работа по копированию филиграней бумаги XVIII в. В 1918–1919 гг. было выбрано и срисовано 560 филиграней, не имеющих в альбоме Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (1899 г.)⁶³. В «Воспоминаниях» В. Г. Дружинин писал, что после окончания этой работы И. А. Блинов передал ее в Москву, в Центрархив с целью

издания. Но публикация альбома не состоялась, утеряна, как отмечал В. Г. Дружинин, и рукопись⁶⁴.

Большую работу провел ученый в созданной при Сенатском архиве в начале 1919 г. комиссии для изучения и издания документов «российских процессов по обвинению евреев в ритуальных убийствах». В Сенатском архиве, как отмечал В. Г. Дружинин, сохранились «в изумительном порядке» дела о процессах с первой четверти XIX в. Возглавил комиссию С. Ф. Платонов, членами, кроме В. Г. Дружинина, были С. М. Дубнов, Л. Я. Штернберг, Г. Б. Слюзберг, которого затем заменил С. Г. Лозинский, Л. П. Карсавин. Комиссия подготовила к изданию I том, содержащий документы по Гродненскому ритуальному процессу 1816 г. С. Ф. Платонов и С. М. Дубнов написали историческое введение к публикации, В. Г. Дружинин выполнил археографическое описание документов. На основе комиссии впоследствии предполагалось создать еврейский исследовательский центр, но вместо этого в конце декабря 1920 г. комиссия была закрыта, не опубликованы и подготовленные к изданию документы⁶⁵.

Публикация документов в архиве Сената и других секциях Главархива потребовала выработки правил издания. Эта работа была поручена С. Ф. Платоновым В. Г. Дружинину, который составил проект «Правил издания исторических документов». После обсуждения «Проекта» на заседаниях по научно-издательскому делу в июне-сентябре 1919 г. и окончательной редакции С. Ф. Платонова «Правила» были опубликованы Главархивом в 1919 г.⁶⁶ В своих основных положениях «Правила» явились обобщением опыта методики издания текстов дореволюционной археографии, изучение и использование которого было необходимо архивистам.

Известно, что наиболее острой после революции 1917 г. была проблема сохранения монастырских архивов. В декабре 1918 г. даже высшие церковные власти вынуждены были обратиться в Наркомпрос с ходатайством «О принятии мер по сохранению архивов и библиотек монастырей и духовных учебных учреждений». Но в новых политических условиях эту задачу выполнили ученые — историки и архивисты. 15 августа 1917 г. В. Г. Дружинин поставил этот вопрос на заседании совещания управляющих отделениями Главархива. Он сообщил об угрожа-

ющем положении архивов церковного ведомства и предложил объехать монастыри в провинции с целью выяснения состояния их архивных собраний⁶⁷. С этой целью по рекомендации В. Г. Дружинина был принят в Главархив на должность инспектора В. Т. Георгиевский. В. Г. Дружинин также участвовал в разработке специальной «Инструкции об охране монастырских и церковных архивов»⁶⁸. Планомерное обследование монастырских архивов в провинции оказалось невозможным в условиях гражданской войны, вызвавшей разруху, перебои в работе транспорта. Кроме того, в самом Петрограде было сосредоточено огромное количество архивных ценностей, в том числе и церковного ведомства, требующих принятия незамедлительных превентивных мер. Но все-таки в 1918 г. В. Т. Георгиевский совершил две поездки — в Александро-Свирский монастырь Олонецкой губернии и Большой (Успенский) монастырь в Тихвине и выдал этим монастырям охранные грамоты⁶⁹.

Позднее, в 1922–1927 годах архивы этих монастырей были вывезены Археографической комиссией. В 1920-е годы Археографическая комиссия также переместила в свой архив ценнейшие документы Соловецкого и Антониева-Сийского монастырей, что стало возможным в определенной степени благодаря усилиям В. Г. Дружинина. Еще летом 1917 г. Комиссия добилась разрешения Синода на перевоз в Петроград архива Соловецкого монастыря и с этой целью командировала в монастырь Б. Д. Грекова⁷⁰. Но Грекову удалось вывезти только часть архива и не в Петроград, а в Пермь, в связи со сложившейся военной обстановкой. Самые ценные документы — грамоты XV–XVI вв. — остались в ризнице монастыря, поскольку монастырские власти не допустили ученого в ризницу. К этой проблеме Археографическая комиссия вернулась в 1922 г. 24 августа 1922 г. В. Г. Дружинин доложил на заседании Комиссии, что «по имеющимся у него сведениям отдел охраны памятников предлагает командировать своих сотрудников в Соловецкий монастырь для осмотра ризницы». По предложению В. Г. Дружинина Археографическая комиссия через Академию наук обратилась в Отдел охраны памятников искусства и старины с просьбой о вывозе из ризницы всех находящихся в ней грамот, актов и рукописей в Комиссию⁷¹. 15 ноября 1922 г. эксперты отдела охраны памят-

ников Ф. А. Калинин и М. П. Мошков доложили о результатах командировки и передали Комиссии привезенные ими из ризницы монастыря документы⁷². Одним из экспертов был Федор Антонович Калинин⁷³, с которым В. Г. Дружинин был дружен с начала 1900-х годов. Калинин в 1906–1916 гг. совершал археографические экспедиции на Север, приобретал старообрядческие рукописи, медные литые иконки и складни, которые привозил в Петербург В. Г. Дружинину. После революции Ф. А. Калинин являлся экспертом Главнауки и Наркомпроса и совершил серию поездок по Северу с целью учета и приобретения для центральных государственных хранилищ произведений искусства и старинных рукописей. Из этих поездок Калинин по-прежнему привозил В. Г. Дружинину старообрядческие рукописи⁷⁴, сообщал ему и о других находках. Так, в сентябре 1921 г. В. Г. Дружинин писал С. Ф. Платонову, что у него был Ф. А. Калинин, который привез из ризницы Кирилло-Белозерского монастыря 11 рукописей, из которых 6 — пергаменных. Ввиду ценности документов Дружинин просил Платонова обратиться в Академию наук о передаче рукописей в Археографическую комиссию⁷⁵.

Несомненно, что и информацию о командировке в Соловецкий монастырь В. Г. Дружинин получил тоже от Каликина. На заседании Археографической комиссии 15 ноября 1922 г. эксперты также сообщили о бедственном положении монастырских документов в Архангельске. В последующие годы Археографическая комиссия приложила много усилий, пока сумела добиться разрешения Наркомпроса на перемещение архивных монастырских ценностей из Архангельска в Комиссию. В 1926 г. А. И. Андреев вывез бóльшую часть собрания Антониева-Сийского монастыря, в 1927 г. Б. Д. Греков и А. Ф. Малов вывезли в Комиссию из Архангельской таможни 994 рукописи XIV–XVII вв. Николаевского Корельского и Антониева-Сийского монастырей⁷⁶. Сконцентрировав огромный комплекс документальных материалов XV–XVII вв. из северных монастырей России, сотрудники уже в 20-е годы приступили к разбору, описанию и публикации документов этих монастырей⁷⁷.

Наряду с активной деятельностью по спасению монастырских архивов Археографическая комиссия в послереволюционное десятилетие продолжила издание летописных памятников

и памятников старообрядчества. Из актового материала самым значительным было издание 2-го тома «Сборника грамот Коллегии экономии», в 1928 г. была начата подготовка издания «Русской Правды».

В конце 1929 г. деятельность Комиссии была прервана в связи с начавшимися событиями «Академического дела». 8 ноября 1929 г. С. Ф. Платонов вынужден был подать в отставку со всех занимаемых им постов после обнаружения Комиссией по проверке аппарата Академии наук СССР в Библиотеке АН, Пушкинском Доме и Археографической комиссии «архивных материалов актуального общественно-политического содержания, не подлежащих хранению в академических учреждениях». После этого в ноябре-декабре того же года последовали увольнения и аресты сотрудников этих учреждений. В. Г. Дружинин был уволен 13 ноября 1929 г. Формальным поводом для снятия с должности явилось обвинение В. Г. Дружинина, выдвинутое Комиссией по проверке аппарата Академии наук, в том, что он якобы «был личным информатором о настроениях рабочих масс у Плева»⁷⁸. 27 ноября 1929 г. В. Г. Дружинин обратился в Центральную комиссию по чистке советского аппарата при НК РКИ с просьбой о пересмотре его дела. Машинописная копия этого документа, который публикуется ниже, сохранилась в фонде С. Ф. Платонова⁷⁹, что не случайно. Этот документ С. Ф. Платонов отправил в Москву Д. Б. Рязанову. В письме Д. Б. Рязанову С. Ф. Платонов 27 ноября 1929 г. писал: «Прилагаю бумаги В[асилия] Гр[игорьевича] Дружинина. Положение его очень тяжелое. В моем деле тягостное затишье, арестованные не освобождены». И далее: «Сведения о В[асилии] Гр[игорьевиче] Дружинине может дать Иван Ни[колаевич] Беляков <...>. Он служил главным бухгалтером в Правлении о[бществ]а Кыштымских заводов»⁸⁰. В «Записке» В. Г. Дружинин приводил все обстоятельства, связанные с его деятельностью председателя правления общества Кыштымских заводов, убедительно доказывающие ложность обвинения. И подчеркивал, что информатором он не только не был, но и не мог быть, поскольку «образование, воспитание, научные интересы и убеждения делали подобное занятие чуждым и глубоко [ему. — Т. С.] не свойственным». В конце «Записки» В. Г. Дружинин просил Центральную комиссию снять с

него «незаслуженное позорное пятно и дать возможность посвятить остаток жизни мирной ученой работе и закончить начатые ученые труды». Но ответа ученый не получил.

Вскоре целой группе ученых было предъявлено обвинение в участии в деятельности контрреволюционной организации «Все-народный союз борьбы за возрождение свободной России». К началу декабря 1930 г. число подсудимых превысило 100 человек, и в ОГПУ 18 декабря 1930 г. было принято решение разделить их на две группы. Первой группе была отведена руководящая роль в создании «Союза», основными организаторами были признаны С. Ф. Платонов, Н. П. Лихачев, Е. В. Тарле, М. К. Любавский. В. Г. Дружинин был включен во вторую группу, которой было предъявлено обвинение в принадлежности к «Союзу». Кроме того, те лица, которые занимали ответственные посты в научных и учебных заведениях, «обвинялись в использовании своего положения». В. Г. Дружинину инкриминировалось «участие в сокрытии от советского правительства архивных фондов актуального государственного значения»⁸¹. 25 июня 1930 г. В. Г. Дружинин был арестован и 10 февраля 1931 г. приговорен к заключению в концлагерь на 5 лет. В 1931–1932 гг. он отбывал свой срок в Соловецком лагере, в 1933–1935 гг. — в ссылке в г. Ростове-Ярославском. В Ленинград вернулся в 1935 г. и 15 января 1936 г. на 77-м году жизни скончался. К работе над своими рукописями В. Г. Дружинин уже не успел возвратиться, да вряд ли и мог бы, настолько тяжело больным ученый возвратился из ссылки⁸².

* * *

Творчество В. Г. Дружинина было многогранно — исследователь, коллекционер, археограф. В своих исследованиях ученый опирался на традиции петербургской исторической школы. Источник был основой его исследований. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность ученого была неотделима от его творчества. Углубленное изучение источников, соприкосновение с ними в процессе собирания своей коллекции отразилось и на его отношении к изданию источников. Публикация источников была для В. Г. Дружинина не только и не столько вспомогательной работой в процессе исторического исследования, сколько особой формой самого исследования. На одной из последних кон-

ференций, посвященной истории и культуре старообрядчества, подчеркивалось: научное наследие В. Г. Дружинина настолько ценно, что «к его исследованиям и коллекции старообрядческих рукописей будет обращаться еще не одно поколение ученых»⁸³.

Трудно переоценить роль В. Г. Дружинина в деятельности Археографической комиссии, его талант ученого-организатора.

Жизненным и научным «средом» ученого было служение науке, что ярко проявилось в труднейшее послереволюционное время — В. Г. Дружинин продолжил научную работу, отдал много сил сохранению архивных ценностей.

Не миновала В. Г. Дружинина трагическая судьба историков его поколения в конце 1920-х годов. Остается надеяться, что в отечественной исторической науке будет создано монографическое исследование научного наследия этого выдающегося ученого.

В Центральную Комиссию по руководству чисткой Советского Аппарата при Н[ар]К[омате] Р[абоче-]К[рестьянской] И[нспекции] СССР¹

Постановлением Комиссии по проверке аппарата Академии наук СССР я снят с должности заместителя председателя Археографической Комиссии по первой категории. Единственным основанием к этому послужило то, что я будто бы «был личным информатором у Плеве², о настроении рабочих масс». В нарушение § 1 Инструкции о порядке чистки, требующего «внимательно выслушивать объяснения служащих», мне при моем призыве в Комиссию по чистке это обвинение предъявлено не было, никаких вопросов по нему не задавалось и потому никаких объяснений по нему я дать не мог.

Если мне приходилось давать по этому поводу объяснения в другом порядке и если Комиссия ознакомилась с соответствующим протоколом, то это не может заменить личного перед нею объяснения, т. к. те показания, данные в совершенно иных условиях, в ряду других вопросов далеко не были достаточно полны и точны. Помимо всего в моем возрасте (мне 70 лет) не легко и вспомнить сразу все то, что было 25 лет тому назад. Эти, не заслушанные от меня объяснения, я и представляю теперь.

Обвинение совершенно не соответствует действительности, личным информатором у Плеве я никогда не был. С министер-

ством внутренних дел я связей тогда не имел, лишь в свои молодые годы, вскоре после окончания университета, я был «причислен» к департаменту духовных дел иностранных исповеданий и числился при нем без содержания, не занимая никакой штатной должности с 1886 по 1891 год, когда был назначен членом Археологической комиссии. Тогда же, после смерти моего отца, я был вынужден заняться промышленными делами матери, вследствие чего мне пришлось войти в состав Акционерного общества Кыштымских заводов³. Все это время я не прекращал своих научных работ, благодаря которым я был избран в 1896 году членом Археологической комиссии.

С министром Плеве я никогда знаком не был и личных отношений к нему никаких не имел. Помнится, лишь один раз был принят им по делу вместе с другими членами нашего правления.

Если мне приходилось несколько раз писать прошения и докладные записки в министерство внутренних дел, то лишь по делам нашего Общества, в связи с его нуждами и ходатайствами, и делал это я не лично от себя, а по своей должности, как председатель правления Общества, по его поручению.

Поводом к этим обращениям, аналогичным с теми, которые одновременно направлялись нами и в другие министерства — финансов, торговли и промышленности — послужили следующие обстоятельства. Во время русско-японской войны и после нее вся промышленность и торговля пришли в обычно связанный с войной застой. Заводы продолжали работать, изделия лежали на складах без спроса и продажи, к тому же вывозить их было невозможно вследствие расстройств транспорта. Чтобы не останавливать производства и не лишать рабочих заработной платы правлению приходилось прибегать к залогом металлов и иным кредитным операциям. Но средств этих все-таки не хватало, не удавалось избежать задержки в выдаче заработной платы, и это естественно возбуждало в рабочих недовольство. По примеру других заводских правлений, Кыштымское правление решило обратиться к правительству с ходатайством о ссуде и для этого обращалось с прошениями к министрам финансов, торговли и промышленности, мотивируя ходатайства, главным образом, целью своевременно выплачивать заработную плату. Но эти министерства требовали благоприятного заключения, под-

держки, ходатайства со стороны министерства внутренних дел, что естественно могло быть обосновано тем соображением, что такие задержки заработной платы могут возбудить волнения рабочих. Поэтому мне, по поручению правления, по должности его председателя, приходилось подавать в министерство внутренних дел соответствующие ходатайства и докладные записки о настроениях рабочих, но в самой общей форме без каких-либо конкретных указаний на определенных лиц (к чему я и не имел данных, т. к. близко к заводам не стоял, живя в Петербурге), и лишь в качестве мотива к достижению основной цели получения денежных средств, необходимых для поправления положения заводов и тем самым для удовлетворения законных требований рабочих. И цель была достигнута. Ходатайства правления имели успех, оно три раза получало ссуды, рассчитывалось с рабочими, и на заводе все обошлось благополучно, не было никаких беспорядков и ни малейших репрессий в отношении рабочих, тогда как в соседних округах заводоуправления просили и получали постой войск (например, в Алапаевском). Вскоре потом, когда железный рынок стал улучшаться, Общество перешло в руки англичан и таким образом мне удалось, наконец, совсем покончить с чуждой моим интересам промышленной деятельностью и вернуться всецело к ученым работам. Ясно, насколько мои действия в вышеизложенной обстановке, в условиях исключительного кризиса, вызванного войной, далеки от того представления, какое сложилось у Комиссии по чистке: она считает, что я «был» и «служил» (как передана была в газетах речь т. Фигатнера⁴) «личным информатором» у министра полиции, т. е. занимался гнусным ремеслом доносчика, более или менее постоянно из определенных личных видов. Этим я никогда не занимался и не мог заниматься: мое достаточно обеспеченное и частной, и государственной службой положение избавляло меня от такой печальной необходимости, а мое образование, воспитание, научные интересы и убеждения делали подобное занятие совершенно чуждым и глубоко не свойственным мне.

Исключительно в целях поддержания того предприятия, во главе которого я стоял, и интересы которого в данном случае совпадали с интересами его рабочих, как председатель правления я входил в вышеуказанные сношения с центральными государ-

ственными учреждениями, и, если при этом делались характеристики настроений рабочих, говорилось об их недовольстве и брожении, то не в целях сыска и репрессий, как у заурядного «осведомителя», а с той единственной целью, которая выяснена выше. Недовольство рабочих на заводах Общества было вызвано чисто экономическими причинами на почве заминки с зарплатой, рабочие обращались с заявлениями, жалобами, требованиями к заводууправлению, и, если правление в лице моем в свою очередь доводило об этом до сведения высших учреждений, от которых могло получить средства для удовлетворения требований рабочих, то можно ли это признать обычным «осведомлением» в гнусном смысле этого понятия? Комиссия могла это сделать по недоразумению, не выслушав моих объяснений.

Одного этого было бы довольно, чтобы просить о пересмотре дела. Притом все наложенное, если понадобится, может быть подтверждено справками в сохранившихся архивах и свидетельскими показаниями.

Но я не могу обойти и другую сторону дела. Применяя ко мне высшую из предоставленных ей мер, столь тягостную по лишению ряда основных прав⁵, Комиссия делает это исключительно на основании объясненных фактов, имевших место 25 лет тому назад, ни слова не говорит о теперешней моей работе, не делая за нее никакого упрека, и тем идет вразрез с основными положениями о чистке советского аппарата, т. к. в постановлении ЦИК и СНК (§ 1, а) и в развивающей ее инструкции НК РКИ (1, V, §§ 1, 5, 6) совершенно определенно указывается, что *«всемерно щадя и поощряя каждого честного и добросовестного работника»* чистка должна производиться *«прежде всего и главным образом по основаниям оценки качества работы»* и что к первой категории относятся лишь те лица, *«при оценке работы которых в советском аппарате»* выяснилась *«безусловность вреда, наносимого этой работой»* (подчеркнуто В. Д. — Т. С.).

Ничего подобного в отношении меня Комиссия не установила и установить, конечно, не могла. И я, не имея перед собой никаких отрицательных указаний на мою служебную и научную деятельность, считаю долгом указать в заключение на положительную ее сторону, не умолчать о той пользе, которую мне удалось принести моей работой с 1917 г.

В качестве делегата от Археографической комиссии я принимал самое деятельное участие в Комиссии по выработке Положения о Главном управлении архивным делом и организации его, бывшей под председательством т. Д. Б. Рязанова⁶. По службе в бывшем Сенатском архиве я работал также и в других организационных комиссиях, образованных в Главном управлении. В течение 1918–1921 годов я был приглашен как специалист комиссаром по охране памятников старины⁷ т. Ерыкаловым для организации, приведения в порядок и проверки библиотеки Строганова. Такое же поручение я имел от заведывавшего Музеем города гражданского инженера Л. А. Ильина. Оба поручения я исполнил успешно. Состоя систематически заместителем председателя Археографической комиссии, я в течение последних лет привел в порядок и описал несколько архивов, поступивших в Археографическую комиссию с документами на иностранных языках, которыми владею. При этом описано мною более 1000 документов. Я составлял описания поступавших в Комиссию рукописей (собрание академика Ключевского), исполнял ученые поручения Археографической комиссии по составлению отзывов о поступавших в нее для печати рукописей, составил указатель архивного материала для истории Булавинского движения. Прочел несколько ученых докладов в заседаниях Археографической комиссии. Как специалист по истории и быту старообрядчества и сектантства я вызывался неоднократно в Народный суд экспертом по ходатайствам сектантов об освобождении их от воинской обязанности. Вообще я имею более 70 печатных работ, почтен за свои ученые труды званием члена-корреспондента Академии наук СССР и зачислен в разряд всесоюзных выдающихся ученых по группе А по ЦЕКУБУ⁸.

Во внимание к изложенному прошу Центральную Комиссию пересмотреть мое дело, снять с меня незаслуженное позорное пятно и дать мне возможность посвятить остаток жизни мирной ученой работе и закончить начатые ученые труды.

ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 693 (машинописная копия с подписью В. Г. Дружинина и датой 28 ноября 1929 г.). Текст публикуется по современной орфографии.

¹ Центральная комиссия по чистке советского аппарата при Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции была создана в апреле 1929 г. по решению XVI партийной конференции. Работала с 1929 по 1932 г.

² Плеве Вячеслав Константинович (1846–1904), министр внутренних дел и шеф жандармов в 1902–1904 гг.

³ Акционерное общество, в которое вошли Каслинский, Нязепятовский и Кыштымские заводы, было создано в 1900 г. и существовало до 27 декабря 1917 г. Об этом см.: *Ахмин Л. Н.* Карабаш. Челябинск, 1968.

⁴ Фигатнер Юрий Петрович (1889–1937), советский партийный и государственный деятель. В 1918 г. — нарком внутренних дел Терской советской республики. С 1925 г. — член Центральной контрольной комиссии ВКП(б) НК РКИ. В 1929 г. возглавил «Комиссию по проверке аппарата учреждений академии наук СССР», которая начала работу 1 августа 1929 г.

⁵ В. Г. Дружинин был уволен по первой категории. «Инструкция...» делила всех на три категории. Лица, уволенные по первой категории, лишались всех прав на пособие, пенсию, работу и выселялись из квартир.

⁶ Рязанов Давид Борисович (1870–1938), историк академик АН СССР (1929 г.), в 1918 г. возглавил проведение архивной реформы, создатель и первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Был арестован по «Академическому делу» 16 февраля 1931 г., три года был в ссылке, в 1937 г. снова арестован и в 1938 г. расстрелян.

⁷ Имеется в виду Коллегия по охране памятников искусства и старины, созданная 8 ноября 1917 г.

⁸ 26 марта 1928 г В. Г. Дружинин был зачислен в «Группу выдающихся ученых» по постановлению Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР (ЦЕКУБУ).

---

¹ О В. Г. Дружинине см.: Curriculum vitae. 6 марта 1889 // Новое время. СПб., 1889. 6 марта. № 4676. С. 2; Записка об ученых трудах и Список ученых трудов Василия Григорьевича Дружинина // Известия Российской Академии наук. Пг., 1920. VI серия. Том XIV. С. 165–168; *Бубнов Н. Ю.* В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1983 г. М., 1985. С. 113–125; *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Сборник научных трудов / Под ред. Е. М. Юхименко. М., 1994. Вып. 2. С. 215–227; *Плигунов А. И.* Библиотека Василия Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. М., 1994. № 5. С. 19–21; *Панченко Е. З.* Еще раз о библиотеке Василия

- Григорьевича Дружинина // Отечественные архивы. М., 1996. № 4. С. 118–120; *Бройтман Л., Дубин А.* Улица Чайковского. М.; СПб., 2003. С. 209.
- ² Личное дело студента Петербургского университета Василия Григорьевича Дружинина (1879 г.) // СПб ЦГИА. Ф. 14. Оп. 3. Т. 5. Д. 20627. Л. 4, 5, 16.
- ³ *Еремин В., Столбиков В.* Старообрядцы в культуре Южного Урала // Челябинский рабочий. 1999. 28 сент.
- ⁴ *Столбиков В. И.* Древлеправославные традиции // Старообрядчество: история и культура. Сборник статей / Под ред. Л. С. Дементьевой, В. Ю. Игнатовова. Барнаул, 2003. Вып. 2. С. 51–58; *Дашкова М. Е.* Чугунная симфония Урала // Антик-Инфо. СПб., 2006. № 38. С. 98–104.
- ⁵ Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907), ученый, химик, педагог. В 1855 г. окончил Главный педагогический институт в Петербурге по отделению естественных наук физико-математического факультета, в 1856 г. защитил магистерскую диссертацию в Петербургском университете и с 1857 г. читал в Университете курсы общей и органической химии.
- ⁶ *Дружинин В. Г.* Воспоминания о литературных встречах и знакомствах // РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 45–46.
- ⁷ Владиславлев Михаил Иванович (1840–1890), философ, профессор, ректор Санкт-Петербургского университета (с 1887 г.).
- ⁸ Миллер Орест Федорович (1833–1889), историк русской литературы, приват-доцент Санкт-Петербургского университета (с 1864 г.), профессор (с 1870 г.).
- ⁹ Троицкий Иван Егорович (1834–1901), историк церкви, доктор богословия. Окончил Петербургскую Духовную академию (1859 г.), бакалавр по кафедре греческого языка Петербургской Духовной академии (1861 г.), профессор кафедры новой общей церковной истории Духовной академии (с 1869 г.), читал лекции по истории церкви в Санкт-Петербургском университете (с 1874 г.).
- ¹⁰ Васильевский Василий Григорьевич (1838–1899), историк, византист, академик (с 1890 г.), член Петербургской Археографической комиссии (с 1876 г.).
- ¹¹ *Дружинин В. Г.* Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 7. Л. 49–52, 97–103, 109.
- ¹² Замысловский Егор Егорович (1841–1896), историк, профессор Петербургского университета (1884–1896), член Археографической комиссии (с 1869 г.), член-корреспондент АН (1888).
- ¹³ *Дружинин В. Г.* Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 7. Л. 74–77.

- ¹⁴ Челобитная старца Аврамия // Летопись Занятий археографической комиссии (далее — ЛЗАК) за 1872–1875 гг. СПб., 1877. Вып. 6. С. 1–129.
- ¹⁵ Диспут в университете // Новое время. 6 марта 1889 г. СПб., 1889. № 4676. С. 3; ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 1456 (отзыв С. Ф. Платонова на диссертацию В. Г. Дружинина).
- ¹⁶ *Дружинин В. Г.* Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 7. Л. 74 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 63 об.
- ¹⁸ Платонов Сергей Федорович (1860–1933), историк, источниковед, археограф, ученик В. Г. Васильевского, К. Н. Бестужева-Рюмина, руководитель Кружка русских историков (с 1884 г.), член исторического общества (с 1889), приват-доцент (с 1888 г.), профессор (с 1899 г.), член Петербургской Археографической комиссии (1894–1929), председатель Комиссии (декабрь 1918 – ноябрь 1929), декан историко-филологического факультета (1900–1912) Санкт-Петербургского университета и директор Санкт-Петербургского женского педагогического института (1903–1916), член-корреспондент АН (1909), академик РАН (1920), заведующий Петроградским отделением Главархива (1918–1923), директор Пушкинского Дома (1925–1929) и Библиотеки Академии наук СССР (1925–1928), академик-секретарь отделения гуманитарных наук и член Президиума АН СССР (7 марта–8 ноября 1929). В ночь с 12 на 13 января 1930 г. был арестован по ложному обвинению в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии. По приговору Коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. был выслан в Самару, где 10 января 1933 г. скончался. Реабилитирован в 1967 г.
- ¹⁹ *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. СПб., 1921. Кн. 2. С. 132.
- ²⁰ *Дружинин В. Г.* Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 7. Л. 77, 83, 84. Участниками семинария были также С. М. Середонин, Н. П. Сенигов, Н. Д. Чечулин, А. С. Лаппо-Данилевский (Там же. Л. 84).
- ²¹ Шляпкин Илья Александрович (1858–1918), историк литературы, профессор Санкт-Петербургского университета (с 1901 г.), член-корреспондент АН (1907 г.).
- ²² Иванов Константин Алексеевич (1858–?), историк, педагог, директор гимназий: Нарвской (1904–1906), Императорского Человеческого общества (1906–1907), Петербургской 12-й (1907–1913), Николаевской Царскосельской (1913–1917).

- ²³ Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах. С. 132; Демина Л. И. «Записка» Е. Ф. Шмурло об историках Петербургского университета (1889–1892) // Археографический ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 254.
- ²⁴ Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 8. Л. 240, 241.
- ²⁵ Там же. Ед. хр. 7. Л. 113, 114.
- ²⁶ В мае 1917 г. Комитет из церковного ведомства был передан в ведение Министерства Народного просвещения. В 1918 г., после смерти графа С. Д. Шереметева, председателем Комитета стал С. Ф. Платонов. В 1919 г. Комитет был переименован в Комитет изучения древнерусской живописи и вошел в состав Российской Академии истории материальной культуры. В 1921 г. Комитет был расформирован.
- ²⁷ Кондаков Никодим Павлович (1854–1925), византист, историк средневекового искусства, академик АН (1898 г.).
- ²⁸ Георгиевский Василий Тимофеевич (1861–1923), искусствовед, в 1905 г. открыл фрески Дионисия в Ферапонтовом монастыре, член Комитета попечительства о русской иконописи (1901–1917), в 1918 г. работал в Комиссии по сохранению и раскрытию памятников древнерусской живописи, созданной И. Э. Грабарем.
- ²⁹ Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 7. Л. 36 об.
- ³⁰ Дьяконов Михаил Александрович (1855–1919), историк, правовед, профессор Юрьевского (с 1889 г.) и Санкт-Петербургского (с 1914 г.) университетов, адъюнкт (1905), экстраординарный (1909), ординарный академик (1912) АН.
- ³¹ ЛЗАК за 1885–1887 годы. СПб., 1895. Вып. 10. Отдел II. С. I–XXIII, I–61.
- ³² ЛЗАК за 1895–1899 гг. СПб., 1901. Вып. 12. С. 26, 28. «Записка» была подписана также: К. Н. Бестужевым-Рюминым, С. Ф. Платоновым, И. А. Бычковым, Г. Ф. Штендманом, А. С. Лаппо-Данилевским, А. А. Куником, В. Г. Васильевским.
- ³³ Шереметев Сергей Дмитриевич (1844–1918), граф, государственный деятель, историк, председатель Общества любителей древней письменности (с 1888 г.), почетный член АН (1890), почетный член Санкт-Петербургского университета (с 1913 г.), председатель Археографической комиссии (1900–1918).
- ³⁴ Письмо С. Ф. Платонова М. А. Дьяконову. 22 марта 1903 г. // Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. М., 2003. Т. 1. С. 84.
- ³⁵ Письмо С. Ф. Платонова В. Г. Дружинину. 2 июля 1910 г. // Там же. С. 137.
- ³⁶ СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 2. Ед. хр. 114, 42, 62, 12.

- ³⁷ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 926. О. 1, 1 об., 3–4 об. (докладные записки В. Г. Дружинина С. Д. Шереметеву о деловом архиве Комиссии от 5 января 1905 г. и о библиотеке от 20 апреля 1905 г.).
- ³⁸ «Правила» см.: ЛЗАК за 1907 год. СПб., 1908. Вып. 20. С. 19. «Правила» были разработаны на специальном совещании с участием В. Г. Дружинина, М. Г. Курдюмова, С. А. Адрианова под председательством Н. П. Лихачева.
- ³⁹ *Дружинин В. Г.* Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 8. Л. 92.
- ⁴⁰ Записка В. Г. Дружинина об издании документов по истории Донских казаков XVII в. // ЛЗАК за 1895–1899 годы. СПб., 1901. Вып. 12. С. 72–75.
- ⁴¹ Донские дела. Кн. 1–5 // Русская историческая библиотека. СПб., 1898. Т. 18; СПб, 1906. Т. 24; СПб., 1909. Т. 26; СПб., 1913. Т. 29; СПб., 1917. Т. 34.
- ⁴² Краткий обзор рукописей собрания В. Г. Дружинина см.: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела БАН. М.; Л., 1958. Вып. 2. XIX–XX вв. С. 129–132. Подробно о деятельности В. Г. Дружинина по собиранию старообрядческих рукописей см.: *Бубнов Н. Ю.* В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей. С. 113–125.
- ⁴³ *Бубнов Н. Ю.* В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей. С. 121.
- ⁴⁴ *Дружинин В. Г.* 1) Пустоозерский сборник: Памятники первых лет русского старообрядчества // ЛЗАК за 1913 год. СПб., 1914. Вып. 26. С. 1–25; 2) Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915; 3) Поморские палеографы начала XVIII столетия // ЛЗАК за 1918 год. СПб., 1923. С. 1–66 (отдельное издание вышло в 1921 г.); 4) Дополнения к исследованию о поморских палеографах начала XVIII в. // ЛЗАК за 1923–1925 годы. Л., 1926. Вып. 33. С. 100–102.
- ⁴⁵ *Дружинин В. Г.* 1) Поморские палеографы начала XVIII столетия; 2) Дополнения к исследованию о поморских палеографах начала XVIII в.
- ⁴⁶ *Дружинин В. Г.* 1) Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; 2) К вопросу о колонизации старообрядцами Олонецкого края в конце XVII в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 293–305.
- ⁴⁷ *Дружинин В. Г.* 1) Значение труда старообрядцев в развитии промыслов // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 4. Ч. 2; 2) К истории крестьянского искусства XVIII–XIX вв. в Олонецкой губернии (Художественное наследие Выгорецкой поморской пустыни // Известия АН СССР. Сер. 6. Л., 1926. Вып. 15/17. С. 1479–1490.

- Об иконах в коллекции В. Г. Дружинина и изучении их ученым см.: *Виокурова Э. П.* О художественном наследии Выголексинской старообрядческой пустыни (состояние вопроса) // *Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.)*. С. 153–156.
- ⁴⁸ Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1 // *Русская историческая библиотека*. Л., 1927. Т. 39.
- ⁴⁹ Барсков Яков Лазаревич (1863–1937), историк, архивист, археограф, ученик В. О. Ключевского, делопроизводитель Государственного архива МИД (1908–1917), сотрудник Археографической комиссии (с 1915 г.).
- ⁵⁰ Смирнов Петр Семенович (р. 1861), историк церкви, окончил в 1887 г. Санкт-Петербургскую духовную академию со званием доцента по кафедре истории и обличения русского раскола, с 1910 г. — ординарный профессор, редактор журн. «Христианские чтения», автор работ по истории старообрядчества.
- ⁵¹ СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1032а. Л. 1–1 об; Ед. хр. 1032б.
- ⁵² Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. С. III–IV. (Указатель шифров, использованных в издании).
- ⁵³ СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1032б.
- ⁵⁴ Там же. Ед. хр. 1032а (журналы заседаний 19 октября и 7 ноября 1915 г.).
- ⁵⁵ *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописных собраний // *ЛЗАК за 1912 год*. СПб., 1913. Вып. 25. С. I–XIV, 1–534.
- ⁵⁶ *Дружинин В. Г.* Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 8. Л. 150–152.
- ⁵⁷ *ЛЗАК за 1919–1922 годы*. ПГ., 1923. Вып. 32. С. 71.
- ⁵⁸ *ЛЗАК за 1923–1925 годы*. Л., 1926. Вып. 33. С. 23.
- ⁵⁹ В «Воспоминаниях...» В. Г. Дружинин отмечал, что работа по изданию прервалась, поскольку был расформирован Комитет, но «по счастью, рукопись моя с текстом осталась у меня», — писал ученый (Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 8. Л. 223 об.; *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии С. 220). О судьбе коллекции см.: *Понырко Н. В.* Федор Антонович Каликин — собиратель древних рукописей // *ТОДРЛ*. Л., 1980. Т. 35. С. 448; *Бубнов Н. Ю.* В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей. С. 121; *Принцева М. Н.* Коллекция медного литья Ф. А. Каликина в собрании отдела истории русской культуры Эрмитажа // *Памятники культуры. Новые открытия*. Л., 1986. С. 396; *Виокурова Э. П.* О художественном наследии Выго-Лексинской старообрядческой пустыни (состояние вопроса). С. 153–156.

- ⁶⁰ Рязанов Давид Борисович (1870–1938), политический деятель, историк, академик АН СССР (1929), создатель и первый директор Института К. Маркса и Ф. Энгельса, в 1918 г. возглавил проведение архивной реформы. 16 февраля 1931 г. был арестован по «Академическому делу», три года был в ссылке. 23 июня 1937 г. снова арестован и 21 января 1938 г. расстрелян.
- ⁶¹ Хорхордина Т. И. История отечества и архивы. 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 18–19, 49.
- ⁶² СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 982. Л. 90 (официальное письмо инспектора Сенатского архива И. А. Блинова от 1 июня 1918 г. о назначении В. Г. Дружинина).
- ⁶³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 64. Л. 8–10 (Отчет о деятельности I отделения II секции ЕГАФ за 1918–1919 гг.).
- ⁶⁴ Дружинин В. Г. Воспоминания о литературных встречах и знакомствах. Ед. хр. 9. Л. 182 об.–183.
- ⁶⁵ Там же. Л. 184 об.–187; Бухерт В. Г. Из воспоминаний современников о С. Ф. Платонове // АЕ за 1998 год. М., 1999. С. 302–303.
- ⁶⁶ Журнал совещания по выработке «Правил издания исторических документов»: СПб ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Ед. хр. 1062; Правила издания исторических документов // Исторический архив. Пг., 1919. Т. 1. С. 118–122.
- ⁶⁷ РГИА. Ф. 6900. Оп. 3. Д. 36. Л. 1–2.
- ⁶⁸ РГИА. Архив архива. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–74. Комиссия работала в составе В. Т. Георгиевского, В. Г. Дружинина, К. Я. Здравомыслова, В. Д. Плетнева.
- ⁶⁹ Подробнее см.: Смирнова Т. Г. В. Т. Георгиевский в Большом (Успенском) Тихвинском монастыре в 1918 г. // Россия в XX веке. Сборник статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора В. А. Шишкина. СПб., 2005. С. 371–381.
- ⁷⁰ Греков Борис Дмитриевич (1882–1953), историк, археограф, академик АН СССР (1935 г.), сотрудник Археографической комиссии (1913 г.), в 1921 г. избран в члены Комиссии.
- ⁷¹ ЛЗАК за 1919–1922 годы. Пг., 1923. Вып. 32. С. 80.
- ⁷² Там же. С. 82–83; 84–85 (Список рукописей, переданных Комиссии).
- ⁷³ Каликин Федор Антонович (1876–1971), старообрядец, собиратель рукописей и икон. См. о нем: Мальшев В. И. Слово о Федоре Антоновиче Каликине // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. XXVIII. С. 425–426.
- ⁷⁴ Бубнов Н. Ю. В. Г. Дружинин и его коллекция старообрядческих рукописей. С. 116.
- ⁷⁵ ОР РНБ. Ф. 585. Ед. хр. 2841. Л. 34.
- ⁷⁶ Подробнее см.: Смирнова Т. Г. Деятельность Археографической комиссии по спасению монастырских архивов (1917–1929 гг.) // Те-

- зисы докладов V Всероссийского совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Новгород, 1992. С. 86–89.
- ⁷⁷ В 1927 г. была опубликована Двинская откупная грамота 1560 г. (ЛЗАК за 1926 год. Л., 1927. С. 199–203); переданные Комиссии акты Соловецкого монастыря составили основу публикации — Северные грамоты XV в. (ЛЗАК за 1927–1928 годы. Л., 1929. Вып. 35. С. 121–164); ряд документов Антониева-Сийского монастыря был опубликован в «Сборнике материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв.» Л., 1930. С. 15–19, 42–113.
- ⁷⁸ Выписка из протокола заседания правительственной комиссии по проверке аппарата Академии наук от 10 ноября 1929 г. за подписями председателя комиссии Ю. П. Фигатнера и секретаря Л. С. Садовского: СПб ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 5092. Л. 15, 16.
- ⁷⁹ СПб ФА. РАН. Ф. 585. Ед. хр. 693.
- ⁸⁰ Цит. по: Академик С. Ф. Платонов. Переписка с историками. Письма С. Ф. Платонова (1883–1930). М., 2003. Т. 1. С. 277.
- ⁸¹ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. Предисловие. СПб., 1993. С. VII.
- ⁸² Подробнее о последних годах жизни В. Г. Дружинина см.: *Берестецкая Т. В.* В. Г. Дружинин: новые материалы к биографии. С. 225–227.
- ⁸³ Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). С. 11.

ПУБЛИКАЦИИ

История Академии наук в трудах академика А. А. Куника

Систематическое изучение истории Академии наук началось только тогда, когда и сама Академия, и русское общество ощутили необходимость в этом. И это время наступило во второй половине XIX века. Начало было положено работами академика А. А. Куника. Именно по его инициативе в «Ученых записках Императорской Академии наук»¹ стала публиковаться «Историко-литературная летопись Академии с 1726 по 1851 год». Он же первым в статье «Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии»² рассмотрел историографию академической истории, а также обосновал основные принципы ее написания.

Э. А. Вольтер³, вспоминая об академике А. А. Кунике, писал: «он был в археографической комиссии — хронологом, в Эрмитаже — нумизматом, в Академии — первым знатоком первоначальной истории России, истории Академии и русской образованности XVIII века, в лингвистическом кружке — представителем исторической филологии»⁴. Это был удивительный человек, почти все, кому приходилось с ним работать вместе, отмечали, что при первом знакомстве он производил на окружающих впечатление чудака, «книжного червя», но всякий, входивший с ним в близкий контакт, «выносил впечатление ошеломляющее»⁵. Современники отмечали, что его воззрения на веру, политику, жизнь и нравственность были оригинальны. Он был атеистом,

поскольку единственным органом познания считал рассудок, вооруженный исторической критикой. Не признавал никаких национальных отличий, а социальный вопрос решал просто, утверждая, что 30 000 рублей есть максимум дохода, который позволено иметь честному человеку.

Эрнст Эдуард Куник (Kunik) родился 2 (14) октября 1814 г. в Прусской Силезии в селе Грановицы близ города Лигница. У него были два брата, Генрих и Вильгельм, и сестра Элеонора. Куник всю жизнь переписывался с ними⁶. Учился в Бреславском университете, а в 1838 г. окончил философское отделение Берлинского университета со степенью кандидата философии. В годы учебы в Берлине Куник испытал серьезное влияние философии Гегеля. Позже он отмечал, что преимущество философии Гегеля перед другими философскими системами состоит в том, что философия истории Гегеля «основывала науки философии истории на стройной философской системе»⁷. Но Куник видел и недостатки гегелевской системы, и, прежде всего, его односторонность и схематизм, который, в частности, проявился в том, что он «не возвысил славянской истории до идеи»⁸. Впрочем, философские и лингвистические интересы Куника были очень широки: он изучал также труды В. Гумбольдта, Й. Шеллинга, Я. Грима и Л. Фейербаха. Интерес к славянской культуре, пробудившийся у него еще в детстве, заставил молодого ученого после окончания университета отправиться на свой страх и риск в Россию. В 1839 г. он прибыл в Москву из Варшавы, где был известен вначале как Иван (Александр) Петрович или Орест Орестович. Приехав в Россию, Куник близко сошелся с М. П. Погодиным⁹, познакомился с К. Аксаковым. Благодаря Погодину Арист Аристович был представлен С. С. Уварову¹⁰, который в то время был министром народного просвещения¹¹. Рекомендую Куника, Погодин писал Уварову: «В Москве живет теперь молодой немец А. А. Куник из Пруссии, который приехал нарочно изучать русскую историю <...>. Этот А. А. Куник показался мне с первого взгляда искренне любознательным ученым, и я, не исследуя, впрочем, его образа мыслей, пригласил его жить к себе»¹². В России Куник поначалу занимался переводами. Он переводил много: «Энциклопедию законовещения» К. А. Неволина, «Начертание славянской мифологии» М. И. Касторского,

публиковал в издаваемом М. П. Погодиным «Москвитянин» обзоры немецкой литературы и истории¹³. Современники отмечали высочайший уровень научной подготовки молодого немца. Н. П. Барсуков вспоминал, что Куник «поднял знамя против системы Каченовского и Венелина¹⁴, которых он смешивает. Все старое — в роде Погодина, кроме немецкой лингвистической учености и историко-филологической диалектики, которых у Погодина, как у доморощенного, вовсе не достает. Куник очень и очень быстро перерос московских критиков»¹⁵. Через два года, закончив, как он думал, свои дела в России, Куник вернулся в Берлин. Но не найдя там поддержки в своих славяноведческих изысканиях, пробыл там недолго, и в 1842 г. навсегда покинул Германию. С тех пор он лишь однажды покидал Россию на 28 дней, когда в июле 1847 г. ездил навестить больного отца. В Москве Куник хотел заниматься только исследовательской работой, а потому отказался от денежной должности в гимназии, а также от места библиотекаря в Румянцевском музее. И, возможно, ему вновь пришлось бы уехать из России, но таланты молодого немца привлекли к нему внимание академиков Ф. Круга и Ф. Аделунга. Последний в то время являлся директором Института восточных языков при Министерстве иностранных дел, а академик Круг, озабоченный состоянием исторических исследований в России, занимался поиском высокопрофессиональных специалистов в области истории¹⁶. Куник очень понравился Ф. Кругу, который писал о нем: «В моем возрасте я неохотно принимаю посещения незнакомых молодых людей; лишь в отношении к одному молодому человеку, прибывшему сюда, я сделал теперь исключение и сказал ему: посещайте меня иногда»¹⁷. Ф. Аделунг скончался в 1843 г., но благодаря покровительству Круга в 1844 г. А. А. Куник получил место хранителя русских монет и древностей Нумизматического кабинета Академии наук. Летом 1844 г. Ф. Круг скончался, но по его просьбе неоконченная работа «О признании шведских родов финнами и славянами» была передана для подготовки к печати Кунику. Во многом благодаря этому 5 октября 1844 г. Арист Аристович был избран адъюнктом Императорской Академии наук по классу русской истории, в 1850 — экстраординарным академиком. Много сил он отдал коллекциям Академии, поскольку 7 фев-

раля 1858 г. стал директором Русского отделения Библиотеки Академии наук, а в марте 1859 г. — еще и старшим хранителем коллекции русских монет и медалей, к которым позже прибавилась ответственность за галерею Петра I и драгоценностей. Одновременно с 1849 г. он стал главным редактором «Актвов на иностранных языках», которые издавались Археографической комиссией Академии наук. О широте интересов Куника говорит и то, что он, в частности, также принимал участие в работе комиссии при Археологическом и Географическом обществах, которая занималась исследованием этнографии Литвы и Западной Руси¹⁸.

Помимо этой огромной работы, Арист Аристович Куник оказывал большую помощь молодым ученым. Во многом его стараниями стал академиком византист В. Г. Васильевский¹⁹, немало покровительствовал он и П. П. Пекарскому. В фонде А. А. Куника в Санкт-Петербургском филиале архива РАН хранится рукопись «Записки П. П. Пекарского по поводу материалов, относящихся к царствованию Екатерины II, находящихся в иностранных архивах» (1872)²⁰, а также письма Пекарского к Кунику²¹ (1859–1871). В приложении к письму, датированному августом 1860 г., находится «Проект записки, которую предполагается представить в Академию наук»²². «Проект» содержал предложения по вопросу об описании старопечатных славяно-русских книг со времени учреждения славянских типографий до 1700 г. Пекарский предполагал выполнить эту работу в течение двух лет, а затем предоставить ее в распоряжение Академии наук за вознаграждение в 1 000 рублей. Надо сказать, что переписка П. П. Пекарского с А. А. Куником носит в основном деловой характер. Как следует из этой переписки, Арист Аристович Куник оказывал значительную помощь Пекарскому. Он немало способствовал получению Пекарским для работы рукописей XVIII века. Так, 8 апреля 1859 г. Пекарский писал Кунику: «Приношу Вам искреннюю благодарность за хлопоты с доставлением мне возможности пользоваться теми рукописями <...>. Другие мои ходатайства, начавшиеся еще при жизни академика Каркунова, были менее успешны»²³. Более того, Куник предоставлял ему книги из собственной библиотеки. Петр Петрович писал: «Простите, что беспокою Вас моими просьбами, но с за-

крытием Публичной Библиотеки и академической, я совершенно остался, как рак на мели»²⁴.

Уделяя большое значение методологии исторического исследования, Куник применял то, что мы сейчас называем междисциплинарным подходом. Критикуя современных ему историков, он отмечал, что «Вместо того, чтобы обратить внимание на целостность истории, ученые односторонне устремляются к тому или другому народу, к той или другой стране, к тому или другому времени, стараются изобразить то или другое направление, не думая о том, что история, как произведение духа, составляется из всего того, в чем проявляется этот дух»²⁵. Работая на стыке лингвистики и истории, он считая, что всякий язык есть произведение истории народа. Куник утверждал, что наиболее древним достоянием национальной культуре является ее словарный запас, поэтому лингвистика дает возможность историку исследовать (и подтверждать) то, что нельзя подтвердить никакими другими документами. Куника интересовали не просто факты, а генезис истории. Он считал необходимым исследовать истоки явлений, силы, приводящие в движение исторический процесс. Отсюда интерес Куника к устройству государства, к государственным учреждениям, и, конечно же, к варяжскому вопросу²⁶.

Благодаря обширности своих знаний и размаху исследований, Куник являлся горячим поборником развития российского византиноведения²⁷. Начавший выходить в 1894 г. «Византийский временник» своим появлением во многом обязан Кунику. История науки также вызывала большой интерес Куника. Он считал, что эта дисциплина должна исследовать образ мыслей и представлений людей прошедших столетий. Интерес к истории Академии наук Куник проявлял еще в 1844, для чего исследовал бумаги Я. Штелина, поскольку предполагал, что в них может содержаться интересная для академической истории информация. А. А. Куник сделал очень много для изучения истории Академии. Он не только издал бумаги Вольфа, документы, связанные с В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым, составил обзоры, но и составил программу работы для будущих исследователей истории Академии наук. В статье «Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии» он писал, что существуют три главные группы вопросов, затрудняющих создание истории

Академии: огромный объем неизученных материалов, «ученая односторонность историков», которые будут вынуждены изучать историю различных наук, и самое главное: необходимость изображения истории Академии как части отечественной истории²⁸. Думается, что этот призыв остается актуальным и в наше время.

Основные работы А. А. Куника по истории Академии наук:

Об ученых сборниках и периодических изданиях Имп. Академии наук, с 1726 по 1852 год, и об издании «Ученых записок» // Введение к I тому Уч. записок ИАН по I и III отделениям. Т. I. Вып. I. СПб., 1852. С. СXXX. С подп. «-къ»

Первая аудиенция академиков у Императрицы Екатерины I, 15 августа 1725 г. // Ученые записки ИАН по I и III отделениям. Т. I. Вып. II. 1853. С. 336–341.

Почему ныне не возможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки ИАН по I и III отделениям. Т. II. Вып. I. 1853. С. 137–144.

Штелинов реестр официальных бумаг, относящихся к истории Академии от 1725 и 1749 г. // Ученые Записки ИАН по I и III отделениям. Т. II. Вып. I. 1853. С. 156 – 173.

Проект Указа, составленный в конце 1725 г. (Историко-литературная летопись Академии) // Ученые записки ИАН по I и III отделениям. Т. II. Вып. I. 1853. С. 173–184.

Предложения Ломоносова об издании глобуса) // Ученые записки ИАН по I и III отделениям. Т. III. Вып. II. 1855. С. 290.

Список учеников академической гимназии с 1725 по 1731 год // Ученые известия ИАН по I и III отделениям. Т. III. Вып. 4. 1855. С. 519–566.

Оправдание Академической конференции перед Правительствующим Сенатом в 1732 г. // Ученые известия ИАН по I и III отделениям. Т. III. Вып. 4. 1855. С. 566–568.

Оправдание Президента Академии Л. Блюментроста перед Правительствующим Сенатом в январе 1733 г. // Ученые известия ИАН по I и III отделениям. Т. III. Вып. 5. 1855. С. 683–688.

Исторический взгляд на академическое управление с 1726 по 1803 год // Ученые известия ИАН по I и III отделениям. Т. III. Вып. 5. 1855. С. 689–692.

Извлечение из речи академика Бильфингера, произнесенной в 1731 г., о петербургских достопримечательностях // Ученые известия ИАН по I и III отделениям. Т. III. Вып. 5. 1855. С. 692–713.

Список Президентов и Вице-Президентов Академии наук с 1725 по 1855 год // Ученые известия ИАН по I и III отделениям. Т. III. Вып. 5. 1855. С. 750.

А. А. Куник

Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии

Мысль об истории Академии уже давно возникла в среде ее самой; но для выполнения её в первом периоде, к сожалению, не удалось приготовить даже сырых материалов. Протоколы конференции излагались в прошлом столетии чрезвычайно кратко; о сбережении относящихся к ним документов посредством внесения их в реестр и приличного хранения в архиве также не прилагалось тогда строгих попечений.

Первые признаки вопроса об истории Академии обнаруживаются во время президентства барона Корфа²⁹. В протоколе конференции 9 февраля 1735 г. мы читаем:

«В этот день (?) изготовлены и начисто переписаны извлечения из всех донныне веденных протоколов конференции и других заседаний в Академии».

В протоколе 17 того же февраля:

«Г. советник юстиции Гольдбах представил и прочел сочиненное им на латинском языке начертание правил для составления истории Санкт-Петербургской Академии Наук. Оригинал этого проекта передан в архив, а копия с него имеет быть сообщена прочим господам профессорам, с тем, чтобы они сделали на проект замечания».

В протоколе 21 того же февраля:

«Г. советник юстиции Гольдбах снова представил свою статью касательно описания с петербургской Академии наук и сообщил, что она обошла уже всех академиков».

В протоколе 6 марта 1736 г.:

«Его превосходительство (президент барон Корф) приказал отыскать все имеющиеся в архиве сведения об основании, воз-

растании и нынешнем состоянии Санкт-Петербургской Академии наук и сообщит их его превосходительству и г. советнику юстиции Гольдбаху».

Что послужило ближайшим поводом к предпрятию этого исторического описания, покуда еще неизвестно. Но достоверно то, что с этим приказом имеет связь издание «Палат Академии»³⁰ (см. Уч. Зап. Том I. стр. 546) и «Museum Petropolitanum».

В конце текста «Палат» (см. там же, стр. 553) Шумахер говорит о скором издании обстоятельнейшего описания Академии, но это обещание, кажется, по случаю временной отставки Шумахера в 1742 г., было забыто. Между тем к выполнению этого намерения должен относиться еще параграф протокола конференции 10 августа 1741 г., где сказано:

«Из канцелярии в архив конференции передана, для сообщения всем профессорам записка, величиною в десять или 24 листа, касательно истории Академии, именно о том, кто были в ней президенты, члены и профессора, какие написаны были диссертации и другие сочинения».

Ныне в архиве конференции нет этих исторических реестров: могло статься, что в смутный период Академии, продолжавшийся с 1741 до 1766 г., они погибли. Один из них нашелся в бумагах Штелина, приобретенных Императорской Публичной библиотекою от М. П. Погодина. См. ниже, стр. 156 [1].

Один высокий государственный сановник, с ревностью посвящающий свои редкие досуги на собиранье материалов для литературы русской истории, сообщил мне заглавие книги: G-eu, Historia Academiae Petropolitaniae (в Касселе 1744). До сих пор я напрасно старался разузнать, что это за сочинение: целая ли книга, или небольшая статья?

Здесь кстати замечу, что одно известие в Уч. Зап. I. стр. 346 не совсем верно приписано мною Штелину³¹: теперь я положительно могу сказать, что оно принадлежит рукописи неизвестного сочинителя, о которой сейчас скажем.

Есть очерк истории Академии, написанный в 1767 г. на дурном французском языке, под заглавием: *Abrégé de l'Histoire anecdote de l'Academie Impédés sciences de St.-Pétersbourg*. Сочинитель не известен: но мы знаем, что материалы для своего Очерка он собирал тайком в самом Петербурге, как кажется, по поруче-

нию одного важного английского сановника. Из донесений английских посланников при дворе Анны Иоанновны, Елисаветы Петровны и Екатерины II видно, что они неравнодушно смотрели на успехи образования в России. А к означенному «Очерку» приложено вначале письмо на имя его превосходительства г. NN á N (Londres) и сказано, что этот экземпляр «Очерка» есть копия с оригинала de M. le C... M...: к последней букве карандашом приписано имя: Macartny. Не разумеется ли здесь Macartny, бывший английский посланник при Екатерине II в 1766 г., мы оставляем нерешенным. Сочинитель «Очерка», во всяком случае, обязан своими сведениями по большей части Штелину³², который впрочем знал состояние Академии по собственному опыту только с 1735 г., и при многих качествах, достойных уважения, был однако неспособен многосторонне и глубоко войти в состояние Академии в течение первого полувека. Мы будем впредь называть эту коротенькую историю Академии «Очерком 1767 г.», так как из имени ее автора нам покуда известны только последние буквы: ...rd.

Когда приближалась пора пятидесятилетнего юбилея Академии, она возымела мысль издать свою историю, предполагая наполнить ею последний том «Новых Комментарий» (*“Novi Commentarii”*), издававшихся с 1750 г. Сочинение этой истории она возложила на историографа Миллера, который в 1765 г. был перемещен в Москву. Историограф тотчас принялся за работу и прислал Академии несколько тетрадей, в которых ее история доведена была до 1732 г. Миллер, без сомнения, лучше всякого другого мог знать в свое время (около 1775 г.) первоначальную организацию Академии и дальнейшую судьбу ее, потому что он с 1725 по 1765 год исключительно принадлежал Академии, хотя иногда отлучался от нее, именно в 1730 г. по случаю отправления его в Германию и в Англию, и в 1733–1743 гг. по случаю командировки в сибирскую экспедицию³³. Но для историографа Академии он, по духу своей учености, слишком принадлежал XVIII веку. Из его истории Академии вышел только сбор материалов, в числе которых много весьма незначительных вещей, между тем как о важном иной раз напрасно вы стали бы искать у него удовлетворительных известий. Так, например, Миллер не дает определенного понятия о том, каким образом процвета-

нию Академии в первые десятилетия ее существования препятствовала «Канцелярия», или так называемая «Академическая Команда», которая держала все в своих руках, как будто она, а не ученая Конференция, была собственно представительницей Академии.

Около 1781 г., Миллер, обремененный множеством дел, просил у Академии дозволения избрать себе в сотрудники для истории Академии Шриттера (см. Учен. Зап. I, стр. ХСІ). Академия согласилась на его желание и с сих пор посылала извлечения из своего архива, а иногда и другие сведения, к Шриттеру, который впрочем не перерабатывал их, а излагал в сухой, чисто-летописной форме. Миллеру не нравился этот способ изложения истории Академии, и вскоре он, вместе и по причине своей старости (ум. 1783), вовсе перестал для нее трудиться. Шриттер между тем довел свои реестры только до 1743 г., так что Академия по одной этой причине не могла издать обещанного заключительного тома «Новых Комментарий».

Начиная с издания «Деяний Академии» непрменные секретари помещали в мемуарах так называемую «Историю Академии» («*Histoire de l'Académie*»), которая идет таким образом от 1776 г. до 1822, хотя и не в обширном объеме, как уже замечено прежде (Т. I., стр. СХV). В нашей «Летописи» со временем будут помещаться разные извлечения из вышеупомянутых *Очерков* и *Миллеровых* и *Шриттеровых Материалов*, хотя всего этого, конечно, недостаточно для того, чтобы приобрести твердый взгляд на судьбы Академии до 1803 г. В новейшие времена, как в Академии, так и вне ее, высказывалось желание иметь историю Академии. Желание естественное, и удовлетворить этому желанию — обязанность Академии, — обязанность тем более настоятельная, что другие государственные учреждения, моложе Академии, в наше время или имеют уже свою историю, или принимают деятельные меры к ее приобретению.

В программе Ученых Записок сказано (Т. I. Введ. стр. СХХV), что в их состав входят «Исторические материалы», в оригинале написанные на русском или переведенные с других языков, особенно касающиеся истории царствования Петра Великого и истории наук и образования в России. Этот отдел имеет также своим назначением знакомить отечественную

публику с прежними учено-литературными трудами Академии; вместе с этим частным интересом Академия имеет в виду общую цель — собрать мало помалу материалы для полной истории своей учено-литературной деятельности, или приготовить «Литературную Летопись Академии с 1726 по 1851 год».

При выполнении этого параграфа программы найдено приличным помещать материалы и исследования касательно истории Академии в особом отделе под заглавием «Историко-литературной Летописи с 1725 по 1851 год». Кто прочел пять явившихся донныне номеров «Летописи» и статью, которой она открыта, «Об ученых сборниках и периодических изданиях Академии», тот мог убедиться, что история Академии не лишена общего интереса и именно для истории русского образования. Между тем смело можно утверждать, что *полная и сколько-нибудь удовлетворительная история Академии в продолжение первого ее периода от 1725 по 1803 год в настоящее время решительно невозможна*. Мы не можем здесь обстоятельно изложить причины этой невозможности: ограничиваемся указанием главных затруднений, которые историограф Академии неизбежно встретит при выполнении своей задачи.

1) Первоначальный материал для истории Академии так рассеян и составляет такую огромную массу, что наперед невозможно и определить, сколько потребуется времени и трудов для его собрания, критического пересмотра и переработки. Чтобы когда-нибудь, хотя очень нескоро, могла наконец явиться история Академии, непременно надобно собирать, разыскивать и отчасти перерабатывать рассеянные материалы мало по малу. Академия приняла уже меры касательно извлечения и сообщения в нашей «Летописи» документов из своего и из других государственных архивов. Но кроме официальных документов к истории Академии принадлежит еще множество известий, рассеянных в русской и в иностранных литературах. Отыскать эти известия можно только с течением времени и притом не одному лицу, тем более, что они нередко хранятся в таких журналах и книгах, где нельзя предполагать их. Такие известия, как обещано в программе «Ученых Записок», по временам будут помещаться в «Летописи» в извлечении или в переводе, если в оригинале они написаны на латинском, не-

мецком или других иностранных языках. Начало тому сделано уже в первом томе Ученых Записок. Несколько иначе надобно поступать с известиями об истории Академии, находящимися в русской литературе XVIII и XIX столетий. Их надобно перепечатывать в «Летописи», разумеется, только в том случае, когда они хранятся в сочинениях, составляющих, в строгом смысле, библиографическую редкость, или когда нужно дать им пояснение для устранения неправильных толкований или господствующих ложных мнений. Но по важности своего содержания русские известия об истории Академии стоят того, чтобы позаботиться о библиографическом указании их с краткою характеристикой их содержания. С этой целью в «Летописи» по временам будет являться «Указатель источников для истории Академии». Впрочем, должно объявить наперед, что под именем этого «Указателя» вовсе не разумеется систематическое описание источников: предприятие такого описания в настоящее время встретилось бы с большими трудностями, и чтобы оценить эти трудности, стоит только вспомнить, какое множество статей явилось в течение ста лет например о Ломоносове. Ныне в «Указателе» можно покуда сообщать известия только по одиночке, сопровождая их краткой характеристикой, но без всяких дальнейших притязаний. Для истории Академии с 1803 г. надобность в подобном указателе меньше ощутительна, не потому только, что возложенная на нее деятельность стала не так разнообразна, как была прежде, но и потому еще, что в течение нынешнего столетия она все более и более освобождалась от прежнего предубеждения ученых обществ против гласности и выходила из своего затворничества: доказательством тому служат: печатание годовых отчетов с 1826 г., основание «Ученых Известий» («Bulletin scientifique») в 1836 г., постоянное обнародование протоколов с 1840 г., которые, благодаря попечительности нынешнего Непременного Секретаря, стали полнее [2]).

Упомянутым извлечением документов из академического и других архивов, сообщением иностранных известий об истории Академии и составлением «Указателя» источников «Летопись» наших Записок в течение нескольких лет, при благоприятных обстоятельствах, может доставить значительное пособие для об-

работки истории Академии и для её пояснения, особенно если для достижения этой цели «Летописи» соединят свои труды разнообразные деятели, как этого можно в наше время в некоторой мере надеяться. При всем том это был бы только *первый* шаг к осуществлению мысли об истории Академии.

2) Второе затруднение при выполнении этой мысли составляет ученая односторонность историков, — односторонность естественная и неизбежная. При всей шаткости положения Академии в отношении к своей ученой деятельности и не смотря на то, что ей не раз приходилось оставаться без представителей по разным и важным отраслям наук, она, со времени своего основания, в течение всего прошедшего столетия, говоря вообще, пользовалась значительной славой в ученом свете, долгое время считалась в России единственной представительницей науки и, с немногими перерывами, старалась поддерживать свою репутацию учеными трудами. Понятно, что оценку строго-ученых трудов её по разным отраслям наук не может взять на себя одно лицо: этот труд надобно предоставить нескольким специалистам, которые, зная состояние своей специальной науки в XVIII веке, могли бы оценить заслуги тогдашних академиков этой отрасли в историческом ходе её развития. До настоящего времени со стороны академических специалистов текущего столетия сделано весьма немного для беспристрастного изображения заслуг Академии XVIII столетия по специальным отраслям наук. Если, впрочем, и восполнится когда-нибудь этот недостаток, историку тем не менее будет еще весьма трудно воспользоваться надлежащим образом из критической оценки специалистов тем, что может служить для характеристики Академии в общей ее истории, где должны быть рассмотрены все стороны ее деятельности в совокупности.

3) Всего же труднее для историографа Академии верно понять и изобразить её историю, как *составную часть истории русского государственного и литературного быта в XVIII столетии*. Задача эта сама по себе не легка, а при нынешнем состоянии обработки русской истории XVIII века, она решительно невыполнима. Прошло время, когда под историей Европы в этом периоде разумели исключительно и единственно историю войн. В наше время, войны и дипломатические тонкости той эпохи входят во

всеобщую историю европейских государств только в главных чертах, а не во всей полноте своего объема; подробнейшее же изображение их предоставляется специалистам той или другой отрасли наук. Только теперь, через устранение этого тяжелого и часто бесполезного балласта, всеобщая история европейских государств приобретает свое высшее, истинно-человеческое значение: она становится в сущности историей цивилизации человеческого рода, в которой темная и светлая сторона идут рука об руку. Понимая в этом смысле историю, мы едва ли найдем в развитии какого-либо из европейских государств в XVIII веке столько интересного и поучительного, как в истории российской монархии со времени петровского преобразования и в судьбе его до восшествия на престол императора Александра. Между тем, много ли сделано доселе историками для объяснения этой, в высокой степени важной части истории человечества даже в главных и общих чертах? Так мало, что мы не находим еще твердой почвы для изображения движения истории: *до 1799 г. мы не имеем надежной хронологии событий и правительственных мер по месяцам и дням* [3].

При таком положении дела, история Академии наук, быв основана на одних документах академического архива и на печатных известиях, представила бы сухую отвлеченность и тем не менее могла быть обработана в смысле истории русского образования, что в прошедшем столетии Академия, в своей разнообразной деятельности, должна была взять на себя роль Петра Великого, разумеется, с той стороны, с какой эта роль была ей доступна. Поэтому, если Академии наук суждено когда-либо иметь историю, достойную своего предмета, то она непременно должна быть обработана в связи со всем развитием государственной и народной жизни от Петра Великого до императора Александра. И каков бы ни был результат такой обработки истории Академии [4], *мы не должны в ней терять из виду Петровского преобразования вообще и судьбы, какую он испытал в течение XVIII века во всех видах своего развития.*

Таким образом, для будущего историографа Академии открывается необходимость изучать множество источников, которые имеют лишь косвенное отношение к истории Академии, из которых донныне доступна только небольшая часть и для пра-

вильного употребления которых более или менее требуется талант и навык историка.

Сображая все означенные трудности, убеждаешься, что теперь не время мечтать об истории Академии, если надобно ожидать от нее чего-нибудь больше, чем реестров заглавий книг и извлечения из сухих официальных бумаг. Но как «Историко-литературной Летописи» Ученых Записок прямо предназначено мало помалу приводить в известность источники для истории Академии, то с учеными интересами Академии совершенно согласно, если Летопись поведет вместе с тем к собранию им обзору таких источников и документов, которые, при своем всеобщее-историческом интересе, имеют еще значение не прямых источников для истории Академии. С этой целью в Ученых Записках по временам будет являться особый отдел под заглавием *Исторических Материалов и Разысканий*, который составит только дальнейшее выполнение обещанного в программе. О непрерывном продолжении этого отдела и систематическом выполнении этой задачи нельзя и подумать: такое предприятие было бы слишком обширно. Лишь время от времени будут помещаться статьи, имеющие вышеозначенный интерес, которым, впрочем, не исключаются и статьи всеобщее-исторического содержания.

Примечания А. А. Куника

- ¹ В одном письме от 26 февраля 1767 г. Миллер сообщает, из Москвы, Штелину, что Шумахер внес некогда в библиотеку пакет, содержащий проекты Лейбница, представленные им Петру Великому, и что библиотекарь Тауберт знает место, где положен этот пакет. Куда девались эти бумаги, виденные Миллером, по словам его, только вскользь, неизвестно. Во всяком случае, письма и проекты Лейбница, изданные г. Поссельтом в 1843 г. по московским оригиналам, неполны: между ними недостает именно подробного Лейбницева плана так называемой «ученой коллегии» (*Collegura Sapientiae*).
- ² Кроме того, с 1852 г. издаются еще протоколы второго Отделения в его центральном органе, а отныне будут издаваться в извлечении и протоколы Общего Собрания, составляемые Непременным Секретарем. Он же, Непременный Секретарь, первый из нынешнего поколения академиков поднял вопрос об описании Архива старых дел Академии.

3. См. об этом Уч. Зап. I, стр. 624.
4. См. покамест Уч. Зап. I, стр. ХСV, XI, XIII, LXIII и LXIV.

-
1. Об ученых сборниках и периодических изданиях Имп. Академии наук, с 1726 по 1852 год, и об издании «Ученых записок» // Введение к I тому Уч. записок ИАН по ИАН по I и III отделениям. Т. I. Вып. I СПб., 1852. С. СXXX. С подп. «-къ».
  2. *Куник А. А.* Почему ныне не возможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки ИАН по I и III отделениям. Т. II. Вып. I. СПб., 1853. С. 137–144.
  3. Вольтер Эдуард Александрович (Вольтерис Эдуардас) (19.03.1856, Рига – 14.12.1941, Каунас) – славист, этнограф, библиограф, книговед. С 1886 – приват-доцент Петерб. ун-та. С 1889 по 1915 – зав. славяно-рус. отделением БАН. После революции 1917 г. жил в Литве, был директором Национальной библиотеки Литвы, а также директором Каунасского музея и профессором Каунасского университета (1920–1933).
  4. *Вольтер Э. А.* Академик А. А. Куник // Русская старина. 1989. Май. С. 370.
  5. *Васильевский В. А. А.* Куник // Византийский временник. Т. VI. 1899. С. 619.
  6. Письма сохранились в ПФА РАН в фонде А. А. Куника.
  7. *Лапто-Данилевский А. С.* Арист Аристович Куник. Очерк его жизни и трудов // Известия Академии наук. 1914. С. 1453.
  8. Там же.
  9. Погодин Михаил Петрович (1800, Москва, – 1875, там же), русский историк, писатель, журналист, издатель, академик Петербургской АН (1841).
  10. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. V. С. 383, 386, 397; Кн. VI. С. 123.
  11. О роли С. С. Уварова в развитии российской науки см. *Фролов Э. Д.* Граф Сергей Семенович Уваров и академический классицизм // Петербургская Академия наук в истории академий мира. К 275-летию Академии наук. Материалы международной конференции. Т. II. СПб., 1999. С. 275–285; *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999.
  12. *Васильевский В. А. А.* Куник. С. 620.
  13. *Куник Э.* Литература истории в Германии // Москвитянин. 1841. Ч. II–III.
  14. Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – историк и литературный критик, член Российской Академии с 1819 г., ординар-

- ный академик АН по Отделению русского языка и словесности с 1841 г. С 1837 — ректор Московского университета. Венелин (наст. фамилия — Гуца) Юрий Иванович (1802–1839) — историк, филолог, этнограф. См. *Зыкова Г. В.* Журнал Московского университета «Вестник Европы» (1805–1830 гг.): Разночинцы в эпоху дворянской культуры. М., 1998.
- ¹⁵ *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 406.
- ¹⁶ *Медведев И. П.* Неопубликованные материалы В. Н. Бенешевича по истории византиноведения // Рукописное наследие русских византинистов в архивах Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 1999. С. 599.
- ¹⁷ *Васильевский В. А.* А. Куник. С. 624.
- ¹⁸ См. *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. С. 568.
- ¹⁹ Васильевский Василий Григорьевич (1839–1899) — византинист, историк. Член-корреспондент по разряду историко-политических наук (русская и византийская история) Историко-филологического отделения с 1876 г. Ординарный академик по Историко-филологическому отделению с 03.02.1890. Ординарный академик по Историко-филологическому отделению с 03.02.1890.
- ²⁰ ПФА РАН. Ф. 95. Оп. 4. Д. 161.
- ²¹ Там же. Оп. 2. Д. 672.
- ²² Там же. Д. 672. Л. 5–6.
- ²³ Там же. Д. 672. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Д. 672. Л. 3 об.
- ²⁵ *Куник Э.* Литература истории в Германии, за два последние года // Москвитянин. Ч. II. 1841. С. 406–407.
- ²⁶ См. *Куник А. А.* Предисловие к «Отрывкам» С. Гедеонова // Записки Императорской Академии наук. Т. 1. 1862. Приложение 3. С. I–VI.
- ²⁷ *Куник А. А.* Почему Византия доньше остается загадкой во Всемирной истории // Ученые записки Академии наук. СПб., 1853. Т. II. С. 423–444; *Попов Н.* Начало византиноведения в России // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 435–448.
- ²⁸ *Куник А. А.* Почему ныне невозможна еще история Академии наук в XVIII столетии // Ученые записки Императорской академии наук. Введение. Т. 2. Вып. 1. СПб., 1853. С. 143.
- ²⁹ Корф Иоганн-Альбрехт фон (1697–1766) — дипломат. Главный командир Академии наук с 1734 по 1740 гг.
- ³⁰ Палаты Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук Библиотеки и Кунсткамеры которых представлены планы, фасады и профили, приписанные Ея Императорскому Высочеству государыне великой княгине и правительнице всея России. СПб., 1741.

- ³¹ Куник А. А. Штелинов реестр официальных бумаг, относящихся к истории Академии от 1725 и 1749 г. // Ученые записки ИАН по I и III отделениям. Т. II. Вып. I. СПб., 1853. С. 156–173.
- ³² Штелин Яков (Якоб) Яковлевич (1709–1785) — гравер. Адъюнкт АН по красноречию (элоквенции) и поэзии с 1735. Профессор АН с 1737. Конференц-секретарь АН с 1765 по 1769.
- ³³ Попытка систематического описания истории Академии была предпринята по поручению Академии Г. Ф. Миллером (1705–1783) и помогавшим ему с 1781 года И. Г. Штриттером (1740–1801). Но и это описание не было закончено. См. подробнее: *Илизаров С. С.* Первый очерк истории Академии наук и его автор И. Д. Шумакер // *Российская академия наук: 275 лет служения России.* М., 1999. С. 755–759.

*(Вступительная статья, публикация и комментарии
Т. В. Чумаковой)*

Письма П. Б. Струве А. М. Рыкачеву

П. Б. Струве и его гораздо менее известный современник А. М. Рыкачев (1876–1914)¹, также экономист и публицист, не были друзьями, но их с полным основанием можно назвать ближайшими единомышленниками.

Их знакомство могло произойти еще в 1899 г. Рыкачев, тогда студент юридического факультета Петербургского университета, выступал с докладом на одной из вечеринок, традиционно устраивавшихся радикальным студенчеством 8 февраля, в день ежегодного университетского акта. На таких вечеринках присутствовали и выступали оппозиционные писатели и профессора, в 1899 г. среди них были представители «легального марксизма» П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, М. И. Свешников, В. А. Поссе. Несмотря на сравнительно небольшую разницу в возрасте (Струве был старше всего на 6 лет), дистанция между ними тогда была огромна: студент Рыкачев мог только мечтать о том, что его доклад будет успешным, привлечет внимание и с ним «захотят познакомиться вожди, например Струве...»².

В марте 1901 г. за участие в студенческой демонстрации в защиту протестующего студенчества Струве был административно выслан в Тверь и затем уехал за границу. Рыкачев, в 1900 г. окончивший курс университета, за участие в этой же демонстрации был выслан в Саратов, где провел около двух лет, сотрудничая в газете «Саратовский листок». Владельцем газеты тогда был известный земский деятель, член «Союза освобожде-

ния» Н. Н. Львов, ядро редакционного коллектива составляли высланные из столиц общественные деятели и журналисты, в том числе и редактор А. А. Корнилов. Рыкачеву поручили заведование иностранным отделом газеты, он составлял ежедневную хронику заграничной жизни и еженедельные «иностранные обозрения», а также опубликовал ряд статей по различным вопросам общественной жизни.

От юношеского увлечения марксизмом Рыкачев к тому времени уже освободился. На страницах «Саратовского дневника» зафиксирован следующий этап эволюции его мировоззрения, в основных чертах совпадавшей с движением Струве «от марксизма к идеализму». Рыкачев написал для газеты статью «По поводу одной статьи о национализме»³ — разбор напечатанной под псевдонимом статьи П. Б. Струве⁴. А. А. Корнилов писал в своих воспоминаниях, что он сообщил Рыкачеву об авторстве Струве и тот «начал свой разбор историей кризиса тогдашнего русского марксизма вообще и эволюции идей Струве в частности»⁵. Рыкачев приветствовал изменившиеся взгляды Струве и призывал продолжить выработку нового мировоззрения. Статья Рыкачева вызвала бурные споры в редакции и была напечатана не сразу и с редакционным примечанием-оговоркой, поскольку большинство высказывалось против нее. Впоследствии Рыкачев оказался одним из немногих, кто одобрил переход Струве на позиции «патриотизма и империализма», откликнувшись сочувственной статьей на его программную статью «Великая Россия»⁶. «Всегда оригинальный, всегда смелый, всегда идеалист», — писал он о Струве, называя его «одним из руководителей русской интеллигентной мысли». Выдвигаемый Струве новый идеал («могучее государство русское, которого внешнее могущество будет создано примирением власти с народом») он характеризовал как «не только прекрасный», а «здоровый, имеющий жизненную силу, идеал». Впрочем, Рыкачев при этом замечал, что если за Струве не стоит «никакая общественная сила», то «от всех его примирительных попыток может получиться только тот скромный результат, что лично г. Струве перейдет из лагеря в лагерь, и у современной русской государственности будет одним искренним защитником больше, одним искренним врагом меньше»⁷.

Вернувшись в 1902 г. в Петербург, Рыкачев работал в журнале Л. В. Ходского «Народное хозяйство», позднее стал сотрудником, а затем и членом редакции газеты «Наша жизнь», редактором-издателем которой также был Ходский. Рыкачев писал в газету на различные темы, в том числе и передовые статьи, и активно участвовал во внутривредакционной жизни. Здесь он познакомился с близкими к Струве по «Союзу освобождения» Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповичем, принимавшими активное участие в газете. Печатался в «Нашей жизни» и сам Струве — сперва из-за границы под псевдонимом «Иструбин», а вернувшись в Россию — под своим именем.

В конце 1906 г. Струве стал соредактором «Русской мысли», и Рыкачев был среди тех, кого он сразу же пригласил к сотрудничеству. К этому времени они уже были знакомы лично. 4 января 1907 г. Рыкачев записал в дневнике: «Я был сегодня польщен тем, что Струве пригласил меня участвовать в “Русск[ой] Мысли”. Струве — веселый, оживленный»⁸. Впрочем, в 1907 г. Рыкачев опубликовал в журнале лишь две рецензии и затем довольно долго в нем не печатался.

Более тесными контакты Струве и Рыкачева стали в начале 1910-х годов. Это проявилось и в активности участия последнего в возглавляемом Струве журнале. Помимо нескольких крупных статей (о рабочем и социалистическом движении, трудовых отношениях и пр.), Рыкачев пишет много небольших материалов на эти же темы для созданного с ноября 1910 г. раздела «В России и за границей» (в рубрике «Политика, общественная жизнь и хозяйство»), а также рецензий. Особенно выделяется 1911 г., когда практически в каждом номере журнала было по 2–3 материала Рыкачева. В книге А. А. Гапоненкова о журнале «Русская мысль» Рыкачев не назван среди членов редакции, хотя и говорится, что он был «ближайшим сотрудником», членом «редакционного кружка» и «ближайшего круга единомышленников»⁹. Однако Струве в некрологе прямо называет Рыкачева членом редакции¹⁰. В своем дневнике Рыкачев в 1912–1913 несколько раз пишет о том, что выполнял некие редакционные обязанности в «Русской мысли», к сожалению, не конкретизируя; с этим соотносится и упоминание в письме Струве от 28 июля 1913 г. об оплате труда Рыкачева,

аналогичной оплате обязанностей А. С. Изгоева, заведовавшего в журнале политическим отделом.

Инициатива в общении и на этом этапе принадлежала Струве, который, по словам Рыкачева, приближал его к себе «чуть не насильно»¹¹. Склонный к недооценке своих заслуг и к болезненному самоанализу, Рыкачев записывал по поводу редакционных собраний в «Русской мысли»: «Я обыкновенно чувствую себя на этих собраниях случайным гостем, каким-то любимцем П. Б., который хочет меня видеть около себя, хотя для журнала я имею мало значения»¹². Струве об этом же периоде вспоминал уже после смерти Рыкачева: «Это было время моего сближения с покойным. Каждый из нас шел своим путем и на этих путях мы нашли друг друга. Это было для меня великой радостью. <...> Сближение и общение с ним оказалось для меня в моей научной и литературной деятельности душевной поддержкой»¹³.

Весьма высоко оценил Струве вышедшую в 1910 г. книгу Рыкачева «Деньги»¹⁴. «Эта книга <...> — писал он, — навсегда останется в нашей экономической литературе, как произведение зрелой и самобытной мысли, интересное не только для экономиста-теоретика, но и для социолога и философа»¹⁵. Труд Рыкачева он ставил рядом с «Философией денег» Г. Зиммеля. О том, что это не дежурные комплименты, свидетельствует экземпляр книги Рыкачева из личной библиотеки Струве, находящийся ныне в библиотеке Политехнического университета¹⁶. Следы чтения Струве есть практически на каждой странице: отчеркивания и подчеркивания, записи «верно», «неверно», иногда более развернутые замечания.

В ноябре 1912 г. Струве привлек Рыкачева к сотрудничеству в недолго просуществовавшей газете «Русская молва», редактором которой была А. В. Тыркова-Вильямс. По словам Рыкачева, ему предложили возглавить экономический отдел редакции, но он отказался, поскольку хотел сосредоточиться на подготовке к магистерскому экзамену, и это место занял В. Ф. Гефдинг. Рыкачев, однако, выступал на страницах газеты, в частности, полемизировал с М. И. Туган-Барановским по проблеме «капитализм и демократия» и с П. А. Сорокиным об эволюции психологии русской интеллигенции. Сам Рыкачев записал в дневнике: «Мое сотрудничество в газете было успешным. Статьи мои возбудили

некоторый шум и имя мое трепали в газетах. Внутри редакции обо мне сложилось довольно лестное для меня мнение»¹⁷.

Личному сближению, вероятно, способствовали отношения с семейством В. М. Хижнякова, известного земского деятеля и соратника Струве по «Союзу освобождения»: с его сыном Василием Рыкачев был близко знаком по работе в газете «Наша жизнь», а на дочери Варваре в 1910 г. женился. Рыкачев писал жене в сентябре 1910 г.: «Когда я думаю об общности наших взглядов и идейных интересов, моя мысль невольно переносится на П. Б. Струве. Я чувствую к нему особую тогда благодарность, — не как к человеку, не как к Петру Бернгардовичу, твоему хорошему знакомому и моему доброжелателю, который хочет мне немножко помочь (за это тоже благодарен, но это — другое) — а как к идейному центру, через который моя идейная жизнь подходит к твоей»¹⁸.

Контакты Рыкачева со Струве продолжались и после того, как в августе 1914 г. Рыкачев, по состоянию здоровья освобожденный от службы в армии, записался добровольцем. Пока новобранцы проходили военную подготовку в Петрограде перед отправкой на фронт, он несколько раз встречался со Струве, разговаривал с ним по телефону. На кончину Рыкачева, который погиб 10 ноября 1914 г. под Краковом (он пролежал, раненый, несколько дней в оставленном окопе, и когда его нашли, умер от истощения), Струве откликнулся прочувствованным некрологом в декабрьском номере «Русской мысли». Он назвал Рыкачева человеком «огромной силы духа и мягчайшей души». «Умственное бесстрашие, духовная свобода соединялась в Рыкачеве с величайшей мерой моральной деликатности и совестливости, — писал Струве. — Это соединение сделало из него новый тип, редкий и драгоценный в русской жизни. В его лице в жизнь русской «интеллигенции» явственно входила какая-то новая стихия»¹⁹. В этом же номере была опубликована небольшая заметка С. Л. Франка «Смерть А. М. Рыкачева», а своей статье «Великая Россия и Святая Русь» Струве предпослал посвящение памяти Рыкачева. В № 1 за 1915 г. под общим заглавием «Памяти Андрея Михайловича Рыкачева» были напечатаны воспоминания А. А. Корнилова о работе Рыкачева в «Саратовском дневнике» и статья Г. Н. Штильмана «К характеристике личности».

Через год «Русская мысль» вновь вернулась к памяти Рыкачева. В № 12 за 1915 г. Струве опубликовал свою заметку «Гибель Е. А. Звегинцева²⁰ и годовщина гибели А. М. Рыкачева», в которой говорил о смерти последнего как о «невозвратимой потере интимнейшего единомышленника» и о своем намерении «увековечить память покойного изданием возможно более полного сборника его разрозненных статей и биографических материалов о нем»²¹. Материалы предлагалось направлять в редакцию «Русской мысли».

В 1916 г. (№ 3) «Русская мысль» открыла подписку на учреждение стипендии имени Рыкачева в Петербургском университете для увековечения памяти «незабвенного друга и сотрудника». Помимо взноса от редакции журнала, личный взнос (50 р.) был сделан от «семьи Струве». Вплоть до октября 1917 г. «Русская мысль» из номера в номер печатала отчеты о поступивших суммах. Последовавшие затем события не позволили реализовать ни этот замысел, ни издание планировавшегося сборника.

Публикуемые письма наглядно демонстрируют уровень взаимного доверия и уважения автора и адресата. Они относятся к лету 1913 г. (когда Струве проводил каникулы в Германии и в Мюнхене перенес операцию по удалению грыжи) и хранятся в фонде А. М. Рыкачева в СПбФА РАН (Ф. 837. Оп. 2. № 16). В списке архивных источников в известной книге Р. Пайпса эти письма не значатся, впрочем, американский исследователь сам отмечает, что «многие русские архивы» остались для него недоступными²².

П. Б. Струве — А. М. Рыкачеву

1

Оберстдорф в Баварских Альпах.
28.VII.[1]913

Дорогой Андрей Михайлович!

Давно собирался Вам написать, но письмо все откладывалось как-то со дня на день, если не считать открытки, посланной мною совместно с С. А. Котляревским²³, к[ото]рый у меня здесь прогостил 3 дня (отсюда он через Берлин двинулся в П[етер]б[ур]г, а затем в Саратовскую губ.). Получили ли Вы

открытку? Я здесь живу уже скоро две недели. К сожалению, пребывание в такой красивой местности на высоте свыше чем 800 метр[ов] портит отвратительная погода: все время идут почти непрерывные дожди. В общем мое здоровье поправилось, но выяснилось вот что. Состояние моих «внутренностей» стоит в известной связи с другим моим страданием (грыжей), и потому ничего, кроме паллиативов, нельзя предпринять, пока не будет произведена операция. Поэтому я решил — как можно скорее произвести операцию и ради этого, если только операция летом вообще может быть произведена, двинуться в П[етер]б[ур]г; если же операция летом, по стародворянским русским традициям, не может быть произведена, то произвести ее за границей.

Вот Вам мой отчет о себе. За работу я почти не принимался, т. к. за вычетом тех 6–7 дней, что я in summa потратил на Берлин и на Мюнхен (где советовался с профессором Мюллером) я провожу время в санатории и должен соблюдать режим, который почти не оставляет времени для умственных занятий. Мне прописано лежание и лежа я отчасти читаю либо газеты, либо библиотеку, либо книги, над которыми мне не приходится непосредственно «работать».

События на Балканах меня сильно волнуют, к счастью они, по-видимому, все-таки приведут к новому торжеству России, вопреки всем интригам Австрии, которая встречает поддержку во всяком случае в общественном мнении Германии (роль ее правительства, по прежнему, для меня неясна). Я никогда еще за границей не чувствовал себя в такой мере русским, как этот раз; не чувствовал в такой мере ясно, что у России есть мировое призвание, которого не видят и не желают признавать (так было и будет всегда) другие народы. И яснее еще чем прежде я ощутил, что задача внутреннего оздоровления России тесно связана с утверждением ее внешнего могущества, еще раз я переживаю, может быть более углубленно, более эмоционально то, что когда-то формулировал в «Великой России».

Нина Алекс[андровна]²⁴ переслала мне Ваше письмо, в котором Вы возражаете против оплаты Вашего труда. Пожалуйста, не возражайте. Я с Вами не условливался, п[отому] ч[то] знал, что Вы будете возражать, а рассчитался с Вами так, как я в про-

шлом году рассчитался и теперь рассчитываюсь с А. С. Изгоевым²⁵. Итак, оставьте без движения это пустое дело.

Обнимаю Вас.

Ваш П. Струве.

Напишите о себе.

СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 2. № 16. Л. 1–2.

2

28.VIII.[1]913
Sassnitz a/Rügen
Villa Anne

Дорогой Андрей Михайлович!

Давно собираюсь Вам написать, да все как-то откладывалось. Как Вы поживаете? Я сижу на о. Рюген, где удивительно тепло и хорошо. Вдыхаю морской воздух и греюсь на солнце. Понемногу теперь принимаюсь за работу. Своим общим состоянием я доволен, но следы операции еще довольно значительно дают себя знать — много ходить я не могу и швы и пуговицы болят. О темах своей книги я мало думал этим летом, но о вопросах политики думал довольно много. Исходом балканского кризиса я по-прежнему с русской точки зрения доволен. Теперь только нужна наша собственная творческая работа у нас дома и на Балканах. У меня в этой области слагаются определенные взгляды и в всяком случае бродит в голове много мыслей. Отчего Вы не осуществили своего намерения — газетную статью о наших соц[иал]-дем[ократах] превратить в журнальную заметку? Думаете ли Вы что-нибудь в ближайшем будущем написать для «Русской Мысли»? Какие впечатления Вы вывезли из Кезей²⁶? Спасибо Вам за ласковую открытку, посланную оттуда.

Уже скоро неделя, как мы расстались с Н. А., которая поехала к детям. Дети все здоровы и, кажется, хорошее лето на море пойдет им на пользу.

Крепко жму Вам руку. Передайте мой поклон всем Вашим.
Любящий Вас

П. Струве.

СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 2. № 16. Л. 5–6.

3

2.IX.[1]913

Дорогой Андрей Михайлович!

Очень благодарен Вам за дружескую встречу, которая меня тронула и обрадовала. Во многом Вы, мне кажется, правы, в обзоре недостатков моей книги²⁷, на которых отражается главный недостаток моей умственной работы вообще, недостаток надлежащей непрерывности в ходе моих мыслей. Я этот недостаток болезненно чувствую и с ним стараюсь бороться.

Спасибо за статью²⁸, которая чрезвычайно интересна. Она пойдет в октябре, я думаю, никак не позже.

Надеюсь, что мы скоро увидимся.

Крепко жму руку.

Ваш П. Струве

СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 2. № 16. Л. 8.

4

[Открытка с видом порта в Гамбурге]
10.IX.[1]913

Дорогой Андрей Михайлович! Спасибо за письмо. Очень жалею о том, (но, конечно, отнюдь не претендую), что Вы не написали для меня ничего о моей книге. Может быть, напишете для печати. Очень рад, что дали статью для «Русск[ой] Мысли». Всего хорошего. Крепко жму руку.

Ваш П. Струве

1-го сентября я буду в П[етер]б[ур]ге.

СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 2. № 16. Л. 10.

¹ Подробнее о нем см.: А. М. Рыкачев. Дневник 1890–1892 гг. / Вводная статья, подгот. текста, коммент. О. Н. Ансберг // Русское прошлое. Историко-докум. альманах. Кн. 7. СПб., 1996. С. 174–180.

² СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 1. № 4. Л. 16 об.

³ Саратовский дневник. 1902. 11 апр.

⁴ *Борисов П.* В чем же истинный национализм? Посвящ. памяти Владимира Сергеевича Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1901. Т. 12. № 59. С. 493–528.

- ⁵ Корнилов А. Памяти Андрея Михайловича Рыкачева. 1. Страничка воспоминаний // Русская мысль. 1915. № 1. С. 187.
- ⁶ Струве П. Б. Великая Россия: Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. 1908. № 1.
- ⁷ Рыкачев А. М. Мечты о Великой России // Столичная почта. 1908. 20 февр.
- ⁸ СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 1. № 10. Л. 76 об.
- ⁹ Гапоненков А. А. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг.: редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов, 2004. С. 22, 28, 51, 166.
- ¹⁰ Русская мысль. 1914. № 12. С. XIII.
- ¹¹ СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 1. № 11. Л. 13.
- ¹² Там же. Л. 1 об–2.
- ¹³ Русская мысль. 1914. № 12. С. XV.
- ¹⁴ Рыкачев А. М. Деньги и денежная власть. Ч. 1. Деньги. СПб., 1910.
- ¹⁵ Русская мысль. 1914. № 12. С. XV.
- ¹⁶ Б-ка П. Б. Струве. № 3467. Книга имеет дарственную надпись («Петру Бернгардовичу Струве в знак искреннего уважения и доброго чувства. Автор. 6 II 1910»), к ней приплетена статья Рыкачева «Джон Рескин и политическая экономия» из журнала «Мир Божий» (1903. № 10, 11).
- ¹⁷ СПбФА РАН. Ф. 837. Оп. 1. № 11. Л. 6 об.–7 об., 9.
- ¹⁸ Там же. Оп. 2. № 17. Л. 78–78 об.
- ¹⁹ Русская мысль. 1914. № 12. С. XV.
- ²⁰ Член Государственной думы, авиатор-разведчик.
- ²¹ Русская мысль. 1915. № 12. С. 155.
- ²² *Пауинс Р.* Струве: Биография. Т. 1, 2. М., 2001.
- ²³ Котляревский Сергей Александрович (1873–1940), историк, правовед. Обозреватель иностранной политики в журнале «Русская мысль». Знакомый А. М. Рыкачева по саратовской ссылке.
- ²⁴ Жена П. Б. Струве.
- ²⁵ Изгоев (Ланде) Александр Соломонович (1872–1935), публицист, политик. Член редакции «Русской мысли» с 1907, заведующий политическим отделом в 1910–1918 гг.
- ²⁶ Кези — имение Хижняковых в Черниговской губ.
- ²⁷ Видимо, речь о книге П. Б. Струве «Хозяйство и цена» (Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. Ч. 1. СПб.; М., 1913).
- ²⁸ Рыкачев А. М. О некоторых наших предубеждениях // Русская мысль. 1913. № 10.

*(Вступительная статья, публикация и комментарии
О. Н. Ансберг)*

Письма С. Н. Чернова С. Ф. Платонову. 1915–1922 гг.

Эпистолярное наследие одного из ярких представителей петербургской исторической школы, крупного декабристо-веда Сергея Николаевича Чернова (1887–1942) — явление индивидуально-биографического порядка и в то же время комплекс документальных материалов, имеющих важное значение для истории исторической науки и политической истории России начала XX в. Письма С. Н. Чернова к его учителю С. Ф. Платонову приближают нас к постижению «сотворения» ученого и дают представление о явлении, именуемом «человек в науке». В то же время это — и самый точный и безошибочный портрет сложной, переломной эпохи Первой мировой войны, большевистской революции, гражданской бойни, тяжелейшего перехода от самодержавной к советской России, сделанный профессиональным историком, ощущающим себя свидетелем истории. Сознательная установка на фиксацию событий, происходящих в университетском, научном и политическом мире, характерная для С. Н. Чернова, была связана с его пониманием роли профессионального историка в общественно-политических процессах, а также ощущением себя «героем» событий, видевшим свое место в центре исторического разлома. С. Н. Чернов в своих письмах сохранил нам портреты не только известных историков того времени — С. Ф. Платонова, С. В. Рождественского, А. С. Лаппо-Данилевского, А. А. Спицына, А. Е. Преснякова и др., но и дал зарисовки общественных нравов, передал газетные новости и на-

родные слухи. Своеобразие этого вида источников еще и в том, что во всех смыслах — бытовом и мировоззренческом — письма рождают неожиданные для историографов и историков откровения, обнаруживают общественное сознание и общественную мысль сложной, переходной эпохи первых десятилетий XX в.

В личном фонде С. Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки всего находится 36 писем С. Н. Чернова к учителю. Они составляют два комплекса — 23 единицы за 1915–1922 гг. и 13 единиц за 1923–1929 гг. (Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4540, 4541). Второй комплекс уже опубликован в издании: «С. Н. Чернов. Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма. СПб.: Лики России, 2004. С. 241–299» и таким образом вошел в научный оборот. Авторы-составители посчитали необходимым завершить публикацию эпистолярного наследия С. Н. Чернова из фонда С. Ф. Платонова. Первый комплекс писем (23), охватывающий петербургский и первый саратовский период научной и педагогической деятельности историка и дающий представление об университетском этапе его жизни, начале профессионального пути, становлении как ученого и педагога, чрезвычайно важен для детального анализа феномена петербургской исторической школы и более глубокого проникновения в широкий историографический процесс. Сюжетно представленные материалы замкнуты на вопросах, связанных с влиянием на С. Н. Чернова университетской среды, его научным ученичеством у С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова, а также с началом его ученой биографии, нашедшим отражение в краеведческих работах историка и трудах по истории движения декабристов.

Публикуемые письма за 1915–1922 гг. печатаются по автографам, отложившимся в фонде С. Ф. Платонова (Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 4540. Л. 1–64 об.). Все они сохранились без конвертов и написаны чернилами. Письма систематизированы по хронологии и пронумерованы нами. Сокращенные слова и имена раскрываются в квадратных скобках. Выделенные С. Н. Черновым слова подчеркнуты без обозначения. Авторские вставки внесены в текст и обозначены звездочкой. Зачеркнутые или исправленные автором слова и предложения отмечены буквами русского алфавита и приведены после текста каждого письма. Комментарии составителей, обозначенные арабскими цифрами, также вынесены за текст каждого письма.

**Письма С. Н. Чернова С. Ф. Платонову
(Петроград, Саратов, 1915–1922 гг.)**

№ 1

[23 июня 1915 г.]

Многоуважаемый Сергей Федорович!

Вся вторая часть Тищенского сборника¹ (крупный шрифт арабской пагинации) прокорректирована и теперь, вероятно, уже напечатана. С третьей частью (мелкий шрифт) вышла задержка: в нашем распоряжении сейчас нет списка трудов Кондакова² — одной из последних работ Андрея Вячеславича³ (Мих[аил] Ал[ександрович] Полиевктов⁴ очень хорошо отзывается о ней и советует ее обязательно напечатать), а, кроме того, мы никак не сговоримся в вопросе о печатании словарных статей А. В., отнесенных именно на эту часть; к середине августа уладимся с задержкой (в типографии согласны подождать). Поэтому теперь было бы желательно приступить к печатанию первой части Сборника, т. е. статей об А. В. (крупный шрифт римской пагинации), которая, по мысли нашей, должна быть открыта Вами. Вот почему будет очень хорошо, если Вы теперь дадите своей статьей обещанный нам образ покойного, как человека и молодого ученого⁵. Свою статью направьте, пожалуйста, прямо в типографию, где о ней нами заявлено.

Из Петрограда я уехал только 13 июня, очень усталый. С дорогой и проездом я запоздал с этим письмом. Прошу извинить меня в этом.

Очень тяжело здесь, вдали от всякой возможности расшифровать телеграмму и проверить слух. Спасаясь «Русскими Ведомостями»⁶. Жду теперь Павла Григорьевича⁷, который, надеюсь, привезет хоть немного верных новостей.

Всего хорошего Вам. Ваш С. Чернов.

М[алая] Поливановка, Сар[атовской] губ[ернии]
1915. VI. 23.

P. S. В типографии сказали, что листы Сборника будут посылать Вам. Если понадобятся справки, мой адрес таков: Саратов, Приютская, 47.

С. Ч[ернов].

¹ Имеется в виду книга: А. В. Тищенко: Его работы. Статьи о нем. Пг., 1916.

² Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк византийского и древнерусского искусства, академик РАН (с 1917; академик Петербургской АН с 1898); с 1920 г. жил за границей.

³ Тищенко Андрей Вячеславович (1890–1914), историк и археолог. Призванный на военную службу, погиб 19 сентября 1914 г. После гибели А. В. Тищенко университетскими учителями и друзьями было задумано и осуществлено мемориальное издание, посвященное его жизни и творчеству, включающее публикацию трудов историка, а также аналитические статьи и воспоминания о нем С. Ф. Платонова, А. А. Спицына, В. В. Саханева, С. Н. Чернова и П. Г. Любомирова. Речь идет о последней работе А. В. Тищенко «К истории Колы и Печенги в XVI в. Несколько слов о роли Колы в торговле русского Севера в XVI в.» (Журнал Министерства Народного просвещения. СПб., 1913. Июль. С. 99–113).

⁴ Полиевктов Михаил Александрович (1872–1942), историк, профессор Петербургского (с 1917) и Тифлисского (с 1920) университетов. Автор трудов по внешней политике России, русско-грузинским отношениям. Издатель источников по истории народов Кавказа XIII–XVIII вв.

⁵ См.: *Платонов С. Ф.* Памяти А. В. Тищенко // А. В. Тищенко: Его работы. Статьи о нем... С. VII–VIII.

⁶ «*Русские Ведомости*» — одна из крупнейших российских газет, издавалась в 1863–1918 гг. в Москве. С 1870-х гг. орган либеральной интеллигенции.

⁷ Любомиров Павел Григорьевич (1885–1935), историк, краевед и архивовед, ученик А. Е. Преснякова и С. Ф. Платонова, профессор Томского (1917–1920) и Саратовского (1920–1930) университетов, член Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК) (с 1911). Автор трудов по социально-экономической истории России XVII–XX вв.

№ 2

5 июня 1916 г.

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

С благодарностью возвращаю Вам статью г[осподина] Орлова¹ и извиняюсь за промедление, в котором не я один, а и международный беспорядок и пароходная теснота виноваты. При чтении я натолкнулся на ряд опечаток, — из них я исправил опечатки в страницах (руководствуясь 2 изд[анием] XIII т[ома]²). — Статья мне понравилась в своей фактической части. Мне казалось бы, впрочем, что напад на такое словарное³ позачимствование, автор был бы должен посмотреть, им ли одним оно ограничивается и сказать об этом читателю: ведь важно было бы

выяснить, как знакомство с «Троянской историей»⁴ сказалось на построении повести, подбор фактов... С новым интересом перечитаю теперь повесть.

Всего хорошего Вам.

Глубоко уважающий Вас С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 3.

¹ Имеется в виду статья А. С. Орлова «Повесть кн. Катыврева-Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна», опубликованная в «Сборнике статей в честь Матвея Кузьмича Любавского» (Пг., 1917. С. 73–98). Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) – литературовед, академик АН СССР (1931), заместитель директора ИРЛИ (с 1931). Автор трудов о древнерусской литературе, а также о русской литературе XVIII–XIX вв.

² Имеется в виду «Сборник Русского исторического общества» (Т. 13. СПб., 1874).

³ Здесь и далее подчеркнуто С.Н. Черновым.

⁴ «Троянская история» – древнерусская повесть о Троянской войне, восходящая к латинскому роману «История разрушения Трои» (Historia destructionis Troiae), написанному в 70-х гг. XIII в. Гвидо де Колумна (Гвидо делле Колонне). См. подробнее: Троянские сказания: Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI–XVII вв. / Подгот. текста и ст. О. В. Творогова; Коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972 (сер. «Литературные памятники»).

№ 3

[12 декабря 1916 г., Петроград]

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

В минувшую субботу я обращался к Вам с просьбой военного содержания. Сейчас я вернулся от глазного врача – и прошу Вас не давать хода моей субботней просьбе: врач мне сказал, что, если бы зрение мое было в 2 раза лучше, чем оно есть, и тогда я не был бы взят.

Я очень благодарен Вам, Сергей Федорович, за ту отзывчивость, с которою Вы согласились помочь мне в моих трудных обстоятельствах, и очень извиняюсь перед Вами в своей прежвременной просьбе.

Глубоко уважающий Вас
и душевно Вам преданный С. Чернов.

Петроград, 1916. XII. 12.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 4.

№ 4

VI
22/[19]17

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Письмо, которое Вы мне дали в самом конце мая для г[осподина] Белокурова¹, у меня выкрадено позавчера вместе с паспортом и др[угими] бумагами при разгроме квартиры. Одновременно с сим я пишу о краже гг. Белокурову и Богоявленскому². Я очень прошу вас, Сергей Федорович, дать мне 2ое письмо к г. Белокурову (с новой датой или обозначением, что оно второе). Будьте добры или прислать его мне (Б[ольшая] Зеленина, 26^б, 20) или черкнуть мне, когда и как я могу его у Вас взять.

Здесь сейчас находится мой добрый знакомый П. Гр. Архангельский³ из Казани, уч[еник] г. Фирсова⁴. Он просит меня спросить Вас, когда и как ему можно повидать Вас (он свободен с понедельника).

Душевно Вас уважающий,

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 5.

¹ Белокуров Сергей Алексеевич (1862–1918), историк, археограф, член-корреспондент РАН (с 1917; Петербургской АН с 1903). Автор трудов и публикаций документов по истории России XV–XVII вв.

² Богоявленский Сергей Константинович (1871–1947), историк, архивист, член-корреспондент АН СССР (1929). Автор трудов по истории и археологии Москвы, архивному делу.

³ Архангельский Пётр Григорьевич (1884–1921), историк, профессор Казанского университета.

⁴ Фирсов Николай Николаевич (1864–1934), историк, профессор Казанского университета (с 1903). Автор трудов по истории российского города, торговли и промышленности XVIII в., народных движений XVII–XVIII вв., революционного движения XIX в., истории народов Поволжья.

№ 5

Саратов. 1918, авг[уста] 13, веч[ер].

Глубокоуважаемый Сергей Федорович!

Это письмо пишу и отправляю одновременно с другим, касающимся архивных дел, но с другим лицом. В нем хочу несколько рассказать о своих делах.

В Москву я пока не вернулся и не знаю, вернусь ли. Тому причиною, во-первых, болезнь вскоре по прибытии, во-вторых, боязнь остаться в Москве перехватом пути. Эта боязнь — не трусость; она идет из того, что в случае беды я нужный человек в семье, уже принявшей горе от новой власти¹. Да не покажется Вам странною эта боязнь, не вернуться за перехватом пути! Мы живем близко от «событий», мы в центре обороненного нашего края, охваченного почти замкнутым кольцом, мы — в мешке. Вы знаете, что идут бои за обладание линией Балашов — Камышин, что занят Хвалынский и часть Вольского уезда². Все это от нас отделено немногими часами езды. Но у нас нет никаких газет, кроме Советских: таковы и свои и чужие, — в них же, конечно, ничего кроме того, что пожелает сообщить власть. Вот почему мы почти ничего не знаем. И раз нет верных сведений, есть слухи. Их много этих слухов, и все они идут от «верных людей» и из «хороших источников», а иные и от «очевидцев». Иногда наберешь их такой букет противоречий, что становится весело: особенно хороши слухи от очевидцев. Так что и здесь ничего не узнаешь! Приходится исходить из прежде бывших фактов, примеров Симбирска и Казани — и бояться ехать в Москву.

Может быть, я бы все-таки уехал в Москву — на риск, если бы не наладилась как-то подготовка к моим курсам. Их у меня в Университете два — 1. История России до к[онца] 14 в[ека] и 2. Церковно-политические отношения в Московском государстве к[онца] 15 — н[ачала] 16 вв. Возможно, что кроме них придется вести практические занятия — тогда, вероятно, возьму чтение и разбор источников, относящихся до ранней истории Среднего и Нижнего Поволжья. Какой просеминарий буду вести на курсах, еще не знаю. Если состав окажется подходящим, то возьму тему соответственно специальному курсу в Университете. Но рассчитывать на это трудно. Помянутую выше часть общего курса буду читать и там. Сегодня получил повестку из Экономического Института³ с приглашением на заседание конференции И[нститу]та, подтверждающую, видимо, частные сведения о привлечении меня в число ее преподавателей. Там надо читать 19 век — и я не знаю еще, возьмусь ли я за это. Правда, я усердно занимался одно время 20–50 гг., т[ак] ч[то] у меня есть некоторый опорный

пункт для такого курса, но сейчас мои интересы в 16 в[еке] и по соседству с ним, а по 19 [веку] я даже почти не читаю, — поэтому курс потребует от меня большой работы, а времени нет, потому что надо не только готовиться к курсам и занятиям, а и писать. Я еще не знаю, во что выльется то, что я хочу писать кусочек из специального курса. Не упомянул еще о двух работах, которые я имел смелость взять и не знаю, как при теперешних условиях сумею выполнить. Это биографические характеристики для «Огней»⁴ — Б. А. Голицына⁵ и В. П. Кочубея⁶. В свое время я писал биографии обоих для Брокгауза⁷ (первая была страшно покалечена, — кажется, вплоть до имени, костоправом Арсеньевым⁸) — и они меня прельстили: казалось таким заманчивым изложить на широком фоне современной им политической и культурной жизни дела и дни обоих. Кажется, что за предложение сотрудничать в этой серии Огней я должен благодарить Вас? Если так, то очень благодарю Вас⁹.

Кончаю письмо, Сергей Федорович, просьбою поддержать нашу смету и наши соображения об учреждении в Саратове Областного Управления Архивным Делом, изложенные в Записке А. А. Гераклитова¹⁰, поклон которого, по его просьбе, Вам передаю. От меня поклон Надежде Николаевне¹¹.

Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 6–7об.

¹ Речь идет о семейных невзгодах, связанных с арестом и тюремным содержанием в марте и августе 1918 г. отца С. Н. Чернова — Николая Дмитриевича Чернова (1847–1920). См. об этом подробнее: *Андреева Т. В., Соломонов В. А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А. Н. Цамутали. Саратов, 2006. С. 138–142.

² «Майские события 1918 г. в Саратове наглядно продемонстрировали стремление антибольшевистского подполья перейти в Поволжье к активным действиям. Политическим его авангардом выступали правые эсеры, сформировавшие в Самаре из бывших членов Всероссийского учредительного собрания своеобразный центр (Комуч). Однако реальную военную силу составляли правые элементы, прежде всего монархически настроенное офицерство. <...> Среднее и Нижнее Поволжье занимало особое место в политических замыслах этих сил, поскольку здесь среди населения весьма значительный удельный вес занимало крестьянство, в том числе и зажиточное. Имелись и соображения стратегического характера <...>».

В конце июня 1918 г. Народная армия и чехословаки взяли Балаково, а 1 июля был захвачен Вольск, где накануне произошло восстание местного кадетского корпуса и гимназистов. <...> 11 июля <...> войска Комуца вынуждены были оставить Вольск и Балаково.

Однако эта победа советских войск оказалась временной. В сентябре 1918 г. Вольск вновь оказался в руках противника. Еще раньше чехословацкие легионеры и Народная армия взяли Хвалынский. Только в середине сентября 1918 г. саратовские власти, сконцентрировав в этом районе значительные силы, окончательно отбили у противника Вольск и Хвалынский» (Гончаров А. В., Данилов В. Н. Саратовское Поволжье в период гражданской войны (1918–1921 гг.): Саратов, 2000. С. 29–30, 34–35).

³ Экономический институт в Саратове был открыт в сентябре 1918 г. В июле 1920 г. был преобразован в Промышленно-экономический, в августе того же года — в Институт народного хозяйства. В 1923 г. он вошел в состав Саратовского университета в качестве факультета права и хозяйства и оставался в таком качестве до 1931 г.

⁴ «Огни» — акционерное издательское общество, действовавшее в Петербурге-Петрограде с 1909 по 1922 г.

⁵ Голицын Борис Алексеевич, князь (1654–1714), дядька-воспитатель Петра I. Руководитель приказа Казанского дворца (1683–1713) и Иноземного приказа (1683–1710).

⁶ Кочубей Виктор Павлович (1768–1834), государственный деятель и дипломат, князь (1831), почетный член Петербургской АН (1818). В 1801–1803 гг. член Негласного комитета. В 1802–07 и 1819–23 министр внутренних дел. С 1827 г. председатель Государственного совета и Комитета министров.

⁷ Речь идет об одноименных статьях С. Н. Чернова, опубликованных в «Новом энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона» (Т. 13. Стлб. 917–918; Т. 23. Стлб. 27–29).

⁸ Арсеньев Константин Константинович (1837–1919), публицист, юрист, земский деятель, почетный академик Петербургской АН (1901). С 1866 г. сотрудник, в 1909–1916 гг. редактор журнала «Вестник Европы», главный редактор «Энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.

⁹ Задуманные издательские проекты С. Н. Чернову осуществить не удалось.

¹⁰ Аналогичная просьба С. Н. Черновым была тогда же озвучена и в его письме к члену Совета Союза архивных деятелей и заведующему I отделением IV секции Единого государственного архивного фонда А. С. Николаеву: «Вместе с этим моим письмом Вам едут в Петроград выработанные в Саратове Архивной Комиссией и прошедшие в местном Совнаробре (Совете народного образования. — Т. А., В. С.) (а частью и в Исполкоме) смета на Саратовский губернский Центральный Архив и соображения касательно образования Саратовского Округа по управлению Архивным Делом. Не-

которые дополнительные соображения к этим документам изложены уполномоченным Главного Управления Александром Александровичем Гераклитовым в официальном письме на имя [Д. Б.] Рязанова и мною в частном письме на имя Сергея Федоровича [Платонова] и вместе с этими документами и настоящим письмом едут в Петроград».

«К моему сожалению, — замечал далее С. Н. Чернов, — я не успел и не успею изложить Вам наши соображения к посылаемым бумагам. Может быть, Вы сочтете возможным ознакомиться с ними по отправленным с вышеупомянутым письмом Гераклитова — Рязанову и моему — Платонову?»

Большая просьба к Вам поддержать наши смету и соображения. В смете есть сравнительно с тем, что Вы говорили в Москве, лишки, но они вызываются тем хаосом, который в архивной части у нас царит и который я обрисовывал в записке, читанной мною в Главном Управлении и переданной Вам. Поддержите и эти лишки, Александр Сергеевич!» (Письмо С. Н. Чернова А. С. Николаеву от 16 августа 1918 г. // ГА РФ. Р-7798 (А. С. Николаев). Оп. 1. Д. 57. Л. 1–2. Опубл.: Андреева Т. В., Соломонов В. А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. С. 151–152).

Гераклитов Александр Александрович (1867–1933), историк, палеограф и архивовед, профессор Саратовского университета (1928–1930), член СУАК (с 1908). Автор фундаментального труда по истории Саратовского края «История Саратовского края в XVI–XVIII веках» (Саратов, 1923). О нем см.: Кузнецова Ю. А. Александр Александрович Гераклитов: Материалы для биографии // Учен. зап. СГУ. Вып. научной библиотеки. Саратов, 1959. С. 117–127; Попкова Н. А. Александр Александрович Гераклитов // Гераклитов А. А. Воспоминания / Подгот. текста, публ., коммент. и вступ. статья Н. А. Попковой. Саратов, 2004. С. 5–25.

¹¹ Платонова (урожд. Шамонина) Надежда Николаевна (1861/62–1928), жена С. Ф. Платонова.

№ 6

21 марта 1919 г. Ут[ро].
Саратов.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Обращаюсь к Вам с нижеследующею просьбою. С 25 фев[раля] нов[ого] стиля у нас объявлен конкурс на вторую профессуру по русской истории для специалиста по древней, т. е. допетровской. Пока подано только одно заявление, по формальным основаниям неприемлемое — В. Н. Строева¹. Других заявлений нет. Конец подачи заявлений — около 25 апр[еля] нов[ого] ст[иля].

На этих днях В. Ив. Веретенников² и я столкнулись на том, чтобы писать в Петроград к петроградским русским историкам с

просьбою помочь нашему горю. Выяснилось при этом — правда, мельком, — что Вас[илий] Ив[анович] не возражал бы против кандидатуры А. И. Заозерского³. В силу этого я уже написал милому А[лександр] И[вановичу], побуждая его выставить сюда свою кандидатуру. Не имею, к сожалению, твердых оснований рассчитывать, зная трудноподъемность и привязанность к Петрограду А[лександра] И[вановича], что он соблазнится моими уговорами.

А посему обращаюсь к Вам, Сергей Федорович, с просьбою со своей стороны воздействовать словом учителя на А[лександра] И[вановича]. Трудно рассказать мне Вам, как я был бы рад его сюда приезду и Вам признателен за содействие, о котором прошу. Вы хорошо знаете нашу компанию, Сергей Федорович, знаете, как мы дружно и, если так выразиться можно, «стадом» жили, все делали сообща и с совета друг с другом принимали всякое решение. И вот теперь я здесь один. Правда, здесь есть хорошие и даже, как бесконечно милый Н. Н. Дурново⁴, очень хорошие люди, но эти люди все же не своего круга: Н. К. Пиксанов⁵ — юрвец и словесник, Н. Н. Дурново и Ф. В. Баллод⁶ — москвичи, славный Е. Н. Петров⁷ по прошлому ближе других, но я с ним был довольно далек в Университете и посему имею очень мало общего. Ал[ександр] Ив[анович] привез бы сюда «Петроград»... Наконец — уже совсем эгоистически — я был бы рад ему здесь и потому, что было бы с кем в вопросах работы совет держать. С В[асилием] Ив[ановичем], несмотря на все вежливости, я очень далек, Бутенко⁸ совсем почти — за вычетом маленького уголка — иных интересов, чем я, и как-то мне спорен, Петров и здесь ближе других, но все же довольно далек интересами. Ближе из всех и в смысле отношений, и для совета, конечно, А. А. Гераклитов, наш поистине мудрый старик, — но он, к сожалению, не знает многого⁹. Вот и по всему этому я был бы Ал[ександру] Ив[ановичу] искренне рад. Но я не только эгоист, Сергей Федорович. Ведь нельзя не сознаться, что лицо, занимающее у нас кафедру русской истории сейчас, во-первых, очень узкий специалист, несмотря на в общем широкое образование, а во-вторых, весьма плохой ректор, аудитория у которого униженно для русской истории мала. Кроме того и не касаясь прочего, он очень робок в своих ученых мнениях и как-то избегает

конструкций¹⁰. Вот мне и кажется, что Ал[ександр] Ив[анович] чрезвычайно удачно восполнил бы недочеты настоящего положения. У него богатые познания в разных областях предмета и такие же широкие интересы, он, сколько знаю, хороший, чтобы не сказать больше, лектор, не робок в выводах и не уклоняется от конструкций (м[ожет] б[ыть], даже грешит перегибом). Я был бы рад ему здесь и за наше студенчество. Помню отзывы об Ал[ександре] Ив[ановиче] в Петрограде с Курсов и в Университете, уверен, что он привлечет к русской истории многие и многие умы и сердца. Особенно мне памятливы отзывы об нем, как о руководителе практических занятий¹¹. Вас[илий] Ив[анович] ведет их очень удачно, но он боится отойти и отвести их участника от чудной книжки и источника — по крайней мере, м[ожет] б[ыть], пока. Ал[ександр] Ив[анович] выведет их к историческому построению и — сам в этом деле опытный — смело будет руководить молодежью. Наконец, Ал[ександр] Ив[анович] очень эмоционально настроенный человек и сумеет заставить любить наше прошлое. По сем здесь изложенным и некоторым иным соображениям я буду весьма и весьма приезде сюда Ал[ександра] Ив[ановича] рад и Вам за содействие к его приезде признателен. Я знаю, что его может смущать вопрос книжный, — и я ему писал, что все книги у нас здесь есть и древней русской историей, во всяком случае, заниматься можно.

Если же дело с Ал[ександром] Ив[ановичем] — обращался к нему я лично от себя и Вас о нем прошу тоже лично от себя, только узнав, что Вас[илий] Ив[анович] не будет противиться его кандидатуре — за его отказом не выйдет, буду Вас очень просить побудить какое-нибудь достойное лицо подать сюда заявление и не отказать ему в рекомендации. В частности я думал бы, не рискнуть ли тогда Павлом Григорьевичем [Любомировым]?

С просьбою о содействии обращаюсь в Петроград, кроме Вас, к С. В. Рождественскому¹², А. Е. Преснякову¹³, А. А. Спицыну¹⁴, М. А. Полиевктову и М. Д. Приселкову¹⁵. Всем им сообщаю о своем письме к Заозерскому. Итак, Сергей Федорович, помогите и развеите своим содействием нашу мглу.

О своих делах, что писать? Плохо в смысле отца, который сидит уже послезавтра 3 месяца¹⁶, и в смысле здоровья, которое по-прежнему шалит по временам. Поэтому и работается плохо.

Поклон Надежде Николаевне.
Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 8–9 об.

¹ Строев Василий Николаевич (1873–1931), историк, приват-доцент Петербургского университета (с 1902), служил в Государственном архиве и Канцелярии Государственного совета. С 1924 г. жил и работал в Берлине.

² Веретенников Василий Иванович (1880–1942), историк, архивист, профессор Саратовского (1917–1920) и Харьковского (1920–1930) университетов.

³ Заозёрский Александр Иванович (1874–1941), историк, преподаватель Высших женских (Бестужевских) курсов (1910–1918), профессор Петербургского университета (с 1917). Автор трудов по социально-экономической истории России XVII–XVIII вв.

⁴ Дурново Николай Николаевич (1876–1937), филолог-славист, член-корреспондент АН СССР (1924), профессор Саратовского университета (1918–1920).

⁵ Пиксанов Николай Кириакович (1878–1969), литературовед, член-корреспондент АН СССР (1931), профессор Саратовского (1917–1921), 1-го (1921–1925, 1944–1948) и 2-го (1925–1929) Московского, Ленинградского (1932–1942, с 1948) университетов, заведующий РО ИРЛИ (1932–1935).

⁶ Баллод [Balodis] Франц Александр Владимир [Франц Владимирович] (1882–1947), археолог, историк и искусствовед; профессор, заведующий кафедрой теории и истории искусств историко-филологического факультета Саратовского (1918–1924) и Московского (с 1924) университетов. Позже в качестве профессора археологии и древней истории он был приглашен в Латвийский университет, откуда в 1940 г. эмигрировал в Швецию.

⁷ Петров Евгений Николаевич (1888–1942), историк и историограф, профессор Саратовского (1920–1921) и доцент Ленинградского (с 1933) университетов.

⁸ Бутенко Вадим Аполлонович (1877–1931), историк и историограф, приват-доцент Петербургского (с 1907), профессор Саратовского (1917–1928) университетов, заведующий Радищевским музеем в Саратове (1923–1928), член СУАК (с 1917).

⁹ Спустя несколько лет, характеризуя ученую деятельность А. А. Герклитова, С. Н. Чернов писал: «Если <...> перейти к общим замечаниям о нем, как ученом, то нельзя не отметить, во-первых, его большой разносторонности. Историк края и в частности одной из его национальностей, он прекрасно ориентирован в широкой области вспомогательных исторических дисциплин; а в этой широкой области он выступает с работами и по архивоведению, и по палеографии, и по сфрагистике, и по нумизматике, и по геральдике, и по генеалогии, и по метрологии; сверх того, он историк

книги и книгопечатания. Во-вторых, следует отметить его большую самостоятельность перед чужим ученым мнением и установившееся стремление искать опору своему в новом материале. В-третьих, большую тщательность в изучении и исторического источника, и исторического факта. В-четвертых, очень осторожный, можно сказать скептический, подход ко всякому источнику. Я бы сказал, что в изучении своего источника — при его интерпретации и критике — он иногда выступает мастером большого калибра. В-пятых, остроумие в подборе источников и приемов к построению исторического факта. При этом следует иметь в виду, что А. А. Гераклинову наиболее удаются исследования по исторической географии и истории колонизации <...>; но вопросы общей культуры, видимо, меньше интересуют автора. В этом смысле чрезвычайно показательным, что его “курс” остановился там, где его изложение должно вестись в широких рамках более общих вопросов и более прочных связей с общим русским историческим процессом. За то в сложных и трудных специальных вопросах с контрвопросами ученых мнений и недостатком источников он опять выступает большим мастером...» (*Чернов С. Н.* Отзыв об научных работах доцента Саратовского Государственного им. Н. Г. Чернышевского Университета А. А. Гераклитова. [Саратов], 20 мая 1927 г. Машинопись // Архив СГУ. Д. 28 (А. А. Гераклитов). Л. 57–57 об.).

¹⁰ В. И. Веретенников, возглавлявший с 1917 г. кафедру русской истории Саратовского университета, по мнению С. Н. Чернова, некоторых его коллег и даже студентов, не только не соответствовал своему административному статусу, но как ученый и человек был не профессионален и крайне беспринципен. Его научный конформизм губительно сказывался на авторитете заведующего и наносил вред популярности кафедры.

¹¹ Из воспоминаний С. Ф. Айнберг-Загряцковой: «А. И. Заозерский преподавал на Бестужевских курсах с 1910 года до конца их существования. За эти годы он провел целый ряд просеминариев и семинариев на разные темы. Постепенно центр его внимания переносился на семинарские занятия. Тематику служили основные вопросы русского исторического процесса. Тут было и происхождение крепостного права, и формы землевладения в донпетровской Руси, и верховное управление в Московском государстве XVI–XVII веков, и петровские преобразования. Несколько особняком стояла тема (1912/13 учебный год) “Судебник царя Федора Иоанновича”. При изучении этого интересного памятника русского права во всем блеске проявился аналитический дар преподавателя, его способность сосредоточиваться на основном и существенном, его умение связывать юридические нормы с социально-экономическими условиями породившей их эпохи. <...>

А. И. Заозерский принадлежал к лучшей части профессорско-преподавательского состава историко-филологического факультета в целом и группы русской истории в частности. Научно-исследовательская работа была его жизнью, а преподавательская деятельность — возможностью передать свои знания и свою любовь к науке молодому поколению.

Обладея аналитическим и в равной мере синтетическим умом, А. И. Заозерский, подвергнув первоисточники строгой критической оценке, умел по-своему интерпретировать их и делать свои собственные научные выводы» (*Айнберг-Загряцкова С. Ф.* Постановка практических занятий у А. И. Заозерского // Санкт-Петербургские Высшие женские (Бестужевские) курсы (1878–1918 гг.). Сб. статей / Под ред. С. Н. Валка, Н. Г. Сладкевича, В. И. Смирнова, М. Л. Тронской. Л., 1965. С. 191).

¹² Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934), историк, член-корреспондент РАН (1920), АН СССР (1925). Автор трудов по социально-экономической и политической истории России XIV–XVII вв.

¹³ Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929), историк, член-корреспондент РАН (1920), АН СССР (1925). Автор трудов по истории древнерусского государства и права, землевладения на русском Севере, политической истории XIX в. и революционного движения, летописания.

¹⁴ Спицын Александр Андреевич (1858–1931), историк и археолог, член-корреспондент АН СССР (1927), профессор Петербургского университета (с 1909), сотрудник РАИМК (с 1926), член АК (с 1892).

¹⁵ Присёлков Михаил Дмитриевич (1881–1941), историк и источниковед, профессор Петроградского-Ленинградского университета (с 1918, 1936–1941). Автор трудов по истории Киевской Руси, древнерусскому летописанию.

¹⁶ Речь идет о третьем по счету аресте и тюремной изоляции Н. Д. Чернова в декабре 1918 г.

№ 7

[27 декабря 1919 г. Саратов]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Я как-то получил от Бориса Александровича Романова¹ письмо, в котором он описывал свои, товарищей и учителей продовольственные беды. Через несколько времени у меня получилась возможность отправить в Петроград одну посылкою больше, чем я туда отправлял, и, так как Борис Александрович определенно указывал, что Вы испытываете затруднения с продовольствием, я направил ее Вам². Мне будет очень радостно, если она хоть на немного разгонит эти затруднения или хоть несколько, правильнее говоря, их смягчит. Я мог бы по временам и впредь направлять Вам маленькие сухарные посылки — но при одном условии: возвращения укупорки, т. к. я исчерпал весь бывший дома укупорный материал, а добывание его на стороне связано со значительным удорожанием посылки и немалой, сверх того, возни, т. к. у нас в Саратове частной торговли нет,

кроме как пайком и на толкучке, где продается все, но не всегда все, и где именно мешочки для посылок являются большой редкостью, ибо, по-видимому, все мешочки или почти все из Саратова уехали на фронты и на голодающий Север.

На моем домашнем небосклоне, сурово заволоченном тучами, небольшое, м[ожет] б[ыть], временное прояснение. Стало легче дышать и больше работать. Впрочем, насчет работы приходится говорить, да оговариваться. Мы зверски уплотнены в кару за наше буржуйство; в тесном кругу, в который мы сдавлены, не на всякую работу хватает места и сил. Вот почему летом тетрадки остаются нераскрытыми и над темами их идет одна — и то обрывками и урывками — работа в мыслях.

Должен сказать, впрочем, что и педагогическая деятельность отнимает время от ученой работы. У меня 12 часов — 8 в Университете и 4 в Педагогическом институте (по новейшему Институт Народного Образования³). Эти 12 учебных часов различаются очень значительно от тех, которые уходят на всякого рода заседания; в отношении заседаний хуже положения историков, по крайней мере у нас, нет, ибо они сидят и в Филфаке (истор[ико]-фил[ологический] фак[ультет]), и в Факоне (Фак[ультет] Обществ[енных] Наук), и в Колпропрепистоте (Коллегия Проф[ессоров] и преп[одавателей] Истор[ического] отд[еления]). В Факоне сидят по обязанности все через него проводят. В Филфаке — по внутреннему чувству и определенному желанию Филфака, чтобы вся деятельность отделения протекала через него. В Колпропрепистоте — по необходимости прийти и в Филфак и в Факон с выработанными проектами, ибо от первого мы официально ушли, а ко второму по существу не пристали⁴. Вы легко представите себе, Сергей Федорович, как все это трудно и сколько утягивает времени.

Что касается преподавания, то в Университете оно у меня сложилось так: 2 ч[аса] курс по Исторической Географии до конца 17 в., 2 ч[аса] спец[иальный] курс «Митрополит Даниил⁵ и преп[одобный] Максим Грек⁶», 2 ч[аса] практ[ических] зан[ятий] по вопросам Религиозного движения в Московском Государстве в конце 15 — начале 16 в., 2 ч[аса] практ[ических] зан[ятий] по разбору донесений следственной Комиссии о декабристах. Первый курс движется очень медленно — я еще во

Введении и не знаю, когда и как выберусь из него; думаю после праздников ходатайствовать перед факультетом об увеличении часов до 4, что по существу неудобно, как мне представляется, ибо курс по Истор[ической] Геогр[афии] у нас обязателен; это неудобство предполагаю обойти увеличением его на деле, а не по форме путем устройства необязательных и незачетных практических занятий по Истор[ической] Геогр[афии] до Петровского времени. Второй курс идет тоже медленно, но я и не чувствую по нему себя обязанным дать все, что вытекает из его заглавия и моих обещаний, — по крайней мере в такой степени, как чувствую себя обязанным по первому курсу. Пока сосредотачиваю внимание на устройстве Русской Церкви, как социально-политического института, в 15 — к началу 16 в. На изучение ее, как такого рода Института, предполагаю развернуть изложение деятельности Митрополита Даниила и Максима Грека. Ни я, ни, думаю, слушатели (их немного, но подбор очень хороший) — никто из нас не останется в проигрыше, по крайней мере крупном, оттого, что курс разрастется на два года, если это разрастание и вообще-то случится. Что касается практических занятий, то первая группа, по древней истории, сосредотачивает свое изучение на ереси жидовствующих; пока проделываются, впрочем, некоторые подготовительные занятия к чтению и разбору соответственных текстов. Вторая группа практических занятий, по новой русской истории, изучала происхождение, сейчас изучает состав следственной Комиссии о декабристах; вскоре после праздников перейдет к чтению Донесения и разного рода работам по нему и вокруг него. Как Вы из изложенного легко усмотрите, и в курсах и в практических занятиях у меня замечается некоторая запоздалость по сравнению с тем, что обычно проделывается к Праздникам и новому семестру. Конечно, это объясняется в значительной мере моею преподавательскою неопытностью и некоторою увлекательностью, по которым я иногда начинаю и себя и слушателей тем, на что обычно преподаватель внимания не обращает. Но кроме сего, запоздалость моих курсов и занятий объясняется и тем, что занятия в истекающем семестре начались в нашем У[ниверсите]те позже обычного. Занятия в Педагогическом Институте начались еще позже, чем в У[ниверсите]те, и запоздалость у меня тем еще значительнее.

Читаю там тот же курс Исторической Географии; практические занятия веду по чтению Записок декабриста И. Д. Якушкина⁷; подготовительные беседы к нему уже заканчиваются в эту пятницу и после Рождества начнем их читать — очень элементарно, ибо занятия предназначены для I курса.

Внешним выражением ученой домашней работы, от которой оттягивают и уплотнение и педагогика (и, добавлю, адский холод в библиотеке, где абсолютно не топят⁸), был довольно большой доклад в Исторической Секции нашего Университетского Философско-Исторического Общества⁹, посвященный некоторым вопросам изучения «Руси в 9 веке» — заглавие и содержание, как видите, подсказал Пархоменко¹⁰.

Что касается короткого праздничного перерыва, то боюсь, как бы его весь, целиком не съели подготовительные по педагогике занятия. Впрочем, еще питаю некоторые надежды «урвать» что-нибудь от него для завершения доклада-статьи о Судном Списке, как источнике для научного воссоздания собора-суда над Максимом Греком¹¹.

Хороших Праздников и всего вообще хорошего Вам, глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович.

Ваш С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 11–13 об.

¹ Романов Борис Александрович (1889–1957), историк, ассистент, доцент (1919–1927), преподаватель, профессор (1944–1957) Петроградского — Ленинградского университета, сотрудник, действительный член ИИ РАНИОН, Института марксизма при Коммунистической академии (1921–1929), ст. науч. сотрудник ИИМК (с 1941) и ЛОИИ (1944–1957). Автор трудов по истории Древней Руси, внешней политике, русско-японской войне, финансам России конца XIX — начала XX вв. См. о нем: *Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов*. СПб., 2000.

² Наряду с данным утверждением сохранилось письмо дочери С. Ф. Платонова, из которого видно, что их семья менее всего пострадала от голода: «Мы не голодали, но зябли, пока не применились к местным условиям не поставили <...> железную печку с трубой» (Цит. по: *Панях В. М. Творчество и судьба историка... С. 61–63*).

³ 9 декабря 1918 г. на базе существовавшего в Саратове с 1913 г. двухгодичного учительского института был создан Педагогический институт, в следующем году переименованный в Институт народного образования. В апреле 1922 г. он стал факультетом Саратовского университета (Культур-

ное строительство в Саратовском Поволжье: Документы и материалы. Ч. 1. 1917–1928 гг. / Сост. Г. А. Малинин, З. Е. Гусакова. Саратов, 1985. С. 265).

⁴ О внутрифакультетской напряженности в Саратове сообщалось также в письме Н. К. Пиксанова С. Ф. Платонову от 10 октября 1920 г.: «За его (С. Н. Чернова. — Т. А., В. С.) отсутствие в нашем кляузном факультете изготовлена новая гадость: историки лишены права посещать его заседания — под предлогом отсутствия якобы “поручения”. После этого эпизода я подсчитал, в скольких высших учеб[ных] заведениях я преподавал; оказалось — в 9-ти. И вот, нигде я так тяжело не чувствовал себя как в филологич[еском] ф[акультете]те Саратов[ского] Унив[ерсите]та. Чем дальше, тем это невыносимее. Хочется бежать куда угодно, в Томск, в Пермь, в Кострому. Как о чем-то виденном во сне вспоминаю о прежней работе в Петрограде, хотя там был не больше как “преподавателем” или приват-доцентом. Постоянно ищу мыслью, куда бы деться, и, право, петроградское и московское недоедание ничто перед тяготами факультетских интриг в Саратове» (ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3816. Л. 9 об.).

⁵ Даниил (?– после 1539), митрополит московский, ученый богослов XVI в.

⁶ Максим Грек (в миру — Михаил Триволис) (ок. 1475–1556), публицист, богослов и переводчик, монах православного Вадопедского монастыря (с 1505).

⁷ Якушкин Иван Дмитриевич (1793–1857), отставной капитан, один из основателей Союза спасения, член Союза благоденствия (участник Московского заговора 1817 г., Петербургского совещания 1820 г., Московского съезда 1821 г.).

⁸ В воспоминаниях профессора А. А. Гераклитова имеется любопытная запись, характеризующая тогдашнюю жизнь университета: «В 1919 г., при праздновании десятилетия нашего университета, ректор [В. Д.] Зёрнов держал торжественную речь во фраке и... в серых валенках. Правда, в нетопленной аудитории был адский холод, и я, например, сидел в старом, еще деревенском полушубке. Но все же фигура почтенного ректора была довольно комичной» (*Гераклитов А. А. Воспоминания...* С. 111).

⁹ Философско-историческое общество при Саратовском университете было основано в январе 1918 г. Первое собрание его состоялось 24 марта 1918 г., на котором были выбраны председатель общества — декан историко-филологического факультета, профессор философии С. Л. Франк, два товарища (заместителя) председателя — профессора В. А. Бутенко и В. И. Веретенников, а также секретарь общества — профессор В. М. Жирмунский. В целях более глубокого изучения той или иной области гуманитарного знания 23 февраля 1919 г. при обществе были образованы историческая и лингвистическая, а 9 марта того же года и историко-литературная секции (См.: Отчет о деятельности историко-филологического факультета Саратовского университета за 1917–1919 гг. / Публ. А. И. Авруса и З. Е. Гусаковой // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Саратов, 2001. Т. 1. Вып. 1. С. 23–24).

¹⁰ Пархоменко Владимир Александрович (1880–?), историк, специалист по истории Руси IX–X вв.

¹¹ На эту тему С. Н. Чернов опубликовал две работы: «К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком» (Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 48–71) и «Заметки о следствии по делу Максима Грека» (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 109–117).

№ 8

22.II.[1]920. Саратов.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Вчера получил Ваше письмо с известием, что наши сухари добрались до Вас, и весьма этому порадовались. Через несколько времени будет можно послать Вам их еще, а сейчас спешно готовим их А. Е. [Преснякову], о котором Вы пишете, что он «сдаст». Но когда то они до него доберутся!? Жена Павла Григорьевича¹ получила от него телеграмму без ясной даты (видимо, от 23 дек[абря]); в ней пишет, что здоров. Один из родичей жены П[авла] Г[ригорьевича]² попал в Томск, виделся с П[авлом] Г[ригорьевичем] и сумел уведомить ее об этом телеграммою же. Ждем новых вестей. Сынишка П[авла] Г[ригорьевича]³ — прелесть. Всего лучшего.

Ваш С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 14.

¹ Любомирова (урожд. Березова) Екатерина Фёдоровна (1887–?), жена П. Г. Любомирова.

² Идентифицировать личность этого человека не удалось.

³ Любомиров Игорь Павлович (1915–?), сын П. Г. Любомирова.

№ 9

Саратов. 1920, апр[еля] 11, 4 ч[аса] дня.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

На днях я получил от Бориса Александровича письмо с сообщением об избрании Вас в академики. Испытываю и продолжаю испытывать радостную гордость от этого нового увенчания Вас. Приношу Вам сердечное поздравление с этим давноожиданным нами лавром.

В таких случаях формально сухое поздравление всегда хорошо согреть теплотою чувства. Отлично понимаю это, — но все

в силах сделать этого пером. Знаю, что Борис сделал это устным словом, и уверен, что сделал отлично.

Мне бы хотелось только отметить здесь одно, — это то, что испытывает в длительной разлуке с Вами Ваш ученик. Ведь, что греха таить, дорогой Сергей Федорович, все мы были и остаемся в Вас влюблены. Для многих из нас Вы были и первую к тому же любовью... В нашем к Вам отношении влюбленность не была единственным чувством: с ней в нашей душе переплеталось другое, которое я условно назову чувством робости. Оно проистекало не из каких-либо Ваших — для нас тяжелых — качеств, а было результатом ясного осознания нами глубокой пропасти, отделяющей от Вас каждого из нашей среды. Оно диктовалось интимно-внутренним сознанием и не исчезало оттого, что Вы были всегда с нами и просты, и приветливы и всегда и во всем, в чем могли, были готовы нам помочь. Отсюда некоторая, конечно, Вами не раз подмеченная, неровность в нашем отношении к Вам.

В невольной и длительной разлуке с Вами (для меня она скоро будет двухгодичной) стирается как-то невольно это чувство «робости». Влюбленность остается властительницей души. Получается тяга к свиданию: хочется видеть Вас, говорить с Вами, упиться Вашею изящною, простой и вместе сочной речью... Видишь Вас во сне или во сне думаешь о предстоящем с вами свидании. Частый сон — Петроград; Вы в этом сне — гвоздь.

Вы — как сосуд, наполненный крепким и добрым старым вином. Только сосуд особенный — недопиваемый, такой, которого до дна не допьешь никакою силой. Вечно творится в Вас чудо в Кане Галилейской¹ — и не убывает в Вас это крепкое и доброе старое вино. Есть люди — и умные и знающие, но неведомая сила к ним не влечет, ибо после немногих встреч или бесед вычерпаешь до дна все содержание их ума и сердца: в них не творится чуда в Кане Галилейской. Вы — не таков, ибо Вас не исчерпаешь, ибо Вы — недопиваемый сосуд, ибо чудо в Вас совершается непрестанно.

И какое вино мы пили и пьем, и еще долго будем пить от Вас — это крепкое и доброе старое вино!.. Как оно чудесно бодрит и возбуждает, как оно всю душу наполняет молодым и бурным порывом! Да здравствует этот прекрасный напиток!

Здесь вдали от Вас, в невольной трезвости испытываю желание Вашего вина. Оно подкрепит и возбудит к работе, сохранит силы. Надеюсь на него и жду его.

Продолжение моего письма — скучная проза. В среду я отправил Вам посылку с сухарями — на этот раз сплошь черными. Я не рискнул купить белого хлеба и засушить сухарей из него, ибо цены со времени той посылки сильнейшим образом скакнули вверх; добавлю к этому, что та посылка в белой части была сделана из материалов, случайно приобретенных по цене более дешевой, чем на базаре: у знакомого крестьянина. «Укупорка» той посылки еще не пришла сюда; было бы хорошо, если бы Вы выслали укупорку и этой. *Деньги не беспокойтесь высылать, ибо я рассчитываю, хоть и не уверен в этом, побывать на вакате² в Петрограде³*. Командировка моя прошла в Факультете, но не знаю, как дело обернется в Правлении с финансовой частью: этот сюжет меня сейчас очень беспокоит, ибо, как говорят, в Правлении на командировки (научные), под которые якобы не подведено прочного фундамента законоположений, смотрят довольно косо. Но авось, как-нибудь дело образуется: в командировках так много людей заинтересовано, что кто-нибудь и что-нибудь придумает.

Вчера окончательно оформилось дело с объявлением конкурса на вакантную профессию по русской истории. Объявления о конкурсе уже посланы и, вероятно, достигли Вас (они были посланы до окончательного оформления дела). Конкурс объявляется для специалиста по древней русской истории, преимущественно по киевскому времени. «Киевская» оговорка сделана по настояниям Вас[илия] Ив[ановича] Веретенникова. Я считаю ее безнадежной, зная хороших «киевлян» только в лице М. Д. Приселкова и А. Е. Преснякова. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них поехал, — тем более, что относительно М. Д. Приселкова факультет уже сделал постановление: просить Петрогр[адский] У[ниверсите]т об его откомандировании к нам на 1 год. Поэтому, думаю, надо искать вообще древнего русского историка. Таков для меня всего прежде Пав[ел] Григ[орьевич] Любомиров, который и сам из Томска спрашивает, не может ли он получить здесь профессию, чего-де ему очень хочется. И хочу Вас просить при-

слать рекомендацию факультету Павла Григорьевича. Считаю только долгом сообщить Вам, что Вас[илий] Ив[анович] по всем данным не сочувствует его кандидатуре. С такою же просьбою обращаюсь к А. Е. [Преснякову] и С. В. [Рождественскому]. Итак, С[ергей] Ф[едорович], поддержите П[авла] Г[ригорьевича] скорейшею присылкою рекомендации.

Всего лучшего. Поклон Над[ежде] Ник[олаевне].

Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 15–16 об.

¹ *Кана Галилейская* — город в колене Завулоновом (шестом из двенадцати иудейских племен, происшедшем от сына Иакова Завулону); местоположение его с точностью не поддается определению. Кана Галилейская упоминается в Святом Писании как место, где Иисус Христос на свадьбе обратил воду в вино, там же исцелил сына одного царедворца из Капернаума (См.: Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. II. Репринтное издание. СПб., [1913]. Стлб. 1175–1176).

² *Вака́т* (от слова «вакация») — каникулярное время.

³ Здесь и далее курсивом выделены места, подчеркнутые С. Ф. Платоновым.

№ 10

[9 мая 1920 г., Саратов]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Давно недомогал, а теперь лежит в университетской клинике Константин Феодосиевич Буткевич¹. Врачи спорят, чем он болен, — но в одном сходятся — процесс туберкулеза достиг третьего ребра правого легкого. Большой здешний авторитет, проф[ессор] Крылов², полагает, как мне передали, что легочному процессу у К[онстантина] Ф[еодосиевича] сопутствует малярия, которая и подымает t° до значительной высоты (пойманный *maximum* ее — 40,5). Другие врачи — одни признают, другие отрицают наличие малярии. Люция Ивановна³, жена К[онстантина] Ф[еодосиевича], в отчаянии. Жалко смотреть на бедняжку, как она ежедневно между слезами бежит через полгорода в клинику, чтобы «усиленно питать» К[онстантина] Ф[еодосиевича] молоком и яйцами, которых в клинике дают менее чем следует.

Как говорят в клинике, К[онстантину] Ф[еодосиевичу] очень помогли бы креозот или тиокол⁴. К сожалению, достать их здесь пока не удастся, и боюсь, что не удастся. Так говорят и в клинике, и в Университете, и врачи. Нет ли какой-нибудь возможности раздобыть их, Сергей Федорович, в Петрограде? Простите, что я беспокою Вас этою просьбою, но мне припомнилось, что у Вас в Петрограде были хорошие медицинские связи. Я не знаю, кто, кроме Вас, затем знает К[онстантина] Ф[еодосиевича] настолько, чтобы не было очень неловко тревожить его такую просьбою.

Еще одно дело, Сергей Федорович, — по поводу Павла Григорьевича. Я писал Вам, А. Е. [Преснякову] и С. В. [Рождественскому] относительно конкурса с просьбою поддержать П[авла] Г[ригорьевича] своею рекомендациею, но до сей поры ни канцелярия Факультета, ни я не получили просимой рекомендации. Повторно обращаюсь к Вам с этою просьбою, Сергей Федорович, плюс с просьбою не отказать такую же повторную просьбу передать А[лександрю] Е[вгеньевичу] и С[ергею] В[асильевичу]. Писал я также и А. А. [Спицыну], также не имею от него ответа и также прошу и ему передать повторную просьбу.

Всего лучшего Вам.

Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

1920, мая 9, 4 ч[аса] дн[я].

Саратов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 17–17 об.

¹ Буткевич Константин Феодосиевич (?–1920), сотрудник Саратовского института народного образования.

² Крылов Дмитрий Осипович (1873–1950), терапевт, профессор Саратовского университета (1913–1925) и Военно-медицинской академии (1925–1947).

³ Буткевич Люция Ивановна, жена К.Ф. Буткевича.

⁴ *Креозот* — маслянистая жидкость с острым запахом, получаемая сухой перегонкой древесины и применяемая в технике и медицине. *Тиокол* — белый порошок без запаха, сначала горьковатого, затем сладковатого вкуса, легко растворим в воде. По сообщениям многих авторов, тиокол ввиду отсутствия раздражающих свойств и легкой всасываемости может быть рассматриваем как удачная замена чистого гваякола и заслуживает предпочтения при лечении туберкулеза и хронических бронхитов.

№ 11

Саратов. 1920, мая 14, 4 ч[аса] дня.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Спасибо вам за такую хорошую рекомендацию Павла Григорьевича. Думаю, что его нельзя будет при ее наличии не избрать¹. То-то будет хорошо, когда он здесь появится! Отыскался Лавров²: тоже оказался сибиряком, «оставался» у П[авла] Г[ригорьевича]. Судя по письму (из Самары, где он сейчас), он ни в чем не переменялся. Пугает меня то, что он хочет вновь устроиваться в Петрограде: выдержит ли после сибирского житья-бытья?³

Всего лучшего. Глубоко Вас уваж[ающий],

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 18.

¹ Профессором и заведующим кафедрой русской истории факультета общественных наук Саратовского университета П. Г. Любомиров был избран по конкурсу 2 июля 1920 г. и работал в этой должности до 1 июня 1931 г. (Архив СГУ. Д. 42 [П. Г. Любомиров]. Л. 11).

² Лавров Николай Федорович (1891–1942), историк, археограф и историк-исследователь. В 1921 г. работал в Москве, в Центральном архиве, а с 1924 г. — в его Ленинградском отделении, где занимал должности от архивиста до редактора. В октябре 1934 г. был зачислен в ИАИ, где в 1935 г. ему без защиты диссертации присвоили ученую степень кандидата исторических наук. Будучи научным сотрудником ЛОИИ, Н. Ф. Лавров по совместительству работал доцентом кафедры истории народов СССР исторического факультета ЛГУ, читал лекции по источниковедению, был одним из активных и бесценных членов авторского коллектива по изданию «Русской Правды». При жизни Н. Ф. Лаврова вышел 1-й том комментированного издания «Русской Правды» (Под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1940). В предисловии к нему Б. Д. Греков писал: «Считаю своим долгом подчеркнуть во всех процессах подготовки этой книги исключительную роль Н. Ф. Лаврова и В. П. Любимова» (Книга памяти Ленинградского-Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Вып. 1. СПб., 1995. С. 159–160).

³ Беспокоясь о дальнейшем трудоустройстве Н. Ф. Лаврова, С. Н. Чернов писал А. А. Гераклитову: «Если можно, устройте его: он парень хороший во всех смыслах, только не может вполне самостоятельно работать и, пожалуй, нервнее, чем бы надлежало. Но, повторяю, парень и работающий и честный. Я думаю, что он бы мог вполне быть в Губархиве научным сотрудником или на “поденной работе” — прочно обустроенной. Выше он подниматься не может, ибо сам нуждается в тактичном руководстве и таком же надзоре. Я его очень люблю. Уверен, вскоре и Вы его полюбите» (Письмо

С. Н. Чернова А. А. Гераклитову [май 1920 г.] // ОРПК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Гераклитова. Опул.: *Андреева Т. В., Соломонов В. А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. С. 135).

№ 12

Саратов. 1920, мая 18, 4 ч[аса] дня.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Пред'явитель сего, Михаил Саулович Коган¹, командирован в Петроград для приобретения там книг для исторических кабинетов нашего Университета, в частности кабинета русской истории. Позвольте очень просить Вас не отказать Михаилу Сауловичу в Вашем содействии в этом деле. Нужда в книгах у нас большая, не утоляемся наличностью библиотеки покойного Шляпкина². Она коренится в развитии у нас практических занятий, построенных на изучении источников (наряду, конечно, с изучением и литературы), а также в дозволении заменять сдачу экзаменов по таким курсам, к[а]к Историческая География, История Местного Края, вообще специальные курсы, представлением письменной работы на одобренную преподавателем тему, с исполнением ее не только по литературной обработке взятого вопроса, но и по источникам. В «Источниках» мы сейчас и ощущаем поэтому особую нужду. Отсюда и просьба — некоторые издания раздобыть в нескольких экземплярах.

Нам очень нужны издания — все, без какого-либо исключения:

1. Археографической Комиссии,
2. Русского Исторического Общества,
3. Общества Любителей Древней Письменности,
4. Общества ревнителей Просвещения в память имп[ератора] А[лександр] III,
5. Петроградских Архивов,
6. Петроградской Публичной Библиотеки.

Сверх того нам очень нужен Ж[урнал] М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения], без которого под руками так трудно работать. Это — 7.

Затем по выбору того, что относится не столько до археологии, сколько до истории, нам нужны издания Археологической

К[омисс]ии, Археологического О[бществ]а, Археологического И[нститу]та. Это 8–10. И 11: издания Географического Общества тоже по выбору, но включая всю собств[енно] географическую серию.

Во всех этих изданиях мы сейчас испытываем большую нужду. Некоторые тома *их желательно было бы получить в нескольких экземплярах. Для изданий Археогр[афической] К[омисс]ии это: Р.Н.Б. : 6, 13, 17 и далее все с делами Приказа Тайных Дел, Донскими, Актами Холмогорской и Устюжской еп[архии], актами Строева³, сочинениями Курбского⁴, Летоп[исные] зап[иски] с 21, 22, 24 и те, в которых напечатаны оба разыскания Шахматова⁵ о летописях.*

Конечно, в нескольких экземплярах желательно и все, что имеется (имеется ли?!) из таких серий, к[а]к АИ, ДАИ, А до ЮБ, АЮЗР, АЗР⁶; желательно также в нескольких экземплярах получить Новгородские Писцовые Книги и Дневник Люблинского Сейма⁷. Об АЮ и АА⁸ не пишу только потому, что уверен (вернее, знаю), что их нет.

Из изданий Р[усского] И[сторического] О[бщества] желательно получить в нескольких экз[емплярах] те тома, которые отразили в себе работу государственных учреждений, а также тома с наказами Екатерининской к[омисс]ии. Учреждения я разумею такие: 1. Верховный Тайный Совет, 2. Кабинеты, 3. Конференция, 4. Екатерининская К[омисс]ия, 5. Николаевские Совещательные Комитеты (6 д[екабря] 1826 г. и позднейшие).

Относительно всего остального мы удовольствовались бы получением одного экз[емпляра]. Позабыл вписать в перечень 12: то, что есть изданий других учреждений на складах помянутых; знаю, что Археогр[афическ]ая К[омисс]ия имела у себя на складе некоторое количество Московских изданий.

М. С. Когану мы даем бумажку и в Комиссариат Просвещения — в чайнии, что через него или в нем надо искать Ж[урнал] М[инистерства] Н[ародного] Пр[освещения]. Быть может, там удастся отыскать и еще что-нибудь. Если путь мы ищем неправильно, не откажите, буде знаете правильный путь, Когану его указать. Касательно изданий Архивов (и б[ыть] м[ожет], находящихся на складе в некоторых из них) не откажите помочь

Когану какую-нибудь бумажку из Областного Управления Архивными Делами с разрешением ему взять или предложением Архивам дать ему все имеющиеся свои и на складе издания по 1 экз[емпляру].

Конечно, нам при слабости наших средств было бы приятно бесплатное получение всех этих многих изданий. Однако мы хорошо понимаем невозможность этого. Поэтому мы охотно оплатим, согласно расписке, которую им подлежащие учреждения дадут: деньги у нас все же есть и мы считаем, что, тратя их в первую голову на эти издания, мы поступаем правильно. Но, повторяю, было бы очень хорошо елико возможно, получить бесплатно. В тех случаях, когда бесплатный отпуск невозможен, мы бы очень просили поверить нам в некоторый кредит и отпустить книги до получения денег.

Еще просьба, дорогой Сергей Федорович, дать в Кабинет Ваши последние работы (я знаю: заметку об Ольге, отзыв о книгах А. Е. [Преснякова] и П. Г. [Любомирова]⁹).

Еще раз прошу помочь, чем можете, Михаилу Сауловичу и Кабинету Русской Истории Саратовского У[ниверсите]та, а через то его учащим и славным, милым учащимся русской истории.

Всего лучшего и до вероятного скорого свидания.

Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 19–21 об.

¹ Коган [Каган] Михаил Саулович, палеограф и библиограф, сотрудник книжных издательств «Наука» и «Школа», «Право», «Огни» и др.

² Речь идет об уникальном библиотечном собрании, завещанном Саратовскому университету крупным русским ученым-литературоведом, заслуженным профессором Петербургского университета Ильей Александровичем Шляпкиным (1858–1918). По мнению Л. К. Бурьян, его книжная коллекция, состоящая из 70 тысяч томов (17 700 отдельных изданий), являлась одним «из лучших частных собраний». Начав коллекционировать книги с гимназических лет (с 1873 г.), «Шляпкин покупал отдельные книги и части библиотек и архивов, добываясь полноты своих коллекций. В его библиотеку влились книги из хорошо известных библиотек А. Т. Болотова, А. Н. Пыпина, Н. А. Надеждина и др.» Среди прочего, эта «библиотека была богата раритетами. Среди старопечатных русских и западных книг находились книги анонимной типографии, книги Ивана Фёдорова, инкунабулы,

альды и эльзевиры. В рукописную коллекцию Шляпкина входило несколько сотен рукописей 14–20 вв.» (*Бурьян Л. К. И. А. Шляпкин и библиотека Саратовского университета // Труды Научной библиотеки СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 130–131.*)

³ Речь идет об изданиях: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). СПб., 1836–1838. Т. 1–4.

⁴ Курбский Андрей Михайлович (1528–1583), князь, государственный деятель, писатель, переводчик. Участник Казанских походов, член Избранной рады, воевода в Ливонской войне.

⁵ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920), филолог и историк древнерусской культуры, академик Петербургской АН (1899), профессор Петербургского университета (1909–1920), член АК (с 1900). Речь идет о статье А. А. Шахматова «Ермолинская летопись и Ростовский Владычий свод» (Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. 8. Кн. 4. СПб., 1903. С. 72–96; Т. 9. Кн. 1. СПб., 1904. С. 366–423), а также работе «Иосафовская летопись» (Журнал Министерства Народного просвещения. СПб., 1904. Июль. С. 69–79).

⁶ Речь идет об изданиях: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (АИ). СПб., 1841–1843. Т. 1–5; Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (ДАИ). Т. I–XII. СПб., 1846–1872; Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией (АЮБ). Т. I–III. СПб., 1857–1884; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной Руси, собранные и изданные Археографической комиссией (АЮЗР). СПб., 1863–1892. Т. 1–15; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией (АЗР). Т. 1–5. СПб., 1846–1853.

⁷ Возможно, речь идет об изданиях: Новгородские писцовые книги. СПб., 1886. Т. IV; СПб., 1905. Т. V. Книги Шелонской пятины; Дневник Люблинского сейма 1569 г. Соединение Великого княжества Литовского с королевством Польским. СПб., 1869.

⁸ Речь идет об изданиях: Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства, изданные Археографической комиссией (АЮ). СПб., 1838; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи, Археографической экспедицией императорской Академии наук (ААЭ). СПб., 1836–1838. Т. 1–4.

⁹ Речь идет о статье С. Ф. Платонова «Летописный рассказ о крещении княгини Ольги в Царьграде» (Изв. Таврич. уч. арх. комисси. Симферополь, 1918. № 54. С. 182–186), а также рецензиях на книги А. Е. Преснякова «Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. СПб., 1909» (Журн. Мин. нар. просвещ. 1909. Июль. С. 213–216) и П. Г. Любомирова «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917».

№ 13

[18 мая 1920 г. (добавление к письму № 12)]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

В добавление к тому большому письму хочется сказать, какая у нас хорошая студенческая молодежь. Вы, Сергей Федорович, видели много хорошей молодежи, много ее учили, но, думается, и Вам она показалась бы отменно хорошей, необычайно удачного состава. Сколько желания работать, и какие хорошие работы! Жалко порою даже уходить из аудитории, и просиживаешь в ней с охотой лишние часы. Работать же ей приходится при отчаянно тяжелых условиях общего и личного порядка. Нехорошо, что она здесь, не имея настоящих руководителей. Она заслуживала бы лучших, чем имеет. Мы стараемся дать им, что можем. Но, к сожалению, можем дать не так много — и по личным качествам нашим (отлично ведет занятия один Вас[илий] Ив[анович] Веретенников: плохой лектор, он оказался прекрасным руководителем занятий¹, много обещает Е. Н. Петров), и по отсутствию книг. Последнему нашему горю мы и просим Вас помочь. Помогая нам, Вы, дорогой С[ергей] Ф[едорович], Вы поможете нашей дивной молодежи.

Всего лучшего.

Глубоко Вас уважающий, С. Чернов.

Р. S. Дела Буткевича плохи. Доктора говорят, что можно ждать выздоровления, если его удастся перекинуть в санаторий. Но туда пока его из-за высокой t^o не берут.

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 22–22 об.

¹ Наиболее ярко эти качества В. И. Веретенникова запечатлела и донесла до нас воспитанница историко-филологического факультета Саратовского университета, впоследствии доктор исторических наук Е. Н. Кушева. Ей довелось заниматься в двух семинарах В. И. Веретенникова: «на первом курсе — в семинаре “Интерпретация ученых мнений” (его задачей <> было научить будущих историков точно изложить мнение исследователя по какому-либо вопросу) и на втором — в спецсеминаре “Крестьянство России в эпоху Петра Великого”». От работы в последнем у Е. Н. Кушевой остались особенно сильные впечатления. По ее признанию, «почти весь учебный год был посвящен глубокому анализу одного указа Петра Великого — о введении подушной подати <...>. Надо было вдумываться в каждое слово, в каждый термин. В итоге слалось понимание значения этой податной реформы...» для развития крепостного права в России (Кушева Е. Н.

П. Г. Любимиров в Саратовском университете. Страницы воспоминаний // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 117; Письмо Е. Н. Кушевой А. И. Доватуру от 16 января 1982 г. // Архив СПб ИИ РАН. Ф. 17 (А. И. Доватур). Оп. 3. Д. 105. Письмо № 9).

№ 14

Саратов. 1920, мая 25 дн[я].

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Письмо Ваше относительно Г. Г. Дыбова¹ я получил. Г[ригорий] Г[ригорьевичу] давно уже готово место при б[иблиоте]ке Архивной К[омисс]ии. Из разговоров выяснилась и возможность устройства его при б[иблиоте]ке У[ниверсите]та. А. А. Гераклитов полагает, впрочем, более желательным и удобным для Г[ригория] Г[ригорьевича] устроить его при своем университетском кабинете — помзавом².

Два часа тому назад узнал о смерти К. Ф. Буткевича, последовавшей сегодня. Утром я заходил к нему: он был беспокоен, но жив. Л[юдия] Ив[ановна] обессиленна и в горести.

Всего лучшего. Глубоко Вас уважающий, С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 24.

¹ Дыбов Григорий Григорьевич, младший (1868–1920), нотариус, гласный Саратовской городской Думы, член СУАК.

² В 1919–1929 гг. А. А. Гераклитов заведовал отделением рукописей и старопечатных книг фундаментальной библиотеки Саратовского университета, «куда в то время поступили такие значительные в количественном и качественном отношении книжные собрания, как библиотеки И. А. Шляпкина, А. П. и Н. П. Барсуковых, П. М. Мальцева, М. К. Ушкова».

«Александр Александрович, — замечает Н.А. Попкова, — подошел к порученному делу со свойственной ему обстоятельностью: он выбирал не только рукописные книги, как предполагалось вначале, но и первопечатные книги, отечественные и европейские, раритеты, которых немало было в поступивших собраниях».

Практические навыки Гераклитова, библиотекаря, палеографа, его удивительная работоспособность проявились и на сей раз, вскоре рукописное отделение стало активно функционировать в библиотеке. Его богатые фонды способствовали успешной работе палеографического семинара Гераклитова, проведению занятий по истории книги...» (Гераклитов Александр Александрович (Автобиография). Машинопись. [Саратов], 10.VII.1930 г. // Архив СГУ. Д. 28 (А. А. Гераклитов). Л. 72–72 об.; Попкова Н. А. Александр Александрович Гераклитов. С. 11–12).

№ 15

Саратов. 1920, июня 2, 4 ч[аса] дня.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Еще раз большое Вам спасибо за **тиокол**, который Вы послали покойному К[онстантину] Ф[еодосиевичу]. Как ни быстро Вы его отправили, в живых он К[онстантина] Ф[еодосиевича] уже не застал, не помог бы против скоротечки. Я сегодня отправил посылку обратно Вам, не принимая ее, прямо с почты. Жена К[онстантина] Ф[еодосиевича] была Вашим вниманием очень тронута.

Всего лучшего. Глубоко Вас уваж[ающий], С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 25.

№ 16

Саратов. Сентябрь 23 дня 1920 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Я уже несколько дней в Саратове, полный прекрасных воспоминаний о петроградских и московских неделях. Большое спасибо Вам за то многое хорошее, что Вы в эти недели внесли.

П. А. Садилов¹ избран ассистентом по кафедре русской истории в Университете, и ему же приготовлены часы по Москве в Институте Народного Образования. По Губархиву² и, если он создастся, Институту Акмакульта³ он тоже, конечно, сможет получить работу. Паек по У[ниверсите]ту и И[нституту] Н[ародного] О[бразования] пришел в Наркомпрос — и мы ждем его прихода здесь. Мне думается, что П[етр] А[лексеевич] будет здесь вполне обеспечен. Поддержите, С[ергей] Ф[едорович], нас в попытке его заполучить, а его в решении сюда ехать. Он будет здесь иметь дело только с Пав[лом] Григ[орьевичем] и со мною, п[отому] ч[то] Вас[илий] Ив[анович] Веретенников — правда, как всегда с укором — остался в Харькове, где сочетается в себе, как говорят, широкий размах преподавания с Губархивом. Впрочем, официального заявления от него нет и по слухам не будет. Это — вежливый жест в Пав[ла] Григ[орьевича]. Что касается Пав[ла] Григ[орьевича], то Покровский⁴ оставил его здесь, после беседы такой колоритной, что ее жалко излагать пером: я расскажу ее

Вам при первой же встрече — м[ожет] б[ыть], на Рождество, когда соберусь в Москву и, б[ыть] м[ожет], соберусь и в Петроград.

В связи с этою рождественскою поездкою у меня к Вам просьба, С[ергей] Ф[едорович]. Я искал в Моск[овском] Гл[авном] Арх[иве] Мин[истерства] Иностранных Дел отрывки Следственного Дела о Максиме Греке, которые когда-то были изданы в А.Э.⁵ и Сборнике Оболенского⁶. Мне сообщили, что в 30-х годах прошлого века их передали в Арх[еографическую] Ком[иссию], откуда они не поступили в Архив обратно. Большая просьба к Вам, С[ергей] Ф[едорович], помочь выяснению вопроса о том, где эти следственные отрывки теперь надо искать: я не помню, чтобы они значились в числе актов К[омиссии]. Нет ли в К[омиссии] каких-либо следов передачи их куда-нибудь в рукописное или иное собрание? Я пишу о том же Вас[илию] Григ[орьевичу] Дружинину⁷.

Всего лучшего Вам.

Глубоко Вас уважающий и сердечно Вам преданный

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 26–26 об.

¹ Садиков Петр Алексеевич (1890–1942), историк, источниковед и археограф, сотрудник ЛО ЦИА (1919–1928), Научно-исследовательского исторического института при Петроградском университете (1921–1924), АК (1929–1931), внештатный сотрудник ЛОИИ (1935–1941), доцент Ленинградского университета (1925–1928).

² 4 июля 1918 г. в Саратове был создан Центральный губернский архив (губархив) и учреждена должность уполномоченного Главного архивного управления. В его обязанности входило осуществление жесткого контроля за сохранностью и учетом всех ведомственных архивов не только в Саратове, но и в волостях и уездах губернии.

³ Сообщая в письме к А. А. Гераклитову о визите в Саратов П. Л. Маштакова — члена Совета Российской академии истории материальной культуры (РАИМК), раскрывшего планы ее руководства «о создании органов на местах, полагая исползовать для этой цели существующие там организации, и что в этом направлении определенно шли речи о нашей милой старушке Архивке, о которой он выразился, что “слава” ее “повсюду гремит”», Сергей Николаевич писал:

«Дело получает тогда такой вид: в Саратове создается губернское или областное Отделение Ак[адемии] Ист[ории] М[атериальной] К[ультуры], или — что, как я его понял, лучше, ибо будет больше самостоятельности — целый Институт Ист[ории] М[атериальной] К[ультуры]. Это учреждение, материально обеспеченное с правами и авторитетом правительственного

места, — нечто, значит, вроде Вашего Губархива. <...> Он состоит из 3 отделов: Этнографии, Археологии и Исторической Географии и может иметь 3 особых Комиссии: Иконографическую, Картографическую и Нумизматическую, а я думаю и четвертую: Библиографическую. Все работники — платные, с хорошими ставками. В каждом Отделе и каждой Комиссии — один старший (в отделах, кажется, заведующий, в комиссиях — председательствующий), остальные сотрудники: постоянные (ученые) и временные (научные), кажется по 1 каждого сорта. Как Вы видите, план такой широкий, что поглотит всю работу и всех активных <...> работников Общества. При этом, как полагал С. Н. Чернов, Общество может продолжать существовать и рядом с новым учреждением (Отделением или Институтом), как чисто ученое Общество, слушающее доклады и издающее труды» (Письмо С. Н. Чернова А. А. Гераклитову [май 1920 г.] // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А. А. Гераклитова. Опубл.: Андреева Т. В., Соломонов В. А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. С. 153).

⁴ Покровский Михаил Николаевич (1868–1932), историк-марксист, академик АН СССР (1929), заместитель наркома просвещения РСФСР, ректор Института красной профессуры, заведующий Центрархивом РСФСР и СССР (с 1918).

⁵ Речь идет о публикации «Отрывки Следственного дела об Иване Берсене и Федоре Жареном, с допросом старцу Максиму Греку и келейнику его Афанасию» (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб., 1836. С. 141–145).

⁶ См.: Следственное дело Максима Грека. 1521 // Сборник князя Оболенского. М., 1838. № 3. С. 1–15.

Оболенский Михаил Андреевич, князь (1805–1873), историк и археограф, член-корреспондент Петербургской АН (1846), директор Главного архива Министерства иностранных дел (1840–1873), заведующий рукописным отделом Оружейной палаты (с 1853). Активно занимался сбором и публикацией источников по истории России XVI–XVII вв., популяризацией исторических знаний. В 1838–1859 гг. издал 12 выпусков «Сборника князя Оболенского», в которых опубликовал документы из Московского архива и принадлежавшие ему лично.

⁷ Дружинин Василий Григорьевич (1859–1937), историк, археограф и палеограф, член-корреспондент РАН (1920), секретарь АК (1890), профессор ИАИ, председатель комиссии по охране монастырских и церковных архивов (1918–1923).

№ 17

Саратов. 1920, декабря 21 дня.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Обращаюсь к Вам с просьбой: помогите, пожалуйста, своим воздействием на Е. Ф. Буткевича¹ Люции Ивановне полу-

чить книги К[онстантина] Ф[еодосиевича] для Саратовского Института Народного Образования. Дело было мною в сентябре налажено и оставлено для исполнения Когану и поступившему на службу в Институт по книжной части Ив[ану] Сп[иридоновичу] Абрамову². Первый приехал сюда, не сделав ничего, второй прислал отказ от работы. Пытался воздействовать на Ив[ана] Сп[иридоновича] письмами, — но даже не получаю ответа, т[ак] ч[то] не знаю, где он, что и как. Собирался сам ехать на рождество в Москву и Петроград, чтобы к чему-нибудь привести дела, да боюсь, что не выберусь отсюда. Если мне удастся приехать, конечно, я разделю мытарства Л[юции] Ив[ановны], но я едва ли приеду, — а потому и прошу Вас выручить своим словом Л[юцию] Ив[ановну] в эту трудную минуту, которая у нее почти наверное будет. В частности, имея дело со мною Е[вгений] Ф[еодосиевич] очень свободно причислял к своим и общесемейным книги К[онстантина] Ф[еодосиевича]. Вероятно, при Л[юции] Ив[ановне] это — по крайней мере в некоторых отношениях — не будет ему так легко делать. Может быть, Вы сочтете возможным поддержать Л[юцию] Ив[ановну] и здесь?³

Что касается Когана, то он поставил меня в очень неловкое положение перед рядом учреждений, у которых я исходатайствовал книги, не взяв их и даже, видимо, не побывав в этих учреждениях. Он сумел зато ловко обделать свои дела и спекулировать на довольно круглую сумму. Мальчик оказался немного подмокшим в отношении своей репутации. Лично меня он поставил в нехорошее положение перед Археогр[афической] К[омисси]ей и В. Г. Дружининым, не взяв из Археогр[афической] К[омисси]и моих книг, что сделать мне он обещал. Я и по сей час не знаю об их судьбе: все, чего я добился от него, — это то, что они должны были быть в день его отъезда отправлены в Саратов его, Когана, братом, известным королем частной торговли книгами в Петрограде⁴. Сначала я этому верил, а теперь теряю в это всякую веру.

Я писал Вам, Сергей Федорович, и дважды В. Г. Дружинину относительно справки о судьбе моей рукописи⁵, с которой в [Актах] А[рхеографической] Э[кспедиции. Том] I напечатан документ, относящийся до следствия по делу о Максиме Греке. Я не

имею сведений о том, где она. В свое время (кажется, в 1834 г.) он был из Моск[овского] Арх[ива] Мин[истерства] Иностр[анных] Дел передан для напечатания в [Актах] А[рхеологической] Э[кспедиции] в Петрограде. Никаких сведений об его возвращении в Архив нет. Я не получил ответа на мои письма и, зная почтовые порядки нашего времени, не претендую на это. Очень прошу Вас с Л[юцией] Ив[ановной] или другою надежною оказию прислать мне справку об этой рукописи.

П. Г. [Любомиров] обрастает в Саратове и пользуется прекрасным успехом. Его выступлению предшествовала глупая сплетня, которую он мигом разрушил. Сплетня рисовала его бездарностью и компилятором. По саратовским нравам иначе и нельзя. Успех его лекций и семинариев делает его очень крупною фигурой на нашем небосклоне, а недавно прочитанный доклад о восточной торговле в России по данным о находках восточных монет⁶ и постоянное блестящее участие в ученых прениях закрепляет это. Радуюсь и за Саратов, и за него. Зато сколько труда стоило мне провести его и здесь, и осенью в Москве. Свой разговор из-за него с М. Н. Покровским перескажу при первом же свидании: он таков, что его пером не опишешь. Живется П[авлу] Г[ригорьевичу] очень туго.

О себе сообщу, что очень устал от тех весьма разнообразных и хлопотных дел, которые на мне лежат. Ужасная почтовая волокита привела к тому, что дело о преобразовании Архивки⁷ до сей поры не завершилось ничем. Наш делегат, проф[ессор] Б. М. Соколов⁸, в конце этой недели выезжает в Москву, а от туда в Петроград. А пока что мы существуем в старых формах и я порою совершенно заматываюсь в них и от них. Пожалуйста, Сергей Федорович, помогите Б. М. Соколову в нашем деле, ежели оно у него надлежаше не пойдет.

Вчера на меня упало дело с большою возней и, боюсь, что с переездами. Расхворавшийся А. А. Гераклитов сдал мне на 2 недели должность Уполарха⁹. Сегодня я получил предложение о выезде на склад. Вожусь с местными властями. Не всем из них ценность архивов понятна¹⁰.

Читаю Истор[ическую] Географию и 19 век. В последнем курсе заменяю В. Ив. Веретенникова, который в Саратов не вернется¹¹. Веду занятия по Русской Правде Пестеля, ереси жидов-

ствующих и степи, по преим[уществу] меж Днепром и Доном. В Инст[итуте] Н[ародного] Обр[азования] веду, сверх обоих курсов и занятия по степи, еще занятия по Якушкину.

Поклон Вашим.

Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 27–28 об.

¹ Буткевич Евгений Феодосиевич, брат К. Ф. Буткевича.

² Абрамов Иван Спиридонович (1874–1960), этнограф, фольклорист, историк Украины, Белоруссии, Урала и Сибири.

³ Аналогичную просьбу озвучил в своем письме к С. Ф. Платонову и Н. К. Пиксанов: «Люция Ивановна Буткевич, едущая в Петроград, помимо устройства своих собственных дел, надеется еще выручить книги покойного своего мужа от его брата Евгения Феодосьевича. Это столько же в интересах Саратов[ского] Инст[иту]та Народ[ного] Образования, куда книги должны быть переданы, сколько и в интересах Люции Ивановны, к[ото]рой Инст[иту]т, в случае получения книг, выплатит и их стоимость современную, и командировочные деньги.

Но мы с Сергеем Н[иколаевичем] Черновым как-то плохо надеемся, что Люция Ивановна сама и одна сумеет отобрать книги у Буткевича. Поэтому решаюсь просить Вашего содействия. Если только для Вас возможно и незатруднительно, окажите, глубокоуважаемый Сергей Федорович, свое властное давление на Евгения Феодосьевича Б[уткеви]ча» (Письмо Н.К. Пиксанова С.Ф. Платонову от 21 декабря 1920 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3816. Л. 17–17 об.).

⁴ Коган [Каган] Абрам Саулович (1889–1983), издатель, проректор Петроградской сельскохозяйственной академии, основатель и совладелец издательства «Петрополис» (с 1918); брат М. С. Кагана.

⁵ Речь идет о статье С. Н. Чернова «К ученым несогласиям о суде над Максимом Греком», которая через несколько лет была опубликована в «Сборнике статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову» (Пб., 1922. С. 48–71).

⁶ Вероятно, речь идет о докладе П. Г. Любомирова «Развитие восточной торговли во 2-й половине XVI в. и основание нижеволжских городов», прочитанном на общем собрании членов Саратовского общества истории, археологии и этнографии в 1920 г. Неизданный текст его хранится в настоящее время в составе личного фонда историка (ГИМ. ОПИ. Ф. 470). Сам П. Г. Любомиров в одном из писем к С. Ф. Платонову сообщал по этому поводу: «Есть у меня и личные работы кое-какие. Много сделано уже (и скоро я мог бы кончить совсем) на тему о торговых связях древней Руси с Востоком, главным образом по кладам дирхемов. Тут и вопросы о путях сообщения древней Руси и еще кое-что попутно» (Пись-

мо П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову от 27 апреля [1921 г.] // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3440. Л. 23). См. также статью П. Г. Любомирова «Торговые связи Древней Руси с Востоком VIII–XI вв. (Преимущественно по данным о кладах восточных монет)», опубликованную в «Ученых записках Саратовского государственного университета» (1923. Т. 1. Вып. 3. С. 5–38).

⁷ Об этом см. комментарий к предыдущим письмам.

⁸ Соколов Борис Матвеевич (1889–1930), литературовед, этнограф и музеевед, профессор Саратовского университета (1919–1923).

⁹ «В июне 1918 г. по предложению т[оварища Д. Б.] Рязанова» А. А. Герасимов «принял на себя обязанности уполномоченного Главного архивного управления по Саратовской г[убернии] и с небольшими перерывами стоял здесь во главе архивного дела до 1 января 1921 г.» (Герасимов Александр Александрович (Автобиография). Машинопись. [Саратов], 10.VII.1930 г. // Архив СГУ. Д. 28 (А. А. Герасимов). Л. 72).

¹⁰ Аналогичные суждения отражены и в заметке С. Н. Чернова о деятельности ИСТАРХЭТ, написанной в 1921 г. для журнала «Наука и ее работники»: «При <...> весьма неблагоприятных обстоятельствах К[омиссия] при разнообразном содействии родного Университета все же нашла в себе силы для упорной работы по линии своей основной задачи — спасения всего того, что сможет стать для будущего исследователя Историческим источником. Правда, здесь ей пришлось встретить противодействие и со стороны тех, кто, не веря в конечные итоги развития событий, по-прежнему упорно хотел все иметь у себя дома, не желая расставаться с семейной стариной <...>, а потом и со стороны иных людей, которые, взяв власть в свои руки, или считали поконченными счеты со старым миром не только на деле, но и по духу своей идеологии, или горячо боялись его возвращения — и по тому и другому одинаково были готовы к разрушению остатков старины, лаконически говорили про архивы “сжечь!” и бросали их на площадь под открытое небо и падающий снег...» (ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 376. Л. 2–2 об. Оpubл.: Андреева Т. В., Соломонов В. А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. С. 148).

¹¹ «Летом 1920 г. заведующий архивной секцией Харьковского губернского комитета охраны памятников искусства и старины академик Д. И. Багалей инициирует приглашение “профессора Саратовского университета, знатока архивного дела В. И. Веретенникова” <...> для организации курсов архивоведения. Ему предоставляют должность профессора российской истории на кафедре российской культуры Академии теоретических знаний, а позже и в Харьковском институте народного образования (ХИНО). Здесь вплоть до 1934 г. профессор читает курсы лекций по истории России, методологии истории, истории российской литературы. Параллельно он возглавляет научный отдел Главмузея» (Матяш И. Б. Архивист Василий Веретенников // Вестник архивиста. 2000. № 5–6. С. 302–303).

№ 18

[5 января 1921 г., Саратов]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Пред'явитель сего проф[ессор] нашего У[ниверсите]та Серафим Владимирович Юшков¹ (канонист и историк русского права) приехал в Петроград хлопотать по делу о преобразовании нашего О[бщест]ва Истории, Археологии и Этнографии (б[ывшей] Архивной Комиссии) в Институт Академии Истории Материальной Культуры². Он товарищ председателя О[бщест]ва и его ученый секретарь и отменно осведомлен в делах Общества. Пожалуйста, помогите ему в его хлопотах — так же, как летом Вы помогли мне. Выручите нас.

Приходится кончать, п[отому] ч[то] Серафим Владимирович сейчас придет за письмом перед отъездом на вокзал. О себе скажу, что теперь во всех отношениях легче, чем было осенью (кроме, пожалуй, продовольствия, которое безнадежно запуталось еще пайками), отдохнул.

Павел Григорьевич [Любомиров], Александр Александрович [Герасимов] кланяются Вам.

Ваш С. Чернов.
Саратов.
5/1/1921.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 38.

¹ Юшков Серафим Владимирович (1888–1952), историк и источниковед, член-корреспондент АН УССР (1939), академик АН КазССР (1946), заслуженный деятель науки РСФСР (1939), профессор Саратовского (1919–1926), Ленинградского (1926–1930) и Московского (1948–1952) университетов.

² Об этом см. комментарии к предыдущим письмам.

№ 19

[20 апреля 1921 г., Саратов]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

От Бориса Александровича Романова на этих днях получил какое-то сумасшедшее письмо. Было больно за него и стыдно перед ним его читать. Впечатление осталось такое, что он дошел до какого-то предела¹. Оно подчеркивает несколькими словами длительность тяжелого состояния Б[ориса] А[лександровича],

но не дает возможности ни разобраться в нем, ни определить, сколько времени оно продолжается.

Я показал его Павлу Григорьевичу, — и мы порешили тащить Б[ориса] А[лександровича] сюда, в Саратов. Нам казалось, что в условиях университетского преподавания, начать которое ему здесь будет легче, чем в Петрограде, и под нашу дружескую опеку, он быстро оправится. Тогда, если захочет, всегда сможет вернуться в Петроград.

Если, Сергей Федорович, Вы на основе Ваших постоянных и ясных наблюдений разделяете нашу надежду, что приезд Б[ориса] А[лександровича] к нам в Саратов будет для него живителен, поддержите при случае наши настояния перед ним. Боюсь, что исполнение нашей просьбы к Вам будет нелегким для вас — и не столько по упорству Б[ориса] А[лександровича], сколько по понятному чувству тяжести способствовать отъезду от себя такого яркого и талантливого человека, как Б[орис] А[лександрович], расставаться с которым бывает (по крайности, мне) так тяжело, но нами руководит одно стремление — облегчить положение богато одаренного, но не умеющего жить, Б[ориса] А[лександровича]*

О себе сообщить много не могу. В конце Рождественских каникул я заболел простудой с постоянными у меня осложнениями в носоглотке. После длительных и безуспешных попыток вылечиться без операции, пришлось пойти на нее. Проф[ессор] Цытович² мастерски проделал ее мне — и ныне я вернулся к работе. Последней по У[ниверсите]ту и Обществу Истории, Археологии и Этнографии весьма много. «Для себя» редко удается поработать урывками.

Все Ваши здешние знакомые живут более или менее удовлетворительно, кроме старого нашего архивника А. А. Гераклитова, который очень сильно «сдал».

Пав[ел] Григ[орьевич] хотел Вам писать с ** оказией насчет съезда русских историков³. Всецело присоединяюсь к его представлениям. Как хорошо он здесь развернулся!

* Пусть Б[орис] А[лександрович] приедет сюда хоть оглядеться и на месте вынесит решение. — *Прим. С. Н. Чернова.*

** Далее одно слово неразборчиво

Всего лучшего Вам.
Глубоко уважающий Вас,

С. Чернов.

Р. С. Люция Ивановна совсем собралась ехать в Польшу.
Ждет — не дожидется отправки.

С. Ч[ернов].

Саратов.

20 апр[еля] 19[21] г.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 39–40 об.

¹ Речь идет о тяжелом душевном состоянии Б. А. Романова, связанном, по мнению В. М. Панеяха, с вероятной отрицательной реакцией близких Борису Александровичу старших коллег — С. Ф. Платонова и С. Ф. Рождественского — на его рецензию сборника документов о Брестском мире (*Панеях В. М. Творчество и судьба историка...* С. 73).

² Цытович Митрофан Феофанович (1869–1936), врач-оториноларинголог, профессор Саратовского университета (1914–1930) и Саратовского медицинского института (с 1930).

³ В письме П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову от 27 апреля 1921 г. по этому поводу сообщалось: «В нашей саратовской группе историков заметен интерес к вопросам о постановке преподавания истории в высшей школе. У нас были и будут беседы на эту тему. Но хотелось бы послушать людей более опытных и более авторитетных. Хотелось бы обменяться мнениями и о программах, и о постановке курсов, и о практических занятиях. Нельзя ли было бы устроить съезд или хотя бы совещание по этим вопросам? Не могла ли бы Академия взять на себя организацию этого?»

Рядом с этим у меня давно уже мысль о всероссийском съезде всех исследователей родного прошлого. Давно не было таких съездов. Не время ли их возобновить? Физики уже провели съезд. Впрочем, мне хотелось бы видеть не просто восстановление археологических съездов. Хорошо послушать о новых исследованиях. Но нельзя ли поставить на обсуждение вопросы о систематизации работ, об общих работах, распределенных среди специалистов? Здесь, уж кажется мне, был бы прямо необходим почин высшего и наиболее авторитетного органа — Академии наук. Я делился своими мыслями с Сергеем Николаевичем. Он разделяет их; и с его согласия пишу я Вам» (ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3440. Л. 20–21).

№ 20

Саратов. 1921, мая 5, 4 ч[аса].

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Большое спасибо за письмо и весточку о Б. А. [Романове].

Мне хочется попробовать с ним еще одно: добиться, чтобы он

приехал в Саратов в командировку — в гости, — а здесь, мне думается, он решит, что на время останется: такая у нас отличная рабочая атмосфера. Нельзя ли, дорогой С[ергей] Ф[едорович], посодействовать этому? Мне кажется, что работа, к которой он призван, будет ему прекраснейшим лекарством¹.

Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 41.

¹ По предположению В. М. Панеяха, Б. А. Романов, действительно, приехал к друзьям в Саратов, «но не для работы, а чтобы отдохнуть» (См.: *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка... С. 73).

№ 21

[10 апреля (или марта) 1922 г., Саратов]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Письмо Ваше получил. Большое спасибо за него. Пестелевы письма¹, конечно, посмотреть хочется — и если меня в Унив[ерситете] пустят, приеду их посмотреть на Страстной, т. к. неожиданно получил деньги на поездку в Питер для ознакомления с подлинной зап[исью] «автобиографии» Н. Г. Чернышевского («автобиография» описывает Саратов второй трети XVIII и первой XIX в.)².

Всего доброго и, м[ожет] б[ыть], до скорого свидания.

Привет Вашим. Жена просит кланяться Вам и Надежде Николаевне.

Ваш С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 42.

¹ Возможно, речь идет о письмах родителей П. И. Пестелю, опубликованных в 2000 г. Н. А. Соколовой (см.: Военные страницы биографии П. И. Пестеля: материалы семейной переписки / Вступ. статья, публ. и коммент. Н. А. Соколовой // 14 декабря 1825 года: Источники. Исследования. Историография. Библиография. СПб.; Кишинев, 2000. Вып. 2. С. 78–125).

² Всестороннему анализу мемуарного творчества Н. Г. Чернышевского С. Н. Чернов посвятил несколько своих работ: «Н. Г. Чернышевский — учитель Саратовской гимназии» (Н. Г. Чернышевский. Сб. статей. Саратов, 1926. С. 170–196), «Семья Чернышевских» (Изв. краев. ин-та изучения Южно-Волжской обл. Саратов, 1927. Т. 2. С. 215–242), «Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. Т. 1. Из автобиографии. Дневник 1848–

1853 г. / Под ред. Н. А. Алексеева, М. Н. Чернышевского; Вст. статья и коммент. С. Н. Чернова» (М.; Л., 1928), «Автобиографические отрывки Н. Г. Чернышевского. Сб. статей» (М., 1928. С. 7–17).

№ 22

[24 сентября 1922 г.]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Позвольте поделиться с Вами моею незадачей и попросить у Вас совета, как быть.

Обстоятельства моей здешней работы сложились так, что почти на переломе второй недели моего здесь пребывания мне не удается работать, как надо.

Я подал в Коллегию Центрархива¹ заявление о разрешении занятий мне и жене моей² в архивах: Государственном, Военном Лефортовском, Историко-Революционном и Московского Университета в субботу, 16 сего сентября (по казенному летоисчислению). Суббота оказалась днем не служебным — и дело ограничилось тем, что М. К. Светлова³ приняла мое заявление, предупредив меня, что оно должно ждать «коллегии», о которой неизвестно, когда она будет, и что помимо коллегии может быть, ежели г. Максаков⁴ сочтет это возможным, дано мне временное разрешение, говорить о котором можно будет, однако, лишь в понедельник, когда г. Максаков будет в Центрархиве. Я явился в понедельник в Центрархив, — и М. К. пошла с моим заявлением к г. Максакову. Вернувшись, она сказала мне, что г. Максаков не счел возможным дать мне временное разрешение и что «завтра», т. е. во вторник 19 сентября, по всей видимости, будет коллегия. Я зашел во второй половине служебных часов вторника в Центрархив, — и узнал, что коллегии не было, что, когда она будет, неизвестно, но что можно ждать ее в среду, т. е. 20, хотя ничего предположить невозможно. Я сказал, что я не могу бесконечно откладывать и сидеть без работы. Мне посоветовали идти самому к г. Максакову. На мою просьбу к нему принять меня вышел г. Адоратский⁵, который прежде, чем я изложил ему дело, заявил мне о предположении коллегии начать издание «декабристов» и привлечь меня к этому изданию. Я — может быть, легкомысленно ответственвал г. Адоратскому, что, зная до некоторой степени часть содержащих материал по декабристам архивов, не откажусь

поделиться своими сведениями с Центроархивом, но что, не живя в Москве и будучи занят исследованием по Якушкину, я не могу принять активного участия в предполагаемом издании. Тогда он предложил мне то, о чем я давно думал (думы мои об этом г. Адоратский знал, ибо, одно время близкие к осуществлению, они стали известны Центроархиву), — издать «Русскую Правду» Пестеля. Я не мог от этого отказываться и дал принципиальное согласие на это издание, — с тем, однако, чтобы меня не торопили работой до лета⁶. Затем г. Адоратский очень любезно выслушал меня, дал разрешение по всем пунктам заявления, немного поторговался насчет дня, в который удостоверение будет выдано: он настаивал на четверг, я упорно стоял на maximum среде, говоря, что иначе мне предстоит еще нерабочий день. Он сходил в «коллегию», где оставался г. Максаков, и принес согласие на среду, 2 ч[аса] дня. Когда без нескольких минут 2 ч[аса] дня 20-го сентября, т. е. в среду, я пришел в Центроархив за удостоверением, узнал, что гг. Адоратский и Максаков отсутствуют и, когда придут, неизвестно. Я стал ждать. Когда пришел г. Максаков, М. С. Вишневский⁷ отправился к нему с готовыми удостоверениями за подписью — и получил категорический отказ. По моей просьбе он дал мне понять, что г. Максаков, в виду предположений Коллегии Центроархива приступить к изданию «декабристов», не считает возможным допустить меня к занятию ими. Я просил М. С. Вишневого передать от моего имени г. Максакову, что я не имею никаких намерений издавать «декабристов» в какой-либо их части, и попробовать на этой почве получить мне разрешение занятий. М[ихаил] С[таниславович] вторично говорил с г. Максаковым и сумел получить от него разрешение заниматься до 23 сентября в Архивах Лефортовском Военном и Историко-Революционном, но одному без жены, и с обязательством в первом не касаться «пакетов с письмами декабристов», а во втором оставаться в пределах канцелярии моск[овского] ген[ерал]-губ[ернатора] за годы 1825–[182]7; эти оговорки о материале были рукою Максакова вписаны в текст удостоверений. При этом М[ихаил] С[таниславович] передал мне, что коллегия будет, по всей вероятности, в пятницу 22. То же накануне говорил мне и г. Адоратский. Однако коллегии не было ни в пятницу, ни в субботу. Вчера я говорил по телефону с М. К. Светловой и через ее всегда милое посредство получил

продление разрешения заниматься в Лефортовском Архиве еще на одну неделю. Ник[олай] Феод[орович] Лавров вчера мне передал, что «Коллегия» предположена на понедельник или вторник. Судя по тому, что разрешение дано вперед на неделю, я боюсь, что коллегия, ежели она будет, не станет рассматривать моего заявления. У меня, однако, есть и другие опасения. В пятницу в Лефортовский Военный Архив пришло требование отправить в Центрархив «пакеты с письмами декабристов» и ряд «дел». Пакеты — это то, что мне запрещено; они из'имаются, очевидно, оттого, что Центрархив боится, как бы они не попали в мои руки, — невзирая на запрещения: думаю оттого же берутся и «дела» — все броского на внимание характера, с крупными именами или заманчивого содержания, все, кажется, так или иначе «литературные». У меня появляется опасение, что то же происходит и в Госархиве, — что оттуда также из'имают и выкачивают все то, что, по мнению г. Максакова, интересно: ведь может же случиться, что интересы мои и г. Максакова, по разному строясь, совпадут на одних и тех же делах! Что происходит в Историко-революционном архиве, я не знаю. Об архиве Московского Университета они, конечно, позабыли.

Таким образом мои опасения касаются двух сюжетов: первый, что меня не пустят работать в наиболее для меня интересный архив — Государственный (в архив Моск[овского] У[ниверсите]та я в конце концов могу прийти через Губархив, да и итти в него хочу для очистки совести), второе, что, ежели пустят, то в уже заблаговременно опустошенный. Все это меня очень тревожит. Тревожит меня и то, что не допускают до занятий мою жену, без которой мне работать невозможно, ибо все приходится одному переписывать⁸.

Излагая Вам обстоятельства дела и мои опасения, прошу Вас, глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович, посоветовать мне, как выйти из создавшегося положения. Не будет ли лучше всего предварительно коллегии добиться приема у М. Н. Покровского и переговорить с ним? Ведь он, вероятно, глядит шире г. Максакова и его решение г. Максаков не сможет аннулировать так, как он аннулировал согласие г. Адоратского.

Я должен еще отметить, что г. Максаков отметил на моем заявлении, что временно разрешает заниматься исключитель-

но Якушкиным. Я боюсь, что на практике это может привести к ряду осложнений; но он, видимо, не понимает, что изучать Якушкина приходится и по далеким от него делам. Я пытался объяснить это в дополнении к своему «заявлению». Не уверен, что он это поймет.

Простите, Сергей Федорович, за беспокойство и дайте совет, как быть.

Прилагаю письмо к Вам Н. Ф. Лаврова и два свои письма — одно Б. А. Романову, другое А. Е. Преснякову. Пожалуйста, когда встретите их (или одного Бориса), отдайте эти письма.

Всего лучшего.

Ваш С. Чернов.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 29–37.

¹ Центрархив — Центральное управление архивным делом при Наркомпросе, в 1921 г. заменившее собой Главное управление архивным делом (Главархив), заместителем председателя Петроградского отделения которого в 1918–1923 гг. был С. Ф. Платонов.

² Чернова [урожд. Филиппова] Маргарита Алексеевна (1893–1978), жена С. Н. Чернова.

³ Светлова М. К. — ученый секретарь Центрархива.

⁴ Максаков Владимир Васильевич (1886–1964), историк и археограф, управляющий Историко-революционным архивом (1918–1919), уполномоченный ГУАД (1919–1920), управляющий ЦГАОР (1920–1934), профессор Московского университета (с 1929) и МГИАИ (1938–1964). Автор трудов по истории революционного движения, архивоведению, археографии.

⁵ Адоратский Владимир Викторович (1878–1945), партийный и государственный деятель, историк-марксист, философ, академик АН СССР (1932); заместитель заведующего ЦАУ (1920–1929), директор ИМЭЛ и ИФ АН СССР (1931–1939).

⁶ «Первоначально разработку этих памятников приняли на себя П. Е. Щеголев, С. Н. Чернов и ряд других лиц. Но вскоре <...> подготовка издания сосредоточилась в руках С. Н. Чернова и С. С. Мильмана, причем основная работа в этой стадии подготовки выпала на долю С. Н. Чернова. Он первый положил начало планомерному изучению подлинника, весьма много сделал для установления точного текста и разграничения I и II редакций, подробно изучил все многочисленные варианты, дал ряд ценных статей по отдельным вопросам, касавшимся истории движения декабристов и его отдельных участников, и т. д. В результате работ к 1930 г. было подготовлено и даже отчасти набрано и сверстано новое издание “Русской Правды”. Однако вскоре же обнаружилось, что принцип, положенный участниками этого издания в основу всей работы <...>, не соответствовал главным за-

дочам издания. <...> Детально разработать все подробности нового плана, практически осуществить это новое издание, было поручено новой редакции, состоявшей из С. Н. Чернова, А. А. Покровского и Б. Е. Сыроечковского. <...> Работа над текстами по вновь выработанному плану началась в 1940–1941 гг., но вскоре ее вновь пришлось прервать. Наступившая вторая мировая война тяжело отозвалась на русской науке, — многие видные представители нашего научного мира пали жертвами этой войны; в числе их был и Сергей Николаевич Чернов <...>. Редакция понесла громадную потерю. Нужно отметить, что С. Н. Чернов проявлял глубокий исследовательский интерес и исключительную заботливость к изданию “Русской Правды”, но, к глубокому сожалению, безвременная смерть не дала ему возможности возглавить все это дело и довести его до конца; на этом этапе работы он успел прислать только несколько пробных черновых набросков или вариантов комментария лишь к первым страницам «Записки о государственном правлении», и далее все связи с ним прервались» (От Главного архивного управления // Восстание декабристов. М., 1958. Т. 7. «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие / Под ред. М. В. Нечкиной. С. 7–8).

⁷ Вишневский Михаил Станиславович (1898–1938), историк-архивист, сотрудник ЦАУ СССР (кон. 1920-х — нач. 1930-х гг.), заведующий кафедрой методики и техники архивного дела ИАИ (1931–1938) (См. о нем: *Крылов В. В., Хорхордина Т. И.* Михаил Станиславович Вишневский: судьба архивиста // Вестник архивиста. 2002. № 4–5, 6).

⁸ Как явствует из писем М. А. Черновой к матери за 1922–1925 гг. вопрос о ее допуске к архивным материалам разрешился весьма благополучно: «Живем в Москве почти месяц. Начали оба заниматься в архиве...»; «Пока я помогаю Сереже по собиранию материалов к его работе по декабристам»; «Через месяц будем в Москве <...>. Он (С. Н. Чернов. — Т. А., В. С.) просит меня помочь ему в переписке»; «Мы все еще в Москве и в Саратов попадем, вероятно, только лишь к началу мая, <...> работаем мы довольно много. Он исполняет служебную работу, за кот[орую] ему платят, а я ему переписываю и помогаю собирать материал для его собственных работ» (Из писем М. А. Черновой А. К. Филипповой от 11 октября, 7 ноября 1922 г., 15 ноября 1924 г., 9 апреля 1925 г. // Коллекция документов по истории Саратовского университета В. А. Соломонова (Саратов)).

№ 23

[23 декабря 1922 г., Петроград]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович!

Вчера, после встречи с Вами, мне удалось увидеть в Академии С. Ф. Ольденбурга¹ и от него узнать, что в эту субботу заседания Бюро Краеведения не будет. Состоится оно, по словам С[ергея] Ф[едоровича], через неделю.

Хороших праздников и всего лучшего.
Глубоко Вас уважающий,

С. Чернов.

П[етро]гр[ад]. 1922, 23 дек[абря]. 4 ч[аса].

ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Ч. 2. Л. 43.

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), востоковед-индолог, академик (1900), непреходящий секретарь (1904–1929) Петербургской АН (РАН, АН СССР), профессор Петербургского университета (с 1899).

*(Вступительная статья, публикация и комментарий
Т. В. Андреевой и В. А. Соломонова)*

Блокадные письма корабеля В. И. Першина*

Центральный научно-исследовательский институт (ЦНИИ) им. акад. А. Н. Крылова, который более двух десятилетий возглавлял Виктор Иванович Першин, основан в центральной части Петербурга на острове Новая Голландия 8 (20) марта 1894 г. первоначально как Опытовый судостроительный бассейн (ОСБ) Морского ведомства (в советское время Военно-Морских Сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии — ВМС РККА). С 1939 г. он становится гражданским учреждением. За более чем 110 лет своего существования Институт не раз менял подчиненность разным наркоматам, структуру и название: ОСБ (1894–1931), Научно-исследовательский институт военного кораблестроения ВМС РККА (НИВК) (1931–1938), НИИ-45 (1938–1939), ЦНИИ-45 (1939–1944), ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова (с 22 марта 1944 г.).

В 1994 г. Институту присвоен статус Государственного научного центра (ГНЦ) РФ, в его состав включены ЦКБ «Балтсудопроект» и НИИ стандартизации и сертификации «Лот». С 2000 г. он назывался Федеральное государственное унитарное предприятие (ФГУП) «ЦНИИ имени академика А. Н. Крылова», с 22 марта 2007 г.— ФГУП «Крыловский государственный

---

* Автор выражает благодарность Юрию Васильевичу Костычеву, Сергею Ивановичу Афанасьеву и Вере Петровне Новак за ценные советы и помощь в работе над этой публикацией.

научный центр» (КГНЦ)¹. Сегодня это крупнейший многопрофильный научный центр судостроения в России.

Из 15 директоров Института² В. И. Першин находился на этом посту дольше всех, 22 года его руководства называют «эпохой директорства Першина».

Виктор Иванович Першин (1902–1968) — ученый-кораблестроитель, специалист в области прочности и броневой защиты кораблей, выдающийся организатор отечественной судостроительной науки, один из научных руководителей разработчиков первой отечественной атомной подводной лодки «К-3» («Ленинский комсомол»), первого в мире атомного ледокола «Ленин» и боевых ракетных кораблей принципиально новых типов. Лауреат Ленинской премии (1959), член Английского королевского общества корабельных инженеров (1956), автор и редактор ряда книг³.

В. И. Першин родился 3 (16) марта 1902 г. в Петербурге в семье рабочего-столяра. Окончил начальное городское трехклассное училище (1913), высшее начальное четырехклассное училище (1918), Петроградский техникум водного транспорта (бывш. училище судовых механиков) (1922), Военно-морское инженерное училище (ВМИУ, с 1939 г. Высшее военно-морское инженерное училище — ВВМИУ) им. Ф. Э. Дзержинского (с 1998 г. Военно-морской инженерный институт) (1927) и Военно-морскую академию им. К. Е. Ворошилова (ныне ВМА им. адмирала флота Н. Г. Кузнецова) (1931).

Первое назначение Першин получил в Научно-технический комитет Управления ВМС РККА в качестве инженера кораблестроительной секции. Работая в НТК УВМС РККА под руководством Ю. А. Шиманского⁴, совместно с ним впервые в отечественном судостроении разработал методику расчета прочности подкреплений под палубные артиллерийские установки на кораблях (1930–1932). В. И. Першин был младшим приемщиком, а затем начальником группы приемки кораблей в Комиссии по наблюдению за постройкой кораблей (Комнаб) в г. Николаеве (1931), участвовал в разработке технологии, натурных испытаниях и организации серийной постройки первых отечественных цельносварных подводных лодок. Одновременно преподавал в Николаевском кораблестроительном институ-

те, руководил кафедрой строительной механики корабля, выпустил учебное пособие.

С 1935 г. В. И. Першин был переведен в НИВК (ныне ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова), где специализировался в вопросах прочности кораблей. В следующем году ему присваивается звание военинженера 2-го ранга. В 1937–1938 гг. руководил исследованиями и натурными экспериментами (с испытаниями путем подрыва зарядов и бомбометания с самолетов) с целью создания оптимальных принципиальных схем, разработки методов расчета и правил проектирования систем броневой и противоминной защиты проектировавшихся тяжелых артиллерийских кораблей (линкоров проекта 23 типа «Советский Союз», тяжелых крейсеров проекта 69 типа «Кронштадт» и легких крейсеров проекта 68 типа «Чапаев»). В 1938 г. Виктор Иванович назначается начальником отдела прочности и корабельных конструкций, а 23 сентября того же года ему было присвоено воинское звание военинженера 1-го ранга. С 20 апреля 1940 г. он назначен директором ЦНИИ-45 (Приказ НКСП СССР № 82/Н от 20.04.1940 г.) с оставлением в кадрах ВМС (с 30 ноября — инженер-капитан 2-го ранга).

В. И. Першин научно и организационно обеспечил проектирование и постройку кораблей по предвоенным судостроительным программам, в том числе по программе Большого флота⁵, провел реорганизацию Института в ведущий научно-исследовательский центр советского судостроения в системе Наркомата судостроительной промышленности (НКСП, с 1946 г.— МСП) СССР. Он разработал и осуществил мероприятия по повышению прочности и увеличению остойчивости эсминцев и лидеров типов «Гневный», «Сторожевой», «Ленинград», «Минск», а также по довооружению крейсеров типа «Киров».

В начале войны молодой директор организовал эвакуацию Института в Казань и лично возглавил оставшийся в Ленинграде филиал Института. Он обеспечил функционирование технических средств и зданий Института, организацию работы и питания сотрудников филиала в условиях блокады. В этих тяжелых условиях Виктор Иванович организовал и возглавил работы по ремонту техники и обобщению опыта боевых поврежденных кораблей в первую блокадную зиму, координировал работы

сотрудников Института по повышению боеспособности кораблей в Ленинграде, на флотах и флотилиях. 16 июля 1942 г. ему присваивается звание инженер-капитана 1-го ранга. С декабря 1942 по сентябрь 1944 г. Першин находился в командировке в США (из режимных соображений — с легендой и документами «профессора строительной механики корабля Ленинградского кораблестроительного института»), где обеспечил приемку кораблей и новой техники для СССР по ленд-лизу, изучал передовой опыт поточной постройки боевых кораблей и гражданских судов. Член Ученого совета ЦНИИ-45 (с 1943 г.), руководитель Комиссии по противоминной защите кораблей (1944–1954).

В 1947 г. В. И. Першин сумел обосновать необходимость развития Института как единого центра отечественной судостроительной науки и добиться отмены решения Технического совета МСП о разделении ЦНИИ на ряд отдельных учреждений. В 1951 г. во главе правительственной Комиссии осуществил комплексные натурные мореходные и прочностные испытания кораблей в условиях предельных штормовых нагрузок. В декабре этого года Першину присваивается звание инженер-контр-адмирала. Виктор Иванович был новатором в кораблестроении. Он разработал новейшие методы оценки и прогнозирования прочности и мореходности кораблей и судов и обеспечил повсеместный в отрасли переход к постройке цельносварных корпусов кораблей и судов вместо клепки. В 1956 г. находился в научной командировке в Англии.

В 1958 г. Виктор Иванович в обстоятельном и конструктивном докладе лично Н. С. Хрущеву в Крыму изложил итоги и перспективы развития ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова и обосновал место Института в отрасли. Во многом благодаря этому состоялось постановление ЦК КПСС, санкционировавшее продолжение научных исследований и дальнейшее финансирование крупного строительства экспериментальной базы Института.

Талантливый организатор науки, Виктор Иванович Першин отличался незаурядными организаторскими способностями. Главными критериями при отборе руководителей подразделений для него были уровень профессиональных знаний, способность работать с людьми и решать поставленные задачи. Большую роль играли требования морального характера. Партийность и нацио-

нальность не имели для него значения. Бескомпромиссно требовательный к себе и к другим, Виктор Иванович в работе с людьми руководствовался принципом: «Все для дела!»

По воспоминаниям сослуживцев, это был крепкий полный рыжеволосый мужчина, внешне мрачный и немного надменный. Его очень белое лицо выражало то ли отчужденность, то ли брезгливость, слегка оттопыренная нижняя губа придавала ему чуть-чуть презрительное выражение. Фигура была лишена спортивности, движения — медлительны. Единственным украшением, кроме золотых погон, была богатая огненно-красная шевелюра. Позднее Виктор Иванович перешел на штатскую форму одежды и предпочитал носить шедший ему однобортный коричневый костюм. С возрастом (особенно в фетровой шляпе) стал походить на У. Черчилля.

В. И. Першин с подчиненными держался всегда ровно, но на расстоянии, к сослуживцам был внимателен и уважителен, никогда не повышал голос. Виктор Иванович был наделен чувством вкуса и стиля. Это касалось не только его умения безупречно одеваться, но и стиля общения, манеры говорить, нелюбви ко всему лишнему. Он обладал хорошей памятью, отличался пунктуальностью, во всем был аккуратным до педантизма. Стиль руководства Першина был преимущественно кабинетным. Он умел слушать и вычленять суть, следил за стилем изложения, не любил лишних слов и рассуждений. Сам оратором не был, выступал предельно кратко, умно и убедительно. Говорил и писал (почерк имел четкий и разборчивый) всегда по существу, внят-но излагая свои мысли.

По любому вопросу Першин имел собственное мнение, которое считал единственно верным и не скрывал от окружающих. Это создавало ему славу человека упрямого и неуживчивого. Его многие недолюбливали, но уважали все, за глаза иногда называли Першак. Он был человеком прямым, твердым во взглядах и убеждениях, безоговорочно честным во всем. Определяя главные направления кораблестроительной науки и принимая непосредственное участие в составлении программ наиболее важных тематических работ, сам В. И. Першин не имел ученых степеней и званий. А когда ему предложили стать доктором технических наук (используя своих сотрудников или «по совокупности ра-

бот», иначе говоря — «по должности», как предлагал министр), Виктор Иванович отказался, считая подобную защиту для себя просто неприличной, и не использовал служебного положения в личных целях. О себе он говорил: «Я не ученый, я — организатор науки».

Институт был главным делом его жизни. Необычайно трудолюбивый, В. И. Першин засиживался в Институте допоздна, почти не бывал в отпусках, и это не могло не сказаться на его здоровье. В 1960 г. он как-то сказал: «Смерти я не боюсь, боюсь паралича и беспомощности». И именно это испытание вскоре было уготовано ему судьбой... В 1962 г. у Виктора Ивановича случился инсульт, его парализовало. Он оставил пост директора ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова и ушел на пенсию. В марте 1963 г. был уволен с военной службы в отставку по болезни «с правом ношения военной формы одежды».

В. И. Першин скончался 19 мая 1968 г. Похоронен на Богословском кладбище Петербурга. В память о нем в 1970 г. назван тральщик ВМФ («Контр-адмирал Першин»), в 2002 г. издана книга воспоминаний⁶. Традиции, заложенные Виктором Ивановичем Першиным, успешно продолжают в Институте и сегодня⁷.

***

В конце декабря 1941 и середине марта 1942 г. В. И. Першиным были написаны два письма (машинопись) из блокадного Ленинграда в Казань, куда эвакуировалась основная часть коллектива Института. Он просил их «особо широко не разглашать», однако считал целесообразным познакомить с письмами основных работников ЦНИИ, «с тем, чтобы они имели хотя бы некоторое представление о положении в Ленинграде и в Институте». В отношении второго письма было уточнено: «...предупредив о неразглашении того, чего не следует разглашать». Известно, что первое письмо он прочел ленинградской группе сотрудников, с которыми делил все тяготы и опасности блокадного быта⁸. Вероятно, прочел и второе, хотя подтверждением этого мы не располагаем. В те годы письма Першина были документом большой духовной и мобилизующей силы. В послевоенное время они, ставшие неотъемлемой частью истории Института, своего рода реликвией, несколько раз зачитывались

на общих собраниях как исторический документ, по-прежнему консолидирующий коллектив.

Первое письмо В. И. Першина полностью опубликовано (с незначительными текстологическими неточностями и без комментариев) в 2002 г. в узковедомственном издании, оставшимся неизвестным широкому читателю. Изданная ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова незначительным тиражом (220 экз.), эта юбилейная книга, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Першина⁹, вероятно, разошлась главным образом среди внутриотраслевого читателя (дарилась в презентационных целях руководителям отрасли и флота и другим, связанным с Институтом, лицам)¹⁰. Во второй половине 1980-х гг. в блокадных воспоминаниях четырех авторов — сотрудников Института (для троих из них, в том числе для самого Першина, эта публикация была посмертной) — «В стенах “Новой Голландии”» в сборнике «На стапелях под огнем» (Л.: Лениздат, 1986) опубликован фрагмент этого письма (текст этой статьи-воспоминания с фрагментом письма воспроизведен на сайте Интернета)¹¹. Он сокращен в 6,3 раза и не содержит *ни одной фамилии*. Ксерокопия *подлинника письма* с подписью В. И. Першина включена в состав служебных материалов по истории Института, подготовленных его сектором истории в октябре 1990 г. в нескольких экземплярах¹². Именно она и воспроизводится в настоящем издании. Сведения о публикации *второго письма* мы не располагаем и считаем его ранее не публиковавшимся.

Оба письма публикуются ниже. Они емко и по-военному точно описывают положение одного из крупных научно-исследовательских кораблестроительных центров Ленинграда в начале блокады, содержат сведения и о положении в самом городе. Это важный информативный источник по истории блокады и отраслевой науки Ленинграда в начальный период (первый год) войны. Главное в них — люди. В письмах фигурируют более 140 человек, из них только 22 фамилии приведены с инициалами (двумя, в ряде случаев — с одним). Кроме того, упомянуты не названные по имени и/или фамилии люди (раздатчица в столовой Надя, отец Ардова, мать Асеева, главбух, кладовщики). К сожалению, за давностью лет и с учетом закрытого (режимного) характера самого учреждения прокомментировать большинство

имен не представляется возможным. В определенной мере, да и то фрагментарно, нам это удалось немногим более чем в 50 случаях (см. в конце настоящей публикации).

---

¹ С присоединением к Крыловскому центру ФГУП «Акустический институт имени академика Н. Н. Андреева» (АКИН, Москва) и ФГУП «ЦНИИ судовой электротехники и технологии» (ЦНИИ СЭТ, Санкт-Петербург) (Указ президента РФ В. В. Путина «О федеральном государственном унитарном предприятии “Крыловский государственный научный центр”» от 22.03.2007 г.).

После госрегистрации ФГУП КГНЦ будет включен в перечень стратегических предприятий и акционерных обществ, утвержденный Указом президента от 4.08.2004 г. № 1009 «Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ».

² Заведующими (с сер. 1920-х гг. — начальниками, с 1939 г. — директорами) ОСБ (с 1931 г. — Института) были: А. А. Грехнев (1894–1899), А. Н. Крылов (1900–1908), И. Г. Бубнов (1908–1912), В.-Я. В. Таклинский (1912–1919), С. В. Вяхерев (1919–1924), С. О. Барановский (1925–1930), Н. В. Алякринский (1930–1937), К. Л. Григайтис (1937–1938), М. В. Харитонов (1938–1939), В. И. Першин (1940–1962), Н. Н. Бабаев (1962–1963), А. И. Вознесенский (1963–1975), Г. А. Матвеев (1975–1986), В. В. Дмитриев (1986–1990) и нынешний директор Института — акад. В. М. Пашин (с 1990 г.).

³ *Шиманский Ю. А., Першин В. И.* Расчет подкреплений под палубные артиллерийские установки. Л.: НТК УВМС РККА, 1932. 168 с.; *Шиманский Ю. А.* Сборник статей по судостроению / Под общей ред. В. И. Першина. Л.: Судпромгиз, 1954. 396 с.; Судостроение: Материалы юбилейного совещания работников промышленности, транспорта и строительства, деятелей науки и техники гор. Ленинграда. Июнь 1957 г. Посвящается 250-летию Ленинграда / Под ред. В. И. Першина. Л.: Судпромгиз, 1957. 158 с.; *Шиманский Ю. А.* Динамический расчет судовых конструкций / Под общей ред. В. И. Першина. Л.: Судпромгиз, 1963. 444 с.; *Першин В. И., Володин Н. С., Прокофьев К. Л., Алешин В. В.* В стенах «Новой Голландии» // На стапеле под огнем: Сборник воспоминаний и очерков / Сост. С. А. Боголюбов. Л.: Лениздат, 1986. С. 340–345.

⁴ Юлиан Александрович Шиманский (5(17).12.1883–11.04.1962) — выдающийся ученый-кораблестроитель. Ученик А. Н. Крылова. Профессор (1938), академик АН СССР (1953). Лауреат Сталинской

премии (1943). Сотрудник ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова (1939–1962). Зав. кафедрой строительной механики корабля Ленинградского кораблестроительного института (1944–1948). Разработал систему набора корпуса судов. Предложил новые методы расчета ряда конструкций корабля. Вместе с другим видным кораблестроителем П. Ф. Папковичем (1887–1946) участвовал в рассмотрении практически всех вопросов, связанных с прочностью корпусов военных кораблей, строившихся в стране. Автор фундаментальных трудов по строительной механике и теории корабля и подводных лодок, конструкции корпуса и прочности судовых конструкций: «Справочная книга для корабельных инженеров» (1916, в соавт. с М. Ф. Гардениным), «Расчет прочности подкреплений под корабельные артиллерийские установки» (1941), «Строительная механика подводных лодок: Справочная книга для корабельных инженеров» (1948), «Проектирование прерывистых связей судового корпуса» (1949), «Динамический расчет судовых конструкций» (1963) и др. Знаток и ценитель литературы, музыки, живописи. См.: Жизнь, отданная судостроению: Воспоминания об акад. Ю. А. Шиманском. Л.: Судостроение, 1973. 104 с.; *Ханович И. Г.* Юлий Александрович Шиманский, 1883–1962 [Предисл. А. Л. Яншина]. М.: Наука, 1978. 192 с.

- ⁵ Программа Большого флота — в 1937 г. было принято решение о развертывании в третьей пятилетке грандиозной (сегодня мы сказали бы — амбициозной) и напряженной программы строительства Большого морского и океанского флота СССР — линкоров и тяжелых крейсеров, превосходящих по своим ударным возможностям любые иностранные корабли. Ни один из них так и не был достроен. В 1937 г. Управление ВМС было реорганизовано в Наркомат Военно-Морского Флота (НК ВМФ) СССР. В том же году образованный в 1936 г. Наркомат оборонной промышленности (НКОП, нарком П. А. Смирнов) представил правительству 10-летнюю программу строительства ВМФ, составной частью которой была «Большая кораблестроительная программа 1938 г.». Не получив официального утверждения в целом, они принимались к исполнению поэтапно в ежегодных планах. Вся деятельность по координации НК ВМФ по строительству Большого флота была возложена на второго заместителя наркома И. С. Исакова (до этого командующий Балтфлотом), который контролировал работу НИИ-4 (бывш. НИСС), НИВКа и других институтов, подчиненных флоту. Руководил созданием Большого флота новый Наркомат судостроительной промышленности (НКСП, с 1946 г. — МСП) СССР (нарком И. Ф. Тевосян), образованный в январе 1939 г. на базе 2-го Главного управления Наркомата оборонной промышленности (НКОП) СССР.

В 1938 г. одним из ЦКБ НКОП был представлен к рассмотрению технический проект колоссального линейного корабля типа «Советский Союз» (проект 23) водоизмещением более 65 тыс. т. Проект был утвержден И. В. Сталиным к постройке, после чего ЦКБ приступило к разработке рабочих чертежей. По решению правительства первоначально были заложены четыре огромных линкора проекта 23 — «Советский Союз» на Балтийском заводе в Ленинграде, «Советская Украина» на Судостроительном заводе в Николаеве (Украина), «Советская Россия» и «Советская Белоруссия» в г. Молотовск (ныне Северодвинск) под Архангельском. Вскоре после закладки постройка «Советской Белоруссии» была прекращена. В связи с начавшейся войной ни один из оставшихся трех линкоров достроен не был, на стапелях ржавели их ребра.

Та же участь ждала и начатые строиться до войны два тяжелых крейсера проекта 69-и. Их как бы «вторым изданием» стала послевоенная попытка постройки самых больших артиллерийских кораблей в мире (водоизмещением 42 тыс. т.) — трех огромных тяжелых крейсеров проекта 82 (гл. конструктор проекта Л. В. Дикович). Они были заложены в 1951 г. на верфях Молотовского судостроительного завода (дир. Е. П. Егоров, заказ № 401), в Ленинграде и Николаеве. Но и их строительство не было доведено до конца. После смерти Сталина работа над проектом прекратилась, недостроенные корпуса крейсеров были разрезаны на металл (в Ленинграде и Молотовске), недостроенный николаевский крейсер был переоборудован в плавучую мишень для учебных стрельб.

⁶ Виктор Иванович Першин. К 100-летию со дня рождения: Сб. статей. СПб.: ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова, 2002. 122 с.

⁷ Используются следующие источники и литература. *Неопубликованные* (ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова, машинопись, ксерокопия): Материалы и документы по истории отечественного судостроения: Д. И. Менделеев и создание в России первого Опытного судостроительного бассейна (Документы) / [Сост. Р. М. Мельников, С. И. Афанасьев]. Л., 1983. 17 с.; Материалы к истории института периода 1930–1945 гг. / [Сост. Р. М. Мельников]. Л., 1990. Вып. 33291. 140 с.; Документы личного происхождения по истории отечественного судостроения. Вып. 1: Воспоминания К. Л. Григайтиса, К. А. Камешкова, Н. Я. Мальцева, Т. Л. Джеломанова / [Сост. С. И. Афанасьев]. Л., 1989. 73 с.; Биографические справки сотрудников Опытного судостроительного бассейна / [Сост. С. И. Афанасьев]. Л., 1989. 29 с.

Опубликованные: Кузин В. П. Виктор Иванович Першин. (Биографический очерк) // Виктор Иванович Першин. К 100-летию со дня рождения. С. 9–17, и опубликованные в этой книге воспоминания

- В. В. Беспалова, А. И. Вознесенского, А. И. Кудрина, Г. А. Матвеева, Э. Ф. Осиповой, Р. Я. Першица, А. А. Русецкого, Л. А. Семенова, Ю. В. Скорохода, В. С. Шпакова; *Гурс И. В.* Первый опытовый бассейн (исторический очерк). Л., 1968. 184 с.; Иван Федорович Тевосян в воспоминаниях ветеранов судостроительной промышленности / Сост. С. И. Афанасьев. СПб.: ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова, 1991. 115 с.; *Мелуа А. И.* Инженеры Санкт-Петербурга. М., 1996. С. 452; *Жуков Ю. Д.* Несостоявшийся флагман (История Проекта-82) // Андреевский флаг: Межрегиональный морской информационно-исторический вестник. 1992. № 8. С. 6–7.
- Материалы интернет-сайтов: *Буров В. Н.* Отечественное военное кораблестроение // <http://commi.narod.ru/txt/burov/433.htm>; *Котлов П. Г.* Главное дело жизни // http://old.minatom.ru/presscenter/document/news/PRINT_news250.htm; *Шмаков Р. А.* В. Н. Перерудов — главный конструктор первой отечественной атомной подводной лодки // <http://www.korabel.ru/news/view/history/1073555977.html>; ГИЦ «Центральный научно-исследовательский институт имени академика А. Н. Крылова» // <http://www.ksri.ru/rus/new/archive/pershin.htm> и др.
- ⁸ *Першин В. И., Володин Н. С., Прокофьев К. Л., Алешин В. В.* В стенах «Новой Голландии» // На стапелях под огнем: Сборник воспоминаний и очерков / Сост. С. А. Боголюбов. Л., 1986. С. 343.
- ⁹ Виктор Иванович Першин. К 100-летию со дня рождения. С. 109–117.
- ¹⁰ Об этом свидетельствует напечатанный на обороте первой страницы обложки типографский текст за подписями нынешнего и двух прежних директоров Института — В. М. Пашина, А. И. Вознесенского и Г. А. Матвеева: «Глубокоуважаемый (прочерк для вписывания имени-отчества от руки. — В. Ж.) Этот сборник, посвященный <...> вручается Вам с благодарностью за Ваш вклад в развитие судостроительной отрасли и Военно-Морского флота страны, на добрую память о выдающемся организаторе судостроительной науки...».
- ¹¹ *Першин В. И., Володин Н. С., Прокофьев К. Л., Алешин В. В.* В стенах «Новой Голландии». С. 343–345. Интернет-версию статьи см.: <http://www.warships.ru/TEXT/WW2-Leningrad/45.html>. Обновлено 24.02.2005 г.
- ¹² Материалы к истории института периода 1930–1945 гг. / [Сост. Р. М. Мельников]. Вып. 33291. С. 68–77.

Письма В. И. Першина из блокадного Ленинграда (сотрудникам института, эвакуированным в Казань¹)

Письмо первое

Ленинград, 24 декабря 1941 г.

Дорогие друзья и товарищи!

Пишу вам о нашей жизни в осажденном городе, в нашем славном, прекрасном Ленинграде.

В течение трех месяцев мы отрезаны от остальной части Советского Союза; враг практически сомкнул свои клещи вокруг города. Около четырехсот воздушных тревог пережил Ленинград за время войны. Многие тревоги принесли неисчислимые бедствия и смерть большому количеству семей — убиты, искалечены отцы, матери, дети, разбито и сожжено жилище и имущество.

Около трех месяцев бандиты изо дня в день обстреливают разные районы города, выпуская ежедневно сотни фугасных и шрапнельных снарядов, стараясь поразить как можно больше жителей города в домах, на улице, в очередях. Много прекрасных зданий Ленинграда пострадало от бомб или снарядов. Например, Мариинский театр пострадал дважды, старинное здание Ленэнерго почти полностью разбито, пострадал Аничкин² дворец, Гостиный и Апраксин дворы, Фрунзенский универмаг, Петропавловская крепость, сгорели Зоологический сад, Госнардом, Бадаевские склады, Семеновский плац, пострадал Русский музей³ и т. д.

Почти нет улицы, где бы не было разбитых или пострадавших зданий. Нанесен ущерб заводам, вокзалам, особенно госпиталям и больницам. Дом ЦКБ-17 сгорел, ЦКБ-18 пострадал⁴.

Исаакиевский и Казанский соборы, все мосты, Зимний дворец, Эрмитаж и др[угие] особо ценные сооружения целы⁵.

Много жизней унесли фашистские бомбы и снаряды. Город перенаселен (за счет беженцев из смежных областей, прибалтийских стран и пригородов)⁶, поэтому почти каждая бомба или снаряд приносит смерть людям.

Пригороды Ленинграда — эти чудесные места — Павловск, Гатчина, Пушкино⁷, Петергоф и др[угие] — опоганены и разорены

захватчиками. Нет больше знаменитых фонтанов; Самсона немцы разрезали и увезли, как лом. В пригородах, временно захваченных фашистами, население испытывает невыносимые страдания; очевидцы рассказывают о повешенных советских людях, которых немцы запрещают снимать, этим рассчитывая застрашать население, которое не желает мириться с захватчиками.

Ленинградцы к свисту и разрыву бомб и снарядов привыкли; стали к ним настолько безразличны, что большинство не укрывается, спокойно занимается своими делами. Не бомбы и снаряды страшны нам. Страшен голод. До декабря мес[яца]⁸ население еще держалось, подчас некоторыми домашними запасами, многие внутренними накоплениями в организме, во многом бодрым духом и надеждами на скорый прорыв блокады; во всяком случае, смертельных исходов на почве голода было немного. Первая декада декабря, однако, дала резкий скачок в худшую сторону — люди стали умирать. Вторая декада оказалась исключительно тяжелой. Смерть скосила за вторую декаду много десятков тысяч человек. Люди умирают на дому, в цехах, на улице⁹. На кладбищах не успевают хоронить, переходят к братским могилам. Гробов достать невозможно, делают сами, стали хоронить без гробов. Часто видишь на улице санки, на которых везут завернутый в простыню или одеяло труп. Многие вообще не зарывают трупы, оставляя их на кладбище в надежде, что их захоронят в общую могилу¹⁰. Такого тяжелого положения в 19–20 годах в Ленинграде не было. Тогда можно было кое-что достать в пригородах — картофель, овес и пр.; сейчас эта возможность исключена, ибо линия фронта проходит непосредственно под Ленинградом (Нарвский и Московский районы за Путиловской веткой жел[езной] дороги, включая заводы Кировский, Ждановский, Электросила, — эвакуированы; в них можно проникнуть лишь по специальным пропускам).

Заводы почти не работают, так как нет топлива и электроэнергии¹¹, к тому же рабочие обессилели от недостатка продовольствия. Трамваи не ходят¹². Третья декада будет еще более тяжелой; многие погибнут.

Несмотря на исключительно тяжелое положение, население переживает эти неслыханные лишения весьма стойко, выдержанно. Даже совсем обессилевшие люди вполне отдают себе отчет в том, кто виноват в их гибели, совершенно лишены при-

знаков поражения, полны уверенности в победе советских войск и не теряют надежды на освобождение города в ближайшие дни. Эта твердость советских людей (в массе), уверенность в победе, сплоченность в ненависти к врагу весьма характерны для всего ленинградского населения и, безусловно, помогают ему легче переносить лишения, увеличивают длительность его сопротивления и, в конечном счете, являются залогом окончательной победы над врагом. Ленинградские войска днем и ночью изматывают врага, пройдет некоторое время, и враг будет разгромлен под Ленинградом так же, как под Москвой¹³.

Город может произвести на свежего человека довольно странное впечатление. Много зданий разрушено, в некоторых дыры от снарядов диаметром в несколько метров. Во многих домах нет стекол. Становится обидно за нашу наивность и неподготовленность, когда вспомнишь такое «важное» мероприятие, как заклейка оконных стекол бумажными ленточками. Что могут сделать ленточки, когда от взрыва бомбы (или большого снаряда) вылетают рамы в соседних домах? Сейчас большинство окон забиты фанерой, досками, ставнями¹⁴, вне зависимости от того, выбиты стекла или еще нет. Но и это мало помогает. Все окна магазинов заделаны либо кирпичом, либо громадными ящиками с песком или землей, по ширине захватывающими половину тротуара. Провода трамвайные и троллейбусные порваны, на улицах сугробы снега (нет сил для уборки)¹⁵. Во многих домах нет освещения, воды. В домах с центральным отоплением последнее не функционирует, т[ак] к[ак] уголь вывезли на заводы и станции. Ленинград вновь возвратился к знаменитым буржуйкам, которые делаются в большом количестве самых различных форм и фасонов¹⁶. На улицах появились саночки, которые ленинградцы используют для всех своих надобностей — привезти дров, перевезти мебель, отвезти покойника и т. д.

На улицах очереди: люди часами ожидают — не привезут ли чего-либо в магазин для выдачи по карточкам. Очереди часто страдают от обстрела, однако не расходятся при наличии последнего. Были случаи, когда, напр[имер], очередь за квасом не стояла, а лежала (таким образом, термин «стоять в очереди» далеко не единственный для обозначения процесса длительного ожидания; можно также «лежать в очереди»).

Теперь кратко о нашем Институте. До декабря мы занимались следующими работами: капитально ремонтировали моторы торпедных катеров¹⁷, создали небольшую мехмастерскую и изготавливали детали для заводов, выпускающих продукцию для фронта, делали специальные деревянные ящики для фронта, в небольшом объеме проводили некоторые тематические работы, главным образом по составлению отчетов по ним, выполняли ряд проектных работ по заданию флота и заводов, приступили к большой и исключительно важной в настоящих условиях работе — фиксации и обобщению боевого опыта в части повреждений наших кораблей, с целью последующего учета этого опыта при проектировании и постройке новых кораблей. Сейчас работы на станках не производим — нет электроэнергии. Не дают энергии даже для дежурного освещения и бойлера. Дизельная освещает от своего движка, но трудно изворачиваться с бензином.

Работу по фиксации и обобщению опыта развернули в широких размерах (конечно, не на основе приказа двух заместителей наркомов — этот приказ для нас непонятен, кто его составлял?) Работу проводим совместно с НТК¹⁸, заняты в ней от Института до 15 человек. Винтовая группа продолжает выпускать чертежи винтов для заводов, главным образом чертежи приспособления имеющихся¹⁹ отливок. Дизелисты имеют заказ на ремонт 80 моторов, до апреля мес[яца] включительно. Ремонтная группа Демьянова занята разным ремонтом — заделывает выбитые стекла и рамы, ставит печи и т. п. Несколько работниц 3-го отдела делают свечи из парафина²⁰ для отделов. Столяры Володина делают гробы. Таким образом, всех стараюсь занять работой, считая, что человек без работы быстро опускается и гибнет. Больных (лежащих от истощения) свыше трети всего состава. Умерших в декабре (до 24.12) — 4 человека (Крысов, Павлов Д. А., Пакушин, Бочтарев). Несколько ранее умер Полеухин. Умер также Евгеньев. Павлов Д. А. умер в ночь на 17.12 в Институте; до последнего момента его поддерживали и подбодряли, но организм не выдержал, и он не дождался выезда (он с Перником должен был везти чертежи в Горький и по этой причине вылететь на самолете, но вылет все откладывался, по видимому, нет бензина). Приходится пожалеть, что он не уехал на барже, надеясь скорее добраться поездом.

В целом положение с личным составом тяжелое, многие ходят как тени, еле передвигаются, работать не могут. Для поддержания выдаю спирт, выдал крахмал и заканчиваю раздачу технического желатина (оказавшихся на складе). Раздается много голосов за использование олифы (ее у нас много), но очистить от сиккатива не можем. В нашей столовой Надя выдает по карточкам по тарелке супа (часто из воды и капустных листьев, т. н. «хряпа»²¹); к сожалению, больше одной тарелки хряпа²² выдать не удастся.

Бомбы непосредственно на территории Ин[ститу]та не падали, обстрел же нашей территории и прилегающего района ведется почти ежедневно. На территорию и в здания Института попали до сего дня 12 снарядов. Один попал в пятый этаж здания (стену и крышу восстановили), один в насосную станцию (стены восстановили заново), два снаряда в склад (стену зашили 2-дм досками, восстановить крышу и верхнее перекрытие не хватает сил). Один снаряд попал в гидравлическую, два в административный корпус (один над столом т. Содман), один в цистерны, зарытые в землю у ворот дизельной, и т. д. Выбиты стекла в пятиэтажном и трехэтажном зданиях²³ по одной стороне полностью (некоторые с рамами), по второй частично, в дизельной и гидравлической полностью, в других зданиях частично.

Последний снаряд, упавший на территории порта²⁴, попал в дымовую кирпичную трубу на уровне головы человека. Образовалась дыра, но труба стоит (до войны мы много думали о ней). Этот снаряд убил двух, тяжело ранил пять человек. За все время пострадавших — сотрудников Института — нет: если бы не укрывали при обстреле, то жертвы, безусловно, были бы.

В связи с недостатком топлива, электроэнергии, а главное, вследствие безобразного поведения таких людей, как Сахаров, в порту, заморозили трехэтажное здание и административный корпус. Сейчас все помещаемся в комнатах III отдела, причем комнаты Аристова предоставлены для эвакуированных из Таллина и Кронштадта техотдела и отдела связи КБФ. Столовую устроили в модельной; винтовую мастерскую оборудовали под жилье наших командиров, комнату 2-го этажа над нею — для ночлега дежурных по МПВО. Штаб Дмитриева устроили в калориферной в 3-этажном здании; там же «кабинет» Мешкова (одно достоин-

тво — полная защита от снарядов, зато ни одного окна). В дополнение к водяному отоплению ставлю кирпичные печи.

Еще несколько слов о личном составе. На общем фоне истощения и упадка сил довольно бодро держатся Гордон, Семенов-Тянь-Шанский, Л. М. Алексеев, Королев С. В., Соколов С. В., Соколов К. А., Денежкина, Мухина, Андреева (она гл. бух[галтер], Астафьев уволился), Ефимова, Алешин, Иванов, Олюнин, Печенюк, Шапиро, Максимов, Никонов, Полотнов, Демидович, Поляков, Пушкарев, Богун, Мешков, Бабчин, Бацелюк (кассир), Борок, Бусыгин, Томашевский, Бакульманов, Фураева, Дмитриев. В последнее время стали заметно сдавать Попов, Морковин (сильно сдал, но бодрится), Шахов, Мурагин, все модельщики III отдела, почти весь ОКС, почти вся охрана, Селиванов, Комаров, Черняев (плох), Сосунов, Чекмарев, Жуков, Воробьев, Кушко, Морозов, Назаров, Лазаренко, Демьянов, Шлюнько, Прокофьев и др. Еле ходят Артамонов, Афанасьев и др.

Вообще интересно отметить, что трудности и лишения как бы сбросили одежды с людей, позволили увидеть их в натуральном виде, без маскировки и притворства. Выявляется действительное духовное содержание человека, становятся очевидными все его моральные качества, наружу выпирают все низменные наклонности (если они имелись, но тщательно до этого времени скрывались).

Наряду с самоотверженно работающими, твердыми и устойчивыми людьми, у нас в Институте выявились лица, ставящие личное самосохранение на первое место. Такие люди изворачиваются с исключительной ловкостью, лишь бы не пойти на фронт; выдумывают десятки разных причин, лишь бы уехать из Ленинграда в Казань.

Конечно, к таким людям у нас создается вполне определенное отношение, вытекающее из взгляда, что для будущего Института должны быть отобраны и сохранены люди, ценные в деловом отношении, устойчивые и выдержанные в политическом отношении и обладающие высокими моральными качествами подлинно советского человека. Только с такими людьми можно будет создавать новый Институт, который *действительно*²⁵ будет решать сложные вопросы создания советского *военного* и *коммерческого* флота, который действительно будет центром технического прогресса в кораблестроении.

Вам, работающим в Казани в трудных, своеобразных условиях, изложенное, мне кажется, будет понятно. Если так, то мой совет — освободитесь от работников, если они не удовлетворяют хотя бы одному из указанных условий. Балласт — это груз не лишний, а вредный. Лучше иметь меньший по численности коллектив, чем разбухшую, неустойчивую массу людей, на которых в нужный момент нельзя опереться и положиться, которые в жизни руководствуются исключительно соображениями личного благополучия.

Они найдут себе применение в нашей необъятной стране и, быть может, с пользой будут работать. Но Институту они не нужны, с ними важных задач не решить. Такие люди есть в ЦНИИ — в Ленинграде, есть они и в Казани. Прежде мы, занятые с утра до ночи текущими делами, бумагами, телефонами и прочим], не изучали, не замечали людей, хотя поминутно с ними общались. Война все изменила.

Несколько слов о сотрудниках, ушедших в Армию по мобилизации или добровольно. За исключением небольшого числа «ловчил», все наши товарищи из Института храбро дерутся с врагом. На передовых позициях находятся тт. Носовенок, Аверин, Диев, Маслов, Тропашко, Назаров (III отд[ел]), Лебедев, Лапшин, Рапин, Кольин, Мандельштам, Журавлева и много других, от которых мы не получали писем. Нет сведений о Станякине, который ушел на фронт пулеметчиком. Нет также сведений о т. Ивине, который в партизанах. После Ревеля²⁶ ничего не слышно об Овчинникове, который отлично воевал.

Были ранены в боях тт. Ващин (молодец, будучи ранен, вывел группу бойцов из окружения), Гусев из ОКСа (тяжело ранен, поправляется, но в Армию вернуться не может), Кандыба, Васильев М., Цифринович, Дрягин, Семенов (кузнец), Алексеев Ф., Петров Н. (IV отдел), Маслов В. — электрик, Абрамович Г. С., Масленников (мех[аническая] маст[ерская]). Почти все выздоровели.

Убиты Егоров (мех[аническая] маст[ерская]), Катышев — электрик, имеются сведения еще о трех сотрудниках, но неофициальные.

Всего мобилизовано 126 чел[овек], добровольно мобилизованных и ушедших добровольцами 76 чел[овек], всего 202 чел[овека].

Тов. Скрынник взят Горкомом на особую работу, Бойцов — политруком в саперном батальоне на фронте; тт. Петров А. А., Лучининов, Михневич, Степанов Г. И. и др[угие] взяты в школу политруков.

На сооружении оборонительных укреплений под Ленинградом Институт потерял пять человек (тт. Щербаков, Назарова, Иванов В. В. — III отдел, Степанова и Тарыгина — II отдел). Возможно, что они живы, но находятся в фашистском плену.

Несколько слов об отправке в Казань третьей очереди сотрудников. В августе месяце я не успел отправить эшелон с сотрудниками, семьями и оборудованием — опоздал всего на несколько дней. Как неприятно вспоминать разговоры и даже угрозы со стороны НТКовцев²⁷, направленные к недопущению эвакуации кавитационной лаборатории (сами же НТКовцы успели «эвакуироваться» ранее кавтрубы²⁸). Дорого обошлась моему равновесию и спокойствию постоянная тревога за погруженное на платформы оборудование. К счастью, пока все цело (четыре платформы и вагон стоят на Сортировочной станции)²⁹. Два классных (эстонских) вагона нами³⁰ были дооборудованы и до последних дней охранялись круглые сутки. Обидно будет, если их отберут после восстановления железнодорожной связи.

Первого декабря были организованы партии для эвакуации пешеходным и автомобильным способом (через Ладожское озеро, 350 км до жел[езно]дорожной станции). Но отправка не состоялась, как вследствие резкого ухудшения физического состояния эвакуируемых, трудности пути, отсутствия горючего, так и вследствие ухудшения положения на фронте (прорыв немцев с юга, финнов с севера на Волхов). Сейчас, в связи с серьезными успехами наших войск, надеюсь отправки произвести железнодорожным путем. Если даже положение улучшится значительно (имею в виду фронт), то и в этом случае людей и погруженное оборудование вывезти необходимо (люди истощены до предела, оборудование может погибнуть от бомб).

Поданы также в Смольный списки на эвакуацию самолетов, однако этот вид транспорта в последнее время замер.

Предложено эвакуировать, при возможности, конечно, следующих сотрудников с семьями: Зотикова, Шапиро, Козловского, Мурагина, Никонова, *Абрамовича С. Ф.*, Чекмарева, Гага-

рина, *Камешкова*, Морковина, Шахова, Бабаджаняна, Алешина (только с трубой), *Бегизовых*, Перника, Холмского, Володина, Пятлина, Олюнина, *Гольбица*, *Замаховского*, *Сергеева*, *Лысенкова*, Черняева, Михайлова В. Е., Каменского, Прокулевич, *Минович*³¹, Казакову, *Селиванова*, кроме того, отца Ардова, мать Асеева, семью Лавренова (подчеркнутые вызывают сомнение в необходимости и целесообразности эвакуации их³²). Товарищ Павлов не дождался (был включен в список на самолет).

Вас, уехавших в Казань, безусловно, интересует вопрос о состоянии ваших квартир, мебели³³. К сожалению, ваше вполне естественное и законное любопытство в этом вопросе удовлетворить не могу. Начал было производить проверку квартир уехавших сотрудников, но далеко не закончил; теперь же сделать это не в состоянии, так как сотрудники Института еле двигаются, многие выше третьего этажа подняться не в состоянии. Возможно, что часть комнат заселена временно, но препятствовать этому невозможно, ибо таково постановление властей о временном расселении жителей домов, разрушенных бомбами и снарядами. Были в Ленинграде случаи использования имущества эвакуированных управхозами, но в этом отношении приняты меры и есть осужденные³⁴.

Во всяком случае, о разрушении домов, в которых жили наши сотрудники (за исключением сгоревшего институтского дома на Средней Рогатке), мне неизвестно. Если будет улучшено продовольственное положение, и люди смогут нормально ходить, произведу поголовную проверку целости жилищ всех эвакуированных в Казань.

Умер инженер VII отдела т. Жуков, свалились на работе 26 декабря³⁵ т. Алексеев Л. М., Гескин. Истощение с каждым днем дает себя чувствовать сильнее и сильнее. Многие держатся не столько питанием, сколько надеждой на скорое улучшение положения на фронте под Ленинградом и, в связи с этим, на освобождение железной дороги для подвоза продовольствия.

В заключение считаю необходимым еще раз подчеркнуть, что работники Института, безусловно, перенесут все трудности и лишения. В этом у нас полная уверенность.

Последние успехи частей Красной Армии на всех фронтах еще более укрепляют эту уверенность. Мы твердо верим в близость дня, когда враг под Ленинградом будет разгромлен. Желаю

вам успеха в работе. Прошу передать от ленинградских работников Института привет всем казанским работникам.

Настоящее письмо прошу особо широко не разглашать, однако считал бы целесообразным познакомить с ним основных работников Института, с тем, чтобы они имели хотя бы некоторое представление о положении в Ленинграде и в Институте.

(Подпись В. И. Першина)

Письмо второе

В порядке информации кратко сообщаю о жизни и работе Ленинградского отделения Института.

*Территория и здания Института*³⁶

Трехэтажное здание необитаемо, за исключением телефонной станции, где, благодаря энергии и исключительному трудолюбию Бусыгина и Нейман, довольно сносная температура, поддерживаемая почти непрерывной топкой «буржуйки»: АТС работает почти бесперебойно. Пятиэтажное здание обитаемо только в трех комнатах первого этажа (VII отдел).

Помещения и здания IX отдела, фото-кинолаборатории, электроподстанции, котельный и паротехнический стенды, пристройки к бассейну — не отапливаются и необитаемы.

Административный корпус во втором этаже временно заселен работниками Порты, которые загрязнили это здание до предела; сейчас приняты меры к приведению этих помещений в порядок.

В бассейне поддерживается довольно сносная температура от трубы свежего пара, идущей в Порт; отдел следит за бассейном и держит его в порядке; если бы дали электроэнергию, то бассейн можно пустить в эксплуатацию незамедлительно.

Полностью обитаемым зданием является здание III отдела, в котором, помимо нас, разместились еще Техотдел и Отдел связи КБФ — кроме загрязнения помещения, не приносящие нам никакой пользы. Это здание отапливается от портовской котельной. Правда, половина комнат отапливается от временных кирпичных и железных печей, но это наша вина, так как не су-

мели уберечь трубы и грелки от замораживания. Отапливаются паром также дизельная и проходная. Как редкое исключение в Ленинграде, в здании Института (и в дизельной) почти без перерыва работает водопровод.

Электроэнергии у нас нет свыше трех месяцев. Работает для освещения дизельный движок, но от него получить энергию на освещение Института не удается — мала мощность.

Летом предстоят больше ремонтные работы во всех зданиях. Делаем попытки, получить наряды на материалы (трубы, арматура, цемент, кирпич, лесоматериалы и пр.). Предполагаем кое-что достать на наших заводах, пока они находятся в стадии паралича.

Я уже сообщал координаты падения вражеских снарядов на территорию Института. Напомню, что всего попало 13 снарядов³⁷. Последний снаряд попал в крышу бассейна³⁸, посередине его длины. Это повреждение заделали довольно быстро; тележка, рельсы и канал не пострадали. Пробоины в крыше административного корпуса и на складе до сих пор не заделаны — нет возможности выполнить работу. Достаточно сказать, что на работу у Демьянова не выходят все 100% его группы, включая и его самого.

Бытовые вопросы

Столовая продолжает функционировать. Как правило, обеспечиваются первым и вторым (каша) все сотрудники Института, частично обеспечиваем обедами членов семей. Больные сотрудники либо приходят обедать сами, либо присылают за обедом домашних.

Две большие комнаты отведены под общежитие сотрудников. В Институте тепло, имеется вода, уборная, кое-какое освещение; кроме того, ходить домой ежедневно многие сотрудники не могут из-за слабости.

В феврале и особенно в марте удалось правдами и неправдами обеспечить карточки первой категории большинству работников Института и почти всем инженерам. Снабжение по первой категории в настоящее время все же дает возможность поддерживать существование, если организм не истощен до предела³⁹.

Для поддержания и сохранения жизни сотрудников и их семей выдали все, что могли. В частности, розданы ок[оло] 150 кг

льняного масла и 350 кг льняной олифы (все это откопали на узком дворе), желатин, мездровый клей ок[оло] 200 кг, столярные клей, крахмал, спирт свыше 100 литров и пр. В ближайшие дни распределим еще 75 кг мездрового клея и бочку олифы.

Должен оказать, что в области суррогатирования в Ленинграде и у нас в Институте сделаны серьезные открытия; лично я в течение 2-х месяцев употребляю в пищу мездровый клей и могу лишь отметить его превосходные вкусовые качества.

Советую, на всякий случай, Институту в Казани иметь это в виду. Пусть т. Санин закупит тонну-две мездрового клея или животного желатина для питания сотрудников (в виде студня). То же в части олифы. Нужно только тщательно провести анализ на содержание свинца. Если он будет обнаружен (в нижней части бочки), нужно олифу от него избавиться. В остальном прекрасный пищевой продукт, который можете раздать сотрудникам.

Личный состав

На 1-ое декабря в Л[енинградском] о[тделении] Института было по списку около 220 чел[овек], сейчас, на 15-ое марта⁴⁰, около 140 чел[овек]. За это время некоторое количество сотрудников выехало в Казань и вообще из Ленинграда; некоторое количество принято вновь (главным образом, в охрану, которая обновлена полностью). В декабре умерли 8 человек, в январе 27 чел[овек], в феврале 15 чел[овек], т[о] е[сть] всего за три месяца — 50 человек, что составляет около 23% всего состава.

Список умерших (уточненный и дополненный) мною выслан в Казань несколько дней назад (в марте месяце умерли еще три сотрудника: тт. Олюнин С. Г., Боброва И. Д. и Смирнов С. Г.). Из погибших весьма жаль Алексеева Л. М. и Сосунова А. П., которым мы могли бы сохранить жизнь, если бы не их желание обязательно лежать дома, а не в Институте.

Совершенно бесцельно погиб Мешков В. П., до последнего дня бодрый, с твердой верой в победу и физически достаточно крепкий, чтобы пережить тяжелое время. По-видимому, его убили где-либо в районе Невского проспекта, с целью ограбления (он был в шубе). Все наши поиски по отделениям милиции, больницам, моргам не дали никаких результатов.

Несмотря на отсутствие ног и кистей рук, до последнего дня был бодр т. Олюнин. Он умер в больнице, куда его доставили для операции. Перед смертью был принят в кандидаты партии.

В когтях смерти находятся еще несколько товарищей, в том числе Назаров, Морковин, Черняев.

Комарову и Морковину оказывали все виды возможной помощи; не знаю, удастся ли спасти, тем более что наши ресурсы весьма ничтожны и малокалорийны.

Помимо истощения (дистрофия), почти все перенесли в той или иной степени желудочные заболевания; последние многих довели до такого состояния, что удивляешься, как еще жив человек. В последнее время появилась цинга, которая все более и более распространяется среди населения и части сотрудников. Десны распухают, выпадает зубы, ноги становятся бесформенными. С ней бороться нелегко, ибо нужны витамины, клюква, лук, сырые овощи — а где их взять⁴¹?

В частности, В. Я. Скрынник был доставлен недавно в больницу Смольного в состоянии на грани гибели, у него цинга в весьма сильной степени. Сейчас он начинает поправляться. Вас, возможно, интересует вопрос — откуда доставлен Скрынник; отвечаю — с особой работы вблизи Ленинграда.

В марте месяце количество находящихся на больничных листах по причине истощения несколько снизилось, но все же не опускается ниже 30%. Работающие весьма слабы, и не могут выполнять более или менее тяжелых и длительных физических нагрузок. Поэтому многое, что необходимо было бы сделать, остается невыполненным.

Питание в Ленинграде в настоящее время таково, что дает возможность держаться некоторое время, если бы не резкий подрыв и истощение организма в декабре и январе месяцах, когда кроме 250 и 125 граммов суррогатного хлеба практически ничего больше не выдавалось⁴². Поэтому для восстановления работоспособности людей нужен особый весьма усиленный паек, а ожидать таковой пока что не приходится. Это на многих действует подавляюще. Требуется все время держать людей под наблюдением, чтобы они не поддавались чувству обреченности, не деморализовались.

В настоящее время людей во II и VII отделах недостает. Работы из-за этого задерживаются. Кроме того, для развертывания

работ в будущем понадобится большое количество людей, а их не будет. Поэтому сейчас подбираю в Институт инженеров и рабочих, представляющих определенную ценность.

Некоторые предприятия и учреждения в феврале и марте месяцах эвакуировались; часть работников не пожелали или не могли выехать. Вот из этой среды мы и производим набор. В частности, принял на работу Беляковского, Скобова и Курдюмова из ЛКИ. Все трое дали обещание работать в Институте постоянно, а Скобов дал заверение больше не халтурить. Из этих лиц составил группу по строительной механике и загружаю ее соответственными работами.

Подыскиваем также механиков в VI отдел, гидромехаников и модельщиков в бассейн и др. Тщетно пытаюсь подобрать ремонтную бригаду — строительных рабочих в Ленинграде нет; весьма дефицитны также водопроводчики.

Работа Института

В настоящее время Институт в основном занят выполнением двух работ: ремонт моторов в дизельной лаборатории и обследование повреждений кораблей. Кроме этих работ, во II отделе выполняются несколько заказных работ, в III отделе проектируются винты, в VI отделе составляются отчеты по тематическим работам. Помимо всего этого много сил и времени уходит на самообслуживание и поддержание, и сохранение Института.

Работы по ремонту моторов торпедных катеров выполняются довольно успешно. По последнему заказу с начала декабря м[еся]ца отремонтировали все 50 моторов и испытали на стенде 24 мотора; испытание остальных 20-ти моторов (окончание заказа) выполним до 15 апреля с[его] г[ода]. Важность этой работы для Вас должна быть ясна, если указать, что этими моторами определяется все наличие катеров в Балтике.

Работы по обследованию повреждений кораблей, описанию и анализу этих повреждений и пр[очее] развернуты довольно широко и проводятся пока что успешно. Результаты будут весьма ценные и полезные теперь и в будущем. Институт на этой работе растет. Часть результатов уже оформляется, некоторые выводы реализуются при ремонте кораблей. Так как эта работа у Вас, естественно, вызывает большой интерес, то о ходе и содер-

жании ее одновременно изложено в другом, специальном письме. Производственный и технический отчеты мы выслали Вам; из них Вы увидите, чем занималось Ленинградское отделение Института до конца декабря м[еся]ца. Сейчас заканчиваем тематический план и высылаем в Казань.

Помимо работ, непосредственно необходимых для кораблей КБФ, будем по мере сил также выполнять некоторые работы исследовательского порядка, сначала с упором на теоретическую часть, а в дальнейшем, если позволит обстановка, проведем ряд экспериментов в бассейне и на стендах VI отдела.

Судбасстрой

Считаю необходимым сказать несколько слов о новых бассейнах. Я уже писал, что помещение механической мастерской Института завалено материалами и оборудованием Судбасстроя⁴³.

Конечно, много имущества, особенно громоздкого, осталось на месте. Часть монтажных материалов, например троллейные провода, переданы предприятиям города. В зданиях Судбасстроя разместилась воинская часть, которая по мере сил уничтожает все деревянные части (двери, окна) для топки печей, а также «обследует» кладовые и ящики с оборудованием. Склады строительных материалов растащены полностью.

Сами здания пострадали от снарядов и бомб незначительно; при восстановлении не составит большого труда исправить все эти повреждения. Из 18 человек охраны остались лишь три чел[овека], да и о тех ничего не слышно. Сам Кривцов был на грани смерти; сейчас медленно поправляется; его аппарат из нескольких человек (главбух, кладовщики) фактически не работает — все на больничных листах.

Таким образом, Судбасстрой в настоящее время совершенно без присмотра. Тем не менее, я считаю, что при улучшении положения под Ленинградом, Институт должен в него вцепиться и, возможно, взять полностью под свою опеку. Считаю, что новые бассейны нужно восстанавливать и вводить в действие, быть может, еще до окончания войны. Во всяком случае, это касается большого бассейна. Кавитационную трубу, по-видимому, будет целесообразным монтировать не в прежнем помещении, а в зданиях Судбасстроя.

Однако пока что все эти предположения несколько преждевременны: ближайшее будущее подскажет план действий.

Что же касается бассейна ЦАГИ⁴⁴, то его нужно прибрать к нашим рукам, по меньшей мере, загрузить нашими работами. Однако по этому вопросу у меня нет достаточных фактических данных для обоснованных рассуждений и высказываний.

*О нецелесообразности оставления части
Института в Ленинграде*

В письмах ряда сотрудников, находящихся в Казани, высказывается ясно или туманно мысль о том, что оставление части Института в Ленинграде было нецелесообразным, ненужным и чуть ли не моим личным делом. По-видимому, если такое мнение существует у руководящих работников Института, то оно может иметь также существование и в Институте в целом.

В целях установления ясности в этом вопросе считаю необходимым заявить о своем категорическом несогласии с подобной точкой зрения. Сейчас, когда пережито тяжелое время, правильность оставления в Ленинграде части сотрудников для меня и большинства работников Лен[инградского] отделения Института вполне очевидна. Если бы у Института ничего стационарного не было бы, и Институт не был бы связан с определенными зданиями и территорией (как, например, конструкторские бюро), то, пожалуй, эвакуация в полном составе имела бы определенный смысл. Но Институт не КБ или какая-либо контора. Для нас ясно, что если бы мы не остались, Института в Ленинграде не было бы; он был бы в значительной мере разрушен и расхищен, как это имеет место в других учреждениях.

Даже при нашем наличии здесь мне лично удавалось с большим трудом отстоять здания и оборудование от занятия и приспособления под то или иное назначение, т[о] е[сть] попросту от уничтожения и разрушения при существовавшей и продолжающей еще существовать неразберихе и бестолковщине. Даже бассейн настаивали невежды приспособить для некоторых надобностей, ничего общего не имеющих с его специфичностью и назначением.

Могут сказать, что за это заплачено дорогой ценой — 50 человек погибли⁴⁵. Но нужно иметь в виду, что из погибших не

более 20 % могли быть эвакуированы; остальные все равно остались бы в Ленинграде. Кроме того, хорошо быть пророком после совершения событий.

К тому же война всегда и всюду требует жертв.

Но не только сохранением Института оправдывается необходимость оставления части сотрудников в Ленинграде. Ведь Ленинград — это фронт; фронту требуются не только войска, но и рабочие и инженерно-технический персонал. Институт в мирное время работал для военного флота; тем более во время войны Институт должен помогать флоту в его боевой деятельности. Я не думаю, что правильным было бы оказывать эту помощь только с Волги или из глубин Сибири, куда залезли некоторые институты и учреждения. Полагаю, что более правильным является то, что сделано у нас, когда основная часть вывезена в безопасное место и может продолжать работу в относительно нормальных условиях, а другая, меньшая часть оставлена хотя и в опасном месте, но зато может непосредственно оказать техническую помощь флоту.

То, что сделано Л[енинградским] о[тделением] Института за прошедшие месяцы с учетом условий работы, вполне может оправдать пребывание группы специалистов Института в Ленинграде⁴⁶.

О дальнейшем местопребывании Института

Исходя из задач, поставленных перед судостроительной промышленностью в настоящее время, и определяя место Института в общей работе по созданию и укреплению морской мощи Советского Союза, считаю, что Институт должен начать свою нормальную работу до окончания войны. При этом под нормальной работой я понимаю кипучую, развернутую деятельность, непосредственно связанную с работой заводов и действиями флота.

Такую работу Институт, будучи в Казани, конечно, проводить не может. На Казань нужно смотреть как на вынужденный и изживаемый этап нашей жизни. При первой возможности, раньше, чем кто-либо, Институт должен переехать в Ленинград.

Я полагаю, что эта возможность наступит текущим летом. Именно летом, на баржах, нужно переезжать со всем имуществом и всеми людьми в Ленинград. В этом отношении со мной согласен т. Самарин, а также т. Миляшкин, с которым я говорил

по этому вопросу перед его вылетом в Москву, и который обещал это доложить т. Носенко с тем, чтобы последний имел тот же взгляд на вещи⁴⁷. К такому переезду нужно готовиться уже теперь, тщательно продумывая все детали и обстоятельства возвращения. При этом не следует выпускать из внимания и такие вопросы, как доставка автотранспорта в Ленинград (у нас остался лишь ЗИС-101; автоцистерна уже свыше 2-х месяцев работает где-то в районе Волхова с т. Шлюнько; остальной транспорт забран), закупка в большом количестве оконного стекла и доставка его в Ленинград, и т. п.

Таким образом, вопрос о дальнейшей отправке сотрудников в Казань с целью эвакуации снимается.

Остается неопределенным вопрос о четырех платформах и одном крытом вагоне с оборудованием кавитационной лаборатории и станками, поскольку эти вагоны сданы железной дороге для отправки. Сейчас они стоят на ст. Сортировочная, но при открытии дороги могут быть Октябрьской железной дорогой отправлены в Казань.

Вопросы эвакуации сотрудников и членов их семей

В течение февраля месяца мы отправили в Казань несколько сотрудников с семьями (Зотиков, Камешков, Мурагин, Чекмарев, Перник, Казакова), а также значительное количество членов семей оставшихся сотрудников вывезли за кольцо блокады. Все полученные от сотрудников из Казани просьбы об эвакуации родственников нами приняты к выполнению.

Возможности для отправки имеются, но сами эвакуируемые либо медлят (например, Лавреновы), либо почему-либо задерживаются (например, Дроздецкие), либо не отвечают на почтовые вызовы (например, Асеева, Ардов). В дальнейшем просьба сообщать точный адрес тех, кого требуется эвакуировать из Ленинграда.

Сохранение квартир и имущества сотрудников, находящихся в Казани

Этот вопрос, по вполне понятным причинам, является для всех сотрудников, выехавших в Казань, наиболее животрепещущим. Это мы полностью учитываем; Вы можете заверить всех

сотрудников, что [мы] сделаем все возможное для сохранения [их] жилплощади и имущества.

До последнего времени обстановка в Ленинграде и физическое состояние людей были таковы, что предпринять что-либо реальное в этом отношении не удавалось. Наши командиры (я их использую для всех надобностей, физически они крепче, кроме того, военные и вооружены) обошли часть квартир, расположенных в Петроградском и в Приморском районах. Затем решили действовать иначе. Самарин подписал письмо, копию которого я посылаю Вам. С этим письмом т. Шапиро завтра проникнет в Смольный, где попытается дать на подпись распоряжения Райсоветам о закреплении жилплощади (как за командированными, а не эвакуированными). Заготовлены и отпечатаны списки и соответствующие письма во все районы.

Там же, а также в Правовом отделе Ленсовета т. Шапиро получит исчерпывающие разъяснения по вопросу внесения квартплаты (вопрос поставлен т. Шафир А. М.).

После всего этого обойдем все 250 жилищ и, помимо осмотра, попытаемся их закрепить в соответствии с распоряжением Ленсовета. Обо всех результатах буду немедленно сообщать Вам письменно, а если потребуется, то телеграфно.

Пока что массового заселения квартир и комнат эвакуируемых нет — во-первых, не дают разрешений на заселение (идет лишь перепись жилплощади), во-вторых, немного желающих и много свободной жилплощади после вымершей части населения.

Во всяком случае, до получения от меня дальнейших сообщений пусть особенно не волнуются. Особо волнующимся укажите, что около 20 % ленинградских жителей лежат в могиле и, хотя сохранили имущество, но оно им оказалось ненужным. Жизнь и здоровье дороже, чем столы, шкафы и стулья. Все это будет вновь, как и жилплощадь.

О положении в Ленинграде

Общее положение в Ленинграде за последние 15–20 дней улучшилось. Во-первых, подброшено большое количество продовольствия, и выдачи по карточкам стали регулярнее (обеды в столовой в связи с этим также улучшились).

Прекращены пожары жилых домов⁴⁸. Производится очистка дворов, лестниц, домов и улиц от нечистот и снега.

Количество умирающих от голода уменьшилось, на улицах покойников попадаетея значительно меньше, во всяком случае, брошенные на улице или лестницах домов трупы становятся все более редкими случаями.

Люди стали веселее, оживленнее. Поговаривают даже о пуске трамвая, в первую очередь, грузовых платформ для перевозки снега, льда и грузов.

Правда, обстрелы города производятся ежедневно, без пропусков, но к этому уже все привыкли и на снаряды не обращают внимания. Между тем обстрелы производят большие разрушения, тем более что обстрел производится теперь беспощадным, злобным, беглым огнем. Например, на одну из Красноармейских улиц, в один день (точнее, за 15–20 минут) попало около 25 снарядов.

Территория Института в последнее время почему-то не обстреливается. Налетов пока нет, но разведывательные полеты производятся: по-видимому, фашисты готовятся опять начать систематическую ежедневную бомбежку города. Враг все еще стоит под самым Ленинградом (заняты им Лигово, Петергоф, южные склоны Пулковских высот, Пушкин, Павловск, Мга, Шлиссельбург, Вырица, Тосно, река Сестра). Укрепились они так, что, по-видимому, линия Маннергейма уступает их укреплениям. Однако немцы под Ленинградом все более и более сжимаются в узкую полосу, а главное, ежедневно физически истребляются.

Лозунг т. Сталина об истреблении оккупантов всех до единого проводится здесь с исключительным мастерством и упорством и дает весьма положительные результаты. Близок день их полного разгрома и истребления под Ленинградом.

Весьма возможно, что при этом их физическом уничтожении они применяют газы; думаю, что это испытание также выдержим.

О состоянии заводов, связанным с Институтом

Заводы Боженко (б. Товстых), Лебедева (б. Барабанова), Оленникова и Боголюбова не работают, если не считать по 30–40 человек строителей, мастеров и бригадиров, выделенных ими

на ремонтирующиеся силами личного состава корабли. Электроэнергии и топлива на заводах нет.

Заводы при посещении оставляют впечатление брошенных и замороженных зданий с бродящими по территории теньями. В середине февраля я производил обследование заводов Лебедева и Оленникова. Выводы неутешительны: заводы могут начать работу при наличии электроэнергии и топлива лишь после поднятия физических сил рабочих и служащих путем длительного усиленного питания. К тому же много рабочих вымерло (например, на 15 февраля по заводу Лебедева 1 300 чел[овек]), при этом в большинстве наиболее квалифицированные рабочие.

Тем не менее, кораблестроение развивать на Урале не следует. Строить корабли нужно там, где они строились, и, в частности, в Ленинграде. Таким образом, заводы нужно в кратчайший срок восстановить, включая восстановление рабочих и служащих.

О столовой в Казани

В письмах ко мне и ленинградцам многие казанцы жалуются на работу столовой; по-видимому, она их не обеспечивает минимальным питанием, что, в связи с дороговизной, отсутствием продуктов в коммерческих магазинах, большими вычетами из зарплаты и квартирными трудностями, создает тяжелые условия жизни, особенно для семейных. Не думаю, что бы Вы лично и другие руководящие товарищи не понимали этого и мало занимались вопросами питания. Наоборот, почти уверен, что Вы тратите много времени и сил на эти вопросы. Но поверьте мне, оценить полностью важность этой работы может только тот, кто пережил голод в Ленинграде.

Голодные люди не способны произвести работу. Это факт, подтверждаемый у нас в Ленинграде ежечасно. Поэтому, пока у Вас имеются возможности, уделите вопросу питания удесятенное внимание как самому основному. При этом все остальные, не менее важные и основные задачи Вам удастся разрешить также в десять раз быстрее, чем сейчас.

Быть может, излишне надеяться на общественные комиссии. Я не знаю, как они работают в Казани — быть может, плохо, быть может, хорошо. Но знаю по опыту одно, что этого вопроса передоверять комиссиям нельзя; они в разговорах могут потопить

живое дело. Как и что нужно сделать, советовать за 1 200 км не буду, Вам виднее самому.

Но добиться такого положения, чтобы все сотрудники и все члены их семей досыта питались бы в столовой Института — нужно и можно. Трудно, быть может, очень трудно добиться этого в нынешних условиях Казани, но добиться нужно. Подумайте о суррогатах и внутренних ресурсах.

О кадрах в Казани

Продумывая лично и обсуждая с товарищами перспективы нашей работы и контуры Института в ближайшем будущем, я прихожу к выводу о необходимости принять все меры к сохранению людских кадров (инженеров, техников, рабочих, служащих) и привлечению в Институт новых работников, обладающих данными для работы в Институте (теоретики, практики, организаторы). Здесь в Ленинграде, на фронте, я сохранил почти полностью всех тех, кто нужен Институту (за исключением нескольких умерших), и теперь кадры научных работников приумножаю. Там в Казани Вы должны сделать то же самое. Сохраните всех ценных в Институте, привлекайте на постоянную работу в Институт солидных инженеров, конструкторов. Если какое-либо КБ хромает — воспользуйтесь этим обстоятельством.

Во всяком случае, коренных работников Института, вывезенных из Ленинграда, удержите (за исключением случаев нецелесообразности по некоторым причинам).

Помимо настоящего письма, одновременно посылаю письмо тт. Малухе и Дехтяру, а также, по возможности, другим сотрудникам. Тт. Малухе и Дехтяру я буду просить дополнить это письмо теми сведениями, которые будут в их письмах, здесь же освещены недостаточно.

С письмом можете ознакомить всех тех, кого найдете нужным, предупредив о неразглашении того, чего не следует разглашать.

Одновременно передайте всем привет от сотрудников Ленинградского отделения и нашу уверенность в победе над врагом.

Першин

17 марта 1942 г.

Подпись В. И. Першина:

Некоторые сведения о лицах, упомянутых в письмах В. И. Першина

Абрамович С. Ф. — пришел в Институт в 1939 г. молодым специалистом. Один из основных исследователей проблемы теории моделирования элементов проточных частей турбин, автор методики экспериментального определения характеристик лопаточных решеток. В блокаду занимался обобщением опыта повреждений энергетики на кораблях, стоявших в Ленинграде. Позднее был эвакуирован в Казань, где участвовал в создании первого в Институте аэродинамического стенда.

Алексеев Л. М. — инженер НИССа, перешел в ЦНИИ-45. Авторитетный специалист в области боевых кораблей. Погиб от голода в блокаду.

Алешин В. В. (р. 1908) — сотрудник НИВКа с начала 1930-х гг., один из ведущих работников, входил в комсомольскую группу, созданную в Институте в 1930 г. С конца июня 1933 г. руководил (вместе с М. Д. Ольшанским) монтажом кавитационной трубы. Назначен начальником кавитационной лаборатории. Занимался проблемами кавитации гребных винтов и разработкой мер борьбы с ее вредными последствиями (эрозией и др.). В 1942 г. участвовал (вместе с Н. С. Володиным и А. Д. Перником) в разработке специальных ледовых гребных винтов. Руководил (вместе с Н. С. Володиным) восстановлением и расконсервированием в 1943–1944 гг. кавитационной трубы и Опытного бассейна.

Андреева В. Ф. — сотрудник НИВКа с начала 1930-х гг., экспериментатор производственных мастерских.

Асеев Г. В. — один из ведущих работников Института, очень много сделал для его становления как крупнейшего в мире многопрофильного исследовательского судостроительного центра в современном виде.

Афанасьев Дмитрий Борисович (1911–1971) — кораблестроитель, сотрудник ЦНИИ-45. Окончил с отличием Ленинградский кораблестроительный институт (1936). Работал на судостроительном заводе «Северная верфь». Главный строитель кораблей (1944). Один из организаторов производства на заводе

продукции для фронта. Руководитель строительства уникального плавучего дока⁴⁹.

Бабаджян Л. А. — летом 1942 г. принимал участие в доставке кавитационной трубы с железнодорожной станции в Институт.

Бакульманов С. Х. — летом 1942 г. принимал участие в доставке кавитационной трубы с железнодорожной станции в Институт.

Барабанов — директор одного из судостроительных заводов Ленинграда (до Лебедева).

Бегизовы — по-видимому, В. Н. Бегизов с родственниками. **В. Н. Бегизов** — сотрудник НИВКа с начала 1930-х гг., опытный работник производственных мастерских, талантливый конструктор, его называли «королем теоретического чертежа». Скульптор-самоучка, автор бюста акад. А. Н. Крылова, украшающего парадную лестницу Института, названного именем академика.

Беляковский Н. Г. — в довоенные годы один из ближайших учеников и сотрудников Ю. А. Шиманского.

Боголюбов С. А. (р. 1907) — в 1941–1942 гг. гл. инженер, затем директор завода им. А. А. Жданова.

Боженко В. С. (1902–1970) — в 1939–1942 гг. гл. инженер, с 1942 г. зам. директора Балтийского завода.

Бойцов Н. М. — один из старейших работников Опытного бассейна, первый председатель местного комитета профсоюза, организованного в 1932 г., члены партгруппы Института.

Бусыгин В. П. — рабочий Института, в 1943 г. был включен в состав бригады по монтажу восстанавливаемой кавитационной трубы (бригадир — инженер М. И. Алямовский).

Володин Н. С. (1901–1977) — сотрудник НИВКа с начала 1930-х гг., один из ведущих работников, проводил испытание глассирующих пластин, перед войной — руководитель Опытного бассейна. В 1942 г. участвовал (вместе с В. В. Алешиным и А. Д. Перником) в разработке специальных ледовых гребных винтов. В 1943–1944 гг. выполнил (вместе с М. И. Алямовским и К. А. Прокофьевым) обследование и обмеры большого количества находившихся в Ленинграде торговых судов и выпуск для них теоретических чертежей и документации для помещения их в доки; руководил (вместе с В. В. Алешиным) восстанов-

лением и расконсервированием кавитационной трубы и Опытного бассейна.

Гордон Лев Аркадьевич — сотрудник НИВКа (ЦНИИ-45), выдающийся специалист. В предвоенные годы участвовал в проектировании ледокола для Главсевморпути, организовал испытание посадочного тента для приема самолетов на борт корабля.

Демидович В. Б. — в первую блокадную зиму руководил созданной в Ленинградском отделении Института мастерской по ремонту моторов торпедных катеров, проводил их испытания на стенде.

Дехтяр И. И. — сотрудник НИВКа (ЦНИИ-45).

Евгеньев А. Н. — погиб в блокаду.

Егоров М. В. — возглавлял комсомольскую организацию НИВКа.

Жуков В. П. — до Института работал на Балтийском заводе.

Зотиков Г. И. (1898–1979) — сотрудник НИВКа (ЦНИИ-45), возглавлял начатые Институт в 1932 г. работы по созданию газовых турбин, впервые разработал ряд новых принципов их конструирования. Его исследования положили начало новому научному направлению — разработке и конструированию судовых газотурбинных установок (ГТУ). В феврале 1942 г. отправлен в Казань. Автор изданной Институт работы «Проблема турбин внутреннего сгорания» (Л., 1933).

Иванов П. И. — рабочий Института, в 1943 г. был включен в состав бригады по монтажу восстанавливаемой кавитационной трубы (бригадир — инженер М. И. Алямовский).

Казакова А. М. — техник-экспериментатор, работала на теплежке Опытного бассейна, в Институте с 1930-х гг. В феврале 1942 г. отправлена в Казань.

Камешков Кирилл Антонович (1901–1982) — директор и ст. научный сотрудник НИССа (с 1936 г. — НИИ-4) (с февраля 1935 по август 1938 г.). После образования НИИ-45 и до выхода на пенсию в 1973 г. работал в Институте начальником отдела и на других руководящих должностях.

Козловский В. И. — в 1938–1939 гг. один из участников проектирования регуляторов котла АМНП для универсального турбинного катера (УТК).

Кривцов Юрий Владимирович (1901–1965) — инженер-кораблестроитель, специалист в области экспериментальной гидромеханики и ходкости судов. К. т. н. (1946). Начальник гидромеханического сектора НИИ судостроения и судовых стандартов Судверфи (НИСС, с 1936 г. — НИИ-4) (1930–1936), гл. инженер Управления строительства бассейнов (Судбасстрой) (с августа 1936 по март 1942 г.). Сотрудник ЦНИИ им. акад. А. Н. Крылова (с марта 1942 по 1965 г.), возглавлял Казанский филиал Института в эвакуации. Гл. инженер и и. о. директора Института (с января 1943 по 1944 г., в период пребывания директора Института В. И. Першина в длительной заграничной командировке в США). Зам. директора по научной работе — начальник отделения Института (с июля 1950 по 1965 г.).

Курдюмов Александр Александрович (1911–1968) — ученый-кораблестроитель, видный специалист по строительной механике корабля. Ученик и последователь П. Ф. Папковича. Д. т. н. (1948), профессор (1949). Зав. кафедрой строительной механики корабля ЛКИ (1941–1942 (вр. и. о.), 1949–1968). Сотрудник ЦНИИ-45 в составе оперативной группы ЦНИИ-45 при НТК НК ВМФ (с февраля 1942 по ноябрь 1943 г.). В блокаду выполнил анализ прочности кораблей и раскрыл причины образования гофров их корпусов при подводных взрывах. Для увеличения срока действия весной и осенью в ледовой обстановке катеров БМО предложил осуществить подкрепление носа катера с целью придать ему ледокольные качества и выполнил необходимые прочностные расчеты. Автор более 70 научных работ по различным вопросам судостроения, главным образом по строительной механике корабля: «Вибрации корабля» (Л., 1953), «Прочность корабля». (Л., 1956) и др.

Лебедев — директор одного из судостроительных заводов Ленинграда (после Барабанова).

Лучининов А. П. — пришел в Институт в 1939 г. молодым специалистом.

Малуев Д. Д. — в довоенные годы один из ближайших учеников и сотрудников Ю. А. Шиманского; секретарь партгруппы НИИ (из 6 человек) с момента ее образования.

Мешков В. П. — начальник электротехнического отдела НИВКа.

Миляшкин И. Г. — в начале войны директор судостроительного завода им. А. А. Жданова, в сентябре 1941 г. директор Балтийского судостроительного завода. Затем переведен в Москву, в наркомат Судпрома, зам. наркома.

Миниович И. Я. — пришел в Институт в 1939 г. молодым специалистом. В 1943–1944 гг. разработал (вместе с А. Н. Калмаковым) методы проектирования гребных винтов реданных катеров, работавших в особо неблагоприятных условиях.

Мурагин С. П. — высококвалифицированный специалист, перешел в НИВК в 1938 г. из гидромеханического сектора сформированного к этому времени НИИ-4 (бывш. НИССа). В феврале 1942 г. отправлен в Казань.

Назаров М. Ф. — опытный работник производственных мастерских Института.

Носенко Иван Исидорович (1902–1956) — государственный и партийный деятель, инженер-контр-адмирал (1944), лауреат Государственной премии СССР. В 1935–1937 гг. гл. инженер завода «Судомех», Треста № 14, Балтийского завода. В 1938–1939 гг. директор Балтийского завода. В 1939–1940 гг. — первый зам. наркома, в 1940–1946 гг. — нарком судостроительной промышленности СССР.

Оленников Николай Яковлевич (1904–1987) — ленинградский судостроитель, в 1940–1942 гг. — директор завода «Судомех», в 1942–1944 гг. — завода им. А. Марти, с 1944 г. — Балтийского завода.

Перник А. Д. — пришел в Институт в 1939 г. молодым специалистом. В 1942 г. участвовал (вместе с В. В. Алешиним и Н. С. Володиным) в разработке специальных ледовых гребных винтов. В феврале 1942 г. отправлен в Казань.

Печенюк К. А. — до войны работал в секторе стандартизации и нормализации НИССа. Перешел в ЦНИИ-45.

В. Г. (Т?) Поляков — в первую блокадную зиму руководил регулировкой моторов в созданной в Ленинградском отделении Института мастерской по ремонту моторов торпедных катеров, проводил их испытания на стенде.

Прокофьев К. А. — научный сотрудник Института. В 1943–1944 гг. выполнил (совместно с М. И. Алямовским и Н. С. Володиным) обследование и обмеры большого количества находив-

шихся в Ленинграде торговых судов и выпуск для них теоретических чертежей и документации для помещения их в доки.

Пушкарев С. А. — в первую блокадную зиму руководил дефектацией деталей и сборкой моторов в созданной в Ленинградском отделении Института мастерской по ремонту моторов торпедных катеров.

Самарин А. М. — зам. наркома судостроительной промышленности. Филиал НКСП находился в Ленинграде на набережной Красного Флота (ныне Английская), 68.

Селиванов К. И. — в 1942 г. командирован из Казани в Ленинград, обеспечивал (совместно с М. И. Алямовским) наладку и регулировку систем батарейной и общесудовой вентиляции на подводных лодках Северного флота.

Семенов — вероятно, рабочий **В. Н. Семенов**, входивший в 1943–1944 гг. в бригаду для монтажа кавитационной трубы (бригадир инженер М. И. Алямовский).

Семенов-Тян-Шанский Владимир Вениаминович (1899–1973) — кораблестроитель. Д. т. н. (1953), профессор (1953). Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1969). Работал на Балтийском заводе. Преподавал в Ленинградском кораблестроительном институте (1938); заведующий кафедрой, декан кораблестроительного факультета. Разработал теорию и метод практического расчета бокового спуска корабля. Руководил экспериментальными исследованиями продольного спуска судов — ледокола «Ленин», плавбазы «Восток», а также исследованиями бортовой качки транспортных и буксирных судов. Создал научную школу по исследованию мореходных качеств судов.

Скобов Д. П. — преподаватель ЛКИ, ученик и последователь П. Ф. Папковича.

Скрынник В. Я. — парторг ЦК ВКП(б) в Институте, остался вместе с В. И. Першиным в блокадном Ленинграде.

Товстых Е. В. — директор Балтийского завода (до 1942 г.). Впоследствии ректор ЛКИ, доцент.

Чекмарев А. И. — в предвоенные годы занимался теоретическими исследованиями крутильных колебаний силовых установок, работал вместе с В. П. Терских — специалистом в области прочности энергетических установок. В феврале 1942 г. отправлен в Казань.

Шапиро М. С. — сотрудник НИВКа (ЦНИИ-45), руководил Ленинградским филиалом Института, заменил командированного в США В. И. Першина.

¹ В августе 1941 г. основная часть сотрудников Института (около 400 человек из почти 500 не призванных в армию) вместе с семьями двумя эшелонами (в две очереди) была эвакуирована в Казань. Последними из Новой Голландии за два дня до установления блокады ушли катер и самоходная баржа со 100 сотрудниками Института и разными материалами.

² Так в тексте письма, надо: Аничков.

³ *Мариинский (Кировский) театр* (Театральная пл., 1) — назван в честь имп. Марии Александровны, жены Александра II (с 1917 г. — Государственный Мариинский театр, с 1935 г. — Театр оперы и балета им. С. М. Кирова. В 1992 г. ему возвращено название Мариинский). Здание театра построено в 1860 г. (арх. А. Кавос). 18 сентября 1941 г. два снаряда разорвались вблизи театра. На следующий день, в пятницу 19 сентября, в 21 час 15 минут фугасная бомба попала в театр, разрушив часть зрительного зала.

Здание Ленэнерго (Казармы Павловского полка) (Марсово поле, 1). Трехэтажное здание бывш. казарм лейб-гвардии Павловского полка (1817–1819, арх. В. П. Стасова) в квартале между Марсовым полем, Миллионной ул. (в советское время ул. Халтурина) и наб. р. Мойки. Памятник архитектуры высокого классицизма (ампира). В 1928 г. здание казарм передано Управлению «Электроток» (ныне «Ленэнерго»). Во время войны на Марсовом поле разместили зенитную батарею, были вырыты траншеи. Здание казарм пострадало от прямых попаданий авиабомбы (в левое крыло) и крупнокалиберных артиллерийских снарядов. В четверг 6 ноября 1941 г. 500-килограммовая бомба с часовым механизмом попала в здание «Ленэнерго» и, не разорвавшись, упала на пол первого этажа. При попытке подрывников немедленно вывезти бомбу на Марсово поле, она взорвалась в центральном коридоре, вся команда погибла. Взрывная волна разорвала и обрушила мощные каменные своды и почти на полметра выпучила стены огромного здания. В среду 4 марта 1942 г. от попадания снаряда в здании Ленэнерго возник большой пожар. Его тушили 22 часа. В 1823–1827 гг. на углу Марсова поля и наб. р. Мойки в одну линию с Павловскими казармами был возведен другой памятник классицизма — жилое здание (д. 7) с закругленным углом и портиками (арх. Д. Адамини), известное как «Дом Адамини». В 1942 г. оно

тоже было разрушено прямым попаданием фашистской бомбы. В 1945–1949 гг. восстановлены фасады, частично реконструированы интерьеры зданий (рук. проекта арх. И. Г. Капцюг).

Аничков дворец (бывш. Дворец пионеров) (Невский пр., 39) — возведен в 1741–1751 гг. по указу Елизаветы Петровны по проекту арх. М. Г. Земцова под руководством его ученика Г. Дмитриева (завершение работ и отделка интерьеров дворца принадлежат арх. Ф. Б. Растрелли). Перестраивался арх. И. Е. Старовым (1776–1778), Ю. Бенуа (1902), А. И. Гегелло и Д. Л. Кричевским (1935–1937). Памятник архитектуры русского барокко. В 1934 г. по решению Ленинградского горкома партии и Ленсовета Аничков дворец передается под Ленинградский Дворец пионеров (ЛДП, открыт 12 февраля 1937 г.), в 1936 г. при ЛДП открыт Сад отдыха. На гитлеровских картах для артиллеристов Аничков дворец был отмечен как объект № 192. В понедельник 8 сентября 1941 г. прямым попаданием артиллерийского снаряда в Главный корпус Аничкова дворца разрушен сад, значительно пострадала кровля, оконные проемы и стекла всех зданий комплекса. В воскресенье 28 сентября в 20 часов 15 минут на территории дворца разорвалась бомба, разрушен водопровод. Осенью того же года в Саду отдыха укрыты снятые с Аничкова моста кони П. К. Клодта (вновь поставлены на пьедесталы 2 июня 1945 г.). В понедельник 5 января 1942 г. в 13 часов 3 минуты два снаряда разорвались во дворе дворца. Один человек погиб, ранено двое. В 1941–1942 гг. в Главном корпусе Аничкова дворца был размещен гражданский госпиталь. 1 марта 1942 г. на территории дворца вновь разорвались снаряды. Пострадавший в годы войны комплекс зданий Аничкова дворца восстановлен.

Гостинный двор (Невский пр., 35) — крупнейший в Петербурге универсальный магазин. Построен во второй половине XVIII в. на участке между Михайловской (в советское время ул. Бродского) и Садовой ул. Его строительство в 1757 г. начинал Ф. Б. Растрелли, но в основном здание было возведено в 1761–1785 гг. Ж.-Б. Валлен-Деламотом. Памятник раннего классицизма. На гитлеровских картах для артиллеристов Гостинный двор был отмечен как объект № 295. В понедельник 22 сентября 1941 г. тяжелая 750-килограммовая бомба, которую сбросила немка-летчица (наши зенитчики сбили ее над Кузнечным пер.), упала внутри Гостиного двора, разрушив несколько зданий, в которых размещались издательство «Советский писатель», Северный научно-исследовательский институт мелиорации, женская трикотажная артель. Погибло 98 ленинградцев, главным образом женщины, 148 получили ранения. В «Советском писателе» убиты редактор, корректор, секретарь, старший бухгалтер, всего во-

семь сотрудников издательства (по другим данным, около 15), двое тяжело ранены. Директор издательства А. М. Семенов, извлеченный из-под обломков только через 7–8 часов, тяжело ранен в лицо. В понедельник 12 января 1942 г. в городе возникло 12 пожаров, самый большой был в Гостином дворе, который потом долго стоял черный от пожара. В воскресенье 1 марта 5 снарядов снова попали в Гостиный двор. Сильно разрушенный в годы войны, он позднее реставрирован и реконструирован.

Апраксин двор (Апраксин рынок) (Садовая ул., 28–30) — комплекс административных, складских и торговых зданий между наб. р. Фонтанки, ул. Садовой, Ломоносова и Апраксиным пер. Существующие ныне здания (д. 28–30) сооружены в 1860-х гг. арх. И. Д. Корсини и А. И. Кракау. Памятник истории и архитектуры XVIII–XIX вв. В субботу днем 8 ноября 1941 г. во время авианалета немецкая бомба упала в Апраксин двор, нанеся ряд повреждений. Апраксин двор 25 сентября 2004 г. отметил 250-летие со дня основания.

Фрунзенский универмаг (Московский пр., 60) — крупный торговый центр на углу Московского (во время войны — Международный) пр. и наб. Обводного канала (1934–1938, арх. Е. И. Катонин, Л. С. Катонин, Е. М. Соколов, К. Л. Иогансен, инж. С. И. Катонин). Памятник архитектуры эпохи перехода от конструктивизма к «сталинской неоклассике». В среду 12 ноября 1941 г. два снаряда разорвались во Фрунзенском универмаге, еще два — возле него. Были убиты 10 и ранены 13 человек. В 1988 г. Фрунзенский универмаг пострадал от пожара и был закрыт. В 1992 г. ЗАО «Торговый дом Фрунзенский» начало реконструкцию здания, в 1998 г. открыта 1-я очередь универмага. В 2000 г. владельцем здания стала компания «Тоназ», которая приспособила его под торгово-развлекательный центр.

Петропавловская крепость (вначале крепость Санкт-Питер-бурх, позднее Петербургская, после завершения строительства Петропавловского собора — Петропавловская) заложена 16 (27) мая 1703 г. на Заячьем острове как деревянная и в основном построена к осени этого же года. Перестроена в каменную в 1706–1740 гг. (арх. Д. Трезини, с 1734 г. военный инж. Б. К. Миних). Южные стены облицованы гранитом в 1779–1787 гг. Музей-заповедник. Во время войны на территории крепости были размещены зенитные батареи. В четверг 6 ноября 1941 г. от прямого попадания бомбы обрушился массивный сводчатый потолок здания в Петропавловской крепости, где находилось общежитие типографской команды фронтовой газеты «На страже Родины». Всю ночь работники редакции раскапывали груды битого кирпича. Спасти удалось только одного красноармейца, остальные 13 погибли. Крепость капитально отремонтирована в 1953 г.

Зоосад (парк им. Ленина, ныне Александровский парк, 1) — Санкт-Петербургский зоосад, ныне Ленинградский зоологический парк (название сохранено в память о героическом подвиге сотрудников, сохранивших зоосад во время блокады Ленинграда). Основан 14 августа 1865 г. любителями животных и первыми его владельцами Софьей и Юлиусом Гебгардтами. Является органической частью ансамбля исторического центра города, составляя вместе с Артиллерийским музеем и музеем-заповедником Петропавловская крепость уникальный культурно-просветительный музейный комплекс на Петроградской стороне. Зоосад одним из первых пострадал от бомб и снарядов, в основном из-за зенитных батарей, расположенных в Петропавловской крепости. В понедельник 8 сентября 1941 г. ночью на зоосад упали три фугасные бомбы, разрушившие помещение для обезьян, слоновник, вход и домик юннатов. Погибла привезенная из Германии любимица ленинградцев слониха Бэтти (ее зарыли на территории сада), дрессированные медвежата и лисята. В годы войны и блокады половина зданий зоосада была разрушена, его территория перерыта воронками и траншеями. Зоосад закрывался для посетителей только в самую страшную осень и зиму 1941/1942 г. Уже 8 июля 1942 г. зоосад был открыт для посетителей (демонстрировались 162 животных). В 1943 г. он открывался для посетителей только летом, весной 1944 г. был частично восстановлен и начал работать круглый год. Сегодня коллекция Ленинградского зоопарка насчитывает 408 видов животных, 180 из которых занесены в Красную книгу.

Госнардом (парк им. Ленина, ныне Александровский парк, 4) — Народный дом Санкт-Петербургского городского попечительства о народной трезвости им. имп. Николая II (с 1919 г. — Народный дом им. К. Либкнехта и Р. Люксембург, затем Государственный Народный дом, или Госнардом, Нардом) открыт 21 декабря 1900 (3 января 1901) г. Грандиозный комплекс Народного дома (1900, 1911, арх. Г. И. Люцедарский; 1933–1936, арх. Н. А. Митурич и В. П. Макашев) неподалеку от Петропавловской крепости — культурно-просветительное учреждение Петроградской (до 1914 г. — Петербургской) стороны. 15 (28) июня 1901 г. при Народном доме открыт сад с аттракционами (силомеры, качели, карусели, «американские горы»). В ноябре 1932 г. пожар в Госнардоме уничтожил старый театральный корпус (на его месте в 1933–1936 гг. выстроен Театр им. Ленинского комсомола) и «американские горы». Новые «горы» открылись в середине мая 1934 г. (проект инж. П. В. Старцева, автор расчетов и сооружения инж. Е. Ф. Меркулов). В четверг 16 октября 1941 г. во время бомбежки большой пожар возник в саду Госнардома, сгорели деревянные строения, в том числе новые «американские

горы». Сухие деревянные конструкции (каменные утесы и скалы имитировала штукатурка) вспыхнули в одну секунду, превратившись в гигантский костер, осветивший старую часть города. Пожар продолжался до наступления темноты, пока «горы» не сгорели дотла. Во время блокады часть зданий Народного дома использовалось в качестве морга для временного складирования трупов перед отправкой их на кладбища.

Бадаевские склады (Киевская ул., 1) — деревянные хранилища на складах им. А. Е. Бадаева, построенные петербургским купцом Растеряевым в 1914 г. В понедельник 8 сентября 1941 г. немцы произвели первый массивный авианалет на Ленинград, начавшийся в 18 часов 55 минут. На Московский, Красногвардейский и Смольнинский районы было сброшено 6327 зажигательных бомб (79% из них — на Московский район), в городе вспыхнуло 178 пожаров. Самый большой из них охватил Бадаевские продовольственные склады возле Новодевичьего кладбища и находившийся по соседству Масложиркомбинат (Обводный канал, 76) в Московском районе. В светлое еще небо поднялся и стал быстро расти огромный густой столб черного дыма. На Бадаевские склады было сброшено 280 зажигательных бомб. В 18 часов 55 минут склады охватил пожар, обнаруженный через 10 минут. Еще через 5 минут, в 19 часов 10 минут, началось его тушение. На складах соседнего Масложиркомбината, где хранилось 800 т жмыха и другие продукты, горели жмых, семя, запасы копры и закупленного у американцев на Филиппинах жиросодержащего кокосового ореха. По-видимому, в первую очередь, огонь и дым от пожара именно на Масложиркомбинате (а не пожар собственно Бадаевских складов) и были видны чуть ли не со всех концов города, в том числе с Крестовского острова. Пожар бушевал 4,5 часа, борьба с огнем продолжалась до 23 часов 35 минут. К вечеру гигантский столб пара от испарявшихся в жару огня многих тонн воды, применявшейся при тушении, поднялся в безветренную погоду на высоту более километра. Белоснежный, а затем багровый, он долго возвышался над Ленинградом. На Бадаевских складах сгорели 45 дощатых хранилищ и часть продовольствия в них — 3 тыс. т муки и 2,5 тыс. т сахара-рафинада. Этот пожар показал недалекость руководителей города, допустивших концентрацию продовольствия, вместо того чтобы рассредоточить его в разных местах. Вместе с тем сгоревшей муки Ленинграду хватило бы только на 8 дней. Безвозвратные потери сахара составили не более 700 т (28%), а большая часть сладкого расплава затем была переработана на кондитерских фабриках на патоку для кондитерских изделий и в леденцовую карамель. Через два дня, в среду 10 сентября, налет на Бадаевские продовольственные склады повторился. Было

брошено 420 зажигательных и одна фугасная бомба. В результате второго пожара, длившегося 1,5 часа, сгорело 4 непродовольственных склада (мебельный, с деталями машин и 2 пустых), а 2 кладовые с продуктами и Фруктовый комбинат удалось потушить. В пятницу 3 апреля 1942 г. на территории Бадаевских складов разорвалось 6 снарядов. Погибли 4 человека, 6 ранены. В понедельник 18 мая по этому объекту было выпущено 10 снарядов. В пятницу 12 июня на Бадаевских складах разорвались 5 снарядов. Один человек убит. Во вторник 30 июня 1942 г. на территории складов разорвались еще 5 снарядов.

Катастрофический пожар 8 сентября 1941 г. на Бадаевских складах упоминается почти во всех дневниках и мемуарах о блокаде. Вре́завшийся в память ленинградцев-блокадников, пожар имел, по видимому, скорее эмоциональное значение. Не он стал причиной голода в Ленинграде.

Семеновский плац (ипподром) (ныне Пионерская пл.) на территории, переданной в 1739 г. по указу Анны Иоанновны л.-гв. Семеновскому полку, начинался сразу за казармами Семеновского полка и тянулся до Обводного канала между Звенигородской ул. и Царскосельской железной дорогой. На нем проходили полковые учения и смотры полков. В конце 1880 г. в восточной части Семеновского плаца был построен беговой ипподром Императорского Петербургского общества поощрения рысистого коннозаводства (Санкт-Петербургское общество зимних бегов, Общество охотников конского зимнего бега), основанного 8 января 1861 г. Ипподром неоднократно перестраивался. После революции бега возобновлены в 1922 г. Петербургский (Семеновский) ипподром просуществовал до Великой Отечественной войны. В разное время на нем проходили также состязания велосипедистов, футбольные матчи, соревнования конькобежцев. Во время одного из авианалетов в сентябре 1941 г. часть сооружения была разрушена. С середины сентября началась маскировка ипподрома. Были разобраны остатки трибун и построены объемные макеты, имитирующие интенсивную городскую застройку соседних кварталов. Укрытие ипподрома лишило фашистских летчиков важного ориентира. Зимой 1941/1942 г. на поврежденном ипподроме на Семеновском плацу был устроен морг, куда свозили трупы для дальнейшего захоронения в братских могилах.

К 40-летию пионерской организации им. В. И. Ленина на территории Семеновского плаца в 1955–1962 гг. построено новое здание Театра юных зрителей (арх. А. В. Жук, М. З. Вильнер, Т. П. Короткова). На территории, где когда-то располагался фуражный двор Семеновского полка, в настоящее время строится Торгово-развлекательный комплекс «Планета Нептун».

Государственный Русский музей (Инженерная ул., 4/2) (до 1917 г. — Русский музей имп. Александра III) учрежден в 1895, открыт в 1898 г. в Михайловском дворце (1819–1825, арх. К. И. Росси; западный корпус (корпус Бенуа) — 1914–1916, арх. Л. Н. Бенуа). До начала блокады наиболее ценная часть музейного собрания была вывезена на Урал — в Пермь и Соликамск. Оставшиеся произведения были надежно укрыты в подвалах Музея. Конную статую Александра III (ск. П. Трубецкой), переданную в Русский музей в 1937 г., засыпали песком и укрыли накатом из бревен, затем сверху утрамбовали землей, а образовавшийся холм для маскировки засеяли овсом. Прямое попадание в насыпь фугасной бомбы 17 октября 1941 г. не повредило памятник. В среду 4 февраля 1942 г. в 16 часов 31 минуту снаряд попал в карниз крыши Русского музея со стороны главного входа. В четверг 18 июня несколько снарядов попали в музей, 5 августа 1943 г. еще два тяжелых снаряда разорвались в Музее. Всего во время блокады на территории Музея разорвалось свыше 40 артиллерийских снарядов, было сброшено около ста зажигательных и 11 фугасных бомб. Только счастливая случайность спасла Музей от разрушения, когда четыре 400–500-килограммовые бомбы взорвались возле самых его стен. Они повредили фундамент, разорвали водопроводную сеть, уничтожили стекла в окнах. Особенно сильно пострадал корпус Бенуа, буквально расколотый надвое взрывом. Благодаря своевременной заботе о спасении, эвакуации и сохранении художественных ценностей, героическому труду немногочисленных сотрудников, оставшихся в Музее в годы войны, собрание Русского музея практически не пострадало — не погиб и даже не подвергся порче ни один экспонат. 14 октября 1945 г. эшелон с музейными ценностями, находившимися в эвакуации, прибыл в Ленинград. Русский музей вновь открылся для посетителей 9 мая 1946 г.

- ⁴ В войну филиал ЦКБ-17 в Ленинграде находился на Балтийском заводе. ЦКБ-18 — ныне ЦКБ МТ «Рубин».
- ⁵ Потом пострадали и Эрмитаж, и Зимний дворец и другие памятники. На гитлеровских картах для артиллеристов Эрмитаж был отмечен как объект № 9. В понедельник 29 декабря 1941 г. в 15 часов 58 минут снаряд разорвался у входа в Эрмитаж, повредив портик подъезда. В среду 18 марта 1942 г. 11 снарядов разорвались в районе Дворцовой пл., в окнах Эрмитажа выбито около 3 тыс. стекол. В четверг 18 июня снаряды снова попали в Эрмитаж. В среду 4 февраля 1942 г. в 16 часов 8 минут произошло попадание снаряда в колонну Казанского собора. В четверг 5 марта в 15 часов 35 минут снаряд разорвался на Исаакиевской пл., поврежден Синий мост через Мойку. Погибло 5 человек, трое ранены. Всего за время осады

Ленинграда повреждено или полностью разрушено 10 317 строений. Из 300 исторических зданий, построенных в Петербурге в XVIII и XIX вв., погибли или были повреждены 187 памятников архитектуры и истории (здания Адмиралтейства и Горного института, Елагинский и Шуваловский дворцы, дом Лавала, Инженерный замок, Эрмитаж и др.).

- ⁶ Беженцев из Ленинградской области и Прибалтики было примерно 150 тыс.
- ⁷ Так в тексте, надо: Пушкин.
- ⁸ В публикации письма в книге «Виктор Иванович Першин» (СПб., 2002) это сокращение ошибочно расшифровано как «местное» население.
- ⁹ 26 июля 1941 г. Ленгорисполком утвердил правила и инструкцию по выдаче карточек. Устанавливались классово дифференцированные (в зависимости от социального положения) продуктовые нормы по 4 группам населения (и продовольственных карточек): I категория — рабочие и ИТР (800 г хлеба в день), II — служащие (600 г), III — иждивенцы и IV — дети до 12 лет (по 400 г). В дальнейшем было проведено 5 сокращений хлебной нормы — 2 и 12 сентября, 1 октября, 13 и 20 ноября 1941 г. С октября 1941 г. нормируется продажа мяса, рыбы, крупы и макарон. В результате пятикратного сокращения выдававшийся по карточкам хлебный паек в период с 20 ноября до 25 декабря 1941 г. достиг наименьшей нормы — 250 г рабочим и ИТР, 125 г. — остальным категориям блокадников. Уменьшение по сравнению с первоначальной (июльской) отметкой составило 70% для рабочих, иждивенцев и детей, 80% — для служащих. Другие продукты почти не выдавались. Ноябрь–декабрь 1941 г. были самыми голодными месяцами в осажденном Ленинграде, снижение хлебной нормы до 125 г привело к массовому истощению и небывалому росту смертности. В ноябре от дистрофии и холода умерло более 11 тыс. человек. Первыми гибли пожилые мужчины (женский организм обладает большей сопротивляемостью лишениям). В декабре голод уравнивал всех: умирали независимо от пола и возраста. В самый тяжелый период ноября–декабря 1941 г. по рабочим карточкам получали паек 35% ленинградцев, то есть 2/3 населения города питалось по наиболее голодным нормам. Чтобы заглушить постоянный голод, ленинградцы охотились на птиц, кошек, собак (но скоро и их не стало); употребляли в пищу малосъедобные или вовсе не предназначенные для еды вещи: горчицу, специи; содержимое домашних аптек (касторку, вазелин, глицерин, пурген); олифу, технические масла, торф; соскребали со сломанной мебели засохший столярный клей, с книжных переплетов и обоев — клейстер (мучной клей, то

есть первоначально жидкое тесто); приготавливали студень из сыромятных ремней и столярного клея. 25 декабря 1941 г. произошло первое из трех повышений хлебных норм (последующие — 24 января и 11 февраля 1942 г.). Оно способствовало поднятию духа ленинградцев, хотя смертность в городе продолжала катастрофически расти. Однако большинству блокадников запомнились как самые тяжелые именно декабрь и январь 1941/1942 г. В эти холодные зимние месяцы всего острее сказывалось накопившееся к этому времени истощение. Кумулятивный эффект «отложенных последствий» в результате долгого недоедания принимал форму массовой голодной смерти. Именно в декабре наступило резкое изменение структуры смертности в Ленинграде: причиной смерти в 70% случаев стало истощение (алиментарная дистрофия). Заболевания алиментарной дистрофией («ленинградской болезнью») стали носить массовый характер, причем в 85% случаев имели летальный исход.

- ¹⁰ Смертность от голода осенью — зимой 1941/1942 г. угрожающе нарастала, многократно опередив по числу жертв такие причины, как артобстрелы и бомбардировки, от которых погибло несопоставимо меньше горожан — 16 747, ранено 33 782 мирных жителей. В связи с повышенной смертностью населения в каждом районе города создавались морги. В январе — феврале 1942 г., несмотря на повышение хлебной нормы, смертность от голода достигла апогея — за два месяца умерло около 200 тыс. ленинградцев. Самое большое за всю блокаду суточное число умерших (4720 смертей) зарегистрировано 7 февраля 1942 г. В апреле 1942 г. была сформирована специальная рота (похоронная команда) МПВО в 200 человек. Трупы, обычно завернутые в простыню или одеяло («куклы» — по терминологии кладбищенских служащих тех лет), родственники покойного везли в морг или на кладбище на салазках. Бывало, обессилев, бросали тело на полдороге. Вывезенные из моргов, обнаруженные на улицах или в результате обхода квартир трупы ежедневно доставлялись бойцами МПВО на 4 основных (Богословское, Большеохтинское, Серафимовское и Смоленское) и другие кладбища Ленинграда (всего было 17 мест массового траншейного захоронения), где команды МПВО взрывали мерзлую землю и, используя экскаваторы для рытья траншей, захоранивали в коллективные могилы десятки и сотни безымянных тел. Привезенных в гробах вынимали, чтобы компактнее разместить в траншее или могиле. Гробы шли на поддержание постоянного костра, необходимо для обогрева бойцов МПВО (85% личного состава МПВО составляли женщины) и кладбищенских служащих. Одни работники треста «Похоронное дело» не справлялись с таким наплывом покойников, они сами понесли большие потери от голода.

Поскольку старых кладбищ не хватало, было решено предавать тела умерших земле в северной части города у старой Пискаревской дороги. По неподдающимся проверке данным, со второй половины декабря 1941 г. по 1 июня 1942 г. на Пискаревском кладбище было захоронено 371 428 покойников, в том числе только с 1 января по 15 марта 1942 г. — около 200 тыс. Всего в братских могилах Пискаревского кладбища погребено 470 тыс. жителей и защитников Ленинграда. Это самое большое в мире коллективное захоронение, тем более возникшее за столь короткий период. Мемориальный архитектурно-художественный ансамбль Пискаревского кладбища торжественно открыт 9 мая 1960 г.

По данным представителя ГКО в Ленинграде по продовольствию Д. В. Павлова, всего за 900 дней блокады от голода умерло 641 803 человека. Эта цифра, фигурировавшая на Нюрнбергском процессе, явно занижена. По подсчетам петербургского историка Г. В. Соболева, только за первую блокадную зиму в Ленинграде погибло от голода более 600 тыс. человек, а всего, по его оценке, голод унес от 800 тыс. до 1 млн жизней. Историк В. М. Ковальчук приводит еще бóльшую общую цифру трагических жертв блокады — свыше 1,2 млн человек. В годы блокады только на долю МПВО пришлось 460 тыс. захоронений, а всего, по современным оценкам, было захоронено 1 093 695 умерших. Еще 435 398 покойных кремировано в печах Ижорского завода в г. Колпино (первый опыт сжигания 7 трупов на термическом участке цеха № 3 был произведен 10 февраля 1942 г. в 21 час 30 минут, кремация длилась 2,5 часа) и 1-го кирпичного завода на территории нынешнего Московского парка Победы в Ленинграде. Только на этом кирпичном заводе кремировано 110 тыс. тел (сжигали до 1 тыс. трупов в сутки при температуре 1100–1200°С). В память об этом в Парке Победы в 1990-е гг. воздвигнут мемориальный портик. Сложение этих цифр (захоронений и кремации на двух заводах) дает около 1 млн 640 тыс. погибших в блокаду. В исследованиях называется различное число погибшего гражданского населения: от более чем 600 тыс. до 2 млн человек. По-видимому, точное число жертв ленинградской блокады никогда не будет подсчитано.

¹¹ Решением Ленгорисполкома еще 11 сентября 1941 г. был введен строжайший лимит на потребление электроэнергии для производственных и бытовых нужд. 8 декабря подача электроэнергии резко сократилась, почти полностью прекратившись.

¹² С 9 декабря 1941 г. в городе было упразднено 8 трамвайных маршрутов. Трамвайное движение полностью прекратилось 15 декабря (по другим данным, в конце декабря) 1941 г. Первые «блокадные» пассажирские трамваи (более сотни поездов) возобновили движение

- утром 15 апреля 1942 г. Грузовые трамваи вышли на линию 7 марта 1942 г.
- ¹³ Успешный переход Красной Армии в контрнаступление под Москвой 5–6 декабря 1941 г. позволил зимой овладеть стратегической инициативой на западном (центральном) направлении. После этого частного успеха Ставка приняла ошибочное решение о переходе с 8 января 1942 г. в общее наступление на всех направлениях, хотя для этого не имелось достаточно подготовленных сил и средств, что после определенных успехов привело к тяжелым неудачам вплоть до поздней осени 1942 г.
- ¹⁴ Слово «ставнями» напечатано неразборчиво и в книжной публикации письма отсутствует.
- ¹⁵ 12 декабря 1941 г. исполком Ленсовета принял специальное постановление об уборке снега с привлечением населения для расчистки улиц и дворов.
- ¹⁶ *Буржуйки* (название из времен «военного коммунизма») — самодельные печки-временки. Они быстро нагревались, но сохраняли тепло недолго и требовали много топлива. В декабре 1941 г. предприятия местной промышленности по специальному решению Ленгорисполкома выпустили 10 тыс. маленьких печек-временок. В конце декабря того же года было принято решение о выпуске еще 18 тыс. буржоек. Они часто становились причиной пожаров.
- ¹⁷ Ленинградская группа сотрудников Института под руководством В. И. Першина участвовала в восстановлении поврежденных боевых кораблей КБФ, находившихся в Кронштадте и в Ленинграде, в ремонте и восстановлении оружия и военной техники, в разработке ее новых конструктивных решений и способов боевого применения. Была развернута мастерская по ремонту двигателей двух дивизионов бригады торпедных катеров (руководитель В. Б. Демидович). В первую блокадную зиму было отремонтировано 72 мотора, в 1942 г. — еще 24 мотора «Паккард» (их поставляли нам для торпедных катеров американцы).
- ¹⁸ НТК — НТК НК ВМФ СССР (Научно-технический комитет Народного Комиссариата Военно-Морского Флота СССР). Ленинградским филиалом Института была организована оперативная группа ЦНИИ-45 при НТК НК ВМФ, выполнявшая различные поручения командования Комитета, связанные с изучением опыта войны на море и модернизацией кораблей. В состав этой группы, в частности, в 1942–1943 гг. входил А. А. Курдюмов (в 1949–1968 гг. зав. кафедрой строительной механики корабля ЛКИ).
- ¹⁹ В книжной публикации вместо «имеющихся» напечатано: «для изготовления».

- ²⁰ *Парафин* — до войны парафин применялся для изготовления моделей судов при их испытании в гидродинамических лабораториях Института.
- ²¹ «*Хряпа*» — верхние листья капустного кочана, в блокаду употреблявшиеся в пищу.
- ²² Так в тексте.
- ²³ В 1930–1933 г. в Институте была проведена широкая модернизация основного оборудования, в том числе построены новые здания — 3- и 5-этажные корпуса для стендов, лабораторий и др.
- ²⁴ Имеется в виду территория Военного порта на канале Круштейна.
- ²⁵ Выделенное курсивом подчеркнуто в тексте на пишущей машинке.
- ²⁶ Ревель — дореволюционное наименование Таллина.
- ²⁷ НТКовцы — то есть руководство НТК НК ВМФ СССР.
- ²⁸ Кавтруба (кавитационная труба) — лабораторная установка для проведения испытаний моделей гребных винтов в условиях, приближенным к действительным. За счет откачки части воздуха над поверхностью воды создается вакуум, необходимый для возникновения и развития кавитации. Кавитация (лат. *cavitas* — пустота) — разрыв сплошности жидкости, явление «вскипания» воды, происходящее при быстром вращении гребного винта, когда вода отстает от засасывающей поверхности лопастей. Это приводит к образованию в ней кавитационных пузырьков (каверн), что грозит изменением гидродинамических характеристик гребного винта, эрозионным разрушением его лопастей, опасной вибрацией судовых конструкций. В 1932–1933 г. в Институте построены уникальная кавитационная труба и лаборатория. В предвоенные годы в кавтрубе было испытано около 400 моделей гребных винтов.
- ²⁹ Когда линия фронта приблизилась к Ленинграду, пришлось временно законсервировать Опытный бассейн и кавитационную трубу. Кавтрубу пытались эвакуировать по железной дороге, но из-за начала блокады она осталась на товарной станции Октябрьской железной дороги. В июне 1942 г. была доставлена со станции на прежнее место. Бассейн и кавтруба восстановлены в 1944 г.
- ³⁰ Слово «нами» в книжной публикации отсутствует.
- ³¹ Фамилии Прокулевич (инициалы не установлены) и Миниович (И. Я. Миниович) принадлежат мужчинам и должны склоняться, как это сделано в этом же абзаце в отношении С. Ф. Абрамовича.
- ³² Фамилии Бегизовых, Лысенкова, Миниовича и Селиванова подчеркнуты позднее от руки.
- ³³ Слово «мебели» в книжной публикации отсутствует.
- ³⁴ Решение бюро горкома партии от 24 октября 1941 г. обязывало исполкомы райсоветов в десятидневный срок провести опись всего

имущества граждан, эвакуированных из Ленинграда. Имущество это предлагалось опечатать и передать на ответственное хранение. Пользоваться им кому бы то ни было запрещено. Однако на практике управдомы нередко злоупотребляли своим положением.

³⁵ В этом письме, датированном 24 декабря 1941 г., дата «26 декабря» допечатана над строкой позднее (следовательно, письмо было отправлено не ранее 26 декабря). В книжной публикации эта дата отсутствует.

³⁶ Заголовки частей письма даны в тексте.

³⁷ В предыдущем письме В. И. Першин называл 12 снарядов. Вероятно, еще один попал в Институт в период с января по март 1942 г.

³⁸ *Бассейн* — имеется в виду Опытный судостроительный бассейн. В 1932–1934 гг. Опытный бассейн был реконструирован и удлиннен на 27 (по другим данным, на 37) м и его длина составила 122 (по другим данным, 134) м. В начале войны законсервирован, из-за артобстрела частично поврежден.

³⁹ Если истощение не перешагивало еще критической черты, за которой начинался необратимый распад белков, больные алиментарной дистрофией при определенной поддержке довольно скоро приходили в себя. 27 декабря 1941 г. Ленинградский горком ВКП(б) принял постановление, а 29 декабря исполком Ленгорсовета — решение о создании стационарных лечебно-профилактических учреждений для больных дистрофией, которые спасли жизнь тысячам ленинградцев. Всего было организовано 109 питательных стационаров, располагавшихся в гостиницах, музеях, кинотеатрах. Одним из первых, в конце декабря 1941 г., был создан стационар на 100 коек в Эрмитаже для лечения сотрудников Эрмитажа, Музея В. И. Ленина, Музея Революции, Музея этнографии и Русского музея. В начале января 1942 г. стационар для ученых, инженеров, артистов, архитекторов, литераторов, художников и скульпторов открылся в гостинице «Астория». По решению Горздравотдела № 112-с от 20.02.1942 г. «Астория» была передана Горздравотделу для расширения городского стационара.

⁴⁰ По-видимому, письмо (датированное 17 марта 1941 г.) писалось несколько дней.

⁴¹ Продолжительный голод и отсутствие витаминов вызвали в осажденном Ленинграде массовое заболевание цингой. Для предупреждения и лечения авитаминоза и цинги 18 ноября 1941 г. было принято решение об изготовлении антицинготной хвойной настойки, выполнение которого было поручено Витаминному институту.

⁴² С конца 1941 г. в Ленинграде трижды происходило повышение хлебных норм (25 декабря 1941 г., 24 января и 11 февраля 1942 г.). К весне 1942 г. они по сравнению с самой голодной порой ноября – декабря

1941 г. возросли: для рабочих вдвое (500 г), для служащих в 3,2 раза (400 г), для остальных — в 2,4 раза (по 300 г). Но по-прежнему уступали первоначальному июльскому (1941 г.) хлебному пайку, составляя от него 2/3 для рабочих и служащих и 3/4 — для иждивенцев и детей до 12 лет. 250 г хлеба стали выдавать по карточкам иждивенцам и детям после второго повышения хлебных норм с 24 января 1942 г.; после 11 февраля им выдавали уже по 300 г (как в сентябре 1941 г.).

- ⁴³ Размеры (и так увеличенные против первоначальных) существовавшего при НИВКе в Новой Голландии Опытного бассейна уже не удовлетворяли экспериментальные потребности кораблестроительной науки. Был разработан проект его увеличения (В. Л. Поздюнин, Ю. В. Кривцов, Н. В. Алякринский и др.). Рядом ученых НИВКа под руководством его начальника Алякринского был выдвинут перспективный проект большого (морского) Опытного бассейна, поддержанный правительством. Приказом Наркомата тяжелой промышленности (НКТП) 13 ноября 1933 г. при Научно-исследовательском институте судостроения и судовых стандартов (НИСС, с 1936 г. — НИИ-4) было создано специальное Управление строительства бассейнов (Судбасстрой) во главе с Г. В. Артюхиным для создания в Ленинграде комплекса новых опытовых бассейнов. В марте 1934 г. на заседании НТО Главморпрома НКТП был утвержден разработанный Судбасстроем технический проект бассейна увеличенных размеров и начались работы по его строительству. Но в начале 1935 г. они были приостановлены, а штат Судбасстроя почти полностью распущен. После решения Совета Труда и Оборона СССР от 27 марта 1936 г. «О возобновлении строительства “Судбасстроя”» проект был пересмотрен. Главным инженером Управления строительства бассейнов и руководителем входившего в него Проектного бюро в августе 1936 г. был назначен Ю. В. Кривцов. В 1938–1939 гг. в связи с вхождением НИИ-4 (бывш. НИССа) в НИВК и созданием на их базе ЦНИИ-45 Судбасстрой, по-видимому, оказался при ЦНИИ-45. В 1937 г. на новом месте, на южной окраине Ленинграда в районе Средней Рогатки (ныне Московское шоссе, 44) начали рыть котлован под глубоководный (морской) бассейн и возводить первые сооружения. Строительные и монтажные работы планировалось завершить к концу 1941 г., а с января 1942 г. приступить к наладочным работам по специальному оборудованию большого бассейна. С началом войны работы были прекращены: линия фронта проходила в 8–10 км от сооружений Судбасстроя. В торцевой части недостроенного бассейна был устроен дзот, внутри бассейна оборудованы укрытия. В марте 1942 г. Управление Судбасстрой было

расформировано, Ю. В. Кривцов перешел в ЦНИИ-45, возглавив Казанский филиал Института в эвакуации.

⁴⁴ ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт им. Н. Е. Жуковского (основан Н. Е. Жуковским 1 декабря 1918 г.).

⁴⁵ В период блокады от голода, артобстрелов и бомбардировок погибло более 60 сотрудников Ленинградского филиала Института (около половины первоначально оставшихся в блокированном городе). Из них только в первую блокадную зиму — 50.

⁴⁶ По заказу командования Ленинградского фронта в августе 1941 г. в Институте за три дня была изготовлена и испытана модель специального самоходного десантного моторного бота. Мотоботы позднее использовали при прорыве блокады Ленинграда. В августе 1941 г. по заданию октябрьского райкома партии сотрудник Института М. Я. Минин руководил организацией сооружения огневых точек по водным рубежам Октябрьского района Ленинграда. При развертывании строительства дотов в системе обороны города важные практические рекомендации по их конструкции дал отдел прочности и корабельных конструкций Института. После эвакуации в Казань основной части сотрудников Института в блокированном Ленинграде под руководством директора В. И. Першина осталось около 150 человек. Они и составили Ленинградское отделение (филиал) Института. Люди размещались в кирпичном корпусе Новой Голландии на канале Круштейна, где жили на казарменном положении. Ленинградская группа сотрудников Института участвовала в восстановлении поврежденных боевых кораблей КБФ, находившихся в Кронштадте и в Ленинграде, в ремонте и восстановлении оружия и военной техники, в разработке ее новых конструктивных решений и способов боевого применения. На базе лабораторий Института была развернута мастерская по ремонту двигателей торпедных катеров. По заданию Военных советов фронта и Краснознаменной Балтики были разработаны мероприятия, обеспечивающие плавание судов в тяжелых ледовых условиях зимы 1941/1942 г., в том числе специальные гребные винты для кораблей, переведившихся с Дальнего Востока Северным морским путем. Весной 1942 г. начали восстанавливать лаборатории. В условиях нехватки обслуживающего персонала, заменяя токарей и фрезеровщиков, в мастерских на станках работали научные сотрудники (С. Ф. Абрамович, Л. А. Гордон, Г. И. Межевых, М. Я. Минин, В. Г. Поляков, К. А. Прокофьев, И. Ф. Семенов, Е. А. Непомнящий и др.). Инженер М. И. Алямовский как токарь высокого класса изготавливал детали для минометов, выпуск которых наладили судостроители. Сотрудники Института занимались вопросами ходкости разработанных на заводе «Судомех» летом 1942 г.

катеров БМО (бронированный малый охотник за подводными лодками), сопровождали под огнем противника сданные катера на их базу в Кронштадт, в пути производили окончательную проверку их мореходных качеств. В 1943 г. для увеличения срока действия БМО было осуществлено подкрепление носа катера с целью придать ему ледакольные качества. Автором предложения и прочностных расчетов был сотрудник Института в 1942–1943 гг. А. А. Курдюмов. Начиная с 1943 г. Институт обеспечивал освоение ленд-лизовской техники, поступавшей из США и Великобритании (в том числе благодаря В. И. Першину, работавшему в это время в Америке в составе военно-закупочной комиссии по приемке ленд-лизовской техники). В 1944 г. восстановили кавитационную трубу и Опытный бассейн. Продолжались фундаментальные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, велись проектные исследования, направленные на создание послевоенного флота.

Коллектив Института в Казани в период эвакуации проводил научно-техническую работу, направленную на обеспечение боевых нужд флота, изучение и обобщение опыта войны на море. Им был выполнен большой объем оборонных работ: с октября 1941 по февраль 1942 г. почти все сотрудники Казанского филиала были мобилизованы на строительство укрепленной полосы между Казанью и Москвой, с осени 1941 и до декабря 1943 г. около 100 человек работали на заготовке дров в северных районах Татарской АССР.

⁴⁷ Тут В. И. Першин поторопился: война продлится еще три года, а блокада Ленинграда будет окончательно снята только через два года. Интересно, что его оптимизм разделял, судя по этим строчкам, и зам. наркома НКСП И. Г. Миляшкин, которому в Москве, казалось бы, должно было быть виднее. Вероятно, этот оптимизм в марте 1942 г. был вызван определенным улучшением положения в Ленинграде, в том числе трехкратным к этому времени повышением хлебных норм, значительным уменьшением пожаров (см. следующий коммент.). А также ожиданиями, порожденными победой под Москвой и общим наступлением Красной Армии на фронте. Первая стратегическая наступательная операция советских войск — контрнаступление под Москвой (5–6 декабря 1941 — 7 января 1942 г.) — была успешной, гитлеровский план блицкрига провалился, стратегическая инициатива на время перешла к Красной Армии. В соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) от 7 января 1942 г. советские войска силами 9 фронтов перешли в общее наступление на западном направлении (8 января — 20 апреля 1942 г.), которое включало и попытку деблокады Ленинграда силами Ленинградского и Волховского фронтов. Оно было поначалу удач-

ным, хотя деблокировать Ленинград в 1942 г. не удалось. Однако наступательные операции в мае – июне окончились значительными поражениями, стратегическая инициатива была утрачена. 28 июня 1942 г. противник перешел в наступление на юго-западном направлении.

- ⁴⁸ Основная причина пожаров и загораний — авианалеты и артобстрелы, среди других причин — неосторожное обращение с электрическими и другими нагревательными приборами (электроплитки, примусы и керосинки) и огнем (коптилки, лучины, печки-временки (буржуйки) и разложенные в комнатах костры). От зажигательных и фугасных бомб и артиллерийских снарядов в сентябре 1941 – феврале 1942 г. произошло 663 пожара и 12 872 ликвидированных населением загорания. Всего более пожаров и загораний по этой причине произошло в сентябре 1941 г. (282 и 11 250 соответственно). В январе 1942 г. был только один пожар и не зафиксировано ни одного загорания, ликвидированного населением.

- ⁴⁹ Мелуа А. И. Инженеры Санкт-Петербурга. М., 1996. С. 89.

*(Вступительная статья, публикация и комментарий
В. Ю. Жукова)*

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

М. Ф. Хартанович

Деятельность Бенедикта Ивановича Дыбовского

**(по архивным источникам, хранящимся
в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН)**

В хранилище Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук находится подборка документов, связанных с именем члена-корреспондента АН СССР Бенедикта Ивановича Дыбовского. Это переписка Б. И. Дыбовского с учеными за многие годы научной деятельности. Исключение составляет «Записка об ученых трудах Б. И. Дыбовского», подготовленная к избранию его членом-корреспондентом АН СССР в 1928 г., представленная в приложении к статье. Большая подборка писем существует в разряде V — «Письма разных лет». Также письма существуют в личных фондах таких ученых, как А. А. Штраух, К. И. Максимович, Г. Ю. Верещагин, С. М. Герценштейн, К. Ф. Кесслер, Ф. Ф. Брандт. В разряде V, опись 1-Д находится подборка писем из Зоологического музея Императорской Академии наук. В том же разряде хранится корреспонденция Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Иркутске к Б. И. Дыбовскому.

Бенедикт Иванович Дыбовский, один из виднейших исследователей Восточной Сибири и Дальнего Востока, родился

в 1833 г. в местечке Адамарине в Белоруссии, среднее образование получил в Минске в 1851 г. В 1851–1856 гг. учился в Дерпте на медицинском факультете, окончил же медицинское образование во Вроцлаве в 1857 г. В 1860 г. в Берлине Дыбовский получил диплом доктора медицины. В 1861 г. поступил на должность профессора-адъюнкта зоологии в Главной варшавской школе. Вскоре в Польше грянуло восстание, погубившее и жизнь, и карьеру многих образованнейших людей Западного края. После польского восстания Восточная Сибирь была наводнена ссыльными из Западных губерний и Царства Польского. Не избежал подобной участи и Б. И. Дыбовский. В статейном списке Дыбовского значится: «Из дворян, бывший профессор Варшавской Главной школы за дозволение секретарям высших революционных властей в Варшаве собираться в аудитории Дыбовского, лишен всех прав состояния и сослан в каторжную работу на двенадцать лет»¹.

Доктор зоологии, профессор Варшавской Главной школы Бенедикт Иванович Дыбовский прибыл в Иркутск 18 ноября 1864 г. и сразу же был отправлен в Нерчинские заводы. На основании высочайшего повеления от 16 апреля 1866 г. срок каторжных работ Дыбовскому был сокращен наполовину, а 28 октября того же года — еще на четверть, затем он был уволен от работ в связи с окончанием положенного срока и причислен на поселение в Бадайскую волость Иркутского округа 25 октября 1868 г. На основании высочайшего повеления 25 мая 1868 г. Дыбовский причисляется к крестьянам.

С весны 1865 г. Б. И. Дыбовский жил в селении Сиваково в долине реки Ингоды близ г. Читы, а затем был переведен в селение Дарасун. Здесь он в течение двух лет изучал фауну Забайкалья, работая как ссыльный в тяжелых условиях вместе со своими соратниками — агрономом В. Годлевским и препоратором И. А. Парвексом.

Изучение фауны Забайкалья вели еще в XVIII в. члены Академии наук Д. Г. Мессершмидт, С. Г. Гмелин, Г. В. Стеллер, И. И. Георги, П. С. Паллас. В XIX в. изучением сибирской фауны занимались А. Ф. Миддендорф, Р. К. Маак, Л. Шренк и др.

Б. И. Дыбовский начал свои исследования с предположения, что каждая область в зависимости от существующих в ней

физико-географических условий должна иметь соответственно приспособляющийся к ним животный мир. Поэтому изучаемый регион должен иметь в различных своих областях далеко не одинаковую фауну. К примеру, в 1868 г. Б. И. Дыбовский сопровождал генерала Сколкова в поездке на Амур и Уссури. Там он обратил внимание на ихтиофауну Дальнего Востока. Генерал-губернатор Восточной Сибири, получив записку Дыбовского об изучении рыб Дальнего Востока, направил его на озеро Байкал, переведя его в Иркутскую губернию, и распорядился труды ученого послать для ознакомления в Сибирское отделение Русского географического общества. Дыбовский подготовил для СО РГО статью «Vorlaufuge Mittheilungen über die Fischfauna des Onon und der Inyoda». Правитель дел СО РГО А. Ф. Усольцев отметил, что статья «бедна числом страниц, но богата содержанием», и предложил дальнейшее сотрудничество². В «Известиях Сибирского отделения Имп. Русского географического общества» в 70-е гг. выходили такие работы Дыбовского, как «Рыбы системы вод Байкала», «Рыбы системы вод Амура» и др. В. Годлевский вслед за Б. И. Дыбовским подал прошение о переводе его в Иркутскую губернию. В феврале 1869 г. поляки уже были в селении Култук.

Сибирское отделение Русского географического общества радушно принимало под свое покровительство ссыльных. Так, в члены отделения были приняты Б. И. Дыбовский, В. Годлевский, А. Чекановский, В. Черский, М. Янковский и др. Отдел активно разворачивал исследовательскую работу, которая достигла в 60–70-е гг. XIX в. небывалого подъема. Отделение занимается орографией Восточной Сибири, намечает границы распространения представителей ее животного мира. При отсутствии финансирования и приборов, в крайне неблагоприятных климатических условиях А. Чекановский занимается изучением юрских отложений, В. Черский — геологией отдельных регионов, Б. И. Дыбовский и В. Годлевский изучают зоологию Байкала.

Сразу же после переезда в селение Култук Дыбовский предложил Сибирскому Отделению РГО свои услуги в научной обработке собранных им материалов и коллекций рыб Байкала. Также ученый занимался изучением грунтов Байкала, температуры воды озера на различных его глубинах. Отделение предо-

ставило небольшие денежные средства и приборы в обмен на коллекцию рыб и журнал метеорологических наблюдений, научные записки результатов исследований. Дыбовскому и Годлевскому приходилось зимой измерять глубины Байкала для изучения глубоководной фауны, грунтов и рельефа дна. Из-за недостаточного финансирования исследователи не могли организовать постоянную обсерваторию для наблюдения колебания уровня Байкала. Примитивные приборы и скудное оснащение не позволило с достаточной точностью провести замеры по время высокого стояния вод Байкала в 1869 г. Тем не менее, результаты наблюдений Б. И. Дыбовского и В. Годлевского поставили перед Сибирским отделением РГО вопрос о расширении исследований на Байкале, и Отделение выделило дополнительные средства для проведения измерений глубины по линиям село Лиственничное — устье речки Переемной и устье речки Половинной — устье речки Мурина. Этой работой ученые окончили свои изыскания над прибайкальской фауной, отправив в европейские музеи около 2500 экземпляров птиц и 100000 насекомых.

В 1872 г. Б. И. Дыбовский, В. Годлевский и М. И. Янковский посетили смежный район — верховья р. Бырылы и Аленкуя по долинам р. Акши и Учерки — районы Даурии. Там они проводили зоогеографические исследования в долине р. Аргуни и вниз по Аргуни и Амуру. В 1875 г. Дыбовский и Годлевский побывали на берегах Японского моря, в заливе Стрелок и бухте Майэн.

Самоотверженная работа ссыльных ученых позволила Восточно-Сибирскому отделению РГО и Академии наук ходатайствовать перед правительством о досрочном освобождении их. 9 января 1874 г. они были восстановлены в прежних правах состояния с разрешением перемещения в губернии европейской части России, а в 1876 г. им было позволено вернуться на родину.

Сотрудничество Б. И. Дыбовского с Сибирскими отделами РГО продолжалось долгие годы. В 1913 г. Приамурский отдел РГО (г. Хабаровск) выразил готовность издать работу Дыбовского по ихтиофауне Амурского бассейна и снабдить ученого нужной для работы литературой³. 13 февраля 1913 г. Восточно-Сибирский отдел РГО за многолетнюю просветительскую деятельность и изучение Восточной Сибири присуждает ему звание почетного члена⁴.

Научная общественность страны высоко оценила вклад Б. И. Дыбовского в изучение Сибири. Ему была предложена кафедра зоологии в Томском университете. Однако ученый отказался от столь лестного предложения и принял место окружного врача на Камчатке. В Петропавловск он прибыл летом 1879 г. За время ссылки он написал более двадцати работ, собрал значительную коллекцию по фауне Сибири для музеев Варшавы, Львова, Кракова и Берлина. Части его коллекций находятся и в Москве, и в Зоологическом музее РАН в Санкт-Петербурге. В Архиве РАН есть письмо Б. И. Дыбовского от 1 октября 1879 г. из Петропавловска к известному ботанику, путешественнику, специалисту по флоре Амурского края, академику К. И. Максимиовичу о предстоящей поездке по Камчатке:

«Собираюсь ныне в путешествие по Камчатке, оставляю посылку, адресованную в Академию наук, здешнему окружному исправнику для сдачи ее на почту, которая выходит из Петропавловска в декабре месяце. В этой посылке укупорены растения, собранные в июле и августе месяце 1874 г. Растения были собраны: 1) в Камчатке (окрестности г. Петропавловска); 2) на острове Медном; 3) на острове Беринга. Растения имеют номера, соответствующие номерам, по которым они значатся в собрании моей коллекции. Беренговские означены кроме того буквой В, меднинские — М, петропавловские — Р.»⁵.

Между Зоологическим музеем в Петербурге и Б. И. Дыбовским осуществлялся обмен: ученый присылал коллекции, а музей — новейшие научные издания Академии наук. Так Дыбовский в обмен на коллекцию моллюсков с озера Байкал получил «Фауну России и сопредельных стран». Дыбовский регулярно публиковался на страницах «Ежегодника Зоологического музея»⁶.

Только в 1884 г. Б. И. Дыбовский оставил Камчатку, получив кафедру зоологии в Львовском университете. В 1914 г. судьба сыграла с ним очередную злую шутку. Дыбовский отправился в гости к дочери из Львова в Киев. Восемидесятилетний старик и всемирно известный ученый подвергся аресту как австрийский подданный и подлежал отправке за Урал. Дыбовский попросил назначить ему место жительства в Иркутске, но его решили отправить в Якутскую область. Только заступничество Императорских Академии наук и Русского географического

общества избавили Б. И. Дыбовского от вторичной ссылки. Ему разрешили вернуться во Львов.

Долгая активная творческая жизнь позволила Б. И. Дыбовскому принять участие в судьбе Байкала в советские годы социалистического строительства. Ученого беспокоила деятельность Ангарстроя. Он посылает в Восточно-Сибирское отделение географического общества статью «О переселении оленей на остров Беринга» и просит провести в жизнь этот проект. Беспокойство за состояние экологии в районе озера Байкал, за сохранность животного мира и рыб проявляется в его предложении о переселении яков на Камчатку, а семейства карповых рыб в озера района речки Паратунки близ Петропавловска. Не окрестности Байкала, по его словам, а Камчатка должна стать питомником для лисиц и соболей⁷.

Б. И. Дыбовский выдвинул идею создания на озере Байкал постоянной гидробиологической станции. Активная позиция ученого нашла отклик в рядах членов Академии наук СССР. В 1927 г. Б. И. Дыбовский получил звание члена-корреспондента АН СССР. В Архиве хранится письмо Б. Дыбовского Академии наук СССР с благодарностью за награждение высоким званием члена-корреспондента. Ученому было уже 95 лет. Он, заблуждаясь в том, что звание получено по разряду русского языка и словесности, в письме затронул проблемы создания и применения интернационального по своей сути языка эсперанто. Для Б. Дыбовского Академия наук в России оставалась всегда весьма авторитетным научным центром — «славной по делам науки Академией русского народа»⁸.

Б. И. Дыбовский долго оставался в памяти местных стариков селения Култук, говоривших о нем как об уважаемом человеке с очень беспокойным и трудолюбивым характером. Б. И. Дыбовский был одним из первых ученых, занимавшихся проблемой экологии озера Байкал. Вопрос о сохранении природы Сибири, Дальнего Востока не находит своего решения и сегодня.

Приложение

Заседание Физико-математического отделения АН СССР 1 января 1928 г. Представление Бенедикта Ивановича Дыбовского на звание члена-корреспондента АН СССР.

Бенедикт Иванович Дыбовский родился в 1833 году в Польше. По окончании высшего образования он с 1857 по 1863 год работал в Дерпте, Берлине и Бреславле по эмбриологии насекомых и ихтиологии. В 1863 г. он был обвинен в участии в польском восстании (за то, что по обязанности врача оказал помощь раненному повстанцу) и присужден к ссылке в Сибирь. Благодаря неутомимой энергии Б. И. Дыбовский обратил годы своей ссылки в годы интенсивной научной работы. Он изучал фауну окрестностей Читы, Дересуня, восточных склонов Яблоновского хребта, предпринял физико-математическое и биологическое изучение Байкала и окружающий страны, совершил путешествие по Забайкалью, Снону и Аргуни, Амуру и в Уссурийский край. Работы велись в крайне тяжелых условиях и при крайнем недостатке материальных средств, доходившем до того, что Дыбовский собственноручно вил веревки, необходимые для работ на Байкале. И, несмотря на это, работы Дыбовского дали колоссальный вклад для познания природы и фауны этой части Сибири. Громадное значение имеют его работы по фауне позвоночных этого района. Весьма ценны его собственные работы по рыбам и птицам. Вместе с тем его орнитологические сборы и наблюдения легли в основу работ Тачановского⁹ и данной последним сродни к фауне птиц Восточной Сибири. Но едва ли не главной заслугой Дыбовского были работы по Байкалу. Он первый установил эндемический характер Байкальской фауны, и его работы по рыбам и гаммаридам положили основание к исследованию Байкальской фауны. Собранные им другие зоологические материалы послужили для работ других ученых. Кроме того, Дыбовский произвел промеры глубины, наблюдения над термикой и т. д. Можно сказать, что Дыбовский открыл значение Байкала, который до того времени считался не заслуживающим особого внимания.

В 1876 г., освобожденный от ссылки, Б. И. Дыбовский добровольно отправился на Камчатку в качестве окружного врача, и пробыл там до 1884 г. За это время им собраны обильные фаунистические материалы, в особенности по орнитологии, описанные частью им самим, частью Тачановским. К этому времени относятся работы по антропологии. В 1884 г. Дыбовский занял кафедру в Львовском университете, которую занимал до 1906 г. За то время им опубликован ряд работ по общим вопросам биологии, по систематике и анатомии разных групп животных и по антропологии.

Оставив преподавание в университете, Дыбовский продолжает работу по систематике низших ракообразных и моллюсков. Последняя работа им опубликована в 1926 г.

Крупные заслуги Дыбовского по изучению Байкала, Забайкалья, Дальнего Востока, Сибири и Камчатки и его неутомимая научная деятельность дают нам основание представить его в члены-корреспонденты Академии наук.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 1. Оп. 2-1928. Д. 11. Л. 21–22.

---

¹ Лантев С. Н. Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б. И. Дыбовского в Восточной Сибири // Известия Государственного географического общества. Т. LXXI. Вып. 6. С. 857.

² Там же. С. 858.

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (ПФА РАН). Р. V. Оп. 1-Д. Д. 76/1-12. № 926. Корреспонденция Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

⁴ Там же. № 924.

⁵ Ф. 82. Оп. 2. Д. 27. Л. 1.

⁶ Р. V. Оп. 1-Д. Д. 76/1-12. № 960.

⁷ Лантев С. Н. Материалы к биографии и научно-исследовательской деятельности Б. И. Дыбовского в Восточной Сибири. С. 862.

⁸ ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 1-1928. Д. 18. Л. 158.

⁹ Тачановский Владислав Казимирович — зоолог, путешественник, консерватор при зоологическом кабинете Варшавского университета с 1855 г., орнитолог, лауреат премии им. Ф. Ф. Брандта 1886 г.

Н. Н. Богданов

Михаил Волоцкой и его «Хроника рода Достоевского»

Не будет преувеличением считать, что научный интерес к предкам Ф. М. Достоевского возник сразу же после смерти писателя. У истоков исследований стояла его вдова — Анна Григорьевна. Первой среди литературоведов и биографов Федора Михайловича она обратила внимание на фундаментальный труд «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни»¹. Выпущенный еще в 1849 г., он содержит упоминание о служилом шляхтиче Федоре Ивановиче Достоевском — поверенном в делах знаменитого деятеля времен Ивана Грозного, возможно, первом историческом лице, носившем столь прославленную в будущем фамилию². Не исключено также, что в лице этого человека мы имеем прямого предка писателя. А. Г. Достоевской станут известными имена и других представителей славного рода, например, брата упомянутого Федора — Стефана Ивановича Достоевского, в 1577 г. получившего от польского короля Стефана Батория привилей на управление Минской Вознесенской обители³, или их племянника — пинского маршалка (предводителя местной шляхты) Петра Сасиновича Достоевского⁴. В конце XIX века она вступит в переписку с Александром Кульчицким и Порфирием Еремичем — священниками Ильинской церкви того самого села Достоево в Белорусском Полесье,

от которого пошло и само прозвание Достоевских⁵. Правда, ее корреспонденты сообщают немного: общее число дворов и жителей в селе, названия окрестных имений и хуторов⁶, да то, что в церковном архиве, сохранившемся с 1800 г., «по тщательном осмотре метрик, исповедных и клировых ведомостей, нигде не оказалось никакой записи о Достоевских», а старое дворянское кладбище под названием «Церковик», где они могли быть похоронены, «все заросло землей»⁷. К тому времени память о прежних владельцах Достоева здесь уже совершенно изгладилась.

Анне Григорьевне удастся заинтересовать своими поисками и племянника Федора Михайловича — Андрея Андреевича Достоевского⁸, в ту пору секретаря Русского географического общества, в будущем ученого хранителя Пушкинского Дома, издателя и комментатора воспоминаний своего отца — ценнейшего источника информации о семье Достоевских⁹. Позже, как бы приняв эстафету исследований от вдовы писателя, Андрей Андреевич будет деятельно помогать создателю первого музея Достоевского Вере Степановне Нечаевой, на много лет его свяжет плодотворное сотрудничество и с Михаилом Васильевичем Волоцким. Именно племянник писателя познакомит автора «Хроники рода Достоевского» с письмом Н. Е. Глембоцкой¹⁰, расскажет ему о знаменитом почаевском «Богогласнике»¹¹. Для А. Г. Достоевской, боготворившей своего мужа, все, хотя бы в какой-то мере связанное с его именем, было свято. Можно не сомневаться, что над изучением родословия писателя она трудилась столь же самоотверженно, как и над его литературным наследием. Кончина этой замечательной женщины летом 1918 г. от малярии в оккупированной немцами Ялте оборвет ее подвижнический труд...

В 1920-х гг., уже в Советской России, выйдут две публикации Сергея Васильевича Любимова¹². Сегодня их можно отнести к разряду хрестоматийных. Здесь не только впервые систематизированы свидетельства о более или менее известных представителях интересующего нас рода, но и с какой-то мистической прозорливостью указано, где именно искать свидетельства о ближайших предках писателя (тогда еще не неизвестные). Между тем, предположения этого замечательного исследователя, много лет остававшиеся невостребованными, начинают оправ-

дываться только сейчас¹³. Статья Николая Петровича Чулкова «Род Достоевских» готовилась к печати в конце того же десятилетия и должна была войти в 36-й том «Летописи занятий Археографической комиссии»¹⁴. Увы, именно на этом томе выпуск «Летописи» прекратился, и теперь результаты разысканий одного из самых авторитетных отечественных генеалогов курьезнейшим образом существуют только в виде примечаний к «Воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского»¹⁵ и как «библиографические указания и выписки», растворившиеся в книгах последующих исследователей¹⁶.

Фундаментальный труд М. В. Волоцкого, вышедший в Москве весной 1934 г., стал своего рода кульминацией генеалогических разысканий о Достоевских. Так кто же его автор, и в каких условиях он создавался?

* * *

Михаил Васильевич Волоцкой родился 13 апреля (ст. ст.) 1893 г. в Ростове Ярославской губ.¹⁷ Отец будущего исследователя — Василий Николаевич — преподавал здесь словесность в городском начальном училище¹⁸. По его линии Михаил Васильевич принадлежит к старинному дворянскому роду, ранние сведения о котором относятся к рубежу XV–XVI веков. С легкой руки В. В. Руммеля долгое время считалось, что основатель рода выехал из Польши¹⁹. Однако недавние разыскания показали, что Волоцкие — исконно русского происхождения²⁰. До самого XX века отпрыски этого рода селились в Вологодском крае, главным образом в окрестностях уездного центра Грязовца. Память о них до сих пор хранит усыпальница знаменитой Спасо-Прилуцкой обители (1830), более известная как церковь Св. Екатерины. По имеющимся сведениям (увы, весьма и весьма скудным), прямые предки Михаила Васильевича — дед Николай Алексеевич и прадед Алексей Кузьмич — были скромными военными²¹, не выделяющимися из общей массы провинциального офицерства. Родство с известным переводчиком Николаем Аполлоновичем Волоцким или военным писателем генерал-майором артиллерии Николаем Викторовичем Волоцким (уже после отставки вольнослушателем окончившим филологический факультет Московского университета), весьма интересное в русле нашего рассмотрения, оказыва-

ется достаточно дальним. Вместе с тем, именно это обстоятельство указывает на некую общность «гуманитарных» интересов, как бы присущую всему роду.

В 1918 г. М. В. Волоцкой оканчивает естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (по специальностям «антропология» и «география») с дипломом I степени и остается «для подготовки к профессорскому званию» при основоположнике отечественной антропологии проф. Дмитрие Николаевиче Анучине²². Стажировка продлится до 29 мая 1922 г.; за это время молодой исследователь примет участие в нескольких летних экспедициях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (главным образом в Тульскую карстовую область), а также в Краснококшайский кантон Автономной Марийской области и в Городищенский уезд Марийской области²³. Между тем, с осени 1920 г. в оправляющейся после революционных потрясений Москве начинается свою деятельность Русское евгеническое общество (Р.Е.О.). Созданное по инициативе проф. Николая Константиновича Кольцова (в ту пору уже одного из крупнейших отечественных биологов) Р.Е.О. было призвано развивать гуманистические идеи, высказанные на рубеже XIX–XX веков сэром Френсисом Гальтоном²⁴. Правда, русских последователей знаменитого естествоиспытателя интересовала не столько практическая, сколько исследовательская сторона его программы биологического преобразования человечества. Основной базой Р.Е.О. в Москве стал евгенический отдел Института экспериментальной биологии Наркомздрава, возглавляемый гениальным русским антропологом Виктором Валериановичем Бунаком; в конце 1920 г. М. В. Волоцкой вливается в это научное подразделение²⁵. За три последующих года (по февраль 1924 г.) будущий автор «Хроники» выступил с шестью научными сообщениями на заседаниях Р.Е.О.²⁶; часть из них была опубликована в главном печатном органе общества — Русском евгеническом журнале. Отметим, что доклад, состоявшийся 4 мая 1923 г., касался именно генеалогии Достоевских²⁷. Той же теме было посвящено и выступление на заседании отделения антропологии Коммунистической академии в декабре 1924 г.²⁸ Важно подчеркнуть, что М. В. Волоцкой причислял себя к членам-учредителям Р.Е.О., до 1926 г. он

входил в состав правления Общества, исполнял обязанности его секретаря и казначея²⁹. Научные интересы исследователя группировались в это время вокруг так называемой «запретительной» евгеники, разрабатывающей медико-гигиенические меры, призванные воспрепятствовать вырождению человечества. Среди них особое значение придавалось принудительной стерилизации «наследственно дефективных», под которыми тогда понимались не только врожденные наследственные олигофрены (строго говоря, к деторождению в большинстве случаев неспособные), но и люди, страдающие венерическими заболеваниями, алкоголизмом, эпилепсией (! — *Н. Б.*) или даже «закоренелые» преступники. Известная под именем «индианской системы», эта стерилизация была законодательно закреплена в некоторых штатах Североамериканского союза (отсюда и название), а также в ряде стран Европы (к примеру — в Швеции и Норвегии). Идеи «негативной» евгеники и опыт их применения осмыслены М. В. Волоцким в его книге «Поднятие жизненных сил расы», вышедшей первым изданием в Москве в 1923 г. Следует сказать, что Михаил Васильевич был единственным сторонником «индианской системы» в Р.Е.О. Все остальные его участники (а в их числе, разумеется, и Н. К. Кольцов) куда большее значение придавали как раз другой, так сказать, «поощрительной» евгенике. В свою очередь, идея «культуры талантов» вызывала большой скептицизм у М. В. Волоцкого, в силу широко известной болезненной отягощенности семей многих гениальных личностей.

Осенью 1923 г., при не проясненных пока обстоятельствах, М. В. Волоцкой покидает Институт экспериментальной биологии³⁰. С лета 1924 г. он уже сотрудник Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института изучения и пропаганды диалектического материализма в составе Коммунистической академии³¹. Будущий автор «Хроники» состоит здесь в секции антропоэкологии отделения изучения биологических факторов социальных явлений, занимаясь, «главным образом, собиранием и изучением сведений о влиянии на человека климата и пищи, характера его деятельности, класса, профессии, быта и т. д.»³² Отметим, что характерологический анализ рода Достоевского официально признан как одно из направлений его научной деятельности. В августе 1925 г. и весной 1927 г.

М. В. Волоцкого даже командируют в Ленинград для обследования семейных архивов рода знаменитого писателя, хранящихся в государственных и частных собраниях³³. В феврале 1930 г. он сообщает о некоторых результатах своих разысканий в докладе «Опыт генетического анализа некоторых элементов эпилептоидного характера»³⁴. К другим направлениям его научной деятельности следует отнести антропологические обследования студентов-физкультурников (в связи с данными психологической лаборатории П. А. Рубика) и работников умственного труда из числа сотрудников Академии наук, изучение изменчивости пропорций человеческой кисти у рабочих московских заводов (совместно с Институтом охраны труда) и даже кефалометрию выдающихся шахматистов (в том числе и участников международного московского турнира 1925 г.)³⁵. Летом 1930 г. М. В. Волоцкой совершает поездку в Абхазию для обследования абхазов, мингрелов и негров-метисов в составе экспедиции В. К. Гиндце³⁶. Увы, здесь его настигает жесточайшая малярия, последствия которой будут сказываться много лет. С середины 1930-х гг. автор «Хроники» переключается на близнецовые исследования, ведущиеся в Медико-генетическом институте имени А. М. Горького³⁷. Как известно, это научное учреждение было разгромлено в годы сталинских репрессий, а его руководитель — С. Г. Левит — погиб в застенках НКВД. В последнее десятилетие жизни ученому удалось возвратиться в *alma mater* — в Музей и Институт антропологии МГУ. Теперь его исследовательская работа ведется главным образом в области морфологии и антропометрии кисти, а также индивидуальной, наследственной и географической изменчивости папиллярного рельефа человека (пальцы, ладони, стопы). И если публикации М. В. Волоцкого по «спорным вопросам евгеники» ныне имеют скорее исторический интерес (в конце жизни исследователь стал считать идею насильственного улучшения человечества аморальной), то работы по изучению волярного рельефа приматов (дерматоглифики) до сих пор не потеряли своего значения³⁸. Больше того, М. В. Волоцкой остается крупнейшим отечественным специалистом в этой области. В 1935 г. квалификационная комиссия Наркомпроса утвердила исследователя в ученом звании старшего научного сотрудника, 1 февраля 1938 г. советом МГУ

ему была присуждена степень кандидата биологических наук (без защиты диссертации), а 23 апреля 1940 г. решением Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, он стал доцентом. С 1 декабря 1942 г. М. В. Волоцкой получал академическую пенсию³⁹.

Не будет преувеличением сказать, что в научных кругах тех лет Михаил Васильевич был фигурой харизматической. В разное время автору этих строк довелось слышать воспоминания о нем Александра Александровича Малиновского, Якова Яковлевича Рогинского, Татьяны Дмитриевны Гладковой, Михаила Исааковича Урысона, Лидии Алексеевны Спивак, Елены Георгиевны Агарковой-Бабушкиной. Всем запомнилась какая-то особая атмосфера, окружавшая этого человека, его высокая фигура, сразу привлекающая к себе внимание (где бы ни происходила встреча — на лекции в университетской аудитории, во дворике ректорского корпуса на Моховой или просто в московской квартире), проникновенный взгляд удивительных темных глаз (знак греческой крови, доставшейся в наследство от бабки по отцу, урожденной Зограф). Много в нем было от носителя «старой» дворянской культуры. Недаром же, в среде молодых сотрудников и студентов МГУ Михаила Васильевича именовали не иначе, как «князь Волоцкой» и «с придыханием» передавали слухи о каких-то необычайных поступках, достойных скорее средневековых мыслителей и ученых. Простодушные мнения лишь подчеркивают, как тяжело жилось ученому в задыхающейся под тоталитарным гнетом стране, сколь велика была для него угроза ареста в страшную пору «ежовщины»...

В годы Великой Отечественной войны Михаил Васильевич не покинул осажденной Москвы. Вместе с немногочисленными коллегами он заботился о сохранности уникальных, собранных еще А. П. Богдановым и Д. Н. Анучиным коллекций Музея и Института антропологии при МГУ, дежурил по ночам на крышах московских домов. Осенью 1943 г., участвуя в реэвакуации университета, он упал из кузова внезапно тронувшегося грузовика и получил сильнейшее сотрясение мозга. Его здоровье постепенно слабело, и 4 октября 1944 г. он скончался в одной из клиник Москвы от сердечной недостаточности⁴⁰. Последние дни исследователя окружены многочисленными домыслами и слу-

хами⁴¹. Могила М. В. Волоцкого на Ваганьковском кладбище не имеет надписи, но может быть отыскана по месту захоронения родственников его второй жены — Ольги Евгеньевны Никифоровой (участок № 14).

* * *

На антропологическом бланке внучатого племянника писателя Милия Федоровича Достоевского, ныне хранящемся в Музее и Институте антропологии МГУ, помечено: предложение заняться изучением рода Достоевских поступило от проф. Н. К. Кольцова 10 января 1922 г.⁴² Дату первой беседы с М. Ф. Достоевским — 5 марта того же года — М. В. Волоцкой считал началом своей работы в этой области⁴³. Таким образом, интересующий нас труд замышлялся и на первых порах осуществлялся как бы под эгидой Русского евгенического общества. Деятельность этого замечательного научного объединения до сих пор не получила достойной оценки. Однако возьмем на себя смелость утверждать, что по широте охвата, полноте и тщательности сбора материалов о человеке уровень Р.Е.О. не только не превзойден последующей антропологической наукой, но и намного превышает современный. Генеалогические разыскания Общества (позволяющие понять, какую роль в формировании человеческой личности играют именно наследственные факторы) велись в родах Александра Пушкина, Льва Толстого, Федора Шаляпина, Максима Горького, Сергея Есенина⁴⁴. Ценнейший материал о родственниках поэтов XX века был собран Г. Г. Фризенем⁴⁵. Но только М. В. Волоцкому удалось довести дело до завершающего этапа — выхода книги. О принципах, которыми руководствовался исследователь в своих разысканиях, можно судить по вопросам его первого письма к племяннику писателя Андрею Андреевичу Достоевскому:

3 января 1924 г.

«О каждом из членов рода Достоевских желательно было бы знать точно или приблизительно время рождения (особенно важно отметить случаи близнечества), вступления в брак, если умер, то смерти, с указанием причины последней. Кроме того, сведения о каких-либо отличительных чертах характера, вкусах, способно-

стях, одаренности (наприм[ер,] литературной, музыкальной, научной), о странностях характера, а также и сведения об особенно тяжелых из перенесенных болезней, в особенности наследственного характера (алкоголизм, эпилепсия, слабоумие, душевные заболевания (по возможности с указанием формы заболевания и места лечения), нервные подергивания, навязчивые идеи, менингит, рак, туберкулез, страсть к азартным играм и пр.). Из более мелких особенностей было бы интересно отметить, кто в роду был левша, отметив также и тех, кто был левой только в детстве, а также тех, кто в одинаковой мере владеет обеими руками.

Хотя каждое сведение, проливающее свет на родословную, в данном случае может быть очень важным, проливая свет и на природу творчества и гениальности, однако, если бы Вы не желали, чтобы некоторые из Ваших данных были когда-либо опубликованы, то, пожалуйста, сделайте соответствующие указания, которые я обещаю Вам исполнить»⁴⁶.

Таким образом, исследователя интересовали не сухие биографические сведения, по давней традиции составляющие формализованную и, откровенно говоря, малоинформативную сущность большинства генеалогических трудов, а *личностные характеристики* представителей рода в биологическом, медицинском и психологическом аспектах. Забегая вперед, скажем — именно такой подход делает книгу М. В. Волоцкого уникальной. Кажется, этот труд не имеет себе равных ни в отечественной, ни даже в мировой литературе. Отметим, что на протяжении всего периода работы книга называлась «Род Достоевских, в *характерологическом освещении*»⁴⁷. Причем эта характерология сопрягалась с биологическими характеристиками человеческого тела — несомненным (как показали замечательные работы немецкого психиатра Эрнста Кречмера) фундаментом психических черт личности. Важно подчеркнуть, что М. В. Волоцкой собрал огромное количество материалов и о личности самого Федора Михайловича⁴⁸. Они должны были составить вторую часть его книги, так и не увидевшую света⁴⁹. Знакомство с подготовительными материалами убеждает в мысли: осуществись этот замысел, мы имели бы непревзойденное по полноте исследование, а в лице его автора — крупнейшего отечественного характеролога.

Вместе с тем, совершенно очевидны и трудности, с которыми уже в самом начале работы столкнулся исследователь. В первую очередь укажем на трудности в получении информации. По обстоятельствам того времени (закрытость государственных архивов, недоступность многих печатных источников) М. В. Волоцкой в большинстве случаев был лишен возможности проверить или уточнить поступающие к нему сведения по документам. Именно этим определяется большинство имеющихся в книге ошибок. Чрезвычайно много искажений содержат, например, сведения, полученные от единственного представителя «подольской ветви» рода Достоевских Ф. Г. Добржанского⁵⁰. Много неточностей и в информации, сообщенной М. Ф. Достоевским, В. Д. Голеновской (вдовой Н. Н. Голеновского, по всей видимости, редактировавшей не только линию потомков младшей сестры писателя, но и линию Шеров), О. М. Бережновой. Подчеркнем, что большинство неточностей относится к сведениям чисто биографического порядка. Напротив, все психологические характеристики, основанные на документах — дневниках, письмах, автобиографиях и даже протоколах специальных исследований, заслуживают большого доверия. В ряде случаев исследователем был предпринят специальный анализ источников, как, например, при установлении даты рождения младшего сына писателя — Алеши⁵¹. Важно отметить, что в поисках материала М. В. Волоцкой (живо интересовавшийся прояснением обстоятельств смерти Михаила Андреевича Достоевского) даже совершил экспедиционную поездку в имение родителей писателя Даровое под Зарайском, где доживала свой век племянница Федора Михайловича Мария Александровна Иванова⁵². Только благодаря его усилиям был сохранен памятник с могилы матери Ф. М. Достоевского на Лазаревском кладбище, ныне хранящийся в Московском музее писателя).

С другой стороны, работу серьезно осложняли проблемы, так сказать, этического характера. Определенный свет на них проливает уже цитированная переписка М. В. Волоцкого с А. А. Достоевским.

2 июля 1924 г.

«Я опасюсь, — признавался исследователь в одном из посланий, — что по тем материалам, которые я Вам послал, у Вас

может составить нежелательное для меня представление о моей работе. В частности, это относится к генеалогической таблице — в таком виде, с зачерненными алкоголиками, она предназначалась, разумеется, не для печати, а лишь для так называемого «менделеевского» (наследственного) анализа в узком кругу нашего О[бщест]ва»⁵³.

Понимая всю меру ответственности, М. В. Волоцкой пытался смягчать болезненные моменты сбора информации комментированием полученных им сведений, подчеркиванием научной значимости возникающих в результате его работы выводов: «Отдельные дегенеративные признаки представляют для меня, в данном случае, интерес лишь постольку, поскольку подтверждают связь гениальности и одаренности с вырождением, в то время как здоровая посредственность лишена как того, так и другого»⁵⁴.

Увы, бывали ситуации, когда конфликтов избежать все же не удавалось — вопрос о распространенности алкоголизма в роду Достоевских вызвал замешательство у А. А. Достоевского⁵⁵ и резко негативную реакцию племянницы писателя Екатерины Михайловны Достоевской. «Евгенический отдел составил родословную Достоевских, где о моем отце написано, что он был алкоголиком. Откуда они получили это известие?» — возмущалась она в письме к В. С. Нечаевой⁵⁶.

В результате М. В. Волоцкой утратил ценнейший источник информации — Е. М. Достоевская бесповоротно отказалась помогать исследователю в его разысканиях. Но так ли уж грубо «евгенический отдел» исказил реальность? Попытаемся разобраться в этом вопросе. Прежде всего, зададимся вопросом: мог ли создатель «Хроники» рода писателя что-либо придумывать сам? Ответ должен быть совершенно однозначным: разумеется, нет! Сведения о жизни М. М. Достоевского он получил, скорее всего, от его внука — М. Ф. Достоевского. Конечно же, информация, исходящая от человека, «мало интересовавшегося своим родом»⁵⁷, могла содержать искажения. Но так ли это? Обратим внимание на причину смерти старшего брата писателя, зафиксированную в письме последнего — «нарыв в печени» и «излияние желчи в кровь»⁵⁸, иными словами, речь идет о циррозе этого органа. Какие вредные воздействия могли привести к его развитию в то относи-

тельно благополучное в экологическом отношении время? Думается, дальнейший анализ здесь излишен. Тем более, что ситуация с Михаилом Михайловичем ничего не меняет в общей картине рода. Алкоголизм Достоевских — знак его эпилептической окрашенности, а не постыдное проявление «бытовой распущенности» отдельных его представителей. Даже при исключении из этого списка старшего брата писателя бесспорными алкоголиками должны быть признаны его сын и внук — полные тезки своего предка, а также младший из братьев Достоевских — Николай Михайлович. Сведения об этом присутствуют в тексте «Хроники». Правду сказать, черновые материалы М. В. Волоцкого (опиравшегося на свидетельства М. Ф. Достоевского и некоторые другие источники) содержат куда больше имен, но о них, до получения более достоверных сведений, лучше умолчать.

«Некоторые представители медицины, — не без язвительности замечал по этому поводу А. А. Достоевский, — склонны считать чуть ли не классическими алкоголиками таких лиц, которые всю свою жизнь перед обедом выпивают по рюмке водки. Если считать алкоголиками этих последних лиц, то все Достоевские, без исключения, — алкоголики, ибо ни у кого из них не было органического отвращения к спирту»⁵⁹.

С этими рассуждениями нельзя не согласиться. Но вот свидетельство о племяннике писателя проф. Б. Ф. Адлера, к слову сказать, не включенное М. В. Волоцким в текст его книги:

«Андрей Андреевич Достоевский — человек, несомненно, способный, даже талантливый, но с очень большой слабостью к алкоголю — почти всегда бывал выпивши, причем в этом своем состоянии он обычно впадал в заносчивый тон с окружающими, в силу чего имел много недоброжелателей, которые воспользовались смертью П. П. Семенова-Тяньшанского, очень благоволившего к А. А., для того, чтобы удалить его из Русского Географического общества»⁶⁰.

В таком случае становится понятным, почему весьма осторожную позицию к разысканиям М. В. Волоцкого первоначально занял и внучатый племянник Ф. М. Достоевского — профессор истории Юрий Алексеевич Иванов. Правда, познакомившись с «Хроникой рода Достоевского» уже после выхода ее из печати, он отказался от всех своих подозрений⁶¹. У Милия Федорови-

ча Достоевского, напротив, отношение к работе М. В. Волоцкого менялось от спокойно-заинтересованного, по крайней мере, нейтрального — до резко отрицательного, прямо-таки obstructивистского⁶². Судя по всему, полностью уклонился от общения с исследователем внук старшего брата писателя — экономист и историк Владимир Михайлович Владиславлев, личность весьма яркая. Правда, здесь он руководствовался своими резонами — его вообще не прельщали лавры родственника какой-либо знаменитости. По семейным воспоминаниям, он сильно негодовал на своих сестер, без особенного стеснения эволюционирующих из Бережных, Жекулиных и Владиславлевых в Достоевских. Имеются основания полагать, что даже Андрей Андреевич Достоевский, много и деятельно помогавший М. В. Волоцкому в его разысканиях, все-таки фильтровал важную для того информацию. Так, например, он скрыл факт смерти своей малолетней сестры Марии от эпилептических судорог. «Умерла от крупа» — только и значится в сообщенной им информации⁶³. А ведь смерть несчастного ребенка подробно описана в рукописи воспоминаний А. М. Достоевского, редактором и публикатором которых был Андрей Андреевич⁶⁴. Следовательно, он не мог не знать обо всех обстоятельствах столь печального события.

Новые обвинения обрушились на автора уже после выхода его книги из печати.

«Итак, книга Волоцкого у Вас есть, — писала 4 февраля 1935 г. невестка Федора Михайловича, Екатерина Петровна Достоевская, крупнейшему исследователю творчества Ф. М. Достоевского за рубежом Альфреду Людвиговичу Бему. — Задумана она хорошо, но выполнить эту задачу, особенно заключение, Вол[оцкому] не удалось, по общему мнению и по нашему личному впечатлению. Много неточностей, даже в датах, некорректностей; так Ивановы дали материал, чтобы *кое-что*, наиболее нужное, было напечатано, а Вол[оцкой], не уведомив их, напечатал все. Та же некорректность в отношении Андрея и меня. Считаю, что для характеристики Фед[ора] Фед[оровича] не так необходимо упоминать о моем личном разрыве с ним — начиная с 1916 года — и в особенности из-за детей, которых я не посвящала в свои личные переживания, я не углублялась в этот вопрос в разговоре с Вол[оцким]. Он же не счел нужным дать

мне или Андрею просмотреть или прокорректировать тот лепет, кот[орый] наболтала Михаэлис о периоде, когда она не знала Фед[ора] Фед[оровича]; смешивая всеми уважаемого Рибоьера с какими-то полутемными (?) личностями Герц[енбергом] и Левенс[оном], будто друзьями Фед[ора] Фед[оровича], кот[орых] я, однако, за 13 лет моей совместной жизни никогда не видала у себя в доме. <...> Андрей изображен 16-ти летн[им] мальчиком, когда это совсем зрелый и совершенно другой, сложившийся и много поработавший над собой человек, очень индивидуальный»⁶⁵.

Возьмем на себя смелость сказать, что в данном случае некорректна сама Екатерина Петровна. С какой стати она или ее сын должны были бы «корректировать» воспоминания *другого* человека? Конечно, по-человечески переживания подобного рода понятны: для Екатерины Петровны было чрезвычайно неприятным одно только упоминание о гражданской жене ее бывшего мужа — Леокადии Стефановны Михаэлис. А ведь в книге приведены и посвященные той стихи — единственное, что уцелело от литературного наследия Федора Федоровича. Писались ли они в период его супружества с Екатериной Петровной? Посвящались ли ей? Качество воспоминаний Л. С. Михаэлис оценит сам читатель. На наш взгляд, они — великолепны.

Увы, столь же предвзята Екатерина Петровна и в прочих своих обвинениях. Так, о дружбе Ф. Ф. Достоевского с В. О. Левенсоном свидетельствует хотя бы их совместная фотография 1883–1884 г. из альбома А. Г. Достоевской (ныне — в собрании Пушкинского Дома)⁶⁶. Больше того, именно в *этом* качестве Василий Осипович упомянут самой Екатериной Петровной в ее письме к М. В. Волоцкому от 5 апреля 1925 г.⁶⁷ Текст этого послания даже вошел в «Хронику рода Достоевского»!⁶⁸ Сведения о младшем внуке писателя в пору его юности в книге действительно отсутствуют, но были ли они предоставлены? Что же касается Ивановых, то с ними публикуемый материал М. В. Волоцкой как раз *согласовывал*.

На этом вопросе следует остановиться подробнее. Известно, что при публикации сведений о потомках младшей сестры писателя — Веры Михайловны, в замужестве Ивановой — у некоторых из них были изменены имена. Отмеченное обстоятельство

коснулось лишь тех лиц, с которыми не удалось согласовать публикацию или у тех, кто действительно не хотел фигурировать в книге под своим подлинным именем⁶⁹. Таковых персоналий всего три — это внучки В. М. Ивановой Вера (в книге — Анна) и Татьяна (в книге — Варвара), а также внук Сергей (в книге — Андрей). Однако претензии исходили вовсе не от них⁷⁰, а от их сестры Елены Алексеевны Ивановой. На протяжении многих лет (практически до самой смерти в 1972 г.) она распространяла слухи о каких-то будто бы имевших место прегрешениях М. В. Волоцкого в ее отношении. Между тем, она фигурирует в книге под своим подлинным именем, хотя имела несомненную возможность изменить его, подобно сестрам. Хотя бы — как главный редактор «ивановской» ветви рода⁷¹. Больше того, имеются свидетельства, что исследователь оплатил ей (из своего гонорара) опубликованную в «Хронике» автохарактеристику «Моя жизнь»⁷². Интересно, что в своих письмах к М. В. Волоцкому Е. А. Иванова восставала лишь против неправильно приписанного ей письма на с. 264 («На меня напала мания Плюшкина...»), не заключающего в себе, как нетрудно убедиться, ничего скандального. А в принадлежавшем ей экземпляре «Хроники» (ныне хранится у племянницы Елены Алексеевны Надежды Натановны Спивак) нет (за исключением одной мелочи) *никаких* исправлений. Известно также, что после выхода книги в свет Е. А. Иванова не порвала отношения с исследователем. До самого августа 1944 г. она тиранила его письмами, полными душевных интимных подробностей о своей жизни⁷³. Не знаем, сумеем ли мы объяснить читателю поведение этой женщины? Но именно так, не понимая, насколько вредит автору, она переживала восторг от выхода книги и своего присутствия в ней! По воспоминаниям родственников, Е. А. Иванова всю жизнь чрезвычайно гордилась своим родством с Федором Михайловичем, а с «Хроникой рода» буквально не расставалась ни на день.

О том, насколько М. В. Волоцкой был осторожен с имеющейся у него информацией, говорит хотя бы следующий факт: в опубликованном тексте книги нет указания на одну анатомическую особенность М. Ф. Достоевского — ввиду ее, так сказать, весьма деликатного свойства. Между тем, в родословных таблицах этот человек отмечен специальным значком «конституциональные

аномалии разные». Также отсутствует информация о том, что Ю. А. Иванов «временно находился на излечении в клинике Гордина», поскольку тогда это составляло врачебную тайну⁷⁴.

О шепетильности исследователя свидетельствуют и следующие фрагменты его писем к Андрею Андреевичу Достоевскому:

9 апреля 1927 г. (черновик)

«Мне очень жаль, что я не посмотрел у Вас таких интересных вещей, как переписка Марии Федоровны и Михаила Андреевича (родителей писателя. — *Н. Б.*). Это мне очень было бы интересно даже в том случае, если бы Вы не дали разрешения использовать ее в моей работе»⁷⁵.

13 ноября 1924 г.

«Если Вы увидите ее (Екатерину Михайловну Достоевскую. — *Н. Б.*), то передайте, пожалуйста, что я очень прошу ее, так сказать, благословения на включение в родословную Достоевских Игоря Лури⁷⁶. Относительно Прасковьи Ивановны [Аникиевой] и ее сына (от старшего брата писателя. — *Н. Б.*) Ивана я не настаиваю. Я их знаю только по именам, и изъятие их не убавит ничего от моей работы. Но Игорь Лури интересен для меня как музыкант, а одной из характернейших черт Достоевских является как раз музыкальность»⁷⁷.

Знакомство с текстом «Хроники» обнаруживает, что ее автору удалось отстоять обоих. Благодаря этому оказываются возможными генеалогические разыскания в чрезвычайно интересном направлении. Дело в том, что еще в мае 1914 года в одной провинциальной «ежедневной политической, общественной и литературной газете» были напечатаны фотографии Ф. М. Достоевского, «найденные в ростовском сиротском суде»⁷⁸. Понятно, что их публикация могла состояться только по причине широчайшей известности имени Федора Михайловича. Между тем, на оборотной стороне одной из фотографий имелось послание (факсимильно воспроизведенное публикаторами), из которого со всей определенностью следует, что на них изображен не сам писатель, а его *племянник* — Федор Михайлович-младший! Указанное письмо адресовано «брату Ване». Резонно предполо-

жить, что этим человеком является не кто иной, как внебрачный сын М. М. Достоевского Иван Аникиев, следы которого, казалось, были безвозвратно потеряны для исследователей.

Переписка А. А. Достоевского с М. В. Волоцким обнажает и еще одно возникшее в период работы над книгой осложнение. Увы, от подобных неприятностей и ныне не застрахован ни один исследователь:

22. IX.1928 г. Москва.

«Когда Вы были в Ленинграде, кажется, в 1925 г., то я просил Вас, — гневался племянник писателя, — чтобы те выписки из неизданных воспоминаний моего отца, которые я Вам сообщил еще раньше специально для Вашей работы о Достоевских, оставались только у Вас и чтобы Вы их никому не передавали. Вы тогда мне обещали это. Вчера, просматривая новую книжку Л. П. Гроссмана “Достоевский на жизненном пути”, я был очень неприятно удивлен, увидев некоторые из моих выписок, сообщенных мною специально Вам, напечатанными в названном издании. В особенности меня поразило, что описание убийства Михаила Андреевича [Достоевского] целиком вошло в книгу Гроссмана.

Л. П. Гроссман то ссылается на Вас, то прямо указывает на неизданную рукопись воспоминаний Андрея Михайловича [Достоевского], которой он никогда не видел. Очевидно, только Вашей неосторожностью и неопытностью можно объяснить этот неприятный случай.

Я очень прошу Вас еще раз никому впредь не давать ни для прочтения, ни для копирования моих выписок из рукописи Андрея Михайловича, которые я сделал Вам в 1924 г. доверительно и исключительно для Вашей работы.

Еще более меня поразило, что исторические разыскания о Достоевских, которыми Вас снабдил Николай Петрович Чулков (об этом Вы мне и говорили, и писали, и говорил мне сам Николай Петрович) вошли в “хронологическую канву” под Вашим именем, без единого указания на труд Н. П. Чулкова⁷⁹.

Вы, конечно, уже извинились в этом перед Николаем Петровичем, а если, паче чаяния, этого еще не сделано, то я настоятельно рекомендовал бы Вам поторопиться с этим.

Очень прошу Вас, дорогой Михаил Васильевич, принять настоящее письмо не за *casus belli*, а исключительно лишь как добрый совет, который я считаю себя вправе Вам предложить как человек, значительно старший Вас годами. Надеюсь, также, что наша переписка по поводу Вашей работы <...> не прекратится»⁸⁰.

Видел бы Андрей Андреевич «саги о Достоевских», вылившиеся из под пера современных авторов!

К великому сожалению, рассмотренные выше трудности были не только не единственными, но даже и не самыми главными. Куда серьезнее были проблемы иного рода. Поскольку М. А. Достоевскому удалось восстановить бывшее дворянство, на судьбах его потомков не могли не сказаться роковые события российской истории начала XX века. 27 июля 1919 г., как заложник из числа бывших офицеров, по обвинению в дезертирстве из Красной Армии его брата (в действительности не имевшем места), был расстрелян внучатый племянник писателя Дмитрий Николаевич Голеновский⁸¹. Буквально несколькими днями раньше в селе Красном под Ярославлем пьяные милиционеры закололи штыками обличавшего их действия мужа внучки Андрея Михайловича Достоевского — Сергея Николаевича Ленина⁸². Между тем, по какой-то жуткой иронии судьбы, именно от отца Сергея Николаевича получил свой партийный псевдоним, позже ставший второй фамилией, «пламенный вождь» мирового пролетариата. Теснейшим образом с белым движением в Сибири оказался связанным и Юрий Алексеевич Иванов. Правда, к его счастью, сведения об этом стали известны органам государственной безопасности только весной 1943 г. Тогда же Ю. А. Иванов был осужден на пять лет лагерей, но это уже история другого времени⁸³.

С конца 1920-х на представителей интересующего нас рода вновь обрушились репрессии. Так, например, летом 1929 г. из Донского политехнического института «за дворянское происхождение» был отчислен внук писателя Андрей Федорович Достоевский⁸⁴. Продолжать образование пришлось в Ленинграде. Однако очень скоро, 14 ноября 1930 г., по печально известному «делу академиков» здесь был арестован только что приютивший племянника Андрей Андреевич⁸⁵. Его освобождение стало воз-

можным лишь благодаря хлопотам А. Ф. Достоевского, заступничеству А. В. Луначарского и... приближающемуся 110-летию со дня рождения Федора Михайловича! Тем поразительнее факт: до распада в 1991 г. Советского Союза *все* кровные родственники писателя жили на территории этой страны! Исключение составил только Феодосий Григорьевич Добржанский, отказавшийся вернуться из научной командировки в США. Письмо ученого к академику Н. И. Вавилову от 10.VIII.1931 г. с сообщением о принятом им решении было написано в чрезвычайно резкой форме⁸⁶. Результатом стал тяжкий ярлык «невозвращенец», воспрепятствовавший приезду Ф. Г. Добржанского на родину даже и после «хрущевской оттепели»...

Несомненно, М. В. Волоцкой не мог и думать об обнародовании всех этих сведений. Тем не менее, он попытался, на наш взгляд, сохранить для будущих исследователей хотя бы намек на произошедшие события. Так, например, в биографической справке о С. Н. Ленине указаны только года его рождения и смерти⁸⁷. Однако несколькими страницами дальше, в информации о старшей дочери С. Н. и А. М. Лениных специально отмечено, что тринадцатилетняя девочка «умерла от нервного расстройства, вызванного смертью отца»⁸⁸. О Ф. Г. Добржанском сказано, что в 1928 г. он находился в научной командировке в Америке, «где работал по генетике дрозофилы в лаборатории Моргана при Нью-Йоркском Columbia University»⁸⁹. Пытаясь как-то смягчить «несозвучность эпохе», автор «Хроники» несколько усилил «революционное прошлое» некоторых представителей исследуемого им рода. Таковым, например, показан дядя Ф. Г. Добржанского по матери Иван Васильевич Войнарский, якобы сосланный в Сибирь «по делу убийства Вел. Кн. Сергея Александровича»⁹⁰. Однако даже простое размышление над фактами его биографии показывает невозможность такого жизненного пути. В самом деле, как можно за три-четыре года пройти арест, ссылку, полный курс обучения в Томском университете? Больше того, согласно Ф. Г. Добржанскому, перед смертью (в 1909 г. или в 1908 г.⁹¹) его дядя успел возвратиться в некогда покинутый им Киев, жениться и даже дожидаться рождения детей (в 1907 г.). Не меньшие сомнения вызывает и факт расстрела деникинцами Петра Васильевича Войнарского. Новые архивные разыскания позволили несколько

прояснить эти вопросы, однако их рассмотрение выходит за рамки нашей статьи⁹².

Роспуск Н. К. Кольцовым в 1930 г. Русского евгенического общества и реорганизацию Тимирязевского института можно считать своего рода сигналами, сколь небезопасными после «великого перелома» стали дальнейшие изыскания в этом направлении. Однако М. В. Волоцкой продолжает свой подвижнический труд.

«Что касается моей книги, — пишет он 18 сентября 1930 г. А. А. Достоевскому, — то она, по-видимому, пока застряла. Очень уж туго переживается противоречие между ее размерами, с одной стороны, и недостатком бумаги — с другой. Но я не унываю и продолжаю предпринимать различные шаги к ее изданию. В частности, не оставляю мысли о возможности ее издания при Академии наук»⁹³.

Несомненно, столь долгий путь книги к читателю связан и с трудностями цензурного характера. О них, в частности, упоминает в своей, откровенно говоря — малосодержательной заметке о Достоевских обосновавшийся в «вольных» Афинах генеалог В. С. Арсеньев⁹⁴. 24 октября 1930 года автор «Хроники рода Достоевского» обратился с письмом к А. В. Луначарскому (в то время председателю Ученого комитета при ЦИК СССР):

«Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Моя работа «Род Достоевских в характерологическом освещении» находится сейчас в Комакадемии, где имеется возможность ее издания. В ближайшее время должен решиться вопрос о ее судьбе. В этот момент Ваше слово могло бы значить так много, что я обращаюсь к Вам с просьбой еще раз оказать свою помощь в таком трудном и длительном рождении моей работы на свет. Если бы удалось двинуть дело быстрым темпом, то есть еще надежда, что книга выйдет в юбилейном 1931 году. Я надеюсь также, что она выйдет с обещанным Вами предисловием. Уважающий Вас, М. Волоцкой. Москва, Софийская наб., 10, кв. 8»⁹⁵.

Как мы знаем, книга вышла только через три с лишним года, под редакцией известнейшего пушкиниста М. А. Цявловского (с предисловием психиатра Петра Михайловича Зиновьева), в доживающем последние дни кооперативном издательстве «Север». Каково же значение собранной здесь информации?

Прежде всего, оно — в обилии, многообразии и достоверности большинства собранных фактов. Фактов, которые каждый обращающийся к книге исследователь может использовать в зависимости от стоящих перед ним задач. С одной стороны — это сведения биографического характера. К примеру, информация, почерпнутая из «Хроники», в явной или скрытой форме присутствует во множестве популярных и строго научных изданий, так или иначе касающихся жизни и творчества писателя. Ею полны беллетризованные биографии Федора Михайловича, написанные Ю. Селезевым⁹⁶ и Л. Гроссманом⁹⁷, книга В. С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских»⁹⁸, фундаментальное исследование И. Л. Волгина «Родиться в России»⁹⁹, «Летопись жизни и творчества писателя»¹⁰⁰, указатель имен к томам Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского, выпущенного Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) и др. Между прочим, в последнем источнике дата смерти племянницы писателя — Варвары Андреевны Савостьяновой — после 1933 г.¹⁰¹ — указана явно с оглядкой на «Хронику». А ведь могила этой женщины сохранилась на Смоленском кладбище в Петербурге, находящемся на том же Васильевском острове, что и Пушкинский Дом. Материалы М. В. Волоцкого заинтересовали и проф. Рене Миллера и должны были войти в издающийся им в Вене сборник о писателе¹⁰². Увы, судьба этой публикации нам неизвестна.

Вместе с тем, содержащаяся в книге информация полностью опровергает слухи о возможном родстве с Федором Михайловичем известного российского предпринимателя Александра Павловича Владиславлева или замечательной актрисы Театра Советской Армии в Москве Любови Ивановны Добржанской, и по сей день витающие вокруг имени этих людей. Точно так же не является родственницей писателя и жительница города Пинска Маргарита Петровна Паутова, якобы происходящая от родной сестры матери Федора Михайловича Марфы (фигуры абсолютно мифической), героиня сенсационных публикаций в различных провинциальных изданиях¹⁰³. Хранящаяся в семье М. П. Паутовой фотография Ф. М. Достоевского (якобы с его автографом), по сути, является пересъемкой, выполненной в московском ателье И. Александровского уже после смерти писателя¹⁰⁴. Увы, не встраивается в родословную Достоевских

и Сергей Николаевич Достоевский, отец которого сумел доказать в Путиловском сельсовете Оленинского района Калининской области (1930 г.), что его дед Евдоким Дмитриевич в свое время носил столь прославленную фамилию¹⁰⁵. По нашим данным (включающим и информацию ГИЦ МВД РФ), следы «неучтенных» Достоевских отмечаются в Москве, Петербурге, Астрахани, Валдае, Нарве, Мелехузовском районе Башкирии и Волжском районе Марийской автономной республики. Однако, единственными, кто может всерьез претендовать на родство с великим писателем, оказывается житель Киева Павел Петрович Достоевский (в прошлом — главный ветеринарный врач Украины) и его одесские родственники¹⁰⁶.

С другой стороны, собранные М. В. Волоцким сведения позволяют проводить широкий анализ, так сказать, по «специальным» вопросам медико-биологического профиля. К примеру, известный отечественный генетик В. П. Эфроимсон использовал материал «Хроники» для обоснования своей гипотезы о мономерно-аутосомно-доминантном типе наследования у человека комплекса эпилепсии с эпилептоидными чертами характера¹⁰⁷. Действительно, судорожные пароксизмы наблюдались как минимум у пяти близких родственников писателя, а эпилептоидные черты характера в той или иной степени присущи большинству представителей этого рода. Интересно, что еще в 1930-е гг. немецкий невролог Клаус Конрад обратил внимание на один любопытный факт — в эпилептических семьях чаще, чем где-либо, рождаются дизиготные (разнойцевые) близнецы¹⁰⁸. Действительно, в роду Достоевских на 161 роды от поколения родителей Федора Михайловича до его правнука — Дмитрия Андреевича Достоевского — приходится 6 пар близнецов (из них 4 — разнополых, т. е. однозначно дизиготных). Это составляет около 3,7 %, в то время как в России и странах Европы на рубеже XIX–XX веков близнецов (причем как дизиготных, так и монозиготных) рождалось всего около 1 %¹⁰⁹. Факт замужества сестры писателя Варвары Михайловны за эпилептиком Петром Андреевичем Карепиным может служить ярким примером так называемой «ассоративности» браков, когда супружеские союзы чаще заключаются между людьми, сходными в отношении морфологических (рост, цвет кожи и проч.) или психических

черт. Много эпилептиков было и в роду Рыкачевых¹¹⁰. Между прочим, эпилептоидные черты характера обнаруживаются и у второй жены писателя Анны Григорьевны, и у ее невестки Екатерины Петровны, и даже у возлюбленной Достоевского Аполлинарии Сусловой. Вообще говоря, обрисованная М. В. Волоцким характерология показывает, в какой мере сам Федор Михайлович является, так сказать, плотью от плоти своего рода. Несколько огрубляя картину, можно даже говорить, что в роду Достоевских нет ни одного типичного качества, которое, хотя бы в смягченном виде, не обнаружилось бы и у самого яркого его «выдвиженца». Точно так же и все личностные особенности Федора Михайловича присутствуют хотя бы у нескольких его кровных родственников. Другое дело, что, будучи феноменально одаренной личностью, писатель часто оказывался гораздо мудрее и выше своего родственного окружения.

Характерологический анализ рода, предпринятый самим М. В. Волоцким, содержится в заключительной главе его «Хроники». С одной стороны, он построен на достижениях бурно развивающейся в то время генетики, с другой — на представлениях о связи телосложения с психическими характеристиками личности, сформулированными ранее знаменитым немецким психиатром и психологом Эрнстом Кречмером. И хотя некоторые допущения М. В. Волоцкого (как, например, детерминация отдельных черт человеческой личности единичными генами) сейчас можно считать однозначно устаревшими, никаких более серьезных возражений (по крайней мере, у автора этих строк) его рассуждения и выводы вызвать не могут.

Но, разумеется, род Достоевских интересен нам прежде всего своей обширной и разнообразной одаренностью! Так, например, литературным даром обладали старший брат писателя Михаил Михайлович, дети — Любовь Федоровна и Федор Федорович, внучатые племянники Владимир Михайлович Владиславлев и Юрий Алексеевич Иванов, правнучатая племянница Вера Сергеевна Ленина и многие другие. Творчество большинства из них отражено на страницах «Хроники». Интересно отметить, что в своих литературных вкусах и В. М. Владиславлев, и Ю. А. Иванов (подобно замечательному поэту «Серебряного века» графу Василию Комаровскому¹¹¹) явно тяготели к лапи-

дарной античной поэзии. В творческом наследии обоих имеются талантливые стилизации в духе древних авторов. Кроме того, В. М. Владиславлев оставил еще и переводы из Тибула, Марциала и Горация¹¹², а Ю. А. Иванов — из Авзония¹¹³. Отметим заодно (не называя имен), что среди родственников Федора Михайловича нередко были и люди с огромной тягой к литературному творчеству, но, к сожалению, не имевшие к тому никакого таланта. Думается, это наблюдение важно для понимания природы творческого гения. Ведь его характерными чертами являются не только врожденная способность делать что-либо много лучше других, но и неукротимое стремление к реализации этой способности. Что, если эти качества детерминируются разными генами?

Еще более выраженной оказывается в роду Достоевских музыкальная одаренность — здесь мы с полным правом можем указать на уже упомянутого старшего брата писателя, его сыновей Михаила и Федора, а также на дочь последнего Татьяну. Кроме того, несомненными способностями к музыке обладали племянница писателя Мария Александровна Иванова и его более отдаленные родственники — Инна Владимировна Иванова, Александр Владимирович и Михаил Владимирович Владиславлевы, а также Игорь Борисович Лури и Ирина Владимировна Достоевская (Крюкова). Столь же высока в роду и художественная одаренность. Известно, например, каким прекрасным рисовальщиком был все тот же М. М. Достоевский-старший. Профессиональными художниками стали его прямые потомки Вера Александровна и Евгения Александровна Владиславлевы, а также дочь первой Татьяна Петровна Юрченко, ныне проживающая в Киеве. Яркий талант карикатуриста прорезался в свое время у внука писателя Андрея Федоровича Достоевского. Между прочим, исследователи творчества Федора Михайловича неоднократно подчеркивали, сколь замечательны и его собственные рисунки! Наконец, стоит отметить и научную одаренность интересующего нас рода. В подтверждение сказанного достаточно назвать имена приват-доцента Военно-медицинской академии Александра Андреевича Достоевского, первым описавшего гаплоидный набор хромосом в половых клетках аскариды, и Феодосия Григорьевича Добржанского — одного из круп-

нейших генетиков XX века. Дмитрий Дмитриевич Хмыров и Мария Владимировна Савостьянова получили степени доктора физико-математических наук, а Лев Иванович Балабух — доктора технических наук. Биографии этих людей достойны специального изучения. Талантливыми историками были уже упоминавшиеся Юрий Алексеевич Иванов и Владимир Михайлович Владиславлев. В их число следует добавить и Андрея Михайловича Рыкачева. Знакомство с творческим наследием Милия Федоровича Достоевского обнаруживает, что творческий диапазон этого замечательного искусствоведа был едва ли не безграничен¹¹⁴!

Право, обозревая общую картину фамильного древа Достоевских, невольно ловишь себя на мысли, что замечательная книга М. В. Волоцкого, в своем роде, — творение антиевгеническое. В самом деле, талант и болезнь (вообще говоря, отнюдь не имманентно присущие друг другу явления) подчас чрезвычайно тесно переплетаются в родах гениев. Так тесно, что их уже невозможно отделить друг от друга, как невозможно, например, разделить пальцы крепчайшим образом сцепленных рук или переплетенные ветви деревьев. И волевые попытки разрешения этой проблемы чреваты самыми плачевными последствиями. Положа руку на сердце, много ли мы знаем о природе таланта? Или о путях и причинах наследственной патологии? И чем нам придется руководствоваться при осуществлении, так сказать, коррекционных мероприятий? Вряд ли будет преувеличением считать, что по уровню своих знаний в этих областях человечество пока еще пребывает в периоде младенчества. Кажется, к подобным выводам пришел в конце своей жизни и сам автор «Хроники рода Достоевского».

* * *

25 августа 1934 г. Леонид Петрович Гроссман, вероятно, получив причитающийся ему экземпляр книги о роде Достоевского, писал ее автору:

«Шлю искреннее спасибо, многоуважаемый Михаил Васильевич, за Ваш исключительно ценный для меня подарок. Сердечно приветствую Вас с выходом Вашего долголетнего труда, несомненно, составляющего эпоху в изучении Достоевского.

С громадным интересом перечел знакомые мне благодаря Вашей товарищеской любезности, материалы, проливающие столько света в историю жизни и творчества Достоевского. Это образцовая работа, увлекающая новизной постановки главной темы и свежестью собранных материалов. От всей души желаю Вам, себе и всем “достоевцам” скорейшего выхода второго тома!»¹¹⁵

Приблизительно в это же время дает свой отзыв на книгу и Георгий Иванович Чулков, председательствующий в комиссии по творческому наследию Ф. М. Достоевского. Полностью не приняв имеющегося здесь «характерологического анализа» (как «обусловленного сомнительными «достижениями» психопатологической методологии»), бывший идеолог «мистического анархизма» все же не мог не признать, что первые одиннадцать глав «Хроники» «представляют интереснейший материал, прежде всего для историка и социолога», благодаря чему «книга М. В. Волоцкого в своей документальной части является богатым вкладом в нашу научную литературу»¹¹⁶. Что ж, негативное отношение к психопатологическому или, точнее, патографическому анализу человеческой личности было в то время, можно сказать, общим местом. Недаром ведь со всех сторон лились умопомрачительные речи о перевоспитании человеческой природы, какой-то неустанной работе с «человеческим материалом», созидании «нового человека». Роль социальных (а если шире, — то средовых) факторов в формировании психики — несомненна. Вряд ли можно спорить и с тем, что воспитание призвано смягчать негативные проявления человеческих характеров. Но удастся ли при этом переделать один темперамент в другой? На наш взгляд, с таким же успехом можно говорить о перевоспитании зайцев в кроликов, а петрушки в герань! Впрочем, недоброй памяти идеи Лысенко и Лепешинской расцветали как раз в то печальное время...

В связи с этим следует особо отметить впечатление, которое произвела книга М. В. Волоцкого на крупнейшего отечественного невролога Сергея Николаевича Давиденкова. В апреле 1935 г. он также обратился к автору «Хроники» со специальным письмом, где, высказав несколько полемических мыслей о природе наследственности эпилепсии и путях ее изучения, специально отметил удовольствие, которое ему доставило чтение этой «исключительно интересной книги»¹¹⁷. Как видно, наличие

эпилепсии у Ф. М. Достоевского было для С. Н. Давиденкова фактом несомненным. В связи с этим нельзя не коснуться затеянной в начале 1990-х гг. невропатологом Н. И. Моисеевой¹¹⁸ и психиатром О. Н. Кузнецовым¹¹⁹ нелепой, совершенно безответственной кампании по *очищению* «светлого образа» писателя от «тяжкого клейма» эпилепсии. У нас нет никакого желания бросить тень на имена этих исследователей (ныне — уже покойных), однако их псевдонаучные публикации могут ввести, да что там — уже ввели в заблуждение лишенных медицинских знаний биографов писателя¹²⁰. Не имея ни возможности, ни желания для критического анализа указанных статей, написанных ниже всякой критики, позволим себе лишь небольшую автоцитату из нашей более ранней работы. Быть может, высказанные здесь мысли снизят эмоциональный накал и мотивацию будущих защитников «доброе имени» Федора Михайловича:

«Во-первых, эпилепсия диалектически связана с проблемой устойчивости организма к повреждающим воздействиям и, следовательно, в определенном смысле, является как бы необходимым условием, чуть ли не платой за приобретение некоторых физических и психических качеств, необходимых личности для самореализации. Во-вторых, время от времени нарастающее возбуждение нервной системы, характерное для эпилептиков, играет роль некоего «стимулятора», который обеспечивает необходимый тонус для творчества, если только он оказывается посильным своему обладателю. Наконец, ярчайшие и совершенно необычные ощущения человека перед самым началом припадка, переживаемые иногда эпилептиками, как миг какого-то необыкновенного озарения и блаженства, конечно же недоступны другим, не подверженным этому заболеванию людям. Не эти ли переживания и легли в основу, оказались пусковым моментом той сверхидеи мировой гармонии, что как путеводная звезда вела писателя за собой на протяжении всего его творчества?»¹²¹

* * *

Среди бумаг М. В. Волоцкого, хранящихся в РГАЛИ, имеется и маленькая газетная вырезка с анонимной рецензией на книгу Николая Ашукина «Живой Пушкин». Выпущенная в 1926 г.

книга Ашукина представляла собой некий свод документальных свидетельств о поэте и в этом смысле может рассматриваться в качестве своеобразного предшественника «Хроники рода Достоевского». Приведем небольшой фрагмент заинтересовавшей нас рецензии, специально выделив фразы, отчеркнутые на полях, надо думать, рукой самого Михаила Васильевича:

«Работа интересная и вместе с тем крайне трудная. Биографический материал достаточно богат, но полон противоречий, что понятно, если вспомнить, какой многогранной и страстной натурой был Пушкин. *От составителя “исторической мозаики” требовались величайший такт и чувство меры. Он должен был отобрать материал таким образом, чтобы все эти противоречия не исключали друг друга, а лишь еще более рельефно и вытукло обрисовывали своеобразную фигуру поэта*»¹²².

Не правда ли, отмеченные строки отражают и атмосферу, в которой писался фундаментальный труд о роде Достоевского? И разве его автор не создал (там, где это было возможно) замечательные по своей полноте и объему характеристики многочисленных родственников писателя? Таким образом, нельзя не согласиться с С. Н. Давиденковым, писавшим в уже цитированном нами послании: «Я думаю, что это именно тот тип литературы, который нужен будет для всех наших выдающихся людей»¹²³.

-
- ¹ Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. М.; Л., 1935. С. 15.
  - ² Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 1. С. 94–95. Т. 2. С. 14–15, 19.
  - ³ Достоевский в изображении своей дочери. СПб., 1992. С. 21.
  - ⁴ Гроссман Л. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. С. 16.
  - ⁵ Там же.
  - ⁶ Там же. См. также: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. М.: Север, 1933. С. 22.
  - ⁷ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 568. Последнее свидетельство вызывает недоумение, поскольку, по утверждению нынешнего директора Музея села Достоева Анатолия Иосифовича Бурака, каменные плиты с хорошо читаемыми надписями лежали на старом кладбище еще и в 1950-е гг.

- ⁸ См., например, письмо А. Г. Достоевской к А. А. Достоевскому от января 1902 г. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва). Ф. 93. Раздел 2. Оп. 3. Ед. хр. 46. Л. 16.
- ⁹ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л., 1930. Издательство писателей в Ленинграде. 427 с.
- ¹⁰ Надежда Евфимовна Глембоцкая — двоюродная сестра писателя. В конце ноября 1879 г. обратилась к Ф. М. Достоевскому с просьбой о помощи. Ее письмо является уникальным источником информации о семье деда писателя. Подробнее см.: Материалы к биографии Ф. М. Достоевского. Письмо Н. Е. Глембоцкой // Достоевский: материалы и исследования / Подгот. текста Н. Ф. Будановой и Н. Н. Богданова. Вступит. заметка и примеч. Н. Н. Богданова. СПб., 2001. Вып. 16. С. 405–408.
- ¹¹ Первое издание отпечатано в 1790 г. типографией Почаевской лавры. Под № 215 здесь имеется акростих, помеченный указанием: «Творец Достоевский по краегранию» и читающийся как «ДОСТОЕВСКИ». Автор указанного стихотворения до сих пор не установлен, однако им мог быть прадед Федора Михайловича, владелец села Клечковцы под Ковелем, позже униатский парох местечка Янушполь — Григорий Гомерович Достоевский (умер после 1787 г.) или кто-либо из его детей — униатский парох села Скала под Винницей — Иоанн Достоевский (1754 – после 1798) или униатский, позже православный священник села Войтовцы Андрей Достоевский (1755–1819, дед писателя).
- ¹² *Любимов С. Ф. М. Достоевский.* (К вопросу о его происхождении). Литературная мысль. Кн. 1. Пг. 1922. С. 208–210. *Любимов С.* К вопросу о генеалогии Достоевского // Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Т. 2. Л., 1924. С. 303–308.
- ¹³ Подробнее см.: *Богданов Н. Н., Роговой А. И.* Кто вы — Андрей Достоевский? // Достоевский и мировая культура. Вып. 20. СПб.; М. 2004. С. 277–294; *Роговой А. И., Богданов Н. Н.* Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев // Достоевский и мировая культура. Вып. 21. СПб., 2005. С. 175–189.
- ¹⁴ См.: Примечания к «Воспоминаниям А. М. Достоевского». Гранки. Л. 1. (В опубликованном тексте книги ссылка на «Летопись» отсутствует). Выражаем признательность московскому библиофилу Николаю Васильевичу Паншеву за предоставленную возможность ознакомиться с текстом этого документа.
- ¹⁵ Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. С. 409–410.
- ¹⁶ См., например: *Гроссман Л.* Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. С. 9, 15, 20. *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 22–41.
- ¹⁷ Наука и научные работники СССР. Ч. 4. Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 53–54. Та же дата стоит и в послужном списке отца

- исследователя — В. Н. Волоцкого (1913). Сообщено исследовательницей рода Волоцких Ниной Вячеславовной Новиковой (Санкт-Петербург). В более поздних документах день рождения указывается по новому стилю — 26 апреля, что позволяет предполагать датой рождения и 14 апреля.
- ¹⁸ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1. Интересно, что документы М. В. Волоцкого были переданы в архив еще в 1944 г., буквально через несколько недель после кончины исследователя. Инициатором этого акта была В. С. Нечаева. Поразительна ее аргументация: «передачу надо осуществить как можно быстрее, поскольку после окончания войны на творчество Ф. М. Достоевского будет наложен запрет!» (Свидетельство дочери исследователя Зои Михайловны Волоцкой. С прискорбием сообщаем, что 23 января 2008 г. З. М. Волоцкая, горячо поддерживающая нас в наших разысканиях, скончалась).
- ¹⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 7. СПб., 1892. С. 104.
- ²⁰ *Гневашев Д. Е.* К начальной истории вологодского дворянского рода Волоцких. Рукопись. 2005. Сообщено Н. В. Новиковой.
- ²¹ Сообщено Н. В. Новиковой.
- ²² Государственный архив Российской академии наук (ГА РАН). Ф. 356. Оп. 3. Д. 60. Л. 311–312; РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.
- ²³ ГА РАН. Ф. 356. Оп. 3. Д. 60. Л. 313–316.
- ²⁴ Обзор главных евристических идей см.: *Н. К. Кольцов.* Улучшение человеческой породы. Русский евристический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 2–27. См. также: Большая медицинская энциклопедия. 1-е изд. Т. 9. М., 1929. С. 663–670.
- ²⁵ ГА РАН. Ф. 356. Оп. 3. Д. 60. Л. 311–312.
- ²⁶ 30 декабря 1921 г., 19 мая 1922 г., 23 февраля, 20 апреля и 4 мая 1923 г., 1 февраля 1924 г. // Там же. Л. 321 об.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 6.
- ²⁸ ГА РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 286. Л. 190.
- ²⁹ Там же. Ф. 356. Оп. 3. Д. 60. Л. 311–312.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. См. также: Наука и научные работники СССР. С. 53–54.
- ³² Там же. См.: Труды Государственного Тимирязевского НИИ изучения и пропаганды диалектического материализма. Серия 2. Вып. 1–2. Вологда: Сев. печатник, 1925. С. 26.
- ³³ ГА РАН. Ф. 356. Оп. 3. Д. 60. Л. 328; 330.
- ³⁴ Там же. Д. 286. Л. 190.
- ³⁵ Там же. Д. 60. Л. 313–316.
- ³⁶ Там же. Д. 286. Л. 191.

- ³⁷ В 1936 г. в 4-м выпуске Трудов Института вышла работа М. В. Волоцкого «К вопросу о генетике папиллярных узоров пальцев».
- ³⁸ Подробнее см.: *Богданов Н.* Типология индивидуальности. М., 2004. С. 223–289.
- ³⁹ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.
- ⁴⁰ Сообщено З. М. Волоцкой.
- ⁴¹ Подробнее см.: Достоевский и современность. Материалы XXI Международных Старорусских чтений 2006 г. Великий Новгород, 2007. С. 412.
- ⁴² Архив М. В. Волоцкого. Сообщено сотрудницей Музея и Института антропологии МГУ Татьяной Владимировной Томашевич.
- ⁴³ *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 20.
- ⁴⁴ *Кольцов Н. К.* Родословные наших выдвиненцев. Русский евгенический журнал. 1926. Т. 4. Вып.3–4. С. 103–143.
- ⁴⁵ *Пчелов Е.В.* Генеалогия и евгеника в России в 1920-е гг. Генеалогический вестник. Вып. 22. СПб., 2005. С. 20–23.
- ⁴⁶ Отдел рукописей Института русской литературы (ОР ИРЛИ). Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Л. 2 об–3 об.
- ⁴⁷ См.: Труды Государственного Тимирязевского НИИ. 1925. С. 26, а также письмо М. В. Волоцкого к А. В. Луначарскому от 24 октября 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории России. Ф. 142. Оп. 1. Д. 668. Л. 6. Сообщено Е.В. Пчеловым.
- ⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 27–34.
- ⁴⁹ Одна из первых глав этой работы, посвященная внешности гениального писателя, вошла в курьезнейшую (по авторскому составу) публикацию: *Волоцкой М. В., Вааз С. Л.* Ф. М. Достоевский. Наружность и телосложение // Человек есть тайна. Саратов, 2001. С. 26–48.
- ⁵⁰ Детальный анализ допущенных ошибок и причин их возникновения см.: *Богданов Н. Н.* «Кровь» Достоевских. Из разысканий об украинских родственниках писателя. Достоевский и современность. Великий Новгород, 2004. С. 333–334.
- ⁵¹ За указание на этот факт благодарим исследователя творчества Ф. М. Достоевского Бориса Николаевича Тихомирова.
- ⁵² Поездка состоялась 8 июля 1925 г. См.: *Нечаева В. С.* Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского. Достоевский: материалы и исследования. Вып. 6. Л., 1985. С. 291–293.
- ⁵³ ОР ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Л. 8–8 об.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ «Андрей Андреевич хотел писать Волоцкому и опровергнуть допущенную неправду...» (*Нечаева В.С.* Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского. С. 286).

- ⁵⁶ Письмо от 11 марта 1924 г. См.: *Нечаева В. С.* Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф. М. Достоевского. С. 285.
- ⁵⁷ Там же. С. 281.
- ⁵⁸ *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 90.
- ⁵⁹ См. также мнение А. А. Достоевского по этому поводу: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 95.
- ⁶⁰ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 463.
- ⁶¹ См. письмо Ю. А. Иванова к М. В. Волоцкому от 28 февраля 1935 г.: РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 64.
- ⁶² Показательна эволюция Милия Федоровича от письма к Милице Васильевне Нечкиной (26 августа 1924 г. ГА РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 575. Л. 1–3.) до письма Е. А. Ивановой к М. В. Волоцкому (9 сентября 1934 г. РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 335.)
- ⁶³ Там же. С. 176.
- ⁶⁴ Благодарим проф. Владимира Николаевича Захарова за возможность ознакомиться с копией текста воспоминаний А. М. Достоевского.
- ⁶⁵ Письма Е. П. Достоевской к А. Бему / Публ. и коммент. М. Бубениковой и Б. Тихомирова // Достоевский и мировая культура. Вып. 18. СПб., 2003. С. 218.
- ⁶⁶ Там же. Прим. 87.
- ⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 14 об.
- ⁶⁸ *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 154.
- ⁶⁹ См. письмо Лидии Алексеевны Спивак к директору Музея Ф. М. Достоевского в Старой Руссе Вере Ивановне Богдановой от начала января 1980 г. (Архив названного музея). То же самое утверждала Л. А. Спивак и автору этих строк при беседе в декабре 2003 г.
- ⁷⁰ Так, например, в письме С. А. Иванова к М. В. Волоцкому от 27 сентября 1935 г. (РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 63.) не содержится абсолютно никаких возражений по тексту книги. Также и Л. А. Спивак, в беседах с автором этих строк, высказывала претензии не автору «Хроники», а своей сестре Елене — как источнику информации.
- ⁷¹ *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 20.
- ⁷² Там же. С. 265–288.
- ⁷³ См.: РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61.
- ⁷⁴ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 471.
- ⁷⁵ Там же. Ед. хр. 45. Л. 2.
- ⁷⁶ Сын внебрачной дочери Ф. М. Достоевского-младшего.
- ⁷⁷ ОР ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Л. 19–19 об.
- ⁷⁸ Утро Юга. Ростов-на-Дону, 1915. 15 мая. № 112. Благодарим за возможность ознакомиться с этой курьезной публикацией проф. Игоря Леонидовича Волгина.

- ⁷⁹ В опубликованном тесте книги огромная роль Н. П. Чулкова специально отмечена в ссылке к гл. I. См.: *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 22.
- ⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 24–25.
- ⁸¹ Свидетельство А. А. Достоевского. См.: ОР ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 371. Л. 30. См. также: РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1157.
- ⁸² *Штейн М. Г.* Ульяновы и Ленины. СПб.: ВИРД, 1997. С. 214–217. Правда, в 1926 г. семья С. Н. Ленина получила персональную пенсию от Правительства СССР, поскольку Сергей Николаевич был признан «пионером введения сельскохозяйственного машиностроения в России». См.: Вечерняя Москва. 1926. 14 июня. № 134 (742).
- ⁸³ Подробнее см.: *Богданов Н. Н.* Поэт, «исполненный желчи» // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2006. С. 433–441.
- ⁸⁴ *Польская Е. Б.* Внук писателя и его мать // Мера. 1995. № 1. С. 129.
- ⁸⁵ Архив Управления Федеральной службы безопасности СПб. и Ленинградской области. Арх. № П82333. Следственное дело № 173. Сообщено Б. Н. Тихомировым.
- ⁸⁶ Центральный государственный архив научно-технической документации СПб. Ф. 318. Оп. 1-1. Д. 371. Л. 175. Опубликовано: Николай Иванович Вавилов. Научное наследие в письмах. Т. III. М.: Наука, 2000. С. 173. Благодарим проф. Илью Артемьевича Захарова за сообщение этого документа.
- ⁸⁷ *Волоцкой М. В.* Хроника рода Достоевского. С. 179.
- ⁸⁸ Там же. С. 183.
- ⁸⁹ Там же. С. 64.
- ⁹⁰ Там же. С. 63.
- ⁹¹ Этот год указан в рукописных воспоминаниях Ф. Г. Добржанского, продиктованных дочери Софье в 1960-х гг. в Америке (копия в архиве Н. Н. Богданова). Здесь же указан и год рождения детей И. В. Войнарского.
- ⁹² Подробнее см.: *Богданов Н. Н.* Его родословная. (К 100-летию Ф. Г. Добржанского). Природа. 2000. № 12. С. 65–67; *Богданов Н. Н.* «Кровь» Достоевских. Из разысканий об украинских родственниках писателя. С. 313–338.
- ⁹³ Отдел рукописей ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Л. 21 об.
- ⁹⁴ *Арсеньев В.* К происхождению Ф. М. Достоевского // Новик. 1934. Вып. 2. С. 16–17.
- ⁹⁵ Генеалогический вестник. Вып. 22. С. 20–23. Публикация Е. В. Пчелова.
- ⁹⁶ *Селезнев Ю.* Достоевский. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1981. С. 9–11.

- ⁹⁷ Гроссман Л. Достоевский. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1965. С. 7–9.
- ⁹⁸ Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939. С. 19–21.
- ⁹⁹ Волгин И. Родиться в России // Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга. 1991. С. 8–105.
- ¹⁰⁰ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 1–3. СПб.: Академический проект, 1995.
- ¹⁰¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 29. Кн. 2. Л.: Наука, 1986. С. 357.
- ¹⁰² РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 6.
- ¹⁰³ См., например: Яруцкий Л. Маргарита Петровна из рода Достоевских // Мариупольская мозаика. Вып. 1. Мариуполь, 1998. С. 208–212; Шапиро С. Из рода Достоевских // Полесская правда. 1997. 19 ноября. № 93. С. 3.
- ¹⁰⁴ Пользуясь случаем, выражаем признательность хранительнице образительных фондов Государственного литературного музея Татьяне Юрьевне Соболю, проконсультировавшей нас в этом вопросе.
- ¹⁰⁵ Выражаем благодарность вдове С. Н. Достоевского Анне Яковлевне, у которой хранится подлинник указанного свидетельства, за предоставленную информацию.
- ¹⁰⁶ Подробнее см.: Богданов Н. Н. «Кровь» Достоевских. Из разысканий об украинских родственниках писателя. С. 319.
- ¹⁰⁷ Эфроимсон В. П., Блюмина М. Г. Генетика олигофрений, психозов, эпилепсий. М.: Медицина, 1978. С. 334.
- ¹⁰⁸ Conrad K. Erhanlage und Epilepsie. Z. Neurol. Psychiatr. 1935. Bd. 135. № 2. S. 271–326.
- ¹⁰⁹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 4. СПб. С. 83. Фридрих В. Близнецы. М. Прогресс. 1985. С. 88–91.
- ¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 1042.
- ¹¹¹ Поэт, как известно, страдал эпилепсией.
- ¹¹² Опубликованы в Журнале Министерства народного просвещения (1891. № 9. С. 91–94; 1892. № 11–12. С. 123–127) за подписью «К. С-ский». Авторство устанавливается на основании письма академика В. В. Латышева проф. С. А. Венгеру из Казани от 31.XII.1892 г. См.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI. СПб., 1897–1904. С. 260.
- ¹¹³ Опубликованы в журнале «Гермес». 1912. № 12. Под псевдонимом Юрий Дьяков.
- ¹¹⁴ Подробнее о М. Ф. Достоевском см.: Богданов Н. Н. Правда и ложь о жизни и смерти Милия Достоевского // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2006. С. 422–433.

- ¹¹⁵ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1.
- ¹¹⁶ Там же. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 3–4.
- ¹¹⁷ Там же. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 54.
- ¹¹⁸ *Моисеева Н. И.* Был ли Достоевский эпилептиком? История одной врачебной ошибки // Знамя. 1993. № 10. С. 199–204; *Моисеева Н. И., Никитина Л. И.* Ложный штамп душевного заболевания Достоевского // Вестник гипнологии и психотерапии. СПб., 1993. № 2; *Моисеева Н. И.* Конец одной легенды. Чем был болен Достоевский? // Достоевский и современность. Новгород, 1994. С. 183–187; *Моисеева Н. И.* Ошибка в биографии Ф. М. Достоевского // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 321–332.
- ¹¹⁹ *Кузнецов О.* Достоевский — пациент христианин // Достоевский и современность. Старая Русса, 2002. С. 129–137. Здесь автор критикует нашу «не без таланта написанную дискуссионную статью» (попутно обвиняя в незнании творческого наследия С. Н. Давиденкова и намекая на «отсутствие клинического опыта» в области неврологии и психиатрии). При всем нашем желании, мы не можем вернуть лестный для нас комплимент: работы О. Кузнецова (как и Н. Моисеевой) абсолютно беспомощны. См. также: *Кузнецов О.* Зонды и Достоевский // Психология судьбы. Теоретические, экспериментальные, психотерапевтические, религиозные и эстетические проблемы. Сборник статей по глубинной психологии. Екатеринбург, 1996. Вып. 4. Ч. 2. С. 123–147.
- ¹²⁰ См., например: *Белов С. В.* Энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение». Т. 1. СПб., 2001. С. 254, 262, 298.
- ¹²¹ *Богданов Н. Н.* «Просиять сквозь холодную мглу...» // Достоевский и мировая культура. Вып. 12. М., 1999. С. 190.
- ¹²² Известия. 1926. 17 января. № 14 (2645); РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 8.
- ¹²³ РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 54.

Я. Волчук

Академик П. П. Дубровский — педагог

В профессиональной (педагогической и научной) жизни слависта П. П. Дубровского (1812–1882 г.) значительное место занимают польские страницы. Выпускник Нежинского лицея князя Безбородко, будучи студентом Московского университета, из любви к творчеству А. Мицкевича он обучался польскому языку под руководством бывшего виленского филомата Ю. Ежовского. Деятельность будущего академика как приверженца идеи взаимного ознакомления славянских народов, популяризатора польской литературы среди русских читателей и русской литературы в польской периодике уже рассматривалась исследователями¹. Педагогическая же деятельность Дубровского не привлекала особого внимания², а именно с учительским поприщем связаны его многие издательские и исследовательские мероприятия, которые зависели в определенной мере от проводимой Министерством народного просвещения политики по отношению к школьному делу Царства Польского.

После поражения Польского восстания 1830–1831 гг. начинается постепенное подчинение польских школ законодательству Российской империи, в программы средних школ включаются обязательные уроки русского языка и литературы, истории и географии России, вызываются из империи учителя для преподавания этих предметов³. Одним из них был будущий

экстраординарный академик по Отделению русского языка и словесности Императорской Академии наук (с 1858 г.), вторично член-корреспондент Академии наук с 1862 г., Петр Павлович Дубровский⁴. В 1837 г. по собственной просьбе он был направлен в Царство Польское в качестве преподавателя: работал сперва в городке Лович в школе для учителей начальных (приходских) училищ (Instytut dla Nauczycieli Elementarnych), в 1838 г. переведен в одно из низших средних училищ в Варшаву, с 1839 г. в Варшавскую губернскую гимназию. Здесь во время торжественного акта по случаю окончания 1838/39 учебного года выступил с «чтением» о сходстве русского языка с другими славянскими языками⁵. На учительском поприще Дубровский оставался до 4 июня 1845 года, а следующие шесть лет, до перемещения в 1851 г. в Петербург, служил в Варшавском цензурном комитете.

Для успешного преподавания русского языка в иноязычной — польской аудитории требовались соответствующие учебники. Стремясь к сближению школьных программ в Царстве Польском с программами в империи, Министерство народного просвещения ратовало за постепенное введение оригинальных русских учебников для польских учащихся. Однако учителя на местах понимали, что для польских школ нужны отдельные научные пособия. Некоторые из преподавателей, составляя соответствующие учебники, обращались в министерство с просьбой рекомендовать их труды для учебных заведений. Сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве документы свидетельствуют о том, что такую рекомендацию получить было нелегко: в начале 40-х годов XIX в. было отказано в ней правителю канцелярии Варшавского учебного округа Панкратьеву, хотя сам автор рекомендовал свой учебник как средство, благодаря которому «действуя со всею осторожностью на юные умы возрастающего поколения благоразумный русский преподаватель может отклонить оное от жалкого и зловредного предубеждения, распространяемого неблагонадежными людьми противу православия; что, знакомя мало-помалу учащихся с настоящим величием и благоденствием России, может неприметно развить в них чувство верноподданнического долга и тем утвердить своих воспитанников в необходимости почтения, должного Императору Всероссийскому и Царю Польскому»⁶. Невзирая на то, что

упомянутое пособие заведомо укладывалось в рамки идеологии «православия, самодержавия, народности», рекомендацию Министерства получила другая книга — Петра Дубровского⁷, хотя и не в качестве основного учебника, а только лишь вспомогательного, но и как таковая она переиздавалась в Варшаве многократно⁸.

В список обязательных школьных пособий не попали и другие работы будущего академика⁹, но их автор прекрасно понимал злобу дня. Введенный в учебные заведения Царства Польского русский язык постепенно внедрялся и в делопроизводство казенных учреждений, с 20 августа 1837 г. требовалось знание русского языка от штатных чиновников Царства Польского, с 1840 г. порусски велась переписка и отчетность школ новообразованного в конце 1839 г. Варшавского учебного округа¹⁰. Однако знание русского литературного языка не гарантировало успешного ведения канцелярских дел, где требовалась особая лексика. Знающие канцелярский стиль чиновники, прибывающие в Царство Польское из великорусских губерний, затруднялись в применении русских названий учреждений, должностей и пр. по отношению к польским реалиям. Изданный Дубровским в 1847 г. словарь¹¹ в определенной мере снимал эти трудности. В предисловии составитель сообщал: «Кроме слов юридических и административных в словарь мой вошли многие технические термины по части архитектурной, горной, сухопутных и водяных сообщений, названия разных работ (малярных, слесарных, кузнечных и т. д.). Помещены также многие слова <...> часто встречающиеся в канцелярском слоге <...>. При переводе польских технических терминов на русский язык, я присоединил, где было нужно, подробные их определения, чтобы сделать мой словарь, сколь можно, более полным и полезным не только для чиновников польских, но и для русских, еще незнакомых с канцелярским польским языком».

В том же предисловии Дубровский изъявлял свою благодарность за доставление некоторых источников к словарю члену Совета народного просвещения в Царстве Польском Николаю Павлицеву. Надо полагать, что зятю А. С. Пушкина Дубровский был обязан не только помощью по словарю: в варшавском доме Павлицевых он бывал часто, а успешно продвигавшийся по лестнице ведомства просвещения хозяин дома мог помочь во многом и, по всей вероятности, помогал. Без его ведома составленный Дубров-

ским упомянутый уже учебник русского языка не мог бы попасть в список наградных книг для учеников младших классов польских школ¹². Включение его в этот список гарантировало автору-составителю постоянного подписчика — дирекции польских школ. Такого же рода содействие получил Дубровский раньше в другом мероприятии: издаваемый им в 1842–1843 гг. в Варшаве журнал «Jutrzenka — Денница» выписывался министерством народного просвещения для учебных заведений империи и Царства Польского¹³. Обращаясь в министерство за материальными средствами для популяризации «Денницы» в России, Дубровский писал: «Что касается до Царства Польского, то мне остается донести <...>, что моя газета имеет здесь достаточное количество подписчиков <...>, а некоторое количество “Денницы” требуется даже в Пруссию, Австрию и австрийско-итальянские владения»¹⁴.

Ознакомление читателей с письменной культурой и просвещением славянских народов посредством «Денницы», несмотря на усилия издателя изыскать нужные средства, прекратилось в 1843 г. Сам же издатель, работая еще учителем в школе, и после, в должности цензора (до 1851 г.) продолжал действовать в прежнем направлении, помещая свои статьи в «Москвитяине» и в польских журналах «Biblioteka Warszawska», «Dzwon Literacki», «Przegląd Naukowy», «Album Literacki» и «Pielgrzym»¹⁵. Ведущей темой статей, помещаемых в польской периодике, были южные славяне, а польская проблематика появилась в «Описании Варшавы и ее окрестностей» (Варшава, 1850), в работе, адресованной, несомненно, прибывающим в Царство Польское русским. Читатель и русский, и польский (не только юный, желающий обучаться языку) мог воспользоваться «Русско-польским комением...»¹⁶. Комений так же, как и упоминаемая уже «Книга для чтения...», не получил статуса обязательного учебника, тем не менее, в качестве вспомогательного пособия рекомендовался I и II классу польских школ, в том числе и частным учебным заведениям. Куратор Варшавского учебного округа купил в 1841 г. 50 экземпляров этой книжки и разослал школам для раздачи ученикам «моральным, старательным и бедным»¹⁷.

Рекомендация, данная куратором «Русско-польскому комению...», является еще одним доказательством того, что деятельность Дубровского не только в роли популяризатора славянской

проблематики, но и как (или — прежде всего) педагога, автора учебных пособий, распространяющих знание русского языка в Царстве Польском и способствующих освоению азов польского языка русскими чиновниками, служащими там же, поощрялась ведомством просвещения, лицами «власть имущими» не только в Варшаве, но и в Петербурге. Прямым продолжением оказываемого доверия было поручение Дубровскому открывшейся с осени 1851 г. в Главном Педагогическом институте кафедры польского языка и словесности, задачей которой было ознакомление предназначенных на учительские должности в Царстве Польском стипендиатов — коренных русских с польским языком и письменностью. Дубровский, не имевший формальной квалификации (ученой степени), вследствие проявляемого интереса к польской письменности, благодаря полученному в Царстве Польском педагогическому опыту, знанию реальной обстановки и условий, в которых должны были работать в будущем его слушатели, соответствовал этому назначению. Его последующие выступления на заседаниях ОРЯС Академии наук¹⁸ свидетельствуют о постоянном интересе к польской литературе даже тогда, когда, вследствие реформы системы подготовки учителей для Царства Польского и закрытия занимаемой им кафедры, вынужден был поменять должность экстраординарного профессора на цензорскую (5 марта 1859 г.)¹⁹.

Нельзя не упомянуть, что, в связи с предстоящим закрытием кафедры польского языка в Главном Педагогическом институте, Дубровский хлопотал об учреждении кафедры польской словесности в Императорском Санкт-Петербургском университете, подчеркивая, что это будет полезно не только филологам, но и историкам вследствие того, что «старинная польская литература в этом отношении представляет богатые и еще не вполне разработанные материалы <...>, кафедра польской словесности была бы *единственной* в пределах русского государства и очень важною в том отношении, что изучение польского языка, вместе со знанием русского, составляет, так сказать, ключ к прочим славянским наречиям»²⁰. Таким образом, на первый план выдвигалась бы цель научная, исследовательская, а не практическая, но сам Дубровский видел себя прежде всего в роли преподавателя. Но этим планам не довелось осуществиться.

Приложение

О первой лекции П. П. Дубровского в Главном Педагогическом институте. (Из докладной записки товарища министра народного просвещения А. С. Норова об открытии кафедры польского языка и словесности в Главном Педагогическом институте)²¹

Показав студентам, <...> необходимость для будущей их службы изучение польского языка, профессор кратко изложил его историю и представил раннюю зависимость оного от чужеземного влияния после введения латинского богослужения, равно как и недостаток польских письменных памятников, из которых в древнейшем сохранившемся в рукописи XIV столетия Псалтыре, встречается множество слов и оборотов языка церковнославянского; это заставляет предполагать существование и славянского богослужения и славянской письменности в древнейшей Польше.

Далее профессор показал, что поляки через влияние Западной Европы на их образованность утратили славянскую личность. При таких обстоятельствах язык их не мог развиваться и чрез преждевременное приобретение чуждой образованности стал клониться к упадку.

В царствование блаженной памяти Императора Александра открыты были многие ученые и учебные заведения, которые сделались рассадниками замечательных талантов, усовершенствовавших и язык, и литературу. И этим Польша обязана России. <...>. В благополучное нынешнее царствование молодому поколению открыто широкое поле для умственной деятельности; остается желать, чтобы стихия славянская, составляющая силу и богатство языка и которая так заглушена чужеземным влиянием в польском народе, более и более проникла в его жизнь <...>

---

¹ *Kucharska E.* «Jutrzenka» — «Diennica» — czasopismo słowiańskie P.Dubrowskiego // *Zeszyty Naukowe WSP w Opolu. Filologia rosyjska.* 1972. VIII. S. 5–25; *Mucha B.* Piotr Dubrowski — zapomniany polonofil i propagator literatury rosyjskiej wśród Polaków // *Slavia Orientalis.* 1973. R.XXII. № 2. S. 165–176.

- ² *Schiller J.* Portret zbiorowy nauczycieli warszawskich publicznych szkół średnich 1795–1862. Warszawa, 1998. S. 264; *Wolczuk J.* Nauczyciele wyznania prawosławnego w szkołach Królestwa Polskiego (1833–1862) // Silesia. Wrocław, 2004. S. 17–18.
- ³ *Wolczuk J.* Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego 1833–1862. Szkice do obrazu. Wrocław, 2005.
- ⁴ Летопись Российской Академии наук. Т. II. 1803–1860 / Отв. ред. М. Ф. Хартанович. СПб.: Наука, 2002. С. 564; *Хартанович М. Ф.* Ученое сословие России. Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999. С. 108.
- ⁵ *Wolczuk J.* Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego 1833–1862. S. 201. О «чтениях» других преподавателей см. *Волчук Я.* Научно-популяризаторская деятельность преподавателей средних школ Царства Польского (1832–1862) // Наука и техника: вопросы истории и теории. Тезисы XIX годичной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (23–28 ноября 1998 г.). Вып. XIV. СПб., 1998. С. 149.
- ⁶ РГИА Ф. 733. Оп. 77. Ед. хр. 131. По представлению попечителя Варшавского учебного округа, о составленной правителем канцелярии Панкратьевым «Русской учебной книге». Здесь же о введении в употребление сочинения под заглавием «Книжка для чтения в пользу начинающих учиться русскому языку», составленного учителем Дубровским, а также и книжки для чтения составленной Пенинским. Л. 35.
- ⁷ Książka do czytania rosyjskiego, polecona przez J. W. Ministra Oświecenia Narodowego do użytku w I klasie gimnazjów, szkół powiatowych, instytutów naukowych prywatnych i szkół elementarnych zakładach naukowych Królestwa Polskiego. Warszawa, 1843.
- ⁸ В 1857 г. — изд. 5, в 1870 — изд. 7. См.: *Estreicher K.* Bibliografia polska XIX stolecia.... Т. VI. Dopełnienia (A–O). Kraków 1881. S. 174.
- ⁹ Rosyjsko-polski Komeniusz Warszawa (1841). Kurs praktyczny języka rosyjskiego Warszawa (1850).
- ¹⁰ В 1851 г. была отменена таможенная граница между империей и Царством Польским, и делопроизводство ведомства надо было вести по-русски. См.: *Dziennik Praw Królestwa Polskiego.* Т. 17. S. 408; *Poznański K.* Oświata i szkolnictwo w Królestwie Polskim 1831–1869. Lata zmagañ i nadziei. 3. Polityka oświatowa caratu w latach 1834–1861, Warszawa, 2004. S. 84.
- ¹¹ Словарь польско-русский, административный и судебный, содержащий в себе: 1. Слова юридические и административные; 2. Слова технические, употребляемые в архитектуре, по горной части, в ги-

- дравлике и т. п.; 3. Имена, даваемые при крещении; 4. Синоптическую таблицу российских чинов и степеней: военных, гражданских и духовных. Составил Петр Дубровский. Варшава, 1847; Słownik polsko-rosyjski, administracyjny i sądowy, zawierający: 1. Wyrażenia prawnicze i administracyjne; 2. Nazwy techniczne w budownictwie, górnictwie, hydraulice i t. p. 3. Imiona chrzestne; 4. Synoptyczną tabelę rang i stopni rosyjskich: wojskowych, cywilnych i duchownych. Ułożył Piotr Dubrowski. Warszawa, 1847.
- ¹² Książki rosyjskie wręczane uczniom jako nagrody ogólne oraz «za szczególne postępy w języku rosyjskim» // *Wolczuk J.* Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego 1833–1862. S. 313.
- ¹³ В список подписчиков «Денницы» в империи Министерство народного просвещения включило: 6 университетов, 3 лицея, 74 гимназии, ОРЯС Академии наук и III отделение департамента. См. РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Ед. хр. 108. Л. 3
- ¹⁴ Там же. Л. 9–10
- ¹⁵ Библиографию работ Дубровского см. *Kucharska E.* Działalność slawistyczna Piotra Dubrowskiego w świetle listów do Izmaila Srezniewskiego // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu. Seria B: Studia i monografie.* № 41. Wrocław, 1974. S. 127–129; *Mucha B.* [rec.:] Eugenia Kucharska. Działalność slawistyczna Piotra Dubrowskiego w świetle listów do Izmaila Srezniewskiego // *Slavia Orientalis.* R. XXIX. № 3. S. 347.
- ¹⁶ [Дубровский П.] «Русско-польский комений, заключающий в себе 1. Собрание общеупотребительных слов и выражений, 2. Образцы разговоров, 3. Примеры для перевода с польского языка на русский и 4. Собрание слов, заключающихся в этих примерах, изд. второе, Варшава 1843; Rosyjsko-polski komeniusz, obejmujący: 1. Zbiór wyrazów i wyrażeń najużywanych, 2. Wzory potocznej konwersacji, 3. Przykłady do tłumaczenia z języka polskiego na rosyjski i 4. Zbiór wyrazów, zawierających się w tych przykładach. Ułożony przez nauczyciela języka rosyjskiego przy gimnazjum gubernialnem warszawkiem. Wyd. drugie, w Warszawie, nakładem S.Orgelbranda księgarza. 1843. [wyd. I – 1841].
- ¹⁷ Archiwum Państwowe w Łodzi, zespół Szkoła Powiatowa w Wieluniu, rkps 18. Akta naukowe. 1840–1845. K. 236.
- ¹⁸ Летопись Российской Академии наук. Т. II. 1803–1860. С. 430, 475, 479, 494, 497, 511, 515, 518, 532, 535; Т. III. С. 35.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Ед. хр. 492. Л. 11.
- ²⁰ Там же. Л. 94.
- ²¹ РГИА Ф. 733. Оп. 77. Ед. хр. 306. 23.10.1850–9.11.1851. Л. 47–49.

В. М. Маркович

Наследник высоких традиций. Г. А. Бялый

Григорий Абрамович Бялый родился 16 (29) декабря 1905 года на станции Оредеж в Петербургской губернии. Местом рождения Бялого — филолога стал Петроградский (с 1924 г. Ленинградский) университет, куда он поступил в 1921 году. Поступление было связано с одним забавным обстоятельством. Частная гимназия, в которой учился Бялый, была закрыта раньше, чем он ее окончил. Всем ученикам выдали соответствующую справку: с ней юный гимназист и явился на университетский факультет общественных наук, чтобы выяснить, на что он может претендовать. К своему удивлению он был немедленно и без вопросов принят. То есть поступил в высшее учебное заведение на основании свидетельства о том, что не окончил среднюю школу.

Таким был в начале 1920-х годов Петроградский университет, унаследованный советской властью от дореволюционных времен и еще не подвергшийся бюрократизации. Бялый получил здесь превосходное образование. Он слушал лекционные курсы С. Ф. Платонова, Ф. Ф. Зелинского, Д. И. Абрамовича, Л. В. Щербы, параллельно занимаясь в семинаре по древнерусской литературе у академика В. Н. Перетца. Попасты в этот семинар считалось честью и удачей: Перетц был одним из самых уважаемых филологов в России. В качестве историка литературы он сыграл видную роль в переходе российского литерату-

роведения от культурно-исторической школы к идеям исторической поэтики. В качестве теоретика он оказывал поддержку формализму, сохраняя при этом независимость собственной позиции. В своем семинаре академик поощрял формалистические штудии, но одновременно утверждал, что «универсального метода нет, есть различные методы, путем коих мы <...> исследуем материал, сообразно его качествам и поставленным заданиям»¹. Речь шла о таком разнообразии подходов, которое должно привлекать начинающего исследователя неисчерпаемостью открывающихся перед ним перспектив. Впрочем, студента Бялого, судя по воспоминаниям, притягивала не столько методологическая позиция Перетца, сколько особая атмосфера его семинара.

Эта атмосфера была типична для всех лучших филфаковских семинаров — от знаменитого дореволюционного семинара С. А. Венгерова до столь же знаменитого послереволюционного семинара Г. А. Гуковского. «Это была ученая республика, — вспоминал Г. А. Бялый, — где на равных правах со студентами работали профессора, учившиеся в свое время в семинаре Перетца <...>. Здесь царил дух равноправия людей разных возрастов и <...> разных степеней знания, объединенных общим делом науки»². Была у этих занятий и еще одна притягательная особенность: кроме возможности свободного научного поиска, они давали солидную общефилологическую подготовку. Они требовали большой эрудиции, тщательности в собирании и описании материала, умения критически оценивать и систематизировать факты. Все это потом вошло в печатные работы Бялого. Но вошло, как можно заметить, не сразу.

* * *

Появление первых публикаций Г. А. Бялого совпало с временем окончания университета: в 1925 году в «Красном журнале для всех» были напечатаны три статьи никому еще неизвестного автора: «Основные вопросы марксистской литературной критики» (№ 4), «О пролетарской литературе» (№ 7) и «Литературное обозрение (Новинки пролетарской литературы)» (№ 9).

Читатель, знакомый с Бялым по главным его работам, вряд ли узнал бы его в авторе этих статей. Неузнаваемой оказалась бы уже сама использованная здесь форма изложения: статьи

складывались из жестких логических построений. Вот, для примера, одно из них: «Если говорят: такой-то писатель обращает больше внимания на форму, чем на содержание, — этим хотят упрекнуть нашего писателя в том, что в основе его произведений лежит не ясная и четкая мысль, а более или менее неопределенное настроение. И наоборот.

Поэтому сторонники литературного реализма, проникнутого так называемой “идейностью”, ставят содержание “выше” формы. Сторонники искусства нереалистического — наоборот»³.

Такое изложение соответствовало принятой автором роли, тоже непохожей на обычную в дальнейшем позицию Бялого: в своих ранних статьях он выступает как теоретик, разъясняющий ключевые положения марксистской методологии. На первый взгляд, содержание ранних бяловских работ выглядит добросовестным воспроизведением этих ключевых положений. Речь идет о «классовой природе художественного произведения», об оценке современного писателя «с точки зрения его пригодности для пролетарской общественности», об общих принципах применения марксистской теории в области «текущей» критики и т. п. Следование официальным методологическим канонам, кажется, определяет даже порядок появления статей. В первой из них сформулированы и истолкованы основные принципы марксистского метода в литературоведении. Во второй, на основе сложившихся у него представлений о методе, автор дает обобщенную характеристику исследуемого предмета — пролетарской литературы. Наконец, в третьей статье вполне оформившаяся концептуальная характеристика этой литературы применяется к отдельным текстам. Все как положено: от общего к частному, от марксистской теории к пролетарской практике. Легко может возникнуть впечатление, что автор полностью подвластен господствующей идеологии и методологии.

Однако несколько особенностей рассматриваемых статей явно осложняют это впечатление. Во-первых,стораживает обстоятельство, что автор как будто бы вполне «правильных» сочинений за чем-то укрывается за псевдонимом. Во-вторых, удивляет выбор псевдонима. Им становится фамилия Дружинина, известного поборника идеи «чистого искусства». Для правого критика-марксиста такой выбор довольно странен. Найти ему

серьезное объяснение трудно, легче предположить игровую позицию автора. В-третьих, обращают на себя внимание некоторые смысловые акценты, которые не вполне вписываются (по крайней мере, интонационно) в марксистский канон. Можно отметить, например, нескрываемое удовлетворение, с которым «Дружинин» устанавливает связь бесклассовой социалистической культуры с культурой «допролетарской»⁴ (то есть, говоря конкретнее, — с традициями буржуазной и дворянской культуры). Удовлетворение заметно и тогда, когда молодой филолог использует в качестве методологического ориентира «допролетарские» идеи Белинского о «пафосе»⁵. В рассуждениях «Дружинина» о художественных системах чувствуется знакомство с идеями формалистов и одобрительное к ним отношение — вплоть до готовности их защищать. А уже известное нам ироничное замечание о критиках, ставящих идейность «выше» формы, фактически превращает защиту в нападение⁶. Наконец, рассматривая идеальный образ коммуниста, созданный в одной из современных повестей, «Дружинин» оценивает его как «примитив, оскорбляющий читателя». Конечно, обоснование этого приговора не противоречит официальным критериям (партийная критика тоже иногда выступала против «упрощений»), но ничем не скорректированное резкое звучание самой оценки обладает суггестивной силой⁷. Словом, к ранним статьям Григория Абрамовича вполне применима полшутливая формула, изобретенная позднее А.В. Западковым, посланным для проверки лекций того же Бялого, тогда уже известного профессора: «Придраться не к чему, но есть что-то не наше».

* * *

Следующей заметной вехой в научной биографии Г. А. Бялого была середина 1930-х годов, когда стали появляться его работы о В. М. Гаршине и В. Г. Короленко. Первой в этом ряду оказалась статья «Проблемы общественного пессимизма в творчестве В. М. Гаршина» (Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1935. № 9, 10). За ней последовал короткий очерк «В.Г. Короленко в борьбе с самодержавием» (Резец. 1936. № 23). Затем появились «В. М. Гаршин и литературная борьба его времени» (Книжные новости. 1937. № 9), «М. Горький о Короленко» (Звезда. 1938. № 3) и другие работы. Это были работы иного типа, чем ранние

теоретико-методологические статьи Бялого, да и сам их автор предстал читателю в новом качестве.

Сразу же отметим исчезновение псевдонима: Г. А. Бялый готов теперь выступать от собственного имени и нести прямую ответственность за все сказанное. Изменилось и его литературоведческое «амплуа». Место наставника и критика современной литературы занял историк, осторожно исследующий факты, отделенные от него значительной временной и культурной дистанцией. Как историк он понимает, что преодолеть такую дистанцию непросто: чтобы сделать это, требуется именно исследование, т. е. разыскание, собирание, систематизация и анализ эмпирического материала (вот здесь-то и пригодились в полной мере навыки, полученные в университетском семинаре). Требовалось и выяснение связей между фактами: оно должно было привести исследователя к их интерпретации.

Занявшись творчеством Гаршина, Бялый выбрал тему из числа тех, которые принято называть избитыми. Критика издавна привыкла считать пессимизм главной отличительной чертой автора «Красного цветка», и ничего, кроме вялого осуждения, это не вызывало. Бялый впервые проблематизирует тему, введя ее в сложный исторический контекст. Он внимательно изучает дискуссии о пессимизме в русской публицистике 1880-х и 1890-х годов, скрупулезно описывая различия, отделяющие друг от друга позиции консерваторов, либералов, революционных народников, легальной и подпольной народнической печати. И таким образом выясняется, что в общественно-политической ситуации последних десятилетий XIX века пессимизм был связан с переходом от долгосрочной мирной просветительской работы в народе к жертвенной террористической борьбе с правительством. Становится очевидным, что в этой ситуации пессимизм оказывался проявлением бескомпромиссной революционности, радикальной формой протеста. Пессимизм и демократизм, замечает Бялый, становились синонимами. Напротив, критика пессимизма обычно приобретала значение защиты умеренного либерализма с его программой частичных, уже сейчас возможных преобразований. На фоне этих и других идеологических конфликтов становятся возможными объективное объяснение и объективная оценка⁸ характерного для Гаршина пессимистического мировосприятия.

Реальный итог исследования оказывался двойственным. Обвинение в реакционности, которое навлекал на Гаршина его пессимизм, было опровергнуто. Была доказана идейная близость его «раннего» творчества к революционному народничеству, прояснился гражданский характер его «мировой скорби». Но выход за пределы пессимизма, эволюция в сторону толстовской теории «непротивления злу» расценивались как проявления «коренного порока» в мировоззрении писателя (примерно так же, как оценивала советская критика и публицистика любое непризнание спасительности революционных действий). В этом пункте Бялый был вынужден уступить логике официоза. Но такой ценой была обеспечена реабилитация выдающегося писателя, реабилитация, от которой в огромной степени зависела судьба его литературного наследия.

Бялый в дальнейшем не раз проявлял умение осуществлять подобные реабилитации, делая их неотразимыми для официального литературоведения. В качестве дополнительного примера напомним о том, как накануне 1937 года была обоснована реабилитация Короленко, которая наталкивалась на трудности еще более серьезные, чем реабилитация Гаршина. Дело в том, что Короленко дожил до 1920 года и успел вступить в конфликт с советской властью — это обстоятельство требовало от исследователя оценки (и, разумеется, оценка должна была быть отрицательной). Бялый, однако, сумел преодолеть ее как будто бы очевидную неизбежность. Он использовал наиболее пригодную для этой цели форму юбилейной характеристики, сориентированную на выявление общественной значимости юбиляра. На помощь пришла дата — не «круглая», но все же, с натяжкой, подходившая для «подведения итогов»: в 1936 г. исполнялось 15 лет со дня смерти Короленко. В результате были задействованы наиболее существенные компоненты «юбилейной» формы: положительные отзывы, исходящие от безусловно авторитетных, по официальным меркам, инстанций (в данном случае это были А. М. Горький и Совнарком Украины, обратившийся в 1921 г. к трудящимся республики по случаю смерти Короленко), далее следовала характеристика заслуг писателя перед прогрессом, исходящая от самого исследователя (речь шла о поэтизации борьбы с бесправием и произволом, а затем о самой этой борьбе,

которую Короленко вел в пределах и за пределами литературы). Словом, были мобилизованы самые эффективные средства общественной публицистики, моментально включавшие те стереотипы советского сознания, на которые действие этих средств и было рассчитано.

При всем том к объектам своего исследования (я имею в виду сочинения Гаршина и Короленко) Бялый относился как к литературным памятникам — так, как и должен относиться историк, так, как его учили когда-то в семинаре Перетца. Он помнил о том, что памятники принадлежат другим культурам, что опасно «вчитывать» в них содержание, актуальное для исследователя, но самим памятникам чуждое. Не забывал он и о том, что памятники уже не вполне понятны читателям позднейших эпох и что присущие им смыслы требуют расшифровки. Собственно, всем этим он и занимался, избрав ту форму исследования, которая сближала несколько сменивших друг друга «объясняющих» методологий — от культурно-исторической школы до марксистского метода изучения литературы. Этой формой исследования было соотнесение литературных явлений с общественно-историческим контекстом. Такое соотнесение, как мы видели, и приводило в работах Бялого 1930-х годов к объяснению и оценке изучаемых явлений. И все это делал ученый, в общем, лояльный к официальной идеологии, но в границах этой общей лояльности симпатизирующий традиционному понятиям демократическим и гуманистическим ценностям⁹. Секрет совмещения того и другого, возможно, заключался в том, что мера действительной совместимости разных идеологий — не только в данный момент, но и в неизвестном еще историческом будущем — пока не выяснялась, что оставляло пространство для веры в лучшее. Это была позиция вполне ясная, по-своему последовательная, вероятно сознательно избранная и оказавшаяся надежной в самые трудные времена. Время показало и ее научную продуктивность, тоже проявившуюся во все эпохи советской истории.

* * *

На протяжении следующих двух с половиной десятилетий — от середины 1930-х до конца 1950-х годов — Бялый вошел в число наиболее авторитетных исследователей русской литературы.

За пределы избранной им временной сферы (вторая половина XIX века) он почти не выходил, но и в этом сравнительно ограниченном пространстве сумел быть разнообразным. Он писал о прозаиках и драматургах, поэтах и журналистах, общественных деятелях и литературных критиках. «Второстепенные» писатели интересовали его не меньше, чем «классики»: Надсону или Гарину-Михайловскому он уделял такое же внимание, как Льву Толстому или Достоевскому. От проблем поэтики он переходил к литературному краеведению, от обобщающих, аналитических работ — к справочному комментированию, к словарным и энциклопедическим статьям, предисловиям и послесловиям, предназначенным для массовых изданий¹⁰. Просветительское литературоведение, рассчитанное на широкий круг читателей или слушателей-непрофессионалов, он любил и ценил выше академических штудий, не говоря уж о теоретическом умозрении. Эта особенность постоянно давала о себе знать в его научной и педагогической деятельности.

Авторитет Бялого как историка русской литературы был признан по праву. Он написал, как принято было говорить, основополагающие монографии о Гаршине¹¹ и Короленко¹². Можно даже сказать, что он открыл этих двух писателей для российского литературоведения. Им были написаны также широко известные монографии о Тургеневе¹³ и Чехове¹⁴. Наконец, монографиям не уступали по своему значению многие статьи Бялого: некоторые из них существенно изменяли сложившиеся представления о крупнейших русских писателях или целых литературных эпохах. Таковы «К вопросу о русском реализме конца XIX века» (1946), «“Дым” в ряду романов Тургенева» (1947), «О некоторых особенностях реализма Глеба Успенского» (1957), «“Вечные” темы у Достоевского и Л. Толстого...» (1973). Когда эти и другие работы были собраны вместе в книге Бялого «Русский реализм конца XIX века» (1973), обрисовалась оригинальная концепция развития реализма на рубеже двух столетий — XIX и XX. В том, что многие тогда рассматривали как кризис реализма и даже его деградацию, Г. А. Бялый усмотрел процесс диалектического обновления «старой реалистической системы». Он писал о преобразении, обогащающем реалистическую литературу такими свойствами, которые давали ей возможность совместить знание

«беспощадной правды» о действительности с «предчувствием назревающих перемен в жизни России и всего человечества». Особое значение Бялый придавал категориям «сгущенности повествования», «возможной реальности», «подводного течения», подготовке синтеза когда-то враждебных друг другу реалистических и романтических форм. По логике предложенной схемы, следующей ступенью процесса должен был оказаться социалистический реализм как высшая и последняя стадия литературной эволюции, как реализация синтеза, о котором идет речь. Но вместо указания на то, что русская литература ныне как раз эту стадию проходит, в рассуждениях Бялого следовала фигура умолчания, а за ней достаточно выразительная формула Чернышевского — о «вечной смене форм», то есть о процессе, не имеющем конца и вершины. Опять «придраться не к чему, но есть что-то не наше». На сей раз в самой сердцевине концепции.

Укреплению этой концепции способствовали написанные Бялым обзорные и монографические главы десяти томной академической «Истории русской литературы» (М.; Л., 1941–1954) и «Очерков по истории русской журналистики и критики» (Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1950–1965). Со временем к ним добавилась глава о творчестве Чехова в четырехтомном издании «Истории русской литературы», подготовленном Пушкинским домом (1981–1983). И еще позднее — глава «Драматургия А.П. Чехова» в двухтомной «Истории русской драматургии», которую опубликовал тот же институт (1982–1987). Вместе с концепцией сформировался и соответствующий ей классический вариант бяловской манеры — благообразной и ясной, воплотившей строгое единство метода исследования и стиля изложения. Теперь они сходились идеально.

* * *

Авторитетность зрелой исследовательской манеры Бялого была связана с ее привлекательностью. Последняя создавалась уже самим подходом к предметам исследования. Интерес Григория Абрамовича всегда вызывала индивидуальность конкретного писателя. Он искал ключ к уникальным особенностям сознания, деятельности и судьбы каждого из своих «героев». В то же время работы Бялого были пронизаны стремлением уяснить за-

кономерности и общую динамику развития русской литературы. Обе задачи переплетались: неповторимая творческая индивидуальность и общая для всех эпоха явились у Бялого величинами, взаимно проясняющими одна другую. Такой исследовательский принцип удовлетворял самые разнообразные читательские запросы и приводил к выводам, интересным для всех.

Привлекательными были и конкретные объекты исследования. Привлекало, например, то, что в числе главных «героев» работ Бялого оказались Тургенев и Чехов. Устойчивость интереса к ним обнаруживала идейно-психологическое родство с ними, а родство это было ценным для многих.

Д. С. Мережковский писал о Тургеневе, что он «едва ли не единственный у нас после Пушкина гений меры и, следовательно, гений культуры»¹⁵. Между тем, очевидна близость этих качеств и той рассудительной умеренности, которая определяла колорит авторских суждений в работах Бялого. Подобная позиция оказывалась наиболее плодотворной в тех случаях, когда мысль исследователя встречалась с такими явлениями, как дионисийская безмерность Достоевского или непримиримая категоричность Льва Толстого. Манера Бялого открывала возможность противостояния крайностям, которыми была полна русская литература XIX и XX веков. Но те же особенности его манеры помогали ему глубже понять явления более близкие, воплотившие тот же принцип меры, но только иначе проявившийся. Вот почему именно на Чехове и Тургеневе было так долго сосредоточено внимание Бялого.

Тургеневедческие работы Г. А. Бялого могли полноценно реализовать свой потенциал только в совокупности: недаром они так естественно объединились в книге «Тургенев и русский реализм». И все же из общего ряда можно выделить одну работу, которая имеет особое значение. Это статья (а в монографии — глава) «“Дым” в ряду романов Тургенева».

«Дыму» не слишком везло в критике и литературоведении. При всем многообразии интерпретаций перевес чаще всего оказывался на стороне тех, кто так или иначе умалял значительность романа, его идейную и художественную ценность. Пафос исследования, предпринятого Бялым, заключался в реабилитации автора «Дыма» как гражданина и художника (установка,

выработанная в 1930-е годы, как видим, продолжала действовать и в 1940-е). Объективный и вместе с тем сочувственно-внимательный анализ позволил исследователю раскрыть внутреннее содержание позиции Тургенева и доказать, что она была вполне достойной. То, что поверхностному или предубежденному взгляду представлялось следствием недомыслия и классовых предубеждений¹⁶, оказалось проявлением политического такта, неразлучного с высокой принципиальностью. За необычным для Тургенева сокращением сферы изображаемого Г. А. Бялый увидел отказ от постановки вопросов, которые в данной ситуации не могли быть рассмотрены с безусловной объективностью и честностью. Напротив, строгая верность этим принципам обнаруживалась в разработке любой из тем, затронутых романистом. И все это было показано с тем большей убедительностью, что исследователь уклонялся от прямого давления на чувства, выводы и оценки читателя.

По-новому освещалась эволюция тургеневского стиля. Доказывая несостоятельность мнений о деградации Тургенева в 1860-е годы, Бялый точно охарактеризовал некоторые важные особенности позднего творчества писателя, прежде всего те, которые предвосхищали дальнейший ход развития литературы. Он изучил смелое использование памфлетных форм, построение сюжета, образуемого несколькими почти самостоятельными линиями, превращение мотивных переключек в главный фактор, обеспечивающий связность текста, и т. п. А главное — все тот же сочувственно-объективный анализ открыл в Тургеневе готовность к риску, способность решительно отказаться от приемов, надежно обеспечивающих читательское внимание. И во всем этом открылось своеобразное писательское мужество, неуступчивая независимость творческих исканий.

Интерес Бялого к Чехову был не менее устойчивым. Здесь тоже дали о себе знать основы исследовательской манеры Григория Абрамовича. Своеобразие художественной логики и мировоззрения Чехова исследователь выяснял контекстуальным их изучением. А детальный анализ чеховского художественного мира с присущим только ему особым содержанием, в свою очередь, служили, как всегда, пониманию литературной эпохи. Последнее выглядело, пожалуй, более существенным: ведь это

Бялый наиболее решительно поставил вопрос об «артельном» характере литературы конца XIX века и главных ее завоеваний. Стремясь максимально усилить эту мысль, Григорий Абрамович, на мой взгляд, даже несколько приуменьшал своеобразие чеховского новаторства, трактуя его в духе известной горьковской фразы о Чехове: «Он не говорит нового...»¹⁷. Впрочем, отрицая (по крайней мере, отчасти) резкую оригинальность писателя, радикально обновившего русскую прозу и драматургию, парадоксально приводя к «общему знаменателю», казалось бы, совершенно разнородные свойства писательских индивидуальностей Чехова и Гаршина или Чехова и Короленко, Бялый тем самым обосновал представление о Чехове как о центральной фигуре 80-х и 90-х годов. Решаемая задача, утверждал Г.А., — у всех «восьмидесятников» была общая, только Чехов, «как это обычно бывает с большими реформаторами», попутно разрешил задачи, поставленные, но не разрешенные его современниками»¹⁸. Так, идя собственным путем, он осуществил гаршинскую цель соединения «беспокойного искусства», потрясающего сознание читателя, с широтой и объективностью бытописания, а стремление Короленко дополнить реалистическое исследование жизни романтическими порывами к подвигу или к чуду вобрал в свою поэтику «бесконечно малых величин» и «подводного течения».

Впрочем, дело было не только в концепциях, выдвинутых исследователем. Не меньшее значение имел и сам характер его мышления, и некоторое родство между искусством писателя (теперь уже Чехова) и свойственной Бялому манерой мыслить — объективной, трезвой, не чуждой мягкой иронии. Идеи легко устаревают, но факт близкого родства мысли с ее предметом сохраняет свою ценность всегда.

* * *

Продолжая начатую линию наблюдений, нельзя не отметить постоянное присутствие доброжелательной гуманности в самом основании исследовательских поисков Бялого. Изучая противоположные по своей сути художественные системы или индивидуальности, он любил и умел находить то, что их сближало, а в каких-то отношениях даже объединяло. Он показал, например, черты «разительного сходства» в изображении психологии геро-

ев у Тургенева и Достоевского¹⁹. Мысль об их враждебном или соперническом противостоянии была таким образом смягчена.

Бялый с удовлетворением находил связь между великим и малым — умел в искусстве классиков видеть преломление тенденций, формируемых писателями гораздо менее крупными, чем они²⁰. Он любил и умел раскрывать значение «маленьких передвижек» в поэтике и содержании литературы, которые оказывались по силам даже эпигонам. Примером может служить превосходный этюд о полузабытом драматурге И. В. Шпажинском (1957), вошедший потом в книгу «Русский реализм конца XIX века».

Этюд заслуживает того, чтобы рассмотреть его специально. Бялый развертывал здесь аналитическую характеристику типичного явления массовой культуры. И строил ее так, что некоторые особенности этой характеристики могут быть оценены как показательные для всей его исследовательской манеры. Бялый не пытался возвысить драматургию Шпажинского. Он демонстрировал примитивность мышления самого драматурга и его поклонников, невзыскательность их потребностей и вкусов. Ясно показано, что Шпажинский предлагал «рядовой театральной публике» суррогат подлинного искусства, а она этот суррогат охотно потребляла, потому что в нем-то как раз и нуждалась. Однако чем шире развертывалась характеристика, тем очевиднее становилось, что она не навлекает на героя этюда ни читательского осуждения, ни читательской насмешки. Внушаемое читателю отношение к Шпажинскому было скорее положительным.

Сначала такая читательская реакция внушалась формой изложения. Это была форма, организованная риторически. А риторика создавала чисто суггестивный эффект, противоположный сформулированному смыслу характеристики. На этот эффект работали не логика и семантика, а синтаксис, тон и ритм речи излагающего характеристику исследователя. И работали они вопреки заявленной здесь отрицательной оценке: «материал Островского был не просто скопирован Шпажинским, а нарочито упрощен и огрублен. Резкие и быстрые повороты действия, прямолинейно-рельефный рисунок характеров, эффектность сцен и положений — все это создавало театральное зрелище, доходчивое и общедоступное»²¹. В подобном тоне и ритме обычно излагаются

характеристики хвалебные, и нетрудно заметить, что инерция их восприятия — при сохранении их архитектоники — дает о себе знать и в тех случаях, когда звучит текст иного содержания.

Далее начинал действовать еще один суггестивный прием: автор этюда не оправдывал Шпажинского от собственного имени, но вводил в свой текст цитаты из положительных отзывов о нем, давая читателю возможность приобщиться к чувствам поклонников драматурга. А затем уже и сам находил серьезные аргументы в пользу версии о его одаренности, обнаруживая в его пьесах такие качества, которые при благоприятном отношении могут быть восприняты как художественные достоинства. В психологической драме «Жертва» были найдены «интересные фигуры» и «жизненно правдоподобные положения». Показано, что в пьесе «Темная сила» усложняется и приобретает большую остроту социальная тема. Бялый видит здесь проявления эволюции писателя, достигшего в 1890-е годы творческой зрелости. Наконец, завершая весь этот, по-видимому, важный для него ход, Бялый намечает тему новаторства Шпажинского. Казалось бы, ремесленник и эпигон (даже относительно умелый) не может быть новатором просто «по определению», но Бялый этот распространенный взгляд незаметно изменяет. Сравнение выявляет в драме «Две судьбы» трущобные сцены, предвосхищающие пьесу Горького «На дне», которая воспринималась в те годы как авангардный прорыв к новому искусству. Представление о второстепенном драматурге чеховской эпохи в итоге явно расширяется. И вместе с ним расширяется представление о совместимости эпигонства и таланта, эпигонства и художественного прогресса, о позитивном потенциале человеческой природы вообще.

Сказанное относится и к «рядовой театральной публике», чьи несложные запросы удовлетворял Шпажинский. Бялый, в сущности, реабилитирует эту категорию людей, постепенно внедряя в сознание своего читателя мысль о праве «массы» быть самой собой (и, значит, о законности ее требований к литературе и театру). В конечном счете, соответствие пьес Шпажинского этим требованиям признается заслугой драматурга, проявлением его гуманности. А равновесие двух интенций — явной (отрицательной) и неявной (положительной) — устанавливается заключительной оценкой: «Шпажинский дал театральной

русской публике то, что мог, и получил от нее то, что заслужил: быстрый успех и быстрое забвение»²².

Можно утверждать, что исследования Бялого демократизировали наши представления о литературном процессе, преодолевая давнюю инерцию иерархического подхода к литературе, повсюду устанавливая отношения близости или равенства между различными ее явлениями. Возможно, идеальная модель литературного развития представлялась Бялому подобием воспитавшей его школы. Я имею в виду семинар Перетца, где люди разных поколений и разных возможностей дружно сотрудничали, объединяемые тем естественным равноправием, которое создается участием в подлинно общем деле.

Можно говорить и о гармонизации картин литературного процесса в работах Бялого. Сугубо познавательные, на первый взгляд, усилия исследователя одушевлялись нравственно-эстетической потребностью гармонии. Что же, как не ее предпосылки и контуры искал он в равноправном соотношении слагаемых истории литературы? Не потому ли его концепции, как правило, не вызывали желания спорить с ними — даже у тех, кто по-иному видел тот же самый материал?

* * *

Последнее относилось, впрочем, только к собственно научным дискуссиям. Оговорка необходима, потому что время, в которое жил Г. А. Бялый, знало полемики не только профессиональные. На рубеже 1940-х и 1950-х годов он оказался одной из жертв развернувшейся тогда борьбы с космополитизмом. На заседании в университете, положившем начало разгрому филфака, о Бялом практически не упоминали: мишенями для нападок были избраны М. К. Азадовский, В. М. Жирмунский, Г. А. Гуковский, Б. М. Эйхенбаум²³. Но в Пушкинском доме Г. А. Бялый явился одним из главных «обвиняемых»: ему было посвящено «разоблачительное» выступление тогдашнего заведующего сектором советской литературы В. А. Ковалева. В трудной и опасной ситуации Бялый сохранил достоинство. Он не каялся и не отбивался, а занял позицию по-своему безупречную: признал, что любые его утверждения могут быть подвергнуты критике, но тут же добавил, что любое критическое замечание, адресованное ему, в свою

очередь может быть объектом критики — такова логика научных споров. «Проработчики», конечно, не успокоились: травля продолжалась и постепенно переросла в политическое «дело». Как выяснилось позднее, Бялый был уже включен в список лиц, подлежащих аресту, но арестован не был. Григорий Абрамович рассказывал об этом так: существовало правило, согласно которому арест докторов наук и профессоров должен был быть санкционирован отделом науки ЦК КПСС. А там работал тогда известный филолог Д. Д. Обломиевский, который проявил смелость и вычеркнул Бялого из рокового списка²⁴. В дальнейшем смерть Сталина «закрыла» дело «космополитов» окончательно.

Через три года Г. А. Бялый должен был уйти из Пушкинского дома, где проработал более двадцати лет. В очередной раз запретили совместительство, и Бялый сделал выбор в пользу университета, вернее, университетских лекций.

Лекторский талант Григория Абрамовича обнаружился очень рано — так же, как его умение устанавливать контакт с любой аудиторией. Еще в 1924 году, будучи студентом, он успешно читал публичные лекции и преподавал на общеобразовательных курсах. После окончания университета он работал в самых разных учебных заведениях Ленинграда — от Транспортной академии до балетного училища. Но наивысший расцвет его педагогического дарования был связан с работой в Ленинградском университете. Он начал преподавать здесь в 1936 году (профессор — с 1939) и почти до самой смерти (27 сентября 1987 г.) читал общие и специальные курсы по истории русской литературы.

Университетская кафедра была главной трибуной Г. А. Бялого, а преподавательский труд — делом, в котором он достиг абсолютного совершенства. Со временем это становилось все более ясным. Казалось бы, годы должны постепенно суживать сферу контактов человека с другими людьми, ученого, например, все больше оттесняя в замкнутое пространство кабинета. У Бялого все получилось иначе. Возраст с особой отчетливостью обнаружил в нем именно выдающегося лектора, профессора в традиционном, высоком смысле этого слова²⁵. Перечитывая его работы, невольно вспоминаешь о том, что многие из них выросли из курсов, которые он читал. А другие (об этом тоже думается вполне естественно), может быть, были для их автора свое-

образной формой подготовки к лекциям, способом «заготовки» идей и материала, с которым можно было бы выйти к аудитории. Есть основания говорить и о внутренней связи между лекторским искусством Григория Абрамовича и природой его исследовательского мышления, просветительского по своей сути. Во всяком случае, знаменитые «бяловские спецкурсы» оказались точкой схождения лучших качеств Бялого-ученого, Бялого-преподавателя, Бялого-человека.

Спецкурсы эти не были просто частью учебного процесса. Со временем они, подобно публичным чтениям Т. Н. Грановского, стали общественным событием. И тут было достаточно причин для размышлений. Если говорить о гуманитариях, то, скажем, С. С. Аверинцев, Ю. М. Лотман и Л. Н. Гумилев собирали не меньше слушателей. Но, пожалуй, не было другого лектора, который привлекал бы аудиторию столь разнородную. «На Бялого» ходили все, круг его слушателей объединял «интеллектуалов» и «двоечников», людей всех возрастов и вкусов. Очевидно, было в его лекциях нечто такое, что необходимо всем.

Но как уловить это таинственное «нечто»? Что заставляло столь разных людей тесниться в битком набитых аудиториях и из года в год слушать одного и того же человека? Тайна Бялого заключалась, по-видимому, в особом типе отношений между лектором и материалом, между лектором и слушателями. Вспоминаются слова, сказанные о публичных лекциях того же Грановского: «Излагая события, художественно группируя их, он говорил ими (то есть самим материалом. — В. М.) так, что мысль, не сказанная им, но совершенно ясная, — представлялась тем знакомее слушателю, что она казалась его собственной мыслью»²⁶. Так писал А. И. Герцен в своей книге «Былое и думы». «Я, как и, видимо, многие, пребывала в тайной иллюзии, что он понимает меня — меня лично — как никто другой»²⁷, — так писала в следующем столетии одна из слушательниц Бялого. Эта параллель проясняет многое. Метод Бялого и в лекциях был последовательно демократичен. Лектор как будто не говорил ничего неожиданного, но ожидаемое звучало в его устах как откровение. Он мог сказать нечто новое для слушателей, но так, что новое представлялось внезапным прояснением чего-то давно таившегося в них самих. Лекции Бялого не просто будили

мысль его аудитории: они наполняли слушателя ощущением причастности к миру интеллектуального творчества.

Вероятно, не менее важным было другое: Бялый никогда не стремился построить концепцию всеобъемлющую. Такая концепция в предельном выражении претендует на то, чтобы заменить собой изучаемое явление. А те интерпретации, которые предлагал Бялый, освещая предмет с разных сторон, оставляет между ним и собой незаполненное смысловое пространство, открытое для других возможных интерпретаций. Бялый окружал изучаемый материал сетью ассоциаций, не настаивая, однако, на их обязательности. Предмет был освещен, но сохранял свою свободу, всю самостоятельность и полноценность своего художественного бытия. Сохранял свободу и слушатель, приглашаемый к мысленному соучастию в процессе исследования, но ни к чему не принуждаемый, являющийся сотрудником, а не побежденным.

Неподдельное уважение к предмету и к аудитории органично дополнялось у Бялого уважением к предшественникам, к научным традициям. Его новации были неагрессивны и неназойливы. И очень далеки от стремления начать все с нуля, «на голом месте». Он мог быть в чем-то несогласен с другим исследователем, но никогда не добивался того, чтобы оппонент перешел на его позицию. «Он не был уступчив, но никому не навязывал собственного мнения»²⁸, — писал о Григории Абрамовиче его старинный друг, известный театровед А. Я. Альтшуллер. В этом признании правомерности иного подхода, в этом уважительном отношении к «другому», как непохожему и своеобразному, чувствовался наследник одной из жизненно важных традиций гуманистической культуры.

* * *

Сравнение спецкурсов Бялого с публичными чтениями Грановского возникло давно и, по-видимому, не случайно. Лекции Григория Абрамовича привлекали студентов всегда. В 1940-е годы их популярность в факультетской среде почти сравнялась с популярностью Гуковского. Но событиями общегородского масштаба «бяловские спецкурсы» стали только в 50-е годы, то есть уже после того, как факультетская элита подверглась «антикосмополитическому» погрому. Изгнание

и гибель Гуковского нанесли филфаку особенно тяжелый удар. Образовалась зияющая пустота, которую, казалось, нечем будет заполнить. Однако «бяловские спецкурсы» несколько неожиданно ее заполнили — при том, что в них не было грандиозных концептуальных построений и блестящих идей, которыми славился Гуковский. В них было зато, как мы убедились, нечто не менее важное — они создавали для слушателей возможность непосредственного отождествления с классической культурой. Здесь был важен именно эффект непосредственности превращения культуры в собственный опыт тянущихся к ней людей. И в не меньшей степени то, что один из его слушателей назвал очеловечиванием человека: переживания слушателей Бялого объективно противостояли идеологическому одичанию, которое принесла «антикосмополитическая» кампания. Можно сказать, что они до известной степени компенсировали вызванный ею упадок некогда блистательного факультета. Интеллектуальный уровень, заданный преподаванию и университетской науке «великолепной четверкой», состоявшей из Азадовского, Гуковского, Жирмунского, Эйхенбаума, конечно, уже не восстановился, но сохранилась связь преподавательского и студенческого сообщества с непрерывностью культурных традиций. И опять-таки совсем не случайно одна из главных заслуг в деле сохранения этой связи принадлежала именно Г. А. Бялому, человеку, никогда не пытавшемуся стать пророком и властителем дум, сознательно ограничившему себя ролью честного культуртрегера. Чтобы он смог успешно сыграть такую роль, в те годы очень трудную, должны были сойтись не только присущий ему демократизм исследовательского мышления, не только способность возвышать до равенства с собой часто простодушную и не слишком эрудированную аудиторию. Не менее важно было умение утверждать свои ценности во враждебном окружении, не вступая с ним в открытые конфликты, реализуя формулу «придаться не к чему, но есть что-то не наше»²⁹. Осторожность и мягкость такого поведения были окрашены колоритом европейской культурности. В условиях начинавшегося разложения советской системы Бялый обеспечивал возможность выживания культуры — не больше, но и не меньше.

Людам с максималистскими устремлениями такая задача могла показаться незначительной. Видимо, не случайно наиболее

восторженные слушатели Бялого иногда с огорчением ощущали, что их кумира недооценивают. Это относилось к старшим и более знаменитым коллегам Г. А. Бялого, задававшим тон на факультете до 1949 года (в первую очередь — к «великолепной четверке»). Вот как писала о ситуации 1940-х годов М. Прицкер (Лещинер) в своих уже процитированных выше воспоминаниях: «мерещится мне, что все громко-известное окружение Бялого, “скандалисты” и “пушкинисты” Васильевского острова <...> его прозевали. Слишком он был сдержан и тихо умен рядом с многомудрым Эйхенбаумом, изысканно-велеречивым Жирмунским, блестящим Гуковским, вокруг которого носились и свистели вихри эмоций и словес. Они, конечно, уважали и любили Бялого — товарища молодых лет, друга, милого человека, наконец, но...». Если эта догадка справедлива, то она допускает еще одно предположение — о том, что Бялый понимал сложившуюся ситуацию и как-то на нее реагировал. А уже при этом допущении в деятельности Григория Абрамовича может быть объяснено многое — от постоянного противодействия разделению литературного ряда на «второстепенные» и «первостепенные» фигуры до представления о культуре как об общем деле, которое должны равноправно и дружно делать все. Он защищал не себя, а универсальные принципы, которые не позволяют свысока оценивать негромкие голоса и простые идеи.

Что же касалось его самого, то широкий круг его слушателей относился к нему неизменным пиететом и, начиная с 1950-х годов, всегда ставил его на первое место. Этим людям он всегда представлялся образцом, достойным восхищения и подражания. Но подражателей у Бялого не было и не могло быть. Те самые свойства, которые привлекали к нему общие симпатии, придавали всему, что он делал, характер неповторимый. Любые попытки подражать ему неизбежно исказили бы неотчуждаемоличностную природу его мышления и стиля. Его сочинения и лекции постоянно оказывались сродни своему предмету — тем самым произведениям классического искусства, изучению которых была посвящена вся его жизнь.

---

¹ *Перетц В. Н.* Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пг., 1922. С. 29–30.

- ² Бялый Г. А. Вспоминая университетские годы... (Из личного архива И. Г. Резниченко-Бялой).
- ³ Красный журнал для всех. 1925. № 4. С. 228.
- ⁴ Там же. С. 230.
- ⁵ Там же. С. 229. Имя Белинского не названо, но концепция узнаваема.
- ⁶ Там же. С. 228–229.
- ⁷ Красный журнал для всех. 1925. № 9. С. 572.
- ⁸ Употребляя здесь и далее понятия «объективный», «объективная» и т. п., я, разумеется, имею в виду то, что считалось объективным по меркам соответствующей идеологии (в данном случае — марксистской).
- ⁹ Подобному «уклону» можно было найти непреодолимое для охранительной критики оправдание: он ведь был не чужд революционерам-разночинцам, легитимным предшественникам большевиков.
- ¹⁰ Библиографию основных трудов Г. А. Бялого, дающую конкретное представление об этом разнообразии, читатель найдет в кн.: Бялый Г. Русский реализм. От Тургенева к Чехову. Л., 1990. С. 632–636.
- ¹¹ В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов. М.; Л., 1937; Всеволод Михайлович Гаршин. Л., 1969; В. М. Гаршин: Критико-биографический. М., 1988.
- ¹² В. Г. Короленко (1853–1921): Творческий путь. М.; Л., 1949; То же. 2-е изд, переработ. и доп., Л., 1983.
- ¹³ Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962; Роман Тургенева «Отцы и дети». М.; Л., 1963; То же. 2-е изд. Л., 1968.
- ¹⁴ Чехов и русский реализм: Очерки. Л., 1961.
- ¹⁵ Мерещковский Д. С. Большая Россия. СПб., 1910. С. 185.
- ¹⁶ «Вы смотрите на явления русской жизни глазами Литвинова» (то есть взглядом либерального помещика. — В. М.), — это обвинение, адресованное Тургеневу Писаревым, напоминал читателю Бялый.
- ¹⁷ См.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 23. С. 316.
- ¹⁸ Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века. С. 30.
- ¹⁹ Бялый Г. А. О психологической манере Тургенева (Тургенев и Достоевский) // Русская литература. 1968. № 4. С. 34–50.
- ²⁰ Бялый Г. А. Рассказ А. П. Чехова «Мужики» и деревенские очерки И. С. Соколова // Русская литература XIX – начала XX вв. Уч. зап. Ленинградского гос. ун-та. 1971. № 355. Серия филологич. наук. Вып. 76. С. 196–200.
- ²¹ Бялый Г. А. Русский реализм конца XIX века. С. 138.
- ²² Там же. С. 148.
- ²³ См. об этом: Азадовский К., Егоров Б. О низкопоклонстве и космополитизме: 1948–1949 // Звезда. 1989. № 6.

- ²⁴ См.: *Альтшуллер А. Я. Забыть нельзя* // Памяти Григория Абрамовича Бялого: К 90-летию со дня рождения: Научные статьи. Воспоминания. СПб., 1996. С. 197.
- ²⁵ В. О. Ключевский воплотил этот традиционный смысл с помощью эффективной формулы «идеальный прообраз профессора». Заслугу его создания историк приписывал Т. Н. Грановскому, о котором у нас пойдет речь ниже (*Ключевский В. О.* Соч.: В т. М., 1959. Т. 8. С. 390).
- ²⁶ *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. IX. С. 127.
- ²⁷ *Прицкер М. (Лецинер).* Златоуст российской словесности // Памяти Григория Абрамовича Бялого. С. 202.
- ²⁸ Там же. С. 194.
- ²⁹ «Г. А. был неконфликтный человек», — вспоминал А. Я. Альтшуллер (*Альтшуллер А. Я. Забыть нельзя.* С. 194).

М. Ф. Флоринский

Леонид Сергеевич Семенов. Штрихи к портрету ученого

Выдающийся исследователь, один из наиболее ярких представителей Ленинградской–Санкт-Петербургской школы историков, замечательный человек, Леонид Сергеевич Семенов родился 2 ноября 1930 г. в г. Махачкале в семье потомственных интеллигентов. Он принадлежал к поколению, на долю которого выпало немало испытаний — нелегкие тридцатые годы, Великая Отечественная война, трудное послевоенное время. Среднюю школу Л. С. Семенов окончил в Ленинграде, куда еще до войны переехала его семья. В 1948 г. он поступил на исторический факультет Ленинградского университета, с которым с тех пор была неразрывно связана вся его жизнь.

Послевоенный истфак «блистал составом своей профессуры, среди которой были С. Н. Валк, Б. А. Романов, И. И. Смирнов, С. Б. Окунь, А. В. Предтеченский, Е. В. Тарле, В. В. Струве, Н. П. Полетика, А. И. Молок и др. Деканом был В. В. Мавродин, человек остроумный и не боявшийся повредить себе неортодоксальными высказываниями, по возможности доброжелательный ко всем окружающим и старавшийся толковать эту возможность предельно широко»¹. Разумеется, общая обстановка, складывавшаяся в стране в те годы, не могла не влиять и на жизнь исторического факультета. Известное Постановление ЦК ВКП(б) о жур-

налах «Звезда» и «Ленинград» явилось «предостережением для всех гуманитариев, хотя далеко не все и не сразу это поняли»².

В таких условиях начал Л. С. Семенов свой путь в науку. Уже в студенческие годы он демонстрировал незаурядные способности и огромное трудолюбие. Его учителем стал крупнейший специалист по истории России XIX в., талантливый педагог, блистательный лектор С. Б. Окунь. В значительной мере под его влиянием определилась область научных интересов молодого исследователя. Главным предметом своих изысканий Л. С. Семенов сделал проблемы внешней политики России в первой половине XIX в.

По окончании исторического факультета Л. С. Семенов в 1954 г. поступил в аспирантуру по кафедре истории СССР (ныне — кафедра истории России с древнейших времен до XX в.). В 1958 г. вышла в свет его первая статья, посвященная русско-германским экономическим отношениям в первой трети XIX в.³ В том же году Л. С. Семенов успешно защитил написанную под руководством С. Б. Окуня кандидатскую диссертацию. С 1961 г. он работал на кафедре истории СССР исторического факультета Ленинградского университета сначала в качестве ассистента, затем, с 1963 г. — доцента, а с 1978 г. — профессора.

Основным направлением исследовательских изысканий Л. С. Семенова всегда оставалась внешняя политика России первой половины XIX в. Его труды, посвященные этой теме, внесли крупный вклад в ее разработку. В 1963 г. им была опубликована монография «Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в.». Опираясь на широкий круг источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот, Л. С. Семенов в этой книге всесторонне рассмотрел «влияние Венской системы на политику европейских держав на Среднем Востоке», процесс углубления «русско-английского и англо-французского торгового соперничества в 20-е годы XIX в.», предпринимавшиеся в данном контексте попытки Франции сблизиться с Россией, что «нашло свое отражение в деятельности Тюильрийского кабинета в Иране»⁴. Исследуя круг проблем, связанных с внешней политикой России в первой половине XIX в., Л. С. Семенов особое внимание уделял такому вопросу, как предпосылки Крымской войны, ко-

торая, как известно, оказала сильнейшее влияние как на внутривнутриполитическое развитие нашей страны, так и на дальнейшую эволюцию всей системы международных отношений. В 1975 г. увидела свет его фундаментальная монография «Россия и Англия. Экономические отношения в середине XIX в.». Приступая к работе над ней, Л. С. Семенов исходил из того, что складывавшиеся тогда «дипломатические отношения Англии и России не могут быть достаточно объяснены без изучения финансово-экономических связей и противоречий между этими державами, изменений в тарифных системах их таможенной политики, переговоров о торговых договорах, заключенных до и после Крымской войны»⁵. Между тем предметом специального изучения эти вопросы до сих пор не являлись. Книга Л. С. Семенова заполнила существующую в литературе лауну. Впервые были подвергнуты тщательному анализу «торговый договор 1842 г. с Англией и проблема пересмотра таможенного тарифа России»; торговля России с Англией в 40-х – начале 50-х годов XIX в.; «англо-русские финансовые отношения; англо-русское торговое соперничество на Ближнем и Среднем Востоке в этот период; торговые и финансовые отношения между Россией и Англией в годы Крымской войны и торговый договор 1858 г.»⁶. Насыщенная богатым и неизвестным ранее фактическим материалом, важными выводами и наблюдениями книга Л. С. Семенова позволила по-новому взглянуть на многие ключевые аспекты взаимных контактов между двумя великими державами, оказавшимися во время Крымской войны «по разные стороны баррикад». Подготовленная на основе упомянутой монографии докторская диссертация была успешно защищена Л. С. Семеновым в 1977 г. Разрабатывая далее проблему, касающуюся внешнеэкономических связей России в первой половине XIX в., ученый успел написать главу своей будущей монографии «Структура внешней торговли России в период кризиса крепостного строя»⁷.

Научные интересы Л. С. Семенова, однако, никогда не ограничивались рамками одной тематики, хотя бы и такой широкой, как внешняя политика России в первой половине XIX в. Его занимали самые различные проблемы отечественной истории и среди них — история движения декабристов. Он являлся (в соавторстве с Л. Б. Добринской) составителем, автором предис-

словия и примечаний к вышедшему в 1982 г. в Лениздатовской серии «Библиотека революционных мемуаров» сборнику воспоминаний участников этого движения «Верные сыны отечества». В сборник были включены воспоминания тех декабристов, чья деятельность оказалась тесно связанной с Петербургом — И. Д. Якушкина, Е. П. Оболенского, братьев М. А. и Н. А. Бестужевых и др. Выполненная на высоком научном уровне, эта публикация вместе с тем позволила широкому кругу читателей составить представление о русском обществе 20-х гг. XIX в., почувствовать «дух времени».

В конце 70-х — начале 80-х гг. Л. С. Семенов много сил уделал изучению русско-индийских контактов. При этом он — специалист по истории России XIX в. — обратился к их истокам. Предметом изысканий Л. С. Семенова стало путешествие в Индию в XV в. тверского купца Афанасия Никитина — автора замечательного памятника древнерусской литературы «Хождение за три моря». Индийская тема в творчестве Л. С. Семенова появилась не случайно. В 1969–1970 гг. он вел преподавательскую деятельность в Институте международных отношений в Дели. Непосредственное знакомство с Индией, с ее древней культурой произвело на Л. С. Семенова очень сильное впечатление. О своем пребывании в этой стране, о ее сегодняшнем дне, о созданной индийским народом цивилизации Л. С. Семенов много и интересно рассказывал коллегам по кафедре, по факультету, студентам. Вероятно, вынесенные из Индии впечатления и побудили Л. С. Семенова заняться изучением такого яркого эпизода в истории русско-индийских контактов, как путешествие Афанасия Никитина и собственно текста «Хождения за три моря».

Пожалуй, именно при работе над этой темой наиболее ярко раскрылось все многообразие исследовательского таланта Л. С. Семенова. Ведь ему предстояло погрузиться в новый для него мир русского и восточного средневековья, овладеть опять-таки новой для него методикой критического анализа древнерусских и восточных летописных текстов. И с этой сложнейшей задачей Л. С. Семенов справился блестяще. В 1978 г. в т. IX «Вспомогательных исторических дисциплин» была опубликована его статья «К датировке путешествия Афанасия Никитина». В какой-то мере итогом предпринятых Л. С. Се-

меновым изысканий стала вышедшая в 1980 г. в серии научно-популярных изданий Академии наук СССР книга «Путешествие Афанасия Никитина». Л. С. Семенов показал, что записки Афанасия Никитина таят в себе немало загадок. Так, записки не датированы; в них речь идет об исторических лицах, с которыми путешественник встречался, хотя время их жизни и деятельности выходит за рамки тех лет, на протяжении которых протекало путешествие и пр.⁸ Разгадать эти загадки и попытался Л. С. Семенов в своей работе. В результате ему удалось по-новому интерпретировать текст «Хождения». Сопоставление свидетельств русских источников и сообщений индийских хроник дало возможность установить, когда было написано «Хождение», уточнить маршрут путешествия Афанасия Никитина.

В 1982 г. в т. V «Памятников древнерусской литературы» был опубликован текст «Хождения за три моря». Авторами перевода (на современный русский язык) и комментариев стали Л. С. Семенов и А. Д. Желтяков. Л. С. Семеновым же был подготовлен текст «Хождения» для издания в серии «Литературные памятники».

Под руководством Л. С. Семенова публиковались межвузовские сборники научных трудов, посвященные проблемам истории России XIX – начала XX вв. Поддерживая научные традиции кафедры истории СССР, он участвовал в подготовке к переизданию лекционного курса своего учителя С. Б. Окуня, был ответственным редактором 2-го издания монографии С. Б. Окуня «Декабрист М. С. Лунин».

Много времени и сил Л. С. Семенов отдавал оппонированию кандидатских и докторских диссертаций, рецензированию монографий, сборников статей (в частности, он являлся постоянным рецензентом «Вспомогательных исторических дисциплин»). Написанные Л. С. Семеновым отзывы на представленные на его суд работы никогда не носили характер отписки, что, как известно, случается нередко. Рецензируемые работы разбирались им тщательно, со знанием дела. Высказанные Л. С. Семеновым замечания (он был исключительно тактичным, доброжелательным, но строгим критиком) будили мысль, способствовали более глубокому пониманию соответствующей проблемы. Стремление критиковать только ради того, чтобы показать, что и он тоже

разбирается в данной теме (случай, увы, распространенный), было абсолютно чуждо Л. С. Семенову. При всей своей занятости собственными научными изысканиями, Л. С. Семенов никогда не отказывал коллегам в просьбах просмотреть текст готовящейся к печати рукописи, статьи, монографии, предварительный вариант диссертации. Помощь, которую он тем самым оказывал авторам, имела для них огромное значение. Л. С. Семенов, как никто другой, обладал способностью увидеть в представленной ему рукописи слабые места (логические неувязки, неудачные формулировки, недостаточно аргументированные выводы, стилистические погрешности) и тактично указать на них автору, который даже если поначалу и считал в глубине души подготовленный им текст безупречным, в конечном счете признавал справедливость сделанных замечаний (такое неоднократно случалось, в частности, с пишущим эти строки). Конечно, выкроить время для чтения чужих рукописей Л. С. Семенову было непросто. Однако он обладал счастливым умением делать одновременно несколько дел, причем делать их на самом высоком профессиональном уровне.

В связи со сказанным хотелось бы особо подчеркнуть, что Л. С. Семенов уделял большое внимание руководимым им аспирантам и соискателям. Л. С. Семенов щедро делился с ними своими знаниями, ненавязчиво с присущей ему деликатностью направляя их работу в нужное русло. Ученики Л. С. Семенова часто бывали у него дома, и здесь, в непринужденной товарищеской обстановке, Л. С. Семенов беседовал с ними об их и о своих собственных изысканиях (Л. С. Семенов не считал для себя зазорным спрашивать совета у более молодых коллег, знакомил их с результатами своих исследований, внимательно прислушивался к высказанным суждениям), об актуальных проблемах исторической науки и просто «за жизнь». Такое неформальное общение с выдающимся ученым многое давало начинающим историкам. Они это понимали, тянулись к нему и старались не подводить своего научного руководителя. Девять учеников Л. С. Семенова, представлявших самые разные регионы нашей страны, успешно защитили кандидатские диссертации.

Немало сил Л. С. Семенов отдавал научно-организационной работе. Он был членом специализированного совета при Ле-

нинградском отделении Института истории СССР АН СССР, членом Головного совета по истории Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР, заместителем председателя экспертной комиссии по истории Северо-Западного совета по координации научно-исследовательской работы того же министерства, состоял в специализированном совете по защите докторских диссертаций по истории при Ленинградском государственном университете, научном совете Центрального государственного исторического архива СССР, ученом совете Центрального государственного архива Военно-Морского Флота СССР⁹. Список впечатляет, особенно имея в виду, что, являясь членом столь большого числа научно-организационных структур, Л. С. Семенов никогда не играл там роли «свадебного генерала» и принимал самое живое участие в их работе.

Плодотворные занятия наукой послужили Л. С. Семенову прочной основой для его преподавательской деятельности, в которую он активно включился с самого начала своей работы на историческом факультете Ленинградского университета. Педагогические поручения, которые выполнял Л. С. Семенов, были весьма разнообразны. После безвременной кончины его учителя С. Б. Окуня Л. С. Семенов читал общий курс по истории России в первой половине XIX в., вел практические занятия по истории России в XIX – начале XX вв. Л. С. Семенов преподавал студентам кафедры истории СССР и специальную дисциплину – «История государственных учреждений дореволюционной России». Он вел также спецкурсы «Внешняя политика России во второй половине XIX в.» и «Декабристы в Петербурге», руководил работой спецсеминара «Внешняя политика России второй половины XIX в.»¹⁰, подготовкой курсовых и дипломных сочинений. Он был талантливым педагогом, педагогом божьей милостью. Проводимые Л. С. Семеновым занятия пользовались большой популярностью у студенческой аудитории. Слушателей привлекала широчайшая эрудиция преподавателя, его простота и доступность, присущая Л. С. Семенову глубина проникновения в суть освещавшихся им вопросов, та блестящая форма, в которую Л. С. Семенов умел облечь излагаемый им материал. Л. С. Семенов знакомил студентов с последними достижениями исторической науки, рассказывал о дискуссиях, разворачи-

вавшихся вокруг различных проблем отечественной истории, формулировал свою точку зрения, которую, однако, никогда не навязывал. Напротив, самостоятельность суждений у студентов, их способность защищать свою позицию, даже если она не совпадала с позицией преподавателя, Л. С. Семенов чрезвычайно ценил. Общение с Л. С. Семеновым пробуждало у многих его слушателей вкус к исследовательской работе, открыло им путь в большую науку.

Л. С. Семенов всегда щедро делился своим педагогическим опытом с младшими коллегами. Так, автору настоящей статьи в бытность его еще в аспирантуре пришлось вести практические занятия по истории России XIX – начала XX в. и читать курс по истории государственных учреждений дореволюционной России на вечернем и заочном отделениях, причем времени на подготовку было, что называется, в обрез. Естественно, он попал в затруднительное положение, поскольку о том, как строятся соответствующие занятия, мог судить только на основании своего студенческого опыта. И здесь поистине бесценное значение для него имели советы, данные Л. С. Семеновым. Он помог составить календарный план занятий, выделить ключевые темы, подобрать литературу, высказал ряд методических рекомендаций. И впоследствии, более или менее войдя в курс дела, пишущий эти строки всегда ощущал его дружеское внимание и заботу.

Леонид Сергеевич Семенов скончался, не дожив до пятидесяти пяти лет, в расцвете творческих сил, полный энергии и планов на будущее. Его кончина стала большой потерей для отечественной исторической науки. Светлая память о Леониде Сергеевиче, талантливом ученом, человеке большой души, навсегда сохранится в сердце его коллег и учеников.

---

¹ *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2004. С. 46.

² Там же. С. 51.

³ *Семенов Л. С.* Из истории русско-германских экономических отношений в первой трети XIX в. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1.

- ⁴ Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография. М., 1981. С. 224.
- ⁵ *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. С. 308.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Семенов Л. С.* Путешествие Афанасия Никитина. М., 1980. С. 6.
- ⁹ *Фроянов И. Я., Марголис Ю. Д.* Памяти Л. С. Семенова // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. 1986. Вып. 2. С. 127.
- ¹⁰ *Брачев В. С., Дворниченко А. Ю.* Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета. С. 313–315.

Э. И. Колчинский

«**Великий антилысенковец**»

«Великий антилысенковец» — так назвала Даниила Владимировича Лебедева Р. Л. Берг в своих воспоминаниях «Суховей», опубликованных в 1983 г. в Нью-Йорке¹, а она, как известно, мало о ком отзывалась с одобрением.

До возвращения нашего сектора истории и теории эволюционного учения в 1978 г. из Ботанического института им. В. Л. Комарова АН СССР (БИН) в Ленинградский отдел Института истории естествознания и техники АН СССР (ЛО ИИЕТ) я мало знал Даниила Владимировича Лебедева. Он иногда приходил к нам на семинар, когда мы были еще в ЛО ИИЕТ до апреля 1975 г., делал доклад о ботанике В. Н. Талиеве. Но особенно мне не запомнился в те годы, хотя мой учитель Кирилл Михайлович Завадский в разговорах со мной не раз характеризовал его: «Мудрый как змий».

Д. В. Лебедев и коллектив К. М. Завадского

Лебедев сыграл важную роль в спасении нашего сектора в 1975 г., когда планировали его включение в создаваемый по инициативе Ленинградского обкома КПСС Институт социально-экономических исследований (ИСЭП) АН СССР на базе ряда ленинградских филиалов, отделений, отделов и секторов

московских институтов Секции общественных наук АН СССР. К тому времени Лебедев уже более 10 лет был ученым секретарем и ключевой фигурой в руководстве БИН. Выдвинувший его на этот пост директор БИН член-корреспондент А. А. Федоров всецело доверял Даниилу Владимировичу² и фактически поручил ему руководство всей текущей административной работой.

Хотя Лебедев не защитил даже кандидатской диссертации, он был общепризнанным в мире специалистом по истории и библиографии биологии. Мог профессионально судить о генетических и ботанических работах, пользовался огромным авторитетом в биологическом сообществе СССР, в том числе среди членов Ученого совета БИН, со многими из которых его связывала многолетняя дружба. Именно по предложению Лебедева в 1974 г. К. М. Завадский, чтобы избежать включения нашего сектора в ИСЭП, ходатайствовал перед Президиумом Академии наук о переводе его в БИН. Эта просьба, поддержанная ведущими биологами Ленинграда, включая академиков Б. Е. Быховского, Е. М. Лавренко, Е. М. Крепса, В. Н. Черниговского, членов-корреспондентов А. С. Трошина, А. А. Федорова и др., была удовлетворена. С 1 апреля 1975 г. мы оказались в БИН, где вначале все складывалось для сектора хорошо, прежде всего благодаря Д. В. Лебедеву и тогдашнему директору А. А. Федорову. Планы сектора были приняты и одобрены Ученым советом. Многие сотрудники БИН были учениками Завадского или сотрудничали с ним десятки лет. У большинства сотрудников сектора (К. М. Завадского, Т. М. Аверьянова, К. В. Манойленко, З. М. Рубцовой, Л. Н. Хахиной) ботаника, физиология и цитогенетика растений были базовыми образованиями, а у других имелись историко-научные труды, связанные с изучением растительного мира. Это создавало возможность для постепенной интеграции в тематику БИН, хотя, как видно из черновика письма Завадского к директору ИИЕТ РАН члену-корреспонденту С. Р. Микулинскому в апреле–мае 1975 г., всем было очевидно, что «период адаптации к новым (во многом чуждым) условиям будет, вероятно, трудным и долгим»³.

Хотя Лебедев числился в нашей лаборатории, общался я с ним немного, в основном при проведении XII Международного ботанического конгресса в 1975 г., а также при решении теку-

щих административных проблем. Однажды меня поразило его умение убрать из текста все лишнее. Эту способность он продемонстрировал, сократив за несколько минут в два раза текст аннотации, несколько раз до этого отредактированный мной и К. М. Завадским. Лебедев был ответственным редактором нашей совместной с К. М. Завадским книги «Эволюция эволюции» (1977). Но в данном случае его роль была формальной. При утверждении в 1976 г. плана РИСО АН СССР вдруг выяснилось, что теперь у всех книг, включая и написанных докторами наук, должен быть ответственный редактор. Чтобы оставить нашу рукопись в плане Редакционно-издательского совета (РИСО) АН СССР, Лебедев, представлявший БИН на этом заседании, назвал себя в качестве ответственного редактора. Доверяя Завадскому, он прочитал книгу только на стадии корректуры, когда ничего существенного нельзя было изменить. Думаю, что если бы он подключился раньше, книга была бы другая, более ясная и четкая. Хотя сам Лебедев ее всегда хвалил.

Даниил Владимирович делал все от него зависящее, чтоб облегчить вхождение нашей лаборатории в коллектив БИН, искренне считая, что труды Завадского и его сотрудников способствуют повышению общего уровня теоретических работ Института. Более того, он вошел в состав нашей лаборатории, хотя, конечно, административные обязанности не позволяли ему полноценно участвовать в ее проектах. Лебедев представлял наши интересы в дирекции БИН, помогал в решении кадровых вопросов, публикациях, командировках. Когда же Завадский начал добиваться возвращения созданного им коллектива в ИИЕТ АН СССР, Лебедев до последнего момента старался нас удержать, уговаривая остаться, но никаких препятствий для перевода обратно не чинил и даже консультировал Завадского по тактическим вопросам. По согласованию с ним 12 октября 1976 г. на заседании Президиума АН СССР, где слушался отчет о работе ИИЕТ АН СССР за пять лет, было рекомендовано вернуть лабораторию Завадского в ИИЕТ, так как сотрудники продолжали работать по его плану. Но из-за позиции вице-президента АН СССР, председателя Секции общественных наук П. Н. Федосеева, планировавшего вместе с Ленинградским обкомом КПСС собрать в некий гигантский институт все академические

учреждения гуманитарного профиля в городе на Неве, решение вопроса всячески затягивалось.

Неожиданно началась реорганизация в БИН. С уходом А. А. Федорова с поста директора в конце 1976 г. стало выясняться, что, хотя подразделение Завадского «работает весьма продуктивно и успешно, ...направление его деятельности не соответствует профилю»⁴ БИН. В середине октября 1977 г. руководство БИН обратилось к вице-президенту АН СССР, председателю Секции химико-биологических наук Ю. А. Овчинникову с просьбой довести до сведения П. Н. Федосеева, что перевод подразделения Завадского из БИН «не только целесообразен, но настоятельно необходим»⁵. Ставился вопрос о расформировании лаборатории в случае затягивания с решением вопроса. Ситуация осложнилась тем, что БИН попал под пристальное внимание партийных органов из-за трагического финала банкета по случаю защиты кандидатской диссертации дочери тогдашнего секретаря парторганизации. Труп одного из присутствовавших на банкете (а на них, как известно, тогда, как правило, ходили все желающие) был через несколько дней выловлен в р. Карповке. И хотя не было никаких указаний ни на связь банкета с гибелью сотрудника БИН, ни следов насильственной смерти, происшедшее дало возможность партийным органам требовать ликвидации семейственности в кадровом составе БИН и либерализма в работе Ученого совета, а также решительных действий в отношении непрофильных учреждений, в том числе и лаборатории Завадского. В ее спасение включился академик-секретарь Отделения общей биологии АН СССР М. С. Гиляров, активизировался и С. Р. Микулинский. П. Н. Федосеев оставался непреклонен. 30 октября 1977 г. Лебедев сообщил Завадскому, что дирекция собирается раскассировать его лабораторию. Через два дня Кирилла Михайловича не стало.

На гражданской панихиде 6 ноября 1977 г. Д. В. Лебедев выступал от именно БИН, сказав много теплых слов об усопшем, об их многолетней дружбе и совместной борьбе с лысенковистами в 1950–1960-х гг. После смерти Завадского Лебедев продолжал помогать сотрудникам нашей лаборатории найти выход из создавшейся ситуации, хотя по-прежнему считал, что каждому из нас лучше остаться в БИН. В те дни огромную помощь в же-

лательном для нас решении вопроса оказал директор Института по изысканию новых антибиотиков АМН СССР, знаменитый биолог-эволюционист и эколог, академик АМН СССР Г. Ф. Гаузе, хорошо знавший работы нашего коллектива и прекрасно относившийся к одному из наших сотрудников Я. М. Галлу. Часть своих исследований Гаузе вел совместно с Ю. А. Овчинниковым, о них был осведомлен и президент АН СССР А. П. Александров, так как в возглавляемом им Курчатовском институте были подразделения, занимавшиеся антибиотиками. Узнав от Галла о смерти Завадского и нашем бедственном положении, Гаузе обратился к Овчинникову с просьбой помочь вернуть сотрудников Завадского в ИИЕТ АН СССР. Тот согласился и предложил Федосееву решить вопрос без проволочек и обращений к А. П. Александрову. Опытному аппаратчику Федосееву были ни к чему объяснения с президентом по поводу невыполнения решения Президиума. Да и речь шла о каком-то крохотном коллективе в 10 человек, с которым было столько хлопот и о котором постоянно ходатайствовали члены Академии. И Федосеев, видимо, махнув рукой, согласился. Так, с апреля 1978 г. мы снова оказались в ЛО ИИЕТ⁶.

Ко времени нашего ухода из БИН в положении самого Лебедева произошли перемены. Новый директор БИН решил заменить опытного, самостоятельного администратора, предложив на пост ученого секретаря одну из учениц Завадского Т. М. Аверьянову, забрав ее ставку из лаборатории, уже назначенной к возвращению в ЛО ИИЕТ. Лебедеву же было предложено уйти на пенсию. Это дало основания добиваться сохранения Лебедева в лаборатории в качестве компенсации за изъятую ставку Аверьяновой. Иметь в составе коллектива опытного, авторитетного ученого, имевшего связи в академических верхах, была не прочь и исполняющая обязанности заведующего сектором К. В. Манойленко, и все другие сотрудники. По инициативе Манойленко С. Р. Микулинский обратился с соответствующей просьбой к А. Л. Тахтаджяну, и вопрос быстро решился к взаимному удовлетворению сторон. Для меня, впрочем, как и для всего ЛО ИИЕТ, судьба преподнесла подлинный подарок. Человек уникальных способностей, огромной эрудиции, мужества, воли, оптимизма, блестящий ученый и опытный редактор, к тому

же знавший все тонкости академической жизни, Лебедев стал одной из центральных фигур дирекции, советником по многим принимаемым ею решениям.

Вплоть до 1999 г. Д. В. Лебедев был рецензентом или редактором почти всех моих книг и крупных статей. Это он делал всегда совершенно бескорыстно, вкладывая свои энциклопедические знания и уникальные редакторские способности для улучшения каждой рукописи. Бесценным источником для понимания сути прошлых событий стали его рассказы о биологическом сообществе и его деятелях 1920–1960-х гг. Его поведение в общественно-политической жизни в последнее пятнадцатилетие советской власти и в годы перестройки служили примерами подлинного патриотизма, мужества и гражданственности. Со временем сложилось так, что редкий день проходил без беседы с ним, хотя бы по телефону. Он считал своим долгом информировать меня обо всех значимых событиях у нас в стране и за рубежом, о новостях литературы и научных открытиях, почерпнутых в газетах, журналах и книгах, которые он, казалось, читал на всех европейских языках. Наблюдая Даниила Владимировича Лебедева в различных жизненных ситуациях, слушая его рассказы о прошлом, проводя интервью, читая его книги и некоторые связанные с ним архивные материалы, у меня сложилось убеждение в уникальности его жизненного пути в условиях СССР, знание которого важно для понимания нашей недавней истории, в том числе и истории отечественной биологии.

Сам Лебедев не считал себя «великим антилысенкоистом», охотно отдавая первенство В. Я. Александрову, П. А. Баранову, Е. М. Лавренко, И. А. Рапопорту, В. Н. Сукачеву, В. П. Эфроимсону и т. п. При активной жизненной позиции он не искал публичной славы. Для него главным был результат, а лавры он спокойно уступал другим. Свои заслуги в борьбе с Лысенко Лебедев оценивал скромнее, чем Р. Л. Берг, говоря, что просто он «антилысенковец с довоенным стажем»⁷. Но из публикаций тех лет, а также воспоминаний Д. В. Лебедева, его переписки с П. А. Барановым, Н. П. Дубининым, В. Н. Сукачевым, В. П. Эфроимсоном, М. С. Яковлевым и другими видно, что ему принадлежала важная роль в этой борьбе, связанная прежде всего с формированием программных установок. Из всех знакомых мне «знамени-

тых антилысенковцев» (В. Я. Александров, В. С. Кирпичников, Ю. М. Оленов, Ю. И. Полянский) Лебедев, вероятно, был самым непримиримым врагом «народного академика». До 1976 г. неизменным тостом Д. В. Лебедева был: «Чтоб он сдох!». Но и после смерти Лысенко Даниила Владимировича приводили в неистовство всякие попытки оправдать губителя отечественной науки и учителей самого Лебедева (Н. И. Вавилова, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитского)⁸. Борьба с лысенкоизмом стала главным содержанием его жизни, и Лебедев гордился тем, что им удалось победить в условиях тоталитарного режима, где верность науке порою расценивалась как политическое преступление.

Становление ученого и гражданина

Даниил Владимирович Лебедев родился 23 декабря (по старому стилю) 1914 г. в с. Старо-Игнатьевка Мариупольского уезда Екатеринославской губернии, где семья прожила до 1923 г.⁹ Его отец Владимир Михайлович Лебедев был земским врачом и почетным потомственным гражданином, депутатом 1-ой Государственной думы. Мать Анна Исааковна Лебедева (девичья фамилия Сандерс), по происхождению мещанка, работала фельдшерницей в сельской больнице. В 1924 г., после недолгого проживания на заводе им. Ильича близ Мариуполя, семья переехала в г. Иваново-Вознесенск, где отец продолжал работать врачом до смерти в 1933 г. У Д. В. Лебедева была сестра Надежда Владимировна, жившая впоследствии в Москве. В 16 лет Лебедев закончил школу II ступени. Как и все юноши того времени, он рано начал интересоваться политической жизнью страны, активно читал газеты и книги. О событиях в высших эшелонах правящей элиты Лебедев, судя по его рассказам, многое узнавал из рассказов своего дяди Платона Михайловича Лебедева (псевдоним Керженцев) — крупного политического и государственного деятеля в 1920–1930-х гг., известного также как экономист, историк, публицист, исследователь в области организации труда и управления¹⁰.

Широко эрудированный Керженцев с легендарным по тем временам дореволюционным прошлым, бесспорно, оказал сильное влияние на формирование круга интересов и жизненных

ценностей Лебедева. Юный Даниил ходил на все заседания Общества воинствующих материалистов-диалектиков, где было немало блестящих докладчиков, включая знаменитых тогда лидера марксистской философии академика А. М. Деборина, инициатора социальной истории науки Б. М. Гессена, ученика Н. И. Бухарина В. Н. Астрова, а также будущего академика Я. К. Сыркина, сторонника раскритикованной в 1950-х гг. теории резонанса в химии. Через марксистскую литературу по естествознанию Лебедев познакомился с тогдашними дискуссиями в эволюционной теории и генетике и вначале стал на сторону ламаркистов.

С 16 лет Даниил Владимирович начал трудиться в Ивановском областном отделении треста «Центромелиострой», сначала как практикант в полевых геоботанических работах, затем как помощник геоботаника, младший геоботаник, а на следующий год уже как самостоятельный исследователь. В апреле 1932 г. он переехал в Ленинград, где в мае 1932 – июне 1933 г. работал помощником геоботаника в БИН в Нижневолжской комплексной экспедиции, которой руководил будущий знаменитый геоботаник Л. Е. Родин. По ее результатам Лебедев опубликовал первую свою научную работу о растительности обследуемых районов¹¹, а также участвовал и в составлении геоботанической карты этой территории¹². Следующие публикации Лебедева появились только через 12 лет.

В эти годы он познакомился со многими знаменитыми ботаниками (Б. А. Келлером, В. Л. Комаровым, В. Н. Сукачевым и др.), сотрудничество с которыми окончательно предопределило его судьбу. В 1933 г. Даниил Владимирович становится студентом биологического факультета Ленинградского университета, деканом которого в 1934–1937 гг. был крупный морфолог и эволюционист, член-корреспондент АН СССР В. С. Догель. В те годы на факультете трудилось блестящее созвездие биологов, в том числе создатели крупных направлений в различных областях биологии: ботаники Н. А. Буш, В. Л. Комаров и А. П. Шенников, гидробиолог К. М. Дерюгин, эколог Д. Н. Кашкаров, почвовед С. П. Кравков, биохимики Е. С. Лондон и В. А. Энгельгардт, энтомолог М. Н. Римский-Корсаков, физиолог А. А. Ухтомский и др. А вот курс лекций по теории эволюции, которая

в те годы больше всего интересовала Лебедева, читал будущий главный идеолог лысенкоизма И. И. Презент, в то время ратовавший ещё за развитие теории Дарвина на базе диалектического материализма и с учетом новейших достижений генетики¹³. По воспоминаниям Лебедева, в те годы многие маститые ученые искреннее пытались при помощи Презента овладеть диалектико-материалистической методологией. Во время одной из партийных чисток, где проверялся Презент, поддержать его пришли его будущий главный противник В. Н. Сукачев и академик Б. А. Келлер, оба уверявшие, что благодаря И. И. Презенту для них открылось богатство марксистско-ленинской методологии и ее эффективность в биологии.

К тому времени Лебедев под влиянием работ биологов-марксистов И. И. Агола, М. М. Местергази, И. М. Полякова, А. С. Серебровского, В. Н. Слепкова и других уже был убежденным сторонником теории естественного отбора и генетики. Он зачитывался книгой «Теоретическая биология» Э. Бауэра, вскоре репрессированного, и сделал о ней свой первый научный доклад¹⁴. Испытывая недоверие к демагогическим рассуждениям Презента, Даниил Владимирович для специализации выбрал кафедру генетики растений, которую создал и возглавил Г. Д. Карпеченко, ближайший сподвижник Н. И. Вавилова, крупный цитогенетик, автор всемирно известных экспериментов по получению плодовых капустно-редечных гибридов и полиплоидных форм шестирядного ячменя и др. Верными соратниками и единомышленниками Н. И. Вавилова были другие профессора кафедры: цитогенетик Г. А. Левитский, прикладные ботаники Л. И. Говоров и М. А. Розанова. Здесь же работали и будущие известные генетики и селекционеры М. И. Хаджинов, А. Н. Лутков и О. Н. Сорокина.

В те годы генетика уже стала объектом ожесточенных атак, и чувство врожденной справедливости и жажда борьбы за правое дело, видимо, предопределили выбор Лебедевым гонимой генетики в качестве специальности. В 1938–1941 гг. он аспирант кафедры генетики растений, а его научным руководителем стал Г. Д. Карпеченко. Уже здесь Лебедев уделял много внимания борьбе с юными сторонниками Лысенко, участвуя в дискуссиях с ними на биологическом факультете и в Петер-

гофском биологическом институте университета. Вместе с ним в этих дискуссиях участвовали другие воспитанники кафедры генетики Д. Р. Габе, Р. Х. Макашев, Г. Д. Муретов, Г. А. Розенштейн и др. Все они ощущали себя солдатами небольшого отряда, ведомого Н. И. Вавиловым, Г. Д. Карпеченко, Л. И. Говоровым, Г. А. Левитским и Ю. И. Полянским, поднявшегося на борьбу за свободу науки.

После ареста Г. Д. Карпеченко и других профессоров кафедры генетики растений Л. И. Говорова, Г. А. Левитского, разделивших трагическую судьбу Н. И. Вавилова, не приходилось уже думать о защите диссертации. В марте 1941 г. Лебедев на комсомольском собрании отказался «раскаяться» и был исключен из комсомола за недоверие «к славным органам безопасности»¹⁵. Характерно, что в 1941 г., когда еще был памятен Большой террор и трагическая судьба сомневавшихся в его необходимости, треть комсомольцев-участников собрания голосовали против исключения своего товарища, усомнившегося в правильности действий органов НКВД. Еще более удивительным, полагал Лебедев, было поведение секретаря партийной организации биологического факультета Э. Ш. Айрапетянца, требовавшего на собрании исключения Лебедева из комсомола и грозившего суровыми карами послушникам. Сразу же после завершения собрания он попросил Даниила Владимировича зайти к нему на следующий день. Выяснилось, что симпатии Айрапетянца тоже на стороне Лебедева, но ему и М. Е. Лобашеву накануне было сделано «последнее предупреждение», что «если они не займут правильной позиции в борьбе против реакционной науки и ее носителей, то будет поставлен вопрос об их пребывании в партии»¹⁶. Публично послушаться такого предупреждения в то время означало обречь себя на репрессии. А непублично Айрапетянц всячески помогал Лебедеву, которого А. Л. Тахтаджян пригласил на работу в Ереван¹⁷. Вместе с Лебедевым Айрапетянц пошел за поддержкой к директору Эрмитажа академику И. А. Орбели, который одновременно был председателем Президиума Армянского филиала. Тот подписал все нужные бумаги. В мае 1941 г. Лебедев был зачислен и. о. научного сотрудника Ботанического института Армянского филиала АН СССР, приступив к работе 2 июня 1941 г.

Война и военно-патриотическая деятельность

Разразившаяся через 20 дней война поставила точку в этой истории. Органам было не до поисков «нераскаявшегося аспиранта», который, однако, ничего не забывал и всю дальнейшую жизнь фактически посвятил восстановлению исторической справедливости по отношению к Н. И. Вавилову, Г. Д. Карпеченко и другим погибшим генетикам. Согласно мобилизационному предписанию Лебедев вернулся в Ленинград и с июля 1941 г. в звании младшего лейтенанта участвовал в боях на Ленинградском фронте, пережив трагические события первых месяцев войны, в том числе и прорывы с боями из окружений, имел ранения. Присущие ему быстрота реакции, оперативность, умение правильно оценить обстановку и выбрать оптимальные действия, решительность, личное мужество, готовность брать ответственность на себя способствовали быстрому продвижению по службе. Был на различных офицерских должностях от адъютанта стрелкового батальона до начальника штаба стрелкового полка на 3-м Белорусском фронте (с 1944 г.) в звании майора¹⁸. Тем не менее «тьнь политической неблагонадежности» явно шла за ним. Дважды его направляли служить в штаб 23-й армии, а затем без объяснения причин отправляли обратно¹⁹. Лебедев закончил войну исполняющим обязанности командира полка в составе Забайкальского фронта на Дальнем Востоке²⁰. Боевые награды, включая ордена Красного Знамени и Отечественной войны I и II степеней и четыре медали, полученные на фронте, свидетельствовали о том, что воевал он храбро. Впоследствии к ним добавилось еще несколько юбилейных наград, включая бронзовую медаль Президиума Верховного народного хурала Монгольской народной республики «30 лет победы над милитаристской Японией» (1976 г.).

Лебедев не захотел продолжать карьеру боевого офицера, но до конца дней оставался верным боевому братству и пользовался громадным авторитетом среди однополчан, избравших его в 1970-х гг. председателем Совета ветеранов 124-ой Мгинско-Хинганской Краснознаменной ордена Суворова стрелковой дивизии. Эти обязанности он выполнял безукоризненно и тратил массу времени на военно-политическое воспитание подрас-

тающего поколения и на помощь однополчанам. Для кого-то он добивался справедливой пенсии, для других — улучшения жилищных условий, для третьих — санаторно-курортного лечения. Сотни, если не тысячи ветеранов обязаны ему за помощь в трудные моменты жизни. Защищая их интересы, Лебедев обращался в самые высокие инстанции и, как истинный боец, не успокаивался до тех пор, пока не добивался положительного решения задачи. А ведь большинство из тех, за кого Лебедев хлопотал, он чаще всего даже не встречал на фронте. Дивизия насчитывала около десяти тысяч бойцов, а ее состав постоянно обновлялся в ходе боевых действий.

К фронтовым впечатлениям Даниил Владимирович относился трепетно, часто о них вспоминал в повседневной жизни, что вообще не характерно для ветеранов. Рассказы его были без героического флера и прикрас, пожалуй, даже настолько реальными, что в те годы закрадывалась мысль, а стоит ли об этом вообще говорить. Как командиру ему порой приходилось принимать жесткие меры, чтоб поднять людей в атаку или подавить у них мысль о возможности спасения путем сдачи в плен. В изображении теневых сторон боевых действий Лебедев был верен себе: только правда, как бы она ни была неприятна. Вместе с тем он прекрасно осознавал величие подвига советского солдата, спасшего Россию, и ее народ от неизбежного уничтожения в соответствии с планом «Ост»²¹. Не из газет, а из фронтового опыта и дотла уничтоженных вместе с населением российских сел и разоренных городов он знал, для чего гитлеровцы пришли в Россию, и тратил массу сил и энергии, чтоб донести свои свидетельства до подрастающего поколения, ведя огромную патристическую работу в школах. Вплоть до распада Советского Союза Лебедев играл основную роль в ежегодном сборе ветеранов своей дивизии в Ленинграде на День Победы, добиваясь для приезжавших из других городов сотен мест в гостиницах, общежитиях, заказывая автобусы и готовя фронтовой ужин с обязательными ста граммами водки. Эту огромную работу он делал с душой, тратя массу времени и сил в ущерб личным интересам. Порой у нас, представителей более рационального поколения, закрадывалась мысль, а насколько целесообразны и оправданны все эти усилия?

Первые послевоенные годы и очередные репрессии

Демобилизовавшись в феврале 1946 г., Лебедев выбрал новую для себя специальность заведующего научной библиотекой в БИН, где в короткий срок овладел комплексом специальных библиотечных и библиографических знаний, демонстрируя потрясающую публикационную активность в журналах «Природа», «Советская ботаника» и «Ботанический журнал». Складывается впечатление, что он лихорадочно наверстывал упущенное в аспирантские и военные годы. Начиная с 1947 г. до 1952 г. ежегодно выходит 30–40 подготовленных им рецензий, обзоров биологической периодики и литературы в разных странах (в СССР, США, Болгарии, Венгрии, Албании), кратких сообщений о новых открытиях в генетике, биохимии и физиологии растений²². Все это выдвинуло его сразу в число ведущих библиографов в области биологии.

Проблемы генетики отныне не входили в круг его профессиональных интересов, а печальная судьба учителей и чудом несостоявшийся арест, казалось, подсказывали держаться в стороне от начатого после войны академиком В. Н. Сукачевым и И. И. Шмальгаузенем нового раунда борьбы с Т. Д. Лысенко. Все было наоборот. «Пепел Клааса стучал в его сердце». Будучи заместителем секретаря парторганизации БИН, он возобновил контакты с В. Н. Сукачевым, обсуждая возможность замены Б. К. Шишкина на посту директора БИН В. Ф. Купревичем, Е. М. Лавренко или В. И. Полянским, которые могли быть более активными и полезными в этой борьбе²³. К чести Шишкина, надо сказать, что после августовской сессии ВАСХНИЛ он не стал выполнять приказ об изгнании из БИН антилысенковцев, заявив, что в Институте «морганистов нет и никого увольнять не надо»²⁴. Оставили в БИН и Лебедева, допускавшего в рецензиях 1947–1948 гг. «ряд ошибок морганистского характера», но открыто «признавшего» их и осужденного парторганизацией БИН²⁵. Его вместе с В. И. Полянским вывели только из состава партбюро.

В мае 1949 г. по предложению директора БАН И. И. Яковлева Президиум АН СССР назначил Лебедева заместителем директора БАН. Через 20 дней Яковлев умер, Лебедева назначили

и. о. директора одной из крупнейших библиотек мира. В этой должности он пробыл чуть меньше года до назначения в мае 1950 г. директором БАН известного геолога академика Д. В. Наливкина. Новый руководитель БАН оставил Лебедева в должности своего заместителя, поручив фактическое управление БАН, пообещав приезжать раз в неделю, чтоб принимать жалобы на него²⁶. Попытка соблюсти на этом посту профессионализм вызвала стандартный в те годы набор обвинений в космополитизме, засорении кадров, препятствии в «очистке» фондов, в идеологических прегрешениях и т. д. Жесткость формулировок была обусловлена и тем, что мать Даниила Владимировича была еврейка, что было крупным его политическим «прегрешением» в разгар борьбы с «безродными космополитами». Ботаники пытались помочь Лебедеву. В отзыве от 29 мая 1951 г. на работу Лебедева в «Ботаническом журнале» ответственный редактор журнала Е. М. Лавренко и ученый секретарь А. А. Федоров подчеркивали, что считают «...Д. В. Лебедева весьма ценным и совершенно незаменимым специалистом в области ботанической библиографии»²⁷. Защищали Лебедева и заместитель директора БИН А. А. Федоров и секретарь парторганизации БИН М. С. Яковлев²⁸.

В ноябре 1951 г. Лебедева освободили от должности заместителя директора БАН, назначали главным библиотекарем и заведующим библиотекой БИН, потом перевели на должность старшего библиографа там же, затем уволили. В мае 1951 г. Василеостровским райкомом ВКП(б) партии Лебедев был исключен из партии²⁹ (в которую он вступил в 1943 г. на фронте), «за непринятие мер к очищению кадров Библиотеки АН СССР и за сокрытие при вступлении в партию факта проживания родственников за границей»³⁰. В августе 1952 г. это решение было утверждено постановлением Ленинградского обкома ВКП(б). Дважды заводили уголовное дело, в квартире был произведен обыск. На этот раз от ареста спасла смерть И. В. Сталина 5 марта 1953 г. Лебедеву, восстановленному на работе в БАН в мае 1953 г. решением Обкома профсоюзов, в тот же день одним приказом объявили выговор и снова уволили³¹. Хорошая память о недолгом директорстве Д. В. Лебедева до сих пор сохраняется среди коллектива БАН, хотя почти не осталось в живых свидетелей

его деятельности в те годы. В 1995 г., когда влиятельные лица выступили против директора БАН В. П. Леонова, добиваясь его замены на основе вздорных обвинений, Лебедев выступил в защиту подвергавшегося травле, и коллектив БАН принял его сторону. Заступничество пенсионера, даже не кандидата наук, оказалось весомее мнения титулованных оппонентов, поскольку в БАН все знали об исключительной честности и принципиальности Лебедева.

«...Непревзойденный мастер для статей широкого биологического профиля»

Слова, взятые из письма В. Н. Сукачева Лебедеву от 20 февраля 1959 г.³², наиболее точно характеризуют творчество Д. В. Лебедева с 1953 по 1978 г. Этот этап в биографии Д. В. Лебедева начался в июле 1953 г., когда по инициативе директора БИН П. А. Баранова Президиум АН СССР назначил его младшим сотрудником группы истории и библиографии ботаники БИН. В июне 1954 г. Лебедев был восстановлен в партии по инициативе парторганизации БИН. С августа 1962 г. по апрель 1978 г. Лебедев занимал должность ученого секретаря этого крупнейшего биологического института Ленинграда. Обращаясь 25 июля 1962 г. к академику-секретарю Отделения биологических наук АН СССР Н. М. Сисакину с просьбой утвердить Д. В. Лебедева ученым секретарем БИН, А. А. Федоров подчеркивал, что отсутствие научной степени не помешало ему стать ведущим специалистом в области истории и библиографии ботаники³³.

Отныне его научно-исследовательская деятельность всецело связана с историей и библиографией ботаники. За четверть века (1953–1978) он опубликовал свыше 400 трудов по ботанике, истории науки, библиографии³⁴, получивших признание во всем мире, в т. ч. около 200 биографий отечественных и зарубежных ботаников во 2-м и 3-м изданиях БСЭ, составил списки печатных работ Р. И. Аболина, А. А. Гроссгейма, А. А. Колаковского, Е. М. Лавренко, М. С. Навашина, В. Н. Сукачева, Б. К. Шишкина и др. Им написаны блестящие очерки о жизни и деятельности В. Я. Александрова, П. А. Баранова, Ф. Х. Бахтеева, В. П. Бочанцева, Н. И. Вавилова, В. Л. Комарова, М. М. Голлер-

баха, С. Ю. Липщица, Л. Е. Родина, Ю. Сакса, Л. А. Смирнова, В. Б. Сочавы, В. И. Талиева, Б. А. Тихомирова, Г. Р. Тревирануса и других, а также 18 детальных обзоров «Советской ботанической литературы» (1949–1964). В 1956 г. Лебедев напечатал фундаментальный труд «Введение в ботаническую литературу СССР. Пособие для геоботаников», быстро ставший книгой повседневного использования ботаниками и выдвинувший его в число ведущих биологических библиографов мира.

В эти годы шло плодотворное сотрудничество Лебедева с выдающимся библиографом ботаники XX века С. Ю. Липшицем, автором беспрецедентной по полноте сводке³⁵, включавшей персоналии и библиографии всех лиц (от А до К включительно), причастных к изучению растений в России, без разделения на ранги и узкие специальности³⁶. По свидетельству А. А. Федорова и М. С. Яковлева, Лебедев оказывал «неоценимую помощь своими справками редакции выдающегося био-библиографического словаря «Русские ботаники» (ответственный редактор академик В. Н. Сукачев), что отмечено в предисловии к указанному сочинению»³⁷. Вместе с Липшицем Д. В. Лебедев составил «Адресную книгу членов Всесоюзного ботанического общества» (Л., 1958), а также библиографический справочник к первым 40 томам «Ботанического журнала» и ко всем номерам журнала «Советской ботаники»³⁸. Эта работа была продолжена К. Б. Архаровой³⁹. Вместе с С. Ю. Липшицем и М. М. Лодкиной Лебедев подготовил очерк об истории БИН АН СССР и о фондах его библиотеки⁴⁰, постоянно публиковал также обзоры зарубежной ботанической литературы и рецензии на новые книги. Совместно с В. Л. и В. Г. Левиными он опубликовал «Путеводитель для биологов по библиографическим изданиям. Справочное пособие» (1978). Вместе с выдающимся историком ботаники и библиографом М. Э. Кирпичниковым, с которым его связывала многолетняя дружба и сотрудничество, Д. В. Лебедев подготовил и издал биобиблиографию С. Ю. Липщица⁴¹.

На сей раз Лебедев также не стал довольствоваться исследованием только идейных споров прошлого и при первой возможности вновь включился в борьбу с лысенкоизмом. Этому способствовало и то, что с 1952 г. ботаники первыми начали дискуссию по вопросу вида и видообразования, и БИН, Всесоюзное

общество ботаников и «Ботанический журнал» стали центрами нового раунда борьбы с Т. Д. Лысенко. Новый директор БИН П. А. Баранов одним из первых попытался для подрыва монополии Т. Д. Лысенко использовать провозглашенный в докладе Г. М. Маленкова на XIX съезде партии КПСС (октябрь 1952 г.) тезис о том, что наука не может свободно развиваться без критики и самокритики. В том же году Баранов направил в Президиум АН СССР записку, в которой говорил о необходимости возобновить работы по полиплоидии и гетерозису со ссылками на работы американских генетиков и селекционеров по гибридной высокоурожайной кукурузе. Именно Баранов был инициатором превращения празднования в 1955 г. юбилея И. В. Мичурина в год торжества идей Н. И. Вавилова и его официальной реабилитации⁴². На страницах «Ботанического журнала» и «Бюллетеня Московского общества испытателей природы», редколлегию которых возглавлял В. Н. Сукачев, в 1952 г. впервые с августовской сессии ВАСХНИЛ в 1952 г. прозвучала публичная критика воззрений Лысенко на проблемы вида и видообразования.

Вскоре отдельные выступления переросли во фронтальную борьбу всего научного сообщества, включая руководство АН СССР, против лысенковщины в целом. По словам Д. В. Лебедева, в отряде борцов с лысенкоистами, возглавляемом Барановым и Сукачевым, он наиболее тесно взаимодействовал с В. Я. Александровым, Ф. Х. Бахтеевым, О. В. Заленским, С. Ю. Липшицем, Ю. М. Оленовым, В. И. Полянским, Б. А. Тихомировым, Н. А. Чуксановой, В. П. Эфроимсоном, А. А. Юнатовым, М. С. Яковлевым и др. Роль программных документов в этой борьбе сыграли две редакционные статьи в «Ботаническом журнале», написанные Д. В. Лебедевым. Переводы одной из них на болгарский, чешский, словацкий, румынский и итальянский языки позволили интернационализировать новый этап борьбы с лысенковщиной, вовлекая в нее ученых из стран народной демократии и сторонников СССР на Западе⁴³. Вторая статья сыграла важную роль в консолидации не только биологов, но и всего научного сообщества СССР в борьбе с лысенковщиной как символом уродливого порождения тоталитаризма в науке⁴⁴. Письмо в Президиум ЦК КПСС с требованием положить конец «лысенковщине» подписали более трехсот отечественных уче-

ных разных специальностей, в том числе крупнейшие математики, физики и химики⁴⁵. Тем самым дискуссия стала выходить за пределы биологической проблематики, приобретая характер политической оппозиции ученых, отстаивавших свободу научного творчества, свободу развития науки, в противовес партийно-правительственному аппарату, выполнявшему волю первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, продолжавшего доверять рекомендациям Лысенко.

После начала 1920-х гг. это был первый акт открытого массового неповиновения властям научного сообщества. Как не раз подчеркивал Лебедев, пикантность ситуации заключалась в том, что власти, призывавшие к развитию «критики и самокритики», поощрявшие письма снизу как способ контроля над номенклатурой, не любили коллективные обращения, усматривая в них угрозу зарождения массовых, неуправляемых инициатив. Все подписанты знали: присоединяясь к коллективному письму, они нарушают неписанные, но всем хорошо известные правила взаимоотношения с властями, и все-таки шли на это, рискуя вызвать гнев властей и попасть в число неблагонадежных. Некоторые, «одумавшись», снимали свои подписи. Были и позиционировавшие себя как борцы с Т. Д. Лысенко, но отказывавшиеся подписать коллективные требования, мотивируя это своим несогласием с некоторыми формулировками. Другие, напротив, говорили, что не со всем согласны, но подписывали, так как в противном случае могли быть заподозрены в трусости. Главное в задумке инициаторов письма заключалось в том, что власть будет вынуждена реагировать на письмо, понимая, что если крупнейшие деятели науки подписывают его, зная о негативном отношении власти к коллективным письмам, значит положение серьезное. «Телефонным правом» и «выкручиванием рук» одиночке из него не выйти. Нужно было выбирать: или идти на открытый конфликт с научным сообществом или уступить ему. И власть пошла по второму пути. Лысенко сняли с поста президента ВАСХНИЛ, но он остался личным советником Н. С. Хрущева по сельскому хозяйству. При снятии Хрущева в октябре 1964 г. ему это припомнят, и с партийной поддержкой Лысенко будет покончено, но тогда критиковать Лысенко все еще было небезопасно.

Тем не менее в 1957 г. Д. В. Лебедев выступил на партийном собрании в БИН с критикой высказывания Хрущева, утверждавшего: «Лысенко нас никогда не подводил», и показал провал всех рекомендаций «народного академика» и нанесенный им вред сельскому хозяйству. 17 декабря 1957 г. на заседании ученого совета Всесоюзного ботанического общества было заслушано выступление члена-корреспондента Е. М. Лавренко об обвинениях «Известий» в адрес редколлегии «Ботаническом журнале», ведущей борьбу против Лысенко. По итогам обсуждения ученый секретарь общества В. И. Полянский зачитал подготовленную Д. В. Лебедевым резолюцию, которая была принята единогласно и опубликована⁴⁶, но по требованию ЦК КПСС, куда попал контрольный экземпляр, все разосланные экземпляры были возвращены для изъятия. В БАН сохранились два экземпляра одного и того же номера, причем в одном была бумажка с надписью «выдавать только по разрешению директора»⁴⁷.

В ответ на «кастрацию» «Ботанического журнала» редколлегия ответила третьей редакционной статьей, подготовленной Д. В. Лебедевым, которая и переполнила чашу терпения властей⁴⁸. В ней Хрущев, возможно, усмотрел прямое издевательство над собой, так как демонстрация провала всех сельскохозяйственных начинаний Лысенко шла со ссылками на высказывания Хрущева о том, что о научных достижениях надо судить не по словам, а по делам. По свидетельству В. П. Эфроимсона, работавшего тогда в Библиотеке иностранной литературы, в читальном зале за восьмым номером «Ботанического журнала» выстроилась живая очередь. После прочтения статьи журнал сразу переходил к другому читателю⁴⁹. И хотя неистовый Эфроимсон, не раз подвергавшийся арестам за борьбу против Лысенко, пенял Лебедеву за некоторую кротость, мягкость и академичность формулировок, выход статьи он считал «победой большого значения». Всем было понятно, на что и на кого замахнулись ботаники. Власть должна была действовать быстро и решительно, так как статья имела огромный общественный резонанс. Дело пахло политическим массовым неповиновением научного общества.

Высказанная Эфроимсоном в цитированном письме мечта, чтобы все члены Президиума ЦК КПСС получили и прочитали статью Лебедева, быстро осуществилась. В декабре 1958 г.

на Пленуме ЦК КПСС был поднят вопрос об антимичуринской позиции «Ботанического журнала», позорящего замечательного ученого Т. Д. Лысенко, а затем по указанию Н. С. Хрущева Президиум АН СССР расформировал прежнюю редколлегию «Ботанического журнала» во главе с В. Н. Сукачевым (заместитель главного редактора Е. М. Лавренко, и. о. ученого секретаря Д. В. Лебедев), которая была заменена, в основном, ведущими лысенкоистами. В письме к Лебедеву от 9 ноября 1959 г. Сукачев писал: «Вы так много отдавали ему сил, Ваши статьи были его гордостью, что трудно забыть все это, я жму Вашу руку и как бывший главный редактор “Ботанического журнала” благодарю Вас за все, что Вы сделали для процветания его. А сделали Вы чрезвычайно много»⁵⁰.

Борьбу с лысенкоизмом Д. В. Лебедев в качестве помощника П. А. Баранова вел по многим направлениям научно-организационной и редакционной работы. 2 октября 1958 г. П. А. Баранов, находившийся в длительной командировке в КНР и из-за этого затянувший с написанием заказанной ему статьи о вкладе Н. И. Вавилова в эволюционное учение, попросил Даниила Владимировича написать статью совместно, и до возвращения Баранова «продумать материал и кое-что набросать»⁵¹. Сохранились совместные тезисы «Значение работ Н. И. Вавилова в развитие эволюционной теории» с указанием, что доклад не состоялся⁵². Вместе с Ю. М. Оленовым они в 1958 г. обращаются к В. Н. Сукачеву как председателю Комиссии по подготовке к 100-летнему юбилею со дня выхода в свет «Происхождения видов» Ч. Дарвина с просьбой оказать содействие в издании небольшой книги «Дарвинизм и проблемы эволюционной генетики» с целью показать значение их взаимодействия для познания органической эволюции⁵³. По инициативе А. А. Щербаковой Лебедев весной 1961 г. включается в активное обсуждение макета книги «40 лет советской науки»⁵⁴. В подготовленном им письме к президенту АН СССР А. Н. Несмеянову высказывались соображения по поводу биологических глав этого макета, отмечались недостатки и грубые фактические ошибки разделов, посвященных ботанике, игнорирование в них подлинных достижений отечественных ученых, предлагался подробный, совершенно другой, план главы «Ботаника»⁵⁵.

Такую же принципиальную позицию занял Даниил Владимирович при обсуждении раздела биологии проспекта книги «Развитие естественных наук в СССР». В замечаниях от 16 июня 1961 г. он выражал недоумение: «Почему, вообще, в биологическом разделе основное внимание уделяется идеологическим вопросам науки?.. В результате складывается следующее общее впечатление: в биологическом разделе будет много шума и пустых или весьма спорных фраз»⁵⁶. Им подготовлен проект письма П. А. Баранова от 23 января 1962 г. к председателю Научного совета по кибернетике при АН СССР академику А. И. Бергу, в котором подчеркивается необходимость сохранения биологических статей в «Проблемах кибернетики»⁵⁷. Наконец летом 1961 г. при обсуждении Программы КПСС о построении коммунизма в СССР к 1980 г. Лебедев, ссылаясь на Устав КПСС, выступил с критикой Н. С. Хрущева за поддержку антиученого Т. Д. Лысенко.

С 1962 г. Д. В. Лебедев выполнял огромный объем административной, научно-организационной и редакционной работы на посту ученого секретаря. Помимо основных обязанностей ученого секретаря по составлению годовых отчетов, планов научно-исследовательских работ, контролю по их выполнению и т. д. он активно участвует в деятельности биологического сообщества. В эти годы Лебедев — член правлений многих научных обществ, советов и комитетов: Национального комитета советских биологов, Бюро Научного совета АН СССР по проблеме «Биологические основы рационального использования и охраны растительного мира», Совета Всесоюзного общества ботаников, Оргкомитета XII Международного конгресса по ботанике. Награжден бронзовой медалью ВДНХ. Он пишет буквально сотни отзывов на рукописи книг, статей в 3-е издание БСЭ, диссертаций и т. д.⁵⁸ В 1966 г. Лебедев был одним из членов-учредителей Всесоюзного общества генетиков и селекционеров им. Н. И. Вавилова, которое, вопреки мнению «директивных инстанций», избрало первым своим президентом академика Б. Л. Астаурова. В первой половине 1970-х гг. Лебедев играет одну из ключевых ролей в подготовке и проведении XII Международного ботанического конгресса, состоявшегося в Ленинграде в конце июня — начале июля 1975 г.

В ЛО ИИЕТ и в годы перестройки

Став в 1978 г. старшим научным сотрудником ЛО ИИЕТ, Д. В. Лебедев основное внимание уделял восстановлению подлинной истории отечественной биологии. В качестве члена, а затем ученого секретаря Комиссии по изучению научного наследия Н. И. Вавилова (с 1981 г.) Д. В. Лебедев много сделал для пропаганды научных достижений Н. И. Вавилова и Г. Д. Карпеченко⁵⁹. Много сил и труда вложил он в сбор материалов, в редактирование сборника воспоминаний о В. Н. Сукачеве, вышедшего под редакцией вице-президента АН СССР А. Л. Яншина⁶⁰. Его советами и редакторским умением пользовались авторы практически всех книг по истории борьбы с лысенковщиной, включая ставшие классическими труды Ж. А. Медведева, М. А. Поповского и В. Н. Сойфера, изданные в США, а затем переведенные на десятки языков⁶¹. В 1985 г. Д. В. Лебедев организовал сообщество единомышленников и подготовил в 1987 г. книгу, дающую как бы коллективный портрет соратников Н. И. Вавилова. Рукопись сборника была включена в план издания, но по ряду причин не вышла в свет. В целом это оказалось благом для книги, так как над авторами и редакторами еще тяготели цензурные запреты, выраженные в директиве «не надо ворошить прошлое» (а без подобного «ворошения» история неизбежно становилась фальсификацией).

Перестройка дала новой стимул для деятельности Д. В. Лебедева в этом направлении. Он активно и остро выступал на многих конференциях, публиковал архивные документы, делился своими воспоминаниями. Уже находясь на пенсии, Д. В. Лебедев заново отредактировал задуманную книгу о соратниках Вавилова, которая была опубликована в 1994 г. к столетию Всероссийского института растениеводства (ВИР). Благодаря открывшимся архивам были существенно уточнены многие факты в жизни вировцев. Практически впервые без всякого умалчивания и откровенного вранья было рассказано о жизни почти восьмидесяти выдающихся генетиков, селекционеров и растениеводов, многие из которых отдали свою жизнь ради истины в науке⁶². В октябре 1990 г. за особый вклад в развитие генетики и селекции Д. В. Лебедев в составе группы ученых-борцов с лы-

сенковщиной был награжден высшей правительственной наградой — Орденом Ленина⁶³. По поручению правительства орден ему был вручен единственным в истории СССР беспартийным министром Н. Н. Воронцовым, который сам принадлежал уже к последующему поколению антилысенковиц.

Научная деятельность Лебедева в этот период не ограничилась только историей отечественной генетики. Им подготовлен историко-критический обзор основных трудов по истории ботаники, опубликованных в конце XIX – начале XX в.⁶⁴ В нем в сжатой, но очень информативной форме даны биографические сведения о главных историках ботаники этого периода, в том числе и об авторе первой «Истории ботаники» К. Шпренгеле, а также И. Шульцесе, Г. Бишофе, Э. Мейере, Э. Винклере, К. Ессене, Ю. Саксе, Дж. Грине, Э. Грине, показано их место в развитии ботанической историографии, дан историко-критический анализ основных трудов и раскрыто их современное значение, вскрыты идейные позиции. Книга стала ярким свидетельством удивительной способности Лебедева образно излагать основные события истории ботаники за более чем столетний период ее развития. Кроме того им опубликованы более 30 рецензий на труды по истории и библиографии, каждая из которых была итогом серьезного научного анализа, содержала существенные дополнения, уточнения, а порою и резкую, нелицеприятную критику, ибо он никогда не мог простить неточности или небрежности в оформлении научного труда.

Даниил Владимирович Лебедев проработал в ЛО ИИЕТ до перестройки, несмотря на неоднократные советы со стороны партийных органов заведующему ЛО ИИЕТ АН СССР Э. П. Карпееву отправить его на «заслуженный отдых». Человек удивительной судьбы и гражданского мужества, блестящий рассказчик, редкий знаток политики, истории, генетики и ботаники, Д. В. Лебедев стал живым источником сведений о событиях в биологии СССР, о которых нередко не сохранились следы и в самых закрытых архивах. Многие сотрудники ЛО ИИЕТ именно из уст Лебедева впервые слышали рассказы о трагических событиях отечественной истории, многие из которых составили основу сенсационных публикаций времен перестройки, например, об удивительной судьбе Марии Игнатьевны Будберг (За-

кревской). Лебедев всегда был готов прийти на помощь коллегам, но не терпел малейших ошибок в датах, инициалах и т. д., приучая молодых коллег все проверять и перепроверять, повторяя постоянно, что каждый историк должен следовать двум правилам: «Первое: никому не верь. Второе: не верь самому себе». Подобно Ю. М. Лотману Лебедев утверждал: «Ошибка в тексте научного труда равна обману по жизни». Для него был жуликом каждый, кто не работал с первоисточником, беря сведения из вторых или третьих рук, да еще без ссылок.

Однажды я нашел в архиве письмо В. Н. Сукачева, который для Лебедева был «честью и совестью советской биологии», к И. И. Презенту начала 1930-х гг. Письмо показывало, как непросто научное сообщество воспринимало идеи главного идеолога Лысенко в период их зарождения, и что в те годы ученые пытались порой использовать их в научных дискуссиях. Лебедев расстроился, прочитав письмо. Но когда я спросил, стоит ли его опубликовать или лучше о нем забыть, чтоб не бросать тень на уважаемого им человека, Лебедев ответил твердо: «Надо обязательно публиковать. Это правда, а она не бывает удобной или неудобной». Я сослался на это документ. Насколько мне известно, это несколько не приуменьшило огромный вклад Сукачева в развитие отечественной биологии и в ее защиту в 1940–1960-х гг.

Лебедев был убежденным либералом и демократом, он не принимал тоталитарные формы правления не только в науке, но и в политической жизни. Он знал десятки европейских языков, постоянно покупал иностранные газеты, снабжая нас бесценной информацией о событиях во многих странах мира. Когда у его боевого друга В. В. Огурцова был арестован сын И. В. Огурцов, создавший в 1970-х гг. организацию для вооруженного свержения брежневского режима, Лебедев, будучи членом КПСС, открыто поддерживал и сына, и родителей, ходил на суды, организовывал сбор подписей за смягчение наказания и соблюдения условий содержания в тюрьме и т. д. Это явно не нравилось горкому партии, и как-то раз его инструктор на партсобрании ЛО ИИЕТ рекомендовал обновить кадры, отправив Д. В. Лебедева на пенсию, но мы привели контраргументы, и вопрос в тот раз был снят. В то же время Даниил Владимирович искренне был верен идее коммунизма и в принципе считал возможным

ее воплощение в реальность. Если говорить о его политических убеждениях, то это был на первый взгляд странный, но очень характерный для шестидесятников некий симбиоз либерализма и коммунизма. Вероятнее всего, либерализм он воспринял от своего отца, а коммунизм — от дяди, Керженцева.

В 1989–1991 гг. Даниил Владимирович был избран членом бюро общественно-политического клуба научной и творческой интеллигенции «Ленинградская трибуна» и был одним из главных составителей коллективных заявлений по поводу событий, происходивших тогда в стране, отстаивая всегда либерально-демократические и общечеловеческие ценности, но давая отпор экстремистам и радикалам, призывавшим к немедленному разрушению всего, развалу СССР, огульному охаиванию всех членов партии.

Д. В. Лебедев, бесспорно, входил в число интеллектуальной элиты Ленинграда-Санкт-Петербурга, и его социальные сети были широки. В его доме бывали не только известные ученые, но и писатели, журналисты. Он был единственным соросовским профессором и почетным академиком РАЕН, не имевшим даже кандидатской ученой степени. Отсутствие оной не помешало ему стать автором 580 научных работ, включая сотни публикаций в престижных по нынешним временам ВАКовских журналах и три монографии. Под его редакцией вышло 27 книг.

Лебедев пользовался непререкаемым авторитетом знатока книги, возглавляя долгое время правление общества книголюбов при Доме книги и соответствующую библиофильскую секцию при Доме ученых. С 1989 г. Лебедев — член Библиотечного совета при Президиуме СПб НЦ РАН. Трудно представить, чтобы кто-то еще мог так самозабвенно любить книгу. Он не мог уйти из магазина, не купив какой-либо книги, его большая 4-комнатная квартира вся была уставлена книгами, справочниками, энциклопедиями. Только за время нашего знакомства он несколько раз сдавал книги в академические библиотеки, но они вскоре вновь заполняли все его жизненное пространство.

Лебедев мужественно воспринимал все неудобства преклонного возраста, жалуясь только на то, что лишен возможности посещать выставку новых поступлений в БАН и ходить по книжным магазинам. Искренне радовался, когда директор БАН

В. П. Леонов, оказывавший огромную поддержку Лебедеву в эти годы, привозил его специально в БАН на выставки новых поступлений и на заседания редакционного совета по изданию монографии репрессированного уральского книговеда и библиографа Н. В. Здобнова «История русской библиографии с древнейших времен до наших дней», где общался с сыном Николая Васильевича — Ростиславом Николаевичем Здобновым. Такой же любительницей книг была его жена, доктор наук Ирина Васильевна Гудовщикова, работавшая в Ленинградском институте культуры. Каждый, кто бывал в их доме, был поражен горевшим здесь всегда огнем их огромной взаимной любви, а также порядочности, гражданской мужественности и разума. Даниил Владимирович тяжело переживал ее потерю в 2000 г., скорбя, что как атеист не может даже рассчитывать на воссоединение после смерти. Лебедев скончался 15 июня 2006 г. на 91-м году жизни.

Одно общение и сотрудничество с подобным человеком и его супругой было постоянным уроком мастерства ученого и нравственного воспитания. На всю жизнь я запомнил некоторые шуточные, но всегда точные замечания Лебедева и многократно убеждался в их правильности. Например: «Высшее образование обостряет все способности человека, в том числе глупость и подлость»; «Процент дураков одинаков в любом сообществе от дворников и разнорабочих до академиков и министров»; «Для этого мало быть сволочью, надо еще быть и дураком». Не раз он мне предлагал в шутку написать книгу «Академология», уделив центральное внимание тому, кто, почему, за что, как и благодаря кому стал академиком. Хотя, на мой взгляд, более интересен вопрос: «Кто и почему не стал академиком?» Ведь отсутствие многих славных научных имен в составе академий разных стран кажется удивительным для историка науки. Возможно, и здесь сказывается закон нормального распределения Гаусса.

Борец за чистоту науки, знаток книги, истории, политики, библиографии, литературы и языков, эрудит высокого класса, отличный стилист и душа общества — все эти характеристики далеко не исчерпывают многогранный облик Д. В. Лебедева. В феврале 1995 г. после его чествования на заседании Ученого совета БИН по случаю 80-летия он предложил мне и М. Д. Голубовскому выпить «на брудершафт», перейти на «ты» и назы-

вать его «Даней». Для меня это оказалось невозможным, так как Лебедев всегда оставался одним из главных моих учителей не только в науке, но и по жизни. 20 марта 1993 г. Даниил Владимирович подарил мне свой биобиблиографический указатель, снабдив, как всегда, шутливой фразой: «И чтоб помнил и почитал учителей...». Надеюсь, что эта статья — свидетельство моего стремления следовать его напутствию⁶⁵.

¹ Берг Р. Суховой. Воспоминания генетика. Нью-Йорк, 1983. С. 237–238.

² Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 13. Л. 10–11.

³ Цит. по: *Колчинский Э. И.* Жизненный творческий путь К. М. Завадского (5.1.1910 – 2.XI.1977) // Ученый, учитель, гражданин. Памяти К. М. Завадского / Отв. ред. К. Э. Колчинский. СПб., 1997. С. 38.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же.

⁶ Вышеизложенное не следует воспринимать как негативную оценку П. Н. Федосеева, который в целом сыграл позитивную роль в преодолении догматизма и начетничества в марксистской философии, в развитии социологии и т. д. Вышедший из аппарата ЦК КПСС, Федосеев, конечно, номинально принадлежал к академическому сообществу, был приставлен сверху «бдеть» за его идеологической чистотой и стратегией научных исследований. Но при этом Федосеев, бесспорно, ориентировался на настоящую науку, по мере сил и возможностей помогал развитию новых направлений не только в общественных, но и в естественных науках. При нем окрепли новые отрасли знания, ориентированные на мировые стандарты в общественных и гуманитарных науках, снизился накал страстей в идеологических институтах, сузился поток «писем трудящихся» в вышестоящие органы с целью sobлюсти чистоту ортодоксального, сталинского варианта марксизма-ленинизма. Затягивая решение вопроса о возвращении лаборатории Завадского в ЛО ИИЕТ, Федосеев учитывал политику укрупнения научных учреждений в Ленинграде, проводимую Ленинградским обкомом партии, возглавляемым быстро набиравшим политический вес кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС Г. В. Романовым. К тому же наверху было не принято менять даже ошибочные решения под давлением снизу. Его можно было пересмотреть только по указанию сверху. «При рубке леса», т. е. при ликвидации мелкотемья в академических учреждениях Ленинграда и объединении их в крупные институты по требованию обкома партии, летели «щепки», исчезали многие перспектив-

ные направления в экономике, социологии и философии. Одной из них должен был стать коллектив К. М. Завадского.

⁷ *Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антильсенковца с довоенным стажем // Репрессированная наука / Ред. М. Г. Ярошенко. Л., 1991. С. 264–282.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 13. № 106. Л. 1.

¹⁰ П. М. Керженцев (1881–1940) был членом партии РСДРП с 1904 г., дважды арестовывался. В 1912–1917 гг. был в эмиграции в Великобритании, в США и Франции, был корреспондентом «Правды», «Дня», «Киевской мысли» и «Летописи». После революции работал в «Новой жизни». В 1918 г. вернулся в Россию, был заместителем главного редактора «Известий», затем руководителем РОСТА (Российского телеграфного агентства), ответственным работником Наркомата иностранных дел, полпредом в Швеции (1921–1923) и Италии (1925–1926). В 1923–1925 гг. возглавлял секцию научной организации труда при Наркомате рабоче-крестьянской инспекции СССР. В 1926–1927 гг. председатель редакционного совета ОГИЗ, один из создателей системы советской цензуры. Позднее — заместитель управляющего Центрального статистического управления СССР (1927–1928), заместитель заведующего агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) (1928–1930). В 1930 г. заместитель председателя Президиума Коммунистической академии и директор Института литературы, искусства и языка, редактор журналов «Книга и революция» и «Литература и искусство». С декабря 1930 г. по март 1933 г. управляющий делами СНК СССР. Далее председатель Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (1933–1936). В январе 1936 г. возглавил Комитет по делам искусств при Совнарком СССР, а в декабре 1936 г. введен в его состав. 19 января 1938 г. снят с поста, но не был репрессирован, что было редкостью для тех лет, когда освобождение от высоких должностей обычно сопровождалось арестом. В 1939–1940 гг. заместитель главного редактора Большой и Малой советских энциклопедий. Основные работы о культуре и искусстве (театр, литература). Его главная работа — «Творческий театр» (1917) была переведена на несколько европейских языков. См.: <http://www.hrono.ru/biograf/kerzhencev.html>; <http://wiki.hrportal.ru/Personalii/KerzhencevPlatonMixajlovich>; <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le5/le5-1871.htm?cmd=2&istext=1>.

¹¹ *Лебедев Д. В.* Климатический очерк: Очерк растительности северной части Нижне-Волжского края в области проектируемого орошения // Труды Комиссии по ирригации. 1934. Вып. 2. С. 11–17.

- ¹² Геоботаническая карта области проектируемого орошения северной части Нижне-Волжского края // Там же. Вклейка после 98 с.
- ¹³ *Колчинский Э. И.* Исай Израилевич Презент — герой своего времени // DAMU-Heft e Lomonosov. 1999. № 3. S. 17–29.
- ¹⁴ К сожалению, не удалось найти рукопись доклада.
- ¹⁵ Думается, что в то время Лебедеву было нелегко принять такое решение, ведь он был уже женат (жена Валерия Александровна, физиолог) и имел сына Александра (1939 г. р.). Второй сын Андрей родился в 1950 г. также накануне следующего этапа гонений Лебедева. Ф. 273. Оп. 13. № 106. Л. 2–3.
- ¹⁶ Биофак должен стать оплотом революционной передовой науки // Ленинградский университет. 14 марта 1941 г.
- ¹⁷ *Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем. С. 266.
- ¹⁸ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 8. № 589. Л. 3
- ¹⁹ *Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем. С. 278.
- ²⁰ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 8. № 589. Л. 3.
- ²¹ Der “Generalplan Ost”. Hauptlinien der national-sozialistischen Planungs- und Vernichtungspolitik. M. Rössler & S. Schleiermacher. Berlin, 1993.
- ²² Даниил Владимирович Лебедев. Библиографический указатель / Сост. Е. П. Ефимова, О. И. Огурцова, Г. Н. Панкратова. СПб., 1992. С. 13–23.
- ²³ *Колчинский Э. И., Конашев М. Б.* Как и почему «Правда» учила «Ботанический журнал»? // ВИЕТ. 2003. № 4. С. 62–63.
- ²⁴ *Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем. Л., 1991. С. 278.
- ²⁵ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 88. Л. 3.
- ²⁶ *Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем. С. 267.
- ²⁷ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 88. С. 1.
- ²⁸ Там же. С. 2–4.
- ²⁹ Архив БИН. Ф. 273. Оп. 8. № 569. Л. 3.
- ³⁰ Там же. Оп. 13. № 106. Л. 2.
- ³¹ *Лебедев Д. В.* Из воспоминаний антилысенковца с довоенным стажем. С. 267.
- ³² *Колчинский Э. И., Конашев М. Б.* «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной // Нестор. № 9. На Переломе. Отечественная наука в конце XIX – начале XX века. СПб., 2005. С. 51.
- ³³ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 113. С. 10–11.

- ³⁴ Даниил Владимирович Лебедев. Библиографический указатель. С. 24–52.
- ³⁵ Русские ботаники. Биографо-библиографический словарь. М.; Л., 1947–1952. Т. 1–4.
- ³⁶ Сразу после выхода первого тома Липшиц столкнулся с противодействием со стороны Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), тома 2–4 удалось издать, но в 1952 г. готовый т. 5 (Лаасимер-Мюлен) был «не рекомендован к изданию» по указанию секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова. Дальнейшие усилия Липшица и других крупных ботаников по продолжению публикации томов не увенчались успехом.
- ³⁷ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 88. Л. 4.
- ³⁸ *Лебедев Д. В., Липшиц С. Ю.* Библиографический справочник по «Ботаническому журналу». Т. 1; 1916–1955 // Ботанический журнал. 1956. Т. 41. № 12. С. 1735–1980.
- ³⁹ *Архарова К. Е.* Библиографический справочник по «Ботаническому журналу». Т. 41–50; 1956–1965 гг. Л., 1969.
- ⁴⁰ An outline of history of the V. I. Komarov Botanical Institute of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow; Leningrad, 1962.
- ⁴¹ *Киртичников М. Э., Лебедев Д. В.* Сергей Юльевич Липшиц (К 60-летию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1965. Т. 50. № 10. С. 1469–1480.
- ⁴² *Баранов П. А., Лебедев Д. В.* Забытые страницы из биографии И. В. Мичурина и Н. И. Вавилова // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 752–757.
- ⁴³ Некоторые итоги дискуссии по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1954. Т. 39. № 2. С. 202–223.
- ⁴⁴ Расширять и углублять творческую дискуссию по проблеме вида и видообразования // Ботанический журнал. 1955. Т. 40. № 5. С. 206–216.
- ⁴⁵ В Президиум ЦК КПСС: Письмо 1955 г. [О тяжелом положении в биологии, созданном деятельностью Т. Д. Лысенко и лысенковцев] // Правда. 1989. 13 янв. ; *Александров В. Я., Лебедев Д. В.* Это было «Письмо трехсот»: Возвращаясь к напечатанному // Правда. 1989. 27 янв.
- ⁴⁶ Резолюция Совета Всесоюзного ботанического общества от 17 декабря 1957 г. по сообщению заместителя главного редактора «Ботанического журнала» члена-корреспондента АН СССР Е. М. Лавренко // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 2. С. 312–315.
- ⁴⁷ *Колчинский Э. И., Конашев М. Б.* ЦК, «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной. 2005. С. 35.
- ⁴⁸ О некоторых проблемах советской биологии: (По поводу статьи Т. Д. Лысенко «За материализм в биологии») // Ботанический журнал. 1958. Т. 43. № 8. С. 1135–1145.

- ⁴⁹ Цит.: *Колчинский Э. И., Конашев М. Б.* ЦК. «Ботанический журнал» и другие. Архивные документы о борьбе с лысенковщиной. С. 46–47.
- ⁵⁰ Там же. С. 50.
- ⁵¹ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 4. Л. 12.
- ⁵² Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1 документальных материалов, биографических, научных и других материалов Д. В. Лебедева. Л. 3.
- ⁵³ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1. № 9. Л. 1–2.
- ⁵⁴ Там же. № 29. Л. 1–2.
- ⁵⁵ Там же. № 20. Лл. 1–10.
- ⁵⁶ Там же. № 13. Л. 1.
- ⁵⁷ Там же. № 52. Л. 1–2.
- ⁵⁸ Архив БИН. Ф. 11. Оп. 1 документальных материалов... Л. 3–8.
- ⁵⁹ *Лебедев Д. В.* Георгий Дмитриевич Карпеченко: 1889–1942 // Выдающиеся советские генетики. М., 1980.
- ⁶⁰ *Лебедев Д. В.* Предисловие // Владимир Николаевич Сукачев: Очерки. Воспоминания современников. Л., 1986. С. 7–10.
- ⁶¹ *Поповский М. А.* Дело академика Вавилова. Анн Арбор, 1983. С. 237–238, 244; *Гранш Д. А.* Зубр. Л., 1987. С. 126–127, 241; *Медведев Ж.* Взлет и падение Лысенко. История биологической дискуссии в СССР (1929–1966). М., 1993. С. 13; *Сойфер В. А.* Власть и наука. История разгрома генетики в СССР. М., 1983. С. 15, 128, 147, 214, 315, 358, 375, 376, 436, 517, 524, 536, 545, 548, 550, 560–562, 564, 565, 592.
- ⁶² Соратники Н. И. Вавилова. СПб., 1994.
- ⁶³ Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. С. 1062.
- ⁶⁴ *Лебедев Д. В.* Очерки по ботанической историографии: XIX – начало XX в. Л., 1976.
- ⁶⁵ Я хотел бы поблагодарить А. А. Федотову и сотрудников архива и библиотеки БИН, оказавших содействие в поиске архивных материалов, Елену Константинову за разрешение публиковать фотографии из архива Д. В. Лебедева и М. В. Лоскутову, прочитавшую внимательно рукопись и внесшую необходимую правку.

Э. И. Колчинский

Александр Михайлович Уголев¹

Основные этапы жизненного пути

Знаменитый советский физиолог, биохимик и гастроэнтеролог Александр Михайлович Уголев родился 9 марта 1926 г. в городе Екатеринослав (позднее Днепропетровск) в семье служащего. Его отец Михаил Исаакович Уголев (1890–1980) окончил Военно-промышленную академию и в те годы работал главным бухгалтером треста «Ворошиловшахтстрой», позднее главным бухгалтером номерного авиастроительного завода в Харькове². Мать, Дора Ароновна, девичья фамилия Поляк (1906–1966), в это время училась на 5-ом курсе строительного факультета. В 1928 г. семья переехала в Харьков, где юный Александр в 7 лет пошел школу и в 1941 г. закончил 8 классов. Во время Великой Отечественной войны семья Уголева была в эвакуации в Омске, где в январе 1942 г. Александр Михайлович поступил в Запорожский авиационный техникум, а затем весной, экстерном сдал экзамены за среднюю школу, поступил во Второй Московский медицинский институт, находившийся в Омске.

В 1943 г. институт перевели в Киров и тогда же Уголев в 1943 г. стал курсантом Военно-медицинской морской академии (ВММА), эвакуированной из Ленинграда в августе 1941 г. и возвращенной в Ленинград в 1944 г. ВММА отличалась блестящим

подбором преподавателей, занимавших ведущие позиции в различных отраслях биологии. Особое впечатление на курсанта Уголева произвели лекции эволюциониста и палеонтолога А. П. Быстрова, цитолога З. С. Кацнельсона, патофизиолога В. С. Галкина, биофизика и биохимика Н.В. Лазарева. Одновременно два курса Уголев учился на химическом факультете (заочном секторе) Ленинградского государственного университета.

Первые научные работы со второго курса Александр Михайлович выполнил под руководством будущего академика В. Н. Черниговского, второго профессора кафедры физиологии, возглавляемой К. М. Быковым. Летом 1950 г. Быков стал главным фигурантом Научной сессии АН СССР и АМН СССР, посвященной проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова, в результате которой были ликвидированы многие направления отечественной физиологии. Черниговский, сразу заметивший необыкновенные способности курсанта второго курса, стал учителем и старшим товарищем Уголева. В дальнейшем его учителями были биохимик А. Е. Браунштейн, физиологи А. Г. Гинецинский, А. Д. Слоним, хирург Н. М. Самарин³. Позднее Черниговский вспоминал, что уже в первых работах Уголева проявились особенности его таланта: «настойчивость в изыскании средств и методов решения задачи»⁴. В 1946 г. решением Ученого совета ВММА Уголеву на 4 курсе была присуждена Сталинская стипендия. Желая спасти для науки талантливого ученика от воинской службы на Дальнем Востоке, Черниговский, по совету Быкова, добился демобилизации А. М. Уголева и перевода его в Днепропетровский медицинский институт. Предполагалось, что там Александр Михайлович будет писать диплом у знаменитого физикохимика, члена-корреспондента АН СССР А. И. Бродского. Но последний был привлечен к выполнению «Атомного проекта», и обучение в Днепропетровске, которое Уголев завершил в 1958 г. дипломом с отличием, немного дало ему. Годы же, проведенные ВММА, он вспоминал с благодарностью, несмотря на суровую дисциплину и «наряды вне очереди». Вся обстановка ВММА, обучение в военном учреждении прививали «терпение, дисциплинированное честолюбие, при котором было ясно, что успеха можно добиться нескоро и только в результате тяжелого труда»⁵. Самоотвержен-

ный, непрерывный труд стал характерной чертой начинающего ученого.

По окончании института Уголева в 1948 г. направили в целевую аспирантуру АН СССР к К.М. Быкову, но к тому времени начала разворачиваться борьба с «безродными космополитами» и Александра Михайловича неожиданно дважды провалили на вступительных экзаменах в аспирантуру по английскому языку, который он знал весьма неплохо. Попытки К.М. Быкова организовать поступление Уголева в Военно-медицинскую академию закончились безрезультатно, так как документы не приняли якобы из-за пропущенного срока их подачи. В результате Александр Михайлович в 22 года оказался безработным и фактически без средств к существованию в Ленинграде. Тем не менее за короткое время Уголев сдал кандидатские экзамены и ни на день не прекращал научной работы в лаборатории Института экспериментальной медицины АМН СССР, которой руководил Р. П. Ольянский, и на кафедре биофизики ЛГУ, куда его готовы были взять на постоянную работу. Однако Быков, в распоряжение которого был распределен Уголев, его не отпускал, хотя и не предоставлял оплачиваемой работы. От неизбежного отъезда из Ленинграда Уголева, у которого начались голодные отеки, спас экологический физиолог А. Д. Слоним, который заведовал у Быкова лабораторией и одновременно кафедрой физиологии в Стоматологическом институте. В феврале 1949 г. он пригласил Уголева на кафедру ассистентом на ставку доцента, предупредив, что уволит его, как только найдет «достойную кандидатуру»⁶. Под руководством Слонима Уголев не только овладел навыками сравнительно-физиологических исследований, но и приобрел вкус к рассмотрению проблем в эколого-эволюционном аспекте.

Подгоняемый подобным напутствием, Александр Михайлович быстро выполнил основные экспериментальные работы для кандидатской диссертации «Условные слюнные рефлексы у кошек и способ добывания пищи», которую защитил в возрасте 24 лет в 1951 г. ВАК диссертацию быстро утвердил, хотя один из официальных оппонентов, директор Института экспериментальной медицины АМН СССР Д.А. Бирюков мягко критиковал соискателя за «академическую ограниченность», связанную с цитированием всех подряд, включая опальных в то

время академиков П. К. Анохина, И. С. Бериташвили, Л. А. Орбели. Вместе с тем Бирюков сказал, что не будет подробно останавливаться на научных достижениях Уголева, а прежде всего хочет отметить его уникальный талант хирурга. Более щедр на похвалы был другой оппонент, заведующий кафедрой Второго Ленинградского медицинского института Ю. М. Уфлянд.

Подобный набор оппонентов для кандидатской диссертации, видимо, был не случаен. Диссертация вызвала интерес в медико-физиологических кругах. Для экспериментального изучения слюнных протоков Александр Михайлович выбирал такие неблагоприятные объекты, как кошки, кролики, морские свинки, у которых И. П. Павлов считал невозможным выработать условный рефлекс на пищевые сигналы, так как у них не бывает слюноотделения при виде пищи. Уголев впервые показал, что отсутствие слюновыделения у кошек обусловлено особенностями пищеварения, связанного с охотничьим поведением. Оказалось, что у персидских кошек, потерявших при одомашнивании охотничий инстинкт, можно выработать условный рефлекс на пищу. Все это свидетельствовало о том, что выработка условных рефлексов — не простое замыкание безусловных рефлексов, как полагал И. П. Павлов; оно обусловлено стратегией поведения, формируемой в ходе эволюции. Это также свидетельствовало и об адаптивном характере пищеварения⁷. Позднее, исследуя совместно с В.Н. Черниговским и одним из своих первых учеников В.Г. Касилем регуляцию поведения животных и влияние на них интероцептивной сигнализации, Уголев разработал метаболическую теорию регуляции аппетита⁸, ставшую классической в наши дни.

В 1952 г. Александр Михайлович впервые осуществил полное удаление двенадцатиперстной кишки у кошек и собак, вызывающее эндокринное заболевание, («синдром дуоденальной недостаточности») и приводящее вначале к истощению, а затем к ожирению. Это позволило обнаружить непещеварительные эффекты кишечных гормонов, влияющие на функционирование многих других органов и систем, кроме пищеварительной, и в конечном счете дало возможность исследовать общие закономерности кишечной гормональной системы⁹.

В 1952–1954 гг. Александр Михайлович по совместительству заведовал лабораторией патофизиологии в Ленинградском

НИИ скорой помощи, где активно сотрудничал с Н. Н. Самариным, которого всегда называл в числе своих учителей. Под руководством Самарина Уголев, к тому времени умевший вставлять фистулу в слюнные протоки даже новорожденных крысят, усовершенствовал уникальные способности хирурга. Вместе с Самариным они впервые применили новокаин для местного обезболивания при операциях на кишечнике. Эту работу выдвигали на Сталинскую премию, в число ее авторов не прочь была попасть и тогдашняя директор НИИ. Но Уголев взбунтовался, сказал, что отказывается от премии, и уволился.

Вскоре он оказался «полубезработным» в Стоматологическом институте. В разгар борьбы с космополитизмом он развеял на кафедре портреты К. Бернара, У. Гарвея, Г. Л. Ф. Гельмгольца, Ч. Дарвина и других великих зарубежных биологов, снятые по приказу сверху. На заседании партбюро института беспартийному Уголеву сделали выговор, и только заступничество директора В.И. Гаврилова спасло его от немедленного увольнения. Его перевели на полставки, что было тяжело, так как жена Софья Владимировна ждала ребенка. Гинецинский звал Уголева к себе на кафедру нормальной физиологии в Новосибирский государственный институт, но там надо было проходить конкурс, исход которого был весьма неясен. Аналогичная ситуация складывалась и с Якутском. Гаврилов же советовал, не теряя времени, искать работу и ехать в Москву для защиты от возможных гонений. Кампания борьбы с космополитами набирала обороты, упорно ходили слухи о готовящейся депортации всех евреев в Сибирь. В тревожные месяцы начала 1953 г. А. М. Уголев и его беременная жена уехали в Москву. Там Уголев поселился в квартире такого же безработного Р.Б. Хесина-Лурье — будущего члена-корреспондента АН СССР, лауреата Государственной и Ленинской премии, — стараясь найти хоть какую-то работу. Жена же Уголева в это время жила у друзей Хесиных этажом ниже.

Однако 5 мая 1953 г. умер Сталин, в апреле 1953 г. было прекращено «дело врачей», и супруги Уголевы смогли вернуться в свою шестиметровую комнату в коммунальной квартире в Ленинграде, которую Александру Михайловичу предоставил еще НИИ скорой помощи. Стоматологический институт в 1954 г.

был преобразован в Калининский медицинский институт, и Уголев уехал в город на Волге, оставив в Ленинграде жену и маленького сына Диму, родившегося 25 апреля 1953 г. С февраля по июнь 1955 г. Уголев — младший научный сотрудник в Институте физиологии им. И.П. Павлова АН СССР (ИФ), а затем вместе с В.Н. Черниговским, которого назначали директором Института нормальной и патологической физиологии АМН СССР, переводится в Москву. Здесь он работает сначала в должности младшего, а с 1956 г. — старшего научного сотрудника и заместителя заведующего лабораторией у Черниговского. В 1958 г., когда ему было 32 года, Уголев защитил докторскую диссертацию «Приспособление пищеварительных желез к качеству пищи». На базе этой работы им была предложена экскреторная теория происхождения внешней и внутренней секреции, которая предсказывала возможность внешней секреции (а не инкреции) гормона или биологически активного фактора¹⁰.

В 1958 г. Александр Михайлович сделал одно из важнейших открытий в физиологии XX века — мембранное (названное в первой российской публикации пристеночным или контактным) пищеварение, занимающее промежуточное положение между полостным и внутриклеточным пищеварением¹¹. К тому времени стало ясно, что ни полостное пищеварение, открытое Р. де Реомюром и Л. Спаланцани во второй половине XVIII века, ни внутриклеточное пищеварение, открытое И.И. Мечниковым в 1882 г., не могли объяснить эффективность обработки пищи в желудочно-кишечном тракте. В 1956 г. Уголев попытался впервые выяснить, почему пищеварительные процессы в организме протекают намного быстрее, чем в пробирке¹². Уже в 1957 г. было установлено, что поверхность тонкой кишки является не только всасывающей, но и пищеварительной. И хотя казалось, что еще недостаточно фактов для вывода о существовании нового типа пищеварения, которое реализуется ферментами, локализованными на внешней поверхности мембран кишечных клеток, Уголев в 1958 г. приступил к подготовке публикации сообщения¹³, одновременно, подобно Дарвину, обдумывая контраргументы. По мнению Уголева, мембранное пищеварение играет ключевую роль в расщеплении подавляющего большинства первичных химических связей пищевых биополимеров. Публикацией

в самом авторитетном международном общенаучном журнале ему удалось зафиксировать свое открытие, названное уже «мембранным пищеварением»¹⁴ и привлекшее сразу внимание гастроэнтерологов во всем мире.

В ходе вспыхнувшей дискуссии предложенную Уголевым трактовку явления как принципиально нового типа пищеварения оценивали вначале в лучшем случае как интересную гипотезу. Еще в 1963 г. журнал “Physiological Review” отказался публиковать обзор Уголева по мембранному пищеварению. Вскоре ситуация стала меняться коренным образом. Через два года обзор вышел именно в этом журнале¹⁵. Затем стала развиваться классическая ситуация, возникающая вокруг любого крупного открытия: от «этого никогда не может быть» до «это мне давно известно, я это первый говорил, я об этом первый написал, только назвал это иначе». К тому времени существование мембранного пищеварения признало большинство физиологов и биохимиков, работавших в этой области: Б. Боргстром и А. Далквист (Швеция), К. Исслбечер и Дж. Сениор (США), Д. Парсонс (Великобритания), Г. Семенз (Швейцария). Вспыхнул и спор о приоритете¹⁶. Р. Крейн, долго отрицавший существование мембранного пищеварения, вдруг стал уверять, что никогда не придерживался альтернативной теории, а лишь неудачно использовал термин «внутриклеточное пищеварение», подразумевая под ним мембранное (?). По версии Крейна, именно от него А. Е. Браунштейн, ездивший в 1960 г. в США и посетивший лабораторию Крейна, первоначально узнал о работах по мембранному пищеварению, а затем рассказал о них Уголеву. На самом деле первое сообщение Уголева о пристеночном пищеварении на русском языке вышло до отъезда Браунштейна в США и по запросу Крейна было послано ему.

В итоге сформировался «невидимый международный колледж», создавший, по образному выражению А. М. Уголева, путем «волейбольного» эффекта (т. е. поочередного построения) общую концепцию. В данном случае она вырабатывалась в ходе дискуссий, взаимной неудовлетворенности, претензий на исключительность отстаиваемых точек и противоположных представлений об истории ее формирования и вкладе каждого из участников «колледжа»¹⁷ в этот процесс. В конечном счете

мембранное пищеварение было признано всем мировым сообществом гастроэнтерологов как важнейшей механизм расщепления пищи и начальных этапов всасывания, была предложена классификация мембранного пищеварения, в частности — на основе пространственного отношения к плазматической мембране кишечной клетки¹⁸.

Открытие пристеночного (мембранного) пищеварения трижды выдвигалось на соискание Нобелевской премии. В разные годы номинаторами выступали А. Е. Браунштейн, В. Н. Черниговский и Крикштопайтес (заведующий кафедрой патофизиологии в Вильнюсском университете). Но власти, по рассказам Уголева, не дали возможности ему выехать за границу для докладов на эту тему, когда началась борьба за приоритет.

Как вредна для отечественной науки была такая практика, свидетельствует состоявшийся в Великобритании в 1977 г. специальный симпозиум знаменитого Британского гастроэнтерологического общества. На нем детально обсуждалась проблема мембранного пищеварения как важнейшего механизма заключительных этапов расщепления пищи и начальных этапов всасывания, а также была проведена классификация мембранного пищеварения. Хотя Уголев не приехал, присланный им доклад оказался в центре внимания. Было много вопросов, которые организаторы специально переслали Уголеву. А затем, вопреки практике не публиковать выступления, не прозвучавшие на симпозиуме Ciba Foundation, доклад А. М. Уголева был напечатан с пометкой, что он не состоялся по независящим от докладчика причинам. Были помещены также все вопросы и ответы, как будто дискуссия шла на самом симпозиуме¹⁹. Это беспрецедентное решение оргкомитета «Ciba» Foundation показывает, какое значение зарубежные коллеги придавали трудам Уголева.

Но партийным и другим органам это было безразлично, они по-прежнему вместо Уголева отправляли в заграничные лаборатории тех, кто по анкетным данным с их точки зрения мог лучше рассказать о мембранном пищеварении. Надо ли говорить, что подобные несогласованные «замены» воспринимались как оскорбление приглашающей стороной, и контакты нередко обрывались. В конечном счете присуждение Нобелевской премии за мембранное пищеварение не состоялось. И вина за это лежит,

прежде всего, на структурах, не желавших смириться с тем, что высокая награда без их на то согласия достанется неудобному властям человеку. К тому же европейские коллеги первооткрывателем считали Уголева и не согласились присуждать премию американцу, интересы которого лоббировали его соотечественники.

Сделанное Уголевым открытие легло в основу ряда монографий, в которых была пересмотрена схема эволюции механизмов, реализующих переработку и усвоение пищи, прежде всего классическая схема перехода от внутрисполостного переваривания к внутриклеточному²⁰. Изменилась и основная схема ассимиляции пищевых веществ. Вместо двухзвенного цикла (полостное пищеварение — всасывание) утвердилась трехзвенная схема деятельности пищеварительной системы (полостное пищеварение — мембранное пищеварение — всасывание) с более или менее выраженным компонентом внутриклеточного пищеварения, прежде всего на ранних стадиях онтогенеза, были детально проанализированы уровни организации мембранного пищеварения у млекопитающих и т. д. Показав универсальность мембранного пищеварения от прокариот до человека, Уголев сформулировал собственную гипотезу о происхождении гетеротрофии и пищеварения, согласно которой ни один из типов пищеварения не может считаться более древним, так как они встречаются на всех уровнях филогении и организации жизни. Была сформулирована теория пищеварительно-транспортного конвейера. В целом его исследование мембранного пищеварения способствовало пониманию не только физиологии пищеварительной системы, но также совершенствования и эффективности метаболических цепей клетки, представлявших для Уголева «великую загадку жизни». За эти труды Уголеву были присуждены премия им. И. П. Павлова АН СССР (1963) — за работу «Пищеварение и его приспособительное значение», и премия им. И. М. Сеченова АН СССР — за «Пристеночное (контактное) пищеварение» (1968). В 1966 г. 40-летний Уголев был избран членом-корреспондентом АН СССР. До этого никто из отечественных биологов и медиков не удостоивался подобной чести в столь раннем возрасте.

В октябре 1960 г. Уголев вернулся в Ленинград. Он интенсивно трудился над теоретическими и прикладными проблемами физиологии пищеварения в ИФ сначала в качестве старшего

научного сотрудника, а с 1963 г. — заведующим созданной им лаборатории питания. При его участии физиология пищеварения преобразовалась в специальную науку — гастроэнтерологию, а также были сделаны решающие шаги по пути к созданию трофологии и намечены контуры учения о трофосфере²¹.

Концепция функциональных блоков, изложенная Уголевым впервые в 1977 г., показала фундаментальное единство структурно-функциональных элементов специфических физиологических функций и дала возможность трактовать их развитие и специализацию как результат рекомбинации и транспозиции функциональных блоков²². Это привело к выяснению принципов эволюции пищеварения и его функций, к разработке оригинальной теории происхождения жизни, а также к раскрытию механизмов побочных действий лекарств. Концепция эволюции путем рекомбинации функциональных блоков стала одним из важнейших достижений в эволюционной биологии конца XX века и активно используется в новейших трудах по теории эволюции. Благодаря ей существенные уточнения были сделаны в представлениях о путях и механизмах адаптаций, в понимании явлений на уровне биосферы или трофосферы.

Все эти проблемы, идеи и концепции получили наиболее полное и комплексное рассмотрение в фундаментальной монографии, опубликованной в 1985 г.²³, а вскоре Уголев монографически обосновал представление о физиологии как науке о естественных технологиях, изучающей системы операций, обеспечивающих определенный биологический эффект²⁴. С позиций трофологии он рассмотрел механизмы ассимиляции пищи на разных этапах эволюции жизни от ее зарождения до современного состояния и на разных уровнях ее организации — от клеточного до биосферного, и пришел к выводу об их единстве. Уголев стремился в рамках трофологии объединить целый комплекс наук биолого-медицинского и сельскохозяйственного профиля.

В 1991 г. он окончательно сформулировал теорию адекватного питания и основополагающие положения трофологии как междисциплинарной науки²⁵. Эта теория учитывала эколого-эволюционные аспекты функционирования пищеварительной системы у различных организмов, так как в ней Уголев рассматривал не только проблемы питания человека, но пита-

ние организмов на всех уровнях организации и экологической специализации. В ее рамках была сформулирована и теория сбалансированного питания, имеющая огромное практическое значение для оптимизации питания. Уголев впервые продемонстрировал недостатки мономерных, или элементных, диет, одно время широко рекламируемых в качестве рациональных. Важную роль при этом сыграли его представления об адаптации организмов к полимерному питанию. На их базе формировались программы поиска новых пищевых веществ и их промышленного производства, а также разработки различных диет для длительных космических полетов. С конца 1960-х гг. Уголев был ведущим консультантом по проблемам питания космонавтов в Институте медико-биологических проблем АН СССР. Он с физиологической точки зрения проанализировал проблему использования искусственной пищи для космонавтов. За вклад в биологическое обеспечение космических полетов его в 1981 г. наградили дипломом им. Ю. А. Гагарина, а в 1990 г. избрали членом Международной академии астронавтики. В 1991 г. он участвовал в США в международном совещании по физиологическим аспектам пилотируемых полетов на Марс.

Все его теории, построенные на оригинальных экспериментах, имели огромное практическое значение и для медицины, и для объяснения этиологии и патогенеза многих нарушений желудочно-кишечного тракта, что дало возможность пересмотреть ряд терапевтических и хирургических методов лечения. На базе концепции универсальных блоков он объяснял побочные эффекты лекарственных веществ. Под его руководством шел поиск мер для повышения продуктивности сельскохозяйственного производства, разрабатывались методы для преодоления трудностей в создании препаратов, которые могли бы действовать избирательно на сорняки, на насекомых-паразитов и вредителей сельского хозяйства.

Уголев — автор более 300 работ, в том числе 15 монографий, две из них изданы за рубежом. Там же опубликовано около ста работ Уголева²⁶. Он воспитал блестящую плеяду учеников, в том числе 60 кандидатов и 40 докторов наук²⁷. В 1958 г. Уголев основал и был бессменным руководителем знаменитой академической школы-семинара «Современные проблемы физиологии и пато-

логии пищеварения», ныне носящей его имя. Вначале эта школа была в Калининe, в 1970-х гг. — в Калуге, а затем в Пущино. Под его руководством работала не только созданная Уголевым Лаборатория физиологии питания ИФ АН СССР, но и коллективы Москвы, Ленинграда, Риги, Ташкента и многих других городов СССР. В 1987–1991 гг. Уголев на общественных началах возглавлял Лабораторию безусловных рефлексов Института физиологии ВНД и нейрофизиологии АН СССР в Москве. 24 декабря 1962 г., рекомендуя Уголева на пост заведующего лабораторией, В.Н. Черниговский отмечал его способность группировать вокруг себя сотрудников и учеников и был убежден, что «через 5–10 лет в советской физиологии возникнет новая физиологическая школа, которую с полным правом можно будет назвать школой Уголева»²⁸. И этот прогноз блестяще оправдался. 40 лет спустя лауреат Нобелевской премии, председатель Санкт-Петербургского центра РАН Ж. И. Алфёров в выступлении по телевидению сказал, что в Санкт-Петербурге есть две самые мощные школы мирового значения — школа А. Ф. Иоффе и школа А. М. Уголева.

За заслуги в области эволюционной физиологии Уголеву в 1990 г. была присуждена золотая медаль И. И. Мечникова АН СССР. В том же году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ранее ему был вручен орден Дружбы народов (1986). Он был членом президиума Ленинградского научного центра, членом Президиума Всесоюзного общества физиологов им. И. П. Павлова, почетным членом Британского гастроэнтерологического общества (один из 12 его почетных членов) и Венгерского гастроэнтерологического общества, а также Чехословацкого медицинского общества им. Я. Пуркине, награжден медалью Гиппократa. Биография Уголева опубликована в Итальянской энциклопедии, в английской версии «Кто есть кто?», где представлены только 1000 ученых всех времен и народов. В 1996 г. на здании Института физиологии РАН (наб. Макарова, д. 8) была открыта мемориальная доска, посвященная А.М. Уголеву. Символично, что она расположена рядом с мемориальными досками двух других корифеев отечественной физиологии — Леона Абгаровича Орбели и Ивана Петровича Павлова. Такое соседство, на мой взгляд, хорошо отражает роль А.М. Уголева в развитии мировой науки.

Воспоминания о сотрудничестве²⁹

Я познакомился с Александром Михайловичем Уголевым в начале 1983 г., когда вместе с крупнейшим специалистом по биосфере, сотрудником Всесоюзного геологического института им. А. П. Карпинского (ВСЕГЕИ) А. В. Лапо мы готовили конференцию «В. И. Вернадский и современная наука». Меня заинтересовала попытка А. М. Уголева сформировать концепцию трофосферы, охватывавшей трофические процессы и цепи на всех уровнях организации жизни — от молекулярного до биосферного. Александр Михайлович был любезен и согласился участвовать в планируемой конференции, при подготовке которой, как всегда, происходили разного рода накладки. Одной из них стала опечатка в его фамилии в программе, где Уголев был обозначен как «Углёв». Зная, как ученые порой болезненно реагируют на подобные ошибки, я позвонил Александру Михайловичу, чтобы заранее извиниться, не желая потом оправдываться, и по его голосу почувствовал, что он расстроился. Все же Александр Михайлович выразил надежду, что его не спутают с известным хирургом с похожей фамилией. Тогда я эту фамилию слышал впервые. Через несколько лет, уже во время перестройки, прочитав в газете некоторые высказывания, а затем и воспоминания его знаменитого почти что однофамильца, мне стали понятны опасения Уголева.

Конференция, в которой участвовали многие видные ученые в области биосферы и «вернадсковедения» (С. П. Горшков, Е. М. Крепс, Е. М. Лавренко, С. Р. Микулинский, И. И. Мочалов, Ю. И. Полянский, Г. С. Сеницына и др.), А. М. Уголева явно заинтересовала. Его выступление было оригинальным и строилось на новейших данных молекулярной биологии и биохимии.

Мы с ним стали периодически перезваниваться. Когда через год мы вместе со знаменитым эволюционистом и протистологом, членом-корреспондентом АН СССР Ю.И. Полянским задумали провести конференцию «Дарвинизм: история и современность», А. М. Уголев, как физиолог, не только вошел в состав оргкомитета вместе с членом-корреспондентом АН СССР В. Л. Свицерским, но активно участвовал в составлении программы, в подборе докладчиков и присутствовал на всех заседаниях конференции.

Во время конференции в декабре 1984 г. проходил заключительный этап подготовки выборов в АН СССР. Уголев баллотировался в академики не первый раз и с юмором говорил, что у него простая избирательная программа — «4 не», и далее пояснял: «Не член партии, не директор, не русский, не выездной». Такой набор в те годы, казалось, закрывал ему путь в действительные члены, так как в глазах партийного аппарата порой одного из этих «не» было достаточно, чтобы препятствовать избранию. К тому же Ленинградскому обкому не нравилась его активная позиция в 1977 г. в защите В. Н. Черниговского, которого по настоянию обкома тогда снимали с поста директора Института физиологии. В итоге на месте Черниговского тогда оказался один из главных будущих соперников А. М. Уголева при выборах в АН СССР в 1984 г. На этот раз они оба стали академиками 26 декабря 1984 г. Поздравляя Уголева, я сказал в шутку, мол, как полезно участвовать в наших конференциях, не прошло и двух недель после ее окончания, а вы уже действительный член АН СССР. Надо сказать, что в дальнейшем из 30 ее участников еще четверо стали членами АН СССР/ РАН (И. А. Захаров, С. Г. Инге-Вечтомов, Ю. В. Наточин, В. Л. Свидерский), что в общем составило около 20 % от общего числа ее участников. Если добавить, что один из участников конференции Н. Н. Воронцов был в 1989 г. на демократической волне назначен первым и единственным беспартийным министром СССР, то станет ясно, что нам с Ю. И. Полянским удалось подобрать не только уже признанную академическую элиту (М. В. Волькенштейн, А. В. Иванов, Е. М. Крепс, Л. П. Тараринов), но и ее будущих членов.

В то время А. М. Уголев интенсивно работал над книгой «Эволюция пищеварения и принципы эволюции функций» и в свойственной ему манере собирал максимальное количество различных мнений и соображений на развиваемые там идеи. Он попросил меня посмотреть рукопись. К тому времени я набил руку на редакторской работе и сразу же, просматривая при нем оглавление, указал на ряд неудачных формулировок в названиях параграфов (типа «критика химической эволюции»). Это, видимо, произвело на него впечатление. Он позвонил в лабораторию с просьбой срочно внести исправления. Рукопись уже была в стадии редакционной подготовки, менять много было нельзя, да

к тому же из обсуждаемых в ней тем я тогда кое-что знал только о современном состоянии проблемы происхождения жизни. Тем не менее, чтя просьбу академика, корректуру рукописи я взял с собой в отпуск в деревню и внимательно ее изучил.

В книге прежде всего поражала энциклопедичность подхода и глубина обсуждаемых теоретических и эволюционных проблем с позиций последних достижений биохимии и физиологии. Вообще широта и глубина – явления, как правило, несовместимые в науке. Широта обычно сочетается с дилетантизмом, когда обсуждается все и ничего конкретного, а глубина нередко ведет к потере перспектив исследования и неспособности осознать его общебиологическое значение. Здесь же автор высокопрофессионально обсуждал не только разработанную им самостоятельно концепцию функциональных блоков и их эволюционной роли, но излагал оригинальную теорию происхождения жизни и свою концепцию эволюции типов пищеварения, на базе которых уже выяснял общие принципы эволюции органического мира и, особенно, функциональной эволюции. Работа была безупречна в методологическом отношении. Позднее я узнал, что теоретик Уголев был блестящим экспериментатором, находившимся в непрерывном поиске нестандартных подходов к решению исследуемых задач и обладавшим редкой настойчивостью в реализации задуманного, чему способствовал уникальный талант хирурга. Он обладал также удивительной природной одаренностью – пытливым умом, пребывающим в непрерывном поиске новых задач и их решений, богатым воображением и интуицией, осторожностью в оценке итогов. Он умел в капле воды увидеть вселенную, но никогда не начинал рассуждать о ней до того, как поймет строение этой капли.

Ознакомившись с книгой, я выразил сожаление, что из-за большого объема и высокоспециализированного языка, она останется недоступной широким кругам биологов, и посоветовал подготовить ее более сжатый вариант. Александр Михайлович согласился и попросил меня быть ответственным редактором новой книги, так как, читая корректуру «Эволюции пищеварения и принципов эволюции», я пометил некоторые разделы книги, в которых автор излагал идеи и концепции, значение которых, по моему мнению, далеко выходило за пределы физиологии. После

некоторых раздумий я согласился с условием, что вторым ответственным редактором будет ближайшая сотрудница Уголева физиолог Наталия Николаевна Иезуитова, редактировавшая большинство его предыдущих книг. Это дало возможность познакомиться близко с этой бескорыстной труженицей науки, замечательным, глубоко преданным Александру Михайловичу человеком. Огромную помощь Уголеву оказывала также Вера Алексеевна Цветкова³⁰. Так, я оказался одним из ответственных редакторов книги «Естественные технологии биологических систем» (1987). Впоследствии Уголев давал мне и другие рукописи своих статей, затрагивающих проблемы эволюции и биосферы, на предмет критики. Каждый раз он благодарил за сделанные замечания, но учитывал только часть из них.

Постепенно Уголев стал участником подготавливаемых в ЛО ИИЕТ трудов по истории и теории эволюционной биологии, а также организуемых сектором истории и теории эволюционного учения семинаров и конференций. Его, пережившего различного рода препятствия в годы борьбы с «безродными космополитами», долгую безработицу, недоедание, особое состояние физиологического сообщества, когда с 1950-х гг. помнили, кто был «быковцем», а кто «орбелианцем», видимо, тянуло в созданный К. М. Завадским коллектив, где почти не было интриг, подсиживания, сплетен и других частых спутников многих творческих сообществ. Здесь он находил большое количество собеседников, готовых профессионально обсуждать с ним крупные проблемы теоретической и эволюционной биологии, которые, возможно, не всех интересовали в его родном Институте. Этот институт он, правда, очень любил и гордился тем, что работает там, где до него трудился И. П. Павлов и многие другие выдающиеся отечественные физиологи.

В ходе нашего сотрудничества Уголев был автором, членом редколлегии, рецензентом и даже редактором сборников и книг, изданных сектором, в том числе моей книги о биосфере³¹. Это не было формальным, титульным редактированием, как часто случается у академиков. Все статьи и книги, которые Уголев брался рецензировать или редактировать, он тщательно прочитывал, но, не желая обидеть автора, свои замечания всегда делал в виде предложений для дискуссии. Блестящий экспериментатор и те-

оретик, он каждое положение обсуждал с разных точек зрения и настойчиво искал пути его проверки. Уголев прекрасно понимал, как относительна истина в науке, и сам старался получить как можно больше замечаний на рукописи своих трудов, уделяя затем много времени обсуждению различных возражений против выдвигаемых им гипотез и теорий. Примером этому может служить раздел «Вместо послесловия (ответы на возникающие вопросы)» в книге «Естественные технологии биологических систем». По просьбе Уголева я дал рукопись А.Б. Георгиевскому, работавшему в это время над проблемой адаптации. Георгиевский сделал ряд принципиальных замечаний. Те, которые Александр Михайлович не принял, он тщательно обсудил в этом разделе.

Александр Михайлович несколько раз выступал на семинарах нашего сектора, конференциях, пленарных заседаниях Ленинградского общества естествоиспытателей. Его доклады каждый раз привлекали внимание большой аудитории, хотя внешне они не обладали яркими ораторскими качествами на фоне выступлений таких блестящих мастеров слова, как Ж. И. Алфёров, К. М. Завадский, С. Г. Инге-Вечтомов, Ю. В. Наточин, Ю. И. Полянский, Н. В. Тимофеев-Ресовский, С. С. Шварц и др. Создавалось обманчивое впечатление, что к лекциям Александр Михайлович заранее не готовился (что было совсем наоборот) и сложившейся концепции у него ещё нет. Поэтому докладчик задумывается над каждым предложением, мучительно подбирает нужные слова, делает большие паузы. На самом деле он просто продолжал думать и во время выступления. (Не случайно свой доклад Александр Михайлович часто записывал на магнитофон.) В конечном счете картина, наносимая какими-то неровными, неуверенными и рваными мазками, получалась грандиозной и завораживала слушателей, чувствовавших себя причастными к рождению чего-то великого.

Особенно подкупающим был мягкий юмор с малой долей иронии в ответах на вопросы, вскрывавший сразу бессмысленность дальнейшего обсуждения надуманных проблем. Например, в те годы была популярна гипотеза о пользе сыроядения и т. д. Одна из ее сторонниц настойчиво предлагала Александру Михайловичу признать преимущество сыроядения, но он осторожно отнекивался, указывая на огромное количество в сырых

овошах и фруктах трудно усваиваемых, а то и ядовитых компонентов. Но дама не желала сдаваться, доказывая, что при потреблении экологически чистых продуктов все было бы иначе и положительный эффект сыроядения был бы очевиден. Слегка улыбнувшись, Уголев ответил: «А где вы найдете экологически чистые продукты?» — и всем присутствовавшим стала очевидной бесполезность дискуссии на данную тему.

Резко он отзывался о попытках саморекламы, хвастовства, выпячивания своего я. Прослушав воспоминания одного из учеников К. М. Завадского в Доме ученых в ноябре 1987 г., он сказал, что негоже, когда воспоминания об учителе превращают в рассказ о себе, о своей талантливости и исключительности, которые ценил Завадский. Сам же он был сдержан и осторожен в своих воспоминаниях, полагая нескромным направо и налево щеголять именами учителей, что в научном мире означает определенную степень близости с великими мира сего. Зато он никогда не забывал назвать всех тех, у кого учился, и перечислить то, чему научился у них. В рассказах о них он всегда оставался почтительным и преданным учеником, следуя в этом самым высочайшим академическим образцам.

В 1988 г. Александр Михайлович случайно увидел меня в поликлинике АН СССР. Узнав, что у меня обнаружили стенокардию, не обращая внимания на протесты, он организовал мне консультации у лучших кардиологов города. Сам он в это время уже был тяжело болен³². С тех пор каждую неделю, а позднее порой два-три раза в неделю он приглашал меня на прогулки по Петроградской стороне, во время которых мы посещали с ним Ботанический сад, тогда еще открытый для всех желающих. Кончались эти прогулки заходом в булочную, где Александр Михайлович покупал батон себе и зачем-то обязательно мне, говоря продавщице: «Один батон профессору». Первый раз, когда продавщица услышала это, то, взглянув на меня, прыснула со смеха. Вероятно, мой расхлыстанный вид и тогда еще не столь дряхлый возраст (44 года) не соответствовал ее представлениям о профессуре. Я сказал Уголеву, что она скорее всего решила, что «профессор» это моя блатная кличка. Ему шутка понравилась, и он повторял ее в течение нескольких лет при традиционных покупках батона. Мне всегда было неудобно, что Александр

Михайлович подавал или брал у меня пальто, помогал его одеть, когда я был в гостях у него в лаборатории или дома, что он никогда не позволял заплатить за него, если он приглашал зайти выпить кофе. Я пытался в таких случаях протестовать, грозился, что не пойду с ним больше гулять, так как мне стыдно все время угощаться за его счет. Все было тщетно. Он всегда говорил, что так поступали с ним профессора в годы его молодости.

Общение с Уголевым, длительные беседы, которые он особенно любил вести во время прогулок в 1998–2001 гг., были школой воспитания подлинного отношения к науке как постоянному поиску новых фактов, аргументов, доказательств, формулировок. При этом я часто спорил с ним, что его только раззадоривало в отыскивании новых путей в разработке своих теорий. Он обладал огромными познаниями в различных отраслях биологии, философии, истории и литературы. Человек редкого юмора, Александр Михайлович умел интересно и слегка иронично рассказывать о различных перипетиях своей судьбы, о выдающихся людях, с которыми ему довелось встречаться. К сожалению, полагаясь на свою память, я тогда ничего не записывал, о чем сейчас горько сожалею. В беседах с ним всегда поражало его мастерство дать краткие, но очень образные характеристики людей и оценки событий, иногда на первый взгляд парадоксальные, но оказавшиеся очень справедливыми. Благодаря ему я лучше стал понимать механизм функционирования академического сообщества, которое при всех его недостатках оставалось в СССР островком стабильности и порядочности в социуме разлагавшегося развитого социализма.

Именно об академическом сообществе мы говорили чаще всего. Какими-то неведомыми мне путями Александр Михайлович был связан со многими учеными разных специальностей (философами, физиками, математиками). Эта была мощная сеть поддерживавших друг друга людей по неведомым мне соображениям. Имена их всех были на слуху. Как правило, это были действительно видные ученые в своих отраслях знаний. В то время в печати активно обсуждалась Научная сессия АН СССР и АМН СССР летом 1950 г., на которой по указанию И. В. Сталина был осужден академик Л. А. Орбели и его последователи, как якобы отошедшие от учения И.П. Павлова. Последствия той сессии до

сих пор как-то сказываются в сообществе физиологов, хотя дав-но нет ни главных героев тех событий К.М. Быкова и Л. А. Орбели, ни их учеников, и даже большинства учеников их учеников. К числу последних относился и А. М. Уголев, а его учитель В.Н. Черниговский входил в число воспитанников К. М. Быкова. Из уголевских рассказов следовало, что ни Черниговский, ни Быков не гордились своим участием в разгроме школы Л. А. Орбели. Выбор Сталиным Быкова на роль лидера советской физиологии, по мнению Александра Михайловича, был предопределен службой К. М. Быкова в годы гражданской войны в армии А. В. Колчака. (Кстати, этот факт в советское время тщательно скрывался, и о нем я впервые узнал от Уголева.) Человек с подобным изъяном в биографии, по мнению советских властей, должен был чувствовать себя все время «на крючке»; власть, видимо, считала, что им легче было манипулировать.

На самом же деле это было не так или не всегда так, хотя впоследствии мне стало понятно, что это был излюбленный прием советской системы. Так, С. И. Вавилов, безумно любивший своего брата Н.И. Вавилова, умершего от голода в саратовской тюрьме, был в 1945–1951 гг. президентом АН СССР, часто встречаясь с организаторами и исполнителями убийства брата. Президент АН СССР М. В. Келдыш (1961–1975) также имел репрессированного брата, а сменивший его на этом посту А. П. Александров (1975–1986) служил в армии адмирала П. Н. Врангеля. В копиях документов отдела науки ЦК КПСС, предоставленных мне в Ганновере профессором М. Хайнеманном, я нашел следующие сведения: поступил сигнал о том, что А. В. Топчиев в начале 1930-х годов скрыл свое социальное происхождение при вступлении в партию (а это было тогда страшным преступлением). После подтвердившей сигнал проверки и началась быстрая академическая карьера Топчиева: в 40 лет он стал главным ученым секретарем Президиума АН СССР, а затем и ее вице-президентом.

Однако особенность академической среды заключались в том, что подавляющее большинство ее руководителей, даже присланные сверху, как, например, Н. И. Бухарин, В. М. Волгин, Г. М. Кржижановский, К. В. Островитянов и др., оказавшись академиками, быстро проникались ценностями и интересами академического сообщества и начинали их отстаивать

перед властями. Рассказы Уголева о поведении тех или иных руководителей АН СССР в коридорах власти подтверждали тот удивительный факт, что даже партийные функционеры, поставленные властями для «присмотра» за научными сообществом, становились быстро его «лазутчиками», по меньшей мере — его информаторами о веяниях в коридорах власти, и старались по мере сил и возможностей нейтрализовать планы и намерения, вредные для науки. Правда, бывало и наоборот. Бывшие ученые, став чиновниками партийно-государственного аппарата, в дальнейшем отстаивали прежде всего уже его политику, в том числе и по отношению к науке. В целом, это вполне естественно: где получаешь деньги, тому и служишь.

Уголев был великолепным поэтом, автором философски мудрых, иногда ироничных, а порою и весьма язвительных стихов о своих коллегах. Так, например, К. М. Быков, по рассказам Уголева, был несколько шокирован его стишком, написанным без должного почтения:

Речь сказал и был таков

Академик К. Быков.

Эти стихи академик обнаружил на кафедре в Военно-медицинской морской академии. А. М. Уголев и Б. С. Кулаев, видимо, полагали, что шеф, приезжавший в ВММА раз в неделю, никогда не заглядывает в ящики стола, и из озорства хранили в нем сапоги, бутылку водки и стихи, многие из которых были далеко не столь безобидного содержания. Но вот о них К. М. Быков, видимо, никому не рассказывал. Во всяком случае, Уголева никуда не вызывали по этому поводу, что было бы неизбежно в те годы, если бы об этом стало известно. Из стихотворений Уголева мне больше всего нравится следующее:

Ни спасение, ни искус
Не приходят ниоткуда,
Каждый сам себе Иисус
Каждый сам себе Иуда.

К сожалению, сборник его поэтических сочинений³³ вышел только после смерти Александра Михайловича, подготовленный и изданный малым тиражом его сыном Дмитрием

Александровичем Уголевым, также талантливым ученом, временно ушедшим в 2002 г. Насколько мне известно, туда вошли далеко не все стихи, но некоторые из них я запомнил со слов Александра Михайловича. Эти стихи, на мой взгляд, стоило бы усвоить всем радикальным реформаторам, готовым, не задумываясь о последствиях, немедленно приняться за построение «нового, нашего мира». Они показались мне очень актуальными в 1991 г.:

Когда традиции ломать,
Не плохо было бы понять,
Традиции отнюдь не целка,
А многоопытная б...

Уголев рассказывал интересную историю, связанную со стихами и будущим лауреатом Ленинской и Государственных премий, автором классической книги «Непостоянство генома» Р. Б. Хесиним-Лурье, чей путь в науку был также тяжким. В середине 1950-х гг. они — два кандидата наук — вместе искали работу по специальности. Вернее поисками, по словам Уголева, занимался москвич Хесин, а живший у него ленинградец Уголев писал стихи, черновики которых бросал в мусорное ведро. Когда, наконец, Александру Михайловичу удалось куда-то устроиться почасовиком читать лекции, он был удивлен, что при его появлении в аудитории девочки стали перешептываться: «Уголев», «сам Уголев», «тот самый Уголев». На первых порах он наивно вообразил, что его научные труды уже столь популярны, что известны даже юному поколению студентов. Позднее выяснилось, что они знают отнюдь не Уголева-ученого, а Уголева-поэта. Оказалось, что Роман Бениаминович, убирая в комнате, доставал из мусорной урны написанные Уголевым стихи, переписывал их, давал почитать друзьям, те своим друзьям и т. д.

В наших беседах на разные темы Уголев высказывал ряд замечаний о принципах, которым он старался следовать в жизни. Многие из них были созвучны моим убеждениям. Я полностью был согласен с ним в том, что в науке нет чистой и грязной работы, и что любое дело, сколь бы оно не было неприятным, надо любить. Более того, чем неприятнее оно, тем больше следует его любить, в противном случае оно станет невыносимым³⁴.

При всем своем слегка ироничном отношении к окружающему Уголев оставался подлинным патриотом страны, гордился ею и никогда не понимал эмигрантов. Вместе с тем он переживал, что в СССР только мужественный человек может быть порядочным. С его точки зрения, абсурдно, что честное, порядочное и гражданское поведение требует мужественности, так как может быть расценено властями как политическая неблагонадежность и оппозиционность. Он скептически относился к диссидентским движениям, большинство из которых, по его мнению, в брежневский период находилось под прямым или косвенным контролем КГБ, использовавшим их для выявления и вылавливания недовольных.

Вообще в нем ощущалась какая-то мудрая осторожность и терпимость к людям. Уголев не смог присутствовать на защите моей докторской диссертации в феврале 1986 г., во время которой в аудиторию были брошены несколько анонимок. С подобными вещами я лично сталкивался впервые и был шокирован. У нас в ЛО ИИЕТ такие вещи не практиковались, я не знал, как реагировать. Когда я встретился с Уголевым, то на его вопрос, как я оцениваю происходящее и что собираюсь делать, я сказал: «Найти и наказать подлых врагов». На это Александр Михайлович медленно произнес: «Тайные враги — это еще не враги». И я сразу успокоился. Стало смешно тратить на них время и силы.

В каждом поступке и суждении Уголева ощущались его глубокая убежденность в ответственности ученого за все происходящее, чувство гражданского долга, простое человеческое сочувствие и отзывчивость. И все это делалось отнюдь не для пиара, так как он никогда не рассказывал о своих благородных поступках. Встречаясь с ним для многочасовых бесед еженедельно, я порою только спустя 20 лет узнаю о чем-то удивительно гражданском, что он делал в те годы. Буквально на днях я узнал от нынешнего директора Библиотеки АН СССР В.П. Леонова, что в трагические дни ликвидации последствий пожара в марте 1988 г., когда на всех уровнях говорили о необходимости помочь спасти уцелевшие, но залитые водой книги, из членов АН СССР только А.М. Уголев и ректор ЛГУ С.П. Меркурьев приходили в БАН и постоянно забирали домой на просушку по 15 книг. И об этом они никому не расска-

зывали. Он никогда не произносил высокопарные слова или филиппики против негодяев.

За границу, в капиталистические страны, Уголев впервые выехал только в разгар перестройки и сразу получил заманчивое приглашение создать лабораторию в одном из самых престижных университетов США и баснословную для того времени зарплату в долларах с четырьмя нулями. В то время многие мечтали, куда бы уехать из разваливавшейся страны. На мой несколько удивленный вопрос, что его остановило, Уголев ответил очень просто и понятно для меня, жившего некоторое время в Эстонии: «Мне трудно жить там, где я не понимаю шуток».

Несмотря на мировую известность своих открытий и высокий статус в академическом сообществе Уголев страдал от мелких унижений, которым подвергал его директор собственного института. Раза два, в том числе во время празднования 60-летнего юбилея Уголева, я видел, как он делал это очень демонстративно, порою без внешнего соблюдения академического этикета. Действительного члена АН СССР Уголева в период перестройки не избрали даже членом Бюро Ученого совета собственного Института физиологии им. И. П. Павлова, где он проработал более тридцати лет и которому во второй половине XX века — а это был в целом не очень удачный для отечественной физиологии период — он вернул мировую известность. Чтобы вывести его из этого положения Академия наук собиралась создать для Уголева Институт трофологии в Москве, но здесь воспротивился первый секретарь Московского горкома партии Б. Н. Ельцин, уже тогда убежденный, что ученые России не нужны.

Как-то с горечью Александр Михайлович сказал мне, что его наградили орденом Трудового Красного Знамени, в то время как притеснявшего его директора — орденом Ленина. Я удивился, что из-за этого можно расстраиваться, ведь награждают люди, а им свойственно ошибаться. Да и что стоят награды в стране, где еще недавно некоторых героев увозили в ГУЛАГ прямо из Кремля после награждения. К тому же даже мне, далекому от проблем физиологии вегетативной нервной системы, казалось, что научные эксперименты его обидчика, выходца из Ленинградского обкома КПСС, по целям и результатам находятся на уровне конца XIX века. Я был уверен, что, несмотря на акаде-

мические звания их исполнителя, они будут забыты сразу после его смерти, в то время как идеям Уголева суждена долгая жизнь в науке. Судя по Интернету, мой давний прогноз оправдался. Но Александр Михайлович тогда продолжал что-то говорить об общественном признании, о престижности и т. д. Видно, здесь ему явно изменило чувство юмора.

Жена Александра Михайловича Софья Владимировна — кандидат медицинских наук, великолепный эндокринолог — всю трудовую жизнь, за исключением лет, проведенных в Москве, работала в Институте акушерства и гинекологии им. Д. О. Отта. Надежный друг и помощник Александра Михайловича, Софья Владимировна делала все от нее зависящее для создания наилучших условий для работы мужа. Их сын Дмитрий Александрович в 39 лет, через полгода после смерти отца (в 1992 г.) защитил диссертацию на звание доктора технических наук «Алгоритмизация решения задачи адаптивного составления биологических и экологических систем физико-химическими методами трофологии и адаптивного питания». В ней он проявил себя как очень одаренный и перспективный ученый. Он был химик, физиолог, психолог, филолог, причем везде строил математические модели. Свободно владел несколькими языками, мог синхронно переводить с английского и польского, занимался экологией человека, а также физиологией, биохимией и гигиеной питания.

Александр Михайлович дал ему имя в честь создателя Института цитологии Академии наук СССР члена-корреспондента АН Дмитрия Николаевича Насонова — одного из самых непримиримых противников О.Б. Лепешинской, который пожертвовал постом директора Института экспериментальной медицины АМН, подвергался гонениям в начале 1950-х гг., но от своих научных убеждений не отказался. Дмитрия Александровича воспитали в суровых спартанских условиях. По его рассказам, Александр Михайлович ничего не сделал для того, чтобы как-то помочь сыну, хотя бы в начале научной карьеры. Он должен был всего добиваться сам и успел опубликовать более 90 работ. После защиты кандидатской диссертации Дмитрий Александрович преподавал в вузах Ленинграда и в Академию наук попал уже в разгар кризиса и должен был мотаться по всей стране, чтобы в потогонной системе преподавания по 10–12 часов в день зара-

батывать средства для существования себе и матери. В Институте специальной педагогики и психологии Международного университета семьи и ребенка им. Рауля Валленберга он читал разработанные им курсы «Физико-химический метод анализа состава и контроля качества пищевых продуктов» и «Экология человека». И сейчас его слушатели из разных городов приезжают в Санкт-Петербург для защиты диссертаций. На разработку любимой темы о формировании пищевых предпочтений времени практически не было.

Последний раз я видел Дмитрия Александровича в декабре 2001 г. в Репино, где вместе с членом-корреспондентом РАМН с В. О. Самойловым я был сопредседателем круглого стола, посвященного научному наследию Александра Михайловича. Мы провели с ним почти два дня в постоянных беседах и дискуссиях, которые очень напоминали разговоры с отцом — то же редкое сочетание ума, благородства, чувства долга и доброжелательности. К несчастью, 31 марта 2002 г., всего три с небольшим месяца спустя после нашей с ним встречи, его не стало. В его честь выпущен сборник «Историческая психология и ментальность». Девиз сборника «Конфликт. Риск. Дезадаптация». И я до сих пор не могу примириться, что нет на свете этого молодого, прекрасно воспитанного и на редкость талантливого человека, способностям которого не суждено было реализоваться в новой России.

Последние месяцы своей жизни Александр Михайлович с нарастающей тревогой смотрел на происходящее. Его беспокоило положение социально наименее защищенных слоев общества, особенно детей, стариков и больных, дефекты несбалансированного питания и их возможные последствия, экологическая и криминальная обстановка в городе, только что вернувшем свое историческое имя. Наши встречи становились все чаще. Видно, что ему необходимо было перед кем-то выговориться по поводу того, что вопреки всякой логике рушится великая страна, а вместе с тем дело, которому он отдал весь свой уникальный талант и жизнь. Обо всем этом мы говорили с ним буквально накануне его смерти 31 октября. А 2 ноября 1991 г. Уголева не стало. По прихотливому стечению обстоятельств это произошло через 14 лет в день смерти моего учителя К.М. Завадского, а через

15 лет в тот же день у меня появился внук Савелий. Воистину праздничный день со слезами на глазах.

-
- ¹ Так как архив А. М. Уголева до сих пор не обработан, биографические сведения для этой статьи почерпнуты в ряде юбилейных изданий, в справочниках и энциклопедиях, базировавшихся часто на данных отдела кадров, которые не всегда были полными, а порой и не согласовывались друг с другом. В связи с этим многие важные эпизоды жизненного и научного пути А. М. Уголева приведены на основе многочисленных многочасовых бесед с ним, проходивших в период 1984–1991 гг., включая специальное интервью, взятое в апреле–мае 1990 г. за несколько встреч, и уточнены у его коллег и учеников (Александра Даниловича Ноздрачева, Владимира Олеговича Самойлова, Юрия Викторовича Наточина, Андрея Андреевича Груздкова, Веры Алексеевны Цветковой). Всем я искренне благодарен за помощь, которую они оказывали очень охотно. Особая благодарность вдове Уголева Софье Владимировне Уголевой, снабдившей меня не только важными сведениями, которые не найти ни в одном архиве, но разрешившей опубликовать ряд фотографий, хранящихся у нее в доме. Недостатки статьи, носящей скорее характер воспоминаний, неизбежно очень субъективной, — всецело вина автора, который заранее просит прощения у всех, кого, возможно, невольно обидел.
- ² Приводятся и другие даты жизни отца: 1894–1981. См.: Жизненный и творческий путь академика А. М. Уголева (1926–1991) // Актуальные проблемы физиологии пищеварения и питания: Всероссийская конференция с международным участием, посвященная 80-летию академика А. М. Уголева (1926–1991). Санкт-Петербург. 3–5 октября 2006 года. Материалы конференции. СПб., 2006. С. 4.
- ³ Груздков А. А., Тимофеева Н. М. К 80-летию академика Александра Михайловича Уголева: (1926–1991) // Российский физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2006. Т. 92. № 3. С. 383.
- ⁴ Актуальные проблемы физиологии пищеварения и питания. С. 7.
- ⁵ Колчинский Э. И. Трудные годы науки глазами одного физиолога (интервью с академиком А. М. Уголевым) // Репрессированная наука. Л., 1994. Вып. II. С. 178.
- ⁶ Там же. С. 182.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Уголев А. М. Пищеварение и его приспособительная эволюция. М., 1961.

- ⁹ Уголев А. М. Результаты полного удаления двенадцатиперстной кишки и ее общие гормональные эффекты // Докл. АН СССР. 1960. Т. 133.
- ¹⁰ Уголев А. М. Энтеринная (кишечная) гормональная система: Трофологические очерки. Л., 1978
- ¹¹ Открытие мембранного пищеварения (интервью с членом-корреспондентом АН СССР А. М. Уголевым) // ВИЕТ. 1981. № 1. С. 130. (Интервью вел М. Г. Ярошевский.)
- ¹² *Иезуитов Н. Н., Тимофеева Н. М., Смирнов К. В.* Академик Александр Михайлович Уголев: Развитие научных идей // Успехи физиологических наук. 1993. Т. 24. № 3. С. 4.
- ¹³ Уголев А. М. О существовании пристеночного (контактного) пищеварения // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. 1960. Т. 40. № 1.
- ¹⁴ *Ugolev A. M.* Influence of the surface of the small intestine on enzymatic hydrolysis of starch by enzymes // Nature. Vol. 188. P. 588–589.
- ¹⁵ *Ugolev A. M.* Membrane (contact) digestion // Physiological Review. 1965. Vol. 45. № 4.
- ¹⁶ Открытие мембранного пищеварения. С. 133.
- ¹⁷ *Crane R. K.* 15 years of struggle with the brush border // Intestinal absorption and malabsorption. 1975. № 4.
- ¹⁸ Направления исследований и основные достижения Уголева в разработке представлений о мембранном пищеварении см. подробнее: *Иезуитов Н. Н., Тимофеева Н. М., Смирнов К. В.* Академик Александр Михайлович Уголев: Развитие научных идей // Успехи физиологических наук. 1993. Т. 24. № 3. С. 3–23.
- ¹⁹ К сожалению, единственный в России экземпляр этого издания находится в архиве, и я не смог дать его библиографическое описание.
- ²⁰ Уголев А. М. 1) Пристеночное (контактное) пищеварение. М.; Л., 1963; 2) Физиология и патология пристеночного (контактного) пищеварения. Л., 1967; 3) Мембранное пищеварение. Полисубстратные процессы, организация и регуляция. Л., 1972; и др.
- ²¹ Уголев А. М. Трофология — новая междисциплинарная наука // Вестник АН СССР. 1980. № 1.
- ²² Уголев А. М. 1) Структурная и функциональная интеграция процессов мембранного гидролиза и транспорта (гипотеза «пермеома») // Физиологический журнал СССР. 1977. Т. 63. № 2; 2) Гипотеза о возможности эволюции и специализации функций на основе рекомбинации и транслокации элементарных функциональных блоков // Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 1982. Т. 18. № 1.
- ²³ Уголев А. М. Эволюция пищеварения и принципы эволюции функций. Л., 1985.

- ²⁴ Уголев А. М. Естественные технологии. Л., 1988.
- ²⁵ Уголев А. М. Теория адекватного питания и трофология. СПб., 1991.
- ²⁶ Груздков А. А., Тимофеева Н. М. К 80-летию академика Александра Михайловича Уголева. С. 383.
- ²⁷ Иезуитова Н. Н., Тимофеева Н. М., Егорова В. В., Груздков А. А. К 75-летию со дня рождения академика. Уголев Александр Михайлович: 1926–1991 // Российский физиологический журнал им. И. М. Сеченова. 2001. Т. 87. № 3. С. 422.
- ²⁸ Актуальные проблемы физиология пищеварения и питания. С. 9.
- ²⁹ В дальнейшем я специально избегаю ссылок, чтобы не придавать характера документальности очень субъективным воспоминаниям.
- ³⁰ Позднее мне довелось поближе познакомиться и с другими сотрудниками и учениками Уголева, имена которых я здесь не буду называть, боясь кого-то пропустить. На них всех лежал отпечаток многолетнего общения с ним и включенности благодаря этому в большую науку.
- ³¹ Колчинский Э. И. Эволюция биосферы. Историко-критические очерки исследований в СССР. Л., 1990.
- ³² Первый инфаркт у него был в 1972 г., сколько было потом, сосчитать невозможно. Во время прогулок он часто останавливался, глотая сосудорасширяющие препараты.
- ³³ Уголев А. М. Стихи. СПб., 2001.
- ³⁴ Это вообще обычный механизм приспособления человека к тяжелым условиям, в том числе и к тоталитарному режиму. Благодаря врожденному чувству любить то неприятное, чего избежать нельзя, народ любит тиранов, и чем они более жестоки, тем более их обожают. Ведь в противном случае от ненависти и страха сходили бы с ума. А так даже у репрессированных подспудно жила надежда, что за искреннюю любовь к тирану пощадят или, во всяком случае, репрессируют одним из последних.

Сведения об авторах

Андреева Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Ансберг Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов.

Барыкина Инна Евгеньевна — кандидат исторических наук, преподаватель средней школы.

Биркенмайер Вилли — доктор славистики, профессор Гейдельбергского университета (Германия).

Богданов Николай Николаевич — кандидат медицинских наук, доцент Московского института открытого образования.

Вагеманс Эммануэль — доктор славистики, профессор, заведующий кафедрой славистики при Католическом университете Левена (Бельгия).

Веселова Нина Александровна — переводчик Всероссийского алюминиево-магниевого института.

Виноградов Юрий Абрамович — сотрудник Санкт-Петербургского филиала Архива РАН в 1957–1990 гг.

Владимиров Виктор Георгиевич — доктор медицинских наук, профессор Санкт-Петербургского политехнического университета, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки, заведующий лабораторией НИИ военной медицины Министерства обороны РФ.

Волчук Янина — доктор славистики, профессор кафедры русского языка Вроцлавского университета (Польша).

Вольфцун Ольга Владимировна — научный сотрудник Государственного музея истории религии.

Гагарин Андрей Петрович — доктор физико-математических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного политехнического университета.

Дмитриев Антон Леонидович — кандидат экономических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Дунаевская Наталия Вениаминовна — кандидат технических наук, член Научно-технического общества радиоэлектроники и связи им. А. С. Попова.

Жуков Вадим Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

Коломинов Вячеслав Васильевич — кандидат исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

Колчинский Эдуард Израилевич — профессор, доктор философских наук, директор Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Конашев Михаил Борисович — кандидат биологических наук, заместитель директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Купайгородская Анжелина Павловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Макарова Марина Алексеевна — младший научный сотрудник Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН.

Манойленко Ксения Викторовна — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Маркович Владимир Маркович — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Медведев Игорь Павлович — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Попова-Яцкевич Елена Гдальевна — член Русского Генеалогического общества.

Рогова Наталья Борисовна — главный библиотекарь Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Романов Владимир Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Орловского государственного института культуры.

Северинова Вера Павловна — сотрудник Мемориального музея им. А. С. Попова.

Смирнова Татьяна Глебовна — научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН.

Соломонов Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Терюков Александр Иванович — кандидат исторических наук, заведующий Отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН.

Удалов Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского.

Урвалов Виктор Александрович — ученый секретарь Мемориального музея им. А. С. Попова.

Флоринский Михаил Федорович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Фролов Эдуард Давидович — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Хартанович Маргарита Федоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Чепарухин Владимир Викторович — кандидат физико-математических наук, доцент Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета.

Чумакова Татьяна Витаутасовна — доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.

Содержание

Памяти Михаила Шмильевича Файнштейна

<i>М. Ф. Хартанович.</i> Памяти ученого	5
<i>В. Биркенмайер.</i> Воспоминания о М. Ш. Файнштейне	8
<i>Э. Вагеманс.</i> Мой «португальский» друг Миша Файнштейн	13
<i>В. В. Коломинов.</i> Дорога к «Храму муз словесных»	19
<i>Н. А. Веселова.</i> Воспоминания	27
Михаил Шмильевич Файнштейн. Биобиблиографический указатель	36

История науки и техники

<i>М. Ф. Хартанович.</i> К истории организации фондов поддержки науки в России в XIX в.: президент Императорской Академии наук граф С. С. Уваров и Уваровские награды	55
<i>А. П. Гагарин.</i> А. Г. Гагарин — русский ученый-механик	69
<i>В. А. Соломонов.</i> Врачебно-санитарная и научно- организаторская деятельность В. И. Разумовского на Кавказе	89
<i>В. В. Романов.</i> Революционер и ученый В. Г. Богораз-Тан: его вклад в улучшение благосостояния народов российского Севера	101
<i>К. В. Манойленко.</i> Академик А. С. Фаминцын — ученый и общественный деятель (к 120-летию со дня рождения)	112

<i>М. А. Макарова.</i> Вклад императорских садоводов-ботаников Елагина острова в развитие оранжерейной и садовой культуры (середина XIX – начало XX в.)	123
<i>В. В. Чепарухин.</i> Д. И. Менделеев и Санкт-Петербургский Политехнический институт.....	136
<i>А. Л. Дмитриев.</i> Владимир Иванович Зазерский и развитие бухгалтерского учета	154
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Некоторые оппозиционные действия неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга (1917–1929 гг.).....	165
<i>В. Г. Владимиров.</i> Эльбрусские экспедиции академика АМН СССР Г. Е. Владимирова	185
<i>М. Б. Конашев.</i> Ровесник генетики, ровесник века: Ф. Г. Добржанский (1900–1975 гг.).....	193
<i>А. И. Терюков.</i> Г. С. Лыткин – коми-зырянский просветитель	229
<i>В. П. Северинова.</i> Лев Иванович Шпергазе	245
<i>Н. В. Дунаевская, В. А. Урвалов.</i> Борис Александрович Рчеулов (Рчеули) – пионер видеотехники и звукового кино.....	258
<i>Е. Г. Попова-Яцкевич.</i> Виктор Иванович Яцкевич – историк церкви	270

История исторической науки

<i>Э. Д. Фролов.</i> У истоков русского неоклассицизма: А. Н. Оленин и С. С. Уваров	293
<i>И. П. Медведев.</i> Г. А. Розенкамф и его законодательная деятельность в свете неопубликованных мемуаров современника.....	331
<i>С. В. Удалов.</i> С. П. Шевырев и пропаганда официальной идеологии в николаевской России (1830-е – 1840-е гг.)....	353
<i>Н. Б. Рогова.</i> Историк об историке (Оценка А. Н. Пыпиным трудов И. М. Снегирева)	370
<i>И. Е. Барыкина.</i> Граф Д. А. Толстой как историк.....	404
<i>А. П. Купайгородская.</i> Профессор М. К. Лемке в наступлении: «чужой» против своих	436
<i>О. В. Вольфцун.</i> Александр Германович Вульфцун (1880–1941 гг.)	447

<i>Т. Г. Смирнова. О творчестве и жизни В. Г. Дружинина (к биографии ученого)</i>	469
---	-----

Публикации

История Академии наук в трудах академика А. А. Куника (<i>вступительная статья, публикация и комментарии Т. В. Чумаковой</i>)	501
Письма П. Б. Струве А. М. Рыкачеву (<i>вступительная статья, публикация и комментарии О. Н. Ансберг</i>)	519
Письма С. Н. Чернова С. Ф. Платонову. 1915–1922 гг. (<i>вступительная статья, публикация и комментарии Т. В. Андреевой и В. А. Соломонова</i>)	529
Блокадные письма корабеля В. И. Першина (<i>вступительная статья, публикация и комментарий В. Ю. Жукова</i>)	577

Люди и судьбы

<i>М. Ф. Хартанович. Деятельность Бенедикта Ивановича Дыбовского (по архивным источникам, хранящимся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН)</i>	635
<i>Н. Н. Богданов. Михаил Волоцкой и его «Хроника рода Достоевского»</i>	643
<i>Я. Волчук. Академик П. П. Дубровский — педагог</i>	678
<i>В. М. Маркович. Наследник высоких традиций. Г. А. Бялый</i>	686
<i>М. Ф. Флоринский. Леонид Сергеевич Семенов. Штрихи к портрету ученого</i>	708
<i>Э. И. Колчинский. «Великий антилысенковец»</i>	717
<i>Э. И. Колчинский. Александр Михайлович Уголев</i>	748
Сведения об авторах	777

**ДЕЯТЕЛИ
РУССКОЙ НАУКИ
XIX–XX веков**

Выпуск четвертый

Редактор *В. П. Мартыненко*
Корректор *Г. В. Засыпкина*
Компьютерная верстка *Л. А. Философова*

Подписано в печать 05.09.2008. Формат 60х84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg
Уч.-изд. л. 49. Тираж 500. Заказ № 863.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23